

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. В.И. Вернадского**
Научный журнал

Серия «Филология. Социальные коммуникации»

Том 27 (66). № 1. Ч.1

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского

Симферополь, 2014

Редакционная коллегия:

Багров Н.В. – д-р геогр. наук, проф., член-корр. НАНУ(председатель)
Шульгин В.Ф. – д-р хим. наук, проф. (зам. председателя)
Дзедолик И.В. – д-р физ.- мат. наук, проф. (секретарь)

Члены совета (редакторы серий)

Богданович Г.Ю. – д-р филол. наук, проф.	Копачевский Н.Д. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Берестовская Д.С. – д-р филос. наук, проф.	Лазарев Ф.В. – д-р филос. наук, проф.
Вахрушев Б.А. – д-р геогр. наук, проф.	Подсолонко В.А. – д-р экон. наук, проф.
Габриелян О.А. – д-р филос. наук, проф.	Темурьянц Н.А. – д-р биолог. наук, проф.
Казарин В.П. – д-р филол. наук, проф.	Ротань В.Г. – д-р юрид. наук, проф.
Кальной И.И. – д-р филос. наук, проф.	Шульгин В.Ф. – д-р хим. наук, проф.
Канов А.А. – д-р экон. наук, проф.	Петрова Э.Б. – д-р ист. наук, проф.

Редакционный совет серии «Филология. Социальные коммуникации»

Богданович Г.Ю. – д-р филол. наук, проф., ТНУ (редактор раздела «Социальные коммуникации»)
Казарин В.П. – д-р филол. наук, проф., ТНУ (редактор раздела «Филология»)
Александров А.В., д-р филол. наук, проф., Одесский национальный университет
Борисова Л.М., д-р филол. проф., ТНУ
Гуменюк В.И., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Ищенко Н.А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Меметов А.М., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Новикова М.А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Селендили Л.С., канд. филол. наук, доц., ТНУ
Орехова Л.А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Петренко А.Д., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Прайд Ю.Ф., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Ризун В.В., д-р филол. наук, проф., Ин-т журналистики Киевского нац. ун-та
Сидоренко Н.Н., д-р филол. наук, проф., Ин-т журналистики Киевского нац. ун-та
Ященко Т.А., д-р филол. наук, проф., ТНУ
Егорова Л.Г., канд. филол. наук, доц., ТНУ (ответственный секретарь)

Печатается по решению Ученого Совета
Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Протокол № 4 от 19.05.2014 г.

© **Таврический национальный университет, 2014 г.**

Подписано в печать 15.05.2014. Формат 60x84 2/3 усл. изд. л. 37,5. Тираж 500.

Отпечатано в типографии издательства "Оджакь".

ул. Трубаченко, 23а, г. Симферополь, 95040

«**Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського**»

Науковий журнал. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». Том 27 (66). № 1. Ч.1

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В.І.Вернадського, 2014

Журнал заснований у 1918 р.

<http://www.nbuv.gov.ua/portal/natural/uztnu/texts.html>

Адреса редакції: проспект Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано у типографії видавництва "Оджакь"

вул. Трубаченко, 23а, м. Сімферополь, 95040

РАЗДЕЛ 1. МИРОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ. ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.161

О языковой норме, эколлингвистике и ноосферном мышлении

Богданович Г.Ю., Коновалова Е.А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым*

Направлений, изучающих языковую норму в лингвистике, несколько, но каждое из них (направлений) рассматривает только один аспект этой проблемы. Мы считаем, что назрела необходимость объединить эти направления исследования. Новое направление в языкознании должно строиться на основе комплексного подхода к изучению нормы: от истории ее становления, эволюции до изучения сегодняшнего состояния. Эти идеи перекликаются с ноосферным мышлением в науке о языке. Первый этап в становлении этого направления видится в изучении изменений норм русского языка на протяжении последних двадцати лет на территории полилингвокультурного Крыма.

Ключевые слова: языковая норма, эколлингвистика, ноосферное мышление.

«Нормой литературного языка обычно признается относительно устойчивый способ языкового выражения [или способы выражения], отражающий внутренние закономерности развития языка, социально принятый и закрепленный в лучших образцах современной литературы» [20, с. 4.]

Норма является одновременно и собственно лингвистической и социально-исторической категорией. Социальный аспект нормы проявляется не только в отборе и фиксации языковых явлений, но и в системе их оценок [«правильно — неправильно», «уместно — неуместно»], причём эти оценки включают и эстетический компонент [«красиво — некрасиво»]. В качестве социально-исторической категории языковая норма входит в ряд норм и обычаев, представленных в обществе в разные периоды его развития [13].

Норма пронизывается все разделы языка. Как формируется, развивается и изменяется норма, изучают несколько направлений лингвистики.

Изначально понятие «Норма литературного языка» являлось центральным понятием учения о правильности речи и о ее культуре.

Понятие нормы, давно известное из языковой и нормализаторской практики, лишь в языкознании 20 в. получило теоретическое обоснование и стало изучаться в разных аспектах в разделах общего языкознания, [культуры речи](#), в теории и истории литературных языков, в теории коммуникации. Наиболее обстоятельно и широко теория нормы разрабатывалась в русской и советской лингвистической традиции — на материале русского и некоторых других языков [Л. В. Щерба, Г. О. Винокур, Е. С. Истрина, В. В. Виноградов, С. И. Ожегов, Ф. П. Филин, В. Г. Костомаров,

В. Г. Гак, Г. В. Степанов, Ю. С. Степанов, Н. Н. Семенюк, А. А. Леонтьев, В. А. Ицкович, Р. Р. Гельгардт, Б. С. Шварцкопф и другие], в работах пражских языковедов [В. Матезиус, Б. Гавранек, А. Едличка и другие], а в последнее время также рядом лингвистов Германии [Д. Нериус, Г. Лерхнер, П. фон Поленц, Й. Эрден и др.] [13].

Основными признаками нормы литературного языка являются относительная устойчивость, всеобщепотребительность и обязательность. Источниками языковой нормы служат устная речь литературно образованных и авторитетных в обществе людей, произведения русских писателей-классиков.

В. В. Виноградов подчеркивает: «Понятие нормы – центральное в определении национального литературного языка (как в письменной, так и в разговорной форме)» [7, с. 29]. Языковая норма вырабатывается в практике речевого общения, закрепляется как узус, кодифицируется. Отклонения от норм осознаются и оцениваются не только в грамматиках, словарях и иных кодификационных работах, но и в широком общественном сознании. «Когда чувство нормы воспитано у человека, тогда-то он начинает чувствовать всю прелесть обоснованных отступлений от нее у разных хороших авторов. Я говорю об обоснованных, потому что у плохих авторов отступления бывают часто недостаточно мотивированы внутренним содержанием, поэтому-то эти авторы и считаются плохими» [22, с. 10].

Понятие «норма», при очевидной понятности, термин трудноопределимый. Норма динамично развивается и пронизывает все уровни языка.

«От объективно существующей нормы языка следует отличать ее кодификацию, т.е. установление правил употребления слов, правил словообразования, словоизменения, правил построения словосочетаний и предложений. [...] норма существует в любом коллективе. Кодификация же, осознанная и зафиксированная норма, – явление, свойственное только литературному языку» [11, с.7].

В. Н. Шапошников подчеркивает важность постоянного отслеживания происходящих в языке изменений, поскольку только таким образом можно «знать свой язык и преподавать его адекватно – именно как живой и развивающийся» [21, с.5].

Термин «языковая норма» появился в трудах Э. Альмана [E. Ahlmann. *Das normative Moment im Bedeutungsbegriff*. «*Annales Academiae scientiarum fennicae*». Helsinki, 1926, Ser. B, т. X.]. Он рассматривал норму языка как одно из проявлений общей нормативности обычая в обществе и полагал, что норма присуща любой языковой системе и любой форме существования языка. В дальнейшем это понятие более детально было разработано в трудах ученых Пражского лингвистического кружка, применивших к языковой норме функциональный подход. Б. Гавранек дает следующее определение норме: «совокупность употребляемых языковых средств», включая в эту закономерную совокупность «все то, что принимает коллектив, говорящий на этом языке [наречии]...» [25, с. 339— 340]. В дальнейшем ученый обратил внимание на еще один важный аспект понятия нормы: «Языковую норму я понимаю как систему языка, взятую в плане ее обязательности в сфере языка – с задачей достичь намеченного в сфере функционирования языка» [24, с. 258]. То есть Б. Гавранек подходит к рассмотрению нормы как разнопланового понятия. С одной стороны, норму он отождествляет с системой языка с точки зрения обязательности, с другой стороны, норма соотносится с непосредственным использованием языка. Ученый указывает на такой важный признак языковой нормы, как общественное признание. На подобное понимание нормы, несомненно, оказало влияние учение Ф. де Соссюра, разграничившего язык и речь, но стоит отметить, что ученые Пражского кружка более определенно трактовали язык – как систему знаков, которые носят функциональный и социальный характер, иными словами, напрямую зависят от действительности и социума [6, с. 360].

Взгляды лингвистов на определение и сущность понятия «языковая норма» расходятся. В словарях определение термина «языковая норма» основывается, как правило, на двух обобщенных родственных понятиях – непосредственно употребление средств языка и регламентированные правила употребления. Так, в «Словаре лингвистических терминов» языковая норма трактуется как «принятое речевое употребление языковых средств, совокупность правил [регламентации], упорядочивающих употребление языковых средств в речи индивида» [1, с. 270]. Указываются два значения: как само употребление, так и его регламентация. В «Большой советской энциклопедии» наблюдается похожая ситуация: она определяет языковую норму как исторически обусловленную совокупность общеупотребительных языковых средств, а также правил их отбора и использования, признаваемых обществом наиболее пригодными в конкретный исторический период. При этом подчеркивается, что такие нормы являются существенным свойством языка и обеспечивают его функционирование и историческую преемственность [5]. «Норма – общественное установление, регламентирующее использование языковых средств в процессе речевого общения» [2, с. 7]. И еще: «Языковая норма – это кодекс правил, регламентирующих словоупотребление» [14, с. 38].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» указывается только значение нормы как реализации употребления языковых средств: «Норма – наиболее распространенные из числа сосуществующих, закрепившиеся в практике образцового использования, наилучшим образом выполняющие свою функцию языковые [речевые] варианты» [16, с.237]. Аналогично и в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Норма языковая – совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [19, с. 337].

В «Российском гуманитарном энциклопедическом словаре» определение нормы ограничивается значением системы регламентации: «Норма языковая – совокупность правил, упорядочивающих употребление языковых средств в речи... это не только социально одобряемое правило, но и правило, объективированное реальной речевой практикой, правило, отражающее закономерности языковой системы и подтверждаемое словоупотреблением авторитетных писателей» [17].

Языковая норма фиксируется в нормативных словарях и грамматиках. Значительная роль в распространении и сохранении норм принадлежит художественной литературе, театру, школьному образованию и СМИ [5].

Таким образом, раздел «Культура речи», «Стилистика языка» и др. направления изучают и описывают современное состояние нормы.

Языковая норма и языковая вариативность являются ключевыми понятиями социолингвистики.

«Народный язык определенного географического или классового целого также имеют свою собственную норму, т.е. комплекс грамматических и лексических регулярно употребляемых средств» [8, с. 339].

Определения нормативности языковых единиц происходит на основании оценочных тенденций отбора (например, соответствие структуре языка, частоты употребления, общественного одобрения, которое выявляется путем социологических опросов и анкетирования). Последствием признания языковой нормы является кодификация ее образцов в грамматиках и словарях, фиксирующих уже устоявшиеся в языке явления. Иногда языковые нормы являются результатом государственной языковой политики как сознательного культивирования. Языковая норма противопоставлена узусу как аспекту реализации языковой системы. Языковые нормы дифференцируются в письменной и устной литературной речи, разных сферах общения и формах существования языка, функциональных стилях. Расхождение языковых норм в этих

случаях усиливается, если литературный язык очень удален от разговорной речи [18, с. 345- 346].

По мнению Л. П. Крысина, термин «норма» лингвисты используют в двух смыслах – широком и узком. В широком смысле под нормой подразумевают такие средства и способы речи, которые стихийно, спонтанно формировались в течение многих веков и которые обычно отличают одну разновидность языка от других. В узком смысле норма – это результат кодификации языка. Кодификация при этом – это целенаправленное упорядочение всего, что касается языка и его применения. Результаты кодифицирующей деятельности отражаются в нормативных словарях и грамматиках [12].

Литературная норма как результат не только традиции, но и кодификации представляет собой набор достаточно жестких предписаний и запретов, способствующих единству и стабильности литературного языка. Норма консервативна и направлена на сохранение языковых средств и правил их использования, накопленных в данном обществе предшествующими поколениями.

Однако консерватизм нормы не означает ее полной неподвижности во времени. Иное дело, что темп нормативных перемен медленнее, чем развитие данного национального языка в целом. Чем более развита литературная форма языка, чем лучше обслуживает она коммуникативные нужды общества, тем меньше она изменяется от поколения к поколению людей, пользующихся этим языком [12].

Итак, понятие «нормы» с точки зрения социолингвистики применимо только к национальному литературному языку, а территориальные диалекты имеют только традиции использования языковых средств.

На сегодняшний день в лингвистике появился более широкий взгляд на проблему нормирования языка. Изучение нормы является интралингвальным аспектом эколлингвистики.

Основу экологического мышления составляет понимание системных взаимосвязей. Система – состоящее из нескольких частей целое, множество элементов, находящихся в определенных отношениях между собой [10].

Предметом эколлингвистики является взаимодействие между языком, человеком как языковой личностью и его окружающей средой. Язык при этом рассматривается как неотъемлемый компонент цепи взаимоотношений между человеком, обществом и природой. Функционирование и развитие языка представляется как экосистема, а окружающий мир – как языковой концепт [9].

В работах эколлингвистического аспекта А.П. Сковородникова прослеживается идея влияния на негативные тенденции в использовании языка. Изучение нормы в эколлингвистическом аспекте может предотвратить регресс языка в плане обеднения его выразительных ресурсов.

Воспринимая нормы языка, их становление, изменение и развитие как системные взаимосвязи, мы считаем, что существование и функционирование нормы следует рассматривать не только как влияние языка на мир, но и влияние окружающего ноосферного пространства на язык.

Проблему экологии слова можно рассматривать в ноосферном пространстве. Так, по словам И. А. Бодуэна де Куртенэ, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [4]. Поэтому ноосферное пространство нуждается в изучении и выработке мер по сохранению и умножению языкового богатства мира.

Сохранение и формирование богатства речи можно рассматривать как его экологическую составляющую, как, собственно, и то, что снижение стилевых норм свидетельствует об узости мышления.

Итак, из вышеприведенных мнений следует, что часть исследователей, определяя языковую норму, подчеркивает ее регламентирующую функцию и значимость как системы упорядочивания употребления различных средств языка. Эколингвистика поднимает тему сохранения кодифицированного языка в глобальном мире, в котором изменения происходят намного быстрее, чем раньше.

Языковая эволюция, ускоренная активными социальными процессами, порой не сразу находит отражение в справочной литературе» [15, с. 9]. В связи с этим Н. В. Богданова, например, вслед за В. А. Ицковичем [1968], предлагает разделение нормы на два типа: реальная, лингвистическая, которая складывается в результате воздействия различных социальных факторов, возникающих вследствие особенностей функционирования конкретного языка в определенном речевом коллективе в течение некоторого периода, и кодифицированная, представляющая собой результат выбора определенной личностью и группой того или иного языкового средства [3].

Направлений, изучающих языковую норму в лингвистике, несколько, но каждое из них (направлений) рассматривает только один аспект этой проблемы. Мы считаем, что назрела необходимость объединить эти направления исследования. Новое направление в языкознании должно строиться на основе комплексного подхода к изучению нормы: от истории ее становления, изменения [эволюции] до изучения сегодняшнего состояния. Эти идеи перекликаются с ноосферным мышлением в науке о языке. Первый этап в становлении этого направления видится в изучении изменений норм русского языка на протяжении последних двадцати лет на территории полилингвокультурного Крыма.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. /О.С. Ахманова – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с., с. 270
2. Бельчиков Ю.А. О нормах литературной речи// Вопросы культуры речи/ Ю.А. Бельчиков. - 1965. -Вып. 6. – С. 5-29. – С. 7
3. Богданова Н. В. Живые фонетические процессы русской речи./ Н.В. Богданова – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001.-186 с.
4. Бодуэн де Куртэне И. А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т.- М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. [Электронный ресурс] / И. А. Бодуэн де Куртэне - Режим доступа: <http://www.kls.ksu.ru/boduen/bibbod.php?id=14&num=13000000>
5. Большая советская энциклопедия: [В 30 т.]/ Гл. ред. А. М. Прохоров. Издание 3-е. [Электронный ресурс] — М.: Сов. энцикл., 1969-1978 – Режи мдоступа: <http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/>
6. Булыгина Т. В. Пражская лингвистическая школа // Основные направления структурализма. / Т.В. Булыгина – М.: Наука, 1964. - 360 с.
7. Виноградов В. В. История русского литературного языка: Избранные труды. /В.В. Виноградов – М.: Высшая школа, 1978. – С. 29.
8. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок / Б. Гавранек – М.: Изд-во иностр. лит., 1967, - С. 339
9. Иванова Е. В. Эколингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем. [Электронный ресурс] /Е.В. Иванова - Режим доступа: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd>
10. Иванова Е.В. Цели, задачи и проблемы эколингвистики [Электронный ресурс] /Е.В. Иванова – Режим доступа: <http://ecolinguistics.ru/index.php?sel=mat&id=12>
11. Ицкович В. А. Языковая норма / В.А. Ицкович. – М.: Просвещение, 1968. – С.7

12. Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика [Электронный ресурс] / Л.П. Крысин – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-05.htm>
13. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/337b.html>
14. Петрищева Е.Ф. К вопросу о критериях нормативности // Вопросы культуры речи. / Е.Ф. Петрищева – 1967. – Вып. 8. – С. 36-43. – С. 38
15. Петрова А.Г. Норма русского литературного языка и живая речь носителей русского языка на рубеже веков, XX -XXI вв. : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 : Москва, 2004. – 214 с. – С.9.
16. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2001. — С.237
17. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002 – Т.2, 720 с.: ил.
18. Селиванова Е.А. Проблема языковой нормы и вариативность/ Сучасна Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми / Е.А. Селиванова. – Полтава: Довкля_к, 2008 – С. 345- 346.
19. Семенюк Н.Н. Норма языковая //Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Н. Семенюк. – М.: Советская энциклопедия, 1990 - С.337
20. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка / Под ред. К. С. Горбачевича. – Л., 1973.— С. 4.
21. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х.: Современная Россия в языковом отражении. / В.Н. Шапошников - М.: МАЛП, 1998. – 242 с. – С.5.
22. Щерба Л. В. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе. / Л.В. Щерба. – 1939. – №1. – С. 10.
23. Ahlmann E. Das normative Moment im Bedeutungsbegriff. «Annales Academiae scientiarum fennicae». Helsinki, 1926, Ser. B, т. X.
24. Havránek V. Studie o spisovném jazyce. Praha: Československé akademie ved, 1963. p. 371 - P. 258
25. Havránek V. Zum Problem der Norm in der heutigen Sprachwissenschaft und Sprachkultur. «Actes du Quatrieme Congrès international des linguistes». Copenhagen, 1938. – С. 339-340.

Богданович Г.Ю., Коновалова О.А. Про мовну норму, еколінгвістиче і ноосферному мисленні // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.3-9

Напрямів, що вивчають мовну норму в лінгвістиці, кілька, але кожне з них (напрямів) розглядає тільки один аспект цієї проблеми. Ми вважаємо, що назріла необхідність об'єднати ці напрями дослідження. Новий напрямок в мовознавстві має будуватися на основі комплексного підходу до вивчення норми: від історії її становлення, еволюції до вивчення сьогодишнього стану. Ці ідеї перегукуються з ноосферним мисленням в науці про мову. Перший етап у становленні цього напрямку бачиться у вивченні змін норм російської мови впродовж останніх двадцяти років на території полілінгвокультурного Криму.

Ключові слова: мовна норма, еколінгвістика, ноосферне мислення.

Bogdanovich G.Yu., Konovalova E.A. About language norm, ecolinguistics, and noospheric thinking // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.3-9

The norm can be found in all sections of language. The ways of formation, development and change of the norm are studied by several directions of linguistics.

The basic signs of the literary language norm are its relative stability, common and obligatory use. The sources of the linguistic norm are oral speech of respectable, literary educated people, the works of Russian classical writers. The linguistic norm is fixed in normative dictionaries and grammars. A considerable role in the distribution and retention of norms belongs to artistic literature, theater, school education and MASS-MEDIA.

The concept «norm», at an obvious clearness, is a term which is hard to determine. The norm is dynamically developing and can be found in all levels of language.

The linguistic norm and linguistic variation are the key concepts of sociolinguistics. The concept «norm» from sociolinguistic point of view is applicable only to the national literary language, and territorial dialects have traditions of the use of language means only.

Nowadays a wider look on the problem of norms setting of the language has appeared in linguistics. A study of the norm is an intralingual aspect of ecolinguistics.

Retention and formation of the variety of speech can be examined as its ecological constituent, as well as, the fact that the decline of style norms testify to narrow thinking.

Some researchers, determining the linguistic norm, underline its regulating function and meaningfulness as a system of arrangement of the use of different language means. Ecolinguistics touches upon the problem of retention of a codified language in the global world, where changes take place quicker, than before.

There are a few directions, studying the linguistic norm in linguistics, but each of them examines only one aspect of this problem. We consider that the necessity to unite these aspects of the research appeared. A new direction in linguistics must be based on the complex approach to the study of the norm: from the history of its formation, evolution, till the study of the present state. These ideas have much in common with noospheric thinking in the science about language.

The first stage in the formation of this direction is seen in the study of norms changing in Russian during the last twenty years on the territory of a multicultural Crimea.

Keywords: *linguistic norm, ecolinguistics, noospheric thinking.*

Поступила в редакцию 10.05.2014 г.

УДК 800.7

Функционирование русско-украинского билингвизма в Крыму

Коновалова Е.А.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым

В статье проводится социолингвистическое исследование русско-украинского двуязычия как результата языковых контактов на территории АРК. Украинский и русский народы близки в силу родственности своих языков, множества общих ценностных ориентиров, тесного территориального общения, большого количества смешанных браков. Однако существуют типологические различия украинского и русского языков, вызывающие отклонения от нормы в русской речи жителей АРК.

Ни одно определение билингвизма полностью не соответствует языковой ситуации в АРК. Это обусловило необходимость выработать собственное понимание данного термина, которое будет отвечать всем особенностям языковой ситуации Крыма и специфике данной работы. Итак, под термином «двуязычие» мы будем понимать способность человека в зависимости от коммуникативной ситуации выражать свои мысли на неродном языке в понятной для других носителей языка форме, независимо от степени проявления интерференции и способность воспринимать чужую речь с полным ее пониманием. Актуальным для данной работы будет и высказывание Багирова Х.З. о том, что двуязычие «может возникнуть при контактировании языков, которому предшествует длительное сосуществование двух народов, говорящих на разных языках. Непосредственные языковые контакты обуславливают интенсивные межъязыковые связи...»

В связи с повсеместным проникновением современных благ цивилизации на земле почти не осталось мест, где население всегда использовало бы только один язык. Потому что телевидение, радио, Интернет, распространенные во всех уголках нашей планеты, несут массу иноязычной информации. Кроме того, необходимость разгития народов, которое, как известно, невозможно в условиях изоляции от народов других национальностей, обусловила возникновение двуязычия еще в древнейшие времена. Иностранные языки - а зачастую их несколько - входят во многих странах в школьный минимум. Во многих случаях язык образования в том или ином государстве отличается от родного языка учащихся. Знание иностранного языка открывает для человека широкие возможности: это и знакомство с интересными людьми, и посещение новых стран, и постоянное расширение кругозора. Однако у данного явления есть и обратная сторона. Из-за неодинакового уровня владения первым и вторым языком в речи возникают отклонения от литературной нормы. Такие явления называются интерферентными и являются стилистической ошибкой.

При рассмотрении подходов к исследованию двуязычия важным является выделение двух уровней анализа – уровня языка и уровня речи. Изучение билингвизма на уровне языка — это по существу изучение истории двух языков, вступивших благодаря двуязычию в определенный контакт, в процесс взаимовлияния. Изучение билингвизма на уровне речи — это изучение 1) процесса речетворчества двуязычного индивида на том или ином языке и 2) речевых результатов, т.е. текстов. Первый

уровень важен для описания структуры языка в ее историческом развитии, второй — для выяснения сущности человеческой речи, а также для разработки вопросов культуры речи и практической стилистики [78]. Для данной работы характерен второй подход.

Для территории АР Крым свойственна следующая языковая ситуация: первым языком, т.е. языком коммуникации является русский язык. Он может быть родным или не родным, однако для общения с другими членами общества используется в основном именно русский. Вторым языком является украинский, даже среди этнических украинцев, для которых он является родным языком и языком семейного или, шире, бытового общения. Ко вторым языкам относятся и другие языки.

Основными методами при написании работы служат дефинитивный; метод включенного наблюдения, который позволяет свести до минимума влияние наблюдателя на речевое поведение информантов. Применение данного метода позволило собрать картотеку персонифицированных текстов устной и письменной речи крымчан, содержащих примеры интерференции; анкетирование. Это дало возможность расширить сведения о современной языковой ситуации в АРК.

Ключевые слова: *двуязычие, интерференция, близкородственные языки.*

Постановка проблемы. Современное развитие общества показывает, что двуязычие представляет собой одну из важнейших социолингвистических проблем, так как в связи с научно-техническим и культурным развитием расширяются международные и языковые контакты.

Актуальность темы. Исследование речи двуязычного индивида имеет важное значение для развития теории речевой деятельности и для практики преподавания русского языка, при подготовке учителей русского языка для национальных школ, переводчиков, журналистов. Будущему учителю-русисту необходимы знания теории языка и методики его преподавания, знания существа второго языка, путей и средств борьбы с интерференцией. Без теоретического осмысления лингвистических, социолингвистических и лингвокультурологических параметров второго языка невозможна правильная постановка методики преподавания русского языка в современной школе.

Русский и украинский языки близки в силу своего происхождения и общего лексического фонда языков. Данное сходство обуславливает появление интерференции на разных уровнях языка. Частое переключение языкового кода приводит к стиранию в сознании двуязычного индивида границ между языками и взаимному проникновению элементов обеих языковых структур. Нарушения в русской речи билингвов вызываются типологическими различиями русского и украинского языков, поэтому они относятся к области интерференции.

Целью данной работы является лингвистическое и социолингвистическое исследование русско-украинского двуязычия как результата языковых контактов на территории АРК, описать проявления интерференции русского языка при контакте с украинским.

Для осуществления данной цели необходимо выполнить ряд **задач**: рассмотреть существующие теории двуязычия; выбрать из них наиболее подходящую для анализируемого региона; определить понятие интерференции, ее основные причины и векторы; проанализировать примеры интерферентных явлений, привести их классификации; определить функционирующие в АР Крым типы и формы двуязычия; рассмотреть языковую ситуацию в АР Крым; изучить сферы функционирования русского и украинского языков в республике; проанализировать анкетные данные, полученные в ходе самостоятельного исследования.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Теоретическим фундаментом для нашей работы явились труды классических и современных исследователей в области лингвистики: В.А. Аврорина, Бертагаева, З.У. Блягоза, И.А.Бодуэн де Куртене, Р.А. Вафеева, У. Вайнрайха, Е.М. Верещагина, Б.Гавранека, Ю.Д. Дешериева, Ю.А. Жлуктенко, Завьяловой, Г. Зографа, А.Е.Карлинского, Л.П. Крысина, А.П. Майорова, Н.Б. Мечковской, Г.Пауля, И.Ф.Протченко, В.Ю. Розенцвейга, Э. Хаугена, А.Д. Швейцера, Л.В. Щербы и многих других.

Исследованием языковых контактов и сопровождающих эти контакты явлений ещё в XIX веке занимались Г.Грюнбаум, Э.Виндиш, Г.Шухардт и другие крупные учёные. В России большой вклад в разработку этой проблемы внесли такие известные лингвисты, как И.А.Бодуэн де Куртене, В.А.Богородицкий, Е.Д.Поливанов, Л.В.Щерба.

По мнению классика русской лингвистики Льва Владимировича Щербы «под двуязычием подразумевается способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках» [7, с. 29]. Эта дефиниция рассматривает двуязычие как групповое явление, что характерно для территории Крыма.

Во многих дефинициях разграничивается индивидуальный и групповой билингвизм, при этом сводит явление к переключению языковых кодов. Ученые справедливо отмечают, что «степень вхождения» в каждую из «языковых общностей» может быть различной, тем самым подчеркивая, что уровень владения языком и может быть неоднородным.

Сходное мнение на объект изучения представлено в «Социолингвистическом словаре», составители которого считают, что «Билингвизм (двуязычие) - это владение, наряду со своим родным языком, еще одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе» [4, с. 31]. Данное определение приравнивает двуязычие к переключению языкового кода. В отличие от многих других точек зрения здесь появляется понятие «этноса», что подчеркивает социолингвистическое направление данного термина. В этом же словаре найдено еще более близкое к теме исследования понятие «Близкородственное двуязычие». Авторы словаря определяют его как «Владение двумя близкородственными языками и их использование. Предполагает развитие смешанной речи и высокую степень интерференции. При недостаточном владении обоими языками возникает полуязычие» [4, с. 33]. В этой же статье приводится пример так называемого полуязычия. Это трясанка – смешение русского и белорусского языков. Многие исследователи русско-украинского двуязычия отмечают наличие сходного явления, называемого суржиком. Однако данное языковое явление не является объектом изучения этого исследования.

Бертагаев предлагает называть двуязычием «активное или пассивное владение вторым языком» [2, с. 83]. Под данное определение попадают все школьники и студенты, изучающие иностранные языки, т.е. теоретическое знание языка без применения его на практике. Однако на территории Крыма украинский язык имеет большое влияние на повседневную жизнь населения: радио, телевидение, СМИ, наружная реклама, - все это в 60% случаев мы читаем или слушаем на украинском языке. Т.е. на территории выбранного региона большинство населения используют русский язык как средство общения, но зачастую вынуждены воспринимать информацию на украинском языке.

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов», авторами которого являются Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова приведено следующее определение двуязычия: «одинаково свободное владение двумя языками» [5, с. 41]. Однако такое понимание тоже не верно, т.к. редко можно встретить человека, в одинаковой степени

владеющего двумя языками. Для повседневного общения, как правило, используется один из языков. На территории АРК практически нет билингвов, которые в зрелом возрасте могли бы похвастаться отличным знанием украинского языка. Чаще всего они привыкли понимать на данном языке, но говорят только на русском.

Некоторые ученые определяют понятие двуязычия в связи с другими явлениями. Так, Г. Зограф связывает этот термин с понятием «многоязычия», и определяет его как использование нескольких языков, в зависимости от «соответствия коммуникативной ситуации» [3, с. 303]. Выбранный регион многонационален в силу компактного проживания на одной территории огромного количества разных народов. Большинство жителей АРК выбирают русский язык как основной для повседневного общения, украинский - как язык делового общения (как правило, в случаях продиктованных необходимостью), другие языки используются значительно реже. Таким образом, о массовом многоязычии в Крыму говорить не приходится, хотя индивидуальное многоязычие возможно в любой части света.

По мнению Ф.П. Филина существует узкое и широкое понимание двуязычия — «двуязычие в узком смысле этого слова означает более или менее свободное владение двумя языками: родным и неродным; двуязычие в широком смысле — относительное владение вторым языком, умение в том или ином объеме пользоваться им в определенных сферах общения» [6, с. 24]. Данное определение более всех предыдущих подходит для характеристики выбранного региона, т.к. делопроизводство ведется на государственном языке, но бытовое общение - почти всегда, на русском.

Багиров Х.З. предлагает несколько иное видение данного языкового явления: «Билингвизм - это результат межкультурного взаимодействия различных культур народов, одна из форм адаптации совершенно иной или родственной языковой культуры». Данное определение подчеркивает возможность массового двуязычия, взаимодействие не просто языков, но культур, что является обязательным условием при долговременном контакте двух наций: «Билингвизм может возникнуть только при контактировании языков, которому предшествует длительное сосуществование двух народов, говорящих на разных языках. Непосредственные языковые контакты обуславливают интенсивные межязыковые связи...» [1, с. 15]. Именно так можно охарактеризовать языковую ситуацию в выбранном регионе, т.к. в Крыму на протяжении многих десятилетий проживают этнические украинцы и русские.

Таким образом, среди рассмотренных выше определений не выявлено то, которое бы полностью соответствовало языковой ситуации в АРК. Это обусловило необходимость выработать собственное понимание данного термина, которое будет отвечать всем особенностям языковой ситуации Крыма и специфике данной работы. Итак, под термином «двуязычие» мы будем понимать способность человека в зависимости от коммуникативной ситуации выражать свои мысли на неродном языке в понятной для других носителей языка форме, независимо от степени проявления интерференции и способность воспринимать чужую речь с полным ее пониманием.

Автономная Республика Крым является полилингвокультурным регионом. В условиях крымского двуязычия и многоязычия, русская речь подвержена влиянию со стороны украинского языка. Невозможно отрицать и влияние русского языка на украинский, однако эта тема не является предметом нашего специального исследования.

Многие ученые утверждают, что двуязычные индивиды часто не имеют твердого мнения о языковой принадлежности тех или иных конкретных слов. Но отдают себе отчет в том, на каком языке они говорят в каждый данный момент. В повседневной речи, стремящейся лишь к понятности, тщательностью произношения пренебрегают; здесь интерференция проявляется наиболее часто. Чем больше различие между языками, тем теоретически больше потенциальных возможностей для интерференции.

Так считает наибольшее большинство исследователей. Однако следует отметить, что в близкородственных языках она менее заметна самому говорящему. Поэтому у двуязычных индивидов, свободно владеющих и попеременно использующих близкородственные языки, интерференция становится почти неизбежной. Кроме того, немаловажное значение имеет и то, что каждый отдельный индивид обладает уникальным языковым опытом. В силу психофизиологических особенностей каждый двуязычный индивид в разной степени может освоить тот или иной язык, столкнуться с теми или иными трудностями при переклещении кодов, поведение человека может меняться под воздействием экстралингвистических факторов и т.д.

Поскольку предметом анализа является функционирование родной речи, а постольку явление интерференции представляет собой лингвистический феномен, отражающий контакт первого (русского) и второго (украинского) языков в речевой практике билингва. Следовательно, характер интерференции или ее отсутствие свидетельствует о степени владения первым языком, о степени правильности / неправильности создаваемых речевых произведений на этом языке и о степени влияния украинского языка.

Влияние украинского языка на русскоговорящее население Крыма несомненно.

Интерференция на лексическом уровне проявляется в реализации лексических единиц одного языка в речи на другом.

Однако некоторые ученые считают, что при координативном двуязычии принцип идентификации не используется, т.к. двуязычный индивид не только говорит, но и думает на втором языке в момент речевого акта, т.е. соотносит вторую языковую систему с объективной действительностью [9, с. 169]. С данной точкой зрения нельзя согласиться, т.к. даже при использовании родного языка в речи могут присутствовать элементы второго языка. Следует говорить о сознательном и ошибочном употреблении элементов второго языка. В некоторых случаях при сознательном нарушении норм русского литературного языка двуязычными индивидами используются вставки из украинского. Зачастую на данную простую интерференцию падает логическое ударение: *У наш час вообщє все очень странно, за серьезное нарушение водителя могут лишити права управления транспортным средством, в том числе безстроково, а у моря сейчас наверное такой затишок!* В данных примерах материал украинского языка используется как средство дополнительного усиления слова.

Наибольшее число нарушений литературной нормы русского языка нами отмечено среди глаголов. При анализе нами было обнаружено 78 примеров ненормативного использования единиц подобного типа (*спробовать, подкрадається, додати, доглядати, будувати, зателефонував, побачим, оголошували, складати, сховали и др.*). При анализе сложных интерференций было отмечено еще 50 примеров использования украинского языкового материала в речи русскоязычных крымчан (*балакати, складати, підвищувати, доглядати, займатися, дивитися, об'єднати, залишитися, зрозуміти, обіцяти, намагатися, звернутися, будувати, зростати и др.*).

Следует так же отметить и многочисленные проявления интерференции среди причастий и деепричастий, которые являются особой формой глагола. Преобладают деепричастия, которых насчитано 12 (*находячись, подумавши, сходявши, утверждаючи, читаючи, неважаючи и т.д.*). Причастия реже являются интерференциями. Их всего 9 (*люблячий, вкритий, исполняющий, забарвлений, попереджений, пернеписаний, правляча, відповідающий, темнеющий*).

Количество речевых ошибок при употреблении наречий так же очень высоко. Всего таких интерференций было начитано 117 (*багато, добре, відмінно, досить, особливо, наполегливо, іноді, нарешті, молохмарно, всіляко, разом, бискуче, багатозначно, можливо, насамперед, безстроково, потихесеньку, цікаво, важливо, звичайно и т.д.*).

Имена существительные встречаются почти так же часто (56 и 45 соответственно).

Среди имен существительных выделим: *мова, незалежність, законодавство, позичка, вказівка, посада, друзі, криза, майбутнє, щастя, рівень, вихователь* и др.

Имена прилагательные встречаются реже (42 и 24). Среди имен прилагательных выделяем: *найкращий, м'яконька, жовто-блакитний, по-дівочому, стомлений, щирого*, и т.д.

Также можно выделить несколько числительных: *п'ятнадцять, вісім*.

Среди выделенных примеров нарушения нормы русского языка можно встретить и местоимения: *як, коли, чому, хто, навіщо, де, що, куди, хтось, всіляко, він, (з) ним, (між) ними, (з) нас, його, (до) нього*. Всего их выделено 64. Большинство из них относятся к классу вопросительных.

Однако не только знаменательные части речи могут заменяться словами украинского происхождения. Среди служебных частей речи также заметны изменения. Предлоги: *у зв'язку з, незважаючи на, між*. Союзы: *але, чи, тому що*. Частицы: *ось, будь-який*.

Выводы. Анализируемые интерферемы можно классифицировать и с точки зрения их тематических и лексико-семантических групп. В ходе исследования были выявлены следующие группы: группа слов, объединенных политической тематикой; группа слов, связанная с окружающей действительностью, с терминами науки, культуры, образования, с взаимоотношениями человека в социуме; группа слов, объединенная значением «повседневные понятия и предметы, окружающие жизнь двуязычного индивида» (данная группа слов является самой распространенной); формулы вежливости; украинские названия передач, украиноязычных журналов, газет, статей и некоторые рекламные лозунги; название праздников; нарицательные наименования человека (специальность, социальное положение).

Перспективы дальнейших исследований. Проблема билингвизма, в частности интерференции, следует изучать на уровне не только лексики и морфологии, но и синтаксиса.

Список литературы

1. Багиров Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков). [Электронный ресурс] / Х.З. Багиров. – Режим доступа: http://window.edu.ru/window/library?p_rid=60799 - Единое окно доступа к образовательным ресурсам.
2. Бертагаев Т.А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления / Т.А. Бертагаев // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М. - 1972. - № 7. С. 82-88.
3. Зограф Г.А. Многоязычие / Г.А. Зограф // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 371 – 372.
4. Кожемякина В.А. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова, О.С. Парфенова, Ю.В. Трушкова – М.: Институт языкознания РАН, 2006. - 312 с.
5. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова - М.: Просвещение, - 1985. – 415 с.
6. Филин Ф.П. Современное общественное развитие и проблема двуязычия / Ф.П. Филин // Проблемы двуязычия и многоязычия: Сб. науч. тр. – М. - 1972. - С. 13-25.
7. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л.В. Щерба – Ленинград: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1958. – 182 с.

Коновалова О. А. **Функціонування російсько-українського білінгвізму в Криму** // *Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації»*. – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.10-19

У статті проводиться соціолінгвістичне дослідження російсько-української двомовності як результату мовних контактів на території АРК. Український і російський народи близькі чинності спорідненості своїх мов, безліч загальних ціннісних орієнтирів, тісного територіального спілкування, великої кількості змішаних шлюбів. Однак існують типологічні відмінності української та російської мов, що викликають відхилення від норми в російській мові мешканців АРК.

Жодне визначення білінгвізму повністю не відповідає мовної ситуації в АРК. Це зумовило необхідність виробити власне розуміння даного терміну, який відповідає всім особливостям мовної ситуації Криму і специфіці даної роботи. Отже, під терміном «двомовність» ми будемо розуміти здатність людини залежно від комунікативної ситуації висловлювати свої думки на нерідній мові у зрозумілій для інших носіїв мови формі, незалежно від ступеня прояву інтерференції і здатність сприймати чужу мову з повним її розумінням. Актуальним для даної роботи буде і висловлювання Багірокова Х.З. про те, що двомовність «может возникнуть при контактировании языков, которому предшествует длительное сосуществование двух народов, говорящих на разных языках. Непосредственные языковые контакты обуславливают интенсивные межъязыковые связи...»

У зв'язку з повсюдним проникненням сучасних благ цивілізації на землі майже не залишилося місць, де населення завжди використовувало б тільки одну мову. Бо телебачення, радіо, Інтернет, поширені у всіх куточках нашої планети, несуть масу іншомовної інформації. Крім того, необхідність розвитку народів, яке, як відомо, неможливо в умовах ізоляції від народів інших національностей, зумовила виникнення двомовності ще в найдавніші часи. Іноземні мови - а найчастіше їх кілька - входять в багатьох країнах в шкільний мінімум. У багатьох випадках мова освіти в тій чи іншій державі відрізняється від рідної мови учнів. Знання іноземної мови відкриває для людини широкі можливості: це і знайомство з цікавими людьми, і відвідини нових країн, і постійне розширення кругозору. Однак у даного явища є і зворотна сторона. Через неоднакового рівня володіння першою і другою мовою в мовленні виникають відхилення від літературної норми. Такі явища називаються інтерферентними і є стилістичної помилкою.

При розгляді підходів до дослідження двомовності важливим є виділення двох рівнів аналізу - рівня мови та рівня мовлення. Вивчення білінгвізму на рівні мови - це по суті вивчення історії двох мов, що вступили завдяки двомовності в певний контакт, в процес взаємовпливу. Вивчення білінгвізму на рівні мовлення - це вивчення 1) процесу мовлетворчості двомовного індивіда на тій чи іншій мові і 2) результатів мовлення, тобто текстів. Перший рівень важливий для опису структури мови в її історичному розвитку, другий - для з'ясування сутності людської мовлення, а також для розробки питань культури мовлення і практичної стилістики. Для даної роботи характерний другий підхід.

Для території АР Крим властива наступна мовна ситуація: першою мовою, тобто мовою комунікації є російська мова. Вона може бути рідною або не рідною, однак для спілкування з іншими членами суспільства використовується в основному саме російська. Другою мовою є українська, навіть серед етнічних українців, для яких вона є рідною мовою та мовою сімейного або, ширше, побутового спілкування. До других мов відносяться і інші мови.

Основними методами при написанні роботи служать дефінітивний; метод включеного спостереження, який дозволяє звести до мінімуму вплив спостерігача

на мовну поведінку інформантів. Застосування даного методу дозволило зібрати картотеку персоніфікованих текстів усній і письмовій мові кримчан, містять приклади інтерференції; анкетування. Ця дала можливість розширити відомості про сучасної мовної ситуації в АРК.

Ключові слова: двомовність, інтерференція, близькоспоріднені мови.

Konovalova E.A. Operation of Russian-Ukrainian bilingualism in Crimea // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.10-19

The article gives a sociolinguistic study of the Russian-Ukrainian bilingualism as a result of language contacts on the territory of the Crimean Autonomous Republic. Ukrainian and Russian peoples are close because of the affinity of their languages, a lot of common values, close territorial communication, and a large number of mixed marriages. However, there are typological differences of the Russian and Ukrainian languages, causing abnormalities in the Russian language of the inhabitants of the Crimea.

No single definition of bilingualism fully corresponds to the language situation in the ARC. This led to the need to develop our own understanding of this term, which will meet all the features of the language situation of the Crimea and the specifics of the given work. So, by the term "bilingualism" we mean the ability of a person depending on a communicative situation to express his thoughts in a foreign language in the form understandable to other native speakers, regardless of the degree of interference and the ability to perceive alien speech with full understanding. H.Z. Bagirokov's statement would be relevant to this work. He argues that bilingualism "may occur at contacting of languages, which is preceded by a long coexistence of the two peoples who speak different languages. The direct language contacts cause intense interlanguage communication..."

In connection with the widespread penetration of the modern benefits of the civilization on earth there are almost no places where the population would always use only one language because TV, radio, the Internet in all parts of our planet provide a lot of information in foreign languages. In addition, the necessity of the development of the peoples, which, as you know, is impossible in isolation from the peoples of other nationalities, led to the emergence of bilingualism back to ancient times. Foreign languages - and often several of them - are in the school minimum in many countries. In many cases, the language of education in a state differs from the mother tongue of the students. Knowledge of a foreign language opens broad opportunities for a person: it is an acquaintance with interesting people and visiting new countries, and the constant expansion of horizons. However, this phenomenon has its downside. Due to the uneven level of proficiency in the first and the second languages in speech there are deviations from the literary standards. Such phenomena are called interferential and they are stylistic errors.

When considering approaches to the study of bilingualism it is important to identify two levels of analysis – the language level and the speech level. The study of bilingualism at the language level is essentially the study of the history of the two languages, which have come through bilingualism in a certain contact in the process of interaction. The study of bilingualism on the speech level is to study 1) the process of speech creative work of a bilingual individual in a particular language, and 2) the results of speech, i.e. texts. The first level is important to describe the structure of the language in its historical development; the second is to clarify the essence of human speech, as well as for the development of the culture of speech and practical stylistics [78]. The second approach is characteristic for this work.

The territory of the Autonomous Republic of the Crimea is characterised by the following language situation: the first language, i.e. the language of communication is Russian. It can be native or not native, but it is Russian that is mainly used for communicating with other members of the society. The second language is Ukrainian, even among ethnic

Ukrainians, for whom it is the mother tongue and the language of the family or, more broadly, of everyday communication. Second languages include other languages.

The main methods used in writing of this work are: *definitive*, which describes the history of the issue presented by scientists of different countries and epochs; the method of *participant observation*; this is a method of collecting of sociolinguistic data, in which the observer stands as one of the direct participants in a communicative act. This method allows minimizing the impact of the observer on the speech behaviour of informants. The application of this method allows collecting the card file of personalized texts of oral and written speech of the Crimeans, containing examples of interference; *questionnaire* is one of the most common methods in sociology and sociolinguistics of obtaining extensive material in the form of answers to the questions of a specially compiled program (questionnaire). It has given an opportunity to expand information about the modern language situation in the ARC. The *descriptive method* allows us to interpret the survey data and to create the classification of the interferential phenomena. The *correlation analysis* has allowed showing the variants, in quantitative terms, individually for each social layer - age, gender, education, social status, territorial characteristics, and so on, and they are commented on the substantive (sociolinguistic) hand, using tabular data. The elements of statistical methods are used to identify objectively existing regularities.

The scientific novelty of this work lies in the fact that in the ARC bilingualism is developing quite quickly because of the constant of language contact. Therefore, the obtained results are particularly productive for theorizing bilingualism. Russian-Ukrainian bilingualism in the territory of the Autonomous Republic of the Crimea and the influence of the Ukrainian language into Russian was not the subject of a special study. An attempt is made to identify extra-linguistic reasons of manifesting interference.

The language situation of the Crimea stipulates the appearance of interferential phenomena in the speech of the first language.

Studied materials prove that the level of interference in the environment of the Russian-speaking population of the Crimea is great. The penetration of the Ukrainian language was observed at all levels used in the analysis, namely lexical-semantic (including phraseological) and grammar (including syntax). Speaking is more susceptible to penetration of foreign elements than written. This is due to the spontaneity of oral speech product.

A bilingual individual while creating speech product uses a particular language system. And in all cases he understands what language he builds speaking at any given moment; however, to explain the use of speech elements of the second language is extremely difficult.

The study shows that the most active interference occurs when using verbal lexicon. It is necessary to note the repeated use of idioms, quotes, and collocations in the second language.

The analyzed interferences can be classified from the point of view of their thematic and lexical-semantic groups. The study identified the following groups: a group of words, united by political subjects; a group of words associated with the surrounding reality, with terms of science, culture, education, relationship of a man in a society; a group of words, the combined value of "everyday concepts and objects surrounding the life of a bilingual individual" (this group of words is the most common); formulas of politeness; names of Ukrainian TV programs, magazines, newspapers, articles and some advertising slogans; the name of the holidays; the nick names of persons (profession, social status). In the analysis of grammatical interferences the following groups are defined: errors in the formation of words of different parts of speech (often interferences are observed in the formation of the degrees of comparison of qualitative adjectives), the error when changing the words, the use of Ukrainian prepositions in the Russian language and the influence of collocations of the Ukrainian language when constructing the Russian speech. When analysing the syntactic

structure of the sentences it should be noted that interferences may be in different parts of sentences. To identify a piece of text, the inclusion of the Ukrainian language can reach sizes of not only one or two words, but it may be an equal predicative unit or the whole sentence. It is also noteworthy to mention the fact that most of the sentences containing interferences, are interrogative, or exclamatory, where with the help of inclusions of the Ukrainian language the emotions of the speaker have been expressed or the logical (phrase) accent has been placed.

Key words: *bilingualism, interference, closely related languages.*

Поступила в редакцию 11.05.2014 г.

УДК 81-112: 811.135.1

**Дискуссионные проблемы румынского этно- и глоттогенеза
в контексте политико-идеологических факторов и румыно-венгерской
межкультурной коммуникации в Трансильвании**

Лучканин С.М.

*Институт филологии Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина
e-mail: luchkanyn@ukr.net*

В статье показано историко-лингвистическую дискуссию вокруг проблемы происхождения румынского народа и его языка, непрерывности романского проживания (континуитета) в карпато-дунайских землях на протяжении тысячелетия великого переселения народов, роли политических факторов в формировании взгляда на румынский язык как разговорную (вульгарную) латынь к югу и к северу от Дуная.

Ключевые слова: *румынский язык, дунайская латынь, континуитет, субстрат, суперстрат.*

Постановка проблемы и анализ последних исследований по проблематике работы. Вопрос романизации Дакии и Мезии длительное время порождает острые дискуссии в европейской, прежде всего в румынской и венгерской историографии и в истории лингвистики, поскольку его острота обуславливается политическим фактором – спором за Трансильванию, входившую после 1699 г. во владения Австрийских Габсбургов (в 1876-1918 – в Австро-Венгрию). **Актуальность** статьи – в условиях современных поисков Украины своего места в быстроизменяющемся мире показать русскоязычному читателю историю политического и межкультурного противостояния в борьбе за Трансильванию между двумя странами нынешнего ЕС – соседями Украины – Румынией и Венгрией. Древняя проблема непрерывности и глубины романизации Дакии длительное время остаётся одной из самых дискуссионных в историографии античности, истории классической филологии и общетеоретического языкознания, поэтому освещение ретроспективного взгляда на неё румынских (а также и отечественных) языковедов и историков будет способствовать (*цель* статьи) лучшему пониманию украинскими и российскими лингвистами основополагающего животрепещущего вопроса румынской лингвоисториографии. Цель статьи обусловила реализацию таких *задач*: выяснить причины появления проблемы континуитета (непрерывности), особенностей её решения в условиях румыно-венгерского спора за Трансильванию, осветить взгляды на романизацию Дакии и Мезии в украинской, российской и в румынской лингвоисториографии. *Научная новизна* – впервые в истории украинской классической филологии и общего языкознания дан комплексный анализ дискуссионной проблемы румынского этно- и глоттогенеза.

На территории современной Румынии в дороманские времена проживали могущественные племена гетов (так их называли древние греки, в частности «отец истории» Геродот [2]) либо даков (в древнеримской традиции). Процесс романизации

дунайских провинций начался на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э.: 27 до н. э. римляне захватили Добруджу и вышли к Дунаю, где на протяжении I в. н. э. образовали провинции Верхняя и Нижняя Мезия; окончился процесс завоеваний покорением Дакии римским императором Марком Ульпием Траяном (98-117), который после двух войн, получивших название Дакийских (101-102; 105-106), разбил войска дакийских племён, возглавляемых вождём Децебалом. Траян провозгласил Дакию римской провинцией. Колонизаторами Дакии были выходцы с различных уголков Римской империи, разговаривавших на повседневной латыни – *sermo vulgaris*, *sermo cotidianus*, *sermo castrensis* или *sermo rusticus*, являвших собой стилистические варианты латыни бедных и средних слоёв городов и сёл. Дакия пребывала под римским владычеством почти пять поколений (106-271), то есть, как считают, на протяжении достаточного времени для ассимиляции местного населения и для становления румынского народа и его языка.

Дискуссионными в лингвисториграфии являются вопросы о том, осталось ли в Дакии после Дакийских войн местное население и осталось ли местное романоязычное население в Дакии после того, как римский император Аврелиан (270-275) под натиском вестготов вывел римскую администрацию и легионы с Дакии к югу от Дуная, где создал новую небольшую провинцию, названную также Дакийей (так называемая Аврелианова Дакия) [1, с. 55]. Эта историко-лингвистическая дискуссия вокруг проблемы происхождения румынского народа и непрерывности его проживания в карпато-дунайских землях на протяжении тысячелетнего великого переселения народов более двух веков постоянно всплывает при рассмотрении румынско-венгерской историко-политической и межкультурной коммуникации. В «Истории» поздневизантийского учёного Лаоника Халкокондила (ок. 1423-после 1487) можно прочесть удивлённый вопрос – откуда появились на территории к северу от Дуная (т. е. на землях современной Румынии) люди с римским языком и римскими обычаями? В XVII-XVIII вв. на страницах румынских хроник Григоре Уреке и Мирона Костина, авторами которых выступали не летописцы в традиционном понимании, а историографы, публицисты, формируется представление о романском происхождении румынского языка. Особенно отличаются исторические и филологические идеи молдавского господаря Димитрие Кантемира (1673-1723), изложенные в латиноязычном труде «*Descriptio Moldaviae*» («Описание Молдавии», 1716).

С середины XVIII в. культурные процессы в Придунайских княжествах и Трансильвании начали развиваться под влиянием западноевропейских идей Просвещения, в румынском варианте которого превалирующей стала народно-национальная идея, нашедшая полное воплощение в деятельности учёных «Трансильванской школы» (рум. *Școala Ardeleană*, последняя четверть XVIII – первая треть XIX вв.) – Самуила Мику, Георге Шинкая, Петру Майора, Иона Будай-Деляну (большую часть своей жизни проживший во Львове, где написал главные труды) и др. В предисловии к первой печатной грамматике румынского языка Самуила Мику и Георге Шинкая – латиноязычной «*Elementa linguae daco-romanae sive valachicae*» («Основы дако-романского или валахского языка», Вена, 1780) впервые было изложено концепцию Трансильванской школы о происхождении румынского народа и его языка. «Пошёл семнадцатый век с того времени, – указывает Георге Шинкай, автор предисловия, – как Траян, победив Децебала, колонизировал опустошённую Дакию» [6, с. 2], но «дако-романцы» сохранили язык своих предков, о чём утверждается в первой части грамматики («Об орфографии») выявлением главных закономерностей фонетической эволюции латинских слов в румынские. Петру Майор (1760/61-1821), самый радикальный латинист Трансильванской школы, в изданной в 1812 г. «Истории о происхождении румын в Дакии» утверждал, что поскольку румыны

– непосредственные и единственные потомки римлян, древнейшее население Трансильвании, то они и имеют право на национально-культурную автономию.

Когда в борьбе за своё национальное и социальное освобождение румыны Трансильвании в конце XVIII в. превратили идею их романского происхождения и непрерывности проживания в этой бывшей римской провинции Дакия в орудие осуществления своих национальных и социальных устремлений, сразу же появилась и противоположная точка зрения – румыны не являются автохтонным населением Дакии, а пришли они сюда в эпоху средневековья с юга, где они сформировались в отдельную народность. Эта идея была высказана немецко-австрийскими учёными конца XVIII в. Фр. Шульцером и Иосифом Эдером (1760-1810). Как реакция на подобный взгляд в конце XVIII – в начале XIX в. и появляется несколько работ румынских авторов вышеупомянутой Трансильванской школы, в которых доказывается безусловное право румын на их территорию (Трансильванию) и непосредственная связь румын с римскими колонистами Траяна. Приблизительно через столетие после выхода книг Шульцера и Эдера в 1871 г. немецкий историк Роберт Рёслер (1836-1874) опять выдвигает теорию южного происхождения румын [3, с. 16 и далее]. Работа Рёслера «Романские исследования. Изучение древней истории румын» (нем. *Romänische Studien. Untersuchungen zur älteren Geschichte Rumäniens*, Лейпциг, 1871) подняла целую бурю в литературе о происхождении румын, поскольку была издана в условиях подъёма румынского национально-освободительного движения в Трансильвании за национальное равноправие. Рёслер постарался обосновать идею о «балканском» происхождении румын, которые якобы только в XIII в. появились к северу от Дуная, – в то время когда на землях Трансильвании уже проживали венгры, «саксы» (саксонцы, то есть немцы, выходцы из Саксонии) и «секуи» (одна из наиболее известных субэтнических групп, составляющих венгерское национальное меньшинство на территории современной Румынии; существуют гипотезы об их печенежском и даже гуннском происхождении). Рёслер выдвинул следующие аргументы: даки были уничтожены в войнах с Римом (однако заключительная сцена на колонне Траяна символизирует «умиротворение» новой провинции – пастушок-дак понукает волов и коров, то есть, некоторая часть даков сохранилась); даки не могли быть романизированы за столь краткий срок в 165 лет римского владычества (однако на острове Гаити, например, французская оккупация продолжалась не более столетия, в 1697-1804 гг., но французский язык стал единственным государственным); вся провинция Дакия была полностью покинута жителями к 275 г. во время римской эвакуации (на деле её оставили лишь администрация и армия); румынский язык не содержит слов древнегерманского происхождения, хотя на территории Дакии проживало германское племя готов; существует большое количество лексических соответствий в румынском и албанском языках, что является доказательством совместного проживания их носителей к югу от Дуная; якобы не существует точных источников, достоверно указывающих на присутствие румын к северу от Дуная ранее XIII в.; дако-румынский диалект, распространённый к северу от Дуная, похож на македоно-румынский диалект земель к югу от него; наличие южнославянского влияния на Румынскую православную церковь; румыны были кочевыми пастухами.

К выводам Рёслера о сравнительно позднем переселении румын на север от Дуная присоединились Ф. Миклошич, Л. Нидерле, М. Грушевский и др. Теорию непрерывности зато поддержал Т. Моммзен (самый знаменитый исследователь истории Рима в XIX в), но самыми настойчивыми врагами теории Рёслера были, конечно, румыны. С её критикой и опровержением выступили прежде всего историки второй половины XIX – первой половины XX в. А. Ксенополь, Д. Ончул, а также Б. П. Хашдеу. Защитником теории «непрерывности» оказался и самый известный румынский историк Николае Йорга (1869-1940), а также румынский славист Ион

Богдан (1864-1919), ученик Ф. Ф. Фортунатова. В России последователем теории «непрерывности» был известный историк-славист Алексей Иванович Яцимирский (1873-1925). Аргументы сторонников теории «непрерывности» (континуитета) сводятся к следующему: присутствие гето-даков, их «непрерывности» после римского завоевания фиксируется многочисленными доказательствами контактов «свободных даков» (оставшихся на территории современного уезда Марамуреш после завоевания Траяна) с романизированными соплеменниками; романизация даков происходила не только в 165-летний период римского владычества к северу от Дуная: она была в то время просто наиболее интенсивной, но началась значительно раньше римского завоевания и продолжалась и после ухода из Дакии императорской администрации; непрерывность дако-романцев доказана множеством археологических находок, лингвистическими данными, эпиграфическими свидетельствами; схожие слова в румынском и албанском языках – следствие как фракийско-иллирийского субстрата, так и позднейшего приобретённого родства в границах Балканского языкового союза; многочисленные письменные источники – византийские (хроники Кекавмена X-XI вв., Иоанна Киннама второй половины XII в.), древнерусская «Повесть временных лет», армянские и персидские источники – удостоверяют присутствие румын к северу от Дуная в период до XIII в.; ни один из средневековых источников не говорит о массовом переселении румын с южного берега Дуная на северный, и, наоборот, говорится о постоянном передвижении трансильванских румын к югу и к востоку от Карпат, в том числе и через Дунай; оба диалекта (дако-румынский и македоно-румынский) составляют части единого румынского (или «проторумынского», древнерумынского) языка, сформировавшемся на всём Карпато-Дунайско-Балканском пространстве; сезонное пастушество (рум. *transhumanța*), а вовсе не кочевое, было одним из занятий румын, проживающих в горной зоне, румынам также было известно и земледелие, сочетаемое со скотоводством в оседлых поселениях; южнославянское влияние на Румынскую православную церковь не только не отрицает, но и подтверждает присутствие румын к северу от Дуная, потому что без них православие не могло бы там распространиться.

Все вышеизложенные факторы и в лингвистическом плане свидетельствуют (итог статьи): формирование новой лингвистической системы как следствие распространения разговорной латыни в дунайских провинциях во взаимодействии с местным дакийским субстратом и до начала славянского влияния (I-начало VII вв. н. э.) происходило как к северу, так и к югу от Дуная, а, говоря об особенностях дунайской латыни (термин румынского лингвиста Я. Фишера [4]), ошибочным было бы утверждение о каком-либо отдельном нелатинском языке. На данный момент острота дискуссии о романском континуитете в Дакии и о романском происхождении румынского языка (учитывая и субстратно-суперстратный фактор) уменьшается [5, с. 111].

Список литературы

1. Алисова Т. Б. Введение в романскую филологию / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – М. : Высш. шк., 1982. – 343 с.
2. Геродот. Історії в дев'яти книгах / Переклад, передмова та примітки А. О. Білецького. – К. : Наук. думка, 1993. – 576 с.
3. Семчинський С. В. Лексичні запозичення з російської та української мов у румунській мові / С. В. Семчинський. – К. : Вид-во КДУ ім. Т. Г. Шевченка, 1958. – 120 с.
4. Fischer I. Latina dunăreană. Introducere în istoria limbii române / I. Fischer. – București : Editura științifică și enciclopedică, 1985. – 228 p.

5. *Istoria României*. Compendiu / Coord. I.-A. Pop, I. Bolovan. Ed. A II-a, revăzută și adăugită. – Cluj-Napoca, 2007. – 780 p.

6. *Micu Samuil*. Elementa linguae daco-romanae sive valachicae / Samuil Micu, Gheorghe Șincai / Studiu introductiv, traducerea textelor și note de Mircea Zdrenghea. – Cluj-Napoca : Ed. Dacia, 1980. – 246 p.

Лучканин С. М. Дискусійні проблеми румунського етно- і глотогенезу в контексті політико-ідеологічних факторів і румунсько-угорської міжкультурної комунікації в Трансільванії // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.20-24

У статті висвітлено історико-лінгвістичну дискусію навколо проблеми походження румунського народу та його мови, безперервного романського проживання (континуїтету) в карпато-дунайських землях протягом тисячолітнього великого переселення народів, ролі політичних чинників у формуванні погляду на румунську мову як розмовну (вульгарну) латинську на південь і на північ від Дунаю.

Ключові слова: румунська мова, дунайська латина, континуїтет, субстрат, суперстрат, міжкультурна комунікація

Luchkanyn Sergii. Historico-linguistic disputes about latin danube and the continuity of the roman element in ethno- and glottogenesis of Romania // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.20-24

In the article is reflected a diachronic an historico-linguistic debate as regards the problem of the origin of the Romanian people, their continuous dwelling in the Carpathian and Danube territories during a millennial large migration of people, as well as the role of substrato-superstratum factors in the forming of the Romanian language as colloquial Latin southward and north of Danube.

It is noted that the problem of Romanization of Dacia and Moesia is a rather controversial one in the European historiography and the history of linguistics, first of all in the Romanian and Hungarian ones. Its acuteness is caused by the political factor, namely by the dispute over Transylvania, which formed a part of possessions of the Austrian Habsburgs since 1699 (during 1867 – 1918 it belonged to the Austro-Hungarian Empire). It is also open to question in linguistic historiography whether there had remained local population in Dacia after the Roman conquest in the early second century, and whether there had remained local Romanized population in Dacia after the Emperor's Aurelian (270 – 275) having led the Roman administration and legions out from Dacia to the south of the Danube under the pressure of the Visigoths. The article presents arguments both in favour of the "Balkan" origin of Romanians (stating that they emerged to the north of the Danube only in the XIII century) as well as the statements that belong to the theorists of continuity of the Romanized population to the north of the Danube, the latter being shared with the author.

Key words: Romanian language, Latin Danube, continuity, substratum, superstratum.

Поступила в редакцію 09.05.2014 г.

УДК 81'1

Некоторые особенности метаязыка современной лингвистики

Сидельников В. П., Марченко Е. А.

*Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина
vokinledis37@gmail.com, el.mrchnko@mail.ru*

В работе рассматриваются такие особенности современной лингвистики, как сложность терминологической системы и ее подсистем, отражающих многообразие парадигм современной лингвистики; наднациональный (интернациональный) характер современного метаязыка лингвистики; основные функции метаязыка (формирование, трансляция, развитие лингвистического знания)

Ключевые слова: *метаязык, формирование, трансляция, развитие научного знания, наднациональный характер метаязыка, дидактический аспект метаязыка.*

Одной из особенностей современной лингвистической науки является ее многополюсность и многомерность. В этой связи проблемы метаязыка лингвистики приобретают особую **актуальность**. Метаязык – это язык науки, служащий средством описания естественного языка. Метаязык – это система, включающая в свой состав общенаучную лексику и номенклатурные знаки. Но стержнем метаязыковой системы являются термины. Ядерную часть семантического поля лингвистической терминологии представляют отдельные тематические блоки: *лексикология, фонетика, морфемика, словообразование, грамматика, стилистика и другие*, которые, собственно, и представляют классику, фундамент самой науки лингвистики. Терминосистема, составляющая основу метаязыка, является средством аккумуляции, результатом исследований многочисленных школ, направлений. Таким образом, метаязык является своего рода энциклопедией знаний о языке [7].

В своей основе фундаментальные классические термины лингвистики (греко-латинские по происхождению) носят интернациональный характер: *субституция, персонификация* и многие другие. Такие термины, длительно и регулярно употребляемые, имеют четкие и однозначные дефиниции в разных языках. Европейская лингвистическая терминология продолжает греко-римскую традицию. Точнее можно было бы обозначить само развитие этой терминологии через этапы: *греческий*, затем следует *римский (латинский)* этап терминологии, следующим этапом является развитие терминологии на *латинской основе в романских европейских языках*, следующий этап - *английский* (при этом нужно иметь ввиду историческое влияние французского языка на корнеосновы английского, а затем распространение англоязычной терминологии в лингвистике различных стран не только европейского региона). В Западной Европе латинская грамматическая терминология поддерживалась в течение столетий школьным преподаванием латинского языка. В русской школьной практике до XVII века латинский язык не имел места, как вообще не было настоящего школьного учения, и поэтому латинская терминология была совершенно непонятна. Русскими книжниками она была получена в готовом виде в юго-славянской редакции из «Книги философской о восьми частях слова» Иоанна Дамаскина, составленной по греческим источникам XIV века в Сербии [4, с. 57 – 67]. Это сочинение пользовалось

большой популярностью в русской допетровской книжности, и уже здесь дана почти вся базовая грамматическая терминология, представляющая собой дословный перевод греческих названий: *re μ a* – речь, то есть глагол; *epire μ a* – наречие; *antonimia* – местоимение. Вот почему грамматическая терминология воспринимается как нечто тяжеловесное, не вполне осмысляемое со стороны этимологического значения отдельных терминов. Даже профессор Каченовский М.Т., которого Пушкин «по старомодности языка и вкусов» ставит в один строй с соавтором «Телемахиды», возмущался русской грамматической терминологией, которая и донныне безобразит русскую грамматику. А потому предлагает изгнать из грамматики многие слова, поскольку они лишены внутреннего смысла (по-нашему, имеют «затемненную внутреннюю форму»): *падеж*, *наречие*. В этом отношении примечательна мысль Даля, которую он высказал на собрании «Общества любителей Российской словесности»: «Я робел перед трудностями задачи, считая ее непосильною, потому что недоставало общих познаний языковедения, недоставало даже того, что у нас называют основательным знанием своего родного языка, то есть научного знания грамматики, с которою я был в разладе, не умея применить к нашему языку и чуждаясь ее. Я всюду встречал в русской грамматике латинскую и немецкую, а русской не находил». Примечательна в этом отношении история некоторых классических терминов русской грамматики. Так, первоначально существовал термин «*падение*» как точный перевод греческого *ptosis* – полет. У Дамаскина «кожно имя» делится на пять падений: *права*, *родна*, *виновна*, *дательна*, *звательна* (ибо в греческом языке *ptosis* женского рода). Слово «*падеж*» в грамматических текстах XVII ст. – это уже перевод латинского слова «*casus*» от глагола *cado* «падаю», а в латинском языке это уже точный перевод с греческого *ptosis*. Как видим, метафоризация слова-термина очень замысловата и трудноуловима, ибо метафора всегда привязана ко времени и обстоятельствам, которые обуславливают семантический перенос.

Язык науки – это сложное, внутренне дифференцированное многослойное образование, строение и функционирование которого определяется задачами *формирования, трансляции и развития* научного знания. *Формирование*, по Эйнштейну, – это извлечение общей истины из частных наблюдений. Представленные знания в термине являются своеобразной путеводной нитью в хаосе чувственных восприятий [1, с. 1– 2].

Трансляция – это передача квантов знания, закрепленных в терминах, как не покажется странным, сформировавшихся в голове отдельных личностей, в одиночестве творящих научные понятия. В этой связи Эйнштейн задается вопросом: «На чем же основана тесная связь между языком и мышлением. Разве нельзя мыслить, пользуясь не языком, а лишь понятиями и комбинациями понятий, для которых невозможно подобрать слово? Разве не случалось каждому из нас подыскивать слово уже после того, как он ясно осознал связь между предметами? И далее ученый отвечает на этот вопрос так: «Мы были бы склонны приписывать акту мышления полную независимость от языка, если бы индивидуум формировал или мог формировать свои представления, не общаясь с другими людьми посредством языка. Следовательно, одинаковый язык означает одинаковое мышление. В этом смысле мышление и язык связаны друг с другом» [1, с. 1– 2].

Наука с помощью терминов стремится к предельной точности и ясности понятий. К какому размышлению о языке современной науки может привести отрывок из одной книги: «*Акт воления эссенции к самоэкспликации в собственную экзистенцию и ее (эссенции) реализация, приводящая непосредственно к материализации данной эссенции, заставляет данную эссенцию раствориться в собственной экзистенции. Материализация эссенции есть растворение эссенции в собственной экзистенции*». Такая форма представления «концентрата» интеллектуального продукта, каковым

является заключение, делает его недоступным для восприятия читателем. Вот почему проблема метаязыка – это проблема понимания, точности, ясности изложения. Так, Марр во время Первой мировой войны ездил в Париж и изложил «Яфетическую теорию» французскому академику и чл.-корреспонденту Российской Академии наук Антуану Мейе. Выслушав его, Мейе заявил, что до некоторой точки он за ним следил, но, начиная с этой точки, он перестал его понимать [2, с 448].

И, наконец, *развитие* научного знания. Знание порождает новые знания. Знаменательна в этом отношении мысль Ю.С. Степанова о том, что «значения обиходных слов, которые употребляются не только в общем языке, но и в науке, постоянно стремятся к научному понятию как своему пределу, но достигают его каждый раз тогда, когда наука (или техника) уже оставят это понятие и, отталкиваясь от него, ушли вперед» [8, с. 128]. Так, слово «*текст*» изначально «*написанное и напечатанное*» приобрело статус термина как *сложная единица синтаксической структуры*, затем слово «*текст*» вошло в систему терминов, связанных с теорией речевой деятельности, то есть текст понимается как продукт этой деятельности. И, поскольку, слово «*текст*» стало семантически и функционально-терминологически перегруженным, то естественно появление термина «*дискурс*», который Кубрякова семантизировала в форме образного выражения: «Дискурс – это текст, встроенный в жизнь». На наш взгляд, такая метафора более эвристична, чем многочисленные определения, представленные в словарях и научных работах по лингвистике. Справедливости ради следует заметить, что и термин «*дискурс*» имеет многочисленные и иногда далекие друг от друга толкования. Так, у Ван Дейка [3] мы находим 6 определений термина «*дискурс*»: 1) дискурс в широком смысле (*как комплексное коммуникативное событие*); 2) дискурс в узком смысле (*как текст разговоров, то есть продукт речевой деятельности*); 3) дискурс как конкретный разговор (*в смысле «этот дискурс», «его дискурс», «эти дискурсы»*); 4) дискурс как тип разговора (*как типы вербальной продукции*); 5) дискурс как жанр (*«новостной дискурс», «политический дискурс», «научный дискурс»*); 6) дискурс как социальная формация (*«коммунистический дискурс», «буржуазный дискурс», «западный дискурс»*). По поводу последнего дискурса позволю себе лирическое отступление. Как известно, Наум Хомский не только известный лингвист, но и не менее известный публицист. В одном из своих интервью, посвященных событиям в Сирии, обоснование США военного вторжения в эту страну без санкций Совета безопасности «*обязанностью защищать*» Хомский называет «*продуктом западного дискурса*».

Одной из особенностей метаязыка современной лингвистики является интернациональный, а иногда и наднациональный характер. Последняя характеристика заимствована у Эйнштейна. Наднациональный характер научных понятий метаязыка обусловлен тем, что такие термины были созданы лучшими умами разных стран и народов. К числу таковых следует отнести следующие: *гипертекст* (Нельсон, 1960), *фрейм* (Бейтсон, 70-е гг. XIX в.), *диктум* (Балли, 50-е гг. XX в.), *когнитивная лингвистика* (Лакофф Томпсон), *дискурс* (Бенвенист) и многие другие.

Особенностью становления современной лингвистической терминологии является ее *англизация*. Это явление называют «*языковым империализмом*», то есть доминирование англоязычных терминов, обусловленное установлением и постоянной поддержкой структурного и культурного неравенства между английским и другими языками.

Еще одним из признаков метаязыка в современной отечественной лингвистике является мода на отдельные термины. К числу таковых можно отнести ранее упоминаемый термин «*дискурс*», а наряду с ним, такие, как «*когнитивизм*», «*концепт*» и другие. Поражает, в первую очередь, бесконечное число определений отдельных терминов. Они страдают многословностью, неконкретностью и расплывчатостью.

Расплывчатость в толковании многих лингвистических понятий (*Ван Дейк заметил, что зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными*) определяется тем, что на более высоком этапе развития языка, когда появляется достаточно много абстрактных понятий, язык становится инструментом мышления, но именно здесь язык становится относительно самостоятельным по отношению к мышлению, что затрудняет установление истинного соотношения слова и предмета мысли, названного этим словом [1, с. 1–2].

Примером тому могут служить этимологические изыскания в области терминологии, которые обращены не к самому объекту, называемому этим словом, а, собственно, к самим словам и их внутриязыковым связям. Наглядным тому примером служит статья В.З. Демьянкова «О понятии и концепте». Владение многими (более чем пятьюдесятью) языками автором позволяет ему проследить историю термина «концепт как «зародыш» в языках романского, германского ареала и в русском языке. Но после прочтения статьи складывается впечатление, что выводы, к которым приходит автор, существуют сами по себе независимо от логики содержательной части исследования [5, с. 22– 37].

Корпус лингвистических терминов – это современный энциклопедический взгляд на систему и структуру языка, который развивается и изменяется в тесной связи с развитием и изменением общества. В таком корпусе представлены как традиционные (устоявшиеся), так и новые термины и понятия, возникшие в языке в середине и конце XX – начале XXI вв. и связанные с достижениями в области когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, лексикографии, герменевтики, лингвистики текста, речеведения, психолингвистики, нейролингвистики, теории речевых актов, гендерных оппозиций, с развитием компьютерной лингвистики и созданием большого числа электронных (онлайновых) словарей, с актуализацией важных проблем речевой деятельности, культуры письменной и устной речи в средствах массовой информации, с новыми подходами к методике преподавания языка и лингводидактике: *дискурс, геитальт, фрейм, глайд, сэмпл, спич, слоган, гипертекст, интертекст, смайл, эмоцион, киберкоммуникация, онлайн-словари, компьютерная лингвистика, когнитивная лингвистика, лингвистическая экология*.

Многообразие лингвистических школ, направлений, течений создает впечатление, что сама лингвистика как наука «вышла из берегов и заливаает мыслительное пространство ее исследователей». В этом лингвистическом море появляется «подводные камни» в виде эклектики, субъективности и утраты преемственных связей с классической наукой. Это не может не сказаться на вузовской подготовке специалистов, метаязыковая обученность которых может выбиваться из единой парадигмы лингвистики, нарушая этим самым цельность, единство теоретической базы, что особенно важно при подготовке будущих филологов. Экспериментальные исследования в Кубанском государственном университете позволили сделать вывод, что студенты филологического факультета, по мере накопления знаний от курса к курсу, склонны к междисциплинарной терминологической интерференции. Так, при определении понятия «метаязык» 22 % студентов ответили, что это *язык науки, специальный язык*; 17 % опрошенных считают, что метаязык – это *праязык, прародитель, основа современного языка*; 10 % затруднились что-либо ответить; около половины респондентов дали разнородные характеристики типа: *«философский язык», «иностранный язык», «художественный язык», «язык в своем первоначальном виде», «искусственный язык»* и т.д. А такие термины, как *«модель», «парадигма», «дистрибуция», «актант»* оказались незнакомы большей части студентов [6].

Подводя итог, скажем, что есть несколько основных направлений, характеризующих состояние и развитие метаязыковых систем: интеграция лингвистики и других наук, антропоцентризм и гуманитаризация научных методов; инновация и установка на

качественно новое кодирование парадигмы лингвистических знаний. Важно при этом исходить из принципа, что интеграция лингвистики и других наук должна проводиться на основе их координации, а не в результате интервенции «чужого». Для ориентирования в этом почти безмерном океане терминов очень важна работа по созданию отраслевых терминологических словарей, которые окажут практическую помощь в истолковании терминов при чтении лингвистических текстов и при усвоении лингвистических знаний.

Список литературы

1. Альберт Эйнштейн. Всеобщий язык науки [Электронный ресурс] / А. Эйнштейн. – Режим доступа: http://www.jnana.ru/science/einstein_language.html
2. Аничков И.Е. Очерк советского языкознания / И.Е. Аничков // Сумерки лингвистики. Антология. – М.: Academia, 2001. – с. 576.
3. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса / Т.А. Ван Дейк. – Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
4. Данилов В.В. Этимология грамматических терминов. / В.В. Данилов // Русский язык в школе, 1937. – № 4. – С. 57– 67.
5. Демьянков В.З. О понятии и концепте / В.З. Демьянков // Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии / Под ред. акад. Е. П. Чельшова. – М.: Азбуковник, 2010. – С. 22 –37.
6. Немыка А.А. Интеграция объектно-предметных связей языкознания и других наук. [Электронный ресурс] / А. А. Немыка. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-obektno-predmetnyh-svyazey-yazykoznanija-i-drugih-nauk>
7. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава: Довкілля. – К, 2010. – 844 с.
8. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. / Ю.С. Степанов. –М., 1997. – С. 128.

Сидельніков В. П., Марченко Є. О. Деякі особливості метамови сучасної лінгвістики // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.25-29

У роботі розглядаються такі особливості сучасної лінгвістики, як складність термінологічної системи та її підсистем, що відбивають розмаїття парадигм сучасної лінгвістики; наднаціональний (інтернаціональний) характер сучасної метамови лінгвістики; основні функції метамови (формування, трансляція, розвиток лінгвістичних знань)

Ключові слова: *Метамова, формування, трансляція, розвиток наукових знань, наднаціональний характер метамови, дидактичний аспект метамови*

Sidelnikov V. P., Marchenko E. A. Some peculiar properties of meta-language of present-day linguistics // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.25-29

In article such features of modern linguistics, as complexity of terminological system and its subsystems which reflects variety of paradigms of modern linguistics are considered; supranational (international) character of modern meta language of linguistics; main functions of meta language (formation, translation, development of linguistic knowledge).

Keywords: *meta language, formation, translation, development of scientific knowledge, supranational character of meta language, didactic aspect of meta language*

Поступила в редакцію 10.05.2014 г.

УДК 81'367.625

Части речи в курсе грамматики

Тукова Т.В.

Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина
tukovatv@mail.ru

В статье рассматривается проблема критериев выделения лексико-грамматических классов слов в русле современных научных парадигм. Исходя из эволюции концептуализации мира на лексическом и грамматическом уровнях, предлагается корректно использовать термины, разграничивая понятия части речи и функционально-грамматического поля. Логичным представляется выделение основных знаменательных частей речи, контаминантов, служебных релятивных частей речи, особых категорий слов. Обоснуется лингводидактический потенциал такого подхода к изучению частей речи в школе.

Ключевые слова: части речи, функционально-грамматическое поле, концептуализация мира, гетерогенный принцип, лингводидактический потенциал.

Изменение парадигм научного осмысления мира неизбежно приводит к пересмотру подходов к сложившимся традициям исследования, к дидактическим приёмам и практикам изучения конкретных явлений. Усиление позиций когнитивизма в лингвистических изысканиях последнего времени активизировали обсуждение до сих пор не имеющей однозначного решения проблемы частей речи в русском языке. В числе дискуссионных – вопрос о принципах выделения частей речи, об их количестве, о границах частей речи и проч. [23; 4; 6; 3; 21 и мн.др.]. Встречаются случаи, когда одно и то же слово относят к нескольким классам [9], а какие-то слова остаются вне классов [3], тогда как «при научной классификации пересечение классов и наличие остатка - явные пороки, которых стремятся избежать» [1].

Всё это создаёт определённые сложности в процессе обучения языку как в средней, так и в высшей школе. В поиске компромиссов при установлении по возможности логичного и системного подхода к изучению частей речи с позиций современной лингвистики поставим **целью** обосновать целесообразность изучения частей речи с позиций категоризации знаний о мире.

Установление частеречной принадлежности слова - вопрос из разряда «вечных» в языкознании. Л.В.Щерба справедливо отмечал, что «различение «частей речи» едва ли можно считать результатом «научной» классификации слов. Ведь всякая классификация подразумевает некоторый субъективизм классификатора» [23, с.78]. Примером подобного субъективизма может служить утверждение, что в пушкинской фразе *Татьяна – ах!* «*ах* относится к Татьяне и является глаголом» [23, с.84]. Многочисленные расхождения в частеречной квалификации слов *оба, там, летом, да, бац, красиво, спасибо, баста* и многих других свидетельствуют об открытости дискуссии в этой сфере научных знаний.

Известно, что в истории языкознания существовало несколько подходов к осмыслению понятия частей речи, проистекающих из позиций, господствовавших в науке определённого времени общенаучных парадигм. Как известно, общее движение

в осмыслении шло от превалирования гомогенного подхода к гетерогенному. Так, на определённых этапах предпочтительными оказывались то семантический, то синтаксический, а то и чисто формально-морфологический критерии (ср., например, работы О.П.Суника [17], И.И.Мещанинова [7], А.А.Шахматова [22], М.П.Петерсона [10] и др.). Компромиссный подход В.В.Виноградова [4] к классификации категорий слов основывался на учёте семантических, морфологических, структурно-словообразовательных и синтаксических особенностей языковых единиц. Гетерогенный принцип систематизации был учтён последней научной академической грамматикой [13], в которой находим введение критерия общности парадигм. Однако до сих пор возникают споры относительно оснований выделения частей речи, следовательно, и частеречной квалификации конкретных слов. Думается, что одной из причин становится игнорирование какого-либо из означенных критериев. Так, отсутствие учёта структурно-морфологических особенностей (наличие специфических для глагола структурных элементов, морфологических категорий, соответствующих парадигм) девербативов (*чтение, бег* и под.), близких к междометиям слов *хватать, клац* и под. позволяют некоторым авторам включать их в состав глагола. Перевес в сторону семантического критерия приводит к смешению понятий *часть речи* и *функционально-грамматическое поле*. Подобное неразграничение уже формирует традицию. Например, в пределах имён числительных оказываются слова, именующие не точное количество предметов или абстрактных чисел, а порядковые слова (*первый, десятый*), обладающие иной формальной парадигмой; слова, называющие приблизительное количество (*немного, мало*); не обозначающие, а указывающие на количество слова (*оба, обе*) и проч. [20]. Преувеличение семантического критерия, смешение номинативного и дейктического оснований для обобщённой характеристики, введения двух и более критериев выделения части речи (количество и порядок при счёте) нарушает принцип научности описания. Нет сомнений, что все названные слова имеют отношение к количественной характеристике действительности, однако, их объединение оправдано рамками функционально-семантического поля количества, а не части речи, именуемой именем числительным. Части речи в современном традиционном понимании – это лексико-грамматические разряды слов, выделяемые на основании: 1) наличия общеграмматического значения, абстрагированного от конкретных лексических и грамматических значений слов данного класса; 2) общности специфических морфологических категорий; 3) общности словообразовательных свойств; 4) общности основных синтаксических свойств (связей в словосочетаниях и синтаксических функций в предложении). В отличие от частей речи функционально-семантическое поле – это лексико-грамматическая подсистема языка, охватывающая разнородные, но взаимодействующие средства выражения некоторой семантической категории и представляющее собой полевую структуру, в которой выделяется центр (с однородным общеграмматическим значением) и более или менее обширная периферия – морфологическая (формообразовательная) и лексическая, а иногда и синтаксическая. Сложившаяся в конце XX - начале XXI вв. научная школа функционально-грамматических полей Ф.В.Бондарко позволяет снять ряд вызывающих немолкающие споры частеречных характеристик, долгое время обсуждаемых в научной литературе. Корректное употребление терминологии адекватно передаёт современное представление о наиболее обобщённых группах слов, отражает степень изученности языка на данном этапе развития науки и требует пересмотра традиционно сложившихся в учебниках и учебных пособиях установлений, отражающих прежние нелогичные, а порой и противоречивые квалификации.

Неоднородность традиционно выделяемых частей речи привела к необходимости их деления на знаменательные и служебные (см., например, школьные учебники). Универсалией в области исторических сдвигов в системе языка В.Н.Мигирин называет движение от знаменательных частей речи к служебным, от имён к наречиям, а затем к частицам [8]. У В.В.Виноградова находим выделение четырёх категорий слов, среди которых только одна именуется частями речи, остальные – частицы речи, модальные слова и междометия [4]. При этом до сих пор не всеми признаётся право слов категории состояния именоваться частью речи, как, впрочем, причастий и деепричастий [18]. Наряду с междометиями в отдельную категорию слов/частей речи выделяют звукоподражания, этикетные и императивные слова [5; 18; 15; 14 и др.]. Как видим, даже при компромиссном подходе с учётом нескольких критериев трудно составить непротиворечивую классификацию всего корпуса лексики с ориентацией на грамматические характеристики.

Предложения современных исследователей учитывать интегративный принцип как системный при описании частей речи, заложенный в слове как языковом знаке по определению [21, с.337], имеют глубокую традицию. Так, А.А.Шахматов знаменательными частями речи считал только существительное, прилагательное, глагол и наречие [22, с.422]. Основными частями речи называл их А.М.Пешковский [11, с.119], а О.П.Суник, поддерживая такой подход, эти части речи именовал и особыми грамматическими категориями [17, с.39]. Первичными или основными квалифицируют их и в некоторых современных учебниках [16, с.23]. Такой подход, учитывающий уровни категоризации мира, тесно связанный с общей эволюцией человеческого мышления в направлении от категории субстанции к категории действия (процесса), находим при рассмотрении становления частей речи у А.А.Потебни [12]. Четыре означенные части речи в интегрированном виде отражают категоризацию мира в виде макрогрупп единиц языка как лексического, так и грамматического порядка. Они именуют субстанцию (существительное) и её признаки разной степени: первой (прилагательные и глаголы), второй (наречие при глаголах и прилагательных) и третьей (наречие при прилагательных или приадективных наречиях). В.Н.Мигирин иллюстрирует такую позицию в рассмотрении развития лингвистического мышления следующими примерами: *Собака ест мясо – Большая собака ест мясо – Большая собака быстро ест мясо* – Большая собака **быстро** ест мясо – Большая собака **очень быстро** ест мясо [8, с.201]. У каждой из этих частей речи есть набор специфических грамматических категорий и парадигм, они составляют основу синтаксической структуры предложения русского языка, т.е. морфологизованы для выражения подлежащего, дополнения, сказуемого и обстоятельства. Отсутствие присущих исключительно одному классу слов грамматических признаков остальных частей речи (местоимений, числительных, причастий, деепричастий, категории состояния) позволяет называть их вторичными, периферийными, гибридными или контаминантами [16; 2; 15; 19].

Как представляется, такой подход к рассмотрению частей речи лежит в русле современной когнитивной парадигмы описания языка, отражая эволюцию в категоризации мира. «Различия в степени познания действительности или отдельных её участков...отражаются в словарном составе языка в большей степени, чем в системе грамматических категорий. Концептуальных универсалий больше в грамматике, чем в словаре» [8, с.184]. Поэтому отказ от традиционного порядка изучения частей речи в средней и высшей школе позволит акцентировать внимание на существенных характеристиках структуры современного знания о лексико-грамматическом обустройстве языка. Усвоение основ интеграции знаний лексического, морфологического и синтаксического порядка в движении от основных знаменательных частей речи (существительного, глагола, прилагательного, наречия) к контаминантам (числительному, местоимению, причастию, деепричастию,

безлично-предикативным словам), затем к служебным релятивным (предлогам, союзам, частицам) и особым категориям слов (модальным словам, междометиям, звукоподражаниям, императивным и этикетным словам), как показала практика преподавания в вузе, улучшает качество лингвистической компетенции современного студента.

Список литературы

1. Алпатов В.М. О разных подходах к выделению частей речи // Вопросы языкознания. – 1986. – №4. – С. 37- 46.
2. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка / В.В.Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000.
3. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии /Л.Л.Буланин. – М., 1976. – 208с.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове.- М., 1986. – 640с.
5. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология: учебное пособие для студентов филол. фак-тов гос. ун-тов / А.А.Камынина. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 240с.
6. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С.Кубрякова. – М., 1978. – 115с.
7. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И.И.Мещанинов. – М.:Л., 1945. – 322с.
8. Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения / В.Н.Мигирин. – Кишинёв, 1973. – 237с.
9. Морфология современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С.И.Богданов, В.Б.Евтюхин, Ю.П.Князев и др. / Учебно-методич. комплекс по курсу «Морфология современного русского языка». – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013. – 640с.
10. Петерсон М.Н. О частях речи в русском языке / М.Н.Петерсон // Вопросы грамматического строя. – М.: Изд-во АН СССР, 1955.
11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М.Пешковский. – М., 2000. – 432с.
12. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.1-2. – М., 1958. – 536с.
13. Русская грамматика. В 2 т. / под ред. Н.Ю.Шведовой. – М., 1980.
14. Селиванова Е.А. Современный русский язык. Морфология: Учебник / Е.А.Селиванова. – Черкассы: Изд-во Ю.А.Чабаненко, 2013. – 288с.
15. Сидоренко Е.Н. Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка. В 5-ти частях. – Симферополь: Крымское учебно-педагог. гос. изд-во, 2005.
16. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц / под ред. Е.И.Дибровой. – М.: Академия, 2001. – 704с.
17. Суник О.П. Общая теория частей речи / О.П.Суник. – М.:Л., 1966.
18. Тихонов А.Н. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология / А.Н.Тихонов. – М., 2002. – 463с.
19. Тукова Т.В. Виды морфологического анализа в вузе: учебно-методическое пособие / Т.В.Тукова. – Донецк: ДонНУ, 2012. – 83с.
20. Чеснокова Л.Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функция / Л.Д.Чеснокова. – Ростов-на-Дону, 1997. – 292с.
21. Шарандин А.Л. Семантическая структура слова как отражение языковой интеграции / А.Л.Шарандин // Русский язык: исторические судьбы и современность:

1У Международ. конгресс исследователей русского языка (Москва. МГУ им. М.В.Ломоносова, фил. фак-т, 20-23 марта 2010г.): Труды и материалы / сост. М.Л.Ремнёва, А.А.Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – С.337.

22. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А.Шахматов. – Л.,1941. – 620с.

23. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.,1974. – С.77-100.

Тукова Т.В. Частини мови у курсі граматики // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.30-34

В статті розглядається проблема критеріїв виділення лексико-граматичних класів слів у руслі сучасних наукових парадигм. Виходячи з еволюції концептуалізації світу на лексичному та граматичному рівнях, пропонується коректно використовувати терміни, розмежовуючи поняття частини мови та функціонально-граматичного поля. Логічним видається виділення знаменних основних частин мови, контамінантів, службових релятивних частин мови та особливих категорій слів. Обґрунтовується лінгводидактичний потенціал такого підходу до вивчення частин мови у школі.

Ключові слова: частини мови; функціонально-граматичне поле, концептуалізація світу, гетерогенний принцип, лінгводидактичний потенціал.

Tukova T.V. Parts of the speech in the grammar cours // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.30-34

The problem of lexico- grammatical classes' criteria identifying in terms of modern scientific paradigms is observed in the article. Correct using of the terms, differentiating between notions of part of the speech and functional-grammatical field, based on the evolution of the world's conceptualization on the lexical and grammatical levels is proposed. Identifying the main and concept words, contaminants, auxiliary relative parts of speech, specific words' categories appears to be logical. Linguo-didactic potential of this approach to parts of the speech studying at school is accounted for.

Key words: parts of speech, functional-grammatical field, world's conceptualization, heterogenic principle, linguo-didactical potential.

Поступила в редакцію 08.05.2014 г.

УДК 811.161.2

Эволюция словообразовательных рядов в контексте межкультурной коммуникации (функциональный аспект)

Шепель Ю.А.

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара,
м. Дніпропетровськ, Україна
123zub@ua.fm*

В статье предлагается подход к изучению словообразовательной системы на основе теории словообразовательных рядов. Сравнительный анализ словообразовательных процессов в диахронии даёт возможность проникнуть в суть языковой природы словообразовательных отношений исследуемого языка и способствует дальнейшей разработке более общих проблем сравнительно-исторической лингвистики. Теория словообразовательных рядов не только применима к словообразовательной системе какого-либо конкретного языка, но даёт возможность выявить особенности словообразовательной системы на различных этапах ее исторического развития.

Ключевые слова: *словообразовательный ряд, дериватология, сопоставление, диахрония, синхрония, словообразовательная система, система, системность, грамматика, комплексная единица словообразования, когнитивизм, семантическое значение.*

В последнее время значительно возрос интерес к диахронному изучению словообразовательных рядов языка, что объясняется наметившейся необходимостью в разработке теоретических и практических вопросов исторического словообразования, в основную задачу которого входит описание становления и развития словообразовательной системы того или иного языка.

Эволюция словообразовательной системы как системы словообразовательных рядов не являлась объектом специального исследования, хотя отдельные вопросы исторического словообразования привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных ученых (Н. Е. Виленская, Ю. А. Шепель, О. В. Глебова и др.). Все это позволяет говорить о недостаточной изученности словообразовательной системы языка в плане динамики, что и определяет **актуальность** данного направления исследований.

В нашей статье предлагается подход к изучению словообразовательной системы на основе теории словообразовательных рядов. **Объектом** рассмотрения является словообразовательная система, **предметом** – словообразовательный ряд.

Изучение эволюции словообразовательных рядов может моделироваться на основе исторической периодизации истории языка в силу возможности отражения основных этапов развития письменного литературного языка. Сравнительный анализ словообразовательных процессов в диахронии дает возможность проникнуть в суть языковой природы словообразовательных отношений исследуемого языка и способствует дальнейшей разработке более общих проблем сравнительно-исторической лингвистики. Теория словообразовательных рядов применима не

только к словообразовательной системе какого-либо конкретного языка, но даёт возможность выявить особенности словообразовательной системы на различных этапах ее исторического развития.

Анализ словообразовательных рядов как иерархически упорядоченного множества производных единиц, объединенных тождеством словообразовательного форманта последнего деривационного шага, является способом углубленного познания объектов словообразовательной детерминации с точки зрения универсальности и уникальности их семантической структуры, позволяет выявить сходства и различия в средствах объективации одного и того же мыслительного содержания, а также за висимость внутриязыковых семантических процессов от системно-структурных особенностей языков.

Несомненно, основные результаты изучения словообразовательной системы русского языка были получены в рамках аналитического системно-структурного направления, поэтому системный подход к изучению комплексных единиц словообразования является в равной мере основополагающим.

Словообразовательные ряды распадаются на смысловые составляющие. Семантическая структура ряда состоит из лексико-семантических вариантов, представляющих собой ряд в одном из аффиксальных значений входящих в него слов.

Как и семантический вариант гнезда, лексико-семантический вариант ряда может реализоваться в одном или нескольких словах, составляющих этот ряд. В отличие от семантического варианта гнезда, в семантическом варианте ряда всегда присутствует категориальная сема и выражается словообразовательное значение. Связующими элементами выступают полисемичные слова, в которых выражается какое-либо значение аффикса. В противоположность плану выражения словообразовательной системы, в котором гнёзда и ряды упорядочены отличным друг от друга образом, в плане содержания они организованы одинаково. Так, на уровне словообразовательной формы гнёзда имеют иерархическое строение, а ряды — многосвязное. На уровне содержания структуры словообразовательных рядов относятся, как и структуры гнёзд, к одному классу — к классу многосвязных.

Словообразовательный ряд строится по формантоцентрическому принципу. Это не позволяет ему входить в структуру словообразовательного гнезда, в отличие от других единиц словообразовательного уровня. Однако словообразовательные ряды и гнёзда обладают одинаковым строением. Они взаимосвязаны и взаимофункциональны. В плане содержания словообразовательные ряды фиксируют значения, релевантные для словообразования, причем типы значений равноправные. В плане выражения различие в типе значения актуализируется. Если словообразовательное гнездо служит планом выражения для семантического поля, если гнёзда автономны и строго упорядочены, концентрированы, то словообразовательные ряды реализуют словарно-категориальные значения, разрывая гнёзда и распределяя их составляющие по единицам другого уровня — по частям речи.

Сходство строения гнёзд и рядов на уровне содержания и их различие на уровне словообразовательной формы выражается в сходстве и различии составляющих и связок. В плане содержания непосредственно составляющими рядов, как и гнёзд, являются лексико-семантические варианты, а связками — значения многозначных слов. Если в плане выражения гнёзда состоят из ветвей, то ряды — из слов. Ветви в гнёздах связаны основами, а составляющие рядов — аффиксами. Стыки гнёзд и рядов распадаются на части, которые тоже упорядочиваются иерархически.

При определении семантической структуры комплексных единиц словообразования и логико-семантической структуры производного слова часто используется метод компонентного и функционально-семантического анализа, который проводится как

на лексическом, так и словообразовательном уровнях. Ономаσιологический подход к исследованию напрямую связан с семасиологическим. Поэтому при рассмотрении словообразовательных рядов огромное значение должно уделяться вопросу взаимосвязи лексической и словообразовательной семантики [2; 3; 4]. Процесс называния динамичен в своей основе. Полноте описания ономаσιологических свойств производных слов способствует изучение таких факторов деривационного акта, как:

— тип и характер семантики дериватора, а также (в связи с этим) функциональная специфика и семантические возможности способов словообразования (И. С. Улукханов, В. В. Лопатин, Е. С. Кубрякова и др.);

— парадигматические и синтагматические свойства производящих слов, взаимосвязь и взаимозависимость между ними, их роль при определении и реализации деривационных потенций тех или иных разрядов производящих слов (Е. А. Земская, А. Н. Тихонов, И. Г. Милославский, Л. П. Клобукова, Т. С. Яруллина и др.);

— валентностные свойства единиц (разряда единиц), входящих во взаимодействие при образовании производных слов;

— взаимодействие, степень функциональной связи, словообразовательных категорий с определенными морфологическими категориями, с категориями и типами структур синтаксического уровня (З. А. Харитончик, Е. С. Кубрякова, Е. Л. Гинзбург и др.);

— различные аспекты отношения деривационно-ономаσιологических явлений к языковой картине мира (Ю. Н. Караулов, Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, А. А. Уфимцева, Е. С. Кубрякова, Т. И. Вендина и др.).

Категориальность семантики производных слов строится на способности семантической типизации деривационных отношений между производящими и производными (транспозиционные, мутационные, модификационные) и между исходными единицами деривационного процесса — производящими основами, аффиксами. Сложность производного слова как языкового знака заключается в том, что, приобретая новое значение и форму, оно также «наследует» и особым образом преломляет семантические свойства составляющих его компонентов. Носителем словообразовательного значения является вся ономаσιологическая структура производного, в динамике формирования которой складываются его номинационные параметры — степень абстрактности и самостоятельности, характер связи с другими категориями, возможность выражения дополнительных смыслов (лексических, грамматических, стилистических, коннотативных) [5].

В современной лингвистике значительно возросла роль функционального подхода к описанию языковых явлений. Несмотря на существующие различия в его интерпретации и применении к конкретным фактам языка со стороны различных школ и направлений, сущность этого подхода заключается в выявлении тех обстоятельств (т. е. тех языковых и внеязыковых факторов и условий) функционирования и взаимодействия языковых единиц разных уровней, которые обуславливают порождение / выбор, воспроизведение единиц, способных к непосредственному участию в акте номинации или речевой коммуникации.

Словообразование представляет собой функционирующую систему, способную самоорганизовываться в результате взаимодействия закономерных явлений внеязыкового и внутриязыкового характера.

Функционально-когнитивный подход к описанию словообразования помогает обнаружить такие свойства словаря, которые уже изначально предопределяют поведение лексических единиц в речевой коммуникации.

Опираясь на когнитивность, мы способствуем выявлению имплицитно и эксплицитно выраженных семантических компонентов в смысловой структуре

производных слов и целых блоков лексем, связанных с ядерным концептом. Такой подход в конечном итоге позволяет дать функционально-семантическую классификацию лексической системы языка с учетом тех знаний, которые зафиксированы в словарных единицах. С позиций когнитивизма лексическое значение рассматривается как отражение определенных, зафиксированных в языке пластов знаний и опыта, тесно связанных с деятельностью человека. Если когнитивный подход предусматривает систематизацию всех типов знаний, заложенных в структуре слова и связанных с познавательной деятельностью человека, то когнитивный анализ позволяет выявить, какая именно структура знаний фиксируется в лексической единице, как осуществляется в слове сжатие и развертывание знания и как проявляется различная степень его детализации [1]. Когнитивная функция организует взаимосвязь разноаспектных суперконцептов и концептов в содержании слов. При когнитивном подходе возможно выявление в лексическом значении слова качественно новых компонентов, которые предопределяют функционирование языковых единиц.

Для полного описания всей словообразовательной системы необходимо исследование как продуктивных, так и непродуктивных, но сохранившихся в том или ином языке в составе словообразовательного ряда производных [5].

Как известно, словообразовательный уровень языка включает в себя большое количество единиц, неоднородных по своему составу и системообразующим свойствам. В основу классификационных построений словообразовательной системы кладутся разные дифференцирующие признаки¹. Система словообразовательных рядов на протяжении всего своего развития была подвержена и продолжает подвергаться самоорганизации: звенья словообразовательных рядов состоят в отношениях взаимодействия и взаимовлияния; структурно-семантические особенности отдельного звена влияют на изменение структуры всего словообразовательного ряда и семантики других входящих в него звеньев. Появление, исчезновение и отсутствие звеньев словообразовательного ряда объясняется как социально-историческими условиями развития языка, так и рядом внутрилингвистических факторов.

Список литературы

1. Виленская Н.Е. Становление и развитие суффиксальных словообразовательных рядов английского языка : автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. н. : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е. Н. Виленская. – М., 1986. – 23 с.
2. Шепель Ю. А. Словообразовательный ряд в системе словообразования / Ю. А. Шепель. – Днепропетровск : Наука и образование, 2006. – 304 с.
3. Шепель Ю. А. Словообразовательный ряд и его роль в системной организации лексики : монография. – Часть 1: Словообразовательный ряд как комплексная единица системы дериватологии / Ю. А. Шепель. – Днепропетровск : Белая Е.А., 2011. – 164 с.
4. Шепель Ю. А. Словообразовательный ряд и его роль в системной организации лексики : монография. – Часть 2 : Адъективные словообразовательные ряды русского языка / Ю. А. Шепель. - Днепропетровск : Белая Е. А., 2013. – 240 с.

¹ В наших монографиях и в докторской диссертации по теории словообразовательных рядов [2; 3; 4; 5] я достаточно полно продемонстрировал, что две подсистемы словообразования образуют два разных типа словообразовательных единиц: с одной стороны, это онтологические, реальные языковые единицы и их совокупности, представляющие собой объективную языковую сущность; с другой стороны, единицы метаязыковые, классификационные, результат абстрагирующей деятельности нашего сознания. Две подсистемы словообразования образуют разные по своим онтологическим свойствам единицы, каждая из которых позволяет наиболее полно охарактеризовать специфику языковых отношений внутри системы, а также способы объединения и классификации производных слов.

5. Шепель Ю. А. Словообразовательный ряд в системной организации русской адъективной лексики : автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филол. н. : спец. 10.02.02 – «Русский язык» / Ю. А. Шепель. – Киев, 2009. – 43 с.

Шепель Ю.О. Еволюція словотвірних рядів у контексті міжкультурної комунікації (функціональний аспект) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.35-39

У статті пропонується підхід до вивчення словотвірної системи на основі теорії словотвірних рядів. Порівняльний аналіз словотвірних процесів у діахронії дає можливість прозирнути в суть мовної природи словотвірних відношень досліджуваної мови та сприяє подальшій розробці більш загальних проблем порівняльно-історичної лінгвістики. Теорія словотвірних рядів не лише застосована до словотвірної системи будь-якої конкретної мови, але дає можливість виявити особливості словотвірної системи на різних етапах її історичного розвитку.

Ключові слова: *словотворчий ряд, дериватологія, зіставлення, діахронія, синхронія, словотвірна система, система, системність, граматики, комплексна одиниця словотвору, когнітивізм, семантичне значення.*

Shepel Yu. A. An evolution of word-formation rows is in context of cross-cultural communication (functional aspect) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.35-39

In the article offered approach to the study of the word-formation system on the basis of theory of word-formation rows. The comparative analysis of word-formation processes in diachrony gives an opportunity to get to essence of language nature of word-formation relations of the investigated language and assists further development of more general issues of comparatively-historical linguistics. The theory of word-formation rows not only is applicable to the word-formation system of some concrete language, but gives an opportunity to educe the features of the word-formation system on the different stages of her historical development. Onomasiological aspect is closely linked to semasiological therefore of paramount importance is paid to the formative and lexical semantics and the problem of their interaction. In modern linguistics, the role of the functional approach to the description of linguistic phenomena. Word formation is a functioning system capable of self-organizing the interaction of regular and extra-linguistic phenomena Intralanguage character. Functional-cognitive approach to the description of word helps detect such properties dictionary, which is initially determine the behavior of lexical units in speech communication.

Keywords: *word-formation row, дериватологія, comparison, диахронія, синхронія, word-formation system, system, system, grammar, complex unit of word-formation, когнітивізм, semantic value.*

Поступила в редакцію 12.05.2014 г.

**РАЗДЕЛ 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ
ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА.
СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ**

УДК 811.512.15,373.613

**Мотивированность в словообразовательном калькировании
крымскотатарского языка**

Алиева В.Н.¹, Ресутова Э.И.²

¹ *Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым*

² *РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»,
г. Симферополь, Республика Крым*

В статье раскрывается понятие мотивации (мотивированности) в области словообразования крымскотатарского языка. При анализе материалов крымскотатарских газет 90 – х годов, связанных с общественно – политической тематикой, наблюдается значительное количество калькированной лексики, образованной под воздействием русского языка. Из русского и через русский язык посредством перевода мотивация вводит наименование в систему крымскотатарского языка как языковую единицу, оформленную аффиксальным, семантическим или синтаксическим способом. Следовательно, в словообразовательном калькировании крымскотатарского языка мотивированность наименования – это результат деривационных процессов (семантических, словообразовательных и синтаксических).

Ключевые слова: *калькирование, мотивация, мотивированность, перевод, крымскотатарский язык, русский язык.*

В теории словообразования основополагающим является понятие мотивации (мотивированности). Мотивированность слова, ее природа и значение для языковой системы в русском языкознании стали представлять большой интерес с 50 – х годов прошлого столетия.

Постановка проблемы. Проблема определения сущности мотивации имеет долгую историю, в ходе которой накоплен большой теоретический и практический материал в языкознании (О.И. Блинова, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Е.С. Кубрякова, Н.Ю. Санникова, А.И. Смирницкий, Ф. Соссюр, И.С. Улуханов, И.А. Ширшов и др.). Вопрос мотивированности нашел отражение в различных лингвистических разделах: синхронного и исторического словообразования (О.И. Блинова, Н.Д. Голев, И.С. Улуханов, И.А. Ширшов, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, М.Н. Янценецкая, З.И. Рязанова), словообразовательного калькирования (Л. П. Ефремов и др.), ономазиологии (И.С. Топорцев и др.), этимологии (Е.В. Комина, М.Д. Степанова и И.И. Чернышева), номинации (Е.А. Селиванова, С. А. Руткевич и др.). Тем не менее, не смотря на такое большое количество исследований, вопрос о сущности мотивации

остается открытым в области словообразования. В нашей статье особое внимание уделяется вопросу мотивированности в словообразовательном калькировании крымскотатарского языка.

Актуальность темы исследования. В крымскотатарском языке, мы полагаем, это первая попытка описания процесса словообразовательного калькирования на материале общественно – политической лексики.

Объект исследования. Источником фактического материала является крымскотатарская лексика общественно – политического содержания (материалы крымскотатарских газет «Достлукъ», «Къырым», «Янъы дюнъя» за 1990 – 1995 год).

Целью нашей статьи является анализ явления мотивированности в словообразовательном калькировании. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи:

- раскрыть значение термина «мотивированность» в словообразовании;
- проанализировать мотивированные и деривационно оформленные кальки (идентично или не идентично с объектами);
- определить соотношение мотивированности и особенностей перевода в словообразовательном калькировании крымскотатарского языка;

Впервые термины мотивированность, мотивированный употребил Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики»: «Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но немислимо себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между двумя этими крайними точками – наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью – можно найти промежуточные случаи. Во всех языках имеются двойного рода элементы – целиком произвольные и относительно мотивированные, – но весьма в разных пропорциях, и эту особенность языков можно использовать при их классификации» [4,1977].

По данной проблеме в советский период осуществляли научные исследования А.И. Моисеева [1963], И. С. Тропцева [1964], Н. Г. Рядченко [1968], И. С. Улуханова [1971] и др. Известный русский лингвист А. И. Смирницкий дал следующую характеристику мотивированности: «Принцип мотивированности заключается в том, что соединение отдельных звучаний предполагает рациональное соединение соответствующих этим звучаниям значений; и обратно: для рационального соединения значений требуется соединение соответствующих им звучаний. Это и значит, что звучание сложного по значению отрезка речи мотивируется тем, какие значения выражаются в этом отрезке речи, а выделение в общем, совокупном значении такого отрезка составляющих его значений мотивируется тем, какие связанные со значением отдельные звучания выделены в звучании всего отрезка» [9, 88].

Отметим, что В.В. Виноградов понятием мотивированности связывало определение внутренней формы слова: «Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между словесными элементами языковой системы» [3. 17]. Концепция В.В. Виноградова созвучна со взглядами О.И. Блиновой: «Внутренняя форма слова – средство, способ реализации в слове его мотивированности: лексической (результат мотивации однокорневой лексической единицы) и структурной (результат мотивации одноструктурным или одноструктурными образованиями)» [2, 28].

Благодаря развитию учения о мотивированности значения слова в теории словообразования намечаются сдвиги: от рассмотрения его результата (готового слова) к выяснению самого словообразовательного акта (создания слова). Е.С. Кубрякова пишет: «...все словообразование в целом может и должно изучаться и со стороны плана содержания, и со стороны плана выражения, т. е. в равной мере и с грамматической, и с семантической точки зрения» [6,6]. Развивая взгляды Е.С. Кубряковой, Л.П. Ефремов отмечает: «Мотивированность относится к слову

как к лексическому явлению в целом, и к плану содержания (значению), и к плану выражения». Особенно, пишет автор, «... словообразовательная структура (т.е. план выражения) - необходимое условие при словообразовательном калькировании, так как из нее "извлекается" мотивированность калькируемого объекта, на использовании которой строится акт калькирования" [5, 49]. В данной работе мы исходим из вышеуказанной формулировки Л.П. Ефремова.

При анализе материалов крымскотатарских газет 90 – х годов, связанных с общественно – политической тематикой, наблюдается значительное количество лексикой, образованной под воздействием русского языка. Это слова – кальки, которые представлены в следующих примерах:

1. *Партия ве совет хадимлериниъ, ильмий ве иджадий зиялыларыныъ, миллий – медений джемиедлер векиллериниъ иштирагинен «тегерек столлар» мунакъаша минберлерини отъкерюв козьде тутулсын [Д.1990].*

Наметить проведение «круглых столов» с участием советских и партийных работников, научной и творческой интеллигенции, представителей национально-культурных организаций.

Выделим кальки:

- партия ве совет хадимлери – советские и партийные работники;
- ильмий ве иджадий зиялылар – научная и творческая интеллигенция;
- миллий – медений джемиедлер векиллери - представители национальных и культурных обществ;
- тегерек столлар - круглые столы;

2. *Шимди Кезлевде чадыр шеэрчигинде булунгъан семетдешлеримизниъ сайысы 1042 адам [Д. 1990].*

На сегодняшний день в Евпатории, в палаточном городке, количество наших земляков составляет 1042 человека.

- чадыр шеэрчиги – палаточный городок;
- семетдешлер – земляки;

3. *Январь 10 – да Кърым Министрлер Советинде олып кечкен мушавередде бакъылгъан меселелер боюнджа конкрет тедебирлер ишлеп чыкъылды [Я.д. 1993].*

10 января на заседании Совета Министров Крыма были приняты конкретные решения по рассмотренным проблемам.

- Кърым Министрлер Совети – Совет Министров Крыма;
- меселелер – проблемы;

4. *Къурултайны 1991 с. июнь 26 – 29 кунълери кечирмек къарары къабул этильди [Д. 1991].*

Было принято решение провести курултай 26-29 июня в 1991 году.

- къарар – решение;

5. *Киевдеки кърымтатар медениети кунълери черчивесинде кечирильген ильмий – амелий конференцияда япылган доклад [Я. д. 1993].*

В Киеве в рамках проведения дня крымскотатарской культуры на научно-практической конференции был зачитан доклад.

- кърымтатар медениет кунълери – дни крымскотатарской культуры;
- ильмий – амелий конференция – научно – практическая конференция;

6. *Первомай сайлав округында «Старокрымский» совхозныъ сайлавджылары Первомай кой Советине депутатлыккъа намзат оларакъ юзюмджи, цех партия тешиклятининъ секретары Ф. Купидиновны косътердилер [Д. 1990].*

В Первомайском избирательном округе избиратели совхоза «Старокрымский» выдвинули кандидатом в депутаты в Первомайский сельский Совет секретаря объединения цеховиков виноградаря Ф.Купидинова.

- сайлав округы – избирательный округ;

- сайлавджылары – избиратели;
- депутатлыккъа намзат – кандидаты в депутаты;
- кой Совети – сельский совет;
- партия тешиклияты – партийная организация;

Исходя из вышеприведенных примеров, отметим, что в крымскотатарском языке мотивированность передается через наименование, связанное определенными способами словообразования: 1) аффиксальным: *самет-деиш* – земля-к, *сайлав-джы* – избира-тель; 2) синтаксическим посредством устойчивых словосочетаний номинативного характера: *партия хадими* – партийный работник, *ильмий ве иджадий зиялылыр* – научная и творческая интеллигенция, *млий джемиетининъ векили* – представитель национальной организации, *тогерек стол* – круглый стол, *сайлав округы* – избирательный округ, *кой совети* – сельский совет, *партия тешиклияты* – партийная организация; 3) семантическим то есть словопереосмыслением: *меселе* – вопрос, проблема, *къарар* – решение. Таким образом, мотивированность наименования – это результат деривационных процессов (словообразовательных, синтаксических и семантических).

Будучи по отношению к своему объекту переводом, калькирование отличается от перевода, осуществляемого при помощи наличного словаря в его традиционном употреблении. Оно само создает средства перевода (оформление новых слов, переосмысление старых), основанного на мотивированности иноязычного слова. Мотивированность объекта перевода принимается в качестве образца для словообразования, в котором находит выражение перевод (калька). Например, калькируя из русского языка слова *государственность, депортация, союзник, государственный язык, коренное население* в крымскотатарском языке создаются в качестве средств перевода следующие неологизмы: *девлетчилик, сюрдюнлик, итифакъдаш, девлет тили, тамыр эалиси*. Например:

1. Эллеринде «Сюрдюнлюк 46,6 % халкъымызны алып кетти», «сюрдюнликке оъраткъан джинаетчилерни джевапкъарлыккъа чекмели» деген ве дигер шиарлар котерген адамлар шевченко адына багъчагъа догъру ел алдылар [Д.1991].

«Депортация унесла 46,6 % нашего народа», «призвать к ответственности преступников подвергнувших нас выселению» - такого рода лозунги несли в руках люди, направлявшиеся к парку им. Шевченко.

2. Дженктен сонъки сенелерде исе, Русие итифакъдаш джумхуриетлер арасында миграция меселесинде етекчи роль ойнады [Къ. 1994].

В послевоенные годы в вопросах миграции ведущую роль среди союзных государств играла Россия.

3. О девлет тили оларакъ рус, къырымтатар, украина тиллери танылмакъ кереклигини къайд этти [Я.д.1992].

Он отметил, что русский, крымскотатарский, украинский языки нужно признать государственными языками.

4. Кърымнынъ тамыр эалисининъ ярысындан зиядеси эляк олды [Я.д.1993].

Большее половины коренного населения Крыма погибло.

В крымскотатарском языке не всегда находятся семантические эквиваленты иноязычиям, которые калькируются. Так, в крымскотатарском языке не было лексемы, буквально обозначающей: «деловой человек, имеющий свое дело в целях получения прибыли или иной выгоды», соответствующее лексеме *бизнесмен*. В крымскотатарском языке данное слово появилось под влиянием русского языка: *ишчен адамы* - это результат контактов крымскотатарского и турецкого языков (в турецком языке *бизнесмен* переводится как *иш адамы*) в вышеназванном слове выпал аффикс *-чен*, и оно вошло в обиход крымскотатарского языка как *иш адамы* - «человек дела».

Однако калькирование не обязательно сопряжено с появлением слова, значение которого представляло бы для языка новую сему. Стремление к пуризму, характерное в тот период, привело к тому, что калькированию подвергались слова, которые уже послужили языку материалом для лексического заимствования из русского языка.

Например:

1. *Эм бойле мектюплерни чокъусы эсли – башлы адамлар, пенсионерлер еллайлар* [Къ.1994].

Такие письма отправляют в основном люди пожилого возраста - пенсионеры.

2. *Р. Насруллаев шимдики агъыр икътисадий заманда нефакъаджы къартларнынъ яшамасы насыл къыйын олгъаны козь огюне алып, Сакътаки мусульман джемиеми вастасы иле оларгъа 100 килограмм согъанны бедава даркътты* [Къ. 1994].

В такой трудный экономический период, принимая во внимание тяжелое положение пенсионеров, Р. Насруллаев с помощью мусульманской организации в Саках бесплатно распределял им по 100 килограммов лука.

3. *30-нджы сенелерде чешиш халкъларны зораки депортация этюв нетиджесинде аман – аман 2,2 миллион адам бир ерден экинджи ерге авушмагъа меджбур олды* [Къ. 1994].

В 30 – е годы, в результате насильственной депортации разных народов, 2,2 миллиона человек вынуждены были переселяться в другие места проживания.

Сюрдюнлик вакъытында къоранта Самарканд областындаки «Ургут» колхозына тюше [Я.д. 1995].

Во время высылки семья попадает в колхоз «Ургут» Самаркандской области.

Таким образом, на страницах крымскотатарских газет 90 – х годов употребляются дублетные наименования: заимствованные слова из русского языка и кальки с соответствующего иноязычия: *депортация – сюрдюнлик, пенсионер – нефакъаджы къарт* и др. Со временем в крымскотатарском языке в полной форме калька «нефакъаджы къарт», что дословно с русского языка переводится как «получающий пенсию пожилой человек» сокращается и появляется калька «нефакъаджы», что означает «пенсионер» и предполагает человека пожилого возраста, получающего пенсию.

Характеризуя калькирование в крымскотатарском языке как словообразование, основанное на использовании мотивированности калькируемого объекта и одновременно являющегося его переводом, «целесообразно утверждать, что данное калькирование есть частный случай словообразования, характеризующийся своими особенностями, вследствие чего его нельзя считать только словообразованием» [5, 71].

Исходя из вышесказанного сделаем **выводы**:

1) Калькирование, основанное на мотивированности, сближает языки, увеличивая в них число одинаково мотивированных слов. Но это же явление как общий принцип мотивации кальки и калькируемого объекта реализуется совершенно разными деривационно - мотивирующими единицами.

2) В крымскотатарском языке мотивированность передается через наименование, связанное определенными способами словообразования: семантическим, аффиксальным, синтаксическим, то есть посредством устойчивых словосочетаний номинативного характера.

3) Словообразовательное калькирование в крымскотатарском языке это не просто словообразование, а словообразование, являющееся в то же время и переводом калькируемого объекта – иноязычия, на использовании мотивированности которого основан акт калькирования.

4) Основная масса словообразовательных калек общественно – политического содержания – результат словосложения, что характерно для большинства тюркских

языков. Если иностранное слово является сложным, оно «охотнее» подвергается процессу калькирования, чем заимствования, так как крымскотатарский язык – один из тех языков, в котором преобладает словосложение в процессе образования новых слов.

Список литературы

1. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект / О.И. Блинова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 208 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
3. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию / Переводы с французского под редакцией А.А. Холодовича. – М.: «Прогресс», 1977. – 695с.
4. Ефремов Л.П. Основы теории лексического калькирования: [монография] / Л.П. Ефремов. – Алма – Ата: КазГУ, 1974. – 190с.
5. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование: [учеб. пособие] / Е.С. Кубрякова. - М.:Наука, 1965. – 79с.
6. Моисеев А.И. Мотивированность слов / А.И. Моисеев // Ученые записки ЛГУ. 1963. - №322. Вып. 68.
7. Рядченко Н.Г. Внутренняя форма слова и семантика / Н.Г. Рядченко // Проблемы изучения семантики языка. Днепропетровск, 1968. Ч.1.
8. Смирницкий А.И. Значение слова / А.И. Смирницкий // Вопросы языкознания. - М.:Наука, 1965. - №2. С. 85 - 91.
9. Тропцев И. С. Лексическая мотивированность / И.С. Тропцев // Ученые записки Орловского пединститута. 1964. Т. 22.
10. Улуханов И.С. Словообразовательная мотивация и ее виды / И.С. Улуханов // Известия АН СССР. Серия язык и литература. 1971. Т. 30. Вып.1.

Алиева В.Н., Ресутова Э.И. Вмотивованість у словотвірному калькиванні кримськотатарської мови // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.40-46

У статті розкривається поняття мотивації (вмотивованість) в області словотворення кримськотатарської мови. При аналізі матеріалів кримськотатарських газет 90 - х років, пов'язаних із суспільно - політичною тематикою, спостерігається значна кількість калькированої лексики, утвореної під впливом російської мови. З російської і через російську мову за допомогою перекладу мотивація вводить найменування систему кримськотатарської мови як мовну одиницю, оформлену аффиксальним, семантичним або синтаксичним способом. Следователно, в словообразовательному калькиванні кримськотатарської мови вмотивованість найменування - це результат дериваційних процесів (семантичних, словотворчих і синтаксичних).

Ключові слова: калькування, мотивація, вмотивованість, переклад, кримськотатарськй мова, російська мова.

Motivation in the Crimean Tatar language word-formative tracings // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.40-46*

The article reveals the concept of motivation (motivation) in the field of formation of the Crimean Tatar language. In this article, we assume the above wording L.P.Efremova

"motivation refers to the word as a lexical phenomenon in general, and plan content (value), and the plane of expression." Especially the author writes, "... derivational structure (t.e.plan expression) - a necessary condition for the word-formative tracings of it as" extracted "motivation kalkiruemogo object to the use of which storoitnya act of tracing." When analysing the materials of the Crimean Tatar Newspapers 90 - ies connected with the socio - political themes, there is a significant number of combinations modelled after vocabulary, formed under the influence of the Russian language. From Russian and through the Russian language by translating motivation enters the name in the system of the Crimean Tatar language as a language unit, decorated affixal, semantic or syntactic sposobnosti, in word-formation the calques of the Crimean Tatar language motivation name is the result of derivational process (semantic, derivational and syntactic).

Keywords : calques, motivation, motivation, translation, Crimean Tatar language, Russian language.

Поступила в редакцию 07.05.2014 г.

УДК 811.161

Россия в 2012 сквозь призму концептуальной метафоры

Балашова Л.В.

Саратовский госуниверситет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по Заданию № 2014/203, код проекта 1549.

В докладе представлен сопоставительный анализ концептуальных метафор, использованных при подведении итогов развития России в 2012 г. президентом РФ В.В. Путиным (на пресс-конференции 20 декабря 2012 г.) и представителями оппозиции, критически настроенными публицистами (С. Аксенов, М. Берг, А. Берштейн, М. Блант, Н. Болтянская, А. Гольц, С. Караганов, Ю. Латынина, Ф. Лукьянов, А. Макаркин, А. Орех, Д. Орешкин, А. Подрабинек, А. Рыклин, Г. Сатаров, Н. Сванидзе, А. Солдатов, И. Бороган, В. Шендерович), опубликовавшими статьи в интернет-журнале «Ежедневный журнал» в первые дни 2013 г.

Как показал анализ, наиболее регулярно метафоры используются при обсуждении: (1) социально-экономического развития России; (2) внутривластной ситуации в России (законодательная и исполнительная власть; правоохранительная система; оппозиционное движение; права человека в стране; национальный вопрос); (3) внешнеполитических связей России. При этом в принципах концептуальной организации метафор у президента и интернет-авторов есть общее и специфическое.

Наиболее наглядно концептуальные представления о взаимоотношениях государства и общества, власти и оппозиции реализуются в **социоморфной макромодели**.

Так, в речи В.В. Путина преобладает тенденция позиционирования **власти как служителя общества** – воина-защитника, слуги, простого рабочего, строителя (ср.: *Там (в правительстве), что называется, прямо „у печки“ нужно стоять или „в забое“, как горняки говорят; Что касается рабства на галерах, то, ну, смотрите, мы вчера начали работать в 10 часов утра. Закончили – ровно в 22 часа; В свое время, лет 5-6 назад, ваш покорный слуга и предложил Дмитрию Анатольевичу возглавить проект „Сколково“; Мы всегда защищаем свою политику, принимаемые нами решения*).

В интернет-статьях органы управления если и выступают в роли обслуги, то только вышестоящих начальников, своих собственных интересов или других тоталитарных режимов (*Есть элита, которая зависима от Кремля и заинтересована в самосохранении, как бы ни развивались события; При этом Россия оказывает „вполне законные“ услуги Асаду, поставляя оружие агонизирующему режиму; Соответственно в сторону эдакого смешанного клерикально-советского, опрично-гэбэшного мракобесия менялась и атмосфера в стране*).

В основном же власть изображается либо в образе патриархального или деспотичного владыки прошлого (от рабовладельческого до советского), либо деклассированного элемента. Объединяет эти социальные группы существование вне правовой системы (ср.: *Из президентской кампании и „дела Pussy Riot“ Путин*

вышел ревнителем веры и **православным генсеком** с выраженной социальной опорой на патерналистские, материально и ментально зависимые слои; Поэтому государство, с одной стороны, довольно **подданными**, а с другой – опасается их гнева; Ситуация когнитивного диссонанса, когда внешний статус ближе скорее к **цивилизованному** (и потому ограниченному в средствах) **императору Николаю II**, а инстинктивные замашки **пацана из подворотни** – к вдохновителю палаческих инноваций, **императору варваров Иосифу I; Шобла не умеет без кидалола**).

Тем самым органы управления оказываются противопоставленными гражданскому обществу, несовместимыми с ним. В целом, подводя итоги 2012 г. и делая прогнозы на будущее, авторы интернет-статей представляют политическую ситуацию в России как противоборство власти и активной части социума, власти и народа. Поэтому одной из самых регулярных становится социоморфная **модель межличностного, межгосударственного, военного конфликта** (в более мягком варианте – **спортивного состязания**) – ср.: *На протяжении 2012 года власть последовательно и, надо сказать, довольно успешно развивала наступление на гражданское общество. Параллельно, столь же успешно, отыгрывала очки, потерянные в сентябре-декабре года 2011-го; Все инициативы – об НКО, о митингах, о клевете и о госизмене – прошли на „ура“ и били в одну точку; Что не означало, что власть не ранена, не испугана, не обижена. Ранена и обижена. И скоро ... забросала общество комьями мракобесных законов, неуклонно превращающих авторитарный путинский режим в подобие тоталитарного; Отчасти потому, что власть оставалась действующим игроком на этом поле и умело оказывала влияние; <Граждане> не собственность какого-то там мелкотравчатого вождишки.*

В.В. Путин сознательно позиционирует отказ от использования такого рода конфликтных моделей (ср.: *По поводу того, кто стал врагом Следственного комитета. У Следственного комитета нет врагов персональных; А что касается того грузинского политического деятеля, то он совсем не враг Российской Федерации, он человек, который пытался ... подстрекать граждан Российской Федерации к совершению противоправных действий*), иронично указывает на излишнюю агрессивность журналиста; ср.: *Еще ничего не сказал, а уже **напал** сразу* (сниженные, оскорбительные метафоры зафиксированы лишь в двух случаях антропоморфной биомодели: по отношению к журналисту, выступающему против «закона Димы Яковлева» (*садомахозист*), и по отношению к США, обвиняющих Россию в несоблюдении прав человека (эвфемистическая интерпретация просторечного фразеологизма *по уши в дерьме*)). При употреблении спортивной метафоры акцент делается на честном соревновательном моменте и командном характере «игры» (ср.: *Это серьезным образом повышает уровень профессиональной подготовленности, уверенности в том, что делает и ваш покорный слуга, и те люди, которые со мной работают, **вся наша команда**. Вопрос был такой: нет ли планов вернуть Кудрина в команду. Команда – это же такое условное название. Если я с ним советуюсь, то в этом смысле он в команде*).

Таким образом, используя одну и ту же метафорическую модель, президент и интернет-публицисты наполняют ее разным, подчас противоположным содержанием, что приводит к формированию разных представлений об итогах развития России и мирового сообщества в 2012 г. Комплекс моделей в речи В.В. Путина отличает ориентация на создание позитивной, динамической и относительно бесконфликтной картины развития российского общества. Речь его оппонентов, напротив, отмечена восприятием социально-экономической, политической ситуации в России и мире как негативной, конфликтной и взрывоопасной, причем каких-либо перспектив сотрудничества не прослеживается. В то же время именно анализ регулярных метафорических средств в речи президента и авторов интернет-статей позволяет

констатировать, что дискуссии как таковой практически не обнаруживается. Оппоненты выстраивают собственные концептуальные конструкции, фактически разные реальности, практически не совместимые друг с другом.

The author analyzes the regular types of conceptual metaphors used to characterize the results of social-economic and political development of Russia in 2012 at the press-conference by Vladimir Putin and by the representatives of the opposition in Internet publications.

Keywords: *political discourse, conceptual metaphor, language picture of the world.*

Поступила в редакцию 10.05.2014 г.

УДК: 316.77(477+470+73)

**Ціннісні характеристики концепту PR / ПІАР / ПІІАР:
методика дослідження**

Ваніна Г.В.

*Запорізький національний університет, м. Запоріжжя, Україна
annet_vanina@inbox.ru*

У статті аналізується асоціативний підхід у вивченні специфіки образів мовної свідомості представників певного лінгвосоціуму. На прикладі методики вивчення ціннісних характеристик концепту PR / ПІАР / ПІІАР показується алгоритм дослідження образів мовної свідомості, позитивних та негативних оцінок носіїв англійської (американський варіант), української та російської мов.

Ключові слова: асоціативний експеримент, концепт, мовна свідомість, ціннісний компонент, семантична зона.

Зв'язки між мовою та когнітивним сприйняттям дійсності людиною продовжують знаходитись у центрі уваги лінгвістів. Для отримання повної інформації щодо вербалізації того чи іншого поняття мовні дані можуть бути доповнені “суб’єктивними дефініціями”, які моделюються під час асоціативного лінгвістичного експерименту, що використовується для виявлення специфіки образів мовної свідомості представників певного лінгвосоціуму.

Образ свідомості, асоційований зі словом, – це одна з небагатьох спроб описати знання, що вживаються комунікантами при створенні та сприйнятті мовленнєвих повідомлень. Ім’я (слово, тіло знака) – це та культурна рамка, яка накладається на індивідуальний досвід кожної людини, яка пройшла соціалізацію в певній культурі [9, с. 32].

Метою статті є висвітлення методики дослідження ціннісних характеристик концепту PR / ПІАР / ПІІАР за допомогою асоціативного лінгвістичного експерименту, особливостей його функціонування в американській, українській, російській лінгвокультурах.

Заявлена мета передбачає вирішення наступних завдань:

- проаналізувати наукові підходи до вивчення асоціативних зв’язків слова;
- виявити особливості вираження ціннісного компонента концепту PR / ПІАР / ПІІАР на основі асоціативних реакцій, здобутих у результаті проведення вільного асоціативного експерименту з носіями трьох мов.

У сучасній мовознавчій науці дослідники (О. Озалецька, Ю. Караулов, Й. Стернін, Р. Фрумкіна, В. Маслова, Н. Уфимцева та ін.) дійшли висновку, що певні семантичні процеси можна пояснити за допомогою законів асоціації, психологічні та психолінгвістичні методи суттєво доповнюють картину, що отримана в результаті вивчення семантики слів і способів їх групування власне лінгвістичними методами.

Так, на думку О. Залевської, поняття асоціативного підходу сформувалося в ході специфічної внутрішньої структури, глибинної моделі зв’язків та відношень, яка складається в людини через мовлення та мислення, лежить в основі “когнітивної організації” її всебічного досвіду й може бути виявлена через аналіз асоціативних

зв'язків слова [3, с. 164]. Про оціночну роль результатів асоціативного експерименту (АЕ) говорив Ю. Караулов, підкреслюючи, що “спостереження над складом і співвідношенням асоціативно-вербальних мереж різних мов можуть наблизити нас до розуміння особливостей бачення світу та його оцінки національною мовною свідомістю” [5, с. 191]. АЕ дає багатий матеріал для міжкультурних досліджень, дозволяє виявити як загальні характеристики, так і специфіку зв'язку між словами в умовах різних культур. Такі дослідники, як Ю. Степанов, В. Телія, В. Маслова, В. Карасик, С. Воркачов, Н. Красавський стверджують, що саме концепт як семантичне утворення злінгвокультурною своєрідністю відображає менталітет мовної особистості певної етнокультури. Підтримує цю думку і В. Манакін, зауважуючи, що концепти “складають частину когнітивної пам'яті слів, пов'язують смислові характеристики словесного знака із системою традицій і духовних цінностей народу” [6, с. 27]. Тому зіставлення асоціативних полів на слово-стимул (ім'я концепту) у носіїв різних мов і культур сприяє виділенню як універсальних тенденцій, так і встановити зумовлених чинниками мови й культури в мовленнєвій поведінці.

Підвищений інтерес учених галузі лінгвістики та психолінгвістики (І. Марковіна, Д. Терехова, Г. Мартинович, К. Мізін, Т. Попова, С. Мартінек, О. Горошко, В. Сулімов, Н. Сегал та ін.) до вивчення мовної свідомості свідчить про актуальність та роль АЕ у дослідженні концептів.

Активізуючись у свідомості завдяки певним асоціативним зв'язкам, концепт сам має здатність асоціюватися з вербальними, символічними чи подієвими феноменами, відомими всім членам етнокультурного соціуму. Вважаємо, що концептуальний аналіз був би неповним без даних АЕ, оскільки “концепт тісно пов'язаний із асоціативним полем слова” [1, с. 359].

Саму методику АЕ розуміємо як “прийом, спрямований на виявлення асоціацій, що склалися в індивіда внаслідок його попереднього досвіду” [2, с. 16], асоціацію – як зв'язок між певними об'єктами або явищами, заснований на особистому, суб'єктивному досвіді. Цей досвід може формуватися саме культурою, до якої належить індивід, його знаннями, досвідом. Через асоціації в АЕ ми апелюємо до глибин людської психіки. Вивчення процесу асоціювання, тобто спробу представлення ментальної інформації у вербальній формі, дозволяє будувати гіпотетичні моделі та припущення про сукупність певним чином структурованих концептуальних і перцептивних знань про соціальну практику піару.

АЕ також є джерелом не тільки лінгвістичної та психологічної, а й соціально-психологічної та соціологічної інформації. Дані про семантичні поля структурують “асоціативні профілі” [10, с. 211], характерні для тієї чи іншої культури, а також стереотипи мислення, що склалися в комунікативному досвіді спільноти. Впровадження цього методу дає можливість уникнути тлумачення певного концепту суто через призму особистого досвіду дослідника, оскільки береться матеріал, одержаний від різноманітних носіїв певної мови й культури.

Міжмовні дослідження матеріалів АЕ сприяють вирішенню певних лінгвістичних завдань, одержані результати створюють базу для виявлення лінгвокультурних особливостей асоціативної поведінки.

Вивчення універсальних і специфічних тенденцій в організації асоціативних полів концепту PR / ПІАР / ПІАР та способів їх реалізації в межах англійської (американський варіант), української, російської мов і культур потребує розробки міжкультурного порівняльного аналізу та вироблення єдиних критеріїв обробки експериментальних даних.

Загальні вимоги до організації комплексного міжмовного й міжкультурного порівняння з використанням експериментальних методик сформульовані відомим психолінгвістом О. Залевською. Вони скерували процес вільного асоціативного

експерименту (BAE) з використанням слів-стимулів англ. *PR / public relations*; укр. *піар*; рос. *пиар*. Основними вимогами до експериментів у лінгвістиці науковець назвала такі:

- послідовна опора на психолінгвістичну теорію, яка за своєю суттю є інтегральною теорією, що ставить своїм завданням вивчення та витлумачення особливостей функціонування мови як належності індивіда;

- детальна попередня розробка комплексної програми міжкультурних порівнянь із чітким формулюванням конкретних завдань дослідження, вимог до відбору матеріалу, до вибору експериментальних методик і до аналізу та інтерпретації результатів експериментів;

- підготовка інструктивних матеріалів для проведення експериментів при збереженні певних єдиних вимог до відбору інформантів, умов роботи тощо;

- загальний аналіз та інтерпретація отриманих результатів як бази для подальшого розвитку психолінгвістичної теорії і для розробки нових комплексних програм міжетнічних порівнянь [4, с. 203].

Метою проведеного BAE є дослідження універсальних і національно-культурних складових наповнення концепту PR / ПІАР / ПІІАР, особливості його функціонування в американській, українській, російській лінгвокультурах та з'ясування його ціннісної значущості для носіїв цих мов.

Заявлена мета передбачає вирішення таких завдань:

- виявити, яким чином вербалізується концепт PR / ПІАР / ПІІАР у свідомості представників англо-, україно-, російськомовних спільнот;

- розробити типологію асоціативних полів (АП) досліджуваного концепту;

- з'ясувати структуру ціннісного компонента концепту PR / ПІАР / ПІІАР у досліджуваних мовах, яка представлена польовим нашаруванням у термінах ядра й периферії;

- визначити спільні та відмінні ознаки сприйняття слів-стимулів *PR / public relations*; *піар*; *пиар* різними лінгвосвідомостями.

Вирішення поставлених завдань дозволить встановити здатність концепту PR / ПІАР / ПІІАР вступати в різноманітні асоціативні зв'язки та утворювати їх, наявність структурованого асоціативного поля з ядром та периферією, розгалуженого асоціативного гештальту, тобто встановити його асоціативний потенціал. Відповідно, різноманітність асоціативного потенціалу концепту PR / ПІАР / ПІІАР зумовлює його ціннісну значимість у межах певної мовної спільноти.

У центрі уваги дослідження є вербально виражені ментальні поняття, що знаходяться у відношенні асоціативних зв'язків один з одним та утворюють асоціативні поля, тобто серед отриманих результатів було упорядковано множини мовних одиниць, що поєднані зі словом-стимулом асоціативними зв'язками, які притаманні як окремому індивіду, так і мовному колективу. Такі множини, за тлумаченням Л. Чернейко та В. Долінського [11, с. 32], є асоціативними полями. Усередині полів відбувається організація мовних реакцій навколо слова-стимула, завдяки чому воно розширює своє значення.

Структуризацію отриманих АП проводимо за допомогою термінів ядра концепту та периферії. До ядра відносяться прототипні прошарки, найчастотніші реакції, первинні найбільш яскраві образи. Цей образ є одиницею універсального предметного коду. Навколо ядра групуються так звані базові прошарки (зони). Більш абстрактні ознаки складають периферію концепту, на якій знаходиться його інтерпретаційне поле, одиниці якого виражають інтерпретацію окремих концептуальних ознак. BAE є практичним підтвердженням пошарової будови концепту та є достатньо ефективним методом дослідження концепту в цілому або його певної ознаки.

Побудова ядра та периферії ціннісного компонента концепту PR / ПІАР / ПІАР здійснено на базі кількісного плану вираження від найчастотніших реакцій, що входять до ядра, до менш частотних, що складають його периферію.

Для подальшого аналізу отриманих реакцій, спираючись на праці Д. Терехової, І. Марковіної, К. Данилової, у роботі було використано “асоціативні гешталти” для структурування асоціативного поля слова-стимулу. “Асоціативний гештальт” виявляється, коли компоненти групи асоціативного зв’язку семантично пов’язані з певними характеристиками, групуються навколо декількох реакцій, які позначають певний набір образів підсвідомості (концептів). Структурування асоціативного поля у вигляді “гешталта” дозволяє врахувати всі реакції в полі, у тому числі поодинокі [7, с. 119].

Асоціативні гешталти АП стимулів англ. *PR / public relations*; укр. *піар*; рос. *пиар* поділено на семантичні зони, які передають ядерні та базові когнітивні ознаки концепту PR / ПІАР / ПІАР в англійській, українській, російській мовах.

Особливості вираження ціннісного компонента концепту PR / ПІАР / ПІАР характеризується наявністю як спільних семантичних зон: ‘діяльність, засоби переконування та інформування’; ‘досягнення становища, відомості’; ‘суспільство, встановлення зв’язків та комунікацій’; ‘негативна оцінка’, ‘журналістика’, ‘гроші’, ‘політика’, ‘незрозумілість’, так і відмінних, що представлені тільки серед реакцій українських і російських інформантів: ‘колір, світло’, ‘походження’. В українському асоціативному полі представлено ще семантичні зони ‘персоналії’, ‘предмети’, ‘необхідність’.

Отже, ціннісний компонент у структурі концепту PR / ПІАР / ПІАР є позитивною чи негативною оцінкою піар-комунікації, його основою є асоціативні характеристики, здобуті у результаті проведення вільного асоціативного експерименту з носіями трьох мов.

Перспективною подальших досліджень вважаємо використання запропонованої методики вивчення ціннісних характеристик концепту PR / ПІАР / ПІАР у дослідженні інших концептів.

Список літератури

1. Антология концептов / [под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина]. — М. : Гнозис, 2007. — 512 с.
2. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Елена Игоревна Горошко. — М. : Институт языкознания РАН. — Харьков : РА – Каравелла, 2001. — 316 с.
3. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / Александра Александровна Залевская. — М. : РГУ, 2000. — 382 с.
4. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избранные труды / Александра Александровна Залевская. — М., 2005. — 543 с.
5. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. — М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 191-206.
6. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология / Владимир Николаевич Манакин. — К. : Знання, 2004. — 326 с.
7. Марковина И. Ю., Данилова Е. В. Специфика языкового сознания русских и американцев: опыт построения “ассоциативного гешталта” текстов оригинала и перевода / И. Ю. Марковина, Е. В. Данилова // Языковое сознание и образ мира [Отв. ред. Н. В. Уфимцева]. — М., 2000. — С. 116-132.

8. Стернин И. А. Концепты и лакуны / И. А.Стернин, Г. В. Быкова // Языковое сознание : формирование и функционирование [отв. ред. Н. В. Уфимцева]. — М., 1998. — С. 57.
9. Терехова Д. І. “Асоціативний гештальт” як інструмент структурування асоціативного поля / Д. І. Терехова // Проблеми зіставної семантики. Зб. наук. статей. — К. : Вид. центр КНЛУ, 2005. — Вип.7. — С. 31-35.
10. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира. — М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 207-219.
11. Чернейко Л. О. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа / Л. О. Чернейко, В. А. Долинский // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. — М., 1996. — № 6. — С. 21-41.

Ваніна Г.В. Ценностные характеристики концепта PR/ПІАР/ПІІАР: методика исследования // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 50-54

В статье анализируется ассоциативный подход в изучении специфики образов языкового сознания представителей определенного лингвосоциума. На примере методики изучения ценностных характеристик PR / ПІАР / ПІІАР показывается алгоритм исследования образов языкового сознания, позитивных и негативных оценок носителей английского (американский вариант), украинского и русского языков.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концепт, языковое сознание, ценностный компонент, семантическая зона.

Vanina G.V. Valued description of concept концепта PR / ПІАР / ПІІАР: research method // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.50-54

In the article associative approach in the study of specific features of linguistic consciousness images, given by representatives of the certain lingvosociety, is analysed. On the example of the study of the concept PR / ПІАР / ПІІАР valued descriptions the author gives the algorithm of research of linguistic consciousness images, positive and negative estimations of native speakers of the English (American variant), Ukrainian and Russian languages.

Keywords: associative experiment, concept, linguistic consciousness, valued component, semantic area.

Поступила до редакції 11.05. 2014 р.

УДК 811.161.2'373.72:81'23

**Идеографический и психосемантический аспекты отображения
корыстолюбия человека (на украинском фразеологическом материале)**

Грозян Н. Ф.

*Кримський інженерно-педагогічний університет,
м. Сімферополь, Республіка Крим*

Исследуются вопросы семантической и идеографической классификации фразеологических единиц, обозначающих корыстолюбие человека, с учётом достижений современных фразеологической, психологической наук и экспериментальной психосемантики. Выявлено, что идеографическая классификация фразеологических единиц, обозначающих корыстолюбие человека, отвечает классификации поведения, принятой в психологии. Семантическое поле украинских фразеологических единиц «Корыстолюбие человека» состоит непосредственно из синонимических рядов.

Ключевые слова: *идеография, фразеологическая единица, корыстолюбие человека, поступок, семантическое поле, синонимический ряд.*

Постановка проблеми. Цілком закономірно, що за останні десятиліття з'явилося чимало праць, присвячених проблемі ідеографічного опису фразеологічного складу мови. Сьогодні, на думку вчених, навряд чи варто ставити перед собою програму-максимум – глобального охоплення й опису в ідеографічному аспекті фразеологічного складу мови в цілому. Доцільніше вирізняти й описувати окремі поняттєві поля, тобто йти не за принципом «згори-вниз», а за принципом «знизу-вгору» [6, с. 16; 12, с. 62]. Виникає проблема систематизувати й описати такі фразеологічні мікросистеми, які раніше залишалися поза увагою дослідників. Тільки так уможлиблюється процес розв'язання важких, суперечливих проблем ідеографічного опису фразеологічного складу мови. Услід за Ю.Ф. Прадідом вважаємо, що істотними недоліками основних схем ідеографічної класифікації як лексичних, так і фразеологічних одиниць (ФО) є те, що «в окремих працях вони задаються «згори – вниз» [Кириллова, 1990, 57-63; Котова, 1990, 67-72; Івченко, 1990, 17-18 та ін.], в інших – будуються на аналізі невеликої кількості матеріалу [Мокиєнко, 1989-2, 222-228 та ін.], недостатньо, а то і зовсім, не враховуються дані таких наукових дисциплін як філософія, психологія тощо» [6, с. 15]. Розвиток науки характеризується, з одного боку, процесом диференціації наукових знань, з другого – інтеграцією, взаємопроникненням одних галузей знань в інші. Ю.Ф. Прадід зазначає, що «...сучасний етап розвитку наукових знань якраз і характеризується розширенням аспектів вивчення одного й того ж самого об'єкта різними науками, іншими словами один і той самий об'єкт вивчається з більшою спеціалізацією» [5, с. 24]. Фразеологія є досить перспективною з погляду ідеографічних і психосемантичних досліджень.

Актуальність дослідження визначається, по-перше, посиленням в україністиці інтересу до опису окремих фразеологічних мікросистем; по-друге, потребою подальшого вивчення фразеологічних мікросистем української мови, залучаючи до аналізу деякі дані теорій, висновків інших наук.

Мета статті – вирізнити з фразеологічного складу української мови групу фразеологічних одиниць (ФО) на позначення корисливості людини, зробити ідеографічну характеристику цих ФО й описати їх семантичні особливості із урахуванням досягнень сучасної фразеологічної, психологічної та психосемантичної наук.

Основоположником психологічного напрямку в слов'янському мовознавстві був О.О. Потебня [2]. Ідеї цього напрямку в мовознавстві зумовили необхідність утворення маргінальних галузей лінгвістики – психолінгвістики, психосемантики, етнопсихолінгвістики та ін. [4]. У статті використано дані досліджень учених експериментальної психосемантики. Експериментальна психосемантика – порівняно нова галузь вітчизняної психології, яка виникла на початку 70-х років і представлена працями психологів Московського університету. Психосемантика – це галузь психології, але вона має також яскраво виражений міждисциплінарний аспект, тісно пов'язуючись із різними науками, у тому числі з лінгвістикою. Так, у психосемантиці використовують мовний матеріал для дослідження категоріальних структур індивідуальної та суспільної свідомості [дет. про це див. 4]. У свою чергу, мовознавці звертаються до психосемантики, використовуючи результати досліджень психологів для ідеографічного опису фразеологічного складу мови [12, с. 60; 6, с. 9].

У дослідженні використовуємо ієрархічну структуру ідеографічної класифікації фразеологічних одиниць: синонімічний ряд → семантична група → семантичне поле → тематична група → тематичне поле → ідеографічна група → ідеографічне поле → архіполе [6, с. 40; 1, с. 6].

Фразеологічний матеріал переконує, що семантичне поле ФО «Корисливість людини» передається широким діапазоном фразеологічних засобів і складається безпосередньо з синонімічних рядів. Визначено, що в ієрархічній структурі ідеографічної класифікації ФО на позначення корисливості людини відсутня тільки одна ланка (семантична група). Як засвідчують психосемантичні дані [4, с. 305-306], загальне значення семантичного поля ФО «Корисливість людини» включає ознаку нечесності. На думку В.Ф. Петренка, ця ознака «семантично дуже багатопланова та складна. Нечесність полягає в невідповідності індивідуальних цінностей суб'єкта й форм їх реалізації суспільним цінностям і нормам при зовнішній демонстрації визнання цих норм» [4, с. 305-306].

Найчисленнішими синонімічними рядами семантичного поля ФО «Корисливість людини» є:

а) обманути, перехитрити (використовувати іншу людину як засіб для досягнення власних цілей): **забивати / забити баки** [ФСУМ, с. 297]. [Бакаляр (до Мефістофеля):] *Добродію! Ми на старому місці, Але часи, вважайте, в нас нові. Двозначних слів не тратьте без користі, – Розвиднілось у нас у голові. **Забити баки** у дитяти, – це кожен дурень може втяти ...* (Гете, перекл. Лукаша) [ФПМЛ, с. 13]; **замазувати / замазати очі** [ФСУМ, с. 311]. – *Ви не крутіть сюди та туди. Ви мені **очі** не замазуйте обротькою. Одного осла я сам знаю* (О. Ковінька); **відводити / відвести очі** [ФСУМ, с. 116]. *Украде [Тимошко] бувало ... та й підкине другому, щоб від себе **очі одвести*** (Панас Мирний) та ін.;

б) обманути (неправильно інформувати; нав'язувати неправильне уявлення про що-небудь): **замилувати (милити) / замилити очі** [ФСУМ, с. 312]. [Вакуленко:] *Тоді скажіть, Надіє Іванівно, чого він [матрос] так проти течії іде? Чого? [Надія:] Де течія? У нас вода стояча. Кому ви **очі замилуєте?*** (О. Корнійчук); – *А то так. Бо такі як наш Ласій, хіба правду скажуть? – Еге, гляди, щоб не сказав. Він тоді так **очі замилить**, такого наговорить* (Ю. Збанацький); **пускати / пустити в очі дим (пилюку)** [ФСУМ, с. 718-719]. – *Кому ви **дим пускаєте в очі?** Хіба в цьому – в благополучній загальній цифрі – і є всі найзаповітніші інтереси району?* (І. Рябокляч);

пускати / пустити ману [в вічі] [ФСУМ: 719]. *Як же дучалося йому вийти на вулицю, аби піти куди на вечорниці, він зараз пускав їм [парубкам] ману в вічі* (Панас Мирний) та ін.;

в) обманути (обманом поставити кого-небудь в незручне становище): **залишати (лишати), зоставляти** і т. ін.) / **залишити (лишити, зоставити** і т. ін.) **в дурнях** [ФСУМ, с. 310]. *Парубки ззаду реготали. – Молодець Тимошко! Отак зостав панів у дурнях!* (Панас Мирний); **пошити (обути) / шити (обувати) у дурні** [ФСУМ, с. 685]. – *Якщо обдарований, то це ще гірше в нашому ділі! Тупий навряд чи зумів би отаке витіяти, а цей, бач, усіх нас у дурні пошив* (О. Гончар) та ін.;

г) обдурити, перехитрити кого-небудь: **обвести (обкрутити, обернути, обмотати** і т. ін.) / рідше **обводити (обкручувати, обертати, обмотувати** і т. ін.) **круг (кругом, навколо, довкола) пальця (пучки)** [ФСУМ, с. 563]. – *Стою собі та й думаю: а дулі, щоб ви мене круг пальця обвели* (Л. Костенко); **обвести / обводити за ніс** [ФСУМ, с. 563]. – *Ну, чого ви так! – задумливо озвався Марчевський.. – Нащо гарячкувати? Може, й справді нас за ніс обвели, то треба послухати людей. Люди завжди правду кажуть* (Ю. Бедзик) та ін.;

г) хитрувати (вдаватися до неправдивих, нечесних учинків): **підходити (підлазити) з хитрощами** [СФС, с. 135]. *Уранці писар до голови й підліз з хитрощами, не розказуючи нічого, якій йому бешкет Макухівна Ївга зробила* (Г. Квітка-Основ'яненко); **крутити (вертити) хвостом** [СФС, с. 135]. – *А що, взяв? Вертів, вертів хвостом, бісів Супруненко, та й довертівся! Так вам і треба, гаспидські дуки* (Панас Мирний) та ін.;

д) лицемірити: **кривити / покривити (скривити) душею** [ФСУМ, с. 396]. – *А воно, мабуть, правду ви, пане, кажете: щоб не кривити мені душею, оповідаючи про ваші божевільні штучки, треба хоч на одну подивитись* (Сервантес, перекл. Лукаша) [ФПМЛ, с. 146]; **справляти комедію** [ФСУМ, с. 195]. [Вертепник (ударивши Адама по плечу):] *Чого ти став отут, гультаю? Дурно тепер лиш той комедію справляє, хто вішається з горя чи з нудьги* (Мадач, перекл. Лукаша) [ФПМЛ, с. 200] та ін.;

е) морально псувати, підбурювати на негідні вчинки: **збивати (зводити) / збити (звести) з пуття** [ФСУМ, с. 323]. [Крессіда (до Пандара):] *Та ну тебе! Як сам був непутящий, То й інших любиш збити із пуття* (Шекспір, перекл. Лукаша) [ФПМЛ, с. 351]; **підводити (підбивати, підбити) / підвести на гріх** [ФСУМ, с. 631]. [Вертепник:] *Ми зараз починаємо виставу, Комедію веселу і повчальну – Як першу жінку, до новин цікаву, Змій спокусив, а потім вже й вона На гріх підбила свого чоловіка* (Мадач, перекл. Лукаша) [ФПМЛ, с. 97] та ін.;

є) діяти всупереч своїй совісті: **брати / взяти гріх (рідко гріха) на душу на себе** [ФСУМ, с. 49]. ... *Аби вже пан Самсон не брав гріха на душу, бо, каже, гризтиме його сумління...* (Сервантес, перекл. Лукаша) [ФПМЛ, с. 97] та ін.;

ж) утручатися в чужі справи: **встромляти (сунути, пхати) / встромити (втиснути, всунути) [свого] носа ([свій] ніс)** [ФСУМ, с. 156]. *А тут ще отой Папійон, що всюди суне свого носа, показує йому [Анрі] на мигах – а що, мовляв, попало й тобі на горіхи* (Стіль, перекл. Лукаша) [ФПМЛ, с. 276]; **сунути носа до чужого проса** [ФСУМ, 156] та ін.;

з) першим користуватися чімісь здобутками: **збирати вершки [на молоці]** [ФСУМ, с. 323]. – *Я бачу, що ви любите вершки на молоці збирати, – кинув напівжартома Майстренко* (І. Цюпа); **збирати / зібрати сметанку** [ФСУМ, с. 323-324]. – *Я своїм товаром не набиваюсь – він сам за себе говорить. Але глядіть, скажу вам, щоб потім не каялись: хтось сметанку збере, а вам і сироватки не дістанеться* (М. Стельмах) та ін.

Як засвідчують психосемантичні дані, ознака нечесності явно не міститься в таких ФО: **як вареник у маслі купається** й **знімати пінку**, але «до них веде ланцюг

свідомих чи несвідомих висновків: «жити дуже добре» – означає, зрештою, жити за чийсь рахунок» [4, с. 306]. Ознака обману, на думку психологів, також не міститься в ФО *купатися як сир у маслі* і *як вареник у маслі*, але «конотація комфортності, м'якості міститься у всіх чотирьох словах «сир», «масло», «купатися», «вареник», не дозволяючи актуалізуватися ознаці «насильницьке відбирання» цих благ у інших і залишаючи можливою тільки форму обману» [4, с. 306].

и) змінювати ціннісні орієнтири, цілі, завдання. ФО цієї групи передають, на думку дослідників психосемантики, поведінку суб'єкта, пов'язану зі змінами ціннісних орієнтирів, цілей і завдань залежно від життєвих обставин, але на користь самого суб'єкта та зрештою зі шкодою для інших учасників спільної діяльності, у яку цей суб'єкт включений. Ось що пише з цього приводу В.Ф. Петренко: «... Деякий суб'єкт виявляється слабкою ланкою в спільній діяльності за рахунок нестійкості ціннісно-мотиваційної структури його особистості: на нього не можна поклагтися» [4, с. 306]. Наприклад: *і нашим і вашим* Одночасно комусь одному й другому [ФСУМ, с. 538]. *Полозенко щось хитрує. Хоче бути добреньким – і нашим і вашим* (І. Цюпа); *тримати (держати) ніс (носа) за вітром (по вітру)*. Діяти непослідовно, безпринципно, змінюючи свої переконання і поведінку відповідно до обставин [ФСУМ, с. 897]. *Стратон Стратонович завжди ніс тримав за вітром, як досвідчений засць, що відчув запах вовка чи лисиці на віддалі* (О. Чорногуз) (на основі спостережень за тваринами, яким вітер несе різні запахи [9, с. 123]); *собі на умі*. Думати про власні інтереси, мати свої плани, задуми [ФСУМ, с. 914]. *Він показав себе ще в студентські роки; керувався репутацією хитрої пронози, людини собі на умі ...* (О. Бойченко); *[і] над копійкою труситься*. Дуже скупий, ненажерливий [ФСУМ, с. 901]. *Та він такий, що й над копійкою труситься* (українське прислів'я) та ін.

На думку дослідників психосемантики, ФО *і нашим і вашим, ніс тримав за вітром, собі на умі, й над копійкою труситься* передають відсутність у суб'єктів «деяких надіндивідуальних «трансцендентальних» цінностей, які стоять вище безпосередніх прагматичних цінностей і які зумовлюють стійкість поведінки людини та її кооперацію з іншими людьми в ситуаціях, коли спільна діяльність вимагає стати вище егоїстичних і егоцентричних інтересів» [4, с. 306]. Трансцендентальний (нім. *transcendental*, від лат. *transcendens* – який виходить за межі) – 1) у схоластиці – який являє собою найзагальніше поняття [8, с. 585]. Егоцентризм (від лат. *ego* – я і *центр*) – 2) *негативна* риса характеру, що полягає в крайньому індивідуалізмі, *егоїзмі* [8, с. 186]. Егоїзм (франц. *egoïsme*, від лат. *ego* – я) – моральний *принцип* і *негативна* риса характеру, що полягають у нехтуванні інтересами суспільства й інших людей заради особистих інтересів [8, с. 186].

Отже, ідеографічна класифікація ФО на позначення корисливості людини відповідає класифікації поведінки, прийнятій у психології. Семантичне поле ФО «Корисливість людини» складається безпосередньо з синонімічних рядів. Найчисленнішими синонімічними рядами є: а) обманути, перехитрити (використовувати іншу людину як засіб для досягнення власних цілей); б) обманути (неправильно інформувати; нав'язувати неправильно уявлення про що-небудь). Дослідження окремих фразеологічних мікросистем внесе корективи щодо розширення та поглиблення арсеналу методичних засобів психосемантики в галузі психології особистості.

Перелік умовних скорочень

СФС – Коломієць М.П. Словник фразеологічних синонімів / М.П. Коломієць, Є.С. Регушевський – К.: Радянська школа, 1988. – 200 с.

ФСУМ – Фразеологічний словник української мови: В 2 кн. – К.: Наукова думка, 1993. – Кн. 1-2.

ФПМЛ – Фразеологія перекладів Миколи Лукаша: словник-довідник [уклад. О.І. Скопненко, Т.В. Цимбалюк]. – К.: Довіра, 2002. – 735 с.

Список літератури

1. Грозян Н.Ф. Фразеологічна мікросистема «Поведінка людини» в українській мові (ідеографічний і аксіологічний аспекти): автореф. дис. на здобуття вч. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.02 «Українська мова» / Н.Ф. Грозян. – Дніпропетровськ, 2003. – 20 с.
2. Наукова спадщина О.О. Потебні і сучасна філологія. – К.: Наукова думка, 1985. – 247с.
3. Основи психології : підручник / [за заг. ред. О.В. Киричука, В.А. Роменця]. – 4-те вид., стереотип. – К.: Либідь, 1999. – 632 с.
4. Петренко В.Ф. Основи психосемантики: Учебное пособие. – М.: МГУ, 1997. – 400 с.
5. Прадід Ю.Ф. Вступ до юридичної лінгвістики: навчальний посібник [за ред. чл.-кор. АПрН О.Н. Ярмаша] – Сімферополь: Доля, 2002. – 104 с.
6. Прадід Ю.Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / Ю.Ф. Прадід. – К.; Сімферополь, 1997. – 252 с.
7. Селіванова О.О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд) / О.О. Селіванова. – К.: Фітосоціоцентр, 1999. – 148 с.
8. Словник іншомовних слів / [уклад.: С.М. Морозов, Л.М. Шкарапуца]. – К.: Наукова думка, 2000. – 662 с.
9. Ужченко В.Д. Фразеологічний словник української мови / В.Д. Ужченко, Д.В. Ужченко – К.: Освіта, 1998. – 224 с.
10. Українська мова. Енциклопедія. – К.: Українська енциклопедія, 2000. – 752 с. 23.
11. Фразеологія перекладів Миколи Лукаша: словник-довідник [уклад. О.І. Скопненко, Т.В. Цимбалюк]. – К.: Довіра, 2002. – 735 с.
12. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А.М. Эмирова. – Ташкент: ФАН, 1988. – 91 с.

Грозян Н. Ф. Ідеографічний і психосемантичний аспекти відображення корисливості людини (на українському фразеологічному матеріалі) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.55-60

Досліджуються питання семантичної й ідеографічної класифікації фразеологічних одиниць на позначення корисливості людини з урахуванням досягнень сучасних фразеологічної, психологічної наук та експериментальної психосемантики. Виявлено, що ідеографічна класифікація фразеологічних одиниць на позначення корисливості людини відповідає класифікації поведінки, прийнятій у психології. Семантичне поле українських фразеологічних одиниць «Корисливість людини» складається безпосередньо з синонімічних рядів.

Ключові слова: ідеографія, фразеологічна одиниця, корисливість людини, вчинок, семантичне поле, синонімічний ряд.

Поступила до редакції 08.05. 2014 р.

Grozyan N. F. **Ideographical and psychosemantical aspects of «mercenary spirit of a person» (based on the ukrainian phraseology)** // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.55-60*

A semantic and ideographic classification of phraseological units denoting human mercenary is studied in the article considering the achievements of modern phraseological, psychological sciences and experimental psychosemantics. The hierarchical structure of phraseological units ideographic classification offered by Y.F. Pradid is used in the research: synonymic range → semantic group → semantic field → thematic group → thematic field → ideographic group → ideographic field → archifield. Phraseological material demonstrate, that semantic field of phraseological units denoting “Human mercenary” represent by wide diapason of phraseological means and consist in synonymic ranges. Identified the most numerous synonymic ranges: cheat, outwit (use another person as a mean to achieve own goals. Example: забивати / забити баки; замазувати / замазати очі); deceive (misinform; impose misconception about anything. Example: замилувати (милити) / замилити очі; пускати / пустити в очі дим (пилюку)). The analyzed material shows that hierarchical structure of phraseological units ideographic classification denoting human mercenary only one chain (semantic group) is missing. As the psychosemantic data show the general meaning of semantic field of phraseological units denoting “Human mercenary” involve the meaning of dishonesty.

Key words: ideography, phraseological unit, mercenary spirit of a person, action, semantic field, synonymic range.

УДК 801.8:81'282'373.7

**Діалектна фразеологія в художніх текстах
як відображення вірувань українського народу**

Дехтярьова О. В.

*Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського
м. Сімферополь, Республіка Крим
dehtyaryova@rambler.ru*

У статті на матеріалі художніх текстів українських письменників кінця XIX – початку XX ст. Л. Мартовича, В. Стефаніка, Г. Хоткевича, М. Черемшини описано лінгвокультурологічну специфіку діалектних фразеологічних одиниць, які ілюструють вірування українського народу. Проаналізовано національно-культурні компоненти фразеологізмів, що актуалізують словникові скарби української фразеології та служать засобом фіксації багатьох мовних явищ, поширених лише на певній території.

Ключові слова: *фразеологізм, діалектна фразеологічна одиниця, художній текст, вірування, культурно-національна конотація.*

Лінгвістика XXI ст. активно розробляє напрям, у якому мова розглядається як культурний код нації. Питання лінгвокультурної специфіки мовних одиниць, зокрема їх актуалізації у фразеології, знайшли відображення в працях М. Ф. Алефіренка, В. В. Жайворонка, М. Л. Ковшової, В. М. Мокієнка, О. О. Селіванової, В. М. Телії, В. Д. Ужченка та ін.

Вважаючи мову душею народу, дослідники душею мови справедливо визначають її фразеологію, адже фразеологічний склад є яскравим і своєрідним носієм національно-культурних особливостей мовної системи, “де, з одного боку, в мовних фактах яскраво відбиваються етнопсихологічні особливості соціуму, а з другого, – чітко простежується вплив мови на формування його менталітету” [2, с. 33].

Діалект – це той складник національної мови, у якому чи не в первинному вигляді збереглися психологічні та культурні особливості певного етнічного угруповання, в усій повноті виражається дух нації, що, власне, і є її самобутністю. Саме цим, напевне, можна пояснити тенденцію в усьому світі до пошанування діалектів, і, відповідно, посилюється інтерес мовознавців до проблем, пов’язаних з діалектами. “У розмовній мові народу є те, що живе тепер, те, що відмирає (реліктові риси), і те, що народжується, виявлене більшою або меншою мірою” [3, с. 4].

Актуальним залишається вивчення діалектної фразеології, оскільки вона є “засобом відображення в мові національної специфіки, носієм елементів, що у значній різноманітності і повноті характеризують етнічну картину світу” [4, с. 52]. Здатність діалектних фразеологічних одиниць (далі ДФО) лаконічно й точно виражати емоційно-експресивне значення через образність і внутрішню форму робить їх носієм національно-культурної інформації.

Мета статті – проаналізувати семантику та культурно-національну конотацію ДФО, які зафіксували елементи вірувань та виступають засобом вираження і прояву

духовного багатства народу. Джерельною базою послугували ДФО, вибрані із творів Л. Мартовича, В. Стефаніка, Г. Хоткевича, М. Черемшини.

У народній мові черпали красу і силу слова кращі українські письменники. Саме в ній відбито характер народу, його релігійні й міфологічні уявлення, скарби народної мудрості й віковичних спостережень над природою і буттям людини. ДФО, які зафіксували елементи вірувань, втілюють міжпоколінний досвід етносу.

Слово ототожнюється з реалією, і віра в реалію породжує віру в магію слова. Так виникають формули побажання, прохання, звернення до Бога про допомогу. Тому в художніх творах західноукраїнських письменників найчастіше фіксуємо ДФО із компонентом *Бог*, які використовують наступним чином:

1) як прохання допомогти й охоронити:

най Бог криє: *Ій, най бог криє, бадіку Ілаше, вас від усекої прички та й усіх нас, ірицених!* – протестував руками приземкуватий Юрко Бросюк [Черемш., с. 60];

най Бог (господь) боронит (бороне): – *Як я, знаєте, це вчув, та й на мене піт збив, як коли на слабу худобину. Такий я страх дістав, шо най бог боронит!* [Стеф., с. 31]. **Най господь бороне та заступить усіх хрещених та й нас** [Март., с. 7];

най Біг (Бог) хоронит: – *Най пан біг хоронит кожного доброго чоловіка* [Стеф., с. 32];

най Бог годит: *Най пан бог твоїм дітям годит, де си поступают* [Стеф., с. 14];

Біг би уктив: – *Ой, їмостечку, біг би вас уктив від усекої прички!* [Хотк.-2, с. 33];

коби Господь поміг: *Але за Потурайчином нам жаль. Подався ще на рекурс до вищого суду; коби йому господь поміг* [Март., с. 248].

2) як попередження про якісь негаразди, необдумані вчинки, прохання не робити, не казати чого-небудь:

<най> не гніват (гнівїт, гнівїт) Бога: *Е, ні! Не гніват бога. Гостина була пишна* [Хотк.-1, с. 25]. *Не марікуйте, куме, та не гнівїт бога, бо то єго воля, не ваша* [Стеф., с. 138]. *Бігме, шо так: най гуцул не береси до курїтини, най не гнівїт бога!* [Черемш., с. 110];

бійси Бога: *Цей ніколи не мовчить. Лає панів на чім світ стоїть. Так клене часом, шо Єлена не може того слухати. – Оле! Бійси бога... Тожє дес хтос учуєт – панові донесут...* [Хотк.-1, с. 5];

3) як вираження сподівань, надії на щось. Давні українці щиро вірили, що все робиться з Божої волі. Людина не може бути самовпевненою і стверджувати, що виконує ту чи іншу справу, бо знає, що все залежить від Бога:

як (єк) Біг (Бог) дасть (даст): – *Тут буде моя голова лежєти, ек біг дасть шо вмру в своїй хатці, тут най тепер голова сідає, – припрошує вона гостинно* [Черемш., с. 87]. – **Єк Бог даст**, – ні з того ні з сього говорив Штефан, ідучи, видно, за ходом своїх власних думок [Хотк.-1, с. 370]; **Як бог даст**, то буде пшеница [Стеф., с. 148];

чій Госпідь сітєнький даст: – *Не плач, – кажу, – добрішко моя, не плач, чій госпідь сітєнький даст, шо ти вернеш до своєї газдині на своє кресло та й діти подружиш* [Черемш., с. 253];

най дітьєся божє воля: *Най дітьєся божє воля! Коби оцє перебути, та й рєшта, – подумав Панько та й боязко обїззався: – Я тут не дам тої карти, нагорі при комісії* [Март., с. 67].

Бог простит: – *Ей, коби нам лиш тільки грїху брачіку Ю', то би не було жури; за це бог простит!* [Черемш., с. 43];

най Біг прийме: *Без свїчки вмру, лишє хрєст на себе покладу. Най біг прийме й так! Не заслужила я на ліше. Видко, шо мені Господь милосердний і на цїм світі покуту завдав* [Март., с. 148].

4) як схвалення, вдячність за здійснення чогось бажаного:

декуйте Богові (сстельному): – *Ви тепер не пантруйте нас, – говорить він, – але*

декуйте богові, шо-сте збулиси нешестя [Черемш., с. 91]. *А восени завів Олекса при вівчарях із ватогом таку бесіду: – Ото декувати Богові сетельному, не біла нас ні раз громовище сего літа* [Хотк.-1, с. 121];

дякувати Госпідкові: *Стали бадіки хреститися та дякувати госпідкові, що полегшив їм їх неволю, зіслав їм надію, як веселичку на небі* [Черемш., с. 154];

Богови (світому) не дякувала: *Ой, синку, тото ти бог файний талан дав у руки, нема такої днини і години, аби-м богови світому не дякувала за тебе* [Стеф., с. 30].

5) про осіб, яким усе вдається, щастить у житті, вживається ДФО **єк у бога за дверима:** – *Тепер сплати, кумко, довжож та сиди собі у хатці, єк у бога за дверима, це місце честе!* [Черемш., с. 93];

Бог взяв на свої коліна: *Вони тай файно сплять, розкидаються, що гріх рипнути дверима; їх сон святий, бо їх бог взяв на свої коліна, на колінах божих вони ростуть* [Стеф., с. 239].

Одним із символів культури християнської релігії є хрест. Найважливіше християнське таїнство – це Хрещення. Українці свято вірують у те, що через хрещення душа очищується від первородного гріха, і на людину сходить божа ласка. Під час хрещення людина відрікається від диявола, дитина отримує ім'я, і за неї моляться хрещені батьки, тому не випадково в художніх творах знаходимо ДФО **до хресту тримати (носити)** 'Бути хресним батьком чи матір'ю' [5, с. 552]: *Бо дяк був його верстак, і приятель вірний, і порадний певний, та й його одинака Петра до хресту тримав* [Черемш., с. 176]. *Томо, та бо бери, не гнівайся на бабу. Баба тебе до хресту носила, баба плакала, як тебе до воська виряджали, баба на твоім весілю кісточками докупи дзоркала* [Стеф., с. 140].

У творах згаданих письменників заслуговують на увагу ДФО з компонентами на позначення нечистої сили: **смучя година** (діал. *смучий – чортячий*) [Черемш., с. 319]. Більшість ДФО, що мають у своєму складі "демонологічні" лексеми, вживаються з метою негативної характеристики людини, її рис характеру, звичок, поведінки: *Лицатий і кушкатий свідок штовхає Романа збоку і безпечить – Спаде і на них смучя година* [Черемш., с. 21].

Простежується також характерне для мови явище табування на слова, зокрема на найменування різних злих духів, що пов'язане з вірою в те, що слово може накликати небажану реалію, а з нею нещастя, лихо, біду. Яскравим прикладом народного табу на слова є численний ряд евфемізмів на позначення слова *чорт – нечистий, підплитник, щезник (щезник), нетрудний*. У художніх творах фіксуємо кілька ДФО: *нетрудний дихтус, нетрудний веде, щезник габучьит (габучіти – толочити, м'яти)* [5, с. 65]: – *Тото все тобі так привижуваlesi, любко-кумок, бо нетрудний тебе блудом водив* [Черемш., с. 63]. *Цего щезник габучьит на постели, а мене фурт до міста виряджає; до адуката та й до адуката* [Черемш., с. 61].

Здавна люди засуджували осіб, які мали певні надприродні здібності та вважали, що такі люди породнилися з нечистою силою. На позначення таких випадків виникали ДФО, наприклад: *купити щезника (щезник – дідько, чорт)* [5, с. 682]: *Відай, воно правда, що він ще іззамолоду купив собі щезника* [Стеф., с. 83]. Фіксуємо і антонім до поданої ДФО: *скараскатися щезника: – Дековать вам, лобетка, файно за добре слово та й за вашу ласку, що помогли-сте ми скараскатися, дух святий з нами, щезника. То так ми тепер легко, єк бих си на світ народила!* [Черемш., с. 90].

За повір'ями, заміна прямої назви евфемістичною, а також мовні формули на зразок <най> *преч би си (ся) казало* 'Не при хаті згадуючи' [1, с. 156] відводять нечисту силу: *Семен трохи вмовк, а жінка знов не знала, що їй робити. Чи не заслаб чоловік, преч би ся казало* [Март., с. 80]. – *А ну, жди-ко, жінко, – перервав Тимофій, – аді, я просив кума, най би обіздріли, ци то кинулоси її більмо, преч би си казало,*

ци ска примха [Черемш., с. 99]. – *А йдім, кумо, най си преч каже з таков заходити* [Хотк.-2, с. 69].

Отже, розглянуті ДФО – це відбиток картин реальності, у них містяться фрагменти культури, психології народу. Вони розширюють уявлення читача про духовне життя з погляду народних вірувань, змушують заглибитися в мову текстів. Українська діалектна фразеологія надає дослідникові унікальну можливість збагнути внутрішній світ людини, виявити його основні культурні, моральні цінності, особливості національного характеру.

Список літератури

1. Гуцульські говірки: Короткий словник / НАН України. Інститут українознавства імені І. Крип'якевича ; [уклад. Г. Гузар, Я. Закревська та ін.]. – Львів, 1997. – 230 с.
2. Жайворонок В. В. Українська етнолінгвістика / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2007. – 262 с.
3. Жилко Ф. Т. Нариси з діалектології української мови / Ф. Т. Жилко. – К. : Радянська школа, 1966. – 347 с.
4. Кононенко В. І. Етнологічні засади вивчення української мови / В. Кононенко // Українська мова в освіті : [зб. матеріалів Всеукр. наук. конф.]. – Івано-Франківськ : Плай, 2000. – С. 43-56.
5. Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. – Чернівці : Рута, 2005. – 688 с.

Джерела

- Март. – Лесь Мартович Твори / Лесь Мартович. – К. : Дніпро, 1976. – 428 с.
- Стеф. – Стефанік В. Повне збір. творів : у 3-х т. / Василь Стефанік. – К., 1949. – Т. 1. – 377 с.
- Хотк.-1 – Хоткевич Г. Довбуш : [повість] / Гнат Хоткевич. – К. : Дніпро, 2004. – 392 с.
- Хотк.-2 – Хоткевич Г. Камінна душа : [повість] / Гнат Хоткевич. – К. : Дніпро, 1981. – 295 с.
- Черемш. – Черемшина М. Твори в двох томах / Марко Черемшина. – К. : Наук. думка, 1974. – Т. 1. – 336 с.

Дехтярева Е. В. Диалектная фразеология в художественных текстах как отражение верований украинского народа // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» - 2014. - Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 61-65

В статье на материале художественных текстов украинских писателей конца XIX – нач. XX вв. Л. Мартовича, В. Стефаника, Г. Хоткевича, М. Черемшины описывается лингвокультурологическая специфика диалектных фразеологических единиц, которые отражают верования украинского народа. Анализируются национально-культурные компоненты фразеологизмов, которые иллюстрируют богатство украинской фразеологии и служат средством фиксации многочисленных языковых явлений, распространенных на определенной территории.

Ключевые слова: *фразеологизм, диалектная фразеологическая единица, художественный текст, верования, культурно-национальная коннотация.*

Dekhtyareva Y. V. Dialect phraseology in fiction as reflection of ukrainian people beliefs // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.61-65

Linguistic-cultural specificity of dialect phraseological units, which reflect the beliefs of the Ukrainian people, is described in this article on the literary texts material of Ukrainian writers of the late XIX and early XX century – L. Martovych, V. Stefanyk, G. Hotkevych, M. Cheremshyna. Ethno-cultural components of idioms which illustrate the richness of Ukrainian phraseology and serve as a means of fixing the numerous linguistic phenomena, widespread in a certain area, are analyzed in this article.

Considered dialectal phraseological units contain, in their component composition, such lexemes as: **‘бог’** (god), **‘крест’** (cross), **‘черт’** (devil) which reflect fragments of culture, psychology and character of the people. They extend the reader’s notion about the spiritual life of the Ukrainian people, forcing the reader to deepen into the language of literary texts, to understand the inner world of the human being, his moral values, and peculiarities of the national character.

The feature seen in any language - taboo on words, calling evil spirits, based on the belief that such word can bring trouble, sorrow, misfortune, - is traced in the analysis of that literary texts. Several euphemisms for the word **‘черт’** (devil) is a prime example of such a national taboo.

The study of dialect phraseological units, reflecting the relationship of language and culture, convinces us that the phraseology is the source of linguistic-cultural knowledge.

Key words: *phraseologies, dialect phraseological unit, literary text, religious belief, cultural and national connotation.*

Поступила до редакції 09.05. 2014 р.

УДК 811

Колористика у творчості Т. Г. Шевченка

Діброва С.М., Ларіна Г.А.

*Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського,
м. Сімферополь, Республіка Крим*

У статті проаналізовано вживання кольоропозначень Т. Г. Шевченка, виявлено частоту використання, здійснено класифікацію колірних одиниць і встановлення їх особливостей.

Ключові слова: колористика, «Кобзар», Т. Г. Шевченко, колірна гама, семантика.

Розуміння значення кольору й уміння встановити його культурні й емоційні конотації мають неабияке значення для системного семантичного аналізу поетичного тексту, оскільки колір і колірні поєднання допомагають сприйняти тональність повідомлення, його суть, а також викликати потрібну (інколи й передбачувану) реакцію читача. Цим керуються автори при створенні свого художнього світу.

Сучасні наукові розробки розкривають питання колористики в цілому, проте мовні портрети відомих письменників та поетів залишаються мало дослідженими. Так, недостатньо розкритим є питання семантики кольору в поетичній спадщині Т. Г. Шевченка. Крім того, семантичне навантаження кольоропозначень у самих текстах залишається часто поза увагою дослідників.

Кольороназви функціонують у різних наукових парадигмах, набуваючи специфічного, дисциплінарно вмотивованого наповнення: у лінгвістичній, соціологічній, психологічній та інших сферах.

Зарубіжні та дослідники пострадянського простору внесли чималий вклад у вивчення та дослідження кольору. З багатьох хотілося б визначити Леонардо да Вінчі, Ісаака Ньютона, Йоганна Вольфганга Гете, Володимира Хлебнікова, Макса Люшера.

Одним із перших, хто розглянув у науковому зрізі кольори, був Леонардо да Вінчі. Саме він створив струнку систему кольорів, а також встановив що різноманіття кольору, відкрите ще древніми греками і римлянами, може бути обмежене лише шістьма простими кольорами: білим, жовтим, зеленим, синім, червоним та чорним. В свою чергу також виділив два можливих аспекти кольору : художній та фізичний [1, с.141].

Через півтора століття двадцяти трьохлітній Ісаак Ньютон провів низку досліджень і в результаті за допомогою сонячної призми і скла переламав сонячний колір, отримавши веселку (спектр). Він вважав основними кольорами синій, жовтий і червоний, з яких можна здобути шляхом перемішування проміжні кольори [2, с.144].

Йоганн Вольфганг Гете розглядав феномен кольорів комплексно, враховуючи його фізіологічний і психологічний аспекти. У 1810 році була надрукована його книга «Вивчення про колір». Саме так, всім відомий німецький поет висловлювався із цього приводу так: «Всьому, чого я досяг як поет, я не надаю жодного значення...» Особливий інтерес викликає «частина про дію кольорів на зір і розум» [3, с. 281-302].

Невід'ємним є той факт, що саме він відкрив феномен контрасту: якщо дивитися на світло, то отримаємо темну копію предмету і навпаки, якщо дивитися з темноти на

освітлений предмет, видно і колір предмету. Ефект поєднання кольорів між собою, коли одні з них підсилюють один одного, а інші приглушають. У наш час книга Гете багато в чому застаріла, але її частина присвячена трактуванню кольорів, їх символічному, міфологічному і психологічному вмісту, не втратила своєї актуальності.

Відомий поет Велимир Хлебніков шукав відповідність літер російського алфавіту кольоровій гамі, інші оригінали намагалися зробити те ж саме з музичною гамою. [4]

Ще одним видатним дослідником був Макс Люшер. Він вивчав психологію, філософію, клінічну психіатрію, але серйозно зайнявся вивченням кольору, а саме, його вплив на психіку людини. Одним із феноменальних творів став «Колірний тест Люшера», який використовується і в сучасній психіатрії. [5, с. 69-84]

Метою нашої роботи є вивчення кольоропозначення у творах класика української літератури – Т. Г. Шевченка «справжнього художника» поетичного слова, який уміло використовує кольоропозначення для створення образів своїх героїв, часто включає переносні значення кольору як в зовнішні, так і психологічні характеристики портретів персонажів.

Для передачі насиченості сюжетної лінії і яскравості подій автор використовує не лише три основні кольори: червоний, синій, жовтий, але й всілякі відтінки: золотий, сивий, пурпурний та інші.

У художній літературі кольоропозначення представлені різними параметрами. В ході дослідження збірки творів Т. Г. Шевченка «Кобзар» було виділено 267 прикладів вживання кольорів та виявлено 14 кольорів: чорний, зелений, червоний, білий, темний, синій, золотий, сивий, карій, сірий, пурпурний, блідний, світлий, багрянний.

Для пояснення семантики кольору розглянемо значення кольорів.

Основним і більш вживаним є чорний. Т. Г. Шевченко часто в мінорному контексті з трагізмом розкриває поведінку, психічний та моральний стан героїв, образ життя.

«...Усміхнулась Катерина, Тяжко усміхнулась Коло серця—як <i>гадина</i> Чорна повернулась...» (Катерина) [6, с.36]	«...За биту голову руками І тихо, мовчки за возами <i>Марою чорною пішла</i> На Тібр...» (Неофіти) [6, с.229]
--	---

Менша група прикладів згаданого кольору не має конкретного значення, а використовується частіше для реального відтворення картини, опису предметів чи явищ.

«...Попрощалось ясне сонце З <i>чорною землею</i> , Виступає круглий місяць З сестрою зорею...» (Сон) [6, с.187]	«...Заступила <i>чорна хмара</i> На білу хмару. Виступили з-за Лиману З турками татари...» (Заступила чорна хмара) [6, с. 156]
--	--

Для опису природи, її соковитості, весняного настрою, автор використовує зелений колір.

«...Пишається калинонька Явор молодіє, А кругом їх верболози Й <i>лози зеленіють...</i> » (Тече вода з-під явора...) [6, с.302]	«...Тихесенько вітер віє, Степи, лани мріють, Між ярами над ставами <i>Верби зеленіють...</i> » (Сон) [6, с.182]
---	--

Слід зазначити, що червоний з давніх часів входив до тріади і його вважали найголовнішим. Поет не обходить цей колір і використовує його для позначення елементів природи та побуту. Особливу увагу приділяє святині, символу українського народу – червоній каліні.

«Зацвіла в долині
Червона калина,
Ніби засміялась
Дівчина-дитина...»
(Зацвіла в долині...)[6, с.179]

«...Пливуть собі, а із-за хвилі
Сонце хвилю червонить;
Перед ними море миле
Гомонить і клекотить...»
(Гамалія) [6, с. 157]

Варто зазначити, що Т. Г. Шевченко в українських творах уживає червоний колір саме для опису національного одягу українців, збереження фольклорної ідентичності.

«...У синій шапці, у жупані,
В червоних, як калина, штанях,
Навприсідки вліта козак,
Та ще й приспівує отак...»
(Титарівна) [6, с.86]

«...У червоних черевиках,
Зеленим жупані
У світлиці походжає,
Як пані, як пава...»
(Сова) [6, с.173]

Необхідно згадати про особливості семантики білого кольору. Кобзар часто акцентує увагу на чистоті, охайності будинку, яка характерна для українського села. В основному, білий колір використовується в побуті як опис компонентів інтер'єру. Він є невід'ємною частиною опису людей, їх зовнішнього вигляду та елементів одягу.

«...Хатки біленькі виглядають,
Мов діти в білих сорочках
У піжмурки в яру гуляють,
А долі сивий наш козак...»
(Сон) [6, с.185]

«...А Марина в сукні білій,
Неначе білиця,
Богу молиться та плаче,
Замкнута в світлиці...»
(Марина) [6, с.98]

Нами зафіксована група кольорів (темний, синій, золотий, карий, сивий, рожевий), яку автор залишив у порівняннях, епітетах, метафорах. Через поодинокість вживання у «Кобзарі» ці кольори посіли умовно класичну нейтральну позицію і вживаються для опису людей та елементів природи.

«...За темнії люде!
Нема кому! боже! боже!
Чи то ж і не буде?
Ні, настане час великий
Небесної карі...»
(Єретик) [6, с.199]

«...І блідий місяць на ту пору
Із хмари де-де виглядав,
Неначе човен в синім морі
То виринав, то потопав...»
(Причинна) [6,с.10]

«...Вечірнє сонечко гай золотило,
Дніпро і поле золотом крило,
Собор Мазепи сяє, біліє,
Батька Богдана могила мріє...»
(Сон) [6,с.31]

«...Білолиця, кароока
І станом висока
У жупані; кругом пані
І спереду, й збоку...»
(Утоплена) [6, с.123]

«...І всю Гетьманщину кругом.
Під хатою дідусь сивенький
Сидить, а сонечко низенько
Уже спустилось над Дніпром...»
(Сон) [6,с.31]

«...А туман, неначе ворог,
Закриває море
І хмароньку рожеву
І тьму за собою...»
(За сонцем хмаронька пливе) [6, с.108]

Нетиповими для Т. Г. Шевченка є кольори, які не мають точного значення і в колірному спектрі лише наближаються до основних. Такими є пурпурний, блідний, світлий, багряний – вони представлені тільки одиничними прикладами.

«... На арені
Лідійський золотий пісок
Покрився пурпуром червоним,

«...І блідний місяць на ту пору
Із хмари де-де виглядав,
Неначе човен в синім морі,

В болото крові замісивсь...»
(Неофіти) [6, с.221]

«...Отакє-то! А за віщо?
За те, за що Каїн
Убив брата праведного
У світлому раю...»
(Москалева криниця) [6, с.54]

То виринав, то потопав...»
(Причинна) [6, с. 12]

«...Давид стинає та ридас,
Багряну ризу роздирає
І сипле попіл на главу.
Без тебе я не поживу...»
(Царі) [6, с.77]

Окреслюючи **перспективи** подальших досліджень, зауважимо, кольоропозначення – водночас широке і мало вивчене поняття, яке є цікавим не тільки для мовознавців. Колористика розвивалася протягом багатьох сотень років і розвивається донині. Ми можемо простежити це, вивчивши різні матеріали: книги, історичні пам'ятники, інтернет ресурси тощо.

Нами зафіксовано приклади кольору у творах Т. Г. Шевченка у всіх аспектах: місце прояви колористики, причини, її функції, вживання. Основним фактором цього є різноманітність позначень кольорів, їх особливості та сфера використання.

Список літератури

1. Леонардо да Винчи. Книга о живописи Леонардо да Винчи, живописца и скульптора флорентинского. М., 1935, С. 141.
Ньютон И. Лекции по оптике. – СССР: Издательство Академии Наук, 1946. - .144 с.
Режим доступу: <http://www.e-reading.co.uk/book.php?book=136690>
Гете И.-В. К учению о цвете (хроматика)/ И.-В. Гете; Пер. с нем. // Психология цвета: Сборник. – М:Рефл-бук; К. : Ваклер, 1996. – 281-302 с.
Перцова Н. Н. О «звездном языке» Велимира Хлебникова // МВХ. 359-371 с.
Люшер М. Цвет вашего характера. – «Вече», «Рипол классик», 1997.– 69-84 с.
Шевченко Т. Г. «Кобзар». – Київ: Наукова думка, 1989. – 36, 187, 187, 302, 179, 86, 235, 185, 199, 221, 12, 54, 77 с.

Диброва С.М., Ларина Г.А. Колористика в творчестве Т. Г. Шевченко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» - 2014. - Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 66-69

В статье проанализированы употребления цветоименований Т. Г. Шевченко, выявлена частота их использования, осуществлена классификация цветовых единиц и установление их особенностей.

Ключевые слова: колористика, «Кобзарь», Т. Г. Шевченко, цветовая гамма, семантика.

Dibrova S., Larina G. Colouristics in creativity of T. H. Shevchenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.66-69

In article examines colors in the collection of works of T. H. Shevchenko. Analyzed and compiled semantic groups of colors.

Key words: coloring, «Kobzar», T. H. Shevchenko, color symbolism, semantics.

Поступила до редакції 07.05. 2014 р.

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

**Виконимное информационное поле
«Историческое время»: особенности структуры**

Дорофеенко М. Л.

*Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
mari008@mail.ru*

В статье на основе классификации виконимов, соотносящихся с категорией исторического времени, установлен комплекс тематических групп («юбилеи», «государственные праздники», «исторические значимые события», «религиозные праздники»), формирующих информационное поле «историческое время». Автором определена структура анализируемого информационного поля, выявлены особенности ядерно-периферийных отношений. С учетом фреквентативных характеристик установлены конститuentы ядерного и периферийного пространств.

Ключевые слова: *виконим, информационное поле, тематическая группа, историческое время.*

Категория времени разрабатывается представителями как естественных, так и гуманитарных наук. Ученые выделяют различные виды времени, среди которых концептуальное, перцептуальное, природное, биологическое, социальное и т.д. Первоначально лингвистика изучала время как грамматическую категорию. Относительно недавно его стали рассматривать в качестве элемента языковой картины мира. «Мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность, как понимание времени. В нем воплощается, с ним связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам», – писал А. Я. Гуревич [3, с. 103]. «Время и пространство – определяющие параметры существования мира, основополагающие формы человеческого опыта» [3, с. 43]. С. М. Толстая полагает, что время – «одна из основных категорий (наряду с пространством) традиционной картины мира, сочетающая мифологическое (циклическое) и историческое (линейное) восприятие» [11, с. 448]. По мнению Л. Н. Михеевой, циклическая и линейная модели времени «отражают два восприятия жизни, обусловленные типами сознания – космологическим и историческим» [7, с. 34]. Автор полагает, что в данных моделях категория времени предстает как концептуальная и языковая, а шире – как «лингвокультурологическая, то есть языковыми средствами выражающая представления о времени, сформировавшиеся в сознании человека и в культуре» [7, с. 34]. С учетом языковых и культурных особенностей восприятия и отражения, концептуализации и реализации категорию времени исследуют Н. Д. Арутюнова, Л. Н. Михеева, В. И. Постовалова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, В. Н. Топоров, А. Д. Шмелёв, Е. С. Яковлева и др.

В виконимах, выступающих объектом настоящего исследования, экспонируется историческое время, представленное в календарно-событийной форме. Данные внутрисельские наименования целесообразно рассматривать в рамках поля «историческое время», так как в основе названия – дата события.

Материалом исследования послужили виконимы Беларуси (2421 единица). При обработке данных использовались дескриптивный и фреквентативный методы. Анализ наименований внутрисельских линейных объектов осуществлялся при помощи полевых приемов.

Цель работы состоит в определении структуры информационного поля «*историческое время*». Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) на основе классификации виконимов, соотносящихся с категорией исторического времени, установить комплекс тематических групп, формирующих информационное поле;

2) выявить особенности ядерно-периферийных отношений информационного поля.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что информационное поле «*историческое время*» представлено тематическими группами «*юбилеи*», «*государственные праздники*», «*исторические значимые события*», «*религиозные праздники*».

По количеству конstituентов тематическая группа «*юбилеи*» является наибольшей. В названиях, ее формирующих, запечатлены юбилейные даты годовщин Октябрьской революции, образования БССР, СССР, организации Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи, Победы в Великой Отечественной войне, организации колхозов, иными словами, событий советского периода: ул. 50 лет Октября – аг. Каменюки Кам. р-на Бр. обл., ул. 40 лет БССР – аг. Стодоличи Лельч. р-на Гм. обл., ул. 60 лет СССР – аг. Ореховка Клич. р-на Мг. обл., ул. 70 лет ВЛКСМ – дер. Романовичи Гм. р-на Гм. обл., ул. 60 лет Победы – аг. Правые Мосты Мост. р-на Гр. обл. По мнению А. М. Мезенко, главное в таких названиях – «проекция «нового» восприятия на его «старые» идеи и возникающая вследствие этого переключка смыслов» [6, с. 349]. Данные наименования и «связывают» события прошлого с настоящим, и носят меморативный характер. К этой же группе условно относится виконим *Юбилейная ул.*, зарегистрированный в 424 сельских населенных пунктах. Основой для образования внутрисельского названия послужила лексема *юбилей*. Однако указание на конкретное событие или дату в наименовании не содержится, ввиду чего можно говорить о том, что данное название обладает невысокой информативностью.

В белорусской виконимии функционируют наименования, основой для образования которых послужили годовщины, кратные десяти, за исключением одного названия: ул. 55 лет Победы – аг. Ерёмино Гм. р-на Гм. обл. В основном это юбилеи в честь 40-, 50-, 60-, 70-летия события: ул. 40 лет ЛКСМБ – дер. Тумаши Лях. р-на Бр. обл., ул. 50 лет СССР – аг. Заширь Ельск. р-на Гм. обл., ул. 60 лет Колхоза – аг. Черейщина Леп. р-на Вт. обл., ул. 70 лет Беларуси – дер. Теплухи Осип. р-на Мг. обл. Только четыре названия приурочены к десяти-, двадцати-, 30-летиям: ул. 10 лет БССР – аг. Сосны Люб. р-на Мн. обл. (основой для образования виконима могло выступить наименование совхоза «Десятилетие БССР», центр которого располагался в указанном населенном пункте), ул. 20 лет БССР – аг. Оздятичи Борис. р-на Мн. обл., ул. 30 лет Освобождения БССР – аг. Козловка Светл. р-на Гм. обл., ул. 30 лет Победы – дер. Микитск Дрог. р-на Бр. обл., дер. Первомайск Солиг. р-на Мн. обл. По данным российского ученого А. Н. Соловьёва, в урбанонимии Смоленской области фигурируют ул. 12 лет Октября – г. Смоленск, ул. 14 лет Октября – г. Рудня [10, с. 269]. Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала подтвердил, что количество юбилейных внутрисельских названий увеличивается по мере хронологического удаления от исторического события.

В виконимии Беларуси с **государственными праздниками** связаны следующие названия, представленные точным календарным временем: *Первомайская ул.* – дер. Дыманово Вт. р-на Вт. обл., *ул. 3-го Июля* – дер. Гурбы Глуб. р-на Вт. обл., *ул. 7 Ноября* – аг. Войская Кам. р-на Бр. обл., *ул. 8 Марта* – дер. Будёновка Ошм. р-на Гр. обл., *ул. 9 Мая* – дер. Смольгово Люб. р-на Мн. обл.

Праздники 1 Мая (День Труда), 8 Марта (Международный женский день), 9 Мая (День Победы) получили мировое признание и стали международными. «Впервые день международной солидарности трудящихся был отмечен в 1890 году в Австро-Венгрии, Бельгии, Германии, Дании, Испании, Италии, США, Норвегии, Франции, Швеции и некоторых других странах» [9]. Первомай некоторое время был символом революции. В настоящее время этот праздник отмечается в 142 странах мира первого мая или в первый понедельник мая [9]. Помимо формы атрибутивного типа *Первомайская ул.*, в виконимии Беларуси функционируют номинативная и генитивные формы: *ул. 1 Мая ул.*, *ул. 1-го Мая*, *ул. Первомай*.

Предпосылки зарождения праздника 8 Марта возникают в середине XIX в., идея его проведения – в начале XX в., а в 1910 г. в Копенгагене на 2-й Международной конференции работающих женщин «лидер женской группы социал-демократической партии Германии Клара Цеткин выдвинула идею празднования Международного женского дня» [5]. Виконим, мотивированный наименованием данного праздника, представлен не только номинативной, но и генитивной формами: *ул. 8 Марта*, *ул. 8-го Марта*.

День Октябрьской революции (7 Ноября) до сих пор отмечается в некоторых странах, входивших в состав СССР, и с ним в виконимии Беларуси ассоциируются названия *Октябрьская ул.* – аг. Михалево 1 Бобр. р-на Мг. обл., *ул. Октябрьской Революции* – дер. Березняки Кам. р-на Бр. обл., *ул. Октября* – аг. Плотница Столин. р-на Бр. обл.

День Победы (9 Мая) – один из самых важных и почитаемых праздников, который отмечается в бывших советских республиках и во многих странах Европы. В виконимии Беларуси он представлен не только номинативной и генитивной формами названия, восходящими к дате события: *ул. 9 Мая / ул. 9-го Мая* (14 н.п.), но и непосредственно его наименованием: *ул. Победы* (221 н.п.).

Белорусским национальным считается праздник 3-го Июля. В этот день отмечается День Независимости Республики Беларусь. Выбор даты обусловлен тем, что 3 июля 1944 г. Минск был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В виконимии Беларуси праздник представлен внутрисельскими названиями номинативной и генитивной форм: *ул. 3 Июля*, *ул. 3-го Июля*.

Тематическая группа **«исторические значимые события»** немногочисленна, ее формируют такие названия, как *ул. 9-й Пятилетки* – дер. Ольпень Столин. р-на Бр. обл., *ул. 12 Апреля* – аг. Красное Гм. р-на Гм. обл., *ул. 17 Сентября* – аг. Мижевичи Сл. р-на Гр. обл. и т.д.

Дата *17 Сентября* национально значима, так как знаменует присоединение Западной Беларуси к восточной части БССР. Виконим *ул. 17 Сентября* является наиболее частотным в данной тематической группе. Высокие количественные показатели зафиксированы в Брестской, Минской и Гродненской областях.

В одном сельском населенном пункте зарегистрирована *ул. 12 Апреля*, получившая название в честь Всемирного Дня авиации и космонавтики. Именно в этот день в 1961 г. Ю. А. Гагарин совершил первый полет в космическое пространство.

Единичной фиксацией отмечено название *ул. 9-й Пятилетки*, отсылающее к периоду 1971-1975 гг. Главная задача пятилетки заключалась в обеспечении значительного подъема «материального и культурного уровня жизни народа на

основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности и ускорения роста производительности труда» [1, с. 289].

В виконимии Беларуси находим отдельные названия, образованные от экклезионимов, мотивированных наименованиями церковных праздников: *Покровская ул. (Свято-Покровская церковь)* – аг. Буховичи Кобр. р-на Бр. обл., *Спасо-Преображенская ул. (Церковь Спасо-Преображенская)* – аг. Смольяны Орш. р-на Вт. обл., *Успенская ул. (храм Успения Пресвятой Богородицы)* – аг. Крупица Мн. р-на Мн. обл. В таких названиях, по определению А. Н. Соловьёва, время присутствует опосредованно [10, с. 268].

«По данным экклезионимии, на территории Беларуси особой популярностью пользовались три праздника в честь Девы Марии: Покров, Рождество и Успение Богородицы [2, с. 11]», что частично отражается и в виконимии. Наименование *Успенская ул.* зарегистрировано в Минской области и мотивировано экклезионимом, в основе которого название двенадцатого праздника – Успения Пресвятой Богородицы. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы установлен «в память о видении блаженному Андрею и его ученику св. Епифанию во время богослужения в константинопольском Влахернском храме Пресвятой Богородицы со святыми и ангелами, стоящей на воздухе и простирающей Покров над молящимся народом» [8, с. 230]. Внутрисельское название *Покровская ул.* зафиксировано на территории трех областей (Бр. обл., Вт. обл., Гм. обл.).

Зафиксировано только два виконима, сформированных на базе названий народных праздников: *Купальская ул.* – дер. Шитики Глуб. р-на Вт. обл. и *Колядная ул.* – дер. Носилово Мол. р-на Мн. обл. Купалье – «один из древнейших народных праздников, посвященных солнцу и расцвету земли» [4]. В нем сливаются языческая обрядность и христианская традиция, так как изначально Купалье связано со временем летнего солнцестояния, однако после принятия христианства его празднование приурочили ко дню Рождества Иоанна Крестителя. *Купальская ул.* зарегистрирована в Витебской области (3 н.п.), *ул. Купалье* – в Минской (1 н.п.). Коляды – зимний праздник, связанный с зимним солнцестоянием, началом нового солнечного, а значит и сельскохозяйственного года. Виконимы *Колядная ул. / Калядная* (от бел. «каляды») зафиксированы в Минской области (2 н.п.).

Таким образом, информационное поле «историческое время» включает тематические группы «юбилеи», «государственные праздники», «исторические значимые события», «религиозные праздники». «Праздничные» названия могут быть представлены точным календарным временем, в частности датой или названием самого праздника. **Ядро поля** составляют виконимы *Первомайская ул. / ул. 1 Мая / ул. 1-го Мая* (659), *Октябрьская ул. / ул. Октябрьской Революции / ул. Октября* (574), *Юбилейная ул.* (424), *ул. / пер. Победы / ул. 9 Мая / ул. 9-го Мая* (235), *ул. 8 Марта / ул. 8-го Марта* (138); **околоядерное пространство** – *ул. 17 Сентября / ул. 17-го Сентября* (73); **ближнюю периферию** – *ул. 70 лет Октября* (45), *ул. 60 лет Октября* (44), *ул. 40 лет Победы* (41), *ул. 60 лет Победы* (21), *ул. 50 лет БССР* (15), *ул. 50 лет Октября* (15), *ул. 60 лет БССР* (13). Все остальные названия формируют **дальнюю зону периферии**.

Ядерное пространство поля заполнено конститuentами тематических групп «государственные праздники» и «исторические значимые события». Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала свидетельствует о том, что наиболее частотны наименования, восходящие к международным праздникам, которые появились в период, охватывающий конец XIX-середины XX в., и приобрели впоследствии статус государственных. Ближнюю периферию составляют «юбилейные» названия, связывающие события прошлого с настоящим.

Рассмотренные виконимы апеллируют в основном к событиям XX в., в частности советской эпохи – Октябрьской революции, Победе советского народа в Великой Отечественной войне, которые прочно вошли в сознание носителя языка, а затем реализовались в названиях окружающих его линейных объектов. Искусственный характер данных названий свидетельствует об их мемориальной и идеологической функциях: виконимы-коммеморативы увековечивают память об исторических событиях, повлиявших на общий ход истории.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / редкол. А. М. Прохоров (гл. ред.) [и др.] – 3-е изд. – Т. 21 (Проба - Ременсы). – М., 1975. – 639 с.
 2. Борисевич О. А. Эклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.02 – русский язык / О. А. Борисевич. – Минск, 2012. – 24 с.
 3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1984. – 350 с.
- Купалье в Беларуси / Официальный сайт Республики Беларусь Belarus.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.belarus.by/ru/travel/ethno-tourism/kupalle>.
- Международный женский день [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.calend.ru/holidays/0/0/18/>.
- Мезенко А. М. Геортонимы в урбанонимии и виконимии: специфика использования / А. М. Мезенко // И нежный вкус родимой речи ... : сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л. А. Климовой / отв. ред. Е. Ю. Любимова ; АГПИ им. А. П. Гайдара. – Арзамас : АГПИ, 2011. – С. 347-351.
- Михеева Л. Н. Время как лингвокультурологическая категория : учеб. пособие для иностр. студ. высш. учеб. заведений / Л. Н. Михеева. – М., 2006. – 96 с.
- Православные праздники / сост. С. Р. Бегиян. – Минск, 2009. – 240 с.
- Праздник Труда (День Труда) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.calend.ru/holidays/0/0/37/>.
- Соловьёв А. Н. Отражение времени в урбанонимии Смоленской и Витебской областей / А. Н. Соловьёв // Беларуска-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : зборнік навуковых артыкулаў / ВДУ імя П. М. Машэрава / склад. : Г. М. Мезенка, С. У. Нікалаенка ; пад навук. рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск, 2013. – С. 266-270.
- Толстая С. М. Время / С. М. Толстая // Славянские древности : этнолингвистический словарь; под ред. Н. И. Толстого; Т.1 (А-Г). – М., 1995. – С. 448-452.

Дорофеенко М.Л. Віконімное інформаційне поле «історичне час»: особливості структури // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.70-75

У статті на основі класифікації віконімів, що співвідносяться з категорією історичного часу, встановлений комплекс тематичних груп («ювілей», «державні свята», «історичні значущі події», «релігійні свята»), що формують інформаційне поле «історичний час». Автором визначена структура аналізованого інформаційного поля, виявлено особливості ядро-периферійних відносин. З

урахуванням фреквентативних характеристик встановлені конституенти ядерного та периферійного просторів.

Ключові слова: виконім, інформаційне поле, тематична група, історичний час.

Dorofeenko M. Vikonyms information field «historical time»: features of structure // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.70-75

*In this article on the basis of classification of vikonyms, corresponding to the category of historical time, the complex of theme groups («**anniversaries**», «**the state holidays**», «**historical significant events**», «**religious holidays**»), forming an information field «**historical time**», is established. The author defined the structure of the analyzed information field and the features of the kernel and peripheral relations. Taking into account frequentative characteristics constituents of kernel and peripheral spaces are revealed. On the basis of the analysis of a material of research it is defined that a kernel of a field forming theme groups represent vikonyms, «**the state holidays**» and «**historical significant events**». Among them more frequent are the names which are going back to the international holidays, which have arisen at the end of the XIXth to the middle of the XXth centuries, and possessing now the status of the state holidays. The near periphery was made by the «**anniversary**» names connecting events of the past with the present. It is revealed that considered vikonyms appeal generally to events of the XXth century, in particular of the Soviet era – October revolution, people's Victory in the Great Patriotic War.*

Key words: vikonym, information field, theme group, historical time.

Поступила в редакцію 10.05.2014 з.

УДК 81' 373.7=133.1

Міжмовні силенціальні фразеологічні еквіваленти

Каїка Н.Є.

Донецький національний університет, м. Донецьк, Україна

У статті аналізуються міжмовні фразеологічні еквіваленти силенціальної фразеосемантичної групи. Визначено питому вагу російсько-французьких силенціальних фразеологічних еквівалентів у загальному російсько-французькому фразеологічному фонді. Виявлено специфіку репрезентації силенціального ефекту у фразеології російської і французької мов. Доведено ефективність пошуків міжмовної фразеологічної спільності в означеній фразеосемантичній групі.

Ключові слова: міжмовні фразеологічні еквіваленти, силенціальна фразеосемантична група, загальний російсько-французький фразеологічний фонд, російсько-французькі силенціальні фразеологічні еквіваленти, невербальна комунікація, комунікативне мовчання.

Постановка проблеми. Незважаючи на бурхливий розвиток гуманітаристики протягом останнього сторіччя, явище мовчання залишається на маргінесі уваги науковців [5, с. 319]. Малодослідженими є питання репрезентації категорії мовчання у фразеології, особливо в контексті комплементарності вербаліки та невербаліки. Проблеми співвідношення різних культурних кодів, вербальних і невербальних знаків, специфіки відображення невербальних елементів вербальними засобами, особливості семантичної структури вербальних номінацій невербальних елементів зумовлюють актуальність наукових розвідок.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Лінгвокогнітивні та комунікативно-прагматичні аспекти силенціального феномена аналізуються у наукових роботах Т. О. Анохіної, В.В. Богданова, Т. Дж. Бруно, М. Ефрат, С.В. Крестинського, М. Савіль-Труак, О.Т. Сливинського, С.О. Швачко та ін. Наявний корпус досліджень, присвячених невербальним особливостям комунікації (Р. Бердвістел, І. Горелов, Г. Колшанський, А. Піз, Г. Уайнрайт, Б. Успенський, Ю. Фаст, А. Хілл та ін.), окремим питанням кінесичної фразеології (С. Григор'єва, М. Григор'єв, А. Козиренко, Г. Крейдлін, Т. Черданцева), просодичної (М. Архипецька, О. Корлиханова). Останнім часом у вітчизняному мовознавстві з'явилися наукові роботи, присвячені питанням репрезентації взаємодії невербальних та вербальних компонентів комунікації в українських пареміях (Т.Ф. Осипова), в англomовному дискурсі (Г.І. Барташева, Л.В. Солощук), у німецькій (О.В. Харчук), польській (О.Г. Лозинська), болгарській фразеології (Л.Є. Петровська) тощо. Водночас суттєво недостатніми є порівняльні та зіставні наукові дослідження, спрямовані на вивчення проблем взаємодії вербальних і силенціальних засобів у комунікації, репрезентації силенціального ефекту (термін А.Д. Белової) [1, с. 7] у фразеології різних мов. Російсько-французькі силенціальні фразеологічні еквіваленти (РФСФЕ) ще не були предметом окремого наукового дослідження.

Мета статті – обґрунтувати наявність фразеосемантичної групи міжмовних, зокрема російсько-французьких, силенціальних фразеологічних еквівалентів, що

передбачає розв'язання таких завдань: 1) виявити російсько-французькі силенціальні фразеологічні еквіваленти; 2) визначити їх питому вагу у загальному російсько-французькому фразеологічному фонді; 3) проаналізувати специфіку репрезентації комунікативно значущого мовчання у російсько-французьких фразеологічних еквівалентах (РФФЕ).

Матеріалом дослідження є фразеологічний корпус «Словаря русско-французских фразеологических эквивалентов» Н.С. Каіки, Л.П. Кофанової, що містить близько 16000 російських фразеологізмів та більше 23000 французьких фразеологізмів [2].

Міжмовними силенціальними фразеологічними еквівалентами вважаємо такі міжмовні фразеологічні еквіваленти, кореляти яких пов'язані із позначенням силенціального ефекту. Вони складають окрему групу міжмовних (у нашому випадку – російсько-французьких) силенціальних фразеологічних еквівалентів. Напр.: *ни словом не обмолвиться*. – 1. *ne dire mot*; 2. *ne pas souffler un traître mot*; 3. *ne souffler mot*. Аналіз фонду російсько-французьких фразеологічних еквівалентів дозволив виявити 80 РФФЕ (0,5 % загального фонду РФФЕ) на позначення силенціального ефекту, що складають окрему силенціальну фразеосемантичну групу. У роботі розглядаємо фразеологізми, що вербалізують комунікативно значуще мовчання. Напр.: *ни слова не говоря*. – 1. *sans mot dire*; 2. *sans rien dire*.

Стиржневими лексико-семантичними компонентами силенціальних РФФЕ є соматичні лексеми (*рот, горло [гортань, глотка], язык, зубы, уши*) та лексеми *слово, звук, молчание*. Пор.: *прикусить язык*. – 1. *se mordre la langue*; 2. *mettre la langue dans sa poche*; *ни слова ни звука*. – *pas un mot, pas un signe*.

У фразеосемантичній групі силенціальних РФФЕ, на наш погляд, можна виділити РФСФЕ на позначення комунікативної ситуації, що є невербальним комунікативним фоном фразеологізмів (*ледяное молчание*. – *silence (m) de glace*), РФСФЕ на позначення невербальної комунікативної поведінки (*рта не открыть; не открыть рта*. – *ne pas ouvrir la bouche*), РФСФЕ на позначення комунікативних властивостей особистості (*нем (немой) как рыба*. – 1. *muet comme un poisson*; 2. *muet comme une carpe*; 3. *muet comme une tanche*), РФСФЕ на позначення психофізіологічного, психоментального стану комуніканта, спричиненого перебігом комунікативного акту (*застрять в горле: это слово застряло у меня в горле*. – *rester dans la gorge: ce mot m'est resté dans la gorge*).

Аналіз функційного потенціалу феномену мовчання, що представлений у роботах Томаса Дж. Бруно [6], М. Ефрат [7], С.В. Крестинського [3], М. Савиль-Труак [8] та ін., є підґрунтям для вивчення міжмовних фразеологічних еквівалентів, зокрема російсько-французьких, у яких відбивається функційно-семантичне навантаження мовчання. Так, виокремлюються РФСФЕ, пов'язані із реалізацією контактної функції комунікативного мовчання, зокрема, контактної конструктивної (*молчание – знак согласия*. – 1. *qui ne dit mot, consent*; 2. *qui se tait, consent*) або контактної деструктивної (*замкнуться / замыкаться в молчании*. – *s'emmurer dans le silence*), інформативної (*нем (немой) как могила*. – Про людину, яка вміє зберігати таємниці, секрети. – 1. *muet comme la tombe*; 2. *silencieux comme la tombe*; 3. *secret comme un tombeau*), когнітивної (*І нет слов! – I. il n'y a rien à dire! 2. il n'y a rien à redire! 3. sans doute!* Значення РФФЕ: «Безперечно; усе зрозуміло без слів»), експресивної (РФСФЕ - фразеологічні омоніми: *II нет слов! у меня нет слов [чтобы...]*. – 1. *les mots me manquent [pour...]*; 2. *la parole me manque*; 3. *je perds la parole*; 4. *je ne trouve pas de mots [pour...]*. Значення РФФЕ: «Не знаходити слів, щоб виразити що-небудь через почуття здивування, захоплення, радощі, обурення тощо), емотивної (*слова застряли в горле у кого-л.: у меня слова застряли в горле*. – *les paroles se sont arrêtées dans mon gosier*), ідентифікаційної функції, що реалізується шляхом верифікації результату декодування комунікативного повідомлення (*молчи – за умного сойдёшь*. – 1. *fou qui*

se tait passe pour sage; 2. fol semble sage quand il se tait; 3. tel semble sage quand il se tait; 4. le silence est l'esprit des sots [et une des vertus des sages]; заговор молчания. – conspiration (f) du silence), інтенціональної (придержать [свой] язык [за зубами]. – tenir sa langue) тощо. Наявні поодинокі приклади РФСФЕ, пов'язані із реалізацією ритуальної функції (минута молчания. – minute (f) de silence) та функції хезитації (на полуслове замолчатъ. – Перервати свою промову, не завершити висловлювання. – s'arrêter à demi-mot).

РФСФЕ демонструють прагмасемантичну специфіку. Виокремлюються РФСФЕ, що репрезентують: 1) особливості комунікативного середовища, консенсусного (молчание – знак согласия. – 1. qui ne dit mot, consent; 2. qui se tait, consent), агресивного (закрой рот на замок: закрой рот на замок! – 1. mettre un cadenas à sa bouche: mets un cadenas à ta bouche! 2. у mettre un cadenas: mets-у un cadenas; 3. se mettre un cachet sur la bouche: mets-toi un cachet sur la bouche!); 2) небажання вступати у комунікацію (набрать в рот воды; воды в рот набрать. – 1. avaler de l'eau; 2. demeurer bouche close (cousue); 3. tenir la bouche cousue; 4. tenir la langue; 5. ne pas ouvrir la bouche; 6. ne pas desserrer les dents (les lèvres); 7. serrer les lèvres; 8. ne pas piper; 9. mettre sa langue dans sa poche); 3) неможливість вступати у комунікацію (язык отнялся; язык прилип к гортани у кого-л.: у него язык отнялся; у него язык прилип к гортани. – 1. il est resté muet [d'effroi, d'étonnement, de surprise, etc]; 2. il a perdu sa langue; 3. il a perdu l'usage de la parole; 4. cela lui a coupé le souffle; лишиться дара речи; потерять / терять дар речи. – 1. perdre le don de la parole; 2. perdre la parole; 3. perdre l'usage de la parole; 4. en rester muet; 5. avoir la gorge nouée; дух (дыхание) захватывает / захватило (перехватило) у кого-л.: у меня дух (дыхание) [от этого] захватывает / захватило (перехватило). – 1. j'en ai (j'en ai eu) la respiration coupée; 2. cela (ça) me coupe (m'a coupé) le souffle; 3. j'en ai (j'en ai eu) le souffle coupé; 4) заборону комунікативних реакцій: ни слова больше! – 1. pas un mot de plus! 2. un point, c'est tout! 5) використання комунікативних тактик, наприклад, маніпулятивних (играть в молчанку. – 1. éviter de répondre; 2. garder le silence), тактик замовчення або приховування інформації (история умалчивает о чём-л.: история об этом умалчивает. – 1. l'histoire le passe sous silence; 2. l'histoire ne le dit pas; об этом ни гу-гу! ни гу-гу! об этом молчок! Прост. – 1. bouche cousue; обойти / обходить молчанием что-л. – 1. garder le silence sur qn; 2. passer qch sous silence; 3. rester muet sur qch.); 6) відображення комунікативної позиції: молчатъ в тряпочку. – mettre sa fierté dans sa poche; 7) емоційну реакцію комунікантів: нем (немой) как статуя. – [rester] muet comme une statue.

Тематичні модифікації мовчання комуніканта, на думку Т.А. Анохіної знаходяться у площині мовчазних ситуацій: «не хочу говорити», «не знаю, що сказати», «хочу й мовчу», «слухаю», «не погоджуюсь», «погоджуюсь» [1]. Спостерігаємо РФСФЕ на позначення таких комунікативних ситуацій, наприклад, погодження із чим-небудь: без звука. – sans mot dire зі значенням «мовчки, беззаперечно [погодитися з чим-небудь, прийняти що-небудь]. Проте специфіка функціонування РФСФЕ у дискурсі полягає в тому, що одна фразеологічна одиниця може використовуватись у різних ситуаціях мовчання. Наприклад, уживання РФСФЕ не произнести ни звука. – ne pas prononcer une syllabe зі значенням «затято мовчати, зберігати мовчання» може бути умотивовано різними комунікативними обставинами («не хочу говорити», «не можу говорити» та ін.).

Деякі функціоно-семантичні особливості РФСФЕ пов'язані із відображенням особистості комуніканта у ситуації комунікативного домінування. Так, наявна значна кількість РФСФЕ, що виражають комунікативні команди комуніканта: [об этом] ни гу-гу! ни гу-гу! об этом молчок! Прост. – 1. bouche cousue! 2. motus sur l'article! ни слова больше! – 1. pas un mot de plus! 2. un point, c'est tout!

Акцентуючи комплементарність вербальності і невербальності, зауважимо, що значення фразеологізмів із невербальним комунікативним фоном може бути вмотивовано комбінацією невербальних засобів різних систем (акустичної, оптичної, кінесичної та ін.). Наприклад, значення фразеологізмів *закрити / закривати рот кому-л.*; – *1. fermer la bouche à qn; 2. fermer le bec à qn., зажимать рот кому-л.* – *1. fermer la bouche à qn; 2. imposer silence à qn.* – «змушувати кого-небудь мовчати, перешкоджати висловлюванню» – пов'язане зі специфікою функціонування засобів екстралінгвістики та кінесики.

Висновки дослідження та перспективи подальших наукових розвідок. Зіставний аналіз російської і французької фразеології демонструє наявність російсько-французьких силенціальних фразеологічних еквівалентів, що складають 0,5 % спільного фонду РФФЕ та надають уявлення про фразеосемантичну специфіку таких фразеологічних одиниць. Перспективами подальших досліджень є вивчення РФФЕ із просодичним, проксемічним невербальним фоном тощо, з'ясування особливостей взаємодії невербальних компонентів комунікації із вербальними у сучасному франкомовному дискурсі.

Список літератури

1. Анохіна Т. О. Невербальні та вербальні засоби екстеріоризації силенціального ефекту в англomовному художньому дискурсі: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: «спец.: 10. 02. 04 – «германські мови» / Тетяна Олександрівна Анохіна; Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова. – Київ, 2005. – 19 с.
2. Каика Н. Е., Кофанова Л. П. Словарь русско-французских фразеологических эквивалентов = Le Dictionnaire des Equivalents phraséologiques russes-français: [16000 русских фразеологизмов и более 23000 французских фразеологических эквивалентов] / Каика Н. Е., Кофанова Л. П. - Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2005. – 548 с.
3. Крестинский С. В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе / С. В. Крестинский // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – Выпуск 1. – 2011. – С. 34-37.
4. Сливинський О. Т. Феномен мовчання в художньому тексті (на матеріалі болгарської прози 60–90-х рр. ХХ ст.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: «спец.: 10. 01. 06 – «теорія літератури» / Остап Тарасович Сливинський; Тернопільський національний педагогічний університет імені Володимира Гнатюка. – Тернопіль, 2006. – 24 с.
5. Швачко С. О. Когнітивно-комунікативні аспекти мовчання (на матеріалі англomовного дискурсу) / С.О. Швачко // *Studia Linguistica*. – Выпуск 5. – 2011. – С. 319-327.
6. Bruneau T. J. Communicative Silences: Forms and Functions [Text] / T.J. Bruneau // *Journal of Communication*. – Volume 23, Issue 1. – 1973. – P. 17- 46.
7. Ephratt M. The functions of silence / M.Ephratt // *Journal of Pragmatics*. – 40. – 2008. – Available online at www.sciencedirect.com
8. Saville-Troike M. The Place of Silence in an Theory of Communication [Text] / M. Saville-Troike // *Perspectives of Silence* [Ed. By D.Tannen, G.U., M. Saville-Troike]. – Univ. of Illinois. – 1985. – P. 1-18.

Каика Н.Е. **Межъязыковые силенциальные фразеологические эквиваленты** // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» - 2014. - Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 76-80

В статье анализируются межъязыковые фразеологические эквиваленты силенциальной фразеосемантической группы. Определен удельный вес русско-французских силенциальных фразеологических эквивалентов в общем русско-французском фразеологическом фонде. Выявлена специфика репрезентации силенциального эффекта во фразеологии русского и французского языков. Доказана эффективность поисков межъязыковой фразеологической общности в указанной фразеосемантической группе.

Ключевые слова: межъязыковые фразеологические эквиваленты, силенциальная фразеосемантическая группа, общий русско-французский фразеологический фонд, русско-французские силенциальные фразеологические эквиваленты, невербальная коммуникация, коммуникативное молчание.

Kaika N. Interlanguage silential phraseological equivalents // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.76-80

Interlanguage phraseological equivalents of a silential phraseological and semantic group are under analysis. Russian-French silential phraseological equivalents specific volume in common Russian-French phraseological fund has been established. Phraseological units with meanings related to communicative silence have been found out. The dominant lexical and semantic components of Russian-French silential phraseological equivalents have been determed. It has been defined how basic communicative meanings that silence expresses in the act of communication and its functional and semantic loading are reflected in phraseology of the compared languages. It has been established that phraseological community in the group of Russian-French silential phraseological equivalents is shown up brightly enough, in spite of belonging of the compared languages to the different language systems. Perspective of comprehensive analysis of the corps of Russian-French phraseological equivalents with the prosodic and proxemic components as specific units forming interlanguage phraseological community has been pointed out.

Key words: interlanguage phraseological equivalents, silential phraseological and semantic group, common Russian-French phraseological fund,

Russian-French silential phraseological equivalents, non-verbal communication, communicative silence.

Поступила до редакції 12.05. 2014 р.

УДК 81'1:130.2

**Специфика и многообразие символических форм
в контексте языковой картины мира**

Карпенко А.В.

*Таврический национальный университет имени В.И.Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
annka1@list.ru*

В данной статье автор обращается к проблеме символа и связано это с тем, что практически все предшествующие подходы к исследованию этого феномена игнорировали тот факт, что символ является несущим основанием художественной культуры. Многообразие различных интерпретаций символа объясняется тем, что он находится в эпицентре самых разнообразных подходов в осмыслении многогранной проблемы взаимоотношений между человеком, языком и культурой. Наиважнейшей, на наш взгляд, является проблема разграничения символа с близкими ему образованиями или символическими формами.

Анализируя этимологию концепта «символ» мы обратили внимание на многозначность этого слова, которая позволяет соединить в себе противоположные семемы, а именно, соединенный (от глагола сбрасывать в одно место) и разъединенный (разломанная дощечка); то есть, будучи разъединенными, его части составляют единое целое. Он несет в себе следующие характеристики: аллегорическая, эмблематическая, а также характеристики знака и образа, аналогии, схемы, и понятия. Символ, развиваясь, стягивал на себя вышеуказанные характеристики, которые в дальнейшем развились в самостоятельные формы образного выражения, а благодаря значению символа как разъединенному, они стянули на себя, среди прочих, и символическую компоненту и могут быть представлены как символические формы. Раскрывая сущностные характеристики символа и символистических форм, автор приходит к выводу, что символ не сводим ни к одной из них и не редуцируем к ним.

Ключевые слова: *символ, символизм, символическая форма, аллегория, эмблема, метафора, сравнение, миф.*

Символизм – явление тотальное и многомерное. Это явление давно стало междисциплинарным. Символы пронизывают все исторические и культурные этажи человеческого бытия. Это обуславливает необходимость лингвокультурологического осмысления и анализа концепта символа и других символических форм. В проблеме символа фокусируются многие вопросы художественной культуры. Многозначность и некоторая расплывчатость концепта символа требует проведения лингвокультурологического анализа.

Символы являются неотъемлемыми элементами человеческой культуры. Наша жизнь наполнена символами, которые напоминают нам о чём-либо, воздействуют на нас, разрешают и запрещают, поражают и покоряют. Символы используются для наглядного выражения рационально не осознаваемых, но чрезвычайно важных событий. Они выступают как высшие ценности. Благодаря своей открытости, внутренней напряжённости, способности соединять рациональные, эмоциональные

и побудительные компоненты психики символы служат строительным материалом культуры.

Анализируя этимологию слова «символ» мы обратили внимание на интересную особенность: многозначность слова позволяет соединить в себе противоположные семемы, а именно, соединенный (от глагола «сбрасывать в одно место») и разъединенный («разломанная дощечка»); то есть, будучи разъединенными, его части составляют единое целое. Предложенная характеристика концепта «символ» отмечает: его часто сводят к аллегории и эмблеме. Таким образом, он несет в себе следующие характеристики: аллегорическая, эмблематическая, а также характеристики знака и образа, аналогии, схемы, и понятия. Символ, развиваясь, стягивал на себя вышеуказанные характеристики, которые в дальнейшем развились в самостоятельные формы образного выражения, а благодаря значению символа как разъединенному, они стянули на себя, среди прочих, и символическую компоненту и могут быть представлены как символические формы [5].

Если мы в состоянии исчерпывающе пересказать символ, значит, мы имеем дело не с символом, а с одной из его спецификаций. Определенное одновременно предельным и беспредельным, наличное бытие символа существует в градации форм, «образующих культуру как процесс символизации» (Свасьян К.А.). Как мы уже говорили, необходимо отличать символ от его проявлений, а градация множества всех форм символа весьма широка. Процесс выявления символа и его пластов проходит через анализ форм, который показывает, что символ не сводим ни к одной из этих форм. Благодаря интенциональности и динамическому характеру символ обуславливает символическую неизбежность и неумещаемость ни в одной из его форм. Являясь разновидностями знака, символические формы опосредуют и знаковую проявленность в символе. Знаковость символа самоопределяется в модальном отношении. В зависимости от специфики символа эта модальность разворачивается в следующих типах отношений: возможности, к которой относятся аллегория, тип, понятие и явление; действительности – образ, олицетворение, метафора; необходимости – сравнение и миф. Интенциональность символа, его динамический характер соотносит символ со «всем-что-ни-есть», обуславливая символическую неизбежность и «неумещаемость» ни в одной из «сказывающихся» о символе форм.

Термин «символизм» возник в 1827 году, поэтому Гегель в своей «Эстетике», характеризуя развитие культурных форм, использует еще термин «символическое». Ранее мы уже указывали, что символическое искусство, по Гегелю, является низшей стадией развития искусства, которое он характеризует в качестве предискусства. По Гегелю, это предискусство «характерно для культуры Востока». Символическая форма противопоставляется классической, когда внешняя форма и идея находятся в равновесии, и романтической: в ней духовный элемент доминирует над формой. Все стадии развития духа могут присутствовать друг в друге. Но отличие искусства от предискусства состоит в том, что в символической (доискусственной) форме всеобщее начало опредмечивается, причем эти предметы возводятся до степени представлений и приобретают форму всеобщего. Искусство же оформляется тогда, когда эти представления воплощаются в образе и являются перед духом в предметной, а не символической форме сознания. Кроме того, символическая форма является не индивидуальностью, а абстрактностью. Борьба за соответствие между смыслом и образом составляет сущность символической формы. Символ выступает как «несостоятельная внешняя форма». «Околосимволическое» пространство сужается или расширяется различными авторами в зависимости от характера определения его элементов. Под этими элементами понимается то, что, например, К.А.Свасьян представляет как формы символа. В своей работе «Проблема символа в современной

философии» автор представляет десять форм. Это - знак, метафора, образ, аллегория, понятие, явление, тип, сравнение, олицетворение, миф. В других источниках, например, у исследователей Н.С. Сарингуляна, М. Евзлина, А.Ф. Лосева мы находим такие формы, как ритуал, эмблема, схема, которые могут быть выстроены в единый логически последовательный ряд с символом. По мнению С.Н. Неретиной символ лишен движения и диалектичности, этими характеристиками он наделил троп. «Его отличие от символа состоит в том, что, как и символ, указывая на нечто, не данное в предмете, он, тем не менее, не является только лишь заместителем этого нечто. По определению троп обозначает нестабильность, подвижность вещи (в переводе с греческого слово «троп» означает «поворот» [9, с.15], которые улавливают процесс становления тех или иных феноменов. В своем труде «Истина и метод» Г.-Г. Гадамер герменевтически подвергает анализу трансформацию символа и пересечения понятий аллегории и символа в XVII - XVIII вв. В XVII и в XVIII веках оба понятия употребляются как синонимы (например, у Винкельмана. Общность их составляет то, что таким образом нечто здесь замещает нечто другое» [1, с.117]. А различие заключается в том, что аллегория, риторическое средство, относится к сфере речи, поэтому является «герменевтической фигурой». Иначе говоря, то, что подразумевалось, но было выражено при помощи чего-то другого, более доступного, является доступным пониманию и угадыванию. Возникновение аллегории связано с очищением религиозного словаря, поскольку она указывает на «более высокое» значение. Символ же в этот период не связывается со значением выражаемой идеи, его «чувственно воспринимаемое бытие несет и свое «значение» [1, с.118]. Любопытно, что таким образом значение символа определяется как нечто самостоятельное, отделимое и от смысла формы, и от смысла выражаемой идеи. Условием воздействия символа является его предьявляемость в любой форме (высказывание или удостоверение, метка или пароль). Эстетическая и художественная значимость символа исследовалась крупнейшим эстетиком XVIII в. Зольгером. Мыслитель говорит, что произведение искусства – «форма бытия самой идеи, а вовсе не то, что значением произведения является найденная наряду с ним идея» [1, с.119]. В соответствии с этим он трактует символ в смысле использования его в произведении культуры: внутреннее единство идеи и явления определяет такое сосуществование, при котором идея усматривается каким-либо способом. Аллегория, напротив, не требует такого схождения метафизического характера, как символ, поэтому значимое аллегорическое единство осуществляется посредством толкования. В этом, на наш взгляд, заключается основное отличие символа от аллегории. Кроме того, современное определение символа опирается на такие понятия, как общее и единичное, о которых упоминают, в частности, Шеллинг и Гете. Шеллинг опирается на немецкий перевод слова «символ» выражением «осмысленный образ» (sinnbild), утверждая, что мы желаем, чтобы «предмет абсолютного художественного изображения был столь же конкретным и подобным лишь себе, как образ, и все же столь же обобщенным и осмысленным, как понятие» (Там же). У Гете в определении символа сама идея получает свое существование. Тот факт, что в понятие символа имплицитно включается внутреннее единство символа и символизирующего, оно смогло подняться до уровня универсального основного понятия эстетики. Итак, анализ трактовки символа в XVIII веке Гадамер завершает выводом о том, что символ и символическое как обладающие внутренней и сущностной значимостью были противопоставлены внешней и искусственно обозначаемой аллегории. «Символ - это совпадение чувственного и сверхчувственного, аллегория - значимая связь чувственного и вневещного» [1, с.120]. Символ - неисчерпаем, аллегория - исчерпаема. Казалось бы, символизация включает использование символа и не является когнитивным процессом. Символу нельзя придать черты рациональности,

поскольку он не обозначает вещь, заранее определенную для чего-то. Даже с подобной точки зрения, он является одновременно очагом аккумуляции и концентрации образов и их эффектно-эмоциональной нагруженности, вектором аналогической ориентации созерцания, полем эманации антропологических, космологических, и теологических сходств. Весь смысл аллегории только в отражении духовной символики. Таким образом, как нам кажется, она как искусственное означивание, осуществляемое через трактование, является полу-символом, полу-формой. Идея не осуществляет ее, не оформляет, не является причиной, поскольку фактическая сторона распадается на множество. Аллегория не образуется в аллегорию до трактования, так как вещественная сфера и идея не есть один смысл. Ранее мы приводили примеры сравнения символа и аллегории, взяв как пример новеллу Ф. Кафки «Превращение», герой которой, проснувшись однажды утром, обнаруживает, что он превратился в жука и связанные с этим превращением и переменой произошедшей с ним, чувства героя. Итак, перед нами образ насекомого. Путем изобразительных средств автор старается донести до читателя мысль о человеческом одиночестве. Является ли аллегорией наш жук? Этот рассказ – место разворачивания формы и идеи. По справедливому замечанию Гадамера, символ – единство видимого и невидимого. Символ, помимо того, что выражает что-то еще, выражает сам себя. Наш герой – беспомощный жук с человеческим сознанием. Это – мучимый страхами и страдающий жук. Во-первых, он есть образ и идея этого жука как жука. Во-вторых, здесь просматривается и другая идея: жук – идея человека в одиночестве и страдании. В аллегории, говорим мы, смысл истолковывается. Если в символе идея каким-либо образом опознаваема, выполняется аналогическая функция на уровне идеи, то аллегория зачастую не требует сродства образа и идеи, аллегория – это иносказание. Итак, страдающий жук есть аллегорическое иносказание. Образуется сюжетная канва, которая сопровождает аллегорическое изображение, лежащее в основе басен, мифов и притчей. Таким образом, в этом случае мы имеем дело с аллегорией, хотя она очень близко подходит к символу. Не случайно Свасьян называет ее формой. В приведенном примере аналогическая функция подводит идею и образ настолько близко, что они вот-вот объединятся в единое символа. Как мы уже говорили, аллегория можно назвать скорее «несовершенным» символом, полу-символом. Конечно, глубокий характер символического отношения не позволяет полностью «открыть» идею, содержащуюся в символе, эта «преднайдённая» в символе идея есть помимо того и что-то еще. Поэтому, воспринимая образ жука одновременно с образом жука в еще одной, «другой» идее, мы не говорим, что нашли, обнаружили или раскрыли значение символа, но мы восприняли символ как единый смысл. В противном случае символ сведется либо к аллегории, либо к сравнению. Сходные рассуждения мы встречаем у Гегеля в его «Эстетике»: «Должны мы понимать такой образ в собственном или еще и в переносном смысле? <...> При образе льва мы не знаем, брать символический или чувственный образ» [2, с.32]. Таким образом, мы говорим, что когда есть смысл и образ, тогда сравнение между образом и смыслом – «притча». Если же размышление еще не дошло до того, чтобы фиксировать отдельно общие представления и особо обозначать их, то смысл и чувственный облик находятся в единстве и образуют символ. Несмотря на то, что у Гегеля, как мы уже отмечали, символ понимается как предискусство, которое не отличает символический облик от представления, этот символ, «двусмысленность» которого представляет единство, способствует пониманию символа в нашей современной трактовке. Забегая вперед, скажем, что для нас символ диалектически объединяет условность знака и «двусмысленность», бездонность образа. Вернемся к гегелевскому противопоставлению символа притче (мифу) и сравнению. В сравнении (как и в метафоре) смысл «ясен сам по себе». В притче образ и смысл сравниваются. Символ,

таким образом, не дополнительное соподчинение, как для знаковых имен, а объединение того, что должно существовать целокупно. Идеальная выраженность символа – это абсолют, следовательно, мыслимо как единое. Поэтому его воплощение в вещи возможно лишь однажды, «в форме только одной и единой личности» [6, с.357]. Если же идеальный символ будет выявляться в чувственно воспринимаемой множественности, то инобытийная сфера будет превышать объем идеального, и тогда символ станет уже не символом, а аллегорией. В другом случае полный символизм отнесен в вещественную сферу, тогда идея будет существовать в подлинной реальности и сократится до степени схемы. У Канта очень четко определена оппозиция схема – символ. Первый является прямым, а второй опосредованным изображением, причем схема выполняет функцию демонстрации, а символ – аналогии [1, с.119]. У Канта символическим является и религиозное познание, а символ в связи с этим выполняет аналогическую функцию, которая заключается в перенесении «рефлексии о предмете созерцания на совершенно другое понятие, которому созерцание, вероятно, никогда не сможет прямо соответствовать» (Там же). При познании Бога человек переносит свои качества и свойства на личность Бога, поэтому познание происходит из чувств. Аналогическая функция символа имеет гносеологическую значимость и метафизическую подоснову. Это «не просто любое знаковое обозначение или значащее замещение, он предполагает метафизическую связь видимого и невидимого» [1, с.120]. Символ, рядоположенный аллегории и схеме, может рассматриваться и как понятие одного с ними объема, и как родовое для них понятие.

Следующей символической формой является миф. Уже начиная с древнегреческой философии миф, толковавшийся аллегорически, имеет тенденцию к рационализации. Например, он определяется как ступень знания, соответствующего какой-либо сфере предметов. Важно понять, что наука исследует мифическое состояние, превращаясь в новую форму. «Его подлинное преодоление должно основываться на его познании и признании; лишь через анализ его духовной структуры можно, с одной стороны, определить его собственный смысл, а с другой, его границы» [10, с.52]. В чем же символичность мифа? Символизм мифа заключен в том, что, будучи образом, абсолютно не сраченным с вещью, он находится в функциональном соотношении с ней. Миф, как символическая форма «думает» о вещи, но никак не отображает ее, поскольку внешняя его сторона есть он сам. «Смысл каждой формы состоит не в том, что она выражает, а в модусе и во внутренней закономерности самого выражения. Дистанция есть условие видимости» [11, с.105]. Миф – это категория бытия, это реальность, если рассматривать ее с точки зрения самого Мифа. «Ведь всякий реальный предмет, поскольку он осмысливается нами как непосредственно и самостоятельно сущий, есть, как мы сказали, символ» [8, с.361]. Далее, миф есть символ, поскольку он есть Личность. Миф есть личность, поскольку «перед нами не просто вещи, но интеллигентные вещи», (осмысливающие вещи). И, наконец, миф есть история, так как мы имеем дело не просто с личностью, но ее эмпирическим становлением [8, с.472].

Еще одной символической формой является ритуал, ведь в ритуале фокусируется символичность, как его отличительный признак. Соотнесение «знака» и «объекта» обнаруживает искомый признак символичности. «Символ выступает в роли заместителя объекта» [12, с.65], идентифицируя с ним определенный знак. Вследствие метафорической аналогии в символическом ритуале устанавливается связь абстрактных предметов и образа. Например, известен миф о том, что люди древних культур часто закапывали молодых женщин в борозду или впрягали их в плуг. В этом случае представлена аналогия детородящей женщины, и способность земли давать жизнь растениям. Если же речь идет о внешних признаках конкретных предметов,

то в ритуале проявляется иммитативная функция (это использование символических жестов, масок, красок, одежды и т.д.). Символический ритуал выполняет также и регулирующую функцию, аналогичную функции архетипа Юнга. При этом проявляются конструктивно-творческие силы ритуала. Здесь речь идет об эпохальном прорыве в сферу знакового, сферу именного в символическом ритуале и в выборе, сделанном между природой и культурой. «Знаковость в своей наиболее элементарной форме может быть определена как нарушение естественного (привычного) порядка вещей, <...> природа сама по себе есть нечто безразличное. Ритуал нарушает это первоначальное безразличие, становясь семантической «точкой», которая, генерируя из себя новые значения, наполняет бытие смыслом» [3, с.232].

На наш взгляд, нельзя обойти вниманием и анализ понятия как символической формы, которое в ряде случаев рассматривается как символ. Символ как презентант «строит» вещь. Понятие осуществляет эту же функцию, более того, оно образует вещь, поскольку общее – это абстракция. Получая имя или любое обозначение, чувственный образ становится понятием. Форма схематична и имеет ценность, поскольку может и должна относиться к единичному. Однако абстрактность концепта, понимаемого нами не как десигната и значения, но как общего понятия, заменяет единичное общим. Понятие, таким образом, само уже имеет трехэлементную структуру; здесь его можно считать символом. Как известно, символ отличается от знака наличие таких специфических свойств, как самостоятельная ценность формы, образность, целокупность, а также вторичность по отношению к естественному языку. Именно эти свойства присущи понятию, поэтому корректнее называть его символическим образом, а не знаковым. Нередко понятие приравнивается к значению, однако, это два различных уровня. Значение является «встроенным» в знак, выделить его можно только логически. Понятие же само является знаком-символом. Таким образом, понятие как символическая форма есть единство знакового и образного. «Понятие действительности есть более или менее приблизительный ее символ» [7, с.181], который должен быть сущностью отражаемого им объективного явления. Понятие бытия или материи является символом всех понятий вообще. Бытие предстает как символическое единство. Тожество, и понятие об этом единстве есть понятие о каждом смысле в отдельности, в его единичной направленности.

Символическое проявляется также в функции языковой аналогии: «Наш язык полон таких опосредованных изображений по аналогии, вследствие чего выражение содержит не подлинную схему для понятия, а лишь символ для рефлексии. Такие слова как «основание» (основа, базис), «зависеть» (быть поддерживаемым сверху), «из чего вытекает» (вместо следует), «субстанция» (по выражению Локка, носитель акциденций), и бесчисленное множество других – это не схематические, а символические гипотезы и выражения для понятий не посредством прямого созерцания, а лишь по аналогии с ним, т.е. посредством перенесения рефлексии о предмете созерцания на совсем другое понятие, которому, вероятно, содержание никогда не сможет прямо соответствовать» [4, с.193]. Как уже говорилось, символ, имея статус категории культуры и отношения, рассматривается «в качестве всеобъемлющего и собирательного понятия». (Свасьян К.А.)

На примерах таких символических форм как аллегория, миф, ритуал, понятие мы попытались продемонстрировать символическую компоненту в каждой из этих форм, их связь с символом, являющимся, на наш взгляд, наивысшей формой выражения идеи в конкретном идеале. Это позволяет сделать вывод о том, что эти концепты хотя и не вполне тождественны друг другу, но вместе с тем обнаруживают явные черты сходства и взаимосвязи.

Все сказанное выше позволяет сделать следующие *выводы*:

1. Концепт символа образовался, благодаря стяжению на себя таких сущностных характеристик как аллегорическая, знаковая, образная, аналогическая, мистическая, интуитивная, в сумме образовавших то, что мы сегодня определяем как сущность символа. Многие из выше перечисленных характеристик в дальнейшем вычленились в самостоятельные формы, несущие в себе символическую компоненту, которая сочленяет, соединяет, связует ткань семиозиса культуры.
2. Таким образом, символ, как одна из форм семиозиса, одновременно несет в себе качество его разных форм.

Список литературы

1. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Ханс Георг Гадамер; [пер. с нем. Б.Н. Бессонова]. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т.: / Георг Вильгельм Фридрих; [пер. с нем. М. Лифшица]. – Т.1. – М.: Искусство, 1968. – 312 с.
3. Евзлин М. Космогония и ритуал / Михаил Евзлин. – М.: Радикс, 1993. - 337 с.
4. Кант Иммануил. Собр. Соч. В 8-ми томах. Т.5. –М.: Изд-во Чоро, 1994, с. 193
5. Карпенко А.В. Концепт символа в западноевропейской культуре конца XIX – начала XX веков (на материале текстов французской культуры): дис. ... канд. филос. наук: 09. 00. 04. / Карпенко Анна Владимировна. Симферополь, 2004. - 197 с.
6. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / Алексей Федорович Лосев. – М. : Мысль, 1993. – 959 с.
7. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / Алексей Федорович Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 367с.
8. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура // Алексей Федорович Лосев. – М. : Политиздат, 1991. – 524 с.
9. Неретина С.С. Слово и текст в Средневековой культуре. История: миф, время, загадка / Светлана Сергеевна Неретина. – М. : Гнозис, 1994, – С.15-157.
10. Свасьян К.А. Проблема символа в современной философии / Карен Араевич Свасьян . – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1980. – 226 с.
11. Свасьян К.А. Философия символических форм Э Кассирера / Карен Араевич Свасьян. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1989. – 238 с.
12. Сарингулян К.С. Очерк семиотической характеристики ритуала / Корюн Суренович Сарингулян. В кн.: Семиотика и проблема коммуникации. – М., 1987, С.65-67

Карпенко Г. В. Специфіка і розмаїття символічних форм в контексті мовної картини світу // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.81-88

У даній статті автор звертається до проблеми символу і пов'язано це з тим, що практично всі попередні підходи до дослідження цього феномену ігнорували той факт, що символ є несучою основою художньої культури. З поля зору вчених вислизала можливість подальшого поглибленого дослідження концепту «символ» за рахунок напрацювань сучасних теорій. Найважливішою, на наш погляд, є проблема розмежування символу з близькими йому утвореннями або символічними формами. Таким чином, автор робить спробу розкрити суттєві характеристики символу та символічних форм.

Аналізуючи етимологію концепту «символ» автор звернулу вагу на багатозначність цього слова, яка дозволяє з'єднати в собі протилежні семми, а саме, з'єднаний

(від дієслова «скидати в одне місце») і роз'єднаний («розламані дощечки»); тобто, будучи роз'єднаними, його частини становлять єдине ціле. Він несе в собі такі характеристики: алегорична, емблематична, а також характеристики знака і образу, аналогії, схеми і поняття. Символ, розвиваючись, стягував на себе вищезгадані характеристики, які в подальшому розвинулися в самостійні форми образного вираження, а завдяки значенню символу як роз'єднання, вони стягнули на себе, серед інших, і символічну компоненту і можуть бути представлені як символічні форми. Символічна компонента, будучи наявною в кожній з цих форм, таким чином, пронизує їх і стає їх якістю. Розкриваючи сутнісні характеристики символу і символічних форм, автор приходять до висновку, що символ не зводиться ні до однієї з них і не редуційований до них. Вони виявляють межі взаємозв'язку, тобто символічна компонента зчленовує, зв'язує тканину семіозису культури й водночас несе в собі якість його різних форм.

Ключові слова: символ, символізм, символічна форма, алегорія, емблема, метафора, порівняння, міф.

Karpenko A. V. **Specificity and diversity of symbolic forms in the context of the language world picture** // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications.* – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.81-88

In this article the author turns to the problem of symbol because all the previous approaches to the study of this phenomenon ignored the fact that symbol lies in the bases of the culture. A variety of diverse interpretations of symbol is in the epicenter of different approaches to the understanding of the multifaceted problem of the relationship between the man, the language and the culture.

The scientists missed the opportunity for the further studying of this concept. They didn't take into consideration all modern theories. The author tried to delimitate symbol from other symbolic forms.

While analyzing the etymology of the concept of symbol we noticed its ambiguity, and this allows us to unite the opposite sememes, namely, connected (from the verb "to throw in one place") and disconnected ("to break up the plaque") that is, being disconnected, its parts are integrated. The proposed approach to the concept of symbol points out: it is often reduced to allegory and emblem, and it bears the following characteristics: allegoric, emblematic, and the characteristics of the sign and image, myth, simile, schemes and concepts. Symbol, while developing, it pulled together over the above characteristics, which later developed into independent forms of figurative expressions, and due to its meaning of being connected, they pulled over, among others, a symbolic component, and can be represented as symbolic forms. Revealing the essential characteristic of symbol and symbolic forms, the author comes to conclusion that symbol cannot be reduced to other symbolic forms. The author gives as well special attention to myth as one of the most important symbolic forms.

Key words: symbol, symbolism, symbolic form, image, metaphor, simile, myth.

Поступила в редакцію 08.05.2014 г.

УДК 372.881.116.1`37.046.16

**Особенности построения семантического поля медицинских
наименований в повести Бориса Могилевского «Жизнь Мечникова»**

Кузнецова Н.В.

ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины»
г. Днепропетровск, Украина
nv-kyznetsova@mail.ru

Исследование языка по методу семантических полей находит применение в языке художественной литературы. Рассматриваются особенности построения семантического поля медицинских наименований в повести Бориса Могилевского «Жизнь Мечникова», представляющее собой совокупность лексических единиц, объединенных общим семантическим компонентом “медицина”. Представлены базовые признаки данного поля, основанные на его структурных составляющих. Примеры, приведенные в статье, свидетельствуют об упорядоченном, строго установленном характере выражения лексических единиц в структуре исследуемого поля. Выделение основных комплексных единиц показывает наличие трех больших подсистем первого порядка: МП-1, МП-2 и МП-3, в составе которых сгруппированы подсистемы второго порядка: лексико-семантические группы и парадигмы. Их анализ раскрывает многомерные внутренние и внешние аспекты системных взаимосвязей лексем.

Полученные результаты будут способствовать дальнейшему, более глубокому осмыслению полевых структур языка писателя, раскрытию разнообразного характера отношений между единицами системы.

Ключевые слова: семантическое поле, микрополе, структура поля, гиперсема, гипосема, лексико-семантическая группа, тематическая группа, синонимический ряд, антонимические противопоставления.

В последние десятилетия подлинный интерес у лингвистов вызывают исследования, связанные с изучением различных лексических микросистем. Об этом свидетельствует наличие большого количества работ по проблемам выделения лексико-семантических групп, синонимических рядов, антонимических противопоставлений, проблеме соотношения слова и понятия [3,4]. Несмотря на этот факт, наименее исследованной остается одна из самых крупных языковых категорий – семантическое поле, которое обладает способностью объединять в своем составе слова, соотносимые с определенной понятийной сферой.

Исследователи предлагают различные трактовки в понимании семантического поля, однако общим критерием для каждого из них является признание иерархической структуры данной смысловой парадигмы, выделение ядра и периферии, разграничение микрополей. За основу организации семантического поля как упорядоченного множества единиц принимаются гиперо-гипонимические отношения, основанные на родовидовых отношениях, существующих между понятиями. Гипонимы в качестве однородных единиц, обозначающих видовые понятия, включаются в состав объединяющего их гиперонима.

Возникновение теории семантических полей в лингвистической науке связывают с именами немецких ученых Й. Трира и В. Порцига, которые руководствовались предположением о невозможности описания значения слова без обращения к лексическим единицам, входящим в семантическое поле. Из отечественных лингвистов большой вклад в рассмотрение системности языка, в определение основных критериев выделения семантических полей внесли ученые М.М. Покровский, А.В. Бондарко, Ю.Н. Караулов, А.А. Уфимцева, Л.А. Новиков и другие.

Современные исследования затрагивают не только отдельные языковые поля, но и направлены на рассмотрение полевого характера языка в целом. Это дает возможность представить систему языка в виде совокупности полей, имеющих многоуровневый характер.

Метод поля находит эффективное применение в исследовании языка художественных произведений. Лингвистами рассматривается совокупность лексических единиц, упорядоченных и структурно организованных в соответствии с художественным мировоззрением писателя [2;5].

Целью нашей работы является выделение и описание основных комплексных единиц семантического поля медицинских наименований в биографической повести Бориса Могилевского «Жизнь Мечникова». Исследовательский интерес к определению состава лексических единиц путем распределения их по микрополям приближает нас к пониманию особенностей лексики периода жизни известного русского ученого.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

- изучаются принципы построения семантического поля;
- проводится отбор лексических единиц, входящих в состав СП на основании родовой семы “медицина” из повести Б. Могилевского;
- распределяется имеющийся языковой материал по микрополям (МП), входящим в состав семантического поля медицинских наименований и описывается каждая группа с точки зрения ее системной организации.

Материалом послужили лексические единицы, отобранные из первых пяти глав повести Б. Могилевского «Жизнь Мечникова», в которых повествуется о становлении молодого Ильи Мечникова как врача, а также данные толковых словарей, медицинского словаря, словарей синонимов и антонимов.

Лексика, применимая к понятию медицины представляет собой систему – семантическое поле, отражающее общезыковые системные качества: центр, периферию, иерархию лексико-семантических группировок. В составе семантического поля с родовой семой “медицина” имеют место гипосемы первого и второго порядка. На основе гипосем первого порядка в заданной полевой структуре различаются три микрополя. В МП-1 понятие о медицине связано с указанием на жизнедеятельность живых организмов и представлена их классификация. В МП-2 аналогичное понятие передано через описание частей тела, органов, мышц, скелета человека и позвоночных животных. МП-3 содержит сведения о симптомах болезни, заболеваниях, инструментах для лечения больного.

В состав МП-1 входят семь лексико-семантических групп, базовые семантические компоненты которых способны развивать в своем составе гиперсемы, представленные именами существительными, прилагательными и глаголами:

ЛСГ существительных, называющих простейшие одноклеточные животные: *амеба, инфузория, ресничные инфузории, сувойка, мельчайшие организмы, фабриция;*

ЛСГ существительных и прилагательных, называющих класс членистоногих позвоночных и беспозвоночных животных: *насекомые, паукообразные, ракообразные, земноводные, млекопитающие, моллюск, головоногие моллюски, нематоды, круглые*

черви, кольчатые черви, ленточные черви, животные, низшие беспозвоночные животные, низшие организмы, членистые, мягкотелые, лучистые (беспозвоночные животные), ящерица, лягушка;

ЛСГ существительных и прилагательных, называющих тип многоклеточных животных: *кишечнополостные, птицы, звери, зверье, гермафродиты (двуполые), раздельнополые;*

ЛСГ существительных, обозначающих морских животных: *медузы, рыба, рыбежки, морские зверюшки, губки, гидра, обитатели моря, какая-нибудь редкость, рачки, осьминоги, спруты, чудовища-спруты, беспозвоночные жители моря, глубоководные обитатели моря, мельчайшие морские животные, морская звезда, ланцетник, миноги, морское полупрозрачное существо, морской червь, гастрея, гастреады (фантастические животные);*

ЛСГ существительных, характеризующих процесс, связанный с жизнедеятельностью организмов: *размножение, развитие зародыша, вырождение, дегенерация, произвольное движение, борьба за существование, явление гетерогении; дыхание, работа сердца, рефлекс, мозговая деятельность, мышечное движение, торможение (рефлексов), ускорение (рефлексов), вячивание, отбор наиболее приспособленных организмов;*

ЛСГ существительных, называющих свойство, характеристику: *сократительная способность, выживаемость;*

ЛСГ глаголов, обозначающих действие, связанное с жизнедеятельностью организмов: *окрасить (стебель), обработать химическими веществами, дышать, (кровь) обращается, (лимфа) движется, производить себе подобных, эволюционируют.*

Микрополе - 2, содержащее указание на части тела человека и позвоночных животных, развивает в своем составе девять лексико-семантических групп:

ЛСГ существительных, называющих живое целое (существо или растение): *человек, организм человека, человеческий организм, зародыш, овальный зародыш;*

ЛСГ существительных, называющих скелет или часть скелета человека и позвоночных животных: *голова, кости, позвоночник;*

ЛСГ существительных, называющих скелет головы или часть головы человека: *череп, лицо, головная часть тела;*

ЛСГ существительных, обозначающих часть лица человека или морды животного: *нос, лоб, ухо, глаза, нижняя челюсть;*

ЛСГ существительных, называющих орган или часть органа тела человека или животных: *сердце, сердце с четырьмя отделениями, мышцы, легкое, желудок, железа, каналы, отделительные каналы, внутренность человека, внутренность животных, кишечник, цупальца;*

ЛСГ существительных, называющих жидкость: *кровь, лимфа;*

ЛСГ существительных, называющих кровеносные сосуды: *артерии, вены, сосуды;*

ЛСГ существительных, называющих отдел нервной системы: *мозг, спинной мозг, головной мозг;*

ЛСГ существительных, называющих систему однородных клеток и продуктов их жизнедеятельности: *ткани, мышечная ткань, мускульная ткань.*

В состав МП-3 входят семь лексико-семантических групп, содержащих слова, связанные с конкретными заболеваниями, их симптомами и методами лечения:

ЛСГ существительных и сложных существительных, с помощью которых переданы ощущения физического страдания: *боль, приступы острой боли, чувство в коже, острая режущая боль;*

ЛСГ существительных, называющих заболевание: *тяжелая болезнь, душевная болезнь, больные нервы, алкоголизм, острое алкогольное отравление;*

ЛСГ существительных, называющих болезнь и ее распространение: *оспа, холера, эпидемия*;

ЛСГ сложных существительных, называющих болезненный процесс: *воспаление тазобедренного сустава*;

ЛСГ существительных, применяющихся для обозначения продукта лабораторного или фабричного изготовления: *препарат, серия препаратов*;

ЛСГ существительных, называющих вещество, применяемое для лечения, медикамент: *лекарство, хлороформ*;

ЛСГ существительных, называющих инструмент и его составные части: *микроскоп, линзы микроскопа, чудесный прибор, ножницы для препарирования*;

ЛСГ глаголов, обозначающих действие, связанное с деятельностью медицинского работника: *препарировать*.

Привыделении в составе данных микрополей тематических групп, синонимических рядов и антонимических противопоставлений прослеживаются парадигматические отношения между лексическими единицами.

К тематическим группам относятся единицы класса объектов, названные гиперсемами *мозг* (спинной, головной, человеческий), *отравление* (острое алкогольное, острое отравление алкоголем, физиология алкогольного отравления), синонимический ряд образуют лексемы *наружность – лицо, вырождение (инфузорий) – дегенерация, чувство в коже – боль, микроскоп – чудесный прибор, фагоцитировать – захватывать, размножаться – производить себе подобных*. Антонимы представлены в виде противопоставлений лексических единиц *наружный слой – внутренний слой, внешний пласт – внутренний пласт, эктодерма – энтодерма, бластула – гастрюла, торможение – ускорение (рефлексов), одноклеточный – многоклеточный (организм), одноклеточные – многоклеточные (животные), позвоночные – беспозвоночные, высшие представители простейших животных – низшие многоклеточные, отнимется – присовокупится, убудет – умножится* и др.

Из приведенных примеров следует, что Б.Могилевский – автор биографической повести об Илье Мечникове, широко использует медицинскую терминологию, объединенную в составе семантического поля. Оно строго упорядочено и представлено в виде системы перекрещивающихся микрополей: МП-1, МП-2 и МП-3, в состав которых входят лексико-семантические группы и парадигмы. Их анализ раскрывает многомерные внутренние и внешние аспекты системных взаимосвязей лексем.

Полученные результаты будут способствовать дальнейшему, более глубокому осмыслению полевых структур языка писателя, раскрытию разнообразного характера отношений между единицами системы.

Все рассмотренные группировки лексических единиц могут выступать объектом изучения в методике преподавания русского языка как иностранного, так как опора на художественный текст при закреплении учебного материала играет значительную роль в обучении студентов-иностранцев, способствует более эффективному и быстрому усвоению медицинской лексики.

Список литературы

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М., 1986. – 600с.
2. Белов А.А. Лексико-семантическое поле «зной» в поэтических текстах Ф. И. Тютчева// Диссертация на соискание уч. степ. канд. филол. наук. – Череповец, 2008. – 170с.
3. Иванова А.А. Функционирование лексико-семантического поля «мечта» в английском национальном коммуникативном стиле// Вестник Челябинского

государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2012, №6. Вып. 64. – С.65-68.

4. Иванова Н.Д. Синонімічні ряди та антонімічні протиставлення лексико-семантичної групи "характер поверхні" // Науковий вісник Ізмаїльського державного педагогічного інституту. – Ізмаїл, 2001. Вип.10. – С. 127-130.

5. Кочнова К.А. Лексико-семантическое поле "природное время" в языковой картине мира А. П. Чехова // Диссертация на соискание уч. степ. канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 164с.

6. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. – М., 1984. – 384с.

7. Могилевский Б. Жизнь Мечникова. – М., 1958. – 157с.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1991. – 917с.

9. Русско-украинский словарь научной терминологии. Биология. Химия. Медицина. – К., 1996. – 660с.

10. Словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. А.П.Евгеньевой. – М., 1981-1984.

11. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.-Л., 1950-1965.

12. Столярова Л.П., Пристайко Т.С., Попко Л.П. Базовый словарь лингвистических терминов. – К., 2003. – 192с.

13. Толковый словарь русского языка/ Под ред. Д.Н.Ушакова: В 4-х т. – М., 1934-1940.

Кузнецова Н.В. Особливості побудови семантичного поля медичних найменувань в повісті Бориса Могилевського «Жизнь Мечникова» // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.89-94

Дослідження мови за методом семантичних полів знаходить застосування в мові художньої літератури. Розглядаються особливості побудови семантичного поля медичних найменувань в повісті Бориса Могилевського «Жизнь Мечникова», що являє собою сукупність лексичних одиниць, об'єднаних загальним семантичним компонентом "медицина". Визначено базові ознаки даного поля, засновані на його структурних складових. Приклади, наведені в статті, свідчать про упорядкований, строго встановлений характер вираження лексичних одиниць у структурі досліджуваного поля. Виділення основних комплексних одиниць показує наявність трьох великих підсистем першого порядку: МП-1, МП-2, МП-3, у складі яких згруповані підсистеми другого порядку: лексико-семантичні групи і парадигми. Їх аналіз розкриває багатовимірні внутрішні і зовнішні аспекти системних взаємозв'язків лексем.

Отримані результати сприятимуть подальшому, більш глибокому осмисленню польових структур мови письменника, розкриттю різноманітного характеру відносин між одиницями системи.

Ключові слова: *семантичне поле, мікрополе, структура поля, гіперсема, гіPOSEMA, лексико-семантична група, тематична група, синонімічний ряд, антонімічні протиставлення.*

Kuznetsova N.V. Features of construction of the semantic field of medical items in the story of Boris Mogilevsky «Жизнь Мечникова» // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.89-94

Study the language according to the method of semantic fields applied language of fiction. There is considered the features of construction of the semantic field of medical

items in the story of Boris Mogilevsky «Жизнь Мечникова», which is the totality of lexical units united by the common semantic component “медицина”. There are shown the basic signs of the given field, based on its structural components. Examples given in the article show an orderly, strictly established character expression of lexical units in the structure of the test field. Allocation of core unit’s complex indicates the presence of three major subsystems of the first order: MP-1, MP-2, MP-3, which are grouped as part of the subsystem of second order: lexical-semantic groups and paradigms. Its analysis reveals the internal and external aspects of system interconnections lexemes.

The results will contribute to the further, better understanding of the field structures of language writer the disclosure varied character of relations between the units of the system.

Key words: *semantic field, microfield, structure of the field, gipersema, giposema, lexical-semantic group, theme group, synonyms series, antonymous opposition.*

Поступила в редакцию 13.05.2014 г.

УДК 811.161.1'373.23(476.5)

**Неофициальный именной жителей белорусского поозерья
в этнолингвистическом аспекте**

Лисова И.А.

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
Reallisowa@mail.ru*

В статье определяется степень активности модификации антропонимов в группах по происхождению, выясняются основные детерминанты сохранения / изменения этнокультурных коннотаций интралингвистически мотивированных неофициальных форм имен, рассматриваются особенности трансонимизации антропонимной лексики, а также адаптации заимствованных элементов именника жителей Белорусского Поозерья, устанавливаются взаимосвязь времени появления антропонима в языке и активности его модификации и основные причины появления общих для имен

Ключевые слова: неофициальный антропоним, этнокультурная коннотация, модификация, конверсия, форма имени, региональный именной.форм.

Официальный именной славян разнообразен с точки зрения происхождения его элементов. Он сложился под влиянием многих этносов и культур. В ономастике взаимодействие официальных и неофициальных антропонимов рассматривается на уровне структуры и семантики, этнолингвистические основы региональных неофициальных именных слабо освещены в науке, что обуславливает **актуальность** нашего исследования. По мнению А.В. Суперанской, антропонимы «означают именуемых людей именно своим звучанием (а не смысловым значением тех слов, от которых они образованы), <...>, те же самые имена, несмотря на общее происхождение, в разных странах становятся разными, потому что связываются с иной культурой» [7, с. 7–8]. *Целью* публикации является определение специфики этнокультурной составляющей семантики интралингвистически мотивированных неофициальных антропонимов жителей Белорусского Поозерья, собранных путем анкетирования в **2012-2013** гг. Общее число неповторяющихся проанализированных единиц – **1191**. *Задачи* исследования: распределить собранные антропонимы по группам с точки зрения их происхождения, выяснить степень активности модификации имен в каждой группе и факторы, определяющие ее, описать причины сохранения/изменения этнокультурных коннотаций форм личных имен жителей Белорусского Поозерья, обозначить основные детерминанты появления общих форм антропонимов.

Этнокультурную семантику имен собственных рассматривает в диссертационном исследовании Л.С. Головина (2013 г.) [3]. В.В. Катернюк (2010) в своей работе характеризует структуру и семантику неофициальных антропонимов сквозь призму языковой принадлежности единицы, заимствованной антропонимиком. Это одна из первых работ, где пристальное внимание уделяется трансонимизированным неофициальным именам с позиции языка-источника [5]. *Новизна* нашего

исследования состоит в описании этнически маркированных неофициальных антропонимов, восходящих к официальной форме имени, с точки зрения сохранения/изменения этнокультурных коннотаций. В обработке материала использовались метод компонентного анализа, этимологический, дескриптивный, количественный методы.

Интралингвистически мотивированные неофициальные антропонимы – элементы неофициального именника, появление которых мотивировано в первую очередь официальной формой имени. Особенности межличностных отношений в подобных формах передаются коннотативной окраской, вносимой словообразовательным формантом. Антропонимы, функционируя в конкретном социуме, находятся под действием ретрансляторов, т.е. культурных посредников, «обуславливающих перенос исходного имени в иные языковые (культурные) коды» (термин Е.Л. Березович) [1, с. 78–79]. **Этнокультурные коннотации** интралингвистически мотивированных неофициальных антропонимов представлены созначениями, сохраненными языком-источником, а также этнокомпонентами, внесенными при модификации или конверсии. По мнению Л.И. Зубковой, «ликвидации образовавшейся «семантической пустоты» заимствованных имен в сознании носителей русского языка стали содействовать следующие факторы: накопление индивидуальной и групповой ассоциативной информации, в том числе связанной с утверждением святцев, и вовлечение заимствованных имен в процессы фонетических, грамматических и формообразовательных модификаций, привнесших социальные оценки, дополнительные оттенки чувств и эмоций, способствовавших приобретению именами национально культурного своеобразия» [4, с. 15]. Однако адаптация антропонима не завершается только изменением его официальной формы, его функциональная парадигма также подвержена динамичным изменениям.

Время появления имени и активность его функционирования влияют на состав современного неофициального именника жителей Белорусского Поозерья. Разные имена могут функционировать в качестве неофициальных элементов. Несмотря на то, что имя воспринимается как устаревшее и носитель может его изменить (*Марфа*, например, становится *Марией*), оно закрепляется в неофициальной коммуникации и используется с оттенком иронии [6, с. 53]. Одними из первых имен, чужеродными по происхождению, функционирующих в современном именнике Белорусского Поозерья, стали **скандинавские антропонимы** (*Олег, Ольга*), которые связаны с конкретными историческими персоналиями (княгиня Ольга, князь Игорь, известные еще по «Повести временных лет»). Есть и иная точка зрения по поводу происхождения данных антропонимов. По некоторым источникам, эти имена венецкого происхождения, также как «от сокращенного Туго (*Tungo, Tugost*) произошло женское Туга», появилось «от сокращенного Ольг женское Ольга» [2, с. 149]. «Г. Куник производит это имя от скандинавского *Hölga*. Но скандинавы знали русскую Ольгу под другим именем; они называли ее Аллогией, *Allogia*» [2, с. 149]. В современном неофициальном антропонимиконе данные элементы модифицируются активнее всего: в среднем на имя приходится **11** неофициальных антропонимов, с учетом того, что доля всех неофициальных единиц составляет всего **3,61%** (см. Таблицу). Надо учесть, что наиболее активно происходит модификация имени Ольга по причине его отнесенности к устойчивым именам XX столетия, в отличие, например, от имени Игорь и Олег [6, с. 26, 32]. Подобное соотношение определяется и общими закономерностями неофициального именника жителей Белорусского Поозерья – более активной модификацией женских имен по сравнению с мужскими.

Неофициальный именной жителей белорусского поозерья...

Таблица. Степень модифицируемости имен в зависимости от их происхождения.						
Происхождение имен	Кол-во имен	Общее число форм (без учета употреблений)	Процент от общего количества форм	Неповторяющихся в группе форм	В среднем на имя форм	Кол-во общих для разных имен форм
скандинавское	4	43	3,61%	43	11	0
германское и французское	8	22	1,85%	22	3	0
восточное (арабское, сирийское, персидское)	8	36	3,02%	36	5	0
древнееврейское	18	136	11,42%	132	8	4
латинское	27	216	18,14%	206	8	10
русское и славянское	28	179	15,03%	171	6	8
греческое	61	559	46,94%	519	9	40
ВСЕГО:	154	1191	100,00%	1129	8	62

Высокая степень модифицируемости присуща и самой многочисленной группе официальных антропонимов Белорусского Поозерья – греческих по происхождению (среднее число неофициальных единиц – **9**), заимствование которых приходится на христианский период развития славянского антропонимикона. «Помимо собственно византийских (греческих), в состав христианских имен входили также сирийские, египетские, персидские, арамейские, древнееврейские и древнеримские имена» [8, с. 8]. В процентном соотношении от общего количества неофициальных единиц формы латинских по происхождению (древнеримских) имен составляют **18,14%**, а древнееврейских – **11,42%**, однако среднее количество единиц одинаковое – **8** неофициальных антропонимов. Необходимо отметить, что чем у же группа имен по происхождению, тем меньше в зафиксированном наборе неофициальных форм с усеченной начальной частью, что объясняется, возможно, сохранением ударного слога, концентрирующего на себе внимание реципиента. Начальный элемент неофициальной формы наиболее тесно связан с официальным именем. Это может объяснить функционирование в западных именных имен, таких, как, к примеру, *Наталья* и *Таиша* в качестве официальных антропонимов, а также проникновение в официальный именной гипокористических форм. Наиболее активной модификации в группе восточных по происхождению имен подвержено имя Дарья (перс., **21** ед.), все его формы сохраняют первый слог имени. Остальные имена восточного происхождения модифицируются слабо (**1-7** ед.). В данной группе **5** неофициальных единиц приходится на один официальный антропоним. Новыми по отношению к другим этимологически чуждым антропонимам являются немецкие и французские по происхождению единицы, заимствованные во времена правления Петра I, их степень модификации и доля неофициальных форм менее всего (**1,85%**, в среднем **3** неофициальных антропонима). Примечательно, что все они сохраняют начальный элемент основы, а также имеют в функциональной парадигме антропонимы, используемые в русском или ином именнике как официальные (*Алина – Алла, Генрих – Геннадий, Эдуард – Эдвард*). Адаптация заимствованного имени приводит

к появлению оттенка иронии в случае использования данных форм, что транслирует ряд, предложенный респондентом по имени *Генрих*: *Гена – Генрик – Гендрик* и под. Отдельную группу составляют славянские и русские по происхождению имена, появившиеся в разное время. Большинство модификатов антропонимов в данной группе сохраняют начальные элементы (исключение составляют двухосновные имена с финалью *-слав* и формы имени *Алеся* (бел., укр.). Формы славянских и русских антропонимов модифицируются неактивно (в среднем 6 ед. на 1 имя). Общие для разных имен формы появляются в неофициальной антропонимной системе по причине наличия в двухосновном имени идентичных корней (*Влад – Владимир, Владислав; Слава – Владислав, Вячеслав*), одинаковых слогов в различных антропонимах (гипокористика *Тася* и квалитативы от данной формы зафиксированы в парадигмах имен *Татьяна* и *Таусия*). Одной из особенностей неофициального антропонимикона жителей исследуемого региона является функционирование конвергентов (сходных звуковым обликом антропонимов), характеризующихся ложной этимологией. Например, имя *Любовь* (рус.) в свою парадигму включает антропоним *Любава* (слав.); *Инна* (болг.) – *Инесса* (исп.). В неофициальном именнике жителей Белорусского Поозерья возрождаются антропонимы, функционировавшие в разные времена как официальные. Например, *Владимира* (рус.) называют *Вольдемар* (др.-герм.).

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала в этнолингвистическом аспекте позволил сделать следующие *выводы*:

1. Интралингвистически мотивированные неофициальные антропонимы способны менять этнолингвистическую маркированность путем привлечения иноязычных антропонимов (*Екатерина – Кэт, Андрей – Эндрю*).

2. Традиционная форма имени (официальная и неофициальная) может выступать в качестве адаптатора для сложного в произношении или недавно заимствованного имени (*Гонората – Ганя – Анна*).

3. На степень модификации влияет активность и продолжительность функционирования имени в регионе.

4. Этнокультурный компонент семантики неофициального антропонима фиксируется в его основе и форманте, если таковой имеется (*Денис – Дэн – Дэнчик*). Исходя из этого, можно выделить две модели этнолингвистической маркированности интралингвистически мотивированных антропонимов: 1) А+А (основа и формант принадлежат одной антропонимной системе: *Димочка*); 2) А+Б (основа и формант принадлежат этнически разным антропонимным системам: *Егор – Егорио*). В данных условиях, очевидно, что коннотации, внесенные в неофициальный антропоним формантом, значительно меняют его этническую маркированность.

5. Наиболее активно модифицируются скандинавские, греческие, латинские и древнееврейские по происхождению имена.

6. Общие для имен неофициальные формы возникают из-за сходства звукового облика антропонимов или их частей, на это также влияет активность функционирования имен.

Перспективой нашего исследования является рассмотрение особенностей именников отдельных населенных пунктов в этнолингвистическом аспекте.

Список литературы

1. Березович, Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
2. Геденов, С.А. Варяги и Русь : Разоблачение «норманнского мифа» / С.А. Геденов. – М. : Эксмо: Алгоритм, 2011. – 352 с.

3. Головина, Л.С. Этнокультурная семантика имени собственного и ее лексикографическая репрезентация иноязычному адресату : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / Л.С. Головина ; Псковский государственный университет. – Волгоград, 2013. – 16 с.

4. Зубкова, Л.И. Русское имя второй половины XX века в лингвокультурологическом аспекте (по произведениям Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Распутина и В. Шукшина) : автореф. дис. ... доктора филол. наук : 10.02.02 – русский язык / Л.И. Зубкова ; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2009. – 40 с.

5. Катернюк, В.В. Структурно-семантические характеристики неофициальных антропонимов в английском, немецком и украинском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.15 – общее языкознание / В.В. Катернюк ; Национальный пед. ун-т имени М.П. Драгоманова. – Киев, 2010. – 18 с.

6. Мезенко, А.М. Антропонимное пространство Витебщины : монография / А.М. Мезенко, Т.В. Скребнева. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 148 с.

7. Суперанская, А.В. Словарь народных форм русских имен / А.В. Суперанская. – М. : URSS, 2010. – 368 с.

8. Суперанская, А.В. Современный словарь русских имён / А.В. Суперанская. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 375 с.

Лісова І.О. Неофіційни іменник жителів білоруського поозерья в етнолінгвістичним аспекті // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.95-99

У статті визначається ступінь активності модифікації антропонімів в групах за походженням, з'ясовуються основні детермінанти збереження / зміни етнокультурних конотацій інтралінгвістичні мотивованих неофіційних форм імен, розглядаються особливості трансонімізації антропонімної лексики, а також адаптації запозичених елементів іменника жителів Білоруського Поозерья, встановлюються взаємозв'язок часу появи антропоніма в мові та активності його модифікації і основні причини появи загальних для імен форм.

Ключові слова: неофіційний антропонім, етнокультурна конотація, модифікація, конверсія, форма імені, регіональний іменник.

Lisova Inna Alexandrovna an unofficial name-list of residents in the north in belarussian like-district in ethnolinguistic aspect // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.95-99

The work is based on the theoretical positions of L.I. Zubkova, A.V. Superanskaya, V.V. Katernnyuk etc. The experiment is performed with a fragment of the informal vocabulary antroponimnoy - intralinguistic motivated names leading motive appearance which becomes official anthroponym relatedness. The article defines the degree of anthroponyms' modification activity in groups of origin, the main determinants of saving / changing of ethnic and cultural connotations intralinguistic motivated informal forms of names are explained, the peculiarities of anthroponymic vocabulary transonymisation, as well as the adaptation of borrowed items in the Belarussian Lakeland residents' list of names are examined. In intralinguistic motivated Anthroponims revealed a close relationship of the initial component structures and ethno-cultural marker. The article also examines the cases of conversion in an informal list of names of residents Belarussian Lakeland, altering the ethnic markedness informal anthroponims. In addition, funds are analyzed in a new adaptation of the convergents language environment and causes penetration into the functional paradigm element names, operating in name-list as official.

Keywords: unofficial anthroponym, ethnic and cultural connotation, modification, conversion, nameforms, regional name-list.

Поступила в редакцію 10.05.2014 г.

УДК 811.161.2'27 + 35.075.5

Стили через призму языковой модели управления

Мозговой В. И.

*ГВУЗ «Донецкий национальный технический университет»,
г. Донецк, Украина*

Описание стилей только как разновидностей языка со своими специфическими языковыми средствами мало влияет на действительность, поскольку их знание интересует разве что филологов, журналистов или писателей, и то отчасти. В статье функциональные стили рассматриваются как основная и решающая составляющая управления процессами всей человеческой жизнедеятельности и практического менеджмента. Для этого каждый из стилей анализируется с точки зрения их соответствия социальным нормам профессиональной деятельности и влияния на общество, вовлеченного в диалогический характер продуктивного творчества.

Ключевые слова: функциональные стили, цель общения, сфера влияния, языковая модель менеджмента.

Постановка проблемы. Традиционный взгляд на теорию функциональных стилей в большинстве случаев простирается не дальше языковых средств, рекомендованных для того или иного стилового контекста [1; 5]. Между тем в структуре сложных и взаимосвязанных обстоятельств глобализованного мира, обусловленных противоречивым отношением к человеку, с одной стороны, как высшему этапу развития природы, а с другой – как абстрактному механизму для достижения цели политиков, неизмеримо возрастает значение и роль социального взгляда на стили. Он базируется на принципе соответствия языковых средств социальным нормам, принятым большинством, и должен отличаться толерантностью при осуществлении государственно-правовой или профессиональной деятельности [4].

Актуальность проблемы соответствия языковых моделей нормам человеческого общежития подчеркивают современные реалии системного кризиса, шагнувшего далеко за пределы экономики и охватившего все сферы межгосударственных, межкультурных и межличностных взаимоотношений.

Цель статьи – описать языковые стили как основной элемент управления всеми процессами человеческой жизнедеятельности, вовлеченной в диалогический характер продуктивного творчества.

Изложение материала. Социальная парадигма стилового употребления – сравнительно молодая категория языковой истории, появившаяся при формировании письменной речи, литературного языка, науки и публицистики. Появлению стилей предшествовала устная форма общения, возникшая на начальном этапе развития человечества вместе с практической потребностью небольших по численности языковых коллективов обмениваться мыслями в процессе совместной деятельности.

Последнее обстоятельство сыграло огромную роль в развитии мышления человека, поскольку с этих пор знания стало возможным приобретать не только с помощью собственного опыта, но и опыта собеседников. С увеличением объема

знаний расширились и возможности социализации, что привело людей к осознанному стремлению к объединению в протогосударственных образованиях, обладающих способностью разрастаться до условных границ заселения целого народа. На такой территории устная форма общения уже не могла удовлетворить потребности общества в сохранении и распространении знаний. Возникла объективная необходимость в появлении опосредованной формы общения – письменной, способной передавать информацию во времени и пространстве. На ее основе возник и стал развиваться литературный язык, формирующий общее мировоззрение в пределах национальных государств.

С этого момента особенности языковой системы уже не ограничивались только разговорной стихией – они распространялись на художественную, публицистическую, деловую и научную деятельность граждан в новой социальной структуре общества. Возникли и приобрели социальный резонанс стили – функциональные разновидности общенационального языка, различающиеся типичными языковыми средствами в зависимости от сферы человеческого общения.

Таким образом, природа форм и стилей языка безусловно социальная. Без письменной речи, литературного языка и их социально значимых стилевых вариантов, как и соответствующей системы образования, существование наций в современной мировой практике не только проблематично, но и невозможно. Вот почему профессиональное владение стилями является обязательным условием любой управленческой деятельности человека, вынужденного большую часть своей жизни проводить в деловом, политическом или публичном контекстах.

Несмотря на то, что деление на стили условно (в реальном общении они часто переплетаются и взаимодополняются), в каждом из них можно выделить языковые приоритеты, зависящие от сферы распространения, цели коммуникации и способов социального воздействия на разные в количественном и профессиональном отношении общественные группы.

Современный уровень социализации общества так или иначе реализуется в пяти стилях: разговорном, публицистическом, научном, деловом и художественном. Из них только разговорный стиль существует в устной форме, все остальные – преимущественно в письменной речи.

Как правило, описание иерархии стилей начинается с **разговорного стиля**. Это индивидуально-субъективный стиль, который классифицируется как основной и безусловно простой (им так или иначе пользуются все без исключения, хотя сфера распространения ограничена рамками конкретного диалога). Однако простота устного общения кажущаяся – она охватывает лишь формальную субстанцию используемых языковых средств.

С точки зрения социальной направленности устного общения (его цель – установление психологического контакта с собеседниками) – это одна из самых сложных функциональных разновидностей языка. Вот почему как только эта цель подменяется «выяснением отношений», общество теряет способность к пониманию своих граждан, окружающего мира и самого себя, что почти до основания разрушает культуру управления конкретным коллективом, нацией и государством.

Знание социальных норм в естественной среде устной речи становится необходимым условием сохранения гражданского общества:

1. Устная речь первична в любых условиях человеческой деятельности. Как материальное воплощение процесса мышления, она принципиально отличается от вторичной письменной формы – шифра статического знания в определенный момент времени, продуцирующего в последующем новый виток диалога между поколениями.

Итак, письменная фиксация – всегда прошлая («вчерашняя») информация, обязанная предвзвешиваться устным обсуждением. Адекватно она может восприниматься только в

контексте действующего и послесловного диалога. В этой диалектике происхождения и функционирования языка («мысль» – «диалог в форме устного высказывания» – «управленческое решение в виде письменного постановления» – «новая мысль, появившаяся в ходе выполнения решения» – «новый диалог») заключается сущность языковой модели управления. Нарушение логики функционирования языка, перестановка или любой разрыв звеньев этой диалектической цепи («непродуманное управленческое решение» – «конфликт и коррекция неудачных результатов» – «попытка установить требовательный диалог» – «превращение диалога в антилог») противоречит социальному смыслу природноязыковой модели управления, нормам существования языковых коллективов и приводит к явному или скрытому конфликту [3].

2. **Принцип «опережающего понимания» – главное условие вхождения в диалог.** Для достижения контакта с собеседником или обществом в целом психологически важным является предваряющее устный диалог стремление понять друг друга. Такой принцип заложен природой человека с момента его рождения, что демонстрирует ребенок, любознательная психология которого заинтересована в общении с каждым, кто вступает с ним в диалог. В то же время попытка утвердить свое «я» при помощи «опережающего нападения», представленного сверхчастотностью употребления ярлыков или словесных клише типа «Я убежден!», «Я перекопаний!», «бандеровцы» (весь народ?), «враги» (вся нация?), почти до основания разрушает возможность продуктивного диалога.

3. **Высказывание – основная единица устной речи, конструирующая успешный процесс дальнейшего диалога.** Его продуктивность зависит не только от культуры речи и уровня владения языком или от нарочито насыщенного применения невербальных средств коммуникации, а прежде всего от умения слышать, слушать и обозначать паузами границы высказывания (которое нельзя отождествлять со звуком, словом и предложением). Любая попытка установить свое превосходство путем обвиняющих реплик, перебивающих оппонента, унижает достоинство последнего и заставляет его использовать такие же приемы, превращая собеседника во врага. Тем более опасным для планируемого диалога является категоричный ультиматум, после которого поиск компромисса для получения взаимоприемлемого результата практически невозможен.

4. **Языковые средства устного диалога должны быть направлены на установление психологического контакта с собеседником.** Для его успешного проведения рекомендуется:

– употребление невербальных средств коммуникации (жестов, мимики, пауз, интонации), но изъятие специальной терминологии, нарушающей установление психологического контакта;

– использование жаргонизмов и диалектизмов, не выходящих за рамки национального языка;

– насыщение текста вводными словами, высказываниями в форме простых, вопросительных предложений с восклицательной и экспрессивной интонацией (как условие «незатухающего» диалога), а также неполными предложениями (для контекстной поддержки контакта);

– некоторая степень раскованности, фамильярности и ироничности, сближающая собеседников и свидетельствующая об их разумности.

Публицистический стиль формирует гражданскую позицию, поэтому он влияет на читателей или слушателей выборочно – это индивидуально-гражданский стиль. Такая противоречивость – главная отличительная черта публицистики, определяющая специфику ее участия в процессе политического или гражданского управления обществом.

С позиции СМИ, чтобы произвести толчок к действию и принятию решений (авторская цель), представленная ими информация должна охватить всех, хотя с точки зрения потребителя всеохватность оценивается как навязывание моделей поведения, поэтому он ограничивает ее собственными вкусами, убеждениями и стремлением получить полную картину происходящего только в выбранной сфере. Вот почему для принятия адекватных управленческих решений вовсе не обязательно опираться на мнение отдельных партий, митингов или деклараций. Их максимально разнообразные позиции можно учитывать, лишь примеряя ко всему обществу, развивающемуся во всех сферах человеческой жизнедеятельности в конкретной национальной (региональной) парадигме. Чтобы достичь такого результата, необходимо понимать, как воздействуют языковые средства на сознание и поступки гражданского общества.

Особенно это касается произношения и лексики. Поскольку собеседник в публицистическом стиле определен абстрактно, они в официальном контексте должны стремиться к максимальной нормативности. С этой точки зрения, любое тиражирование в средствах массовой информации словесных «новаций» типа *лист`опад* (*листоп`ад*), *коаліціянти* (*коаліціанти*), *прем`єрка* (*прем`єр*), *авта* (*автомобілі*), *чільники* (*начальники*), *зарплатня* (*зарплата*), *мерило* (*масштаб*), *на потязі* (*на поезде*; правильно: *потягом*), *летовище* (*аэродром*) должно пресекаться гражданской цензурой, ограничивающей сферу распространения диалектных слов (наличие таких слов в передаче заставляет большинство ее игнорировать: при этом цель публицистики как «толчок к действию и принятию решений» не достигается).

Научный и деловой стили выделяются прежде всего своей объективностью. Вот почему главной их целью является доказательное, точное и непредвзятое изложение информации. Эта цель формирует и главное требование к языку – объективность. В языке управления она реализуется чаще всего при отсутствии сослагательного и повелительного наклонения и наличии в текстах большого числа пассивных конструкций, что вытекает из социальной направленности делового общения – минимальными языковыми средствами достичь максимально положительного результата.

С этой точки зрения, излишняя категоричность руководителей и поиск ими виноватых в прошедшей истории нельзя оценивать позитивно – они создают психологический дискомфорт, разрушая возможность диалога и не способствуя продуктивной деятельности. Именно такими характеристиками, далекими от деловых качеств, можно обозначить речь депутатов, начинающих свою деятельность с негативных оценок своих предшественников и коллег-оппонентов, что влияет и на общество. Оно постепенно адаптируется к оскорблениям и ярлыкам «бандиты» среди высших руководителей, не реагируя на риторику, тон ультиматумов и приказов (*реформируй, делай, направляй, уничтожай, посадить, упразднить*) и не выполняя их. Обыкновенных граждан не интересует, «*что было бы, если бы...*» – они нацелены на реалии сегодняшнего дня, где главным является *что делать*. Это еще больше должны подчеркивать страдательные обороты речи с их акцентным вниманием к факту совершенного действия (*Задание не выполняется, потому что...*), а не на виновных в его невыполнении (*Вы не выполнили мой приказ...*).

Впрочем, наиболее важным в структуре положительно направленных социальных норм является **стиль художественной литературы**. Он формирует нацию, воспитывая в ней общечеловеческие и национально осознанные эстетические, культурные и психологические вкусы. Поскольку этот общественно-субъективный стиль влияет на все общество, независимо от политических убеждений конкретного человека, его характерной чертой является незамкнутость (он может вбирать в себе элементы всех стилей).

Художественное видение мира – высшее достижение культуры, поэтому его нельзя отождествлять с прагматикой торговой или политической рекламы, иначе он не будет действовать. Чего стоят, например, лозунги типа «Возродим духовность!» (или: «Думай по-українськи!», «Возродим Россию!»), если они соседствуют с рекламой сантехнических изделий или спиртных напитков?! Такое сочетание уродует национальное сознание человека и превращает в фарс патриотическое воспитание гражданина. Не менее опасным в этой связи является игнорирование основной единицы письменной речи – художественного текста с его подменой вырванными из контекста фрагментами. Художественная литература как основное средство формирования эстетических вкусов нации с ее оригинальными взглядами на мир при выборочном ознакомлении с ней превращается в придаток, стимулирующий неправильные оценки и неадекватную этим оценкам политическую деятельность. Так произошло, например, с изучением истории украинской литературы как литературы, написанной на украинском языке (туда попали произведения канадской литературы, но при этом изъяли русскоязычные произведения Т. Шевченко, Марко Вовчок, В. Короленко, Н. Гоголя, М. Булгакова и др.) [2].

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Навязанное политиками от механики ограничение устной и письменной речи в их стилевом многообразии до размеров полуконфликтной реплики и вырванной из контекста цитаты, а сведение многообразных форм проявления межнационального общения к нормам и идеалам «титულიй нації» и односторонности (как правило, публицистического) с ее нацеленностью на внушение, риторику и императив) привели общество к состоянию перманентного управленческого шока. Формирование культуры устного высказывания поглотилось иллюзорным письменным (компьютерным) тестированием – универсальным и, главное, необременительным для бюджета средством контроля и обучения, хотя оно способно в лучшем случае оценить статическое знание, но не сформировать процесс мышления и способность к адекватному отношению обучаемого к событиям и фактам действительности. Главная единица письменной речи – текст – стал подменяться репликами на уровне СМС и выхолащиваться из практики школьного и вузовского образования. Иллюзия новых «реформ» развеялась донельзя знакомым постулатом о революционной ситуации, которая наступает тогда, когда низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому [3]. Вывести постсоветское пространство из состояния перманентной революции способно новое отношение к языку как главному механизму управления человеческой жизнедеятельностью и основе существования всей человеческой цивилизации

Список литературы

1. Козиевская О. Особливості формування культури мовлення у професійній діяльності державних службовців / О. Козієвська: Автореф. дис. ... канд. наук: 25.00.03. – К., 2003. – 20 с.
2. Мозговой В.И. Русская культура в украинском языковом контексте: политика и реальность / В.И. Мозговой // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010, № 3 – М., 2010. – С. 13-18.
3. Мозговой В.И. Кризис языка и иллюзорные трансформации современной действительности. / В.И. Мозговой // Язык и личность в поликультурном пространства : сборник статей [Текст]. – Москва : Рибэст, 2013. – 343 с. (Серия «Молодой филолог». Вып. 3) – С. 18-24.
4. Мозговой В.И. Мовна компетентність і толерантність як складові природномовної моделі управління [Текст] / В.І. Мозговий // Функціональна лінгвістика : сб. научн. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического

образования; научн. ред. А. Н. Рудяков. – № 5. – Симферополь, 2013. 473 с. – С. 268-271.

5. И.М. Плотницкая. Ділова українська мова у сфері державного управління: навч. посіб. / І.М. Плотницка. – К.: Вид-во УАДУ, 2000.– 192 с.

Мозговий В. І. Стили через призму мовної моделі управління // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.100-105

Опис стилів тільки як різновидів мови з власною специфікою мовних засобів майже не впливає на дійсність, оскільки їхнє знання цікавить хіба що філологів, журналістів або письменників, і то частково. У статті функціональні стилі розглядаються як основна і вирішальна складова управління процесами всієї людської життєдіяльності і практичного менеджменту. Для цього кожний зі стилів аналізується з погляду їхньої відповідності соціальним нормам професійної діяльності і впливу на суспільство, залученого до діалогічного характеру продуктивної творчості.

Ключові слова: функціональні стилі, мета спілкування, сфера впливу, мовна модель менеджменту.

Mozgovoy V. I. Styles through the prism of the language model of management // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.100-105

The description of styles as varieties of language with their specific language means influences reality only a little as Knowledge of them interests only philologists, journalists and writers. In the article the functional styles are considered as the main and decisive unit for controlling processes of all human life activity and practical management. For this purpose each style is analyzed from the point of view of its correspondence to social norms of professional activity and influence on society involved into dialogue character of productive creativity.

Styles are classified into subjective (conversational, publicistic, fiction ones) and objective (business and scientific ones). The purpose of the first group of styles is to establish psychological contact with an interlocutor (individual subjective conversational style), an impulse towards an action and decision-making (selective public-subjective publicistic style) or formation of the nation, its aesthetic viewpoints on reality (general public-subjective fiction style). The purpose of the second group of styles is – demonstrative, unbiased interpretation of information (business and scientific styles) and achieving the maximum positive results with the help of minimum language means (business style). The analysis of language means is conducted in accordance with the setting for achieving the purpose identified (for example, in the conversational style: the principle of outstripping comprehension, dialogue as the primary stage of obtaining positive results of management, a statement as the main unit of a dialogue).

Key words: functional styles, the purpose of communication, sphere of influence, language model of management.

Поступила в редакцію 06.05.2014 г.

УДК 811

**Речевая репрезентация концепта родина студентами
среднего профессионального образования (СПО)**

Павловская О.Е., Демидова Т.В.

*Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, Россия
oera@mail.ru*

В статье рассматриваются представления студенческой молодежи концепта Родина. Исследуется специфика региональных компонентов образа Родины в представлениях кубанских студентов среднего профессионального образования. Делается вывод о степени сформированности определенных этических ценностей

Ключевые слова: *речевая репрезентация, концепт, региональный компонент, духовный образ, этические ценности*

Студенческая молодежь – наиболее гибкая и динамичная часть социума, отличающаяся высоким творческим потенциалом, активным интересом к практическому участию в социальных преобразованиях России, собственным отношением к различным сторонам общественной жизни страны, повышенным стремлением к личностно-профессиональному самоутверждению.

В начале XXI века идет активный поиск путей позитивных преобразований в профессиональном образовательном пространстве России. Национальная доктрина профессионального образования нацелена на укрепление духовного благосостояния общества. Среднее профессиональное образование (СПО) – это самая эффективная форма ранней социализации молодежи, закладывающая надежный фундамент будущего жизненного успеха молодых людей, обеспечивающая осознанный выбор профессии.

СПО на современной этапе развития общества стоит перед проблемой выбора социально-значимых и личностно привлекательных ценностей, формирующих самосознание и профессиональную направленность будущего специалиста. Общечеловеческие ценности присутствуют в сознании каждого человека, определяют его ментальность и составляют ядро каждой языковой личности. Главной духовной ценностью является отношение граждан к своей Родине. Именно восприятие Родины определяет всю последующую жизнь человека, его отношение к согражданам, профессии и формирует моральные установки и нормы поведения человека в социуме и его межличностные отношения.

Студенты СПО в процессе обучения специальности, воспитания, социализации усваивают целый комплекс научных знаний и обыденных представлений о *большой* и *малой Родине*, что формирует эмоциональное отношение к ней и ценностно-смысловую ориентацию.

В нашем исследовании мы поставили **задачу** – выявить специфику региональных компонентов образа Родины у кубанских студентов СПО. При этом описание когнитивного уровня языковой личности студента СПО мы представили в виде исследования речевых репрезентаций ее концептуальной сферы, отражающей картину мира. Под речевой репрезентацией, вслед за Е.А. Кубряковой, нами

понимается процесс представления мира человеком, и единица этого представления, замещающая представляемое либо в психике человека (ментальная репрезентация), либо в языковом оформлении некоторого знания (вербальная репрезентация) [1, с. 66].

В качестве базового этического концепта избран концепт РОДИНА. Анализ полученных в ходе ассоциативного эксперимента данных представлен в трех направлениях: *Родина и Россия*; *малая Родина (Кубань, Краснодар, свой микрорайон (поселок, станица), своя улица, свой дом)*.

При анализе речевых репрезентаций заданных слов-стимулов была выявлена ценностная значимость их представлений в языковом сознании студентов посредством количественного сравнения полученных словесных реакций (см. таблицу 1).

Таблица 1. Количество аналогичных словесных реакций на слова-стимулы

Кол-во Слова-стимулы	Родина	Россия	Кубань	Краснодар	Свой микрорайон	Своя улица	Свой дом	Всего
Родина	-	202	107	16	-	-	-	325
Россия	209	-	-	-	-	-	-	209
Кубань	44	3	-	-	-	-	-	47
Краснодар		4	33					37
Свой микрорайон	-	-	-	-	-	-	-	0
Своя улица	-	-	-	-	-	-	-	0
Свой дом	-	24	46	61	67	83	-	281

Такое сравнение позволило распределить по значимости в языковом сознании студентов заданные номинации (ключевые слова концепта Родина, отражающие ценностную актуализацию этого этического концепта) и констатировать, что слово-стимул *свой дом* как элемент концептуального представления отразился в речевых репрезентациях всех заданных слов-стимулов, за исключением слова-стимула *Россия*.

Схема 1. Номинативное поле концепта РОДИНА (ценностная значимость в представлениях студентов СПО)

Подсчет общего количества частотных словесных реакций на слова-стимулы дал возможность выявить общие ассоциаты, которые, по нашему мнению, отражают ближнюю периферию концепта РОДИНА в исследуемом молодежном коллективе (см. таблицу 2, схему 2).

Анализ показывает, что в речевых репрезентациях студентов СПО Родина предстает как жизненно необходимый духовный образ, в котором представлено ближайшее окружение студента – *друзья, семья, родители, мама, родные*, и только за ними – *патриотизм, любовь, гордость*.

Таблица 2. Количество идентичных словесных реакций на слова-стимулы

	Родина	Россия	Кубань	Краснодар	Свой микрорайон	Своя улица	Свой дом	Всего
Водка	5	25	-	-	-	-	-	30
Гордость	5	18	-	-	-	-	-	23
Грязь	-	-	-	-	-	5	67	72
Детство	-	-	-	-	-	16	53	69
Друзья	8			18	99	112		237
Любовь (люблю)	15		2				16	33
Малая Родина	-	-	14	-	5	-	-	19
Мама	12	-	-	-	-	-	33	45
Патриот (-изм)	65	11	2	-	-	-	-	78
Родители	10	-	-	-	14	-	56	80
Родная (-ой)	3	4	5	28	7	12	12	71
Родные	5	-	-	-	6	-	30	41
Семья	22	-	-	2	2	-	79	105
Страна	29	170	-	-	-	-	-	199

Схема 2. Ближняя периферия концепта РОДИНА в речевых репрезентациях студентов СПО

Более подробный анализ речевых репрезентаций студентов СПО на каждое из предложенных слов-стимулов показал следующее. Ассоциативное распределение слова-стимула **Родина** представлено 382 реакциями (322 – ЕР-единичные реакции, 60 – ЧР - частотные реакции) общим количеством 1382 ассоциата.

Ядро ассоциативного поля включило 10 реакций: *Россия, Родина-мать, дом, патриот(-изм), армия, страна, честь, семья, Кубань, земля*, что составило 55% от общего количества полученных реакций.

Ассоциативное распределение слова-стимула **Россия** представлено 492 реакциями (426 – ЕР, 66 – ЧР) общим количеством 1330 ассоциатов. Ядро ассоциативного поля включило 10 реакций: *родина, страна, Путин, Москва, флаг, держава, великая, президент, Медведев, водка*, что составило 49% от общего количества полученных реакций.

Таким образом, проведенный анализ показал, что номинации *Родина* и *Россия*, с одной стороны, неразделимы в языковом сознании (так как студенты видят в России Родину и в Родине – Россию), а с другой – наблюдается более критический взгляд к *России* как к государству со всеми его плюсами и минусами. Об этом свидетельствуют отрицательные реакции: Родина – 3%, Россия – 18%; снижение коэффициента стереотипности и соотношения ядрообразующих ассоциатов с общим количеством полученных реакций на слово-стимул *Россия*.

Ассоциативное распределение слова-стимула **Кубань** представлено 417 реакциями (357 – ЕР, 60 – ЧР) общим количеством 1243 ассоциата. Ядро ассоциативного поля включило 10 реакций: *река, Родина, казачество (казаки), житница, море, Ткачев, дом, Краснодар, край, поля*, что составило 50% от общего количества полученных реакций.

Ассоциативное распределение слова-стимула **Краснодар** представлено 457 реакциями (404 – ЕР, 53 – ЧР) общим количеством 1220 ассоциатов. Ядро ассоциативного поля включило 10 реакций: *город, учеба, улица Красная, дом, столица (Юга, южная, Кубани), любимый, красивый, любимый город, родной, техникум (колледж)*, что составило 44% от общего количества полученных реакций.

В сравнении с исследованием Т.П. Тарасенко, проводившей аналогичное исследование среди старшеклассников, наблюдается положительная смена в ментальных установках описываемых ценностей: у школьников представления о *Родине* находят в языковом сознании ассоциации с *Россией* на 23%, в нашем исследовании – 15%; слово-стимул *Кубань* находит ассоциирование с рекой (речкой) у школьников – 20,27%, у студентов – 12,6% (Тарасенко, 2007). Такое сравнение позволяет сделать вывод о расширении круга представления данных номинаций в языковом сознании студентов в связи с возрастной динамикой их развития.

Таким образом, слова-стимулы *Кубань* и *Краснодар* в языковом сознании студентов СПО имеют устойчивую положительную ассоциативную идентификацию, что подтверждается сформированными ядрами частотных реакций (*Кубань* – 44%, *Краснодар* – 50%); высоким коэффициентом стереотипности (*Кубань* – 14,8; *Краснодар* – 15,4). Однако номинация *Кубань* гораздо ближе студентам как компонент малой Родины, о чем свидетельствует соотношение отрицательных реакций (*Кубань* – 3%, *Краснодар* – 12%), что связано, на наш взгляд, с местом жительства студентов: не все являются жителями города Краснодара, который для большей части студентов остается местом учебы.

Ассоциативное распределение слова-стимула **свой микрорайон (поселок, станица)** представлено 591 реакцией (528 – ЕР, 63 – ЧР) общим количеством 926 ассоциатов. Ядро ассоциативного поля включило 7 реакций: *друзья, дом, школа, детство, лучший(-ая), деревня, родители*, что составило 27% от общего количества полученных реакций.

Ассоциативное распределение словесного стимула *своя улица* представлено 540 реакциями (482 – ЕР, 58 – ЧР) общим количеством 1009 ассоциатов. Ядро ассоциативного поля включило 10 реакций: *друзья, дом, детство, грязь, дорога, соседи, магазины, родная, красивая, гулять*, что составило 40% от общего количества полученных реакций.

Ассоциативное распределение слова-стимула *свой дом* представлено 502 реакциями (435 – ЕР, 67 – ЧР) общим количеством 1292 ассоциата. Ядро ассоциативного поля включило 9 реакций: *уют, тепло, семья, родители, мама, родные, крепость, телевизор*, что составило 41% от общего количества полученных реакций.

Таким образом, анализ слов-стимулов от общего к частному (*Свой микрорайон (поселок, станица) – своя улица – свой дом*) выявил следующую динамику: укрепление ядер ассоциативных полей (27% – 40% – 41%); Отношение к малой Родине показательно в изменении ментальной сферы студентов СПО: рост самостоятельности и дистанцированности от родителей, изменение круга общения, укрепление ценности детства, критическое отношение к окружающей действительности. Также в ходе анализа ассоциатов были отмечены особенности их употребления по отношению к словам-стимулам: ассоциаты-прилагательные являются редкостью во всех других блоках слов-стимулов. Их использование несет, как правило, положительную информацию и свидетельствует, по нашему мнению, об особом эмоциональном отношении студентов к данным словам-стимулам. Объективных выводов в настоящее время сделать не представляется возможным, изучение этого аспекта требует проведения дополнительных исследований.

Таким образом, концепт РОДИНА предстает как жизненно необходимый духовный образ, в котором отражено ближайшее окружение студента СПО – *друзья, семья, родители, мама, родные*, и только за ними – *патриотизм, любовь, гордость*. Проведенный анализ речевых репрезентаций студентов СПО на заданные слова-стимулы, отражающие представления номинативных полей этического концепта Родина, выявил ценностные проявления в их восприятии. Анализ словарного массива показал, что в языковом сознании студентов в целом сформировано представление об этой важной духовно-нравственной ценности.

Список литературы

1. Краткий словарь когнитивных терминов / под. ред. Е.С. Кубряковой. - М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
2. Тарасенко, Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте её речевых реализаций : дис. канд. филол. наук. / Т.П. Тарасенко. – Краснодар, 2007.

Pavlovskaya O.E., Demidova T.V. Speech Representation of the Concept Motherland by the Students of Secondary Vocational Education (SVE) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.106-110

The article discusses the representation of the concept Motherland by the students. The specific of the regional components of the Motherland understanding by Kuban students of the Secondary Vocational Education is studied. The conclusion about the degree of formation of certain ethical values is made in the article.

Keywords: *speech representation, concept, a regional component, spiritual lifestyle, ethical values*

Поступила в редакцию 12.05.2014 г.

УДК 861.111

**Фразеологізми з компонентом-зоонімом
в українській та англійській мовах**

Панченко О. І.

*Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара,
м. Дніпропетровськ, Україна
e_ranchenk02003@mail.ru*

У статті розглядаються особливості семантичної структури особливого виду фразеологізмів, до складу яких входять зооніми. Матеріалом дослідження є фразеологізми української та англійської мови. Порівняння їх семантичної структури є метою даної статті. Аналізуються риси людини, передані у фразеологізмах (обережність, життєвий досвід, стриманість, допитливість тощо). Зазначається, що фразеологізми можуть відбивати національну культуру потрійним способом: комплексно, розчленовано та за допомогою прототипів.

Ключові слова: фразеологізм, зоонім, семантична структура, порівняння.

Тема дослідження є *актуальною*, тому що, як відомо, у фразеології втілено багатий історичний досвід народу, у ній відбиті уявлення, пов'язані з трудовою діяльністю, культурою і побутом людей. Існує значна кількість праць у царині фразеології, які ведуть М. Ф. Алефіренко, Я. А. Баран, К. І. Мізін, Р. П. Зорівчак, Ю. Ф. Прадід, В. Д. Ужченко та інші лінгвісти. Але такі фразеологізми, що мають у своєму складі зооніми, заслуговують на особливу увагу, що пояснює актуальність теми. Найменування тварин (*зооніми*) – один з найдавніших пластів лексики в усіх мовах світу. Прагнучи охарактеризувати свою поведінку, почуття, стан, зовнішність, людина вдавалась до порівняння собі подібних з тим, що було йому ближче за все і схоже на нього самого – з тваринним світом. **Мета** цієї статті – порівняти семантичні особливості фразеологізми з зоонімами в українській та англійській мовах.

Фразеологізми з зоонімами в обох мовах відбивають суттєві риси людини, наприклад, *обережність та передбачуваність*: 1) Better be head of a dog than the tail of a lion. – Краще бути головою собаки, чим хвостом лева; 2) Dumb dogs are dangerous. – Німі собаки небезпечні; 3) It is ill to waken sleeping dogs. – Не будить сплячого собаку. *Життєвий досвід*: 1) A good dog deserves a good bone. – Доброму собаці добра й кістка; 2) It's too late to lock the stable when the horse has been stolen. – Пізно зачиняти стайню, коли коня вкрали; 3) A living dog is better than a dead lion. – Живий собака краще мертвого лева. *Працелюбність*: 1) The dog that trots about finds a bone. – Собака, який шукає, завжди знайде кісточку; 2) All lay loads on a willing horse. – Весь тягар звалюють на добросовісного коня. *Реалістичність поглядів*: 1) Pigs might fly if they had wings. – І свині би літали, аби крила мали; 2) If you sell a cow, you will sell the milk too. – Продаєш корову – молоко теж продаєш. *Жадібність*: 1) A dog in the manger. – Собака на сіні; 2) Dogs that put up many hares kill none. – Собаки, що сполохали багацько зайців, жодного не спіймають. *Безглуздість*: If the ass brays at you, don't bray at him. – Якщо віслук реве, не реви на нього у відповідь по-віслячому. *Колективізм*: One barking dog sets the whole street barking. – Ладен один

собака залаяти, як за ним всі собаки на вулиці починають лаяти. *Впертість*: To flog a dead horse. – Хльостати мертвого коня. *Нахабство*: All lay loads on a willing horse. – Весь тягар звалюють на добросовісного коня. *Лінь*: A lazy sheep thinks its wool heavy. – Ліній вівці й шерсть важкою здається. *Лицемірство*: A wolf in sheep's clothing. – Вовк в овечій шкурі. *Консервативність*: The fox may grow grey but never good. – Лис може посивіти, але стати добрим – ніколи. *Життєрадісність*: When the cat is away, the mice play. – Кота нема – мишам радість. *Ворожість*: To live cat-and-dog. – Жити як кіт із собакою. *Боягузтво*: Hares may pull dead lions by the beard. – Мертвого лева й зайці можуть за гриву смикнути. *Зовнішність*: The leopard cannot change his spots. – Леопард не здатен змінити свої плями. *Сміливість і рішучість*: The bull must be taken by the horns. – Тримай бика за роги. *Здоров'я*: A cat has nine lives. – У кішки дев'ять життів. *Незалежність*: You may lead a horse to the water, but cannot make him drink. – Можна повести коня на водопій, але не можна примусити його пити. *Вередливість*: Scornful dogs will eat dirty puddings. – Бридливим собакам – брудний пудинг. *Покірність*: If one sheep leaps over the ditch, all the rest will follow. – Куди одна вівця – туди й інша слідом. *Стриманість*: As melancholy as a cat. – Меланхолічний як той кіт. *Допитливість*: Curiosity killed the cat. – Допитливість вбило кішку./ Допитливий Варварі на базарі носа відірвали. *Ризик*: I will either win the saddle or lose the horse. – Я або сідло виграю, або ж коня загублю. *Егоїзм*: Dog eat dog. – Собака поїдає собаку.

Фразеологізми можуть відбивати національну культуру потрійним способом.

1. Комплексно (наприклад, тільки носій мови, спираючись на знання своєї національної культури, здатний дешифрувати уявлення, покладені в основу фразеологізму, які залишаються незрозумілими іноземцю.)

Наприклад: «*get on the high horse*» – «*триматися зверхньо*». Цей вираз узятий із мови воєнних. Він виник у зв'язку зі звичаєм феодалів від'їжджати на воєнну службу на кращих конях у якості кавалеристів, які дивились зверхньо на піхотинців – на простолюдинів.

2. Національно-культурна специфіка відбивається розчленовано, тобто елементами свого складу. Наприклад, «*Too much pudding will choke the dog.*» Цей вираз пов'язаний із національною кухнею англійців. . *One can not run with the hare and run with the hound.* Тут проглядається багатовікова любов англійських аристократів до полювання та породистих собак.

3. Фразеологізми відтворюють народну культуру своїми прототипами. Саме до цієї групи належить більшість анімалістичних фразеологізмів, що розповідають про представників світу тварин, споконвічних супутників людини, про шляхи метафоричного переносу бестіарію на взаємовідносини людей, особливості їх побуту та звичаїв. Наприклад, англійська приказка «*as a hog on ice*» і українська «*як корова на льоді*».

Проводячи частотний аналіз анімалістичних компонентів в англійській та українській мовах, слід звернути увагу на спільний характер їх вживаності. Співпадають назви домашніх тварин: *собака* (A dog in the manger. – Собака на сні.), *кішка* (To live cat – and- dog life. – Жити як кіт із собакою.), *коні* (Don't swap horses when crossing a stream. – Коней на переправі не міняють.), *корова/бик* (The bull must be taken by the horns. – Тримай бика за роги.), *свині* (To cast pearls before swine. – Метати бісер перед свинями.), *вівця/ягня* (As well be hanged for a sheep as for a lamb. – Байдуже, за що бути повішеним, за вівцю чи за ягня.). Повторюються також назви диких тварин: *засць* (If you run after two hares, you will catch none. – За двома зайцями поженешся, жодного не впіймаєш.), *лис* (The fox is not taken twice in the same snare. – Лиса двічі в одну й ту саму пастку не заженеш.), *вовк* (The wolf may change his coat but not his disposition. – Скільки вовка не годуй, а він все одно у ліс поглядає.).

Тільки в українських анімалізмах із домашніх тварин найчастіше вживається *коза* (Пустити козла в огород.). Тільки англійські анімалізми містять слова *леопард* (The leopard can not change his spots. – Леопард не в змозі змінити свої плями.) та *лев* (Great lion. – Популярна людина).

Однією з головних особливостей фразеології є її експресивна забарвленість. Називаючи будь-яке явище, народ обов'язково надавав йому певну оцінку. Дослідження анімалістичних компонентів ФО англійської та української мов дозволяє зробити висновок щодо неоднозначного ставлення до різних представників фауни. Наприклад, такі представники тваринного світу, як *кішка* й *собака* та ін. сприймаються позитивно в таких виразах, як *A cat has nine lives.* – У кішки дев'ять життів; *Every dog is a lion at home.* – Кожен собака в своїй хаті лев. В українській мові *собака* є другом людини, відданий своєму хазяїну. В англійській мові можна зустріти й негативне значення: *Barking dog, scornful* (бридливий), *dirty* (підлий), *surly dog* (похмурий), *yellow dog* (підлий), *dump dog* (мовчазний).

Національно-культурна своєрідність фразеологізмів особливо помітна при зіставленні їх у двох мовах, що наглядно показує, що в англійській та українській мовах є більш-менш схожі символи й образи. Як для українців, так і для англійців, кінь є втіленням працелюбності й витривалості, вовк – злого кровожерливого хижака, лис – хитрості, заєць – боягузтва, вівця – смирення, безпомічності, беззаперечного підкорення. На основі цих образів в двох мовах з'явилися деякі фразеологізми, які повністю або частково співпадають за структурою за значенням. В плані співпадання в двох мовах можна виділити такі групи:

Приказки, що повністю співпадають в двох мовах (кальки): *Let sleeping dogs lie.* - Не будить сплячого собаку; *To live cat – and- dog.* Жити як кішка з собакою; *Man to man is wolf.* Людина людині – вовк; *The wolf may change his coat, but not his disposition.* Скільки вовка не годуй, а він все одно у ліс поглядає; *Barking dogs seldom bite.* Гавкливий собака рідко кусає; *All cats are grey in the dark.* Вночі всі кішки сірі; *The cat shuts its eyes when stealing cream.* Не все коту масляниця.

В одній мові зоокомпонент в приказці є, в іншій його еквівалент відсутній: *There is life in the old horse yet.* Є ще порох у пороховицях; *It's too late to lock the stable when the horse has been stolen.* Після бійки кулаками не машуть; *One can not run with the hare and hunt with hounds.* Двом хазяїнам не служать; *That is a horse of another colour.* Це зовсім інша справа.

Приказки є в обох мовах, але зоокомпоненти відмінні: *With foxes we must play the fox.* З вовками жити – по-вовчи й вити; *Pigs might fly if they had wings.* Коли рак на горі свисне; *Never buy a pig in a poke.* Ніколи не купуй kota в мішку; *First catch your hare, then cook him.* Не діліть шкіру невбитого ведмедя.

Кожна мова має власний спосіб сприйняття та передачі світу, й по-своєму створює його мовленнєву картину. Усвідомлення цієї своєрідності стає більш виразним у процесі зіставлення з іншою системою уявлень. Виявлення національно-культурних особливостей фразеологізмів різних країн і народів, знання цих фразеологізмів дозволяють нам не лише збагатити свій словарний запас, а й в деякій мірі прилучитися до культури цих країн.

Таким чином, можна зробити **висновок**, що домінуючою рисою характеру для етнічного менталітету є обережність і передбачуваність, життєвий досвід, працелюбність, схильність до ризику та допитливість. Це складає певну своєрідність англійського національного характеру, а також і те, що деякі ФО є багатозначними, тому вони підкреслюють одразу декілька рис характеру людини. Перспективу подальшого дослідження ми бачимо у дослідженні функціонування фразеологізмів з зоонімами у художньому тексті.

Список літератури

1. Ветренівська М. А. Флороморфізми на позначення людей в українській і французькій традиціях та відтворення їх у перекладі / М. А. Ветренівська // Вісник Київ. нац. унів. ім. Шевченка. Іноземна філологія. - К., 2005. - Вип. 39. - С. 35-38.
2. Клименко Н. Ф. Зооніми в різних мовних картинах / Н. Ф. Клименко // Вісник Київ. унів. Іноземна філологія. - К., 2003. - Вип. 34-36. - С. 8-12.
3. Apperson G. L. English Proverbs and Proverbial Phrases / Apperson G. L. Detroit, 1969.

Панченко Е. И. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в украинском и английском языках // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 111-114

В статье рассматриваются особенности семантической структуры особого вида фразеологизмов, в состав которых входят зоонимы. Материалом исследования являются фразеологизмы украинского и английского языка. Сравнение их семантической структуры и является целью данной статьи. Анализируются черты человека, переданные во фразеологизмах (осторожность, жизненный опыт, сдержанность, любознательность и т. д.). Отмечается, что фразеологизмы могут отражать национальную культуру тремя способами: комплексно, расчлененно и с помощью прототипов.

Ключевые слова: фразеологизм, зооним, семантическая структура, сравнение.

Panchenko E. I. Phraseologisms with zoonym component in ukrainian and english // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.111-114

The article deals with the analysis of phraseologisms with zoological components in Ukrainian and English. Phraseological units have the definite program of functioning which is predetermined by their essence itself. The major function of any unit of language including the phraseological unit is the pragmatic function, i.e. purposeful influence of a language sign on the addressee. Phraseological units strengthen pragmatic orientation of the text or its part - There are three ways of their usage and, correspondingly, they are divided into: 1) complex-non-transformed; 2) transformed; 3) prototype. The principles of studying value and symbolics of zoonym component as a part of Ukrainian and English phraseological units are considered in the article. It is conventional that the phraseology is a treasury of language. In phraseological units people history, originality of its culture and life finds reflection. During the research it was revealed that the symbolics of zoonyms in Ukrainian and English are both common and different. Meanings of zoonyms can be interpreted very often in several ways therefore the approach to research of the same zoonym component can be miscellaneous in various PhU. The analysis of Ukrainian and English PhU was on the basis of data of meaning and symbolics of zoonym component, given in the corresponding dictionaries.

Keywords: phraseological unit, zoonym components, semantic structure, comparison.

Поступила до редакції 08.05. 2014 р.

УДК 811. 161.1'38

Лингвистические средства воплощения концепта Англия

Плахтий А.А.

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск, Украина
anastasia@bukreyev.com

В статье рассматриваются проблемы лингвистического воплощения концепта АНГЛИЯ в русской картине мира. Ядро концепта проиллюстрировано на примере толкования слов, связанных с указанным концептом, в популярных толковых словарях русского языка. Исследование выполнено на материале Большого толкового словаря современного русского языка, словарей В. И. Даля, С. И. Ожегова. Приведено подтверждение диахронических изменений в лексикографическом представлении указанного концепта, рассмотрены слова, которые входят в различные субфреймы концепта АНГЛИЯ.

Ключевые слова: концепт, Англия, словарь, толкование, словарная статья, фрейм, субфрейм.

Данная статья написана в русле актуальных языковедческих исследований, поскольку лингвистическое воплощение концептов остается до настоящего времени одной из сложнейших и недостаточно изученных проблем. Актуальность работы обусловлена общетеоретическими задачами современной лингвистики и необходимостью исследовать формы представления когнитивной и культурологической информации, раскрывающей различные стороны объективированных в языке концептов; проанализировать языковые способы и средства объективации концептов. Актуальность изучения концепта АНГЛИЯ объясняется той ролью, которую играет эта страна в современном мире и мировой истории, а также политическими, культурными, социальными, экономическими и научными контактами английского и русского народов.

Концепты рассматриваются в исследованиях Кемеровской школы, где описаны концепты РОССИЯ, АМЕРИКА, ГЕРМАНИЯ, ЕВРОПА (работы О. А. Гришиной, Р. Д. Керимова, О. А. Куданкиной, О. Г. Орловой, М. В. Пименовой). Однако, насколько нам известно, вопрос о концепте АНГЛИЯ еще не получил достаточного освещения в лингвистической литературе.

Целью данной статьи является описание особенностей лингвистического воплощения концепта АНГЛИЯ в русском языке. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**: определение языковых репрезентантов концепта АНГЛИЯ; выявление прямых (первичных) значений репрезентантов концепта АНГЛИЯ, представление и описание их в виде соответствующих фреймов; описание способов и средств вербализации концепта АНГЛИЯ в русскоязычной лексикографии; представление структуры концепта АНГЛИЯ на материале словарных дефиниций.

Как отмечал Г. В. Лейбниц, «языки - это поистине лучшее зеркало человеческого духа и путем тщательного анализа значения слов мы лучше всего могли бы понять деятельность разума» [8, с. 338]. Когнитивный подход позволяет представить функционирование языка непосредственно в его связи с

окружающей действительностью путем выявления некоторых закономерностей его функционирования. С помощью когнитивного подхода становится возможным описание сложных процессов передачи и обработки информации, которые связаны с использованием языка и которые участвуют в организации знания и представлений о мире. Эти процессы занимают центральное место в процессе коммуникации. Когнитивная теория употребления языка выступает «в качестве одного и из главных компонентов общей теории коммуникативно-языкового взаимодействия» [6, с. 12].

Методика исследования концепта АНГЛИЯ заключается в следующем. Первоначально определяются репрезентанты концепта АНГЛИЯ, приводятся их словарные дефиниции. На основе собранного фактического материала выделяются фреймы Англия – государство, Англия – страна/ территория, Англия – живое существо, Англия – человек, Англия – животное, Англия – предмет, Англия – действие. Концепт АНГЛИЯ вербализуется в лексикографии и в наивной картине мира носителей русского языка в виде сложной структуры признаков, объединенных в слоты, субфреймы и фреймы; содержание концепта АНГЛИЯ объемнее одноименной языковой сущности и изменялось исторически.

В словаре В. И. Даля приведена только одна дефиниция с заголовным словом «Англизировать», включающая в себя и ряд других понятий.

АНГЛИЗИРОВАТЬ лошадь, окорнать хвост по-английски, подрезав сухие жилы сысподу репицы, чтобы она поднялась; куцохвостить; англизоваться, быть англизируему. Англизирование ср. англизовка ж. действие по значению глаг., куцохвоуценье. Англизовицик м. мастер этого дела. Англичанить или англичаниться, подражать в быту или в приемах англичанам. Англоманья ж. пристрастие к Англии и к англичанам, к языку и быту их. Англоман м. англоманка ж. страстный приверженец всего английского. Англицизм м. английский склад, оборот речи, напр. Это хорошо для ничего; каждый человек ничего не знает. Английская соль, горькая соль, эпсомская, зедлицкая; сернокислый горькозем (магнезия), слабительное. -земля, бурая краска, умбра, окрашенная железом тонкая глина; -болезнь, Rachitis, золотуха, поразившая кости с изменением состава и вида их: искривление костей; -рожок, духовое музыкальное орудие, схожее с гобоем [5].

Значительно большее количество словарных статей, относящихся к концепту АНГЛИЯ, представлено в Словаре С. И. Ожегова [9]: английский, англицизм, англичане, англоман.

АНГЛИЙСКИЙ, -ая, -ое. 1. см. англичане. 2. Относящийся к англичанам, к их языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к Англии, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у англичан, как в Англии. А. язык (германской группы индоевропейской семьи языков). Английские графства. А. парламент (парламент Великобритании). Английское сукно. А. костюм (прямой и строгий). Уйти по-английски (нареч.; незаметно, не прощаясь). * Английский рожок - музыкальный духовой деревянный инструмент. Английская соль - слабительное средство.

АНГЛИЦИЗМ, -а, м. Слово или оборот речи в каком-н. языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения.

АНГЛИЧАНЕ, -ан, ед. -анин, -а, м. Народ, составляющий основное население Англии (иначе - вообще Великобритании). П ж. англичанка, -и. П прил. английский, -ая, -ое.

АНГЛО... и *АНГЛО-...* Первая часть сложных слов со знач. английский, напр. англоязычный, англо-русский, англо-германский, англоговорящий (о странах с населением, говорящем на английском языке).

АНГЛОМАН, -а, м. (устар.). Человек, испытывающий пристрастие (в 1 знач.) ко всему английскому. П ж. англоманка, -и. П прил. англоманский, -ая, -ое.

АНГЛОФОБ, -а, м. (устар.). Человек, ненавидящий все английское. П ж. англофобка, -и. П прил. англофобский, -ая, -ое.

В Большом толковом словаре русского языка Б. И. Кузнецова снова представлен далевский глагол «англизировать»:

-рую, -руешь; англизированный; -ван -а, -о; св. и нсв. что. Устар. Устроить - устраивать на английский образец.

Представлено в указанном словаре прилагательное *Английский*, которое имеет следующее толкование, частично совпадающее с толкованием в Словаре С. И. Ожегова: *ая, -ое. 1. к Англичане. А. язык. А-ая культура. А-ие туристы. 2. Такой, как у англичан, в Англии. А-ая подтянутость. А-ая булавка (булавка с застёжкой). А. костюм (строгий костюм прямого покроя с небольшим отложным воротником). А. парк (парк, который напоминает естественный лес). По-английски, нареч. Говорить по-английски. Одеваться по-английски. Уходить по-английски (не прощаясь).*

Расширенное толкование получает слово *англичанка* в словаре Б. И. Кузнецова: *и; мн. род. -нок, дат. -нкам; ж. 1. к Англичанин. 2. Разг. Преподавательница английского языка в средней школе, училище, вузе и т.п. 3. В дворянских и буржуазных семьях России до 1917 г.: гувернантка (преимущественно английского происхождения), обучающая детей этому языку, культуре, обычаям, правилам поведения в обществе.*

Следующий фрейм, который представлен как в Словаре С. И. Ожегова, так и в словаре Б. И. Кузнецова - религия в Англии, то есть англиканство, которое получает следующее определение: *-а; ср. Одна из разновидностей протестантской церкви, возникшая в Великобритании в 16 в., по культу и организации близкая к католицизму (в догматике сочетаются положения протестантизма о спасении личной верой и католицизма о спасающей силе церкви). – Англиканский, -ая, -ое. А-ая церковь. А. священник.*

Другая заголовочная единица – *англичане*: *-чан; мн. Народ, основное население Великобритании; представители этого народа. – Англичанин, -а; м*

Включенное и в Словарь С. И. Ожегова слово англицизм в описываемом словаре имеет более краткою определение, однако включающее этимологическую информацию: *-а; м. [франц. anglicisme]. Лингв. Слово или оборот речи, заимствованные из английского языка.*

Пытаясь проследить функционирование концепта АНГЛИЯ на уровне паремии, мы получили отрицательный результат – в имеющихся списках русских пословиц и поговорок элементы данного концепта не найдены.

Таким образом, концепт АНГЛИЯ представлен в современном русском языке в виде сегментной структуры. Первичными сегментами в структуре концепта Англия выступают: Англия – государство, страна, территория, Англия – жители, Англия – религия, Англия – признак или качество, Англия – действие (англизировать). Признаки, характеризующие концепт АНГЛИЯ, могут выражаться с помощью атрибутива АНГЛИЙСКИЙ.

Дальнейшие перспективы исследования мы видим в анализе языковых способов (метафора, метонимия) и языковых средств (типы конструкций), используемые для вербализации концепта АНГЛИЯ в художественных текстах.

Список литературы

1. Беглов С. М. Четвертая власть: британская модель. История печати Великобритании от «новостных писем» до электронных газет / С. И. Беглов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. - 256 с.
2. Большой толковый словарь русского языка : Гл. ред. С. А. Кузнецов. - СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая / пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М. : Языки славянской культуры, 2001. - 288 с.

4. Гришина О. А. Концепт АМЕРИКА как фрагмент русской языковой картины мира // Язык. Этнос. Картина мира: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово : Комплекс «Графика». – 2003. – С. 103–109.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. - Спб., 1863-1866.
6. Дейк ван Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. – Вып. 23. – С. 156–178.
7. Куданкина О. А. Актуализация концепта Германия в российской публицистике : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. А. Куданкина. – Кемерово, 2005. – 166 с.
8. Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х томах. Том 2. / Г. В. Лейбниц / ред., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский. – М. : Мысль, 1983. — 686 с.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. - М., 1999. – 900 с.
10. Орлова О. Г. Роль метафоры в осмыслении концептов «Россия» и «Америка» (на материале российских и американских печатных СМИ) / О. Г. Орлова // Вестник КемГУ. Серия «Филология». Вып. 4. — Кемерово, 2002. — С. 92–97.

Плахтій А.О. Лінгвістичні засоби втілення концепта Англія // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.115-118

У статті розглядаються проблеми лінгвістичного втілення концепту АНГЛІЯ в російськомовній картині світу. Ядро концепту проілюстровано на прикладі тлумачення слів, пов'язаних із вказаним концептом, у популярних тлумачних словниках російської мови.. Дослідження виконано на матеріалі Великого тлумачного словника сучасної російської мови, словників В. І. Даля, С. І. Ожегова. Наведено свідчення діахронічних змін у лексикографічному поданні вказаного концепту, розглянуто слова, що входять до різних субфреймів концепту АНГЛІЯ.

Ключові слова: *концепт, Англія, словник, тлумачення, словникова стаття фрейм, субфрейм.*

Plakhtii A.A. Linguistic means of embodiment of concept England // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.115-118

The article deals with the problem of studying the concept ENGLAND, namely as a part of the Russian speaker world language picture. It deals with the pressing problems of lexicographic presentation of the concept ENGLAND in Russian explanatory dictionaries. Several dictionaries have been chosen for the analysis. The topicality of the problem under consideration is defined by the importance of this concept which may assist or hamper in international communication. The aim of the article is to reveal and describe concept ENGLAND in the Russian language world picture. The theoretical sources of the investigation have been described. In cognitive linguistics, abstract concepts are transformations of concrete concepts derived from embodied experience. Concept learning also refers to a learning task in which a learner is trained to classify objects by being shown a set of example objects along with their class labels. On the basis of theoretical positions the linguistic embodiment has been described. The obtained linguistic material may be used to interpret language units from the point of view of pragmatics and sociolinguistics.

The research has been made on the basis of Big explanatory dictionary of contemporary Russian language and various editions of other dictionaries. The diachronic changes in the concept lexicographic presentation have been stated.

Key words: *concept, England, dictionary, explanation, entry, frame, subframe.*

Поступила в редакцію 09.05.2014 з.

УДК 811

**Значення основних віх у розвитку норм
української мови**

Регушевська І. А.

*Таверійський національний університет ім. В. І. Вернадського,
м. Сімферополь, Республіка Крим*

Статтю присвячено питанням розвитку норм української мови та впливу і значенню у відповідних процесах основних віх розвитку української літературної мови і загалом культури українського мовлення на характерні ознаки, відмінності, фіксацію та відтворення норм.

Ключові слова: мовна норма; літературна норма; культура мовлення.

Для кращого осягнення питання розвитку норм української мови, характерних ознак, відмінностей, фіксації та відтворення норм, необхідно, на нашу думку, звернути увагу на певні основні віхи цього процесу. Такий підхід покликаний надати можливість розглядати мовні норми через певні закономірності або виключення, та комплексно дослідити характерні предмети вивчення риси.

Літературна мова існує відтоді, відколи існують твори, написані нею. При цьому можна, не порушуючи цієї істини, зробити її на одне-два століття старшою, пам'ятаючи про те, що найперші пам'ятки могли й не зберегтися. Навряд чи можна сумніватися в тому, що мова Давньої Русі була тісно пов'язана зі старослов'янською мовою: про це говорять договори із греками (X ст.), свідчення про які зберіг наш Київський літопис. У своїй основі вони мають східнослов'янську мову, але щедро пересипані старослов'янськими. Після прийняття Руссю християнства (988 р.) старослов'янська мова утверджується тут як головна священна літературна мова. На Західну Україну, зокрема в Закарпаття, вона прийшла ще раніше, під час діяльності Костянтина і Мефодія, тобто в другій половині IX ст. [1, с. 110]. Найстарші копії пісемних пам'яток дійшли до нас в пізніших копіях: в Успенському Збірнику з кінця XII ст. («Руська Правда» 1019 р.) у списку 1282 р.; повчання Володимира Мономаха з 1096 – 1113 р. (у списку 1375 р.); Паломник («Житіє і ходіння...» ігумена Данила), у списках від XVI до половини XIX ст. Очевидно, що за цими списками не можна так впевнено говорити про звукові ознаки мови – доби, авторів і місця написання цих творів, як це можна робити за пам'ятками, що переписані в цей час із старослов'янських рукописів, тобто за Остромировим євангелієм 1056 р., Збірником Святослава 1073 р., Збірником Святослава 1076 р., Архангельським євангелієм 1092 р. та ін. [2, с. 123].

Основоположником сучасної української літературної мови по праву вважають Тараса Григоровича Шевченка. Саме він уперше «своєю творчістю підніс її на високий рівень суспільно-мовної і словесно-художньої культури, заклав підвалини для розвитку наукового, публіцистичного та інших стилів літературної мови... У мові творів Шевченка знайшли глибоке відображення народнопоетична творчість, усно-розмовні форми народної мови» [3, с. 12-13]. Традиції Т. Шевченка у розвитку української літературної мови продовжували у своїй творчості І. Франко, Леся Українка, Панас Мирний, М. Коцюбинський та інші письменники [4, с. 6].

Після того, розвиваючись й збагачуючись далі, українська літературна мова вбирала в себе різні елементи – слова, граматичні форми, синтаксичні конструкції – з різних українських говірок (а також почасти і з чужих мов) і таким чином, зберігаючи свою киево-полтавську основу, зробилася мовою справді всеукраїнською, не будучи тотожною (як і кожна літературна мова) з жодною з українських говірок. Норми її, поступово виробляючись й відстоюючись, були фактично відтворені в мові найкращих майстрів українського слова – письменників, публіцистів і науковців. Одночасно поодинокі мовознавці робили спроби зафіксувати ці норми в граматиках і словниках. Значний внесок в ствердженні норми у фонетиці і граматиці належить Олексю Сиявському «Норми української літературної мови», праця була видана у Харкові у 1931 році, друге видання – у Львові у 1941 році. Друга монументальна праця – «Російсько-український словник» Української Академії Наук, якого вийшло шість книжок (Том I: А – Ж; том II в 3 книжках: З – Н; том III в 2 книжках: О – П. Київ, 1924 – 1932), але IV том за Радянських часів не був видан.

Слід відзначити й інших науковців минулого, чудових перекладачів, бездоганних знавців української мови, серед яких Олена Курило, Іван Огієнко, а також Микола Лукаш, Григорій Кочур, Євген Попович – чії роботи присвячені проблемам культури мовлення. Своїми працями з синтаксису відомий Євген Тимченко. Він був представником етнографічної школи, яка була доволі впливовою в мовознавстві, однак орхаїзаторська (чистоту української мови шукала в народних піснях і оповіді старих записів). У словництві близько до неї стояв Агатангел Кримський, що позначилося на редактованому ним першому томі Академічного словника, який вийшов у 1924 році. Близькими до поглядів етнографічної школи була Олена Курило, відома її праця «Уваги до сучасної української мови» (перше видання у 1920 році, а більш поширене – у 1925 році) та Іван Огієнко, який працював за кордоном [5].

За часів незалежної держави проблемою культури мови опікуються такі відомі вчені, як Світлана Єрмоленко («Нариси з української словесності: стилістика та культура мови» [6]), Олександр Пономарів («Культура слова: мовностилістичні поради» [7]), Марія Пентилюк («Культура мови і стилістика» [8]), Олександра Сербенська («Культура усного мовлення» [9]), Надія Бабич («Основи культури мовлення» [10], «Практична стилістика і культура української мови» [11]), інші відомі вчені мовознавці, чії авторські та колективні роботи мають фундаментальне значення для розвитку культури мовлення та мовної норми безпосередньо [12; 13; 14; 15; 16; 17].

Мовна норма – головна категорія культури мови, а також важливе поняття загальної теорії мови. Розрізняють єдино можливі, обов'язкові мовні норми, які відбивають характерні ознаки системи мови, і норми літературної мови [18, с. 26].

Мовна норма – поняття ширше, ніж літературна норма, але вужче, ніж мовна система. Це категорія історична, змінна, зумовлена змінами в самій системі мови, взаємодією української мови з іншими мовами, що виявляються в поширенні інтерферентних явищ на всіх рівнях мовної системи, взаємодією усних і писемних стилів, впливом книжної мови і розмовної на формування мовної норми. Процес усталення мовної норми відбиває історію розвитку української мови, закономірності її стильової диференціації, тенденції нормалізації й кодифікації літературної мови [18, с. 27]. Звичайно, норми характеризуються системністю, історичною і соціальною зумовленістю, стабільністю. Проте, з часом вони можуть змінюватися. Тому в межах норми співіснують мовні варіанти, під якими розуміють видозміни однієї й тієї самої мовної одиниці, наявні на різних мовних рівнях: фонетичному, лексичному, морфологічному чи синтаксичному. Варіанти виникають відповідно до потреб суспільства у кодифікації написань і відображають тимчасове співіснування в мові старого й нового [4, с. 7].

Початковий період становлення мовної норми супроводжується наявністю значної кількості варіантних форм – правописних, орфоепічних, лексичних, граматичних, стилістичних. З одного боку, варіантність – ознака неусталеності мовної норми, з іншого – ознака розбудованої стилістичної системи літературної мови. Варіанти літературної мови є ознакою її динамічності, рухливості, а отже, й джерелом постійних мовних змін, що відображають пошуки адекватних засобів мовного вираження. Визначальна риса мовної норми, зокрема літературної, – це стабільність, дотримання усталених загальноприйнятих правил щодо слововживання, написання, наголошування, граматичного оформлення висловлювання. Правильність, досконалість, зразковість – характерні риси, що визначають нормативну літературну мову, високу культуру мови [18, с. 27].

Варіативність мовних засобів має вираз у певному використанні (виборі, підборі) однозначних елементів, що співіснують у мовній системі. У вузькому змісті варіативними вважають близькі по функціях засоби тієї ж мови. У більшому широкому змісті варіанти, засоби, один з яких несе додаткову інформацію або відтінок значення, стилістичне навантаження. У цьому випадку явище варіативності ототожнюється із синонімією.

Варіативність природно належить мові. Варіанти норми можна розглядати, насамперед, з погляду походження, що визначає їхнє місце в мові. На матеріалі німецької й російської мов Н. Семенов указує на чотири основних джерела варіативних нормативних реалізацій: 1) паралелізм системних можливостей мови й історичні зміни, які відбуваються в його системі, 2) гетерогенність літературної мови, 3) природні процеси старіння мовних норм і поява інновацій, 4) проникнення явищ розмовної мови [19, с. 568-569]. Причину виникнення варіантів бачать переважно у впливі некодифікованих з мови на літературну мову.

Літературна мова реалізується в усній і писемній формах. Обидві форми однаково поширені в сучасному мовленні, їм властиві основні загальномовні норми, проте кожна з них має свої особливості, зумовлені специфікою функціонування літературної мови в кожній з форм [4, с. 6].

Літературна мова безпосередньо впливає на культуру мовлення. Культура мови пов'язана, з одного боку, з правильною мовою, відповідністю її орфоепічним, актуальним, граматичним, лексичним, словотвірним нормам, а з іншого – з мовною майстерністю, стилістичним чуттям слова, доречністю використання варіантних мовних форм [18, с. 11]. У свою чергу, культура мовлення – це ще й загальноприйнятий мовний етикет, тобто усталені мовні звороти, типові формули, якими послуговуються у певних ситуаціях спілкування. Вони відповідають національно-культурним традиціям суспільства або окремого соціуму [20, с. 333]. Культура мови є дотриманням усталених мовних норм усної і писемної літературної мови, а також свідоме, цілеспрямоване, майстерне використання мовно-виражальних засобів залежно від мети й обставин спілкування [21, с. 263; 22, с. 81].

Сьогодні маємо визнати, що літературна мова, культивована освітою, комунікативною практикою освічених людей у ХХІ ст., входить у нові сфери сучасної комунікації. Це мова дипломатії, міждержавних зв'язків, розширення словника економічної, фінансової, банківської, юридичної діяльності. Державний статус мови, передусім, вплинув на розширення й активізацію термінотворчих процесів. Питання літературної норми набувають нових акцентів [18, с. 10]. На тих чи інших етапах усталення мовних норм, відбуваються поступові зміни стилістичного статусу лексичних норм української літературної мови. Звертаємо увагу на швидкі стилістичні зміни наприкінці ХХ – початку ХХІ ст., під час кардинальних змін у політичному, економічному й духовному житті суспільства, в умовах розвитку української державності. Велике значення у таких швидких процесах мають, безперечно, засоби

масової інформації, від офіційних джерел органів державної влади, у яких більшою мірою формуються еталони норм ділового мовлення в різних сферах життєдіяльності держави та міждержавних стосунків, до засобів масової інформації широкого використання, у яких мовна норма набуває найширших якостей та забарвлення у відповідності до потреб певних соціальних груп і сфер життєдіяльності суспільства в цілому.

Останнім часом, значною мірою, літературна мовна норма має розвиток саме у окремих стилях мовлення, зокрема у діловому. Це стосується різних сфер життя суспільства і держави – політичної, економічної, соціальної, культурної та, передусім, юриспруденції, яка фіксує підвалини співіснування різних складових громадянського суспільства. Саме літературна мовна норма використовується законодавчим органом в процесі утворення правових норм, що містяться у відповідних нормативно-правових актах – законах, указах, постановах, розпорядженнях тощо, але, першочергово, це стосується Основного Закону держави – Конституції. Через використання літературної мовної норми розкривається одна з головних властивостей Конституції – її «доступність» усім верствам населення держави і суспільства. Як консолідуючий документ – Основний Закон держави потребує використання таких мовних норм, які зрозумілі і не можуть мати подвійного трактування. Такий підхід дає можливість говорити, що поряд з кодифікацією норм права, певною мірою, відбувається одночасна кодифікація мовних норм.

Ті чи інші віхи розвитку мовних норм, надають характерних ознак, відмінностей, способів фіксації та відтворення норм, узагальнюють і одночасно ідентифікують їх характерні риси. Розвиток норм української мови пов'язаний з динамікою відповідних процесів, які обґрунтовано ускладнюють точне виокремлення певних етапів, проте дає можливість говорити про їх значення у фіксації відповідних ознак та закономірностей у структурі норми.

Список літератури

1. Огієнко І. Українська літературна мова XVI-го століття. І. Крехівський «Апостол» 1560 року. – Варшава, 1930. – С. 110.
2. Свенціцький І. С. Нариси про мову пам'яток староруського письменства XI віку // Учен. зап. Львовського гос. ун-та. 1948. Т. 7. Вопр. славянського языкознания. Кн. 1. – С. 123.
3. Закономірності розвитку українського усного літературного мовлення. – К., 1965. – С. 12-13.
4. Шевчук С. В. Українське ділове мовлення: Навчальний посібник. – 6-те вид., випр. і допов. – К.: Алерта, 2008. - 301 с. – С. 6, 7.
5. Огієнко І. Пам'ятки старослов'янської мови X–XI віків. – Варшава, 1929.
6. Єрмоленко С. Я. Нариси з української словесності: стилістика та культура мови / С. Я. Єрмоленко. – К.: Довіра, 1999. – 431 с.
7. Пономарів О. Д. Культура слова: мовностилістичні поради: навч. посіб. / О. Д. Пономарів. – К.: Либідь, 1999. – 240 с.
8. Пентиліук М. І. Культура мови і стилістика: пробний підруч. для гімназій гуманіт. Профілю / М. І. Пентиліук. – К.: Вежа, 1994. – 240 с.
9. Сербенська О. А. Культура усного мовлення : практикум: навч. посіб. / О. А. Сербенська – К.: літератури, 2004. – 216 с.
10. Бабич Н. Д. Основи культури мовлення / Н. Д. Бабич. – Львів: Світ, 1990. – 232 с.
11. Бабич Н. Д. Практична стилістика і культура української мови: навч. посіб. / Н. Д. Бабич. – Львів: Світ, 2003. – 432 с.

12. Власенко Л. А. Фахова українська мова: навч. посіб. / Власенко Л. А., Дубічинський В. В., Кримець О. М. – К.: Центр учбової літератури, 2008. – 272 с.
13. Гриценко Т. Б. Українська мова та культура мовлення: навч. посіб./Т. Б. Гриценко. – К.: Центр навчальної літератури, 2003. – 536 с.
14. Культура української мови: довідник / [Єрмоленко С. Я., Дзюбишина-Мельник Н. Я., Ленець К. В. та ін.]; за ред. В. М. Русанівського. – К.: Либідь, 1990. – 304 с.
15. Українська ділова і фахова мова: практич. посіб. на щодень / [М. Д. Гінзбург, І. О. Требульова, С. Д. Левіна, І. М. Корніловська]; за ред. М. Д. Гінзбурга. – К.: Фірма «ІНКОС», Центр навчальної літератури, 2007. – 672 с.
16. Українська мова. Енциклопедія / [редкол.: В. В. Русанівський та ін.]. – К.: Укр. енцикл., 2000. – 752 с.
17. Український правопис / Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України, Ін-т укр. мови НАН України. – К.: Наук. думка, 2007. – 288 с.
18. Клещова О. Є., Кравчук О. М. Культура української мови (за кредитно-модульною системою): навч. посіб. [для студ. ф-ту української філології]: спец. «Українська мова і література», «Українська мова і література та англійська мова»; Держ. закл. «Луган. нац. ун-т імені Тараса Шевченка». / О. Є. Клещова, О. М. Кравчук. – Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. – 219 с. – С. 10, 11, 26, 27.
19. Семенюк Н. Н. Норма // Общее языкознание. - М.: Просвещение, 1970. - С. 568-569.
20. Українська мова: Енциклопедія / Редкол.: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко (сшвголови) та ін. – К., 2000. - С. 333.
21. Українська мова. Енциклопедія. – К., 2000. – С. 263
22. Короткий тлумачний словник лінгвістичних термінів. За ред. С. Єрмоленко. – К., 2001. – С. 81

Регушевская И. А. Значение основных эпох в развитии норм украинского языка // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 119-123

Статья посвящена вопросам развития норм украинского языка, влиянию и значению в соответствующих процессах основных эпох развития украинского литературного языка, культуры украинской речи вообще на характерные признаки, отличия, фиксацию и воспроизведение норм.

Ключевые слова: языковая норма; литературная норма; культура речи.

Regushevskaya I. A. The significance of the main eras in development of the norms of Ukrainian language // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.119-123

This article is devoted to questions regarding the development of the norms of Ukrainian language, the significance and influence of the corresponding processes in the main eras of Ukrainian literary language development, Ukrainian culture of speech in general, with characteristic features, differences, fixation and reproduction of linguistic norms.

Key words: linguistic norm, literary norm, culture of speech.

Поступила до редакції 10.05. 2014 р.

УДК 811

Габитусные координаты менасивности

Романов А.А., Новоселова О.В.

*Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Тверь, Россия
romanov_tgsha@mail.ru, olvnov@mail.ru*

Структурирование физического (топономического) и психологического пространства дискурсивных практик со значением угрозы при помощи системы интерактивных координат базируется на эмоционально-оценочных конструктах. Система интерактивных координат выполняет коммуникативно-прагматическую функцию и определяет топоному как коммуникативно-интерактивнозначимое местоположение.

Ключевые слова: интерактивное пространство, интерактивная система координат, телесность, габитус, коммуникативный конструкт, аффект, комфорт, топонома.

В период глобализации и информатизации **человек воспринимается как целостная система**, которая **передает и воспринимает** (реагирует на) **информацию всем своим телом в виде определенных сигналов** [5]. Поэтому сам процесс коммуникации или коммуникативного обмена есть своего рода **технология непрерывного взаимодействия** человека с окружающим его миром, реализующаяся в виде последовательности и особенностей его знакового (вербального и невербального) поведения, действий и состояний при передаче, обмене, получении, переработке и сохранении информации [1; 2; 7; 8; 12; 13], что свидетельствует о пространственном координировании интерактивного обмена.

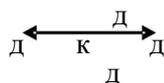
Это означает, что и мышление (внутренняя речь), и диалог (внешняя речь) существуют как бы в «подсознательном поле зрения», в котором участники бессловесной (визуальной) и обыденной интеракции постоянно координируют свое тело [8, с. 96]. Подобное координирование осуществляется в двух неразделимых пространствах: физическом и психологическом, где *физическое пространство* есть пространство реального бытия, частью которого является сам человек и в пространстве которого он себя реализует, а *психологическое пространство* суть пространство реализации человеком своей сферы деятельности в тех или иных её разновидностях и проявлениях [8, с. 15; 10, с. 88].

Включение «человека телесного» в социокультурное пространство его жизнедеятельности влечет за собой существенные изменения для его тела, превращающегося из биологического феномена в явление социокультурное, приобретающего, в дополнение к своим природнозаданным атрибутам, конкретные свойства и характеристики, порожденные социальными и культурными воздействиями. В наибольшей степени этот факт становится явственным при сравнительном анализе последствий тех влияний, которые оказывают на человеческое тело различные по своему характеру системы социальных отношений, культурных ценностей и т.д. [4; 9, с. 11]. Другими словами, категория «телесности» характеризуется физическими, социальными и психологическими чертами, между которыми существует тесная

связь [9, с. 10], поэтому изучение телесности, означивания тела, отношения к нему и его использования в социо-психо-эмоциональном менасивном пространстве интерактивного взаимодействия является целью настоящего исследования.

В этом плане значительный интерес для исследования представляет собой интерактивное пространство дискурсивных практик со значением угрозы, в которых вербально отображается координатная расположенность телесного (габитусного) пространства Я-партнеров по общению. Изменения физического и социо-психо-эмоционального пространства Я-адресанта и Я-адресата угрозы маркируются определенными языковыми средствами, например, существительными с предлогами: «**В Волгу его!**»; глаголами: «**Всех не-ре-ве-шаю!**». При этом важно учитывать, что адресат угрозы в нормальных условиях реальной коммуникации способен интерпретировать изменения физического и социо-психо-эмоционального пространства Я на основе анализа языковых средств поверхностной манифестации практик-угроз [6; 10; 11].

Подход к анализу дискурсивных практик со значением угрозы, погруженных (помещенных, включенных) в систему интерактивных координат вертикали и горизонтали Я-партнеров по общению, а также в систему социо-психо-эмоциональных аффицированных координат предполагает, что для измерения и отображения *топономы*, т.е. коммуникативно-интерактивнозначимого местоположения Я каждого из участников диалогического обмена можно воспользоваться следующей координатной системой: Д - К - Д, где К – точка отсчета, ноль, исходное положение, обозначающее начальные координаты собеседников (т.е. существующие до практик-угроз), Д – точка соответствующая дискомфорту эмоциональному состоянию; стрелками → обозначены направления изменения коммуникативного пространства собеседников:

Важно отметить, что в рамках данного исследования под горизонтальными топономическими перемещениями понимаются как представляемые в ментальном пространстве физические перемещения корпоральности Я-адресата и Я-адресанта угрозы параллельные плоскости горизонта; вертикальным топономическими перемещениями являются представляемые в ментальном пространстве физические движения Я-адресата и Я-адресанта угрозы, составляющие с горизонтальной плоскостью прямой угол; вертикальные социо-психо-эмоциональные перемещения представляют собой иерархические движения, как правило, от комфортного эмоционального состояния к аффицированному состоянию или дискомфорту.

Воспринимая различные практики-угрозы повседневной интеракции, собеседники «проецируют» свой индивидуальный опыт на их информационно-коммуникационные свойства, так как человек является «отправной точкой всех своих проявлений и конечной точкой всех своих восприятий» [3]. Другими словами, система таких определенных (конфигурационных) признаков или топономических координат представляет собой, если можно так выразиться, систему интерактивных координат, которые проникают («внедряются») в ментальное пространство («ментальное вместилище» или подсознание) человека не сразу, а в определенной последовательности или очередности [8].

Структурирование физического (топономического) и психологического пространства дискурсивных практик со значением угрозы при помощи системы интерактивных координат базируется на системе шкал и оценок, передающих эмоциональные переживания собеседников, или эмоционально-оценочных конструкторов. Так, при рассмотрении указанного класса дискурсивных практик со

значением угрозы, связанных с изменениями *интерактивных координат*, нахождение коммуниканта в точке **К** и возможность самостоятельно (без принуждения, каузирования) со стороны собеседника изменять свое местоположение, говорит о его комфортном эмоциональном состоянии. Также важно учесть, что изменения координат топономического пространства порождают изменения психологического пространства (*социо-психо-эмоциональных координат*), при этом отмечается следующее: чем дальше от центральной точки **К** (по вертикали или горизонтали) находится проекция эмоционального состояния *Я*-партнера по общению, тем в более некомфортном аффицированном состоянии он находится.

Как правило, автор угрозы для успешной каузации адресата совершить какие-либо действия декларирует (называет) такое возможное изменение топономических координат, которое способно ввести *Я*-адресата в некомфортное эмоциональное состояние. При этом адресат угрозы переносит указанные возможные изменения в свою систему координат и оценивает их воздействие на эмоциональное состояние *Я* в соответствие приведенной выше системе координат.

Так, например, на минимальное изменение *горизонтальных координат* *Я*-слушающего могут указывать вербальные конструкции со значением угрозы, содержащие намерение говорящего выгнать, выставить слушающего из такого локуса (точки на) горизонтальной оси интерактивных координат как «дом», ср.: «*Да я тебя, мерзавца, из дому выгоню... на мороз, в степь... в поле!*»; «*Ну так не смей после этого **домой** возвращаться*» (см. ниже схему):

дом (помещение) → деревня → город → страна → за пределами страны

Правее от локуса «дом», если двигаться по линии горизонтальной протяженности конструкта, находятся локусы «деревня», «город», «страна», «за пределами страны» (то есть, «ещё дальше»), ср.: «*А этого твоего Саню мы просто **выселим из деревни, и все...***»; «*Я вас каленым железом **выжгу из города***»; «*Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую **Сибирь законопачу?***»; «*Пусть только пикнут, я в пять минут **вышвырну их за пределы России...***».

Анализируемый материал показал, что вертикальные изменения коммуникативного пространства с физическим перемещением «сверху – вниз» *Я*-адресата угрозы, как правило, маркируются вербальными декларациями автора угрозы свести его до интенсивной точки аффицированного «ничто», например, утопить собеседника в воде, ср.: «*Не то вон – **башкой в реку!***»; «***В Алай-реку намерены!***»; откуда-либо скинуть *Я*-адресата, спустить, закопать его или втоптать в землю, ср.: «*А с **колокольни ты не летал?***...»; «***Всех на карачки поставлю, кровь цедить буду!***». Заслуживают особого внимания использование в ситуации угрозы таких конструкций, которые также приводят к изменению вертикальных коммуникативных координат адресата угрозы «сверху – вниз», указывая и определяя конкретный локус его «аффицированного ничто»: «*Они у меня **в ногах будут валяться!***»; «***Бога бойтесь!***». Изменение интерактивных вертикальных координат адресата угрозы «снизу – вверх» связано с декларированием автора угрозы повесить, вздернуть собеседника, например, «*Мы тебя самого **вздернем!***»; «*Мотри, живо на осине **закачаешься!***...».

Особняком среди рассмотренных выше дискурсивных практик стоят конструкции со значением угрозы, в которых указаны нечетко локализованные топономические координаты изменения коммуникативного пространства *Я*-адресата. Ср.: «***Загонят тебя, куда ворон костей не таскал!***»; «*Ну, собирайся живее, а то **погоню тебя к черту, инюгу найду грамотея!***». Кроме того, указание на ограничение коммуникативного пространства собеседника может явиться причиной появления его дискомфорта, ср.:

«Я тебя в сумасшедший дом засажу, порадуешься там!»; «Или одной *тюрьмы* вам еще мало».

Представляют особый интерес практики-угрозы, связанные одновременно с изменением топономических координат собеседников по одной из представленных осей координат и ограничением коммуникативного пространства. Так, в конструкции «Во будет «держава», когда тебя *закуют* в кайдалы да *повесят!*» имеет место ограничение интерактивного пространства с последующим вертикальным изменением координат адресата угрозы. В конструкции «*Возьму в охапку, завяжу узлом да и отнесу под мышкой домой, под замок!*» идет речь об ограничении интерактивного пространства адресата угрозы с последующим горизонтальным изменением его координат.

Анализ дискурсивных практик со значением угрозы как действий когнитивного агента или «перемещений» его корпоральности (телесных форм поведения, габитуса) показывает, что в условиях реальной коммуникации наиболее часто употребляемыми являются практики-угрозы, связанные с изменением коммуникативных топономических координат вертикаль Я-адресата, так как данные практики вводят Я-адресата угрозы в состояние наиболее близкое к дискомфортному (как правило, декларируют прекращение существования телесности адресата), чем практики-угрозы, направленные на горизонтальные изменения координат Я-собеседников. Кроме того, вертикальное перемещение собеседника «сверху – вниз» потребует со стороны автора угрозы наименьших физических усилий, в случае отказа адресата от выполнения казулируемых действий. Низкая частотность перемещения Я в горизонтальном пространстве обусловлена тем, что в случае с горизонтальными перемещениями Я-адресата угрозы у автора сообщения только в ситуации с перемещением из локуса «дом» имеется физическая возможность проконтролировать адресата, что и является необходимым функциональным условием реализации угрозы (ср. перемещения из локуса «город» или «за пределы страны»).

Таким образом, в настоящем исследовании определена система интерактивных менасивных координат, выполняющая коммуникативно-прагматическую функцию, и топонома как коммуникативно-интерактивнозначимое местоположение. Однако, несмотря на современный уровень знаний о теле и психологии человека, сама сущность телесности (корпоральности) до сих пор прояснена не в полной мере [8, с. 25] и прагматическая топономия дискурсивных практик различной иллюкутивной направленности с учётом полной картины описания параметров телесности является в настоящее время актуальной проблемой, требующей комплексного подхода для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком / А.А. Бодалев. – М.: Наука, 1982. – 280 с.
2. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций / П. Вацлавик, Д. Бивин, Д. Джексон. – СПб.: «Речь», 2000. – 300 с.
3. Волконский С.М. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсартру) / С.М. Волконский. – СПб., 1913. – 118 с.
4. Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика / К. Дж. Джерджен. – Минск, 2003. – 232 с.
5. Матурана У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 95–142.
6. Новоселова О.В. Коммуникативно-конструктивное пространство регулятивных менасивных действий [Электронный ресурс] / О.В. Новоселова // Электронный научный

- журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2013. – № 3 (32)
7. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения / А.А. Романов. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – 83 с.
 8. Романов А.А. Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве / А.А. Романов, Ю.А. Сорокин // Соматикон: Аспекты невербальной коммуникации. – М.: 2004. – С. 1-158.
 9. Романов А.А. Вербо- и психосоматика телесного бытия человека / А.А. Романов, Ю.А. Сорокин // Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. – М.: Институт языкознания РАН, 2008. – С. 1–144.
 10. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции / А.А. Романов, О.В. Новоселова. – Москва-Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.
 11. Романов А.А., Новоселова О.В. Топономия психологического пространства вербальных практик-угроз / А.А. Романов, О.В. Новоселова // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология, 2013, № 2. – С. 20–32.
 12. Романов А.А., Романова Л.А. Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж.Л. Остина до наших дней / А.А. Романов, Л.А. Романова. – Москва-Тверь: Ин-т языкознания РАН, 2009. – 156 с.
 13. Романова Л.А. Конструктивная семантика криптокласса английских прилагательных размера в диахронии и синхронии / Л.А. Романова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. – 120 с.

Романов О.А, Новоселова О.В. Габітусні координати менасивності // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.124-128

Структурування фізичного (топонімічного) і психологічного простору дискурсивних практик зі значенням загрози за допомогою системи інтерактивних координат базується на емоційно-оцінних конструктах. Система інтерактивних координат виконує комунікативно-прагматичну функцію і визначає топонім як комунікативно-інтерактивнозначиме місце розташування.

Ключові слова: інтерактивний простір, інтерактивна система координат, тілесність, габітус, комунікативний конструкт, афект, комфорт, топонома.

Romanov A., Novoselova O. The habitus coordinates of menasivity // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.124-128

The paper focuses on I-speaker and I-hearer's corporal and socio-psycho-emotional space in discourse of threat. Threat-practices have possible effect on interlocutor's toponomy within corporeal and socio-psycho-emotional coordinate systems. Structuring of the physical and psychological space of discursive threat-practices in a form of interactive coordinate system based on emotional-evaluative constructs

Number of communicative construct elements (or dispositions) shows its cognitive complexity. The communicative construct of threat contains a chain of threat-utterances and making this kind of construct can be successful if its continuum contains I-speaker and I-hearer's possible dispositions of emotional states. The communicative coordinate system of this research has a pragmatic function and can help to study interactive space and discursive toponomy of threat-practices.

Key words: interactive space, interactive coordinate system, corporal space, habitus, communicative construct, affect, comfort, toponomy.

Поступила в редакцію 07.05.2014 г.

УДК 811.1

**Невербальные знаки, отображающие социальный статус
в русской и американской культуре конца 19 - начала 20 веков
на материале рассказов А.П. Чехова и О'Генри)**

Титаренко М.В.

*Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова,
г. Киев, Украина
mayavt@mail.ru*

В статье проанализированы невербальные знаки, которые репрезентуют социальный статус персонажей в художественном тексте. На материале рассказов А.П. Чехова и О'Генри отобраны знаки экспликации статуса, позволяющие выявить различия в русской и американской культуре. На примере лексических единиц, презентующих еду и напитки, показано отношение как в середине культуры каждой из двух стран, так и на межкультурном уровне. Выбор материала исследования обусловлен мировоззрением авторов, отображенном в художественном тексте в виде национальных, социальных и культурных особенностей.

Ключевые слова: *социальный статус, подтекстовая информация, невербальные знаки*

Для работы с подтекстом важным является связь между автором и читателем. Читатель должен адекватно воспринять текст и прочесть знаки, которые использует автор. В данном исследовании мы обращаемся к «фоновым знаниям», то есть к культурным, социальным, историческим знаниям, которые помогают читателю прочесть знаки социального статуса и адекватно их интерпретировать.

В современной науке социальный статус принято соотносить с определенной позицией человека в социальной структуре группы или общества, связанной с другими позициями через систему прав и обязанностей [3]. В данной статье мы рассмотрим невербальное проявление социального статуса. Связано это с тем, что: «Глазами человек воспринимает значительно больше, чем ушами. Большая часть информации (до 75%) передается невербальными средствами общения» [7, с.6]. Так же мы обращаем внимание на то, что «Невербальный язык менее контролируем сознанием, чем вербальный» [7, с.6], поэтому, адекватно прочесть знаки, мы можем более точно определить социальный статус коммуникантов.

Для анализа были выбраны рассказы А.П. Чехова и О'Генри, так как «А.П. Чехов был одним из немногих больших русских писателей, у которого, кроме литературы была еще одна профессия, в нем гармонично уживались писатель и врач» [6, С. 28]. «В связи с этим он очень внимательно фокусировался на внешних деталях человека [...] в его произведениях отображена галерея различных образов, характерных для русского общества того времени» [там же, с.30-31]. Английский материал представлен текстами О'Генри, так как: «В своих рассказах О'Генри довольно насмешливо повествует о событиях, произошедших в жизни так называемых «маленьких американцев». Творчество О'Генри являет собой пример блистательного

овладения жанром короткого рассказа» [5, 2006]. Рассказы О.Генри можно считать энциклопедией американского быта конца 19 - начала 20 веков.

Данные авторы являются мастерами жанра короткого рассказа, специфика которого состоит в способности минимальными языковым средствами передать необходимую информацию (в данном случае о социальном статусе) читателю.

Таким образом, *актуальность исследования* обусловлена необходимостью рассмотреть, систематизировать и сравнить невербальные средства экспликации социального статуса в русской и английской культурно-языковой традиции.

Целью является определить невербальные знаки, отображающие социальный статус в художественном тексте с позиции невербальной коммуникации и сравнить данные знаки в английском и русском языке с позиции межкультурной коммуникации.

В повседневной жизни мы сталкиваемся с рядом предметов, которые при адекватном прочтении указывают на социальный статус индивида. Так как мы разделяем мнение Ю.С. Степанова о том, что «семиотика находит свои объекты повсюду» [1, С.5], считаем необходимым классифицировать знаки, передающие социальный статус.

Предлагаем следующую классификацию на основе теоритических исследований трактовки знаков и символов.

- ольфакция;
- гастика;
- язык жестов, или кинесика;
- проксемика;
- хронемика;
- вещи и интерьер;
- семиотика одежды;
- семиотика денег.

При изучении знаков в разных культурах следует обратить внимание на то, что их трактовка может различаться, поэтому Обратимся вслед за Ф. де Соссюром к значимости. Так как «для значимостей необходим коллектив; существование их оправдывает только обычай и общее согласие; отдельный человек сам по себе не способен создать вообще ни одной значимости» [8, С. 113]. Следовательно, значимость зависит от социума, и анализировать знаки необходимо с учетом особенностей культуры данного коллектива.

В данной статье мы рассмотрим знаковые и коммуникативные функции пищи и напитков (гастику).

Отношение к трапезе может быть различным в разных культурах. То, что воспринимается как норма в одной культуре, может вызвать недоумение в другой: «Съел пять кусков теста и еще просит! Впрочем, такие феномены не составляют редкости... У меня у самого в Бретани был дядя Франсуа, который на пари съедал две тарелки супу и пять бараньих котлет... Говорят, что есть также болезни, когда много едят...», «Пуркуа поглядел вокруг себя и ужаснулся. Половые, толкаясь и налетая друг на друга, носили целые горы блинов... За столами сидели люди и поедали горы блинов, семгу, икру...» [11]. Из-за незнания традиций русской масленицы француз испытывает культурный шок.

Очевидно, что имущественный статус легко определить по диете — неординарности, дороговизне, разнообразию продуктов.

Так, в рассказе «Анна на шее» автор описывает обыденную трапезу семьи Анны, подчеркивая ее бедность, следующим образом: «она садилась и кушала с ними щи, кашу и картошку, жаренную на бараньем сале, от которого пахло свечкой». На балу же, подавали «блюдечко с красным мороженым» и «бокал шампанского».

О статусе чиновника из рассказа «Ряженные» [12] можно судить также по его вкусовым пристрастиям: «несколько слуг готовят для него устриц, шампанское и фазанов». «За обедом она съедала суп, лангуста, рыбу, мясо, спаржу, дичь, и потом, когда ложилась, я подавал ей в постель чего-нибудь, например, ростбифа, и она съедала его с печальным, озабоченным выражением, а проснувшись ночью, кушала яблоки и апельсины» [11] – количество съеденного свидетельствует о достатке героев и их неумеренных аппетитах, в чем проявляется негативная характеристика автором персонажей.

Перечисляя свои вкусовые пристрастия, говорящий имплицитно говорит о своем финансовом состоянии: «Теперь, знаете ли, недурно бы после этой сигары рейнского выпить... Шлос-Иоганисберга, что ли, N 85 ½, десятирублевый... А? Или красного... Из красных я пью Кло-де-Вужо-вье-сеп или, пожалуй, Кло-де-Руа-Кортон... Впрочем, если уж пить бургонское, то не иначе как Шамбертен № 38 ¾. Из бургонских оно самое здоровое...— Извините, пожалуйста, за нескромный вопрос: вы, вероятно, принадлежите к здешним крупным землевладельцам, или вы... банкир?» [11]. Для американской культуры также характерной является связь дорогих сортов вина и высокого социального статуса: «After Chateau Margaux, Irish stew, flannel-cakes, cottage-pudding, and coffee (hey, there!-with milk separate) (после Шато Марго, ирландского рагу, тонких лепешек, пудинга с сухофруктами и кофе (эй, там - молоко отдельно))» [12] – Шато Марго – вино французского винодельческого хозяйства, относится к категории Premier Grand Cru Classé, т. е. высшей категории в классификации [10]. Кроме того, из-за обращения «hey, there!» (эй, там) приходим к выводу, что рассказчика обслуживает прислуга или официант.

В следующем примере автор также подчеркивает незнанием сорта вина низкий статус говорящего, используя иронию: „This Medoc isn't bad,» he suggested. «You're the doc,» said Greenbrier („Этот Медок – неплох,» он предположил. – «Ты доктор» сказал Репейник) [12].

Дорогой продукт служит индикатором высокого социального статуса: «When young millionaires fall in love, they always select the chorus-girl that likes the same kind of sauce on the lobster that he does (Когда молодые миллионеры влюбляются, они всегда могут выбрать ту хористку, которая любит такой же соус для омаров, что и он)» [12] – в данном примере автор отождествляет потребление такого дорогого продукта как омары и высокий социальный статус.

Выбор места для обеда также говорит о статусе человека: «Every evening at six I take that dog out for a walk. Marcella dresses for dinner while we're out. We eat tabble dote. Ever try one of them, Jim?» «No, I never,» said Jim. «I seen the signs, but I thought they said 'table de hole.' I thought it was French for pool tables» – (Каждый вечер в шесть я беру эту собаку на прогулку. Марселла одевается на ужин, пока мы гуляем. Мы едим табльдот. Ты когда-то пробовал один из них, Джим?» «Нет, никогда», сказал Джим. «Я видел знаки, но я думал, на них сказано 'table de hole.' Я думал, что это бильярдный стол по-французски) [12] – семейная пара ужинает каждый день в ресторане, а не дома, но посещают они не дорогие рестораны, а те, которые предлагают табльдот (a restaurant meal offered at a fixed price and with few if any choices: [9]. Также более высокий статус одного из коммуникантов подчеркивается тем, что его собеседник не знает о таком ресторанном термине.

«He took me to a high-toned restaurant to eat dinner» (Он взял меня пообедать в изысканный ресторан) [12] - реализация метафоры high status is up (высокий социальный статус соответствует верху) [4, с.39].

Для русской культуры также выбор места для обеда также свидетельствует о статусе человека. Трапезу в дорогом ресторане могут позволить себе люди с высоким социальным положением: «и сам он был человек со вкусом, любил позавтракать в

«Славянском Базаре» и пообедать в «Эрмитаже» [11], «— Угости обедом в Эрмитаже! — говорил приятель» [11]. «Эрмитаж» был одним из самых дорогих ресторанов Москвы в 19 веке. «Славянский базар» - ресторан и гостиница в Москве. В.А. Гиляровский в цикле «Москва и москвичи» пишет: «Обеды в ресторане («Славянский базар») были непопулярными, ужины – тоже. Зато завтраки, от двенадцати и до трех часов, были модными, как и в «Эрмитаже». Чиновник Котлов не был посвящен в такие тонкости, что свидетельствует о его невысоком социальном статусе, несмотря на занимаемую им должность: «Был второй час ночи. Коммерции советник Иван Васильевич Котлов вышел из ресторана «Славянский базар»...» [11].

Таким образом, использование пищи и напитков для экспликации социального статуса характерны обеим культурам. В художественном тексте она осуществляется посредством указания на дороговизну, эксклюзивность и количество продуктов питания. Также о высоком статусе говорящего свидетельствует знание различных сортов вина, ресторанные термины. Немаловажным является и выбор места трапезы, если же прием пищи состоится дома, то наличие обслуживающего персонала.

Список литературы

1. В мире семиотики/ Семиотика: Антология/Сост. Ю.С. Степанов.- М.: Академический Проект, 2001. - С. 5 – 42

Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Точка доступа: [http://ru.wikisource.org/wiki/Москва_и_москвичи_\(Гиляровский\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Москва_и_москвичи_(Гиляровский))

Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих/Л.П. Крысин// Социально-лингвистическое исследование. – М., 1976.- С. 42-55.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ./ Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова/ Изд 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.- 256 с.

Манн Ю. В. Мировая художественная культура. XX век. Литература. Точка доступа: http://20centuryart.ru/books/mirovaya_xudojestvennaya_kultu/

Песчанская, 2012

Поваляева М. А., Рутер О. А. Невербальные средства общения/ М.А. Поваляева, О.А. Рутер// Серия «Высшее образование». — Ростов н/Д: Феникс, 2004. — 352 с.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики/ Ф. де Соссюр// Лингвистическое наследие XX века. М. -1999. – 278 с.

Электронный ресурс: <http://www.oxforddictionaries.com>

Электронный ресурс: http://ru.wikipedia.org/wiki/Шато_Марго

Электронный ресурс: Антон Чехов. Рассказы. Повести. Юморески. - <http://chehov.niv.ru/chehov/text/rassказы.htm>

Электронный ресурс: Short stories by O'Henry: <http://www.readbookonline.net/stories/Henry/108/>

Титаренко М.В. Невербальні знаки, які відображають соціальний статус в російській та американській культурі кінця 19 - початку 20 століть (на матеріалі розповідей А.П. Чехова та О'Генрі) // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.129-133

В статті проаналізовані невербальні знаки, які репрезентують соціальний статус персонажів в художньому тексті. На матеріалі розповідей А.П. Чехова та О'Генрі відібрані знаки експлікації статусу, які дозволяють виявити відмінності в російській та американській культурі. На прикладі лексичних одиниць, які презентують їжу та напої, відображено відношення як в середині культури кожної з двох країн, так і на міжкультурному рівні. Вибір матеріалу дослідження обумовлено світобаченням

авторів, яке відображено у вигляді національних, соціальних та культурних особливостей.

Ключові слова: соціальний статус, підтекстова інформація, невербальні знаки

Titarenko M.V. Nonverbal signs, which represent social status in russian and american culture in the late XIX - early XX centuries (based on A. Chekhov's and O'Henry's short stories) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.129-133

In this article were analyzed nonverbal signs, which represent social status of characters in fiction texts. Based on A. Chekhov's and O. Henry's short stories were chosen status explication signs, which show differences in Russian and American culture. We also show the importance of covert information in fiction stories for full performance character's social status. As example were taken lexical formatives, that represent food and drinks. During our research was shown relation in both cultures and on intercultural level and dependence of food and drinks quality, quantity and price to high/low social status. During research were analyzed ways that author uses to present different social status, without directly instruction on it.

Key words: social status, covert information, nonverbal signs

Поступила в редакцію 09.05.2014 г.

УДК 811.161.2

Харчовий код культури в контексті української фразеології

Щербачук Л. Ф.

*Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського,
м. Сімферополь, Республіка Крим
lidiya-ark035@yandex.ru*

У статті проаналізовано особливості вербалізації харчового коду культури в контексті українській фразеології, який виступає як знакова реалізація архетипів свідомості, як закодована в певній формі інформація, що дозволяє ідентифікувати українську національно-культурну традицію харчування. Формування фразеологізмів з компонентами на позначення їжі здійснюється завдяки процесам метафоризації. Фразеологічна система української мови віддзеркалює своєрідність співвідношення харчового коду культури з іншими культурними кодами.

Ключові слова: *фразеологізм, харчовий код культури, оцінка, метафоризація.*

Постановка проблеми. Національна своєрідність фразеологізмів виявляється в специфіці їх внутрішньої форми, семантиці, аксіології тощо. Базуючись на мотивації фразеологізмів, можна реконструювати в підсумку цілу картину життя того чи іншого народу, відбиту «дзеркалом у фразеології» [13, с. 340]. Вторинність номінації фразеологічних одиниць базується на первинності назв предметів, життєвих ситуацій, явищ, вербальне вираження яких становить прототип фразеологізму. Дослідження харчового коду у сфері фразеології української мови передбачає аналіз семантичних, аксіологічних особливостей мовних одиниць-репрезентантів продуктів харчування. Поняття культурного коду має різне трактування в науковій літературі. Послугуємося тлумаченням культурного коду як «сітки», що культура накидає на довілля, членує, категоризує, структурує та оцінює його [9, с. 232]. Кодам культури як методологічній, поняттєвій основі лінгвокультурології присвячені праці О. Л. Березович, М. Л. Ковшової, В. В. Красних, В. А. Маслової, В. М. Телії та ін. учених, проте проблема докладного їх аналізу чекає свого розв'язання. **Мета дослідження** – проаналізувати особливості семантичної, аксіологічної, метафоричної репрезентації харчового коду культури в українській фразеології.

У сучасних студіях з етнолінгвістики, лінгвокультурології в питаннях про коди культури, як системи знаків (знакових тіл) матеріального та культурного світу, центральне місце продовжують займати культурні смисли [6, с. 9] і вміщена в них інформація [8, с. 171]. Зміст цієї інформації, на думку О. Л. Березович, визначається не стільки об'єктивним «фотографуванням» дійсності, скільки суб'єктивно наївним світосприйняттям носія традиції, що має етнічне, соціальне, культурне підґрунтя. Така інформація охоплює основні координати моделі світу (часові, просторові, аксіологічні та ін.), але при цьому надто вибіркова (у низці близьких за змістом елементів один може мати культурну (мовну) відзнаку, а інший може бути позбавлений подібної маркованості [1, с. 9]. Підтримуємо думку М. Л. Ковшової, що найбільш оптимальною для лінгвокультурологічного дослідження уявляється організація культурних знаків у код культури за тематичною ознакою: «людина» (антропний код), «природа»

(природний код), «рiч» (речовий код) тощо [8, с. 174]. Коди культури фiксують колективнi уявлення, утворюють систему координат, яка задає еталони культури. Ученi (О. М. Галинська, М. Л. Ковшова, В. В. Красних, В. А. Маслова, К. І. Мiзiн, В. М. Телiя, В. Д. Ужченко та iн.) видiляють рiзну кiлькiсть культурних кодiв (антропний, зооморфний, рослинний, артефактний, релiгiйний, просторовий, кiлькiсний, часовий, гастрономiчний / харчовий тощо), проте однотайнi в тому, що iхнi межi нестабiльнi. Однак дуже важливо тут зрозумiти механiзм того, як об'єкти реального свiту, крiм виконуваних ними функцiй, набувають у культурi знакової функцiї, тобто стають носiями додаткової iнформацiї [10, с. 21]. Г. Ю. Богданович зазначає, що одиницi унiверсального предметного коду iменують предметно-образний, тобто чуттєвий характер, а унiверсальнiсть предметного коду полягає в тому що вiн є у всiх без винятку носiїв мови, хоча рiзний у кожного iндивiда, оскiльки вiдбиває чуттєвий досвiд людини, особисто нею отриманий у життi через органи чуття [2, с. 57].

На думку О. М. Галинської, харчовий код культури вiдображає харчову традицiю етносу; це форми дiяльностi й поведiнки, пов'язанi з добуванням i прийомом їжi, у сукупностi зi знаннями людей про елементи культури харчування, досвiд збереження й передачi цих знань iз поколiння в поколiння [5, с. 47]. У дослiдженнi під продуктами харчування розумiємо будь-яку «продукцiю» тваринного й рослинного походження, яка може бути призначена для харчування. Так, фразеологiзми української мови та iх компоненти експлiкують рiзноманiтнi продукти харчування, страви, що з давнiх-давен споживали українцi:

1) **овочi**: *скрeбти моркву* – дорiкати кому-небудь або ляяти, сварити когось [12, с. 819], *як виросте гарбуз*, iрон. – уживається для вираження повного заперечення змiсту речення [12, с. 72], *нагодувати цибулькою* (кого) – набити кого-небудь [12, с. 521], *втерти часнику*, згруб. – побити, суворо покарати кого-небудь [12, с. 136];

2) **зерновi / злаковi / бобовi**: *заронити зерно* [12, с. 316] – викликати, збудити що-небудь у когось [12, с. 316], *як з гречки лико* – поганий, негодний, нiкудишнiй [12, с. 423], *на бобах* – лишати, зоставатися нi з чим, без нiчого [12, с. 36];

3) **фрукти**: *яблуку нiде впасти* – дуже багато людей, дуже людно [12, с. 147], *розводити кислицi* – перебувати в гнiтючому настрої, скаржитися, плакатися, плакати жалючись, пiддаватися вiдчаю [12, с. 746], *ускочити у сливки* – опинитися у неприємному становищi [12, с. 916];

4) **риба**: *як у карася вовни* iрон. – зовсiм немає [12, с. 119], *ловити носом окунiв* жарт. – сидяти або стоячи дрiмати, схиляючи вниз голову [12, с. 446], *битися як риба об лiд* – 1. Жити в тяжких матерiальних умовах, переборюючи нестатки; 2. Намагатися робити що-небудь складне [12, с. 27];

5) **жири**. Серед мовних одиниць цiєї групи на особливу увагу заслуговують фразеологiзми з компонентом *сало*, яке традицiйно вважається своєрiдною «вiзитiвкою» українцiв у свiтi – найцiннiший у традицiйному харчуваннi продукт. Його вживали на полуденок i пiдвечiрок iз хлiбом, огiрками, брали iз собою в дорогу, ним засмажували i затовкували борщ, капуста, юшку. На смаженому салi робили яєчно. Шкварки надавали чудового присмаку кашам, вареникам. Достаток сала вважався в народi за справжнiй добробут. Сало символiзувало добробут i менталiтетнiсть українцiв [4, с. 146]: *як бобер у салi* [12, с. 36] – дуже добре, безтурботно, заможно [12, с. 36], *як салом по губах* – кому-небудь приємно, радiсно [12, с. 778], *на комариному салi* – пiсний, немашений [12, с. 778]. Крiм того, до цiєї групи вiднесено фразеологiзми з компонентами на позначення iнших жирiв: *маслянi вишкварки* – що-небудь незначне, не варте уваги; дрiбницi [12, с. 112], *бiсцитися з жиру* – вередувати, капризувати, живучи розкiшно, без труднощiв [12, с. 33], *мати смалець в голови* – бути розумним, кмiтливим, розсудливим [12, с. 125], *пiдливати*

масла – підсилувати, розпалювати, збуджувати чимсь певне почуття, переживання, суперечку [12, с. 634];

б) **приправи**, що додавали особливого смаку стравам і яким приділялася особлива увага: *сіть землі*, книжн. – найкращі, найвидатніші представники народу; добірна частина певного товариства, суспільства [12, с. 809], з *перцем* – дуже запальний, гарячий, гострий на язик [12, с. 624];

7) **страви**. У структурі фразеологізмів-репрезентантів страв зафіксовані компоненти, що позначають: а) **перші страви**: *не давати наплювати в борщ* – не допускати кривди, знущання над собою, не шкодити собі [12, с. 46], *свищі в борщі* – у кого-небудь немає нічого [12, с. 46], *вигадувати таке, що і в борщі не кришать* – плести нісенітницю, дурниці [12, с. 46], *набиратися юшки* – перейнятися чийми-небудь поглядами, думками, ідеями [12, с. 519]. У традиційному народному харчуванні українців значне місце серед перших страв посідали *овочеві*. Без сумніву, найпопулярнішою стравою серед них був *борщ*. Борщ – це національна рідка страва, що вариться з посічених столових буряків, капусти з додатком картоплі та різних приправ. Практично їли його щодня як основну обідню страву. Крім цього, борщ належав до обов'язкової їжі на весіллі, поминках, обжинках, Різді тощо [7, с. 51]; б) **другі страви**. Дуже поширеними та улюбленими щоденними стравами українців є різноманітні каші. У народній культурі каша розумілася як ритуальна їжа, яка використовувалася під час трапези на родинах, хрестинах, весіллі, поминках. Каша є символічним втіленням долі, перерозподіл якої складає смисловий зміст ритуальних свят [11, с. 10]: *каша скисла* – кому-небудь не вдалося успішно здійснити свої наміри, задуми [12, с. 369], *варити кашу* – 1. Робити що-небудь, залагоджувати яку-небудь справу з кимсь; 2. Будувати свої міркування, ґрунтуючись на хибних відомостях, вигадувати щось [12, с. 67], *дати березової каші* – 1. Побити кого-небудь, суворо покаравши; 2. Дуже вилаяти, гостро покритикувавши кого-небудь [12, с. 221]; в) **молоко й молочні продукти**: *ввібрати в себе з молоком матері* – засвоювати щось з дитинства, звикати до чогось [12, с. 70], *шукати кістки в молоці* – вимагати чогось неможливого, прискіпуватись до чогось [12, с. 969], *збирати вершки* – брати собі все найкраще, першим користуватись чиймись здобутками [12, с. 75], *як сир у маслі* – дуже добре, у достатках, розкошах [12, с. 807]; г) **борошняні вироби**. Для українців – хліборобської нації – як і для інших слов'ян, хліб був святиною, символом добробуту, гостинності, хлібосольства, здоров'я та багатства [11, с. 10]: *ділити хліб* – 1. Спільно харчуватись з ким-небудь, переважно в умовах недостатньої матеріальної забезпеченості; 2. Пригощатись разом із ким-небудь; 3. Жити спільним інтересами, турботами [12, с. 244], *їсти сухий хліб* – жити у нестатках, у бідності, нужді [12, с. 358], *тяжкий хліб* – 1. Заробіток, здобутий важкою працею, великими зусиллями; 2. Робота, пов'язана з великими труднощами [12, с. 927], *недаром хліб їсти* – приносити користь [12, с. 358], *всипати на галушки* – побити, суворо покарати кого-небудь [12, с. 153]. Галушки також є символом української кухні. Вони переважно були буденною їжею, іноді могли замінити хліб; *і калачем не виманити* – ніяк не можна вигнати кого-небудь звідкись [12, с. 93]. Калач – це обрядовий хліб, який у календарній обрядовості слов'ян використовувався на святках. Як й інші кільцевидні предмети у весільних обрядах є символом шлюбу;

8) **алкогольні напої**: *полоскатися у вині* – надмірно пити спиртне [12, с. 663] (вино – напій з виноградного або з деяких інших ягідних та плодкових соків, що перебродили набувши певної алкогольної міцності й аромату [8, с. 143]), *як віл до браги*, з сл. допастися, добратися, зневажл. – без почуття міри; жадібно [12, с. 129] (брага – спиртний напій різної міцності, рід пива), *грішна вода* – горілка [12, с. 141], *наварити пива* – 1. Зробити, заподіяти що-небудь; 2. Затіяти складну, копітку справу, що може дати неприємні наслідки [12, с. 519] (пиво – малоалкогольний напій, що виготовляється звичайно з ячмінного солоду і хмелю);

9) **вода, безалкогольні напої**: *виварити воду з кого* – знущатися з кого-небудь, показуючи свої примхи, вередуючи перед ким-небудь [12, с. 67] *випив мало квасу* – недостатньо досвічений, обізнаний у чомусь [12, с. 97], *на чай*, з сл. давати, одержувати – гроші як винагорода за дрібні послуги [12, с. 944].

Вторинно позначаючи різні фрагменти позамовної дійсності в словесно-знаковій формі, фразеологізми не лише віддзеркалюють об'єктивний світ, але й оцінюють його. Приклади свідчать, що фразеологізми з компонентами на позначення продуктів харчування як негативно, так і позитивно конотують здібності людини, її окремі риси, дії тощо. Формування фразеологічних одиниць-експлікаторів харчового коду культури здійснюється завдяки процесам метафоризації. Метафоричні відношення виникають на ментальному рівні на основі асоціативного порівняння предметів, явищ за різними ознаками.

Харчовий культурний код у сфері української фразеології репрезентований не самочинно, а співвідноситься з іншими кодами культури-вторинними знаковими системами, що реалізують архетипи свідомості, відбивають світобачення соціуму. На основі загальної семантики й семантики компонентів фразеологічних одиниць визначено кореляцію харчового коду культури з іншими, наприклад: 1) **антропним**: *з живчиком та перчиком* – запальний, гарячий, відважний, гострий на язик [12, с. 292], *капустяна голова*, *зневажл.* – некмітлива, нерозторопна, неухважна людина [12, с. 183], *десята вода на киселі* – дуже далекий або зовсім ніякий не родич [12, с. 46];

2) **зооморфним**: *носом рибу* вудити [12, с. 160], *бодай рак урачив* [12, с. 730], *вишептатися як рак у торбі* [12, с. 112], *липнути, як бджоли на мед* [12, с. 930], *як віл до браги* [12, с. 129], *як з цапа молока* [12, с. 938];

3) **рослинним**: *годувати гарбузами* [12, с. 179], *на вербі груші* [12, с. 201], *гірка редька* [12, с. 734], *горох з капустою* [12, с. 191], *наздогад буряків* [12, с. 524], *хатня морква* [12, с. 506], *дати залізного бобу з їсти* [12, с. 222], *на гречку переганяти* [12, с. 201], *сісти маком* [12, с. 810], *горішок* не по зубах [12, с. 190], *як гриби* [12, с. 197], *втерти часнику* [12, с. 136];

4) **артефактним**: *лавровий вінок* – слава, почесні [12, с. 110], *березова каша* – різка, якою карають [12, с. 369] тощо.

Отже, фразеологічний склад української мови різнобічно віддзеркалює харчовий код української культури, що ідентифікує українську національно-культурну традицію харчування та разом з іншими культурними кодами репрезентує і світосприйняття, і спосіб життя народу, а також оцінку довкілля. Обсяг статті не дозволяє докладно висвітлити аксіологічний аспект, особливості метафоризації аналізованих фразеологізмів, що спонукає до подальших наукових студій.

Список літератури

1. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : Этнолингвистические исследования / Монография / Е. Л. Березович. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
2. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – Симферополь : ДОЛЯ, 2002. – 393 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови [Текст] / [уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел]. – К. : ВТФ «Перун», 2005. – 1728 с.
4. Воропай О. І. Звичаї нашого народу / О. І. Воропай. – Мюнхен : Українське видавництво, 1958. – 309 с.
5. Галинська О. М. Природний код культури в українських і англійських інтертекстуальних фразеологізмах / О. М. Галинська // Філологічні трактати. – К. : Вид.-во СумДУ, 2011. – С. 45 – 51. (Серія «Мовознавство»; Том 3, №2).
6. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.

7. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури. Словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.
8. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. – 456 с.
9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
10. Маслова В. А. Национальные ценности и язык: духовный код культуры / В. А. Маслова // Лингвистика. – 2010. – № 2 (20). – С. 19–30.
11. Назаренко О. В. Українська фразеологія як вираження національного менталітету : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10. 02. 01 «Українська мова» / О. В. Назаренко. – Дніпропетровськ, 2001. – 19 с.
12. Словник фразеологізмів української мови [Текст] / уклад. В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук та ін.; [відпов. ред. В. О. Винник]. – К. : Наукова думка, 2003. – 1104 с. (Словники України).
13. Ужченко В. Д., Фразеологія сучасної української мови : навчальний посібник / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К. : Знання, 2007. – 494 с.

Щербачук Л. Ф. Пищевой код культуры в контексте украинской фразеологии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 134-138

В статье проанализированы особенности вербализации пищевого кода культуры в контексте украинской фразеологии, который выступает как знаковая реализация архетипов сознания, как закодированная в определенной форме информация, которая позволяет идентифицировать украинскую национально-культурную традицию питания. Образование фразеологизмов с компонентами, обозначающими пищу, происходит посредством метафоризации. Фразеологическая система украинского языка отражает своеобразие соотношения пищевого кода культуры с другими культурными кодами.

Ключевые слова: фразеологизм, пищевой код культуры, оценка, метафоризация.

Shcherbachuk L. F. The cultural food code in the context of ukrainian phraseology // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.134-138

In the article verbalization peculiarities of the cultural food code in Ukrainian phraseology are analyzed. It is defined the categories of the cultural code and the cultural text the representatives of which are phraseologisms refer to the basic structural estimations of the ethnical cultural symbolic language. In the ethnolinguistic researches of cultural codes the information which is enclosed in them continues to take up the central place. The cultural food code in the context of Ukrainian phraseology stands out as the indicative realization of the mind archetype as the coded in a certain form information which allows to identify Ukrainian national culture. It represents national food tradition, forms of human activity and behavior connected with food acquisition and consumption in the aggregate with the knowledge of the national food culture elements, the experience of maintaining and transferring this knowledge from one generation to another. The valuation category is characteristic for the food code phraseologism-representants. Cultural codes attaching the symbolic sense to objects and things create the base for the formation of the notions about the valuable significance of these objects and things to people. Formation of the phraseologisms with the components defying food is realized due to the processes of metaphorization. In the phraseological system of the Ukrainian language the cultural food code correlates with other cultural codes (anthropic, zoomorphic, vegetable, artifactive etc.).

Key words: phraseologism, cultural food code, valuation, metaphorization.

**РАЗДЕЛ 3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗВИТИЕ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ.
ОПИСАНИЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА.
ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

УДК 811.161

**К вопросу об объеме наречия как части речи
в современном русском языке**

Сурган М. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым*

В статье описывается становление и развитие представлений ученых о лексико-грамматической категории наречия. Изучение представляется актуальным в целях прогнозирования дальнейших изменений в грамматической системе языка.

Ключевые слова: *современный русский язык, наречие, степени сравнения, степени качества, адвербиальная система.*

The adverbs hold prominent position in Russian lexis, its grammatical and communicational systems. This word class features its semantics and functional diversity. The study of the evolution and development of the lexical and grammatical adverb class is relevant for the purpose of content word system phenomena comprehension. The aim of the given article is to provide description of different approaches to the adverbs linguistic characteristics. The adverb is the grammatical category that includes indeclinable, non-conjugated and non-compliant words. In order to describe the adverb as a modern Russian language word class comprehensive approach proposed by V. Vinogradov is used. Being a word of full meaning, the adverb has individual lexical meaning that distinguishes given word class from the syntactic words (the prepositions, the conjunctions and the particles).

Analysis of the studies in this domain reveals that research of the adverb category enables to shed light on the problem of forming and transformation of the Russian language grammatical system as a whole. We suppose that in the further research it is worthwhile to posit the narrow view of the adverb, confining it from the state category words, modal words and certain particles.

After L. Savelova and others we define the adverb as lexical and grammatical word class that 1) denote non- processual attribute of object characteristics, such as action, relation, state, position, non- processual and processual attributes; 2) do not have inflexion form system; 3) perform the function of determinants or word expander.

Актуальность. Наречная лексика занимает значительное место в словарном составе русского языка, его грамматическом и коммуникативном строе. Она характеризуется семантической и функциональной разноплановостью. Образование отдельных

разрядов наречий в современном русском языке является высокопродуктивным, наречные лексемы активно употребляются в разных формах речевой коммуникации и включены в обширный круг языковых связей. Изучение становления и развития лексико-грамматического класса наречия представляется актуальным для осмысления современных явлений в системе частей речи и прогнозирования дальнейших изменений в грамматической системе языка. *Цель статьи* – описание различных подходов лингвистической характеристики категории наречия.

Наречие – это грамматическая категория, под которую подводятся несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова. Наречия примыкают к глаголу, к именам существительным, прилагательным и производным от них (например, к тем же наречиям). Для описания наречия как части речи в современной грамматике применяется комплексный подход, предложенный В. В. Виноградовым. По мнению ученого, «...категория наречия определяется совокупностью морфологических, синтаксических и семантических признаков» [1, с. 282].

«Наречием называется неизменяемая часть речи, обозначающая признак действия, качества или предмета и выступающая в предложении в роли обстоятельного слова или несогласованного определения, например: *работает быстро, уверенно, хорошо; делает мастерски; замечательно интересная книга; чрезвычайно способный ученик*» [9, с. 606].

В настоящий момент отсутствует единая непротиворечивая теория, описывающая закономерности становления наречия как самостоятельной части речи. Класс наречий выделяется из системы частей речи русского языка как формально – своей неизменяемостью, так и содержательно – совпадая по своему общему значению со значениями категорий имен: прилагательного, существительного, числительного. В связи с этим факт самостоятельности наречия как части речи не раз ставился под сомнение в грамматических учениях, описывающих систему русского языка в синхронном срезе, несмотря на то что на протяжении всей своей истории наречие – активно пополняющийся класс слов.

В истории русской грамматической мысли по-разному решались спорные вопросы грамматики наречий, связанные с определением общего критерия для объединения различных по форме, грамматическому значению, синтаксическим свойствам слов. От функционального критерия – «наречие изображает единым речением обстоятельство» – грамматическая мысль приходит к выделению значения признаковости, на основе семантического или логического критерия: наречие объединяется с прилагательным, причастием и деепричастием (семантический или логический критерий) (Н. И. Греч, А. Х. Востоков, В. Г. Белинский). Этот взгляд сменяет точка зрения о главенстве синтаксического критерия в определении наречия (Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов), которая сохраняется в качестве ведущей до сих пор.

Вопрос о статусе наречия как самостоятельной части речи также не раз подвергался переосмыслению. Изначально грамматики роднили наречие с предлогом и союзом, относя его к служебным частям речи (М. В. Ломоносов, А. А. Барсов, Н. И. Греч). В XIX веке оно начинает осмысливаться как переходное явление между знаменательными и служебными частями речи. Впервые знаменательной частью речи наречие назвал лишь А. А. Потебня («Из записок по русской грамматике», 1874 г.). Описывая реальное наполнение класса, «старые» (по выражению В. В. Виноградова) русские грамматики фактически называли наречием все то, что было затруднительно классифицировать как другие части речи.

В работах Е. М. Галкиной-Федорук определение наречия дается с опорой на формулу А. А. Потебни, как «признак признака», но с оговоркой, что «наречие неоднородно по своему значению» [2, с. 25]. По семантическому значению наречие может выражать

«временные и пространственные отношения, при которых совершается действие или фиксируется состояние и становление предмета, выраженное глаголом, причину и цель действия, оценку действия или состояния, качеств, свойства и количества, манеру и способ действия» [2, с. 25]. Его синтаксическую функцию Е. М. Галкина-Федорук видит в определении глагола со всеми его формами, в определении прилагательного и наречия.

В школьной практике наречием называется самостоятельная часть речи, обозначающая признак действия, признака, состояния, редко – предмета. Наречия неизменяемы (за исключением качественных наречий на -о / -е) и примыкают к глаголу, прилагательному, другому наречию, в редких случаях – к существительному.

В наших исследованиях мы будем исходить из узкого понимания наречия, отграничивая его от категории состояния, модальных слов, некоторых частиц. Вслед за Л. А. Савеловой и др. под наречием будем понимать лексико-грамматический разряд слов, которые (1) обозначают непроцессуальный признак различных характеристик предмета – действия, отношения, состояния, положения, непроцессуального и процессуального признака; (2) не имеют системы форм словоизменения; (3) выступают в предложении в роли детерминантов или присловных распространителей [12].

Если первоначально интерес ученых вызывали, главным образом, вопросы о частеречном статусе наречия, о специфике его грамматических форм и синтаксической обусловленности его категориальных признаков (Аксаков 1880; Буслаев 1959, 1992; Пешковский 1956; Потемкина 1958; Шахматов 1952; Щерба 1957 и др.), то к настоящему времени целостное описание получили различные аспекты наречной системы русского языка: структурно-лингвистический (лексико-грамматический) (Виноградов, 1947; Панов, 1999), логико-синтаксический (Филипенко, 2003), функционально-коммуникативный (Панков 2008), генетический (Коневацкий, 1991; Янович, 1978), территориальный (Попов, 1983) [11].

Традиционно наречие относится к словам с признаковой семантикой и противопоставляется словам субстанциональным. В «Русской грамматике» 1980 г. указывается на непроцессуальный характер признака, обозначаемого наречием: «Наречие – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака...» [10, т.1, § 1645].

По мнению Л. А. Савеловой, наречная система русского языка на определённом синхронном срезе и в проекции на функционально-социальную парадигму языка структурируется как множество частных наречных систем, связанных отношениями функционального варьирования и включённых в реализацию отношений «центр-периферия», проявляющихся на разных уровнях и определяющих многомерность устройства макросистемы наречия [12]. Соответственно, целостное описание данной системы должно учитывать как грамматические, семантические и прагматические признаки её единиц, так и функционально-социальную стратификацию языка.

Содержание любой знаменательной части речи определяется набором дифференциальных признаков, основанных на критериях разграничения частей речи, в число которых входят: способ отображения объективной действительности, категориальное значение, морфологические и синтаксические особенности, словообразовательные возможности [6].

Данные существующих исторических исследований наречий указывают на то, что становление этой категории, объединяющей в себе слова, детерминирующие действие и определяющие его, т.е. слова с собственно обстоятельственным значением (времени, места) и слова значением качества, образа действия и его интенсивности, шло неравномерно [4].

Распределение русских наречий по разрядам на основе их семантической общности имеет давние традиции (М.В. Ломоносов выделял 16 групп наречий в зависимости от «разных знаменований», А.А. Барсов – до 35, А. А. Шахматов

разграничивал 6 классов наречий с точки зрения выражения ими «представлений о качествах-свойствах и отношениях» и т.д.). В настоящее время вошли в научный обиход и получили признание различные семантические классификации наречий (В. В. Виноградов; РГ 1980; М.В. Филипенко) [см.: 12]. Тем не менее, отмечает Л. А. Савелова, проблема выделения и систематизации семантических классов наречной лексики до сих пор остаётся актуальной. Решается она в основном на семантически ограничиваемом материале: разрабатываются классификации наречий количественных, пространственных, временных, образа действия и др. Реже классификация применяется к наречной лексике в целом. Существенные расхождения между различными классификациями выявляют отсутствие единых критериев в семантико-таксономическом описании наречия.

Наибольшее распространение в научной практике комплексного освещения наречия как лексико-грамматического разряда получило противопоставление двух его основных разрядов – определительных (собственно характеризующих [10]) и обстоятельственных наречий.

Определительные и обстоятельственные наречия отличаются своеобразием в плане передачи существенной информации высказывания. Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева пишут, что «наречия обстоятельственные (в первую очередь, это касается наречий времени и места), как правило, являются содержательно необходимым элементом высказывания, таким, без которого минимум необходимой информации не был бы сообщен». Определительные наречия таким свойством не обладают, поскольку в большинстве случаев определяют и уточняют свойства уже названных глаголами, прилагательными, существенными явлениями [8, с. 450].

Таким образом, несмотря на свою малочисленность (по сравнению с определительными наречиями), обстоятельственные наречия используются в речи для передачи необходимой информации, в то время как слова другой семантической группы вносят лишь добавочные оттенки в основные значения определяемых ими слов. Каждый из основных семантико-функциональных разрядов включает в себя несколько подразрядов. Отмечаются группы наречий места, времени, причины и цели, при этом последние две группы являются самыми малочисленными. Как считают лингвисты, способность выражать причинные и целевые отношения нельзя назвать характерной функцией наречия. Иногда в составе обстоятельственных наречий выделяется группа наречий совместности, охарактеризованная В. А. Плотниковой [7].

Если говорить о степенях сравнения и степенях качества наречий, то следует отметить наличие двух степеней сравнения у качественных наречий: сравнительная – простая (синтетическая) – *громче, быстрее*; аналитическая – *более громко, быстро*; превосходная – простая (синтетическая) – отсутствует; аналитическая – *более громко, громче всех; более быстро, быстрее всех*. Образованные от качественных адъективов наречия выражают степень качества без сравнения с помощью суффиксов субъективной оценки и особых приставок. Степени качества наречий образуются: с помощью суффиксов - онык(-еньк-), -оват(-еват-), -онечк(-енечк-), -охоньк(-ёхоньк-): *тихонько, давненько, легонечко, тихонько, близёхонько* и т. д. При этом часть суффиксов используется для усиления признака (частенько, быстренько и т. п.), другая – для выражения ослабленности признака (маловато, рановато); при помощи приставок пре-, раз-, все-, архи-, сверх-: *преспокойно, распрекрасно, архисовременно, сверхизысканно*; путём повторения наречий: *далеко-далеко, быстро-быстро* и т. д.

Что касается школьной трактовки, то классификация наречий осуществляется по двум основаниям – по функции (знаменательные и местоименные) и по значению (определительные – качественные, количественные и обстоятельственные – места, времени, цели, причины). При этом отмечается, что местоименные наречия являются не разрядом наречий, а разрядом местоимений [5]. Главным морфологическим

свойством наречий является их неизменяемость. В силу своей неизменяемости наречие связывается с другими словами в предложении примыканием, в предложении обычно бывает обстоятельством. Степени сравнения наречий (сравнительная и превосходная), как и степени сравнения прилагательных, обозначают большую / меньшую или наибольшую / наименьшую степени проявления признака [см.: 5].

Важная роль в организации адвербиальной системы русского языка принадлежит местоименным наречиям. Устройство данного участка системы претерпело существенные изменения в истории русского языка, что выразилось как в упорядочивании единиц, так и в трансформации семантических корреляций. Те из местоименных наречий, которые соответствуют исходным смыслам, сигнализируют о составе и характере частнокатегориальных грамматических значений русских наречий в целом. Особую значимость местоименные наречия имеют для формирования лексического состава класса наречий обусловленности (причины и цели) [11, с. 138].

Являясь знаменательным словом, наречие обладает самостоятельным лексическим значением, чем оно и отличается от служебных слов (предлогов, союзов, частиц). При исследовании отдельных случаев словообразования наречий устанавливаются словообразовательные связи наречий со всеми знаменательными частями речи, что само по себе способствует обобщенному восприятию морфологической системы русского языка. Лингвисты отмечают важную особенность в образовании русских наречий, которую характеризуют как множественность. Множественность словообразовательной структуры – это способность слова иметь более одного производящего и в соответствии с этим способность его члениться по-разному, выделять в своем составе разные формальные элементы [см.: 3].

В настоящее время, отмечает Л. А. Савелова, особую актуальность приобрела проблема построения синтаксически значимой семантической классификации наречий, целесообразность создания которой предопределяется очерчиваемостью смысловых реализаций лексической единицы как компонента синтаксической конструкции. На основе синтаксически значимых критериев выделяются, в частности, следующие виды наречий: 1) по характеру синтаксической связи противопоставляются наречия сентенциальные (выполняют роль детерминантов, то есть воздействуют на высказывание в целом) и глагольные (реализуют обязательную или факультативную валентность глагола, то есть оформляют присловную связь); 2) по сфере действия в семантической структуре высказывания различаются наречия с плавающей и фиксированной сферой действия – эти типы наречий установлены и описаны М. В. Филипенко; 3) по отношению к семантической структуре высказывания наречия делятся на строевые (модальные) и диктальные (М.В. Всеволодова). Наречия разных типов по-разному проявляют себя в смысловой организации высказывания: одни (типа *весело, легкомысленно, точно*) служат описанию «внешних» характеристик ситуации и сочетаются с глаголами разных семантических групп, выступая при этом только в функции характеристикаторов; другие (типа *тихо, медленно, ночью*) в узуальном употреблении предназначены для описания определённого компонента в семантической структуре предиката и могут выполнять функции как характеристикаторов, так и идентификаторов [12].

Выводы. В результате проведенного анализа научных источников можно отметить, что изучение категории наречия позволяет пролить свет на вопросы, касающиеся формирования и трансформации грамматической системы русского языка в целом.

В наших исследованиях мы будем исходить из узкого понимания наречия, отграничивая его от слов категории состояния, модальных слов, некоторых частиц. Вслед за Л. А. Савеловой и др. под наречием будем понимать лексико-грамматический разряд слов, которые 1) обозначают непроцессуальный признак различных характеристик предмета – действия, отношения, состояния, положения, непроцессуального и

процессуального признака; 2) не имеют системы форм словоизменения; 3) выступают в предложении в роли детерминантов или присловных распространителей.

Изучение лексико-грамматического класса наречия представляется необходимым для осмысления и прогнозирования дальнейших изменений в грамматическом строе русского языка.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
2. Галкина-Федорук Е. М. Наречие в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М.: Учпедгиз, 1939. – 138 с.
3. Калдыбаева А. К. Наречия как предмет изучения в школе [Электронный ресурс] / А. К. Калдыбаева. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/20_PNR_2010/Philologia/70228.doc.htm.
4. Комышкова А. Д. Динамика употребительности наречий как отражение становления класса наречия (на материале житийных и летописных текстов XII – XVI вв.) : специальность 10.02.01 – Русский язык : автореферат дисс... канд. филол. н. / Комышкова А. Д. – Нижний Новгород, 2013. – 23 с.
5. Литневская Е. И. Русский язык: краткий теоретический курс для школьников [Электронный ресурс] / Е. И. Литневская. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/book/litnevskaya.php?part4.htm>
6. Наречие. Часть 3 // Русский язык в странах СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russia-sng.iphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=75&Itemid=2&limit=1&limitstart=1
7. Плотникова В. А. Части речи / В. А. Плотникова // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Дрофа, 1998. – 703 с.
8. Рахманова Л. И. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева. – Изд-во МГУ, ЧеРо, 1997. – 480 с.
9. Русская грамматика / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударова. Том 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. – С. 606.
10. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко и др. Том 1. – М., 1980. – 784 с.
11. Савелова Л. А. Наречная система современного русского языка в аспекте функционально-социального варьирования // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – № 11 (66): Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, экономика, право, история, социология, педагогика, психология): Научный журнал. – СПб., 2008. – С. 81–87.
12. Савелова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия : дисс ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Савелова Любовь Анатольевна. – Архангельск, 2009. – 386 с.

Surgan M.A. The Study of the Scope of the Adverb as Modern Russian Language Word Class // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.139-144

The article is devoted to the description of the scholar's understanding of lexical and grammatical the adverb category evolution and development. Such analysis appears to be relevant for the purpose of subsequent language grammatical system changing prognosticating.

Key words: *modern Russian language, the adverb, degrees of comparison, degrees of quality the adverbial system*

Поступила в редакцию 09.05.2014 г.

УДК 82-84 / 82-92

**Цитата как начальный этап вхождения прецедентного
высказывания в систему языка**

Мельник Ю. А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым*

В статье уделяется внимание основным лингвистическим концепциям, которые рассматривают феномен цитации с разных точек зрения. В частности, представлена теория относительно тесной связи цитаты с таким понятием, как интертекстуальность. Также в статье рассматриваются факторы, которые способствуют получению цитатой прецедентного статуса и ее вхождению в систему языка национального лингвокультурного сообщества. Это такие факторы, как генетическая связь цитаты с текстом-источником, а также меткость и потенциальная воспроизводимость.

Ключевые слова: *цитата, прецедентное высказывание, прецедентный текст, интертекстуальность, лингвокультурное сообщество.*

Предметом нашего исследования являются цитаты в традиционном понимании (как фрагмент текста). Они могут получать прецедентный статус и входить в систему языка. Существует множество концепций, подробно рассматривающих этот процесс, который может протекать с разной степенью длительности и характеризоваться как продолжительным, так и достаточно недолгим бытованием исследуемых единиц в языковой системе и в когнитивной базе национального лингвокультурного сообщества. В этом случае наиболее **актуальным** представляется выявление основных факторов, напрямую влияющих на преобразование цитат в прецедентные высказывания (далее – ПВ).

Анализ исследований и публикаций, посвященных избранной проблеме.

Изучаемой нами проблеме посвящены труды таких ученых, как Л. П. Дядечко, Е. А. Земская, М. Б. Ямпольский, Н. А. Фатеева, Н. А. Кузьмина, В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова и др.

Целью данной статьи является анализ современных научных концепций, рассматривающих феномен цитации с разных точек зрения, позволяющий выявить факторы, обуславливающие получение цитатой прецедентного статуса и ее вхождение в систему языка. *Задачи статьи:* 1) представить и проанализировать различные точки зрения на феномен цитации; 2) выявить факторы, напрямую влияющие на превращение цитаты в прецедентное высказывание и ее вхождение в систему языка.

Говоря о предмете нашего исследования, мы должны отметить следующее: сам термин «цитата», по данным этимологов, был заимствован во второй половине XIX века из немецкого языка <лат. *citatum*> и действительно обозначал дословную выдержку из какого-либо текста. Что касается подобного понимания цитаты, то нужно обратить внимание на следующее: по мнению Л. Н. Синельниковой, цитата отражает «языковое приспособление индивида к общественной среде» [11, 175]. Само по себе понятие цитаты характеризуется неопределенностью и многозначностью. Так, например,

Л. П. Дядечко понимает под цитатой дословную выдержку из какого либо текста или в точности приводимые чьи-либо слова. Для цитаты, согласно данной точке зрения характерно эксплицитное указание на источник. Это обусловлено тем, что цитата извлекается из любого текста, даже не имеющего прецедентного статуса [2, с.19]. Рассмотрим эту точку зрения более подробно. Как пишет Л. П. Дядечко, «цитата в широком смысле выступает синонимом любых проявлений интертекстуальности, представление о которой в самом общем виде связано с апеллированием субъекта к не принадлежащему ему (или созданному им ранее) тексту (классу текстов), т.е. в роли субъекта цитации выступает каждый, кто стремится к самовыражению, а в роли объекта («чужого» текста) – все духовное наследие, накопленное человечеством» [3, с. 149]. Что же касается цитаты как синтаксического понятия (т.е. как «дословной выдержки из любого текста»), «цитата покрывает факты явной и скрытой цитации. В первом случае цитата оформляется как прямая или косвенная речь, во втором – слова автора, указание на принадлежность опускаются» [там же]. По словам исследовательницы, структурное отличие прямой цитаты, состоящей из двух частей: «чужих» слов и интродукции – от рассматриваемых нами единиц очевидно. Несходство усиливается при сравнении функций: прямая цитата «применяется для подкрепления излагаемой мысли авторитетным высказыванием, содержащим наиболее точную ее расшифровку, для критики цитируемой мысли и др.» а ПВ используется «в качестве готового способа выражения мысли». Интересным является тот факт, что цитату можно рассматривать как начальный этап вхождения ПВ в язык, то есть любая цитата при наличии необходимых условий (напр., при наличии у нее такого качества, как меткость, а также при достаточно большой частоте воспроизведения (хотя это не является строго обязательным) и при наличии генетических связей с итеративным текстом-источником и др.) может стать прецедентной.

В несколько ином ракурсе данное явление рассматривает Е. А. Земская. Как и Л. П. Дядечко, к цитатам она относит «дословные выдержки какого-либо произведения». Однако для устойчивых выражений типа пословиц и поговорок, не составляющих часть какого-либо произведения, а также клишированных фраз иного характера (сюда же относятся и чьи-либо слова, приводимые в той или иной прагматической ситуации) исследовательница использует термин «**инкрустация**» [4]. По ее словам, как для цитат, так и для инкрустаций характерно имплицитное указание на источник (что вообще-то свойственно не всякой цитате, а лишь прецедентной). Е. А. Земская говорит о том, что адресат сам должен уметь вычленивать эти «инородные включения», понять их происхождение, их первоначальный смысл и тот смысл, который они получают в новом окружении. Ряд ученых при определении цитаты как раз и ставят во главу угла специфику ее интерпретации, в частности, трудности, возникающие в процессе таковой. Отсюда следует, что проблема цитирования неразрывно связана с важнейшими проблемами филологии, например, с проблемами интерпретативных особенностей текста или его фрагмента. Особо здесь следует подчеркнуть сопряженность цитирования с теорией интертекстуальности. Р. Барт, будучи сторонником максималистской версии данной теории, считает цитатой любое заимствование любой части текста-источника текстом-реципиентом (ср.: «Я упиваюсь этой властью словесных выражений, корни которых перепутались совершенно произвольно, так что более ранний текст как бы возникает из более позднего» [14, с. 491]). Определение, как видим, дается с позиции читателя-интерпретатора, который совершенно свободен в толковании цитаты, так как она всюду и во всем, у нее нет свойств, отличающих ее от не-цитаты – «весь текст – это раскавыченная цитата», по словам Р. Барта.

М. Б. Ямпольский определяет цитату, основываясь на более умеренных и конструктивных концепциях Л. Женни и М. Риффатера. Цитатой является не всякое

заимствование. А только то, которое характеризуется структурным подобием с соответствующим фрагментом текста-источника. Из чего вытекает, что весь текст не может быть «раскавыченной цитатой». Цитата – это аномалия, блокирующая развитие текста. С позиции получателя это означает, что если чтение-интерпретация текста наталкивается на неясные, непонятные фрагменты текста, то процесс понимания ветвится. В одном случае неясность может быть преодолена путем более глубокого анализа семантической структуры текста, в которой проблема получает свое разрешение. В другом случае, «когда фрагмент не может получить достаточно весомой мотивировки из логики повествования, он и превращается в аномалию, которая для своей мотивировки вынуждает читателя искать иной логики, иного объяснения, чем то, что можно извлечь из самого текста. И поиск этой логики направляется вне текста, в интертекстуальное пространство» [13, с. 60].

Заметим, что с данной точкой зрения сходны взгляды и других исследователей, например, А. В. Кремнева говорит о том, что цитаты, в частности, прецедентные, «представляют собой лакунизированные фрагменты текста, обусловленные различиями в когнитивных базах (межтекстовой компетенции) автора и читателя» [7].

Существуют и другие точки зрения. Например, Н. А. Фатеева дает цитате лингвистически обоснованное определение: «Назовем цитатой воспроизведение двух или более компонентов текста-источника с собственной предикацией; цитата может быть как эксплицитной, так и имплицитной» [12, с. 122]. Далее цитаты подразделяются на те, что с атрибуцией, – следовательно, маркированы самим автором – и без нее. По мнению В. А. Лукина, «существенная разница между нелингвистическими трактовками цитаты «от Барта до Ямпольского» и точкой зрения Н. А. Фатеевой в том, что в первом случае цитата понимается по преимуществу функционально, во втором – не только функционально, но и субстанционально: является как минимум двумя компонентами текста-источника, которые могут быть формально отмечены кавычками, шрифтовыми выделениями, метатекстовым комментарием и т.п.» [9].

Как мы уже могли убедиться, на понимание цитаты существенно влияют взгляды ученых, являющихся сторонниками теории интертекстуальности. Цитата при этом воспринимается как языковой способ реализации данной категории в любом тексте, как «основной вербальный сигнал (маркер) межтекстовых связей» [7], как одна из форм, в которую облекается интертекстуальность и таким образом включается в ткань других текстов, влияет на них. Итак, цитация сама по себе выступает в качестве стилевого направления интертекстуальности. Как мы уже знаем, эта категория имеет основополагающее значение для культуры и эстетики постмодернизма. В данной традиции под цитатой понимается заимствование не только (и не столько) непосредственно текстового фрагмента, но главным образом функционально-стилистического кода, презентующего стоящий за ним образ мышления либо традицию. Таким образом, для постмодернистской парадигмы характерно не только узкое понимание цитаты, но и широкое. «Расширенная» трактовка цитаты свойственна и синергетическому подходу в современной лингвистике. Сторонница этого подхода Н. А. Кузьмина пишет, что «цитата (в широком смысле) – интертекстуальный знак с высоким энергетическим потенциалом, позволяющим ему продвигаться во времени и пространстве интертекста, накапливая культурные смыслы и тем самым увеличивая энергию» [8]. Сама цитация как раз и представляет собой такой процесс энергообмена.

Важно учесть также и то, что цитата выступает в качестве не частного, второстепенного элемента текста, а указание на существенную грань авторского замысла. Цитирование нужно рассматривать как принципиально важный прием смыслообразования и одновременно апелляцию к авторитету (вспомним, мы уже

писали об авторитетности как одной из важных субстанциональных характеристик ПВ). Ведь цитирование – это не только дословное или видоизмененное воспроизведение отрывка из какого-либо текста, но и действительно – подкрепление излагаемой мысли ссылкой на «образцовое» высказывание, наиболее четкая формулировка мысли, ценный иллюстративно-фактический материал (а в случае употребления цитат, имеющих прецедентный статус речь вообще идет об использовании таких авторитетных единиц в качестве готового средства выражения авторской мысли). При этом цитата есть «задаваемая автором функция компонента текста-источника, придающая ему статус символа-заместителя целого, концентрирующего энергию соответствующего прототекста» [8]. Как мы уже знаем, подобный способ обращения и существования текстов-источников (в нашей терминологии – прецедентных текстов) следует рассматривать как семиотический, согласно точке зрения Ю. Н. Караулова [5].

В контексте же учения М. М. Бахтина о «чужом» слове, о диалоге как универсальной общекультурной категории (данное учение, как известно, стояло у истоков теории интертекстуальности [1]) цитата, представляющая собой в широком литературоведческом понимании любого вида перекличку, соединяющую между собой литературные памятники, оказывается частным проявлением «чужого» слова, а цитирование – одним из способов осуществления диалога между текстами в культурном пространстве.

Мы уже говорили о том, что цитату можно рассматривать как начальный этап вхождения ПВ в систему языка. По мнению Л. П. Дядечко, время, которое занимает процесс освоения цитат носителями языка, их стабилизации в структурно-семантическом отношении, закрепление в узусе как устойчивых образований, «не регламентировано, оно специфично для каждого конкретного случая: некоторые выражения осваиваются мгновенно, а освоение других растягивается на десятилетия» [3, с. 116].

Закрепление ПВ в узусе неразрывно связано с понятием **прецедентные тексты**. В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова подчеркивают их так называемое «образовательное» значение в жизни человека. По мнению ученых, эти тексты «десятилетиями, если не столетиями служат основой обучения аккультурации ребенка», с их помощью он «изустно и затем письменно обучается родному языку» [6, с. 44]. Эти тексты порождают ПВ и закрепляются с их помощью в сознании представителей национально-культурного сообщества (ведь, как мы уже говорили ПВ являются символами своих текстов-источников). Как пишут В. Г. Костомаров и Н. Д. Бурвикова, «именно эти тексты, становясь учебным материалом, входя в программы школьного обучения, препарированные, обязательные, частично заучиваются наизусть; их знание общественно осознается как необходимый признак образованного, «культурного» человека» [там же]. То есть такие тексты составляют костяк фоновых знаний человека, «причем к этим знаниям относится и внушенное (обычно вполне справедливо, как в случае с А. С. Пушкиным или Л. Н. Толстым), что данный автор – великий поэт, мудрейший ученый, высокий авторитет и что данный текст относится к вершинным образцам, эталонам красоты, мудрости, ума» [там же]. На наш взгляд, здесь нельзя не вспомнить такие важнейшие качества ПВ как их эталонность и авторитетность. Скорее всего, они «наследуют» их от своих текстов-источников. Являясь символами таковых, ПВ представляют собой результат текстовой свертки. Говоря о ее основных чертах (то есть, по сути, характеризуя ПВ), следует упомянуть о такой особенности, как «закавыченность» (термин В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой), то есть ПВ всегда осознается как инотекстовый элемент, как «чужое слово», причем «вне зависимости от того, был ли автором того, что стало

сверткой. известный нам человек или это результат коллективного народного творчества» [6, с. 30].

Результат текстовой свертки однажды может приобрести прецедентный статус. Для этого, прежде всего, соответствующий феномен должен обладать таким качеством, как воспроизводимость в готовом виде, причем это воспроизведение должно быть регулярным. Что касается последнего, то, по мысли авторов «Лингвокультурологического словаря», «воспроизводимость того или иного прецедентного феномена может быть «потенциальной», то есть апелляция к нему могут быть и не частотными, но они в любом случае обязательно понятны собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария (в ином случае это будет апелляция не к прецедентному феномену)» [10, с. 16].

Важно учесть и то, что для цитаты, превращающейся в ПВ, чрезвычайно важной оказывается та нагрузка, которую они несут в композиции текста-источника. Известно, что выделение сильной позиции в тексте строится на психологических основаниях, а это «значит, что текстовые фрагменты, находящиеся в такой позиции, во-первых, лучше запоминаются, во-вторых, участвуя в оформлении ключевых моментов содержания, становятся узнаваемыми атрибутами первоисточника, вбирают в себя наиболее важную информацию и в сжатом виде хранят ее» (Л. П. Дядечко) [3, с. 191]. Наиболее сильной является позиция заглавия как квинтэссенции текста. Кроме того, к сильным относятся начало и конец текста. Они, как и название, психологически важны как для автора, так и для реципиента. По наблюдениям исследовательницы, «нередко одно и то же выражение-прототип занимает две (и даже три) сильные позиции в первоисточнике», что увеличивает возможности его запоминания и превращения в ПВ [3, с. 197]. Также на долговременное сохранение в памяти вербальной информации оказывает активное влияние стихотворная форма и повторение (особенно это характерно для текстов песен).

Интересно, что выражения могут как приобретать статус прецедентности, так и терять таковой по прошествии некоторого времени. Такая потеря / эволюция происходит у разных групп ПВ по-разному. Как пишет Л. П. Дядечко, одни выражения «с легкостью расстаят с печатью авторства, у других она полностью не исчезает даже с течением длительного времени, становясь лишь менее отчетливой, сохраняясь хотя бы как знак интертекстуальности» [3, с. 215]. Меняя свой статус (эволюционируя в идиому), ПВ может не покидать национальной когнитивной базы, состав которой, как мы знаем, постоянно обновляется.

Вывод. В современной науке существует множество научных концепций, исследующих феномен цитации с разных сторон. Так, цитату рассматривают как дословную выдержку из какого-либо текста или в точности приводимые чьи-либо слова, сопровождающиеся эксплицитным указанием на источник (Л. П. Дядечко); дословную выдержку какого-либо конкретного произведения, для которой указание на источник может быть и имплицитным (Е. А. Земская); любое заимствование любой части текста-источника текстом-реципиентом (Р. Барт); заимствование, которое характеризуется структурным подобием с соответствующим фрагментом текста-источника (М. Б. Ямпольский); лакунизированный фрагмент текста, обусловленный различиями в когнитивных базах автора и читателя (А. В. Кремнева); воспроизведение двух или более компонентов текста-источника с собственной предикацией, носящее как имплицитный, так и эксплицитный характер (Н. А. Фатеева). При всем многообразии точек зрения вполне очевидным является то, что цитату можно рассматривать как начальный этап вхождения ПВ в систему языка. Являясь символами своих текст-источников цитаты наследуют такие их качества, как эталонность и авторитетность. При наличии у цитаты генетических связей с текстом-источником, имеющим образовательное значение, а также таких качеств, как меткость и потенциальная

воспроизводимость, она вполне может превратиться в ПВ и войти в систему языка, а также в когнитивную базу русского лингвокультурного сообщества.

Перспективой нашего исследования является анализ отличий цитат от аллюзий и реминисценций.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1975. – 504 с.
2. Дядечко Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря): учебное пособие. – Ч. 1: А – Г. / Л. П. Дядечко. – К.: Вид. дім “Комп’ютерпрес”, 2001. – 145 с.
3. Дядечко Л. П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность: монография / Л. П. Дядечко. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2002. – 294 с.
- Земская Е. А. Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века. – Часть 3 [Электронный ресурс] / Е. А. Земская. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru>.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 453 с.
- Костомаров В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвилова. – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.
- Кремнева А. В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста (на материале произведений Джона Стейнбека): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» [Электронный ресурс] / А. В. Кремнева. – Барнаул, 1999. – Режим доступа: <http://www.aoma.ab.ru>.
- Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: монография [Электронный ресурс] / Н. А. Кузьмина. – Режим доступа: <http://www.edruss.ru>.
- Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа [Электронный ресурс] / В. А. Лукин // Грамота. Ру: Справочно-информационный интернет-портал «Русский язык». – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/biblio/research/hudtext0/>
- Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1 / [авт.-сост. И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных]. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
- Синельникова Л. Н. Жизнь текста, или Текст жизни / Л. Н. Синельникова. – Луганск: Знание, 2005. – Т. 1: Лингвистическая поэтика. – 432 с.
- Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. М.: КомКнига, 2007. – 282 с.
- Ямпольский М. Б. Память Тиресия [Электронный ресурс] / М. Б. Ямпольский. – Режим доступа: <http://www.dnevkinno.ru>.
- Barthes R. Texte. In: Encyclopaedia universalis / R. Barthes. – Paris, 1973. – Vol. 15.

Мельник Ю. А. Цитата як початковий етап входження прецедентного висловлення в систему мови // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.139-145

У статті приділяється увага основним лінгвістичним концепціям, які розглядають феномен цитації з різних точок зору. Зокрема представлена теорія

щодо тісного зв'язку цитати з таким поняттям, як інтертекстуальність. Також у статті надаються відомості про фактори, які сприяють отриманню цитатою прецедентного статусу та її входженню в систему мови національної лінгвокультурної спільноти. Це такі фактори, як генетичний зв'язок з текстом-джерелом, а також влучність і потенційна відтворюваність.

Ключові слова: цитата, прецедентне висловлення, прецедентний текст, інтертекстуальність, лінгвокультурна спільнота.

Melnik J. A. The quotation as the initial stage of occurrence of phrase-precedents to the language system // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.145-151

In article the attention to the main linguistic concepts which consider a quotation phenomenon from the different points of view is paid. For example, So, the quote is considered as literal excerpt from any text or in accuracy by the provided someone's words, being accompanied the explicit instruction on a source; any loan of any part of the text source by the text recipient; loan which is characterized by structural similarity with the corresponding fragment of the text source; the unclear fragment of the text caused by distinctions in cognitive bases of the author and the reader. At all variety of the points of view that the quotation can be considered as the initial stage of occurrence of phrase-precedent in language system is quite obvious. Being symbols of the texts sources of the quote inherit their such qualities, as reference character and authoritativeness. Also in article factors which promote receiving by the quotation of the status of phrase-precedent and its entry into system of language of national linguacultural community are considered. These are such factors, as a genetic linkage of the quotation with the text source, and also accuracy and potential reproducibility.

Key words: quotation, phrase-precedent, text-precedent, intertextuality, linguacultural community.

Поступила в редакцію 13.05.2014 г.

УДК 811.161.1'367.628'373.611

Механизм описания междометного словообразовательного гнезда

Тейфюк Э.Р.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
emile1992@list.ru*

В статье освещаются теоретические проблемы построения словообразовательных гнезд, исследуются формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде. Автор представляет наиболее полный анализ гнезда с точки зрения различных параметров: по количеству компонентов, по лексико-грамматической соотнесённости исходного слова и конечного звена, по характеру присоединения аффиксов (последовательному и чересступенчатому). Делается вывод о системной организации словообразования и возможности изучения междометий живой устной речи для более широкого анализа.

Ключевые слова: междометие, словообразовательное гнездо, словообразовательная цепь, частеречная модель.

Во второй половине XX века внимание отечественных лингвистов сосредоточивается на проблеме изучения комплексных единиц словообразования, к которым, прежде всего, относят словообразовательные гнезда, словообразовательные цепочки, словообразовательную парадигму. Пристальный интерес к обозначенному вопросу обусловлен не только многоаспектными исследованиями словообразовательной системы русского языка и происходящих в ней процессов, но и более основательным изучением лексической системы русского языка и ее организации с точки зрения словообразовательных связей. Вопросы всестороннего изучения словообразовательных гнезд, их структурного и семантического анализа, классификации и типологии ныне являются **актуальной** проблемой синхронного словообразования.

Целью настоящей статьи является комплексный структурно-семантический анализ словообразовательного гнезда междометия.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- изучить особенности функционирования дериватов в словообразовательных гнездах (СГ);
- описать структурные характеристики СГ с исходным словом – междометием;
- определить закономерности образования таких СГ.

Междометия, представляя собой одно из наиболее ярких средств эмоционально-экспрессивного выражения коммуникативного смысла, являются важным компонентом процесса общения, благодаря своей особой функциональной нагрузке, которая заключается в непосредственном выражении эмоций и волеизъявлений. В системе языка они значительно отличаются от других типов языковых единиц по своим грамматическим признакам и функции в речи как краткие, мгновенные эмотивные формы выражения отношения говорящего к ситуации общения.

Необычайная структурная разнородность междометий объясняется историей формирования этой категории. Необходимость выражения эмоций (отношений) обусловила объединение разных языковых фактов, вовлеченных мощным процессом интеръективации, рассмотрим природу данных явлений.

Понятие словообразовательного гнезда привлекало внимание ученых еще в XIX веке, но объектом глубокого изучения оно стало сравнительно недавно. К гнездовому подходу внутри словообразовательной системы языка, активизировавшемуся в 60-е годы XX в., обращались П.А.Соболева, Е.Л.Гинзбург, Е.С. Кубрякова, Е.А. Земская, другие исследователи. Большой теоретический вклад в изучение и формирование теории словообразовательных гнезд внес профессор А.Н. Тихонов, усилиями которого на основе методов описательной грамматики на материале русского языка была создана общая теория словообразовательных гнезд.

Исчерпывающее, всестороннее определение словообразовательного гнезда предложил А.Н. Тихонов: «Под СГ понимается упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующаяся общностью корня» [2, с. 59]. В основе построения гнезда, по А.Н. Тихонову, лежат отношения иерархии, «принцип последовательного подчинения одних единиц другим», каждый элемент СГ занимает в нем «предусмотренное системой языка и закрепленное в норме место» [2, с. 236].

А.И. Моисеев в статье «Словообразовательная цепь как разнородность словообразовательной парадигмы» упоминает пять структурных типов СГ:

- 1) гнездо - слово (однословные гнезда). Это так называемые одиночные слова - корневые, непроезводимые слова, не ставшие производными;
- 2) гнездо - пара слов (двусловные гнезда);
- 3) гнездо - цепь (цепочечные гнезда);
- 4) гнездо - веер (веерные гнезда);
- 5) гнездо - дерево (древовидные гнезда) [1, с. 90].

Словообразовательные гнёзда – сложные целостные единицы языка. Они состоят из словообразовательных цепочек (СГ) и словообразовательных парадигм (СП), которые определяют и семантические особенности словообразовательных гнёзд.

Исследование конкретного языкового материала убеждает нас в том, что в структуре словообразовательного гнезда выявляются именно синтагматические отношения между компонентами словообразовательных цепочек, находящимися в отношениях последовательной производности. Образование производных в составе СЦ происходит по существующим в языке словообразовательным типам и словообразовательным моделям, рассматриваемым нами в качестве основных единиц классификации словообразовательной системы. Поэтому было бы справедливо высказать предположение, что каждая словообразовательная цепочка может быть рассмотрена как совокупность образований словообразовательных типов в определённой последовательности.

Всесторонняя характеристика словообразовательных цепочек позволяет вскрыть сложную организацию и структуру СГ. С.А. Тихонов в статье «К проблеме типологии словообразовательных цепочек» [3, с. 53-58] усматривает возможность обобщения конкретных словообразовательных цепочек на нескольких уровнях, самым абстрактным из которых является частеречный (или грамматический). Изучение формальной структуры СЦ с исходным словом - междометием предполагает словообразовательный анализ всех входящих в цепочку мотивирующих и мотивированных основ. С формальной точки зрения каждую словообразовательную цепь можно охарактеризовать по признакам, отмеченным И.А. Ширшовым в статье «Словообразовательная цепь и явление полимотивированности»: 1) по количеству компонентов можно выделить бинарные и полинарные СЦ; 2) по лексико-грамматической соотнесённости исходного слова и конечного звена - линейные

и кольцевые; 3) по характеру присоединения аффиксов (последовательному и чересступенчатому) - полные и неполные.

Объектом предпринятого исследования являются словообразовательные гнезда с вершиной – междометием. В гнездовой части «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова методом сплошной выборки выделено 75 СГ с вершиной – междометием. Кроме того, в разделе «Одиночные слова» этого словаря отмечено еще 64 междометия, которые не образуют словообразовательных гнезд, то есть не являются производящими для других слов, а следовательно, не имеют производных, *например: ага, алло, баста, гей, ей-ей, здравствуй, ого, уа, увы, фью, фьють, эге, эврика, эй* и др.

В соответствии со структурной классификацией СГ, предложенной А.И.Моисеевым [1, с.59], среди словообразовательных гнезд с вершиной – междометием в нашем материале мы сочли возможным выделить следующие их типы:

а) однословные. Эта группа включает 10 гнезд из основной части словаря: *а, апорт, и, тю-тю, у, фэй, э, эна*. Полагаем, что А.Н. Тихонов имел все основания ввести эти слова в гнездовую часть словаря. Если учесть, что названные слова имеют омонимы, образующие гнезда, то, чтобы не нарушать единой для гнездовых и негнездовых слов системы омонимии, негнездовые слова следовало тоже как-то обозначить.

Например:

У I, межд.

У II, звукоподр. | *у-ка-ть* | *ука-н'j-е* (*уканье*)

У III, предлог

Кроме того, к этой группе следует отнести 64 междометия из раздела «Одиночные слова»: *ага, айда, алло, амба, аминь, атанде, ба, баста, брр, брысь, гайда* и др.

б) двусловные гнезда Их восемь:

ась | *ас-еньк-и* **пуф** | *пуф-ну-ть*

в) цепочечные гнезда. Их девять:

ахти | *не-ахти-тельн(ый)* | *неахтительн-о;*

г) веерные, представленные одним словообразовательным гнездом:

аллилуй(я) *аллилуй-цик*
аллилуй-цин-а
аллилуй-н-ый

д) древовидные. Это 42 СГ, возглавляемых междометиями и разветвляющихся сразу в двух измерениях – вертикальном и горизонтальном, например:

шу-шу	<i>шушу-ка-ть</i>	<i>шушукать-ся</i> <i>шушука-н'j-е</i> <i>за-шушукать</i> <i>на-шушукать-ся</i> <i>по-шушукать</i> <i>про-шушукать</i>	<i>за-шушукаться</i> <i>по-шушукаться</i> <i>про-шушукаться</i>
--------------	-------------------	---	---

В результате предпринятого структурного анализа словообразовательных гнезд междометий выявлены следующие данные (Таблица 1):

Таблица 1

Формальная характеристика СГ	СГ с вершиной – междометием
Однословные	10 (+ 64 «одиночные слова») – 55 %
Двусловные	8 (6 %)

Первый деривационный шаг в этих типовых СЦ связан с образованием суффиксальных глаголов со значением 'издавать звуки, названные производящей основой'. Второй деривационный шаг в исследуемых типовых СЦ представлен суффиксальными (*айк-ну-ть*), префиксальными (*за-гикать*) и префиксально-постфиксальными (*раз-ахать-ся*) словообразовательными типами производных глаголов.

б) междометие глагол имя существительное (51 СЦ) – 28,3%.

В качестве примера приводим типовые СЦ, образованные в соответствии с данной частеречной моделью:

агу (ай, ату, ау, бай, буль-буль, га, ги, гуль-гуль, ну, та-та, тпру, фу, хм, цоб, шу-шу, ши) агу-ка-ть агука-н'ї-е;

На первом деривационном шаге в исследуемых СЦ образовался словообразовательный тип производных глаголов звучания: *пишк-а-ть, агу-ка-ть* и т.п. Вторая ступень деривации во всех рассматриваемых СЦ представлена тремя словообразовательными типами: значение процессуальности (*агука-н'ї-е*), названиями отвлеченного действия (*пишк ø, стук ø*), лицо, производящее действие, названное мотивирующим глаголом (*стука-ль/щик*).

Вывод. Значимость предпринятого исследования определяется актуальностью изучения всех частеречных типов гнезд для определения их роли в системной организации словообразования, для построения общей теории словообразовательных гнезд, их типологии. Одним из источников пополнения словообразовательных гнезд междометий является разговорная речь. Включение в данное исследование данных нелогических и окказиональных словарей отразит широкие потенциальные возможности системы словообразования.

Список литературы

1. Моисеев А.И. Словообразовательная цепь как разновидность словообразовательной парадигмы // Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика. – 1991. – С. 94-91.
2. Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде: дис. ...док. филол. наук. – М, 1974. – 430 с.
3. Тихонов С.А. К проблеме типологии словообразовательных цепочек // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент. – 1985. – С. 53-58.

Тейфюк Е.Р. Механізм опису вигуків слівотворчого гнізда // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.152-157

У статті висвітлюються теоретичні проблеми побудови слівотворчих гнізд, досліджуються формально - семантичні відношення слів у слівотворчому гнізді. Автор представляє найбільш повний аналіз гнізда з точки зору різних параметрів: за кількістю компонентів, за лексико - граматичної співвіднесеності вихідного слова і кінцевої ланки, за характером приєднання афіксів (попередньому та чересступенчатому). Робиться висновок про системну організацію слівотвору та можливості вивчення вигуків живої усної мови для більш широкого аналізу.

Ключові слова: вигук, слівотвірне гніздо, слівотворчий ланцюг, частиномовна модель.

Teifiuk E. The description mechanism of the interjection world-building // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.152-157

The article highlights the theoretical problem of constructing derivational nests studied formal semantic relations of words in word-formative nest. Additionally, word-forming nests interjections are analyzed in terms of their structure, thickness and depth. The author presents the most comprehensive analysis of the nest from the standpoint of various parameters: the number of components on the lexical- grammatical relatedness of the original word and the final link, the nature of attachment affixes (serial and cheresstupenchatomu). This study has allowed to allocate derivational chain with different number of components: one, two, three, four, five and six. The conclusion about the significance of our study, the relevance is determined by the study of all types of nests part of speech to determine their role in the systemic organization of word formation for a general theory of word-building nests, their typology. One source of replenishment of derivational nests interjections is conversational speech. The author suggests that the inclusion in the study of non-logical data and occasional dictionaries reflect the great potential of word formation.

Keywords: *interjection derivational nest derivational chain, part of speech model.*

Поступила в редакцию 12.05.2014 г.

УДК 811.161

**«Дом» и «Дорога» как смысловые сферы-источники
метафорической репрезентации политических событий¹**

Чудинов А.П.¹, Серегина И.А.²

¹ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»,
г. Екатеринбург, Россия

²Сургутского государственного университета, г. Сургут, Россия

Выявлены ведущие метафорические модели, репрезентирующие референдум в Крыму (март, 2014). Охарактеризован прагматический потенциал слоганов «16 марта – домой – в Россию!» и «Чемодан – вокзал – Россия», репрезентирующих полярные позиции по проблеме самоопределения Крыма. Рассмотрены особенности восприятия образных обозначений избирателями, относящимися к различным возрастным и национальным группам.

Ключевые слова: теория кризисной коммуникации, политическая метафора, сферы-источники метафоризации, кризисная метафора, метафорическая репрезентация, Крым, референдум, слоган.

Дискурс референдума, который состоялся в Крыму и Севастополе весной 2014 года, еще долго будет обсуждаться политологами, историками, социологами, юристами и другими специалистами. Настоящая статья посвящена филологическим проблемам названного референдума и в первую очередь прагматическому потенциалу его ведущих метафор и слоганов.

В современной политической лингвистике существует два полярных подхода к исследованию материала. В первом случае ученый открыто заявляет о своих политических симпатиях и антипатиях, при этом ведущей задачей его исследования становится защита соответствующей позиции с привлечением филологических методик (Р. Водак, Т. ван Дейк, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, М. Пеше, Н. Фэрклаф и др.). По словам Рут Водак, «критическая лингвистика и критический анализ дискурса имеют своей целью анализ как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке. Иначе говоря, критический анализ дискурса нацелен на критическое изучение социального неравенства, выраженного (сигнализируемого, конституируемого, законодательно закрепленного и т. д.) в языке или дискурсе [Водак 2011: 291].

Во втором случае ученый стремится избежать обнаружения своей политической позиции, осторожен в оценках и сосредоточивает внимание на конкретных средствах и приемах воздействия на своих сторонников, политических оппонентов, электорат и общественное мнение (Р. Андерсон, У. Бенуа, Э. В. Будаев, М. В. Гаврилова, Е.И.Шейгал и др.). Учитывая политическую остроту соответствующего конфликта и другие дискурсивные факторы, авторы настоящего исследования не считают целесообразным высказывать в данном тексте свою оценку соответствующих

¹Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

политических событий, искать коварных злодеев, благородных героев и безвинных мучеников среди политических лидеров соответствующих государств, регионов, партий и национальных движений. Время все расставит на свои места.

Методология нашего исследования основана на методах и принципах когнитивной метафорологии. При таком подходе метафора в политической коммуникации – это не просто декоративный компонент риторической деятельности, но особый способ мышления и его вербализации, инструмент построения картины мира, обладающий сильным прагматическим эффектом (Р. Водак, Дж. Лакофф, А. Мусолфф, П. Чилтон, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Э. Лассан, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.).

Исследования по теории и практике кризисной коммуникации (Р. Андерсон, Х. де Ландтсхеер, Д. Фертессен, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, С. В. Иванова, Е. А. Чурашова и др.) свидетельствуют, что активизация метафорического моделирования политической действительности регулярно обнаруживается в периоды политических кризисов, а нередко даже предшествует этим кризисам и способствует их обострению. Как показывает специальное исследование, для политической коммуникации характерно постоянное чередование периодов бурного развития метафорических систем и периодов их относительной стабильности. Во внешнеполитическом дискурсе метафорические «бури» особенно характерны для периодов максимального обострения международной обстановки и часто служат вестником приближающихся войн и революций; поиск выхода из политических кризисов закономерно порождает метафорическое видение мира [Чудинов 2013 : 124].

Опыт исследования метафоры свидетельствует, что в период политических кризисов максимально активизируются метафорические модели со значительным агрессивным потенциалом, которые последовательно порождают милитарные, криминальные и зооморфные образы (Э. В. Будаев, А. Б. Ряпосова, А. П. Чудинов и др.). Например, исследование А. О. Уржумцевой показывает, что осенью прошлого года в испанской прессе при обсуждении взаимоотношений России, Украины и Евросоюза доминировала милитарная метафора [Уржумцева 2014]. В период максимального обострения политической обстановки милитарная метафора нередко дополняется криминальной: политические соперники образно представляются не просто врагами, а уголовными преступниками.

Вместе с тем для каждой кризисной ситуации характерен особый, только ей присущий арсенал метафорического представления действительности. С этой точки зрения значительный интерес представляют метафорические модели, которые оказались доминантными в период политического кризиса, связанного с отстранением от власти президента Виктора Януковича и воздействием «майданной революции» на юго-восточную Украину, Крым и Севастополь.

В российских и крымских СМИ ведущим способом образного представления воссоединения с Россией стало метафорическое представление Крыма и Севастополя как своего рода странников, которые после долгих скитаний возвращаются в родные места, к родным пенатам. В этом случае используется домашняя метафора, представляющая Россию как родной дом для бывших граждан Советского Союза и их потомков, и метафора пути, дороги, путешествия, образно обозначающая события, связанные с присоединением Крыма и Севастополя, как дороги из негостеприимной чужбины в родные края.

Две названные модели объединяет слоган «**16 марта – домой – в Россию!**», который широко использовался сторонниками объединения с Россией накануне референдума 16 марта 2014 года в Крыму и Севастополе. Этот слоган используется как синоним выражения «возвращение на подлинную родину из чужой, негостеприимной страны».

Разнообразные варианты развертывания рассматриваемых моделей используют самые различные СМИ пророссийской направленности. Ср.: *Если говорить о лозунгах, звучавших здесь, то многие избиратели, покидая участки говорили: «Крым возвращается домой»* (Телеканал «Россия»). *Возвращение домой. В Крыму обсуждают, как именно произойдет вступление в РФ»* (газета «Аргументы и факты»). Жители Крыма говорят *«Мы хотим домой в Россию»* (С.М. Миронов, лидер партии «Справедливая Россия», «Российская газета»). *По словам главы правительства Сергея Аксенова, принятие основного закона является знаковым событием последних лет. Крым вернулся домой, в Россию, и для его населения это большой праздник* (PRгазета). *Руководители меджлиса не заметили, как Крым вернулся домой, в Россию* (Regnum.ru).

Метафора дальнего пути обнаруживается и в слогане **«Чемодан – вокзал – Россия»** (использовался также его расширенный вариант **«Коль заела ностальгия – чемодан, вокзал, Россия»**), который объединял сторонников сохранения полуострова в составе Украины и по существу предлагал «русофилам» переселиться на территорию Российской Федерации. Слоган часто дополняет изображение поезда, на котором «москальи» и прочие «украинофобы» отправляются в Москву.

В интернете можно обнаружить множество переосмыслений данного слогана: например, сообщается, что русские, отправляясь на историческую родину, прихватили с собой не только чемодан, но и вокзал, железную дорогу и весь Крым. В другом случае использован видеобраз: на вагончиках поезда, следующего в Россию, написаны названия крупнейших городов юго-восточной Украины – Донецк, Харьков, Луганск, Одесса, Николаев.

Президент России В.В.Путин, выступая 18 марта на многолюдном митинге в Москве, несколько иначе развивает рассматриваемую метафорическую модель: *После тяжелого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань – Россию, к родным берегам, в порт постоянной приписки* (Комсомольская правда, 19.03.2014). В данном контексте легко обнаруживаются аллюзии, связанные с базированием в Севастополе военно-морского флота России и героической историей этого города. Вместе с тем президентская метафора несет и domesticкие смыслы: для кораблей родная гавань – это и есть их родной дом, то есть место, где корабли укрыты от опасностей, где моряки ощущают близость родного берега и самых близких людей.

В своем внеочередном послании к Федеральному собранию президент России метафорически говорит о дальнейшей судьбе народов Крыма и их взаимоотношениях в новых исторических условиях: *Крым будет родным домом для всех живущих там народов. Крым останется и русским, и украинским, и крымско-татарским. Но никогда не будет бандеровским* (Комсомольская правда, 19.03.2014). Эти слова президента отчетливо разграничивают «своих», к которым относятся все жители полуострова, и «чужих», к числу которых относятся сторонники идеологии Степана Бандеры и его последователей.

Изучение самых разнообразных печатных и электронных СМИ в РФ и ее новых субъектах свидетельствует о том, что domesticкая метафора стала образом, объединяющим всех, кто поддерживает вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации. Сторонники такого развития событий в своей аргументации делают основной акцент на идеологическую, историческую и эмоциональную близость народов Крыма и России.

Обращает на себя внимание последовательная внутритекстовая поддержка рассматриваемой метафоры, которая осуществляется путем использования лексики с позитивными смыслами: *взаимовыручка, отзывчивость, честность,*

общие интересы, братство, терпимость, понимание, открытость, готовность пренебречь личными амбициями ради общего блага, ответственность за свои поступки, трезвость мыслей и поступков, способность прогнозировать свои действия, доброта.

Важной стилевой особенностью материалов, касающихся крымской ситуации, стала максимальная доступность изложения информации. Авторы стремятся не использовать сложную терминологию, развернутые синтаксические конструкции, многоступенчатую аргументацию. Легкость и простота подачи материала, с одной стороны, позволяет расширить круг потенциальных читателей и увеличить количество сторонников, а с другой — избавляет читателя от необходимости искать информацию по данной теме в других источниках, анализировать аргументацию новых украинских властей и поддерживающих их лидеров США и Европейского Союза. В рамках рассматриваемых моделей все, кажется, чрезвычайно просто, ответ буквально лежит на поверхности: если Россия – родной дом, значит, возвращению Крыма будут рады как долго отсутствовавшему, нодолгожданному и любимому родственнику. В рамках этой логики противоестественными кажутся и всякие сомнения в стремлении человека вернуться в родной дом, а кораблей – в родную гавань.

Доместическая метафора создает максимально благоприятный фон для восприятия политики России. Страна готова встретить крымчан как родственников, проявить радушие, помочь обездоленным родственникам. Радушие издревле ценится как самая положительная и благоприятная характеристика для любого дома и его хозяев. Навестить такой дом и тем более вернуться в него всегда приятно, и это особенно относится к людям, для которых это родной дом, которые они покинули не по своей воле. А что можно сказать о стране, которая представляет собой родной дом для всех русских и – шире – для всех, кто родился (или чьи родители родились) в Советском Союзе? Разумеется, в такую страну захочется возвращаться вновь и вновь, а еще лучше навсегда в ней поселиться, не покидая вместе с тем Крыма как своей «малой родины».

Возможно, для многих жителей Крыма метафорическое «возвращение домой» – это избавление от негативных последствий политического и социального кризиса, охватившего Украину, обретение покоя, защита от опасностей. В дискурсе перманентного украинского кризиса безопасность тесно связана с представлениями о стабильности, которой при всех ее проблемах отличалась жизнь в Советском Союзе. Поскольку СССР прекратил свое существование всего лишь два десятилетия назад, жители Крыма среднего и старшего возраста прекрасно помнят все положительные стороны прежней жизни в единой державе. В этом контексте они воспринимают лозунг «домой в Россию» как чудесное перемещение в молодость, как своего рода реинкарнацию страны, где они родились и выросли, где прошли их лучшие годы.

При оценке эффективности рассматриваемых образов необходимо учитывать, что метафорические модели со смысловыми сферами-источниками «Дом» и «Путь (дорога, путешествие)» с давних пор широко распространены в политическом дискурсе России и Украины, то есть воспринимаются электоратом как традиционные, естественные, привычные. Далеко не случайно в конце прошлого века одна из ведущих политических партий называлась «Наш дом – Россия», а политические лидеры России вместе с представителями других европейских государств говорили о необходимости демонтажа «железного занавеса», о сближении, о движении навстречу друг другу и построении «общеевропейского дома» [Друлак 2006, Чудинов 2001 и др.]. Как показывает монография «Непевний об'єкт бажання: ЄВРОПА в українському політичному дискурсі», метафорические образы пути (дороги) и общеевропейского

дома активно использовались при обсуждении прошлого, настоящего и будущего родной страны в Украине [Яворьска, Богомолов 2010].

При оценке эффективности слогана *16 марта – домой – в Россию!* необходимо учитывать и тот факт, что новое поколение, родившееся и выросшее на Украине (в Украине?) в условиях роста национального (националистического?) самосознания и мощного идеологического воздействия киевских властей и «бендеровской» идеологии, уже не воспринимает Советский Союз как общую Родину для всех граждан СНГ. Поэтому эта молодежь может сомневаться в том, действительно ли путь в Россию – это путь домой, она может быть в меньшей степени уверена в том, что ее будущее должно быть связано именно с Россией.

Важно учитывать, что крымские избиратели в период подготовки к референдуму испытывали значительное воздействие сторонников майдана. В соответствующих текстах именно Украина метафорически обозначалась как родной дом для жителей полуострова, а воссоединение с Россией обозначалось как аннексия, оккупация, грабёж и разбой. Такие образы предназначались, в частности, гражданам Крыма, которые считают себя украинцами. Что касается крымско-татарского населения, то многие из них искренне считают своим «домом» именно Крым, а поэтому не воспринимают domesticкие метафоры, которые оказывают воздействие на русских и украинцев.

Показательно, что СМИ Великобритании и США даже при информации об основном лозунге референдума в Крыму и Севастополе стремятся не использовать метафорический образ возвращения в родной дом. Ср.: *Crimea referendum: Voters' back Russia union* (Крымский референдум: избиратели «за возвращение к российскому союзу»). (BBC News). *Crimea: Russia's return* (Крым: российское возвращение). (Financial Times).

Американская газета «New York Times» пишет о судьбоносном решении парламента Крыма снескрываемым осуждением: *SIMFEROPOL, Ukraine — The pro-Russian regional Parliament in Crimea voted behind closed doors on Thursday to secede from Ukraine and become part of Russia — an aspirational, even quixotic, gesture that had no immediate practical effect but deepened the political crisis here, drawing swift denunciations from the West and from the fledgling national government in Kiev* (Симферополь, Украина – Пророссийский региональный парламент в Крыму проголосовал за закрытой дверью за отделение от Украины и за то, чтобы стать частью России – стремительный и далёкий от реальности жест, не имеющий немедленного практического эффекта, но углубляющий политический кризис, вызывающий осуждение Запада и недавно созданного правительства в Киеве). В рассматриваемом фрагменте, с одной стороны, сухо сообщается об итогах референдума, подчеркивается, что решение принято «за закрытой дверью», а с другой – дается негативная оценка и сущности принятого решения, и особенно его последствий. В тексте подчеркивается негативная реакция Запада и киевского правительства, но не говорится о восприятии рассматриваемого решения жителями Крыма.

Казалось бы, максимальную сдержанность должны демонстрировать дипломаты, однако постоянный представитель США в ООН Саманта Пауэр на официальном заседании Совета Безопасности сочла возможным использовать по отношению к России криминальную метафору: «*A thief can steal property, but that does not confer the right to ownership on the thief*» (Вор может украсть собственность, но это не значит, что он имеет право владеть ею; vlasti.net, 30.03.2014).

Представитель России в ООН Виталий Чуркин в ответ решительно заявил: *Мы категорически не приемлем оскорбительных высказываний в отношении нашей страны. Если делегация США рассчитывает на наше сотрудничество в Совете*

безопасности по другим вопросам, то госпоже Пауэр следует твердо это усвоить» (vlasti.net, 30.03.2014). Следует признать, что использование в ООН криминальной метафоры (*вор, украсть*) по отношению к действиям великой державы не соответствует дипломатическому этикету и возвращает мир к эпохе холодной войны.

Итак, рассмотрение материалов российских и крымских СМИ свидетельствует, что домашняя метафора стала ведущим средством образного представления политических процессов вхождения Крыма и Севастополя в состав России. Метафорическое представление вхождения новых регионов как ВОЗВРАЩЕНИЯ после долгой дороги ДОМОЙ, к родной семье обладает мощным прагматическим потенциалом и вполне соответствует российским традициям. Слоган «16 марта домой – в Россию!» способствует преодолению психологического барьера, связанного у некоторых жителей Крыма и Севастополя с представлениями о России как «другой» стране. Вместе с тем следует учитывать, что далеко не все крымские избиратели (особенно украинцы и крымские татары) воспринимают современную Россию как родной дом, в который всегда хочется возвратиться. Для более полного осмысления рассмотренных материалов будет полезным их сопоставление с репрезентацией событий в Крыму и Севастополе в зарубежных и особенно украинских СМИ.

Список литературы

1. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. – Нижний Тагил, 2011.
2. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.
4. Уржумцева А. О. Украина, Россия и Евросоюз в ноябре 2013 года: метафорический образ стран и их взаимоотношений в испанской газете «эль Паис» // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2.
5. Чудинов А. П. Очерки по политической метафорологии. – Екатеринбург, 2013.
6. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001.
7. Чурашова Е. А. Обвинительный дискурс в постэлекторальной коммуникации // Вестник Пермского университета. Политология. – № 1. – 2013.
8. Яворська Г. М., Богомолов О. В. Непевний об'єкт бажання: ЄВРОПА в українському політичному дискурсі. — Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010.
9. Drulák, P. Motion, Container and Equilibrium: Metaphors in the Discourse about European Integration / P. Drulák // European Journal of International Relations. – 2006. – Vol. 12, No. 4.
10. Lakoff, G. Metaphor and War, Again / G. Lakoff. – 2003. – Режим доступа: www.alternet.org/story.html?StoryID=15414.
11. Lakoff, G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf / G. Lakoff. – 1991. – Режим доступа: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm.

Чудинов А. П., Серьогина І. А. «Дім» і «Дорога» як смислові сфери-джерела метафоричної репрезентації політичних подій // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч. 1 – С. 158-164

Виявлено провідні метафоричні моделі, що репрезентують референдум в Криму (березень, 2014). Охарактеризований прагматичний потенціал слоганів «16 березня - додому - в Росію!» і «Чемодан - вокзал - Росія», які репрезентують полярні позиції

з проблеми самовизначення Крима. Розглянуто особливості сприйняття образних позначень виборцями, що відносяться до різних вікових і національних груп.

Ключові слова: теорія кризової комунікації, політична метафора, сфери-джерела метафоризації, кризова метафора, метафорична репрезентація, Крим, референдум, слоган.

Chudinov A., Seregina I. «House» and «The Road» as a semantic sphere sources metaphorical representation of political events // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.158-164

Identified leading metaphorical models, representing the referendum in the Crimea (March, 2014). Characterized pragmatic potential slogans «March 16 - home - in Russian!» and «Suitcase - Station - Russia» that represent polar positions on the issue of self-determination of the Crimea. The peculiarities of perception shaped symbols voters belonging to different age and ethnic groups.

Keywords: theory of crisis communication, political metapho , metaphor sphere sources, crisis metaphor, metaphorical representation of Crimea, a referendum, slogan.

УДК 811.161.1:81.42'378

Этическая составляющая культурного концепта Цель

Яценко Т. А.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
t-yashchenko@yandex.ru

Статья посвящена выявлению этической составляющей культурного концепта Цель методами лингвоконцептологического и дискурсивного анализа. Материалом исследования являются тексты русской классической философии, художественные и дневниковые тексты (И. А. Гончаров; Ф. М. Достоевский). Представлены аксиологические типы модальности концепта Цель, характерные для русской ментальности.

Ключевые слова: культурный концепт Цель, русская ментальность, лингвоконцептология, дискурсивный анализ.

Концепт, в отличие от понятия, содержащего только существенные и необходимые признаки, включает и несущественные признаки. По выражению Ю. С. Степанова, «в отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий, антипатий, а иногда и столкновений» [13, с. 40 – 41]. Этическая, или ценностная, составляющая в современной лингвистике представляется как такая характеристика концепта, которая отличает его от других ментальных сущностей – фреймов, гештальтов, сценариев, прототипов (Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, В. А. Маслова, М. В. Пименова, В. Н. Манакин и др.).

Аксиологическому аспекту Цели уделялось внимание еще в античных грамматиках. Аристотелем была обусловлена взаимосвязь между ценностными установками личности и характеристиками ее целей: «от того, каковы мы, зависит, какую мы ставим себе цель» [1, с. 108]. В современных лингвистических исследованиях отмечается соотносительность слова *цель* с мыслительной категорией, связанной с аксиологической модальностью (Н.Д. Арутюнова, В. И. Карасик, Г.Е. Крейдлин, Т.В. Радзиевская и др.).

Новизна нашей работы заключается в разработке ценностной составляющей концепта Цель как отражения особенностей национального менталитета с использованием метода дискурсивного анализа культурноносных русских текстов.

Актуальность такого аспекта исследования обусловлена возможностью реализации целостного подхода к изучению культурного концепта в плане онтологии и аксиологической модальности, а также определением места культурного концепта Цель в архитектонике художественного текста. Отчасти данное направление концептуального анализа представлено в монографии «Каузация в русском языковом сознании» [15].

В рамках статьи ставится **цель**: выявить непосредственную связь между аксиологической составляющей концепта Цель и особенностями национального русского менталитета. Для достижения цели решаются следующие **задачи**: 1) раскрыть возможности дискурсивного анализа в ходе исследования этической

составляющей культурного концепта; 2) сопоставить этическую трактовку Цели в русских классических художественных и философских текстах; 3) представить ценностную составляющую концепта как отражение национальной ментальности.

Принципиально важным для нашей работы является положение В. В. Колесова о том, что в границах словесного знака и языка в целом «концепт данной культуры» предстает в своих содержательных формах не только как символ, но и как образ, понятие и миф. Именно концепт данной культуры определяется как основная единица ментальности [10, с. 81].

Связь ментальности с языком отражена в определении В. В. Колесова: «Ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества характера в типичных его проявлениях» [10, с. 81]. Представляется существенным, что понятие национальной ментальности В. В. Колесов рассматривает скорее в этическом, чем в логическом аспекте и соотносит не только со способностью *истолковывать* явления, но и со способностью *действовать* определенным образом [11, с. 13]. Именно такое истолкование ментальности оказалось наиболее продуктивным для осмысления этического аспекта концепта Цель в русском языковом сознании.

В современных работах отмечается, что для русского языкового сознания при осмыслении жизненного пути характерно сближение «цели» с «предназначением», что реализуется в следующих словах и устойчивых словосочетаниях: *предназначение, миссия, возложить миссию, брать на себя миссию, призвание, быть призванным (призван заботиться о младших), предопределение, предначертание* [3, с. 140]. В лингвофилософских работах эта тема развивается преимущественно в концептологическом направлении. Г. Е. Крейдлин, сопоставляя концепты 'Цель' и 'Предназначение', отмечает, что последнему немного уделяется места в лингвистических и философских исследованиях, за исключением некоторых религиозно-этических направлений философской мысли. Предназначение связывается с иной целью, оно не относится к области целесообразности деятельности, а связано прежде всего с теологическими представлениями [12, с. 431 – 432].

В результате проведенного нами анализа установлено, что для осознания ценностной составляющей концепта Цель является весьма существенной его соотнесенность в русском языковом сознании с понятиями 'цельность' и 'целостность'. Постулат «цельности» является чрезвычайно важным для русского сознания, что нашло выражение в разных областях социальной и духовной жизни.

Обращение к тексту статьи одного из основателей славянофильства И. В. Киреевского [9] позволяет заметить, что основное отличие философско-богословского мышления Востока от мышления Запада заключается в особом характере **цельности** разума, состояния духа и всех «внутренних сил». Тема «цельности» реализуется посредством использования различных языковых форм (*внутренняя цельность разума, безмятежность внутренней цельности духа, цельность обычного самосознания, средоточие умственных сил, живое и высшее единство, живая совокупность высших умственных сил* и др.), которые в контексте статьи выступают как номинации условий, необходимых для осуществления высшей цели: «достижение полноты истины».

Целостность, очевидно, может быть соотнесена и с метафизикой «всеединства» как высшим достижением русской философии (Вл. Соловьев, братья Трубецкие, С. Булгаков, П. Флоренский). Известно, что все учение В. Соловьева строится на укорененном «всеединстве», см. также выражения «целостное сознание» и «положительное всеединство», характерные для его текстов. Подробно эта идея развивается в статье Ф. А. Степуна [14].

Показательно, что в тексте романа И. А. Гончарова «Обломов», который отражает особенности русского менталитета гораздо глубже и многомерней, чем это принято считать, тоже находим подтверждение закреплённости ассоциации *цели с цельностью и целостностью*. Дискурсивный и лингвоконцептологический анализ романа позволяет увидеть богатую синонимику языковой реализации *разрушения цельности* как антитезы наличия смысла и цели жизни. Обломову устремления его знакомых представляются чуждыми, прежде всего именно в силу их раздробленности, отсутствия цельности: *В десять мест в один день – несчастный! – думал Обломов. – И это жизнь! – Он сильно пожал плечами. – Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается* [4, с. 15]; Отсутствие цели (и цельности!) представляется Обломову как разбросанность, рассредоточенность, вспомним его высказывание о светских людях: *Дела-то своего нет, они и разбросались во все стороны, не направились ни на что* [4, с. 133].

Определённая «парадоксальность» аксиологической модальности Цели в русском языковом сознании проявляется в том, что она часто не совпадает, а порой и противопоставляется понятиям ‘целесообразность’, ‘полезность’, ‘расчет’. Это наблюдение, характерное для русской философии 2-ой половины 19 – начала 20 вв., убедительно подтверждается художественными и мемуарно-эпистолярными текстами Ф. М. Достоевского.

Для Достоевского как православного писателя собственно достижение высшей идеи и высшего идеала в земной жизни невозможно. Высшая цель – это и высшее счастье, а высшим счастьем для христианина есть рай Христов. «Вся история, как человечества, так отчасти и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели» [5, с. 172].

Вектор движения к Цели у Достоевского в основном направлен ввысь и предполагает «восхождение». Даже известное выражение «полеты в бездну» включают идею «подъёма» над землей, над земным. Тема «падения» и «полета» в творчестве Достоевского в «рамке русской картины мира» представлена в работе Н. Д. Арутюновой [2, с. 864 – 869]. По горизонтали, пункт за пунктом, у Достоевского идут к своей цели только расчетливые подлецы типа Петра Петровича Лужина.

Высшая цель определяется как *искание правды*. Высшая правда для Ф. М. Достоевского отождествляется с Истиной Христовой. Подобно тому, как в паремологии прослеживается идея превосходства ‘правды’ над ‘выгодой’, Достоевским утверждается ‘правда’ как высшая ценность: «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше России, выше всего, а потому надо желать одной правды и искать ее (...)» [7].

Вопрос о Цели Достоевский решает, исходя из теоцентрической, а не гомоцентрической концепции мира. Цель, в соответствии с традиционной русской ментальностью, соотносится с Предназначением. По Достоевскому, «разумную цель свою на земле» человек может постигнуть только через идею бессмертия души и восприятие Христа «как идеала человека во плоти» [5, с. 172 – 173].

Социальные идеи достижения абсолютной справедливости с правом «переступить через кровь» представляются автором как чрезвычайно опасные.

В этом плане интересный материал для исследования сценария целевой ситуации и ценностной составляющей концепта Цель представляет диалог студента и офицера, услышанный Раскольниковым в трактире [8].

Аксиологическая оценка «полезности» цели часто подкрепляется ‘расчетом’, соотносимым с концептом Рассудок. Но чисто рассудочный подход к определению цели и к способам ее достижения представляется Достоевскому как пагубный для человека. В языке романа в ассоциативное поле концепта Рассудок, помимо центрального слова *рассудок*, входят также *расчет*, *выгода*, *точность* и др., но

особая роль принадлежит слову *арифметика*. Оно повторяется многократно как попытка доказательства неопровержимой правильности рассуждения, в данном случае – правильности цели: *Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна* (там же, с .54) Так рассуждает студент, встреченный Раскольниковым в трактире. «Арифметика» как попытка самооправдания является одним из лейтмотивов и в монологах Раскольникова: *... возможную справедливость положил наблюдать в исполнении, вес и меру, и арифметику...* [8, с. 211].

Даже на грани признания в убийстве, Раскольников по-прежнему ищет спасения в «арифметике», не признавая содеянное «преступлением»: *Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости (...)* [8, с. 400]. Другим «арифметическим» оправданием преступления является тезис: *все проливают кровь, и много крови (льется и всегда лилась на свете, как водопад)*, но за нее *«венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества»* [8, с. 400].

Страстное отвергание Достоевским «арифметики» как средства решения важнейших вопросов жизни человека, к которым относится и целеполагание, несомненно, соотносится с концептосферой русского языкового сознания. Если говорить о Цели как о концепте русской культуры (а не целесообразности в научном смысле), то как раз точный расчет (арифметика) и абстрактная логика, которые могут быть соотнесены с Рассудком, не входят в число его положительных ценностей.

Выводы

1. Лингвоконцептологический и дискурсивный анализ текста открывает новые возможности для целостного постижения языка и представления его как духовной реальности.

2. Параллельный анализ особенностей этического восприятия Цели в классических русских художественных текстах и текстах русской классической философии позволил выявить общие аксиологические типы модальности культурного концепта Цель, характерные для русской ментальности.

3. Для традиционного русского языкового сознания характерно сближение Цели с Предназначением и Идеалом. Анализ текстов разных типов позволяет выдвинуть положение об ассоциировании Цели как культурного концепта с 'цельностью' и 'целостностью'.

4. Для традиционной русской ментальности характерно осознание Цели как высшей духовной сущности; чисто рационалистический путь достижения цели оценивается негативно.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель; АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1975 – 1983. – т. 4. – 1983. – 830 с. – (Философское наследие).
2. Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамках русской картины мира / Н.Д. Арутюнова // Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. - С. 846 - 873.
3. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка: 4 166 ст. / О.С.Баранов. – М.: ЭТС, 1995. – 820 с.
4. Гончаров А. И. Обломов / А. И. Гончаров. – М.: Худож. лит., 1985. – 383 с.
5. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873 год. Статьи и заметки за 1873 – 1878 // Достоевский Ф. М. ПСС в 30 томах. Т. 20. – Л.: Наука, 1980. – 551 с.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год // Достоевский Ф. М. ПСС в 30 томах. Т. 22. – Л.: Наука, 1981. – 407 с.

7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 год // Достоевский Ф. М. ПСС в 30 томах. Т. 26. – Л.: Наука, 1981. – 407 с.
8. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. ПСС в 30 томах. Т. 6. – Ленинград: «Наука», Ленинградское отделение, 1973. – 422 с.
9. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России (письмо к графу Е.Е. Комаровскому) / И. В. Киреевский // Киреевский И.В. Разум на пути к истине. – М.: Правило веры, 2002. – С. 151-213.
10. Колесов В. В. "Жизнь происходит от слова..." / В. В. Колесов. - СПб.: Златоуст, 1999. - 368 с.
11. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
12. Крейдлин Г. Е. К проблеме языкового анализа концептов «Цель»VS. «предназначение» / Г. Е. Крейдлин // Логический анализ языка: избранное, 1988 – 1995 / редкол.: Н. Д. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонова. – М.: Индрик, 2003. – С. 430 – 438.
13. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С.Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
14. Степун Ф. А. Россия между Европой и Азией / Ф. А. Степун // Чаемая Россия: СПб.: РХГИ, 1999. – С. 387-412.
15. Ященко Т.А. Каузация в русском языке сознания: монография / Т.А. Ященко. – Симферополь: «ДИАЙПИ», 2006. – 478.

Ященко Т. А. Етична складова культурного концепту мета // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.165-169

Статтю присвячено виявленню етичної складової культурного концепту Мета методами лінгвоконцептологічного та дискурсивного аналізу. Матеріалом дослідження є тексти російської класичної філософії, художні та щоденникові тексти (І.О. Гончаров, Ф. М. Достоевський). Надано аксіологічні типи модальності концепту Мета, що є типовими для російської ментальності.

Ключові слова: культурний концепт Мета, російська ментальність, лінгвоконцептологія, дискурсивний аналіз.

Yashchenko T. A. Ethical part of cultural concept the purpose // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.165-169

Article is devoted to the ethical component of the cultural concept the Purpose of objective methods linguistic conceptualization and discourse analysis. Material research are the texts of Russian classical philosophy and literary texts (I. A. Goncharov, F. M. Dostoyevsky). Presented axiological types modality concept Purpose characteristic Russian mentality.

Parallel analysis of the characteristics of the epic perception Purpose in classical Russian literary texts and texts of Russian classical philosophy revealed common axiological types modality cultural concept Purpose characteristic of Russian mentality. For a traditional Russian linguistic consciousness characteristic rapprochement with the intended objectives and ideals. Analysis of texts of different types allows to push the position of the association as a cultural concept Purpose with 'integrity' and 'integrity'. For a traditional Russian consciousness characteristic sense of purpose as the highest spiritual essence; purely rationalistic way of achieving goals is assessed negatively.

Keywords: cultural concept the Purpose Russian mentality linguistic conceptualization, discourse analysis.

Поступила в редакцию 07.05.2014 г.

РАЗДЕЛ 4. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ. ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЕЙШИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 378.147:811.161.2

**Мовна гра як прийом формування перекладацької компетенції
майбутнього вчителя української мови у початковій школі**

Асанова А. Е.

*Республіканський вищий навчальний заклад «Кримський інженерно-педагогічний університет», м. Сімферополь, Республіка Крим
alika_abibulayeva@mail.ru*

У статті розглядається роль мовної гри у формуванні перекладацької компетенції майбутніх учителів української мови у початковій школі; розкривається зміст понять перекладацька компетенція вчителя та мовна гра; описується система мовних ігор. Дидактичний матеріал відображає методичну доцільність його застосування на уроках української мови в школах з кримськотатарською мовою навчання, а також при викладанні дисциплін «Методика навчального перекладу», «Методика викладання української мови у початковій школі» на спеціальності «Початкова освіта».

Ключові слова: *компетентність, перекладацька компетенція вчителя, мовна гра, лінгводидактична підготовка студентів.*

Постановка проблеми. У сучасній освітній парадигмі компетентність виступає основним показником конкурентоспроможності та професіоналізму. Крім того, необхідність компетентнісного підходу в лінгводидактичній підготовці майбутніх учителів початкових класів продиктована вимогами сучасного Держстандарту мовної освіти України та Програмою загальної середньої освіти. Для вчителів української мови у полілінгвальному навчальному середовищі архіактуальною стає проблема формування перекладацької компетенції в системі загальної професійної підготовки. На наш погляд, ефективним засобом формування перекладацької компетенції майбутніх учителів початкових класів є засвоєння ними прийомів застосування мовних ігор у навчальному процесі.

Аналіз останніх досліджень. Проблема формування перекладацької компетенції є предметом розгляду праць багатьох учених: Л.С. Бархударова, Р.Р. Девлетова, Н.В. Імедадзе, Л.Н. Синельникової та ін. Вивченням можливостей мовної гри займалися Л. Відгенштейн, Е.А. Земська, Н.Н. Розанова, В.З. Санніков тощо. Проте, проблема використання мовної гри при формуванні перекладацької компетенції вчителя в аспекті його лінгводидактичної підготовки в умовах полілінгвального середовища є малодослідженою. Особливо дослідження актуальне для підготовки майбутніх учителів української мови в школах з кримськотатарською мовою навчання.

Мета і завдання. Мета статті – визначити дидактичні, методичні можливості мовної гри у формуванні перекладацької компетенції майбутніх учителів української мови в школах з кримськотатарською мовою навчання.

Загальна мета визначила вирішення наступних завдань: розкрити зміст понять *перекладацька компетенція вчителя* та *мовна гра*; вивчити можливості мовної гри як ефективного засобу формування перекладацької компетенції майбутніх учителів української мови в школах з кримськотатарською мовою навчання; описати методичну систему застосування мовних ігор у навчальному процесі.

Перекладацька компетенція у науковій літературі розглядається як здатність розуміння вихідного тексту і здатність створення тексту мовою оригіналу [3]. З точки зору лінгводидактичної підготовки, *перекладацька компетенція вчителя* – це знання прийомів використання навчального перекладу як методичного прийому навчання у формуванні бі- і полілінгвальної особистості.

І.А. Подольська та А.В. Літвінов вважають, що майбутні вчителі початкової школи мають оволодіти вміннями та навичками мовного спілкування в межах традиційних сфер комунікативної діяльності, а також вміннями пошуку і читання літератури за фахом на іншій мові, навичками мовного спілкування в рамках професійної діяльності, вміннями реферування та анотування літератури за фахом тощо. Таким чином, важливість формування у студентів необхідної для майбутньої професійної діяльності перекладацької компетенції є очевидною [4].

За Ю.В. Фалькович, формування перекладацької компетенції студентів – це процес зі створення уявлень про предмет перекладу, формування спеціальних предметних знань, навичок й умінь, що забезпечують готовність до виконання перекладацької діяльності в ситуації міжкультурної комунікації [6, с.47].

Процес формування перекладацької компетенції студентів забезпечується використанням багатьох методів, прийомів, форм і засобів. У нашій статті ми розглянемо методичні можливості мовної гри як прийому формування перекладацької компетенції майбутнього вчителя української мови в початковій школі.

Термін *«мовна гра»* вперше було введено Л. Вітгенштейном у «Філософських дослідженнях» як найпростіший або спрощений засіб використання мови, що дає ключ до розуміння більш зрілих і нерідко видозмінених випадків [1].

Сутність мовної гри визначалася багатьма дослідниками. Так, наприклад, Е.А. Земська, М.В. Китайгородська, Н.Н. Розанова вважали мовну гру реалізацією поетичної функції мови, особливим видом мовленнєво творчої діяльності. К.М. Суханкіна мовну гру визначила як лінгвістичний експеримент, що є засобом набуття знань про мову. В.З. Санніков вважав, що мовна гра є видом лінгвістичного експерименту, відхиленням від норми, навмисним використанням тропеїчних і фігуральних можливостей мови. За Б.Ю. Норманом, мовна гра – це використання мови в особливих естетичних цілях, порушення мовних правил [5, с.1]. В аспекті професійної підготовки майбутніх учителів української мови в початковій школі мовну гру ми розглядаємо як засіб придбання лінгвістичних знань, як засіб і метод контролю засвоєння цих знань у фонетиці, граматиці, лексиці тощо.

У лінгводидактиці виділяються наступні види ігор: фонетичні, граматичні, лексичні, синтаксичні та ін. Ці ігри розроблялися для монолінгвального середовища. Для нашої роботи важливим є використання мовної гри у формуванні перекладацької компетенції студентів у навчальному полілінгвальному українсько-російсько-кримськотатарському середовищі.

Незаперечним в педагогіці початкової школи є те, що невимушена форма сприяє подоланню мовних бар'єрів, перетворюючи завдання створення висловлювання з чисто теоретичного у комунікативне, практикозорієнтоване. Вона може бути використана у різному мовному середовищі. Мовні ігри часто використовуються

в групі, завдяки чому виникають ситуації комунікації, якими керує вчитель. Багатогранність мовної гри, відображення у ній лінгвістичних проблем, що виходять за межі мовної дійсності, і зараз підтримує до неї невгасаючий інтерес фахівців [5, с.2].

Як відомо, мовна гра сприяє доступному засвоєнню матеріалу, якнайшвидшому запам'ятовуванню інформації; активізує розумову діяльність і увагу учнів, стимулює мову, викликає потребу говорити. Виступаючи ефективним методичним прийомом, вона створює цілком природні ситуації спілкування між учасниками. Крім того, мовна гра дає можливість вивчати новий лексичний матеріал в ситуаціях активного спілкування, підвищуючи ефективність паралельного співвивчення декількох мов.

До структури лінгводидактичної підготовки майбутнього вчителя початкових класів у поліетнічному середовищі, на думку Р.Р. Девлетова, входить формування трилінгвальної предметної компетенції [2]. Отже, елементом цієї компетентності є перекладацька компетенція.

Використання мовних ігор на уроках, практичних заняттях з «Методики навчального перекладу» й «Методики викладання української мови в початковій школі» може реалізовуватися за допомогою наступних завдань.

Завдання 1. «Ланцюжок». Тематична мовна гра спрямована на збагачення словникового запасу учнів, формування вільного перемикання з однієї мови на іншу і сприяє появі нового автономного мовного коду.

На задану тему для однієї групи учнів дається слово російською мовою, вони називають наступне слово українською мовою, що починається на останню букву попереднього, далі – російською тощо. Друга група учнів працює з російськими й кримськотатарськими словами. Дозволяється користуватися перекладними словниками. Наприклад:

Для студентів. Тема «Освіта»:

Ученик – колоковіум – морфемика – аспірант – тетрадь - ...
Антоним - маарифчи – историк – костергич – числитель - ...

Для учнів. Тема «Школа»:

Математика – аркуш – школа – абетка – азбука – ...
Карандаш – шиш – рюкзак – китап – парта – ...

Завдання 2. «Вчимося думати філологічно». Мовна гра загострює мовне мислення.

Для студентів. Склади власний чайнворд лексичних понять, користуючись двома мовами: українською, російською (кримськотатарською).

Для учнів. Розгадай чайнворд, переклавши слова російською мовою (Рис.1).

1) Дієслово; 2) лексика; 3) антонім; 4) метонімія; 5) мова; 6) клас; 7) склад; 8) голосний; 9) називний відмінок (...падеж); 10) іменник (...существительное); 11) явище; 12) одиниця (...число).

Список літератури

1. Витгенштейн Л. Философские исследования /Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 79 – 128.

2. Девлетов Р.Р. Трилінгвальне навчання в педагогічних навчальних закладах України / Р.Р. Девлетов. – Сімферополь: Оджакъ, 2011. – 340 с.

3. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 320 с.

Подольская И.А., Литвинов А.В. О проблеме формирования переводческой компетенции у студентов нефилологического профиля обучения. // [Электронный ресурс] // Режим доступа – <http://www.nop-dipo.ru/node/271>

Суханкина Ел.Н. Вопросы языковой игры в преподавании русского языка как неродного// Материалы Международной конференции и VII международного научно-практического семинара «Многоязычие и межкультурная коммуникация: вызовы XXI века». – Прага, 2013г.

Фалькович Ю.В. Организационно-педагогические условия формирования переводческой компетенции студентов: Дисс. канд.пед.наук: 13.00.08 / Ю.В. Фалькович. – Томск, 2010. – 225 с.

Асанова А. Е. Языковая игра как прием формирования переводческой компетенции будущего учителя украинского языка в начальной школе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 170-175

В статье рассматривается роль языковой игры в формировании переводческой компетенции будущих учителей украинского языка в начальной школе; раскрывается содержание понятий переводческая компетенция учителя и языковая игра; описывается система языковых игр. Дидактический материал отражает методическую целесообразность его применения на уроках украинского языка в школах с крымскотатарским языком обучения, а также при преподавании дисциплин «Методика учебного перевода», «Методика преподавания украинского языка в начальной школе» на специальности «Начальное образование».

Ключевые слова: компетентность, переводческая компетенция учителя, языковая игра, лингводидактическая подготовка студентов.

Asanova A. E. Game as language translation competence reception of forming the future teachers of ukrainian language in primary school // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.170-175

The article examines the role of language play in forming the translation competence of future teachers of Ukrainian language primary school, disclosed the contents of concepts interpreter's competence teachers and language game, describes a system of language games.

Expediency of the use of language games in the formation of translation competence due to the fact that this methodical approach creates a very natural situation of communication between the participants. Language game also gives you the opportunity to learn a new lexical material in everyday situations, increasing the efficiency of the parallel learning of several languages, promotes the absorption of the studied material, the early retention of information, activates mental activity and the students' attention, stimulate it, causing the need to talk. Furthermore, casual game form promotes removal of language barriers, making the task of creating statements of purely theoretical in communicative.

Мовна гра як прийом формування перекладацької компетенції...

Didactic material presented consists of two parts: for students and for younger students. Tasks can use the lessons of the Ukrainian language in schools with the Crimean Tatar language of instruction, as well as teaching “Methods of educational translation”, “Methods of teaching the Ukrainian language in primary school” specialties “Primary education” in higher education institutions.

Key words: *competence, translation competence of teacher, language game, lingvodidactic prepare of students.*

Поступила до редакції 10.05. 2014 р.

УДК: 371.13:37.034:81'246.3

**Лингвопедагогические условия подготовки будущих учителей
начальных классов к проведению словарной работы**

Девлетов Р.Р.

*Крымский научно-методический центр управления образованием,
г. Симферополь, Республика Крым
remzidevletov@mail.ru*

Особенности профессиональной подготовки будущего учителя начальных классов в полилингвальном, поликультурном регионе требуют поиска решений таких проблем, как формирование методической, лингвистической, педагогической компетентности. Наряду с этими проблемами актуализируются вопросы, связанные с созданием оптимальных условий реализации профессиональной деятельности учителя на уроках языкового цикла. В данной статье рассматриваются лингвопедагогические основы подготовки студентов педагогических высших учебных заведений к проведению языковой и синхронно воспитательной работы в процессе развития речи учащихся на уроках русского, украинского и крымскотатарского языков.

Ключевые слова: лингвопедагогика, нанолингводидактика, профессиональная подготовка, словарная работа, направления лексической работы в начальной школе, воспитание нравственных качеств личности.

Постановка проблемы. Педагогическая деятельность учителя начальных классов отражает как общее назначение учителя, так и тот особый социальный заказ на формирование нравственных ценностей личности, который обусловлен спецификой начальной школы и современными требованиями к ней.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Определенный опыт решения данной проблемы накоплен в современной теории и практике. Учитывая негативный фактор снижения интереса к изучению языков в школе и актуальность формирования нравственных ценностей у школьников ведущие ученые Е. В. Архипова, М. Т. Баранов, Е.Л.Быстрова, В. Г. Горецкий, Н. И. Жинкин, С. Ф. Жуйков, Л. В. Занков, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов, Н. И. Политова, Т. Г. Рамзаева, М. С. Соловейчик, Л.П. Федоренко, Г.А Фомичева обращали внимание данным проблемам. Проблеме подготовки педагога, владеющего инновационными технологиями, лингвопедагогически подготовленного посвятили свои работы В.П. Беспалько, Н.В. Гавриш, И.Ф. Гудзик, К.Л. Крутий, Н.В. Кузьмина, А.В. Мудрик, И.М.Румянцева, И.А. Шаповалова.

Проблеме исследования подготовки учителя начальных классов, проведению словарной работы среди младших школьников посвящены исследования В.И. Бадер, Л.А. Гаппоева, М.Р. Львова, Е.Н. Потаповой, Т.Г. Рамзаевой, С.А. Скворцовой, М.С. Соловейчик, О.Н. Хорошковой, Л.В. Халяпиной и др.

Целью нашей статьи является выявление лингвопедагогических условий, эффективно влияющих на подготовку будущих учителей начальных классов к синхронному проведению лексической и воспитательной работы на уроках языкового цикла.

Полностью выполнить свое предназначение учитель может только тогда, когда он обладает определенными профессионально-личностными качествами, или профессиональной пригодностью к избранному труду [1, с.93].

Компонентами перечисленных качеств являются: методическая подготовка (умение использовать приёмы и навыки работы проведения словарной работы умение эффективно управлять этим процессом на уроках языкового цикла); лингводидактическая подготовка; лексикографическая подготовка; коммуникативная подготовка, переводческая компетентность и педагогическая подготовка.

По результатам исследований Ю.П. Вавилова, К.М. Гуревич, В.А. Кан-Калик, Н.В. Кузьминой, А.Н. Леонтьева, А.К. Марковой и др., общую структуру профессионально важных качеств учителя можно представить в таком виде:

- высокие нравственные и гражданские качества;
- педагогическая направленность личности как интегральное качество, включающее в свою подструктуру интерес и склонность к педагогическому труду, любовь к детям и ориентацию на воспитание личности ученика;
- педагогическая подготовленность или профессиональную компетентность, педагогическое творчество.
- педагогические способности, в частности, дидактические, академические, перцептивные, организаторские, экспрессивно-речевые, коммуникативные, рефлексивные, управленческие, волевые, актерские (элементы), суггестивные, проективные, конструктивные, творческие и др. [4].

В профессиональном обучении студентов – будущих учителей нужно формировать гибкость мышления, умение диагностировать и прогнозировать развитие учащихся, предвидеть результаты своих действий, умение не только ставить педагогические цели, но и добиваться их оптимальным способом.

Качественно новый этап развития лингводидактики, который опирается на коммуникативно, компетентно ориентированные отрасли знания, формирующие и развивающие поликультурную, полилингвальную языковую личность аргументирует переосмысление целого ряда основополагающих понятий, обслуживающих языковую образовательную парадигму.

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема налаживания интегративных связей как предметов разных циклов, так и внутрипредметных взаимодействий. Исследованиями таких взаимосвязей в последние годы занимается новая научная дисциплина – нанолингводидактика.

Нанолингводидактика – это междисциплинарная область фундаментальной и прикладной науки, имеющая дело с совокупностью теоретического обоснования, практических методов и приемов исследования, а также технологии их применения в процессе обучения и усвоения языка путем манипулирования отдельными атомами и молекулами взаимодействующих отраслей знания. [2, с.135]

Лингводидактика как термин введен Н.М. Шанским в 1977 г. и традиционно определяется как *linguo* – язык, *didaktikos* – обучать [9, с. 127]. Будучи прикладной наукой, направляет свое исследовательское влияние исключительно на изучение языковых фактов и явлений и их усвоения. Доминанту лингводидактики, на наш взгляд, составляет разработка наиболее эффективных методик и стратегий обучения и усвоения языков с целью создания языковой личности глобального масштаба.

При нанолингводидактическом подходе к теории и практике языкового образования мы можем выделить *лингвопедагогику*.

В центре внимания лингвопедагогики находятся проблемы коммуникативного развития личности и формирования ценностных качеств личности (нравственных, эстетических, духовных и пр.), а также языковой картины мира.

Изыясняясь лингводидактической речью, мы можем утверждать, что освоение лексических единиц изучаемого языка теснейшим образом связано с формированием специфического ментального сознания личности, в которой концентрируются общественно и индивидуально значимые ценности носителей языка и речи.

Дополняя мысль известного философа, психолингвиста, языковеда Н.И. Жинкина о том, что язык и речь он назвал структурами «комплементарными», т.е. эти два явления спаяны друг с другом как атомы одной молекулы [8, с.136], мы можем утверждать: обучение языку и воспитание личности – это также два атома одной молекулы.

Безусловно, естественным при таком подходе становится факт о том, что лингвопедагогические методики обучения языкам должны учитывать достижения и интересы педагогической, психолингвистической, лингвистической, лингводидактической наук. И главное – должно учитываться достижение конечного образовательного и воспитательного результата изучения языка – овладение языковой системой осуществляется с воспитанием конкретных качеств личности.

Таким образом, монопредметная область учебной дисциплины утрачивает свое распространенное в практике работы преподавателей значение самоцели и в основу обучения и изучения закладывается цель субъектного саморазвития обучаемых и обучающихся, осмысливающих результат своей деятельности, определяемый степенью достижения своего интеллектуального саморазвития через «атомарные» знания.

С точки зрения лингвопедагогики самым активным действием в языковом обучении становится триединство работы учителя: усвоение лингвистического материала → осознание учеником усвоенного → применение в коммуникативных целях.

Успешная реализация перечисленных стратегий языковой личностью предопределяется гибким владением системой языковых средств, которые обеспечивают создание различных типов высказываний в устной и письменной формах.

Лингвопедагогику нужно рассматривать как фундамент профессиональной компетентности учителя начальной школы. Она характеризуется интегративным единством гуманитарных, психолого-педагогических, лингвистических и методических знаний и умений, позволяющих учителю анализировать и использовать языковой и речевой учебный материал, педагогические ситуации, выбирать способы взаимодействия, формы и методы реализации словарной работы в аспекте решения воспитательных задач.

Профессиональная подготовка студентов невозможна без знания того, что важнейшее значение в формировании таких способностей принадлежит начальной школе. Целенаправленная лексическая работа по развитию речи в начальной школе осуществляется в двух направлениях:

- на уроках русского, украинского, крымскотатарского языков и развития речи, где языки являются предметом и средством обучения;
- на уроках, где изучаемый язык функционирует лишь как средство обучения.

Поскольку средством обучения и источником необходимой информации, прежде всего, является речь, то основной перечень общеучебных (то есть таких, которые, будучи выработанными в одном виде, могут использоваться при выполнении других видов) умений непосредственно соотноситься с формированием у учащихся навыков отбора и исправления слов в речи.

В развитии речи выделяются три линии: работа над словом (лексический уровень), работа над словосочетанием и предложением (синтаксический уровень), работа над связной речью (уровень текста). Все эти линии, по мнению М. Р. Львова, «развиваются параллельно, хотя они находятся в то же время и в подчинительных отношениях:

словарная работа дает материал для предложений, для связной речи; при подготовке к рассказу, сочинению проводится работа над словом и предложением» [6, с. 5].

Традиционная лингвометодика начальной школы в проведении лексической работы опирается на труды Т.Г. Рамзаевой, Н.Н. Светловской. Как известно, эта работа должна вестись в 4-х направлениях: 1) обогащение словарного запаса; 2) активизация словарного запаса; 3) уточнение словарного запаса; 4) устранение нелитературных слов [5, с.56].

В предыдущих наших исследованиях мы писали о том, что модернизация словарной работы в начальной школе требует некоторой корректировки основных направлений. Особенно такая корректировка необходима в условиях синхронного изучения нескольких языков, т.е. в условиях учебного би- и мультилингвизма.

Рассматривая лингвопедагогический аспект подготовки будущих учителей в трилингвальной полиэтнической и поликультурной среде, актуальным, на наш взгляд, становится выделение таких направлений лексической работы, как 1) работа с учебными дву- и трехязычными словарями; 2) воспитательная работа в процессе выполнения лексических упражнений.

Практическая реализация лингвопедагогической подготовки студентов в процессе усвоения дисциплин лингводидактического цикла может быть осуществлена через формирование у них знаний и умений проводить словарную работу на лексике, обслуживающей нравственные, гуманистические качества личности [3].

К таким упражнениям можно отнести:

1. Задания и упражнения на обогащение словарного запаса:

1. Выяснение значения нового слова по справочным материалам.
2. Объяснение значения слова путем подбора иллюстрации.
3. Замена объясняемого слова его синонимом.
4. Подбор антонимической пары.
5. Толкование.

2. Задания и упражнения на активизацию словарного запаса:

1. Перенесение слов из пассивного словаря в активный словарь.
2. Словообразовательный анализ слова и на этой основе выяснение его значения (или оттенка значения).

3. Сопоставление слова с другими словами с целью выяснения различий, для разграничения значений паронимов, омонимов, многозначных слов и т.д.

4. Опора на контекст.
5. Самостоятельное включение нового слова в иной контекст.

3. Задания и упражнения на уточнение словарного запаса:

1. Уточнение их значений путем включения в контекст.
2. Сопоставление близких по значению слов и противопоставление антонимов.
3. Сравнение значений и употребление паронимов и т. п.
4. Усвоение лексической сочетаемости слов, в том числе во фразеологических единицах.

5. Усвоение иносказательных значений слова, многозначность.

4. Задания и упражнения, направленные на воспитание нравственных качеств:

1. Нахождение в тексте терминов нравственных качеств (перенесение слов из активного словаря в пассивный).

2. Запоминание толкования значения слов (например, «патриот», «доброжелательный», «уважительный», «толерантный»)

3. Составление диалога с использованием формул речевого этикета из русского, украинского и крымскотатарского языков.

4. Объяснение значения толкования слов, образующих словообразовательное гнездо.

5. Сравнение значения терминов (например, «благодарный», «аккуратный» и «добронравный» в русском, украинском и крымскотатарском языках).

5. *Задания и упражнения на работу с учебными дву- и трехязычными словарями:*

1. Устные упражнения в отыскивании в словаре слов.

2. Выписывание из словаря слов по определённым смысловым, грамматическим и прочим признакам (на тему "добро", "справедливость", «патриотизм» и пр.).

3. Списывание нравственных терминов и понятий с пропущенными буквами с заданием проверить написание по словарю.

4. Упражнения в составлении словосочетаний и предложений с изучаемыми словами.

6. Выписать из словаря толкование значений на тему «жадность», «приветливость», «жизнелюбие».

7. Найти нужное слово и вставить его в предложение.

8. Составление предложений с определёнными терминами и понятиями.

9. Использование словаря при написании сочинения, изложения, пересказа, описания нравственных качеств личности (при составлении характеристики, устного рассказа).

10. Выписать словообразовательный ряд из словаря на заданную тему (например, «душа», «зависть», «зло» и пр.);

11. Дописывание пропущенных слов в предложении или в тексте.

12. Найти общее и различное в толковании слов.

13. Найти часть слова, которая вносит противоположное значение данному слову (грамотный - безграмотный, друг – недруг, душевный - бездушный).

Методически целесообразным в условиях учебного трилингвизма использование учебного перевода, который может реализовываться при помощи использования следующих формулировок заданий:

1. Найди соответствия в украинском и крымскотатарском языках.

2. Переведи данный термин/понятие на русский/украинский/крымскотатарский язык.

Выводы. Таким образом, важными условиями профессиональной подготовки будущего учителя начальных классов является: 1) усвоение им как лингвистических, так и педагогических знаний, умений и навыков проведения лексической работы; 2) успешность словарной и воспитательной работ возможна на материале использования трехязычного лингвопедагогического словаря нравственных терминов; 3) необходимым условием эффективной профессиональной подготовки студентов к синхронной реализации лингвистической и воспитательной деятельности на уроках языкового цикла может служить обеспечение учебного процесса комплексом специфических лексических заданий и упражнений.

Список литературы

1. Гуревич К. М. Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы / К.М. Гуревич. – М.: Наука, 1970. – 272 с.

2. Девлетов Р.Р. Предметно ориентированное многоязычное образование и обучение в контексте поликультурных ценностей социума / Р.Р. Девлетов // Цінності сучасної освіти в інформаційному вимірі сьогодні / За заг. ред. Є.О.Лодатка, М.І. Лук'янової. - Артемівск – Ульяновск : Изд-во Б.И. Маторина, 2013. – 308 с., С. 132-140.

3. Девлетов Р.Р. Русско-украинский толковый словарь гуманистических и общечеловеческих ценностей / Р.Р. Девлетов, Н.А. Бондаренко. – Симферополь: Оджакъ, 2010. – 144 с.

4. Кузьмина Н. В. Структура коммуникативных способностей учителя / Кузьмина Н. В. – М., 1993. – 285 с.

5. Львов М. Р. Методика обучения русскому языку в начальных классах / М.Р. Львов, Т.Г. Рамзаева, Н. Н. Светловская. – М.: Просвещение, 1987. – 316 с.
6. Львов М.Р. Методика развития речи младших школьников: Пособие для учителя / М.Р. Львов. – М.: Просвещение, 1985. – 236 с.
7. Методика преподавания грамматики, правописания и развития речи / Учебно-методическое пособие для преподавателей и студентов педагогических учебных заведений. Составитель Сальникова Т. П. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: НТО, "МСЮРК", 1996 – 312 с.
8. Румянцева И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология / И.М. Румянцева. – М.: ПЭР СЭ; Логос, 2004. – 319 с.: ил.
9. Шанский Н.М. Русское языкознание и лингводидактика / Н.М. Шанский. – М.: Русский язык, 1985. – 142 с.

Девлетов Р.Р. Лингвопедагогічні умови підготовки майбутніх учителів початкових класів до проведення словникової роботи // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.176-181
Особливості професійної підготовки майбутнього вчителя початкових класів у полілінгвальному, полікультурному регіоні вимагають пошуку рішень таких проблем, як формування методичної, лінгвістичної, педагогічної компетентності. Поряд з цими проблемами актуалізуються питання, пов'язані із створенням оптимальних умов реалізації професійної діяльності вчителя на уроках мовного циклу. У даній статті розглядаються лінгвопедагогічні засади підготовки студентів педагогічних вищих навчальних закладів до проведення мовної та синхронно виховної роботи в процесі розвитку мовлення учнів на уроках російської, української та кримськотатарської мов.

Ключові слова: лінгвопедагогіка, нанолінгводидактика, професійна підготовка, словникова робота, напрямки лексичної роботи в початковій школі, виховання моральних якостей особистості.

Devletov R.R. Lingvopedagogical conditions of preparing of future elementary school teachers for vocabulary work // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.176-181

Features professional training of primary school teachers in polilingvual, multicultural region require finding solutions to problems such as the forming of methodological, linguistic, pedagogical competence. Along with these problems it is important to say about such questions as creation of optimal conditions for the implementation of the professional work of the teacher at linguistic cycle lessons. This article discusses the basics of preparing students of higher pedagogical establishments for conduction the synchronous language and educational work. There are a description of main ways of lexical work in language system of teaching, such as the enrichment of vocabulary, activation of vocabulary, clarification of the vocabulary, elimination of non-literary words. In our opinion, the work with linguopedagogical training dictionaries could be effective for development the speech of primary school pupils at lessons of Russian, Ukrainian and Crimean tatar languages. So, exercises which would be useful in lingvopedagogical preparing of future elementary school teachers for vocabulary work are proposed in the article.

Key words: linguopedagogik, nanolingvuodidaktic, professional preparing, vocabulary work, directions of lexical work in an elementary school, bringing up of person's moral qualities.

Поступила в редакцію 08.05.2014 г.

УДК 811.161.1'42

**О целесообразности спецкурса по лингвоимагологии в системе
подготовки филолога и журналиста**

Иванова Л. П.

*Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова
(г. Киев)
lupiv@mail.ru*

В статье обосновывается целесообразность курса лингвоимагологии в подготовке современных филологов и журналистов. Объект лингвоимагологии – вербальное воплощение образа народа или страны в языковом сознании представителей другого народа или страны. Предмет – оценка, стереотипы, прецедентные феномены, паралингвистическая ситуация, исторические события и их участники и др. Материалом служат эпистолярный, мемуары, художественные тексты. Методы – описательный и сравнительный. В качестве примера анализируется видение городов Европы (прежде всего Италии) Н. С. Гумилевым, что является вариантом национального восприятия – инварианта.

Людам во все времена был интересен мир дальних стран и народы, в них живущие. Чтобы закрепить свои впечатления, писались дневники, заметки, слагались стихи. Одним из первых произведений такого рода было «Хождение за три моря Афанасия Никитина». Не остались в стороне представители других видов искусств: музыканты (Бородин, Римский-Корсаков и др.) художники (Верещагин, Иванов и мн. др.).

В современном все более глобализирующемся мире благодаря развитию науки, техники, средств связи народы стали ближе друг другу, поэтому закономерно возникают вопросы: Какие мы? Как нас видят другие? Что за народы и страны нас окружают? Ответы на данные вопросы призвано дать новое направление языкознания – лингвоимагология.

Указанное направление восходит к имагологии – области сравнительного литературоведения, изучающего имидж (отсюда термин имагология) одного народа и страны в глазах другого народа и страны. Как правило, такое изучение должно быть зеркальным, например, фундаментальный труд В. В. Орехова носит название «Миф о России во французской литературе первой половины XIX века» (Симферополь, 2008), в приложении приводится подстрочный перевод поэмы В. Гюго «Мазепа» и Э. Дибро «Ты помнишь ли?».

Всякий образ, в том числе и народа, обязательно вербализируется, что дало основание для создания лингвоимагологии. Согласно канонам наукологии, направление имеет право на существование, когда у него есть собственный объект, предмет и метод.

Объект лингвоимагологии – вербальное воплощение образа народа или страны в языковом сознании представителей другого народа или страны.

Может возникнуть вопрос о том, насколько репрезентативны данные, извлеченные из произведений одного автора. В данном случае есть смысл обратиться к теории инварианта и вариантов (В. М. Солнцев). Индивидуальное видение – это вариант,

в котором воплощен инвариант – видение народа, к которому принадлежит автор. Не случайно великий В. фон Гумбольдт подчеркивал, что мировоззрение народа складывается из мировоззрений составляющих его индивидов, а эта общность обусловлена прежде всего общим для всех языком.

С другой стороны, Н. В. Гоголь утверждал: «... истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами» [2; 34-35].

В качестве иллюстрации данного положения рассмотрим фрагмент рассказа И. А. Бунина «Кавказ».

«Вот к нашему освещенному окну сбежалась целая стая их [чекалок – Л. И.], – они всегда сбегаются в такие ночи к жилью, – мы открыли окно и смотрели на них сверху, а они стояли под блестящим ливнем и тьякали, просились к нам... она радостно плакала, глядя на них» [1; 16]. Отметим: у В. И. Даля, И. А. Бунина чекалками именуется шакалы. Известно, что шакал – самое презираемое животное на Кавказе, сравнение с ним для горца оскорбительно, поэтому никто из жителей Кавказа не будет умиляться до слез, глядя на шакалов.

В следующей цитате отражается взгляд русского человека на типичный кавказский быт: «Назад я проходил по знойному и пахнущему из труб горящим кизяком базару нашей деревни: там кипела торговля, было тесно от народа, от верховых лошадей и осликов, – по утрам съезжалось туда на базар множество разноплеменных горцев, – плавно ходили черкешенки в черных длинных до земли одеждах, в красных чувяках, с закутанными во что-то черное головами, быстрыми птичьими взглядами, мелькавшими порой из этой траурной закутанности» [1; 15].

В описании используется ряд привычных экзотизмов: кизяк, чувяки, черкешенки, однако селение названо по-русски деревней, одеяние черкешенок обозначено самым общим родовым названием одежда, головы их закутаны во что-то черное, местоимение указывает на неопределенность номинации. Черное убранство как траурное воспринимается не кавказцем (там этот цвет одежды, скорее всего под влиянием ислама, традиционен). Обращает на себя внимание уменьшительно-ласкательный суффикс -ик- в слове ослик: русскому человеку жалко маленькое животное, которое, в соответствии с кавказскими обычаями, перевозит большие грузы. «Быстрые птичьихи взгляды» черкешенок – характеристика скорее положительная, потому что сравнение с птицей в русской мифологии, русском национальном сознании не может быть отрицательным, так как птица связывается с душой человека, которая отлетает после его смерти и возвращается к живым в виде птицы.

Что же может быть инвариантным в такого рода описаниях? Мы рассмотрели тексты самых разных русских авторов в разные отрезки времени (от Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и до наших дней), что дает основание утверждать: взгляд русского человека на разные страны и народы неизменно заинтересованный и доброжелательный, обязательно присутствует элемент сравнения с жизнью отечества. Неизменно чувство собственного достоинства. Так, А. С. Пушкин пишет о русском крестьянине: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют un badaud (ротозейство – фр.), никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В

России нет человека, который бы не имел собственного жилища... Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню, умывается по несколько раз в день» [5; 396]. Такая опрятность не была присуща даже высшему свету Запада того периода.

Обратимся к предмету лингвоимагологии. Прежде всего, это оценка (все ее виды, на первых порах – логическая). Приведем примеры из поэзии Н. С. Гумилева. Оцениваться могут *архитектурные сооружения* (о соборе в Падуе: «Да, этот храм и дивен и печален, Он – искушение, радость и гроза»), *представители этносов* («Свирепый гунн»), *выдающиеся личности* («Пускай велик небесный Рафаэль, Любимец бога скал, Буанаротти, Да Винчи, колдовской вкусивший хмель, Челлини, давший бронзе тайну плоти»), *страна в целом* («Судьба Италии в судьбе Ее торжественных поэтов»), *ее животный мир* («И пошла... Посмотреть ручного кенгуру. Он срывал пучки смолистых игол, Глупый, для чего-то их жевал И смешно, смешно ко мне запрыгал И еще смешнее закричал»), *ландшафт* («Здравствуй, Красное море, акуля уха, негритянская ванна, песчаный котел!»), *растения* («Снова увидим священные пальмы»).

Предметом анализа могут быть *стереотипы* («И нежные задумчивые леди»; «Кровь лиловая немцев, голубая – французов, и славянская красная кровь»), *прецедентные феномены* (имена (Наполеон), события (Великая Отечественная война), высказывания («Хотели как лучше, а вышло как всегда»)), *паралингвистическая ситуация, исторические события и их участники* («А вы, королевские псы, флибустьеры»), *легенды* («Не правда ль, ты их любила [волчица Ромула и Рема – основателей Рима] Как маленьких, встарь...»), *целые континенты*.

Рассмотрим, как представлена Европа в творчестве Н.С.Гумилева (по степени упоминаемости): 1) города (14), 2) выдающиеся личности (8), страны (7), люди (4), водоемы (4), национальности (3), острова (2), вулканы (1), регион (1). В данной статье обратимся к наиболее упоминаемой группе – городам.

За исключением Константинополя, только половина которого находится в Европе, все остальные города итальянские. Прежде всего это Рим (4 уп.). С одной стороны, это «город, как солнце» (в русском языковом сознании оценка абсолютно положительная), с другой стороны – у него звериная сущность, с третьей – святые и грешные папы: «Ромул сказал: «Здесь будет город». «Город, как солнце», – ответил Рем» [3, с. 94]; «Я праздную день мой в веселой столице!» [3, с. 169]; «Не правда ль, ты их любила (волчица Ромула и Рема – Л. И.), Как маленьких, встарь, когда Рыча от бранного пыла, Сжигали они города... Волчица, твой город тот же...», «И город цезарей дивных, Святых и великих пап, Он крепок следом призывных, Косматых звериных лап» [3, с. 197]; «Причудливей, чем Рим при грешных папах» [3, с. 340].

Венеция (1 уп.) видится традиционно: волшебство, красота: «Город, как голос наяды, В призрачно-светлом былом, Кружев узорней аркады, Воды застыли стеклом» [3, с. 192].

Сиена, Каррара славны своим мрамором – материалом для прекрасных скульптур. Сиена (1 уп.): «О, янтарный мрамор Сиены!» [3, с. 200]. Каррара (1 уп.): «И молочно-белый (мрамор – Л. И.) Каррары» [3, с. 200].

Сиракузы (2 уп.) известны бронзовыми памятниками и вином: «Сквозь бронзу Сиракуз Глядится надменный облик муз» [3, с. 165]; «Петроний, ты морщишься? Будь я повешен, коль ты недоволен моим сиракузским!» [3, с. 169].

Русский поэт восхищен архитектурой итальянских городов.

Падуя (1 уп.): «Готические башни, словно крылья, Католицизм в лазури распростер!» [3, с. 208]. Обратим внимание на веротерпимость автора: католицизм, несмотря на традиционно сложные его отношения с православием, никак не оценивается, чего не скажешь о папах.

Генуя (1 уп.): «В Генуе, в палаццо дождей Есть старинные картины, На которых странно схожи С лебедями бригантины» [3, с. 217] – приморский город привлекает поэта живописью, связанной с морем.

Болонья (1 уп.) – университетский город, пронизанный наукой, любовью и весельем: «Нет воды вкуснее, чем в Романье, Нет прекрасней женщин, чем в Болонье, В лунной мгле разносятся признанья, От цветов струится благовонье» ... «И они придут до света С мудрой думой о Юстиниане К темной двери университета, Векового логовища знаний» ... «Старый доктор... Но и он порой волочит ноги По веселым улицам Болоньи» [3, с. 220].

В Неаполе (1 уп.) прекрасный старинный собор и неизменная грязь: «Как эмаль, сверкает море, И багряные закаты На готическом соборе, Словно гарпии, крылаты; Но какой античной грязью Полон город» [3, с. 222]; «Пахнет рыбой, и лимоном, И духами парижанки!» ... «А за кучею навоза Два косматых старика режут хлеб...», «Где засела малярия С желтым бешеным лицом» [3, с. 223].

Константинополь (1 уп.) портовый город, хранящий, тем не менее, мусульманские традиции: «Еще близ порта орали хором Матросы, требуя вина, А над Стамбулом и над Босфором Сверкнула полная луна. Сегодня ночью на дно залива Швырнут неверную жену, Жену, что слишком была красива и походила на луну» [3, с. 146]. Несоответствие топонимов объясняется тем, что в тексте говорится о Стамбуле, стихотворение же называется «Константинополь».

Таким образом, оценки Н. С. Гумилева во многом традиционны: восхищение искусством, красотой, природой Италии, уважение к ее древним университетам, но в то же время умение подметить сложности. Интересно, что Рим поэт видит сквозь призму мифа о происхождении вечного города: волчица и два младенца – Ромул и Рем. По нашим наблюдениям, оценка характеризует не только оцениваемое, но и в большей мере оценивающего. С этой точки зрения русский поэт предстает человеком внимательным, безусловно талантливым, эрудированным и доброжелательным.

Россию и Италию связывали непростые отношения: итальянские легионы воевали против нашей страны еще в составе войск Наполеона, пятнадцатитысячный сардинский корпус высадился в районе Севастополя во время русско-турецкой войны 1853–1854 гг., итальянские войска были противниками советских войск во время Великой Отечественной войны, в частности, на Украине. Вопреки указанным фактам никакой ненависти и даже неприязни нет. Наши современники, пусть не в такой яркой художественной форме, как Н. С. Гумилев, видят солнечную Италию прекрасной, восхищаясь ее культурой и искусством, хотя грязь в Неаполе стала социальной проблемой этого города.

Учитывая сказанное, очень интересно было бы проследить, как видят нас итальянцы. Думается, текстов, посвященных нашей стране и нашему народу, в Италии значительно меньше, чем у нас, однако проблема актуальна и заслуживает изучения в рамках нарождающейся науки лингвоимагологии.

Подчеркнем, что перечень проблем не конечен, лингвоимагология находится в стадии становления, поэтому возможно и необходимо ее дальнейшее развитие.

Методами лингвоимагологии являются описательный и сравнительный.

Закономерно возникает вопрос о материале для анализа. Литературоведы исследуют мемуары и публицистику. Мы считаем необходимым обратиться, помимо указанных источников, к историографии, путевым заметкам и, конечно, художественным текстам, потому что поэт может увидеть мир самым неожиданным образом: «И такие смешные верблюды, С телом рыб и головками змей, Как огромные, древние чуда Из глубин пышноцветных морей» (Н. С. Гумилев).

И еще один важный момент: видение народа и страны в течение времени может меняться. Так, например, в творчестве Н. С. Гумилева, на тексты из произведений

которого мы опирались, флибустьеры описываются романтически-положительно, современная их оценка иная. Для полноты представления исторический аспект очень важен. Не случайно Ю. М. Лотман подчеркивал: «Прошлые состояния культуры постоянно забрасывают в ее будущее свои обломки: тексты, фрагменты, отдельные имена и памятники. Каждый их этих элементов имеет свой объем «памяти», каждый из контекстов, в который он включается, аккумулирует некоторую степень его глубины» [4; 621].

Лингвоимагология тесно соприкасается с этнолингвистикой, лингвокультурологией, литературоведением, межкультурной коммуникацией, когнитивной лингвистикой, историей, в некоторой степени географией и политологией, но наиболее она близка стилистике, поскольку, как следует из названия, актуальна именно лингвистическая интерпретация образа другой страны и ее народа. Проблеме образа посвящена большая литературоведческая литература, но языковеды тоже не обошли ее стороной.

Опираясь на изложенное выше, предложим в самых общих чертах перечень проблем, которые целесообразно рассмотреть в спецкурсе, посвященном лингвоимагологии: I. Лингвоимагология как новое направление языкознания: 1) объект, предмет, метод, материал; 2) отграничение от смежных наук; 3) проблема образа. II. Видение чужой страны и ее народа в текстах определенного автора, например, выдающимся поэтом и страстным путешественником Н. С. Гумилевым (страны в целом, города, животный и растительный мир, традиции и нравы Азии, Европы, Африки), Н.В.Гоголем, Н.М.Карамзиным и др. III. Ретроспективный анализ. Например, Кавказ в художественных текстах XVIII – XIX вв. (Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой); XX в. (И. А. Бунин, А. И. Приставкин, Б. Ахмадулина). IV. Самооценка своей страны и своего народа (Д. С. Мережковский, Г. Белль). Естественно, перечень стран и авторов можно расширять до бесконечности.

Таким образом, в ходе изучения лингвоимагологии у студента формируется новый взгляд на другие страны и народы – заинтересованный, уважительный. Узнав о традициях общения родного народа с другим, студенту будет легче знакомиться с новыми странами. Одна из главных задач спецкурса – сформировать у слушателей толерантное отношение к иным народам и государствам. Все указанное представляется очень важным в подготовке эрудированного патриотически настроенного филолога, журналиста, уважительно относящегося к другим народам и странам.

Список литературы

1. Бунин И. А. Темные аллеи. Рассказы. 1931 – 1952. Собрание сочинений в 9-ти томах, т. 7. – М. : «Художественная литература», 1966. – 399 с.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 6 томах, т.6. Избранные статьи и письма. «Государственное издательство художественной литературы. – М., 1950. – 359 с.
3. Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии. – М.: «Художественная литература, 1990. – 447 с.
4. Лотман Ю. М. Семиосфера. / Ю. М. Лотман – С.Петербург : «Искусство – СПб», 2001. – 701 с.
5. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах, т. VI. Критика и публицистика. – М., 1962. – 590 с.

Иванова Л. П. Про доцільність спецкурсу з лінгвоімагології у системі підготовки філолога та журналіста // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.182-187

У статті обґрунтовується доцільність курсу лінгвоімагології у підготовці сучасних філологів і журналістів. Об'єкт лінгвоімагології – вербальне втілення образу народу чи держави в мовній свідомості представників іншого народу чи держави. Предмет – оцінка, стереотипи, прецедентні феномени, паралінгвістична ситуація, історичні події та їх учасники та ін. Матеріалом слугують епістолярій, мемуари, путшові нотатки, художні тексти. Методи – описовий та порівняльний. Як приклад аналізується бачення міст Європи (насамперед Італії) Н. С. Гумільовим, що є варіантом національного сприйняття – інваріанта.

Ivanova L. On the problem of the special course of lingvoimagology in the system preparation of philologists and a journalists // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.182-187

The article explains the appropriateness of the course of lingvoimagology in preparation system of modern philologists and journalists. The object of lingvoimagology is a verbal presentation of the image of a country or the people in the linguistic consciousness of other peoples. The subject is evaluation (cities, architecture, outstanding personalities, some people (nation), its representatives and a country as a whole, its landscape, also as geographical, political, cultural and social formation), stereotypes, precedent phenomena, paralinguistic situation, historical events and their participants and so on. The material for lingvoimagological analysis can be taken from itinerary, letters, literary texts, memoirs. Methods are descriptive and comparative ones. As an example, the N. Gumilev's perception of European cities (especially Italy) is analyzed that is a variant of the national perception that is an invariant.

Based on the foregoing, we will offer in the most general terms, a list of issues that are appropriate to consider in a special course of lingvoimagology: I. Lingvoimagology as a new branch of linguistics : 1) object , subject, method, material; 2) delimitation from adjacent sciences; 3) the problem of image. II . Vision of a foreign country and its people in the texts of a definite author, for example, in the works of the outstanding poet and a passionate traveler N. Gumilev (countries, cities, flora and fauna, traditions and customs of Asia, Europe, Africa), or N. Gogol, N. Karamzin etc. III. A retrospective analysis. For example, the Caucasus in the texts of XVIII – XIX centuries (G. Derzhavin, A. Pushkin, M. Lermontov, L. Tolstoy); XX-th century (I. Bunin, A. Pristavkin, B. Akhmadulina). IV. Self-esteem of one's country and people (D. Merezhkovskij, G. Bell). The list of authors and countries can be extended.

Поступила в редакцію 10.05.2014 г.

УДК 378.4:81'244.376.478

**Features of formation of secondary foreign language picture of the world
in the process of second foreign language learning in universities**

Kanibolotskaya O.

Запорізький національний університет, м. Запоріжжя, Україна

The article deals with the problems and peculiarities of the formation of secondary foreign language picture of the world in the process of the second foreign language learning in universities. The concept of «modern methods» in the context of learning foreign languages.

Keywords: *method, communicative competence, learning and teaching of second foreign language in universities.*

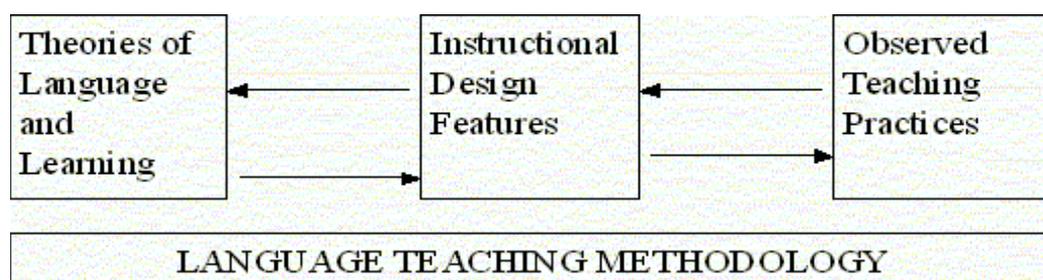
Past language teaching is associated with the – Age of Methods. The language teaching pendulum has swung away from grammar translation to the direct method, and then to alternative methods. Such shifts from one method to another only «provide ample inferential evidence of consecutive lack of success» [3, p. 127]. The result of such frustration was the shift from teacher to learner, from outside feeding theories to inside ones, from method-based top-down to teacher-based bottom-up approaches. Frustrated by lack of success through such shifts from one method to another, scholars faced – scatter-fire approaches to language teaching. The anti-method movement from beyond methods to teachers' sense of plausibility and finally to post method era is indicative of a shift in view from curriculum developer towards teacher and from teacher towards learner; teaching English is inclined to be fed from internal sources (internalization) instead of external sources (externalization). Internalization manifested in focusing more on learners' strategic ways of learning: teacher-learner mismatches in terms of cognitive, metacognitive and affective factors; as well as moderating self-initiation in heuristic learning. In this respect, Schunk [2] proposed six factors based on which learning issues are discussed and evaluated. These factors are about the way leaning occurs, factors affecting learning, the role of memory, the role of motivation, the role and mechanism of transfer, and the nature of learning anticipated by the theory. Based on these six points, he classified learning theories into three major epistemologically different paradigms of behavioral, cognitive, and constructive psychology and theories.

In learning languages, a distinction is usually made between mother tongues, second languages, and foreign languages. A mother tongue is the first language or languages one learns (or acquires) as a child. When immigrants come to a new country and learn the language of that country, they are learning a second language. On the other hand, when English-speaking students in the United States learn French or Spanish in school, or when Brazilians study English in Brazil, they are learning a foreign language. Many theories about the learning and teaching of languages have been proposed. These theories, normally influenced by developments in the fields of linguistics and psychology, have inspired many approaches to the teaching of second and foreign languages. The study of these theories and how they influence language teaching methodology today is called applied linguistics.

Language teaching came into its own as a profession in the last century. Central to this phenomenon was the emergence of the concept of «methods» of language teaching. The

method concept in language teaching – the notion of a systematic set of teaching practices based on a particular theory of language and language learning – is a powerful one and the quest for better methods was a preoccupation of teachers and applied linguists throughout the 20th century. Methodology in language teaching has been characterized in a variety of ways. A more or less classical formulation suggests that methodology is that which links theory and practice. Theory statements would include theories of what language is and how language is learned or, more specifically, theories of second language acquisition (SLA). Such theories are linked to various design features of language instruction. These design features might include stated objectives, syllabus specifications, and types of activities, roles of teachers, learners, materials, and so forth. Design features in turn are linked to actual teaching and learning practices as observed in the environments where language teaching and learning take place. This whole complex of elements defines language teaching methodology.

Figure 1. Language teaching methodology

Within methodology a distinction is often made between methods and approaches, in which methods are held to be fixed teaching systems with prescribed techniques and practices, whereas approaches represent language teaching philosophies that can be interpreted and applied in a variety of different ways in the classroom. This distinction is probably most usefully seen as defining a continuum of entities ranging from highly prescribed methods to loosely described approaches.

In the middle-methods period, a variety of methods were proclaimed as successors to the then prevailing Situational Language Teaching and Audio-Lingual methods. These alternatives were promoted under such titles as Silent Way, Suggestopedia, Community Language Learning, and Total Physical Response. In the 1980s, these methods in turn came to be overshadowed by more interactive views of language teaching, which collectively came to be known as Communicative Language Teaching (CLT). Communicative Language Teaching advocates subscribed to a broad set of principles such as these: learners learn a language through using it to communicate; authentic and meaningful communication should be the goal of classroom activities; fluency is an important dimension of communication; communication involves the integration of different language skills;

learning is a process of creative construction and involves trial and error. However, CLT advocates avoided prescribing the set of practices through which these principles could best be realized, thus putting CLT clearly on the approach rather than the method end of the spectrum. Communicative Language Teaching has spawned a number of off-shoots that share the same basic set of principles, but which spell out philosophical details or envision instructional practices in somewhat diverse ways. These CLT spin-off approaches include The Natural Approach, Cooperative Language Learning, Content-Based Teaching, and Task-Based Teaching.

It is difficult to describe these various methods briefly and yet fairly, and such a task is well beyond the scope of this paper. However, several up-to-date texts are available that do

detail differences and similarities among the many different approaches and methods that have been proposed. Perhaps it is possible to get a sense of the range of method proposals by looking at a synoptic view of the roles defined for teachers and learners within various methods. Such a synoptic (perhaps scanty) view can be seen in the following chart.

Figure 2. Methods and Teacher and Learner Roles

TEACHING METHODS AND TEACHER & LEARNER ROLES		
Method	Teacher Roles	Learner Roles
Situational Language Teaching	Context Setter Error Corrector	Imitator Memorizer
Audio-lingualism	Language Modeler Drill Leader	Pattern Practicer Accuracy Enthusiast
Communicative Language Teaching	Needs Analyst Task Designer	Improviser Negotiator
Total Physical Response	Commander Action Monitor	Order Taker Performer
Community Language Learning	Counselor Paraphraser	Collaborator Whole Person
The Natural Approach	Actor Props User	Guesser Immerser
Suggestopedia	Auto-hypnotist Authority Figure	Relaxer True-Believer

As suggested in the chart, some schools of methodology see the teacher as ideal language model and commander of classroom activity (e.g., Audio-Lingual Method, Natural Approach, Suggestopedia, Total Physical Response) whereas others see the teacher as background facilitator and classroom colleague to the learners (e.g., Communicative Language Teaching, Cooperative Language Learning).

There are other global issues to which spokespersons for the various methods and approaches respond in alternative ways. For example, should second language learning by adults be modeled on first language learning by students? One set of schools notes that first language acquisition is the only universally successful model of language learning we have, and thus that second language pedagogy must necessarily model itself on first language acquisition. An opposed view (e.g., Silent Way, Suggestopedia) observes that adults have different brains, interests, timing constraints, and learning environments than do children, and that adult classroom learning therefore has to be fashioned in a way quite dissimilar to the way in which nature fashions how first languages are learned by students.

The future is always uncertain, and this is no less true in anticipating methodological directions in second language teaching than in any other field. Some current predictions assume the carrying on and refinement of current trends; others appear a bit more science-fiction-like in their vision. Outlined below are 10 scenarios that are likely to shape the teaching of second languages in the next decades of the new millenium. These methodological candidates are given identifying labels in a somewhat tongue-in-cheek style, perhaps a bit reminiscent of yesteryear's method labels.

1. Teacher/Learner Collaborates

Matchmaking techniques will be developed which will link learners and teachers with similar styles and approaches to language learning. Looking at the Teacher and Learner roles sketched in Figure 2, one can anticipate development of a system in which the preferential

ways in which teachers teach and learners learn can be matched in instructional settings, perhaps via on-line computer networks or other technological resources.

2. Method Synergistics

Crossbreeding elements from various methods into a common program of instruction seems an appropriate way to find those practices which best support effective learning. Methods and approaches have usually been proposed as idiosyncratic and unique, yet it appears reasonable to combine practices from different approaches where the philosophical foundations are similar. One might call such an approach «Disciplined Eclecticism».

3. Curriculum Developmentalism

Language teaching has not profited much from more general views of educational design. The curriculum perspective comes from general education and views successful instruction as an interweaving of Knowledge, Instructional, Learner, and Administrative considerations. From this perspective, methodology is viewed as only one of several instructional considerations that are necessarily thought out and realized in conjunction with all other curricular considerations.

4. Content-Basics

Content-based instruction assumes that language learning is a by-product of focus on meaning – on acquiring some specific topical content – and that content topics to support language learning should be chosen to best match learner needs and interests and to promote optimal development of second language competence. A critical question for language educators is «what content» and «how much content» best supports language learning. The natural content for language educators is literature and language itself, and we are beginning to see a resurgence of interest in literature and in the topic of «language: the basic human technology» as sources of content in language teaching.

5. Multitelligencia

The notion here is adapted from the Multiple Intelligences view of human talents proposed by Howard Gardner (1983). This model is one of a variety of learning style models that have been proposed in general education with follow-up inquiry by language educators. The chart below shows Gardner's proposed eight native intelligences and indicates classroom language-rich task types that play to each of these particular intelligences. The challenge here is to identify these intelligences in individual learners and then to determine appropriate and realistic instructional tasks in response.

Figure 3. Educational activities

Intelligence Type	Educational Activities
Linguistic	lectures, worksheets, word games, journals, debates
Logical	puzzles, estimations, problem solving
Spatial	charts, diagrams, graphic organizers, drawing, films
Bodily	hands-on, mime, craft, demonstrations
Musical	singing, poetry, Jazz Chants, mood music
Interpersonal	group work, peer tutoring, class projects
Intrapersonal	reflection, interest centers, personal values tasks
Naturalist	field trips, show and tell, plant and animal projects

6. Total Functional Response

Communicative Language Teaching was founded (and floundered) on earlier notional/functional proposals for the description of languages. Now new leads in discourse and genre analysis, schema theory, pragmatics, and systemic/functional grammar are rekindling an interest in functionally based approaches to language teaching. One pedagogical

proposal has led to a widespread reconsideration of the first and second language program in Australian schools where instruction turns on five basic text genres identified as Report, Procedure, Explanation, Exposition, and Recount. Refinement of functional models will lead to increased attention to genre and text types in both first and second language instruction.

7. Strategopedia

«Learning to Learn» is the key theme in an instructional focus on language learning strategies. Such strategies include, at the most basic level, memory tricks, and at higher levels, cognitive and metacognitive strategies for learning, thinking, planning, and self-monitoring. Research findings suggest that strategies can indeed be taught to language learners, that learners will apply these strategies in language learning tasks, and that such application does produce significant gains in language learning. Simple and yet highly effective strategies, such as those that help learners remember and access new second language vocabulary items, will attract considerable instructional interest in Strategopedia.

8. Lexical Phraseology

The lexical phraseology view holds that only «a minority of spoken clauses are entirely novel creations» and that «memorized clauses and clause-sequences form a high proportion of the fluent stretches of speech heard in every day conversation». One estimate is that «the number of memorized complete clauses and sentences known to the mature English speaker probably amounts, at least, to several hundreds of thousands» [1]. Understanding of the use of lexical phrases has been immensely aided by large-scale computer studies of language corpora, which have provided hard data to support the speculative inquiries into lexical phraseology of second language acquisition researchers. For language teachers, the results of such inquiries have led to conclusions that language teaching should center on these memorized lexical patterns and the ways they can be pieced together, along with the ways they vary and the situations in which they occur.

9. O-zone Whole Language

Renewed interest in some type of «Focus on Form» has provided a major impetus for recent second language acquisition (SLA) research. «Focus on Form» proposals, variously labeled as consciousness-raising, noticing, attending, and enhancing input, are founded on the assumption that students will learn only what they are aware of. Whole Language proponents have claimed that one way to increase learner awareness of how language works is through a course of study that incorporates broader engagement with language, including literary study, process writing, authentic content, and learner collaboration.

10. Full-Frontal Communicativity

We know that the linguistic part of human communication represents only a small fraction of total meaning. At least one applied linguist has gone so far as to claim that, «We communicate so much information non-verbally in conversations that often the verbal aspect of the conversation is negligible». Despite these cautions, language teaching has chosen to restrict its attention to the linguistic component of human communication, even when the approach is labeled Communicative. The methodological proposal is to provide instructional focus on the non-linguistic aspects of communication, including rhythm, speed, pitch, intonation, tone, and hesitation phenomena in speech and gesture, facial expression, posture, and distance in non-verbal messaging.

The future is always uncertain, and this is no less true in anticipating methodological directions in second language teaching than in any other field. Some current predictions assume the carrying on and refinement of current trends; others appear a bit more science-fiction-like in the vision. However, the future of second language teaching methodologies, as yet not fully explored, is associated with what might be called a ‘cognitive approach to language learning’. Perhaps this cognitive, or information-processing approach is where the future lies.

Literature

Richards J., Rodgers T. Approaches and methods in language teaching (2nd ed.) / J. Richards, T. Rodgers. – Cambridge: Cambridge university press, 2001. – 328 p.

1. Schunk D. H. Learning theories: An Educational perspective / D.H. Schunk. – NY: Prentice Hall Publishers, 2000. – 298 p.

2. Sheen R. A critical analysis of the advocacy of the task-based syllabus / R. Sheen. – TESOL Quarterly, 1994. – 28(1) – P. 127-153.

Каніболоцька О.А. Особливості формування вторинної іншомовної картини світу у процесі вивчення другої іноземної мови у вищій школі // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.188-193

У статті проаналізовано проблеми та особливості формування вторинної іншомовної картини світу у процесі вивчення другої іноземної мови у ВНЗ. Розглянуто поняття «сучасні методики» в контексті вивчення іноземних мов.

Ключові слова: метод, комунікативна компетенція, вивчення та викладання другої іноземної мови у вищій школі.

Каниболоцкая О.А. Особенности формирования вторичной иноязычной картины мира в процессе изучения второго иностранного языка в высшей школе // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 188-193

В статье проанализированы проблемы и особенности формирования вторичной иноязычной картины мира в процессе изучения второго иностранного языка в вузе. Рассмотрено понятие «современные методики» в контексте изучения иностранных языков.

Ключевые слова: метод, коммуникативная компетенция, изучения и преподавания второго иностранного языка в высшей школе.

УДК 372.461–057.874:81'246.2

**Обучение крымскотатарской лексике учащихся 5-6 классов
на лингвокультурологической основе**

Мамутова З.С.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»
Г. Симферополь, Республика Крым
rusridmam@mail.ru*

В статье анализируются теоретические обоснования особенностей формирования лингвокультурологического подхода при изучении крымскотатарской лексики в школах и вузах с инонациональным контингентом учащихся. О формировании культуроведческой компетентности, взаимодействии языка и культуры, влиянии этнокультурных, этносоциальных факторов на языковые процессы.

Ключевые слова: лингвокультурология, диалект, речь, язык и культура, коммуникативный компонент, крымскотатарский язык.

Развитие языка, его лексики, теснейшим образом связано с жизнью народа и даже его отдельных слоев.

Значимым фактором в развитии языков племен и народностей являлось непосредственное и близкое общение с другими народами – носителями других языков, результатом, которого были различные степени взаимодействия этих языков...

Такое временное воздействие языков друг на друга – нередкое явление и для истории развития тюркских языков [2, с. 137].

Крымскотатарский язык в его современном состоянии включает в себя элементы как общенациональные, так и территориально ограниченные (диалектные). Лингвисты уже давно обратили внимание на то, что язык сохраняет идентичные черты лишь в определенной части территории своего распространения и лишь при определенных условиях. Многие этнические процессы повлияли на языковую структуру крымскотатарского населения. Сегодня ученые-лингвисты подразделяют крымскотатарский язык на три диалекта: южнобережный, горный, степной. Интересно, что и диалекты в свою очередь подразделяются на различные говоры. Основные различия между диалектами и говорами лексического и фонетического характера [9, с. 20].

Целью исследования является: проанализировать языковедческие, педагогические и методические источники исследуемой проблемы; формировать толерантное, заинтересованное отношение к другим языкам и культурам; расширять представление о культуре своего народа и других народов.

В полилингвокультурологическом обществе эффективность обучения языкам тесным образом связана с лингвокультурологической концепцией лингвистического образования. Лингвокультурологический подход к изучению крымскотатарской лексики тесно связан с рядом общелингвистических проблем, таких как специфика

языкового знака (история развития языка и особенности функционирования), язык и речь (способы и формы речевой деятельности человека).

Под формированием лингвокультурологического подхода к изучению крымскотатарской лексики как учебного предмета подразумевается языковой и речевой материал.

Человек, пробуждая в себе свою языковую способность и развертывая ее в ходе языкового общения, всякий раз своими собственными усилиями создает сам в себе язык [5, с. 123].

Именно владение языком позволяет человеку как субъекту общения воспринимать и постигать смыслы так, как они воспринимаются другим человеком как носителем смыслов.

Язык – носитель социальной памяти, он определяет характер и глубину познавательной деятельности народа. Обучая языку, нужно формировать языковую личность, т.е. языковую, речевую и культурную компетенцию [3, с. 285].

Проблемам изучения крымскотатарского языка, который основывается на определении взаимодействия языка и культуры, традиций крымскотатарского народа, посвящены труды многих ученых. Необходимо дифференцировать работы таких ученых, как Чобан-заде Б., Бекторе Ш., Казембек А., Радлова В.В. и Ганкевича В.Ю., Наджиба Э.Н.

На современном этапе данной проблемой занимались следующие ученые: Крымский А., Бояджыев Т., Змерзлый Б.В., Богданович Г. Ю., Гаркавец А.Н., Муталибов С.М., Гузеев В.Г., работы которых посвящены проблемам обогащения речи учеников этнокультуроведческой крымскотатарской лексикой.

Однако почти не исследованной является проблема языкового образования в многоязыковой среде. Это является важным для регионов, где живут представители разных этносов Крыма. Между тем формирование лингвокультурологического подхода к изучению крымскотатарской лексики невозможно без знания и осознания учащимися его структурной системы. Вопрос состоит в том, как обучать языковому материалу: а) сообщая учащимся сумму формально-теоретических сведений и правил по фонетике, грамматике, лексике – изолированно от практики общения; б) формируя у обучающихся навыки владения фонетическими, грамматическими и лексическими средствами языка непосредственно в процессе речевой деятельности.

Необходимо учесть, что каждый тюркский язык имеет свою исконную основу, т.е. общие черты своей лексики и грамматического строя, и кроме того, свои характерные особенности, т.е. индивидуальные черты, приобретенные им в процессе своего развития [9, с. 137].

К особенностям, которые влияют на формирование лингвокультурологического подхода при изучении крымскотатарской лексики можно отнести следующие факторы:

- 1) осознание ближних, промежуточных и дальних целей его изучения;
- 2) единая языковая система, социокультурологично обгрунтованная, заложенная в языковом материале данной социальной группы и реализованная в индивидуальных языковых системах;
- 3) влияние языков друг на друга (близкое общение с другими народами – носителями других языков);
- 4) формы общения, т.е. коммуникативный компонент, который направлен на содержание учебного предмета, что зависит от плотности общения в процессе обучения.

Таким образом, ученик одновременно является субъектом учебно-познавательной деятельности и субъектом общения.

Методологическая особенность формирования лингвокультурологического подхода к изучению крымскотатарской лексики направлена главным образом на овладение лингвокультурологической, культурно-языковой коммуникативной компетенцией ознакомления с учебным материалом.

Без полноценного знания языка не может быть сформирована национальная ментальность. Национальная ментальность особо значима именно в полилингвокультурном обществе; дифференциация языка в речи билингов, полилингов необходима для повышения уровня культуры владения каждым языком [3, с. 285].

Язык нации и ее культура являются взаимосвязанным органическим целым, и именно с развития языка начинается развитие культуры. С момента рождения ребенок перенимает культурные ценности (материальные и духовные), традиции и пользуется ими на протяжении всей жизни. Специфическая система традиций, взаимосвязей и взаимоотношений воплощаются в языковой деятельности представителей той или иной национальности. А достижения коммуникативной направленности невозможно без овладения необходимым объемом культурной информации; без знакомства с культурой народ, язык которого изучаешь [4, с. 254].

Фактическая сторона взаимодействия языков давно является предметом исследований специалистов, где накоплено достаточно материала для обобщения.

В отличие от так называемых внутренних закономерностей развития языка эти закономерности можно назвать законами взаимодействия языков: зависимость влияния языка на язык от характера контакта между ними; зависимость влияния языка на язык от влияния культуры; возрастание устойчивости языка по мере роста культурности народа.

Закономерности влияния языка на язык – явления экстралингвистические, лингвосоциалистические.

При зависимости влияния языка на язык от характера контакта между ними основной функцией является контакт в общении их носителями или косвенного, через другие языки, особенно при общей территории с двуязычным населением. При зависимости влияния языка на язык от влияния культуры, значимым является тот язык, который является носителем влияющей культуры. Вместе со словами иногда заимствуются и словообразовательные элементы (аффиксы).

Устойчивость языков возрастает после того, как они становятся формой национальной культуры, усиливается после нормализации и упрочения его литературных традиций и роста культурности народа.

Обучая языку, нужно формировать языковую личность, то есть языковую, речевую и культурную компетенцию. Культурно-языковая компетенция личности – это не сумма сведений о языке, а достигнутый речевой опыт, речевая (дискурсивная) деятельность как признаки социализации человека [5, с. 285].

Как известно, овладение родным языком осуществляется в естественной социальной и предметной среде.

В каждом языке существуют лексические единицы, в которых присутствует специфический национально-культурный компонент. Для выделения национально-культурного компонента из языка в роли индикатора другой язык, потому что различия между языками чаще выявляются при их сравнительном изучении.

Составление русско-украинско-крымскотатарского словаря для школьников поможет учащимся и студентам приобщаться к национальной культуре народов, обогатить свой словарный запас, задуматься об общественной значимости разноязычной лингвистической подготовки, будет способствовать формированию концептуальных установок молодежи в полилингвокультурном обществе [5, с. 285].

Если речевая способность высоко развита средствами родного языка, то она должна однозначно проявиться и в иноязычной речевой деятельности [7, с. 63].

Не меньшее значение на формирование культурно-языковой компетенции личности и для обучения языками имеют речевые высказывания, более протяженные, чем предложение, а именно тексты в виде монологов или речевых форм [8, с. 91–50].

Работа с текстом увеличивает коммуникативные способности личности, объем знаний об условиях успешного общения [6, с. 126–137].

Каждой речевой форме соответствует свой массив лексического материала и специфический способ синтаксической связи между предложениями, интонация, которая является особым инструментом межличностного общения и которая заслуживает специального формирования у учащихся, овладевающих устно-речевым общением на родном или иностранном языках [7, с. 97].

С точки зрения коммуникативности, для того чтобы адекватно воспринять устное или письменное высказывание на неродном языке, сообщить какую-либо информацию, учащийся должен запомнить определенные слова, усвоить те или иные морфологические формы, т.е. обладать вполне конкретным запасом языковых знаний [1, с. 42].

Речевые навыки, речевые умения, овладение языком, усвоение лексико-грамматического материала, словарная работа, значение слов, их форм, их орфоэпии составляют систему, направленную на автоматизацию языковых форм и развитие навыков в лингвокультурологическом аспекте изучения языка и речевой деятельности билингвов.

Существующая языковая ситуация (смешанные языковые контакты) во многом определяет речевое поведение учащегося, влияя на формирование его речевой деятельности.

Из вышеизложенного можно сделать следующие **выводы**: формирующий аспект важен для решения проблем преподавания языка (родного и неродного).

В формировании многоязыкового сознания социализированной личности большую роль играют обучение, школа, призванные обозначать и обобщить социальный статус личности, связанных с межкультурным (в том числе и речевым) константами, которые должны строиться на вежливости, уважении и солидарности [3, с. 294].

Список литературы

1. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд. / Н.А. Баскаков– М.: Просвещение, 1969. – 380 с.
2. Эбубекиров С. Этнолингвистическая дифференциация крымтатар // Къасевет. / Эбубекиров С. – 1991. – № 1. – С. 20.
3. Свинцов В.М. Логика: Учебник для вузов. / В.М. Свинцов– М.: Высшая школа, 1987. – 123 с.
4. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. / Богданович Г.Ю. – Симферополь: Доля, 2002. – 392 с.
5. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. / А.А. Леонтьев– М.: Наука, 1965. – 254 с.
6. Филатов В.М. Методика обучения иностранным языкам. / В.М. Филатов– М.: ФЕНИКС, 2004. – 412 с.
7. Шейлз Дж. Коммуникативность в обучении современным языкам. Проект 12. Изучение и преподавание современных языков для целей общения. Европейский совет, 1995.
8. Синельникова Л.Н. Опыт анализа образа Чичикова в терминах современных теорий коммуникации // Социоллингвистика: XXI век. / Синельникова Л.Н. – Луганск: Знание, 2002. – С. 126–137.

9. Азизханова Ю.Д. О коммуникативном подходе к обучению иностранному (неродному) языку // Литературный язык / Ю.Д. Азизханова– Ташкент. – 2000. – № 5. – С. 42.

Мамутова З.С. Навчання лексики кримськотатарської мови учнів 5-6 класів на основі лінгвокультурологічного підходу // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.194-198

У статті аналізуються теоретичні обґрунтування особливостей формування лінгвокультурологічного підходу під час вивчення кримськотатарської лексики у школах і вищих навчальних закладах із багатонаціональним контингентом учнів. Про формування культурознавчої компетентності, взаємодії мови та культури, вплив етнокультурних, етносоціальних факторів на мовні процеси.

Ключові слова: лінгвокультурологія, діалект, мовлення, мова і культура, комунікативний компонент, кримськотатарська мова.

Mamutova Z.S. Teaching Crimean Tatar vocabulary to the pupils of the 5th -6th forms on the basis of linguistic and culturological approach // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.194-198

Article deals with theoretical grounding of peculiarities of forming an approach in linguo-cultural studying of Crimean Tatar vocabulary at multicultural schools. Forming of cultural competence, interaction of language and culture, impact of ethno-cultural and ethnosocial factors on language processes are shown in the article.

Key words: linguo-culturology, dialect, speech, language and culture, communicative component, Crimean Tatar.

Поступила в редакцію 12.05.2014 г.

УДК 378.4:81'244.376.777

**Дискусія як інтерактивний засіб активізації пізнавальної діяльності
студентів мовних спеціальностей у вищій школі
(на матеріалі іспанської мови)**

Орлова Г. Г.

Запорізький національний університет, м. Запоріжжя, Україна

У статті проаналізовано проблеми та особливості проведення навчальних дискусій у рамках впровадження інтерактивної методики у викладанні іноземних мов студентам мовних спеціальностей у вишах. Розглянуто поняття методу дискусії у контексті формування міжкультурної компетенції у процесі навчання.

Ключові слова: *міжкультурна компетенція, комунікативна компетенція, інтерактивний підхід, метод дискусії, викладання іноземних мов у вищій школі.*

Сучасний етап міжнародних зв'язків різних країн, вихід у європейський та світовий простори, нові політичні, соціально-економічні та культурні реалії вимагають радикальних змін у галузі навчання іноземних мов, статус яких у нашій країні постійно зростає. Іноземна мова стає важливим засобом міжкультурного спілкування, вимагає новий рівень володіння нею, тим самими актуалізуючи впровадження нових підходів до формування іншомовної комунікативної компетенції майбутніх спеціалістів з даної галузі, адже робота з інформацією на будь-якій мові вимагає формування певних інтелектуальних

умінь: вміння аналізувати інформацію, відбирати необхідні факти, вибудовуючи їх у логічній послідовності, вміння висувати аргументи і контраргументи. Як правило, починаючи працювати за спеціальністю, при спілкуванні зі своїми іноземними колегами молодий спеціаліст стикається з необхідністю вирішення проблем теоретичної та практичної значущості, що вимагають, вміння чітко сформулювати цю думку усно або письмово на іноземній мові.

Зважаючи на це, останнім часом у методиці викладання іноземних мов спостерігається тенденція до застосування інтерактивного навчання, суть якого полягає в тому, що навчальний процес перебуває в постійній колективній взаємодії всіх учасників. Сам термін «інтерактивна педагогіка» відносно новий: його ввів у 1975 р. німецький дослідник Ганс Фріц, зазначивши, що предметом такого способу навчання є організація цілеспрямованого взаємовпливу і взаємодії учасників педагогічного процесу. М. В. Кларін, вивчаючи цю проблему вже у 1995 р., у своїх дослідженнях стверджує, що рушійною силою такого «навчання-взаємодії», в рамках сучасних підходів до вивчення іноземних мов, є метод дискусії, що знаходить все більше практичного застосування при професійно-орієнтованому викладанні, головним чином тому, що він дозволяє органічно інтегрувати знання студентів з різних областей при вирішенні певної проблеми, та дає можливість застосувати мовні знання та навички на практиці, генеруючи при цьому нові ідеї [5, с. 25-35]. Такі дослідники, як Л. Виготський та С. Рубінштейн доводили, що інтелектуальний ріст є продуктом не тільки внутрішніх, але і зовнішніх, соціальних процесів, тобто більш високий рівень мислення виникає із спілкування, або діалогу між людьми. Тобто при

спільній постановці та обговоренні ідей студенти виходять на новий рівень мислення, значно переважаючи можливості окремих індивідумів.

Маємо зауважити, що дискусія, як один із методів інтерактивного навчання, у порівнянні з звичайною організацією заняття має ряд переваг у більшості аспектів, таких як активізація знань, засвоєння мовного матеріалу та мотивація. Доцільність використання методу дискусії може проілюструвати наступна порівняльна таблиця 1.1:

Таблиця 1.1. Порівняльна характеристика методу дискусії

Характеристики	Звичайне заняття	Дискусія
Хто більше розмовляє	Викладач дві треті часу	Студенти половину заняття чи більше
Типова поведінка	Питання - відповідь Викладач питає Студент відповідає Викладач оцінює	Змішаний обмін питаннями та відповідями викладача та студентів, відповіді не оцінюються. оцінюється лише активність.
Обмін репліками	Багаторазовий, чіткі короткі репліки	Більш повільний, репліки більші, сповнені змісту.
Питання	Важливе не питання, а знання студентами відповіді.	Важлива суть питання.
Відповідь	Оцінюється як вірна або невірна. Є єдина правильна відповідь для усіх студентів.	Немає єдиної правильної відповіді, оцінка позиціонується як «згоден\ незгоден».
Оцінювання	«Вірно\невірно» Тільки вчителем.	«Згоден\незгоден» Студентами та вчителем.

Організація навчального процесу на основі дискусії орієнтована на реалізацію активного навчання, націленого на формування міжкультурної комунікативної компетенції, актуалізацію та організацію досвіду. До характерних ознак методу належить: групова робота учасників; відповідна організація місця та часу роботи; інтеракція, активне спілкування учасників у процесі роботи; вербальне спілкування як основна форма взаємодії в процесі дискусії; упорядкований обмін думками на основі самоорганізації учасників; спрямованість на досягнення навчальних цілей [5, с. 25-35].

В цілому, дискусія використовується у навчанні іноземної мови і як метод, і як форма, тобто може проводитися в рамках певного заняття, будучи його елементом. У світовому педагогічному досвіді набули поширення такі форми дискусії, як: *круглий стіл-бесіда*, в якій приймає участь невелика група студентів, разом з викладачем, (зазвичай близько 5 чоловік), під час якої відбувається обмін думками; *засідання експертної групи*, або «панельна дискусія», де обговорюється намічена проблема певними, заздалегідь призначеними, учасниками групи (4-6 учасників), а потім вони викладають свої позиції всієї аудиторії; *форум-обговорення*, що є засіданням експертної групи, в ході якого ця група обмінюється думками з аудиторією (групою); *симпозіум* – більш формалізоване обговорення, в ході якого учасники виступають з повідомленнями, представляючи свою точку зору, після чого відповідають на запитання викладача та одногрупників; *дебати* – формалізоване обговорення, побудоване на основі заздалегідь фіксованих виступів учасників - представників двох, команд-суперників, що представляють протилежні ідеї - і спростувань; «*судове засідання*» – обговорення, що імітує судовий розгляд; «*техніка акваріума*» – особливий варіант організації обговорення, при якому, після нетривалого групового обміну думками, по

одному представнику від команди беруть участь у публічній дискусії, члени команди можуть допомагати своєму представнику порадами, переданими в записках або під час тайм-ауту; «мозковий штурм» - обговорення, при якому учасникам пропонують висловлювати якомога більшу кількість варіантів рішення. Потім із загального числа висловлених ідей відбирають найбільш вдалі, які можуть бути використані на практиці. Мозковий штурм є найбільш вживаною формою дискусії у рамках сучасного інтерактивного навчання [1, с. 176]. Маємо зауважити, що метод дискусії, як засіб формування міжкультурної компетенції, найбільш вдало застосовується у сучасній педагогічній практиці викладачів вищої школи саме при роботі з лексичним аспектом навчання під час формування іншомовної комунікативної компетенції, тому що має у ньому широкі можливості використання різних форм даного прийому. При викладанні граматичного або фонетичного матеріалу дискусія не є особливо вдалою, тому що специфіка цих мовних аспектів не дозволяє набути значного розвитку, не пропонує широких тем та проблем для обговорення.

Впровадження методу дискусії у контексті викладання іноземних мов у сучасних вишах потребує попередньої підготовки та певної технології опрацювання. Пропонуємо приклад використання такої технології на матеріалі заняття з іспанської мови як основної для студентів 4 курсу, тема **“El sistema educativo Español”**:

1. Проведення дискусії необхідно починати з постановки конкретного дискусійного питання: *«Los problemas de la Universidad española»*.

2. Далі слід об'єднати студентів у пари, а потім у четвірки, кожній четвірці дається на розгляд певна проблема:

a) (перша четвірка) *¿Es endogamia una lacra o ventaja de la Universidad española?*

b) (друга четвірка) *¿Es la educación a distancia el decaimiento o desarrollo?*

Одна пара четвірки повинна обґрунтувати одну позицію, інша – протилежну, з подальшим обґрунтуванням одне одному своєї точки зору. Дається час на підготовку аргументів.

3. Коли час, відведений на підготовку минає, студенти вступають у дебати, послідовно викладаючи свої аргументи, та намагаючись спростувати думку опозиції.

4. По завершенню дискусії необхідно прийти до конкретного висновку: *“Entonces, se ve claramente, que estos problemas son bastante discutibles, ya que contienen en si muchas contraponencias, pero es razonable confirmar; que cede uno de ellos puede tanto empeorar el sistema educativo, como y mejorarla, hay que solamente saber utilizarles con beneficio.”*

5. Надалі студентам пропонується така форма роботи, як вільна дискусія, на тему *“Problemas más destacadas de la formación en España”*, де кожен має висловити свою думку, спростувати ствердження одногрупників, та запропонувати певне рішення проблем. Наприкінці заняття робляться висновки у залежності з висловленими студентами ідеями.

Таким чином на одному занятті з лексичної теми **“El sistema educativo Español”**, було використано дві форми дискусійного методу: різновид «панельної дискусії», та мозковий штурм, що доводить доцільність, широку палітру можливостей використання та комбінування методу дискусії при навчанні іспанської мови у вищих навчальних закладах, особливо у викладанні лексичного аспекту, адже він є найбагатшим з точки зору формування міжкультурної компетенції у студентів.

Таким чином, дискусія є одним із найважливіших методів інтерактивного підходу у навчанні, що є доцільним насамперед для актуалізації знань та є рушійною силою у формуванні міжкультурної іншомовної компетенції, та являється важливим засобом пізнавальної діяльності студентів у процесі навчання. Найбільш значними перевагами використання даного методу є той факт, що він сприяє розвитку критичного мислення

студентів, дає можливість визначити власну позицію, формує навички відстоювати свою думку та, особливо, поглиблює культурні знання з обговорюваної проблеми, що повністю відповідає завданням сучасної вищої школи. Сучасна дидактика та педагогічний досвід визнають велику освітню і виховну цінність дискусій, та безперечну доцільність використання такої методики у процесі формування міжкультурної мовної компетенції студентів.

Список літератури

1. Кларин М.В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии / М.В. Кларин. – Рига: НПЦ «Эксперимент», 1995. – 176 с.
2. Морозова И.Г. Использование дискуссии на занятиях иностранного языка в рамках проблемного обучения при подготовке современных специалистов / И.Г. Морозова // Иностранные языки. Теория и практика. – 2010. – №1. – С. 25-35

Орлова А. Г. Дискуссия как интерактивный способ активизации познавательной деятельности студентов языковых специальностей в высшей школе (на материале испанского языка) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 199-202

В статье проанализированы проблемы и особенности проведения учебных дискуссий в рамках внедрения интерактивной методики в преподавании иностранных языков студентам языковых специальностей в вузах. Рассмотрено понятие метода дискуссии в контексте формирования межкультурной компетенции в процессе обучения.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, коммуникативная компетенция, интерактивный подход, метод дискуссии, преподавание иностранных языков в высшей школе.

Orlova H. Discussion as an interactive approach to enhance the cognitive activity of language students department in universities (based on the Spanish language) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.199-202

The author of this article analyzes the problems and peculiarities of educational discussions in the introduction of interactive methods of teaching foreign languages to students of language students department in universities. There was considered the concept of the method of discussion in the context of the formation of intercultural competence in the learning process.

Keywords: intercultural competence, communicative competence, interactive method, discussion method, teaching of foreign languages in the university.

Поступила до редакції 11.05. 2014 р.

РАЗДЕЛ 5. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ. ТЕКСТ. ДИСКУРС. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

УДК 811.111.81'42

**Мовна гра як засіб створення комічного ефекту
(на матеріалі творчості мюріел спарк)**

Блинова І. А.

*Горлівський інститут іноземних мов ДВНЗ „Донбаський державний педагогічний університет”, м. Горлівка, Україна
eibisi@rambler.ru*

Стаття присвячена дослідженню мовної гри як засобу створення комічного ефекту на матеріалі оповідання „Портобелло-Роуд” однієї з найяскравіших представниць сучасної „жіночої” прози Мюріел Спарк. Охарактеризовано поняття „мовна гра” у сучасному мовознавстві з акцентом на значущості цієї категорії для лінгвістичної поетики. Проаналізовані типові приклади навмисного обігравання автором мовних явищ на лексико-семантичному, синтаксичному, словотвірному та прагматичному рівнях. Виявлено особливості їх функціонування в межах художнього прозового дискурсу, що є ознакою індивідуально-авторського стилю письменниці.

Ключові слова: *художній прозовий дискурс, мовна гра, гра слів, каламбур, ідіостиль, комічний ефект, сатира.*

Постановка проблеми. У сучасній лінгвістиці помітно посилюється інтерес до проявів творчої функції мови, одним з яких виступає мовна гра (далі – МГ). У цьому зв'язку особливо актуальним видається дослідження художнього дискурсу з високим ступенем мовної зумовленості, відмінною рисою якого є зорієнтованість автора на навмисне обігравання фонетичних, морфологічних, семантичних, лексичних, синтаксичних, словотвірних та прагматичних явищ. Ці експериментальні явища „виступають в якості художнього мовного експерименту автора і створюють передумови для включення рецептора художнього твору в МГ” (переклад наш. – І. Б.) [11, с. 4].

Зазначимо, що МГ як лінгвістичне явище завжди привертала увагу вітчизняних і зарубіжних учених, і її теоретичне вивчення в мовознавстві має давню традицію. Особливо активно ця проблема стала розроблятися в аспектах мовної норми і аномалії, лінгвістичного експерименту, словесної творчості автора, лінгвокреативної мовної діяльності у другій половині ХХ – початку ХХІ століття в роботах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюнової, Т. В. Булигіної, О. Д. Шмельова, О. А. Земської, О. В. Падучевої, Б. Ю. Нормана, О. Аксьонової, Т. О. Грідіної, В. З. Санникова, О. Ю. Коновалової, О. Т. Тимчук, Т. В. Устинової, Л. Г. Келлі, Ж.-Ж. Лесеркля та інших учених.

Як відомо, цей феномен знаходить висвітлення у великій кількості наукових досліджень у різних галузях знань і, природно, в лінгвістиці. Зазначені роботи присвячені комплексному аналізу явища гри слів у багатьох мовах – з усіма

підвидами цього явища, на різноманітних мовних рівнях і на матеріалі великої кількості стильових і жанрових різновидів; дослідженню певних засобів передачі цього прийому з однієї мови на іншу.

Слід наголосити, що складність категорії МГ визначає неоднозначність підходів до інтерпретації її суті, механізмів, філософської, психологічної, соціальної, естетичної і власне лінгвістичної природи. Звернення до цих проблем пояснюється прагненням лінгвістів всебічно досліджувати проблеми індивідуально-авторської словотворчості, відступу від мовного канону, полів норми і антинорми у мові.

Актуальність цієї розвідки обґрунтовується необхідністю вивчення МГ, яка виступає в якості детермінанти індивідуально-авторського стилю і служить засобом дослідження обіграних явищ окремих мовних рівнів з метою створення комічного ефекту. *Мета статті* полягає в описі мовних експериментальних, обіграних автором, явищ і виявленні особливостей їх функціонування в межах художнього прозового дискурсу.

На думку переважної більшості вчених [1; 2; 5; 7; 9], МГ є одним з найбільш поширених засобів створення комічного ефекту. Це відноситься зокрема і до художнього прозового дискурсу. *Матеріалом дослідження* слугує оригінальне оповідання “The Portobello Road” („Портобелло-Роуд”) найяскравішої представниці сучасної (другої половини ХХ – початку ХХІ ст.) „жіночої” літератури Мюріел Спарк.

Дослідники творчості письменниці [1; 4; 10] зосереджують увагу на обдарованості, багатогранності таланту, професійності літератора, оригінальності стилю і сильному художницькому хисті англійської письменниці – *на сатири*. „Проза Спарк – це дуже тонке переплетення уїдливості і драматизму, сатиричних інтонацій і жорстоких колізій, побутописання і гротеску. Синтез несхожих художніх елементів у Спарк неповторний. Гостра насмішка у неї уживається з тонким ліризмом. Письменниця то знущається, то сумно іронізує, то добродушно сміється. Перехід від комедійного до трагічного, від смішного до сумного непомітний. Багато сторінок її творів пародійні (переклад наш. – І. Б.) [1, с. 161]”.

Разом з тим О. А. Джумайло зазначає, що поетика творів М. Спарк характеризується яскраво вираженими ігровими конструкціями, які проявляють себе на різних рівнях організації та сприйняття тексту. „Гра в романах М. Спарк – поняття широке і багатоконтекстуальне. Вона неодмінно комбінується з сатирою, іронією і самоіронією (переклад наш. – І. Б.) [4, с. 24–25]”.

Перш ніж продовжити розгляд МГ у досліджуваному аспекті необхідно уточнити визначення вихідних понять, на яких ґрунтується ця розвідка. У літературних англомовних джерелах довідкового характеру поняття *мовна гра, гра слів, каламбур* нерідко вживаються як синоніми, пор.: “**wordplay / pun** making jokes by using words in a clever or amusing way, especially by using a word that has two meanings, or different words that sound the same” [16, с. 1375]; “**pun** – the use of words or phrases to exploit ambiguities and innuendoes in their meaning, usually for humorous effect; a **play on words**” [12]; “A **pun** (also known as paronomasia) is a figure of speech, or **word play** which consists of a deliberate confusion of similar words within a phrase or phrases for rhetorical effect, whether humorous or serious” [18].

Ми розглядаємо поняття *мовна гра, гра слів, каламбур* як нетотожні терміни, спираючись на погляди О. П. Сковородникова, представлені в енциклопедичному словнику «Культура русской речи»: „МГ – творче, нестандартне (неканонічне, що відхиляється від мовної / стилістичної / мовленнєвоповедінкової / логічної норми) використання будь-яких мовних одиниць і / або категорій для створення дотепних висловлювань, у тому числі – комічного характеру. **Гра слів** – різновид МГ, в якому ефект дотепності досягається неканонічним використанням слів і фразеологізмів (трансформаціями їх семантики і / або складу). **Каламбур** – різновид гри слів, в якому

ефект дотепності (переважно – комічної) досягається неканонічним використанням полісемантів, омонімів, псевдосинонімів і псевдоантонімів” [8, с. 802].

Так, за спостереженнями Коновалової О. Ю. [5, с. 36], мовне явище, що так чи інакше пов’язане з поняттям МГ, може виступати видом МГ (наприклад, гра слів, гра літер), стилістичним прийомом, у створенні якого може бути використана МГ (каламбур, метафора, порівняння), жанром твору (сатира, фарс, пародія) тощо.

Для підтвердження факту функціонування МГ як одного з проявів загального поняття гри, як найбільш всеосяжного поняття, що володіє великою кількістю видів, в основі яких лежать різні мовні явища, звернемося до аналізу оповідання “The Portobello Road”. Вищезазначений твір, що видається зарисовкою з життя сучасного англійського суспільства, в якій присутні елементи детективу, є цікавим для розгляду з боку як створення комічного ефекту, так і психологічного аналізу. Відомо, що градація емоційного реагування на різні прояви комічного, його відношення до суспільного ідеалу передається в таких поняттях, як: *усмішка, жарт, іронія, сатира, гумор, чорний гумор, гротеск, сарказм, карикатура, інвектива*.

З огляду на особливості оповідної манери досліджуваного оповідання М. Спарк зазначимо, що вона характеризується наявністю чисто фантастичного елемента, причому ніяк не обумовленого і нічим не обґрунтованого, а виникаючого як щось цілком природне, – привода у ролі дійової особи і оповідача, очима якого передаються зображувані події. У центрі розповіді – історія життя дівчини на прізвисько Голка і трьох її друзів, з якими вона знайома з дитинства.

Досліджуваний дискурс являє собою жакливу сповідь Голки про власну трагічну смерть і про те, що навіть люди, яких ти здавалося б добре знаєш, здатні на зовсім несподівані вчинки, зокрема на вбивство близького друга – тебе самого. Оповідь від 1-ї особи розгортається цілком реалістично і підкреслено буденно, і раптом читач розуміє, що Голка – не просто якась жінка з минулим, а мертва жінка, привид. Вона блукає по Портобелло-Роуд з єдиною метою – налякати до смерті свого вбивцю, старого приятеля, одного з трьох, у компанії якого вона провела дитинство, та примусити його зізнатися у скоєнні страшного злочину.

Треба почати з того, що „голка” (від англ. *needle* *іменник* голка [12]) у назві з’явилася не просто так: таким було прізвисько головної героїні-оповідачки, а назвали її так, тому що вона насправді знайшла голку в копиці сіна: *From that day I was known as Needle* [17]. На словотвірному рівні обігравання відбувається, як бачимо, за рахунок співвідношення загальної назви і власної: використання одного з різновидів такого лексико-семантичного стилістичного прийому як антономазія (гр. *antonomasia* – перейменування) [14, с. 50], що формується в результаті переносу імені – перейменування. Це перейменування означає, що замість назви певної особи вживається назва такої її ознаки, риси, властивості, дії, речі, завдяки якій цю особу не можна сплутати з іншими. Ілюстрацією цього положення слугує і наступний приклад з твору: *Skinny* (від англ. *skinny* *прикметник* худорлявий; шкіра й кістки [12]) – ім’я друга Голки.

Вживання загальних назв у ролі прізвиськ або імен літературних персонажів вимагає попередніх фонових знань, тобто знань про ознаки і властивості того, чие ім’я або назва використовується. Це так звані імена, „що говорять” (англ. “*speaking names*”), надаючи читачеві додаткову інформацію про персонажа. Антономазія, як правило, характеризується виразною експресією і широко вживаються в художніх творах приналежно сатирично характеру.

Судячи з наших спостережень, типовим засобом створення письменницею комічного ефекту є обігравання на лексичному рівні смислів, що виникають у випадку полісемії та омонімії, зокрема регулярно є полісемія типу „прізвисько героїні (Голка) – предмет (голка)”. Наведені нижче приклади демонструють техніку

зіткнення значення власного і загального, що мають чудові каламбурні можливості: 1) One day in my young youth at high summer, lolling with my lovely companions upon a haystack *I found a needle*. “George took this (photo) the day that *Needle found the needle*.”; 2) *'Needle' is found*: in haystack! [17]. Як видно, усмішка, використана під час опису моменту історичної знахідки голки дівчиною у снопі у першому випадку (*Голка знайшла голку*), переходить у чорний гумор під час зображення власного вбивства і знаходження тіла в тому самому снопі (*Голку (її мертве тіло) знаходять у снопі*) у другому.

Крім цього, слід зазначити, що словосполучення “a needle in a haystack” (голка в копиці снопа) є ідіомою, яка виступає елементом концептуальної картини світу англійців. Її функціонування в художньому тексті сприймається читачем як *натяк*, що людині, яка її знайшла, дуже таланить у житті, оскільки первинним значенням цього фразеологізму є “something that is almost impossible to find because it is hidden among so many other things: also used in the forms **look for a needle in a haystack** and **find a needle in a haystack**. Etymology: based on the idea that it is to almost impossible to find a thin sewing needle in a haystack (a very tall pile of dried grass)” [17]. Звісно, разом з прізвиськом до дівчини прилипла репутація удачливиці. Отже, людина, якій вдалося виконати цю надзвичайно важку справу, може вважатися щасливчиком (lucky, fortunate).

Але сюжетна лінія – вбивство дівчини – спростовує це твердження завдяки обігранню зазначеної ідіоми та словосполучення “to be lucky / fortunate” на прагматичному рівні: “It couldn’t have been done by brains. You haven’t much brains but *you’re a lucky wee thing*.”; “You don’t know *how lucky you are*,” George said; Sometimes I got tired *of being called lucky* by everybody; “*You’re fortunate* after all not to be married to him,” Kathleen said. “You might have caught T. B.”; *I was fortunate, I was lucky*... so everyone kept telling me on different occasions; Kathleen, speaking from that Catholic point of view which takes some getting used to, said, “She was at Confession only the day before she died – *wasn’t she lucky?*” [17].

Наступний за вживанням вид каламбуру – обіграння на фонетичному рівні схожості в звучанні слів або словосполучень (так наз. паронимазія, або паронімія [7, с. 492]), що знаходимо в тексті при описі розваг компанії підлітків на снопі сіна та коментарів друзів випадку знахідки героїнею голки: When everyone had recovered George said, “She *put in her thumb and pulled out a plum*.” Then away we were into our merciless hacking-hecking laughter again [17].

Таким чином, у результаті аналізу, проведеного на матеріалі твору М. Спарк, доходимо *висновку*, що автор вдало вдається до навмисного обіграння мовних явищ на лексико-семантичному, синтаксичному, словотвірному та прагматичному рівнях з метою створення комічного ефекту. Особливості функціонування МГ, що може вважатися ознакою індивідуально-авторського стилю письменниці, у межах досліджуваного художнього прозового дискурсу дозволяють надати читачеві наступну лінгвістичну інтерпретацію. Четверо друзів, юнаків та дівчат, були покликані берегти як святиню пам’ять про проведені разом дитинство й юнацтво, пронести крізь життя дух старого доброго товариства. Але святині давно перетворилися на порожні слова і фікції, за якими ніщо не стоїть. Будучи нещадною до сучасного перекручення високих понять, М. Спарк засуджує світ уявних цінностей. Часи змінюються, уявлення та поняття, що здавалися незмінними, сталими, однозначними і відповідають британській традиції, втрачають зміст і сенс.

Перспектива подальшого вивчення кола зазначених проблем полягає, як нам вбачається, у продовженні дослідження на різних рівнях арсеналу мовних засобів, що використовуються у створенні МГ, з метою її лінгвістичної інтерпретації читачем, зокрема у творах М. Спарк.

Список літератури

1. Арутюнова И. А. Романы Мюриэл Спарк (к проблеме метода) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Арутюнова Ирина Аркадьевна. – М., 1984. – 179 с.
 2. Гридина Т. А. Языковая игра : стереотип и творчество : монография / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 214 с.
 3. Данилевская Н. В. Языковая игра / Н. В. Данилевская // Языковая игра / [под ред. М. Н. Кожинной]. – М. : Флинта : Наука, 2006. – С. 657–660.
 4. Джумайло О. А. Игра и постмодернистский инструментарий в романах М. Спарк : дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.05 «Литература народов Европы, Америки и Австралии» / О. А. Джумайло. – М., 2001. – 26 с.
 5. Коновалова О. Ю. Лингвистические особенности игры слов в современном английском языке : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Коновалова Ольга Юрьевна. – М., 2001. – 240 с.
 6. Костенко Г. М. Релігійно-філософська проблематика та її художнє втілення в англійському романі 1950–70-х років : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.04 «Література зарубіжних країн» / Г.М. Костенко. – Дніпропетровськ, 2001. – 20 с.
 7. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
 8. Сковородников А. П. Языковая игра / А. П. Сковородников // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / [под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 796–803.
 9. Тимчук О. Т. Семантико-стилістичне явище гри слів в українській мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. Т. Тимчук. – К., 2003. – 14 с.
 10. Шлянникова М. В. Жанровая эволюция романов Мюриэл Спарк : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья» / М. В. Шлянникова. – Казань, 2005 – 21 с.
 11. Устинова Т. В. Языковая игра в художественном тексте и варианты ее перевода (на материале литературных сказок Льюиса Керролла и их переводов на русский язык) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Устинова Татьяна Викторовна. – Омск, 2004. – 180 с.
- Электронный словарь АBBYY LINGVO 12 Multilingual Edition [Электронный ресурс]. – режим доступа до словника : <http://www.lingvo.ru>
- Kelly L. G. Punning and the Linguistic sign // *Linguistics*, 1971. – №66. – P. 5–11.
- Kukharenko V. A. A Book of Practice in Stylistics / V. A. Kukharenko. – М. : Высш. шк., 1986. – 144 с.
- Lecerle J.-J. The violence of language / J.-J. Lecerle. – L., N. Y., 1990. – 272 p.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / [edited by A. S. Hornby, Sally Wehmeier, Michael Ashby]. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 1422 p.
- Spark M. The Portobello Road [Электронный ресурс]. – режим доступа до книги : <http://maxima-library.org/knigi/genre/b/91535/read>
- Wikipedia / **pun** [Электронный ресурс]. – режим доступа до статті : <http://en.wikipedia.org/wiki/Pun>

Блинова И. А. Языковая игра как средство создания комического эффекта (на материале творчества Мюриэл Спарк) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С.203-208

Статья посвящена исследованию языковой игры как средства создания комического эффекта на материале рассказа «Портобелло-Роуд» одной из самых ярких представительниц современной «женской» прозы Мюриэл Спарк. Охарактеризовано понятие «языковая игра» в современной лингвистике с акцентом на значимости этой категории для лингвистической поэтики. Проанализированы типичные примеры преднамеренного обыгрывания автором языковых явлений на лексико-семантическом, синтаксическом, словообразовательном и прагматическом уровнях. Выявлены особенности их функционирования в рамках художественного прозаического дискурса, что является признаком индивидуально-авторского стиля писательницы.

Ключевые слова: художественный прозаический дискурс, языковая игра, игра слов, каламбур, идиостиль, комический эффект, сатира.

Blynova I. A. A language play as a means of creating a comic effect (on the material of Muriel Spark's literary works) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.203-208

The article focuses on the language game as a means of creating a comic effect on the material of the story “Portobello Road” by one of the brightest representatives of the modern “female” prose Muriel Spark. The concepts of the “language game”, “play of words”, “pun” have been characterized in modern linguistics with an emphasis on the importance of these categories for linguistic poetics. Typical examples of linguistic phenomena intentional playing of words by the author at the lexical, semantic, syntactic, wordbuilding and pragmatic levels have been analyzed. The peculiarities of their functioning within the artistic prose discourse have been pointed out, which is a characteristic of the author’s individual style. Being ruthless to the modern concepts of high distortion, M. Spark condemns world of imaginary values. Times change, ideas and concepts that seemed stable, unambiguous and conform to the British tradition lose their meaning and sense. The prospect of the further study of the problems mentioned is the investigation of the linguistic arsenal of language means used in the play of words at different levels for their linguistic interpretation by the reader, particularly in the works of M. Spark.

Key words: artistic prose discourse, language play, play of words, pun, idiostyle, comic effect, satire.

Поступила до редакції 09.05. 2014 р.

УДК 82.02:314.151.3-054.72

**Эмиграция и типология понятия «писатель-эмигрант»
в современном эмиграционном дискурсе**

Велилаева Л. Р.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
lilka_raimovna@mail.ru*

В статье рассмотрены понятия «эмиграция» и «интеллектуальная эмиграция» в современном эмиграционном дискурсе, выделены четыре типа писателя-эмигранта, определены основные признаки и отличительные черты каждого из названных типов, обозначены проблемы и дискуссионные вопросы.

Ключевые слова: *эмиграция, собственно писатель-эмигрант, писатель-экспатриант, писатель-номад и писатель-турист.*

Цель настоящего сообщения состоит в анализе типов писателей-эмигрантов и формулировании основных дискуссионных вопросов типологии современного эмиграционного дискурса. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) дать определения понятиям «эмиграция», «внутренняя эмиграция» и «интеллектуальная эмиграция»; 2) проанализировать типы писателей-эмигрантов и обозначить доминирующий признак каждого из типов; 3) выявить дискуссионные вопросы и определить дальнейшие перспективы исследований.

Эмиграция – это вынужденное переселение (изгнание, выход), дословно «выселение» за пределы (с лат. «emigro» – выселяюсь). Исследователи эмиграции как мирового культурного явления, например Эдвард Сайд, определяют эмиграцию и как реальное состояние изгнания, ссылки, и в более широком смысле, как состояние жизни, лишённое влияния каких-либо привилегий, искушений и влияния определенной культурной среды [18, с. 373]. Эмиграция в более широком смысле связана не только с пространством, но и со временем. Эмигрантом может считаться человек, который не совершил какого-либо пространственного перемещения относительно места своей Родины, но который оказался в далекой для него действительности в результате революции, военного переворота и т.п. и не находящий себе места в этой новой действительности. Такое перемещение из одного исторического хроноса в другой делает этого человека внутренним эмигрантом.

Эмиграция, однако, не является тотальным отчуждением от прошлого, от Родины, от своей родной культуры. Пребывать вне своего родного пространства (времени) не означает «to be outside», но значит «to be alone in the hole, imprisoned under the open sky: precluded» [7, с. 122]. В итоге эмиграция превращается в промежуточное состояние, пронизывающее все сферы жизни эмигранта.

Интеллектуальная эмиграция, или – более развернуто – интеллектуальное отчуждение начинается с социальной и политической истории дислокации и миграции, то есть в непосредственном состоянии изгнания, но не ограничиваясь только этим. Интеллектуальная эмиграция часто представляет собой эмиграцию в переносном смысле: это определение себя, своего внутреннего состояния как «а

sort of permanent outcast, someone who never felt at home, and was always at odds with the environment, inconsolable about the past, bitter about the present and the future» [18, с. 370]. Если рассматривать понятие «эмиграция» шире и трактовать его как отчуждение, а не только как вынужденное перемещение, однако связывая эмиграцию с пространственным перемещением, то, согласно Бугаевой Л., можно обозначить четыре базовых формы отчужденности – оторванности от дома/Родины в разных вариантах и комбинациях имеющиеся в современном эмиграционном дискурсе. Эти формы представлены следующими типами эмигрантов, в соответствии с которыми можно говорить о типологии писателей-эмигрантов [1]:

1. Собственно эмигрант.
2. Экспатриант.
3. Номад.
4. Турист.

1. *Эмигрант.* Эмигрант – в исторической перспективе – это человек, вынужденно покинувший свой дом/Родину. Следует отметить, что в восточноевропейской и западноевропейской традициях толкования этих понятий разные [3, с. 328–332]. При рассмотрении толкований понятий «Родина», «эмиграция» западными словарями выявлено, что в них доминирует «эмиграция», не «Родина», а сама «эмиграция» рассматривается прагматично: «это оставление прежнего места жительства и перемещение на новое» [3, с. 329]. Восточно- и центрально-европейские источники формулируют эмиграцию совершенно по-другому: «как вынужденное, но, вместе с тем, лично выбранное ... расставание с Родиной, - при малой (вплоть до никакой) вероятности возвращения» [3, с. 329]. Для Запада эмиграция – это куда писатель поехал и зачем, а для восточноевропейской традиции – это вопросы откуда и почему, то есть что заставило его уехать?

Исходя из определения понятия «эмиграция» мы выделили три основных критерия собственно писателя-эмигранта:

1. Самоощущение писателя, то, как он сам себя позиционирует (оно может меняться).
2. На какую целевую аудиторию он рассчитывает свои произведения.
3. В которую из литератур войдут его произведения.

Взяв в основу эти критерии можно обозначить следующие типы писателя-эмигранта: это диаспорник и две диаметрально противоположные позиции – космополит и националист. Космополит пишет вообще, для всего мира. Он пишет для любой страны, чьи издатели печатают, а читатели читают его произведения. Ему все равно, на каком языке (здесь не следует путать язык и самоощущение самого писателя) он пишет. Противоположный полюс – писатель-националист. Где бы он ни находился, он пишет для читателей своей первой Родины, даже если он понимает, что ни сегодня, ни завтра (как это было с украинской эмиграцией) его произведения читателями первой Родины прочитаны не будут, все равно он верит в то, что эти произведения потом вольются в литературу его первой Родины. Срединная позиция – диаспорник. Его задача – выкроить определенную зону, свою, специфическую в литературе второй Родины. Вот это его установка. Он хочет быть писателем своей второй Родины, войти в литературу своей второй Родины, но при этом занять в ней особую зону. Это диаспорное мышление.

При такой типологии становится понятно, что за этим стоят три разных понятия эмиграции, в которых ключевым вопросом будет представление о том, что у писателя-эмигранта либо две Родины, либо одна, но она осталась там. С того момента, когда писатель считает своей Родиной только страну, в которую он эмигрировал, он уже не эмигрант. Тогда он становится писателем другой национальной литературы с инонациональными корнями.

2. *Экспатриант*. Экспатриант – человек, покинувший дом/Родину для получения образования, повышение уровня жизни, решения своих экономических / политических / духовных / творческих проблем. Писатель-экспатриант пребывает за пределами своей Родины по собственному волеизъявлению и не предполагает покидать свою Родину навсегда. Он не изгнанник и изгнанником себя не считает.

3. *Номад*. Номад в переводе с лат. «nomas» – кочевник. [5, с. 82] В контексте эмиграционного дискурса номад – это человек, воплощающий в себе постоянную смену места проживания; национальную, государственную, политическую независимость. Номад не может иметь дом и не добивается этого. Не имеющий связи с обществом номад вытесняется на периферию и становится маргиналом. Взяв за основу номадологическое исследование Делёза Ж. и Гваттари Ф. «Ризома» [2] и проведя параллель между номадом и ризомой (с фр. rhizome - корневище), у которой, по представлениям ученых, нельзя определить ни начало, ни конец, ни центра, можно сформулировать основные свойства писателя-номада. Писатель-номад характеризуется отсутствием постоянного места проживания, длительных связей с кем-либо и чем-либо. Это дает право говорить о детерриторизации и, вместе с тем, о ретерриторизации, безграничности пространства свободного перемещения [13, с. 89]. Писатель-номад – это писатель, который уехал из родной страны и ни с одной другой страной не соотносимый. Номаду, как и ризоме, присуще перманентное движение без четко определенных начала и конца. Нигде номаду не удастся укорениться и потому произведения, созданные писателем-номадом, относятся к периферии или к маргинезу поля большой литературы.

4. *Турист*. Турист, согласно Каплан К., это обычно европеец или американец, как правило, мужчина, белый, достаточно состоятельный, наблюдатель, образованный, культурный [13, с. 50]. Сегодняшний турист, путешествуя, пребывает в вечном поиске нового смысла, самого неопровержимого, самого настоящего [16]. Писатель-турист – это писатель, который, путешествуя, ищет новые объекты и новые сюжеты, новые идеи и понятия, реализующиеся в его литературном творчестве.

Общим для собственно эмигранта, экспатрианта, номада и туриста является их основной признак – перемещение в пространстве, территориальная дислокация. В фигуральном значении все эти четыре типа объединены фактором отчуждения от воздействия доминирующих тенденций общественной и культурной жизни.

Выводы и перспективы исследований. В результате анализа работ современного эмиграционного дискурса можно сделать следующие выводы:

1. Понятие «эмиграция» связано с перемещением, территориальной дислокацией, состоянием ссылки/изгнания и отчуждения.

2. В зависимости от критерия, взятого в основу определения понятия «эмиграция», различают эмиграцию как явление территориальной дислокации, внутреннюю эмиграцию как результат пребывания в действительности, ставшей чуждой для человека в силу каких-то событий (революции, военного переворота и т.п.) и интеллектуальную эмиграцию как состояние вечного поиска и чувства неудовлетворенности действительностью.

3. Взяв за основу критерий отчужденности, можно выделить четыре типа писателя-эмигранта: собственно писатель-эмигрант, писатель-экспатриант, писатель-номад и писатель-турист.

3.1. В понятии «собственно писатель-эмигрант» можно выделить следующие виды: писатель-националист, писатель-космополит и писатель-диаспорник.

3.2. Писатель-экспатриант находится за пределами своей Родина по собственной воле и себя изгнанником не считает.

3.3. Писатель-номад – это писатель, который уехал из родной страны и ни с одной другой страной не соотносимый.

3.4. Писатель-турист – писатель, который находится в состоянии перманентного творческого поиска через путешествия.

В современном эмиграционном дискурсе нами были обозначены такие дискуссионные участки:

- Какой признак следует определять основополагающим в определении писателя-эмигранта: признак территориальной дислокации, признак внутренней отчужденности или признак перманентного поиска, духовного и физического блуждания?

- Целесообразным ли является включать писателя-экспатрианта в общую типологию писателей-эмигрантов?

- Какой критерий следует считать базовым при разграничении понятий писатель-номад и писатель-турист?

На эти вопросы мы попытаемся ответить в наших дальнейших научных исследованиях.

Список литературы

1. Бугаева Л. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ec-dejavu.ru/e/Emigration.html>– 12.04. 2014 г. – Загл. с экрана.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип : Капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; научн. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория, 2008. – 672 с.
3. Новикова М. Міфи та місія / М. Новикова // К. : Дух і літера, 2005. – 432 с. – С. 328 –332.
4. Новикова М. А. Патриотический дискурс : мифы и контр-мифы / М. А. Новикова // Світова література на перехресті культур і цивілізацій. Зб. наук. праць. – Сімферополь : Кримський Архів, 2008. – Вип. 1. – 432 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – 832 с.
6. Away : The Indian Writer as an Expatriate / ed. by A. Kumar. – Taylor & Francis, 2013. – 432 p.
7. Barthers R. Roland Barthers by Roland Barthers / R. Barthes. – Hill and Wang, 2010. – 208 p.
8. Biber D., Conrad S. Register, genre, and style / D. Biber, S. Conrad. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 344 p.
9. Hanson C. F. Emigration, Nation, Vocation : The Literature of English Emigration to Canada, 1825-1900 / C. F. Hanson. – Michigan : Michigan State University Press, 2009. – 194 p.
10. Hispanic Caribbean Literature of Migration: Narratives of Displacement / ed. by V. P. Rosario. – Palgrave Macmillan, 2012. – 256 p.
11. Hron M. Translating Pain: Immigrant Suffering in Literature and Culture / M. Hron. – Toronto : University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division, 2010. – 320 p.
12. Israel N. Outlandish : Writing Between Exile and Diaspora / N. Israel. – Stanford : Stanford University Press, 2000. – 272 p.
13. Kaplan C. Questions of Travel : Postmodern Discourses of Displacement / C. Kaplan, ed. by S. Fish, F. Jameson. – Durham : Duke University Press, 1996. – 256 p.
14. Lacroix C. Immigrants, Literature and National Integration / C. Lacroix. – Palgrave Macmillan, 2010. – 224 p.

15. Ma S. Immigrant Subjectivities in Asian American and Asian Diaspora Literatures / S. Ma. – New York : State University of New York Press, 2009. – 191 p.
16. MacCannel D. The Tourist : A New Theory of the Leisure Class / D. MacCannel. – Oakland, California : University of California Press, 2013. – 280 p.
17. Migration, Narration, Communication: Cultural Exchanges in A Globalised World / ed. by A. Witalisz. – Peter Lang GmbH, Europaischer Verlag der Wissenschaften, 2011. – 208 p.
18. Said E. W. The Edward Said Reader / E. W. Said, M. Bayoumi, A. Rubin. - Vintage; First Edition edition, 2000. – 472 p.

Велілаєва Л. Р. Еміграція та типологія поняття «письменник-емігрант» в сучасному еміграційному дискурсі // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.209-213

У статті розглянуто поняття «еміграція» та «письменник-емігрант» в сучасному еміграційному дискурсі, виокремлено чотири типи письменник-емігранта, з'ясовано основні ознаки та відмінні риси кожного з цих типів, виявлені проблеми та дискусійні питання.

Ключові слова: еміграція, власне письменник-емігрант, письменник-експатріант, письменник-номад та письменник-турист.

Velilaeva L. R. Emigration and typology of writer-emigrant in modern emigration studies // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.209-213

The paper deals with the concepts of «emigration» and «writer-emigrant» in modern emigration studies. Emigration can be determined as a resettlement outside the motherland. Person is characterized as an emigrant when he appears in alien environment due to revolution or military takeover and he can't find his own place in these circumstances. This is called an inner emigration. Scholar E. Said singles out an «intellectual emigration» which can be described as state of the permanent search and filling of discontent. According to the criterion of estrangement there are four types of writer-emigrant: actually writer-emigrant, writer-expatriate, writer-nomad and writer-tourist. There are four types of actually writer-emigrant: writer-nationalist, writer-cosmopolite and diaspora writer. The writer-expatriate is outside his motherland on his own accord and doesn't think he is an exile. Writer-nomad left his motherland and doesn't have a permanent place of location. Writer-tourist is always in the state of travel with the aim to find new sense for his literary work.

Key words: emigration, actually writer-emigrant, writer-expatriate, writer-nomad and writer-tourist.

Поступила в редакцію 08.05.2014 з.

УДК 811.161

**Использование методов корпусной лингвистики
в изучении речевых жанров**

Дементьев В.В.

*Саратовский госуниверситет им. Н.Г.Чернышевского,
г. Саратов, Россия*

Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.

Несмотря на активное развитие корпусной лингвистики (о целях и методах корпусной лингвистики см., напр., [Integrum 2006; Захаров 2005; Копотев, Мустайоки 2008]), ее возможности скорее непоследовательно используются при изучении речевых жанров.

В целом в исследованиях речевых жанров: в диссертациях, монографиях, статьях, посвященных различным аспектам и проблемам теории речевых жанров (о наиболее значительных целях и направлениях теории речевых жанров см. [Жанры речи 1-8: 1997-2012; Дементьев 2010]), – совсем не редко используются те или иные возможности корпусной лингвистики.

С нашей точки зрения, о методах корпусной лингвистики можно говорить в тех случаях, когда особые лингвистические задачи решаются количественно и с использованием технических возможностей корпусно-поисковых систем.

Покажем это на примере корпусно-поисковой системы Integrum, богатые, но специфические возможности которой (см. [Integrum 2006]) попытаемся использовать для изучения (или хотя бы уточнения характеристик) двух речевых жанров русской культуры – *разговора по душам* (РпД) и *светской беседы* (СБ).

Оба жанра неоднократно обсуждались в жанроведении и смежных направлениях изучения словесности (см.: [Седов 2007; Фенина 2005]), однако, например, выявить четкие формальные показатели данных жанров (как и для других подобных «нежестких» жанров), а также сформулировать принципы безэквивалентной семантики данных явлений (например, в терминах универсальных семантических метаязыков) до сих пор не удавалось.

«Точные», статистические, «техногенные» и т. д. методики, которые и отличают корпусную лингвистику, как известно, довольно часто оказываются эффективны именно в подобных случаях. Для этого нужно, например, осуществить выделение и описание ключевых фраз, выражающих семантику и прагматику речевого жанра (см.: [Карасик 2002; Шмелева, Шмелев 2002]).

Материалом исследования послужили публикации в современной (после 1991 г.) русской прессе (русские и русскоязычные зарубежные издания), собранные и обработанные при помощи системы Integrum (6328 источников за период с 1992 по 2009 гг.).

Так, Integrum выдала **29965** контекстов с *по душам* и в целом позволила осуществить исследование жанра *разговор по душам* по параметрам: общие

ценностные характеристики; парадигматика и синтагматика *по душам*; участник *разговора по душам*; метафоры «*по душам*».

В результате анализа обнаружилась значительная **сложность и противоречивость** РпД: он может быть «простой» ~ и кому-то не по силам; может быть с «простым» собеседником ~ и высокообразованным специалистом; может быть коротким ~ и длинным; расслабленным (релаксирующим) ~ и напряженным; со «своими», избранными ~ и с незнакомцем; может привести к примирению ~ и к ссоре; может быть спокойным ~ и включать элементы спора (мужской РпД) или истерики (женский); обычно РпД не может состояться «по заказу» ~ и положительно оценивается РпД, проводимый (успешно) специалистами-психологами с психически больными или неуравновешенными людьми. Абсолютное большинство оценочных характеристик РпД, фиксируемых в примерах, **положительные и ярко-положительные**; в то же время есть и отрицательные характеристики.

Анализ многочисленных примеров в прессе убеждает, что концепт «по душам» относится к числу «**простых**» **непреходящих ценностей**, таких как любовь и дружба, которые постоянно забывают в наше суетное, циничное время:

Мы в Москве уже давно озверели, в этом беге, суете не останавливаемся, не говорим по душам. Оксана Пушкина. Аргументы и факты; 17.07.2002.

- Во многих контекстах подчеркивается: РпД – разговор «о главном»:

Теперь пришло время разговора с Сережей по душам – о самом главном в его жизни. Твой курс / приложение к АиФ; 16.11.2005.

- РпД – важная часть русского национального характера:

Впрочем, есть одно качество, которое между нами, русскими, можно считать действительно общенациональным, – это культура общения, в частности, способность разговаривать по душам со всяким встречным-поперечным, почувствовать кровную близость с человеком, вовсе тебе незнакомым. Тайна народного. Версты, Москва; 25.02.1999.

Парадигматика по душам. РпД противопоставлен коммуникативному поведению, исключающему понимание, прежде всего – агрессивному:

И если вижу несправедливость, то не ругаюсь и не кричу, а стараюсь решить проблему спокойно – поговорить по душам. Комсомольская правда; 22.11.1999,

- а хорошо для РпД то, что этому пониманию способствует: искренний, открытый, откровенный, честный, вдумчивый, доброжелательный (часто эти определения идут вместе):

Но в редкие минуты отдохновения удается поговорить по душам, искренно и откровенно. Московская правда / Спорт; 08.05.2001;

А ждет читатель честного и открытого разговора по душам, рассказов о том светлом, по-хорошему интересном, что, как ни странно, еще встречается в нашей жизни. Российская газета; 15.11.1996.

- РпД безусловно противопоставлен казенной фальши:

Поэтому разговор о Петербурге сегодня – это совсем не казенное мероприятие, а разговор по душам. Невское время; 27.05.2000.

- РпД противопоставлен и фальши светской:

Как писали в одной статье – «не очень привлекает нас эта светская болтовня», нам необходим разговор по душам, что невозможно в условиях телевидения. Михаил Швыдкой: «Меня требуют уволить». Санкт-Петербургский курьер; 28.03.2003.

• Синтагматика по душам. Согласно данным Integrum, с по душам сочетаются: поговорить – 13178 контекстов; разговор – 8766; говорить – 1723; беседа – 1385; беседовать – 764; общение – 404; общаться – 283; потолковать – 169 (и толковать – 30); разговориться – 162; разговаривать – 113; диалог – 84; (по)болтать – 48; переговорить – 36 (иногда это ирония); кроме того, зафиксированы единичные употребления: трепаться (скорее ирония); покалякать (ирония); бухтеть; договориться и др.

- РпД может сделать другом/подругой:

Люба, после разговора по душам ставшая мне практически подругой, взялась присматривать за ним и гулять вовремя. Последняя потеря. Твой курс / приложение к АиФ; 03.08.2005;

- результатом РпД может быть понимание:

Главное, чего можно добиться «разговором по душам», – услышать друг друга. Если практиковать «разговор по душам», вы сможете понимать друг друга с полуслова. Комсомольская правда; 24.11.2005;

- в РпД естественно дать и получить совет:

Ведь каждому из нас, будь то представитель сильной или слабой половины, нужен человек, с которым было бы комфортно, а главное – с кем можно поговорить по душам о своих планах и получить хороший совет. Мечтаю о дружбе. Волгоградская правда; 05.08.1999.

Метафоры «по душам». Как показывает материал Integrum, «по душам» выступает в переносном значении, когда речь идет о различных формах и видах дисгармоничного общения: агрессивного, конфликтного, а также официального (прежде всего дисгармонично-официального, типа допроса) и манипулятивного:

Пропажу вовремя заметили, прокурор района Николай Боткин побеседовал с девушкой по душам и сумели «расколоть». Место преступления – прокуратура. Молодой коммунар (Тула); 12.07.2006.

В результате анализа контекстов мы можем выделить несколько важнейших смысловых компонентов «по душам», на базе которых данное выражение развивает переносные, метафорические значения.

- РпД – разговор о важном (даже главном): говорящий открыто, охотно, в полном объеме и без утаивания делится с собеседником важной для себя информацией (отсюда использование по душам для метафорической номинации допросов и подоб.):

«Показания» снимал Веркетис – мастер «разговоров по душам». Синдикат киллеров. Вечерняя Москва; 21.06.2007.

• С другой стороны, РпД – это и возможность донести что-то важное до сведения собеседника, заставить его внять, услышать себя (ср. Давай выйдем?):

Приставляет нож к горлу и тянет в подъезд: пойдём, мол, дорогуша, поговорим по душам. Караван историй; 06.02.2006.

• «По душам» обычно говорят «со своими»; отсюда может развиваться метафорическое значение «секретный разговор» для «своих»:

Подъезжали и ко мне с «разговорами по душам», предложениями быть «помягче», «поуступчивее». Владислав Шурыгин. Завтра; 20.11.2001.

Светская беседа, светскость. Статистический анализ подтвердил: в современной русской речи слово светский является чрезвычайно распространенным. Система Integrum выдала в общей сложности 339572 контекстов для «светский» (1992-2009).

Эти контексты делятся на две отчетливо противопоставленные группы: традиционные, по-видимому, автоматически связываемые с классической литературой: беседа; вечер; дама; круг; лев; лоск; львица; манеры; общение; общество; прием; разговор; раут; салон; сплетни; человек; этикет и др., и в большей степени новые, современные: тусовка, тусовщик, тусовщица, звезда, дива, треп, болтовня, презентация, вечеринка и др.

Гламурность как новая светскость. Кроме того, Integrum выдала в общей сложности 91585 контекстов для «гламур» / «гламурный», из них по годам: 1992 – 1; 1993 – 0; 1994 – 0; 1995 – 1; 1996 – 11; 1997 – 88; 1998 – 120; 1999 – 138; 2000 – 207; 2001 – 677; 2002 – 998; 2003 – 2444; 2004 – 4607; 2005 – 8431; 2006 – 16787; 2007 – 25099; 2008 – 25165; 2009 – 6886.

Содержание данного концепта еще только формируется и во многом остается неопределенным. Гламур / гламурный обнаруживает очень значительную противоречивость: это и утонченность ~ и дурновкусие; и элитарность ~ и неразборчивость; и острота эксперимента, эпатаж ~ и приторная, «розовая» слащавость; и пестрота ~ и однообразие; требованиям «гламурности» трудно соответствовать ~ и гламур означает упрощенность и «уплощенность» мыслей, чувств, отношений.

Нередко светский и гламурный абсолютные синонимы, как в следующих примерах:

Ксения отправится по светским вечеринкам, фитнес-центрам, выставкам и концертам – местам, где можно встретить претендента на руку и сердце. Комсомольская правда; 14.02.2008;

Пользуясь журналистскими связями, доставала ей пригласительные на гламурные вечеринки, где подруга заводила новые знакомства. Комсомольская правда; 20.12.2008.

В то же время во многих своих значениях данные концепты расходятся. Выявить различия поможет более детальный анализ сопоставимых и несопоставимых контекстов, в которых встречаются свет и гламур в современной прессе.

В количественном отношении выделяются три группы: 1) сопоставимые контексты; 2) контексты, в которых заметно больше доля светский; 3) контексты, в которых заметно больше доля гламурный.

Светский незаменим или малозаменим на гламурный в следующих сферах: когда подчеркивается, что речь идет о реалиях прошлого (прежде всего, XIX века) (альбом, аристократ, хлыщ), в устойчивых словосочетаниях (также восходящих в этому прошлому) (светский денди, светский раут), в коммуникативных понятиях (также обычно называемых посредством устоявшихся выражений) (светская беседа, светский этикет, светские манеры), наконец, во всех случаях, когда актуализируются такие семы понятия свет, как аристократизм, элита, статус, власть.

Для гламурный безэквивалентными сферами являются, прежде всего, сфера эксперимента (бренд, трэш), отрицательно-оценочные экспрессивные «молодежные» характеристики, прежде всего характеристики человека (нередко это жаргонные лексемы) (стерва, подонок), ситуации, когда на первый план выходят внешние характеристики, эффекты (шик, роскошь, имидж, красotka), наконец, мир моды, точнее, мир модной одежды (прикид, прическа, купальник), а также модные заведения, здания (ресторан(чик)).

В целом сочетаемость у лексемы гламур оказывается заметно больше, чем у светский (особенно показательны соответствия с нулевыми контекстами для последнего), в том числе с такими словами, которые как будто бы по своей основной семантике противоречат доминантам гламура. Показательно, что среди них много слов с «непостоянной лингвистической пропиской» в литературном языке – жаргонизмов, в том числе слов с ярко-отрицательными коннотациями (бл...дь, курва, мерзавец, педераст, подонок, рожа, сопля, фигня, шлюха), неологизмов (бойфренд, гей, кутюрье, нимфетка, стразы, трэш, фенечки, хит), молодежных диминутивов (киска, пупсик, телка, трусики, шубка, фенечки). Если в целом предсказуемо в этом «гламурном» ряду место слов: феерия, шоколад, ореол, купальник, шик, эротика, то сочетания гламурного со словами типа: тетка, баба, мужик, пацан, провинциал, камуфляж, дитя, ангел, поп, мессия могут показаться неожиданными.

Процентный коэффициент соответствий. Следующая часть нашего исследования была посвящена выяснению, насколько в целом явления и понятия с определением светский обнаруживают тяготение к гламурности. Данное исследование также было статистическим, с использованием возможностей системы Integrum: для этого нами фиксировались все контексты со словосочетаниями, включающими определение светский, в которых, кроме того, использовалась и лексема гламур / гламурный. При этом был задан режим расширительного поиска: слово гламур / гламурный должно быть внутри того же текста (в данном случае – одной и той же газетной статьи), что и словосочетание с определением светский, но необязательно в том же предложении.

Для этого были выбраны лексемы, где 1) было зафиксировано самое большое число контекстов для словосочетаний с определением светский, 2) по возможности было бы также большое число контекстов для словосочетаний с определением гламур / гламурный. Третья колонка – процентный показатель.

Использование методов корпусной лингвистики...

«Светский» + «гламур» в одном контексте – 11413 (10787) контекстов (1992-2009), из них:

		кол-во контекстов для <i>светский</i> всего	контекстов вместе с «гламур»	
			количественный показатель (в скобках – для <i>гламурный</i>)	процентный показатель (для <i>гламур</i>)
коммуникативные	беседа	5152	179 (161)	3,47
	болтовня	423	22 (22)	5,20
	вечер	828	31 (27)	3,74
	вечеринка	5544	467 (450)	8,42
	диалог	64	4 (4)	6,25
	мероприятие	15262	796 (770)	5,21
	общение	860	18 (17)	2,09
	пати	41	2 (2)	4,87
	презентация	56	9 (30)	17,85
	прием	3371	100 (98)	2,96
	разговор	1225	27 (25)	2,20
	раут	11170	622 (602)	5,56
	сплетни	1504	120 (115)	7,97
	треп	144	18 (17)	12,5
некоммуникативные	тусовка	10228	965 (946)	9,43
	артист	15	0 (0)	0
	богема	34	2 (2)	5,88
	девица	40	1 (30)	2,50
	девушка	712	86 (87)	12,07
	дива	460	39 (39)	8,47
	жизнь*	35473	1527 (1497)	4,30
	заведение	197	12 (12)	6,09
	заведение	197	12 (12)	6,09
	звезда	142	26 (28)	18,30
	знаменитость	146	9 (9)	6,16
	издание*	722	27 (28)	3,87
	лев	4320	328 (304)	7,59
	личность	90	5 (4)	4,44
	лоск	537	42 (39)	7,82
	львица	18763	2151 (2113)	11,46
	мир*	958	83 (84)	8,76

мода	116	9 (8)	7,75
модель	257	0 (0)	0
модник	19	3 (3)	15,78
модница	130	19 (19)	14,61
мужчина	84	8 (8)	9,52
общество	6917	213 (189)	3,07
<i>пати + party</i>	41 + 33	2 + 1 (2)	4,05
певец	29	0 (0)	0
платье*	137	5 (4)	3,64
салон	1527	38 (38)	2,48
тусовщик	497	99 (97)	19,92
тусовщица	550	54 (53)	9,81
формат	46	0 (0)	0
ценность	336	0 (0)	0
человек	5490	123 (119)	2,24
штучка	50	3 (3)	6,00
юноша	31	0 (0)	0

Процентный показатель может означать: а) что, встретив *светский* в данном контексте, мы здесь же встретим *гламур(ный)*: процент есть вероятность такой встречи; б) иногда такой процент также показывает степень вероятности того, что *светский* был использован в том же значении, что и *гламурный*.

Собственно коммуникативные контексты. Относим к коммуникативным характеристикам концептов «*светский*» и «*гламурный*» следующие параметры: названия речевых / коммуникативных жанров (*разговор, беседа, болтовня, сплетни, флирт*); отдельных коммуникативных действий (*улыбка*); коммуникативно-знаковые системы (*этикет*); тональность коммуникации; отдельные (оценочные) измерения коммуникации.

Прежде всего, обращает на себя внимание отчетливо **более** коммуникативный характер концепта *светский*. Несомненно, в русском языке и речи к рубежу XX-XXI веков уже сложилась достаточно четкая система коммуникативных измерений данного концепта. Так, для концепта *светский человек*, являющегося, по-видимому, организующим центром общего поля *светский*, коммуникативная составляющая является чрезвычайно существенной; можно сказать, что *светский человек* – это тот, кто способен вести *светскую беседу*. Многие из этих сочетаний относятся к традиционным и устойчивым и активно использовались еще в XIX веке (*беседа; разговор; сплетни; общение; этикет; манеры; прием; вечер; раут; отношения; тон; суэта; улыбка; диалог; флирт; поведение*). Для *гламура* коммуникативные контексты в целом малочисленны (кроме *вечеринка* и *тусовка*).

Гламур и *свет* в своем коммуникативном измерении вполне **эквивалентны** в контекстах: *вечеринка*: для *светский* – 5544, *гламурный* – 1066; *тусовка*: для *светский* – 10228, *гламурный* – 1155; а также (с более скромными количественными показателями): *пати, презентация*. Показательно отсутствие контекстов **гламурный этикет*: по-видимому, дело здесь не в отсутствии правил у *гламура*, а в том, что быть вежливым – это как бы не очень гламурно; прикрывать же безупречной

вежливостью, превосходство, агрессию, издевку – этому «молодой» *гламур* еще не научился.

В целом можно с уверенностью говорить, что в современном русском языке и речи еще **не сложилась** четкая система его коммуникативных характеристик *гламура*. Думается, что на распределение коммуникативных значений *света* и *гламура* в современном русском языке и речи повлиял тот исторический факт, что концепт *свет*, чьи значения первоначально достаточно четко, по-видимому, делились на коммуникативные и некоммуникативные, к настоящему времени пережил почти полную утрату своей некоммуникативной составляющей – поскольку фактически ушло из жизни все, кроме собственно манер в общении (образ жизни старого русского дворянства, то есть *света*, во всех его проявлениях). Теперь некоммуникативное значение *света* сохраняется только в текстах, относящихся к ушедшей эпохе или стилизующих ее. Таким образом, некоммуникативная составляющая *света* оказалась невостребованной – во многом именно эту лауну и заполняют развивающиеся значения «нового» *гламура*.

Все эти соображения придают настоящему исследованию подчеркнuto начальный, предварительный характер. Конечно, в статье были продемонстрированы только некоторые возможности, которые дает корпусно-поисковая система *Integrum* для изучения речевых жанров. По этой же причине полученные результаты в основном статистические, их настоящее осмысление – дело будущего.

Список литературы

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. – М.: Знак, 2010. (Коммуникативные стратегии культуры).

Жанры речи. – Саратов, М.: Колледж; Наука; Лабиринт, 1997-2012. – Вып. 1-8.

Захаров В.П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособ. – СПб.: СПбГУ, 2005.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.

Коптев М.В., Мустаюки А. Современная корпусная русистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы. – Helsinki: Helsinki University Press, 2008. – С. 7-24.

Седов К.Ф. Разговор // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 220-230.

Стернин И.А. Светское общение. Воронеж, 1996.

Фенина В.В. Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2005.

Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. – М.: Языки славян. культур, 2002.

Integrum: точные методы и гуманитарные науки. – М.: Летний сад, 2006.

Demytyev V.V. **Using the corpus linguistics' methods in the study of speech genres** // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications.* – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.214-221

The contexts with the lexical names of two Russian speech genres have been selected out of the contemporary Russian newspapers with an aid of the Integrum system, and then the connotative meaning of these contexts have been analyzed.

Keywords: *speech genres, corpus linguistics' methods, the Integrum system.*

Поступила в редакцию 19.05.2014 г.

УДК 811.161.1'42

Воплощение идеи «ВОДА – ВРЕМЯ» в поэзии М. Цветаевой

Жадлун М. И.

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск, Украина
rifa.ritusha@ya.ru*

В данной статье представлено сопоставление универсального культурного концепта «вода» и абстрактной идеи «времени» в поэтической картине мира М. Цветаевой. Выявлены семантические основания для сравнения «воды» и «времени» в поэзии М. Цветаевой, главное из которых «текучесть». Осуществлен контекстуальный анализ стихотворных отрывков, реализующих идею сходства стихии воды и времени. Сделаны выводы о том, что частотность воплощения идеи «вода – время» в поэзии М. Цветаевой подтверждает значимость данной оппозиции для ценностной системы координат поэта.

Ключевые слова: культурный концепт, концептосфера, концепт «вода», стихия воды, время.

*Ни река, ни быстротечное время остановиться не могут
Овидий*

С древних времен люди верили, что все в мире состоит из основных элементов и относится к олицетворяющим их стихиям: воде, воздуху, огню и земле – «самым мощным и самым сложным источникам биоэнергии, без которых невозможно образование культурных концептов» [7]. Каждая из стихий, будучи культурным геном, в общечеловеческом масштабе, воплощает в себе абстрактную идею: стихия огня определяет дух, стихия воздуха – пространство, стихия земли – материю, а стихия воды – время.

Сторонниками культурологического взгляда на природу концепта являются Ю. С. Степанов, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, В. В. Красных, Е. М. Верещагин, Е. Г. Костомаров, Н. Ф. Алефиренко, С. Х. Ляпин, А. Т. Хроленко и др.

Определение концепта как основной ячейки культуры в ментальном мире человека, предложенное Ю. С. Степановым [9, с. 43], сегодня, на наш взгляд, является хрестоматийным культурологическим представлением концепта в русистике.

Культурные концепты хранятся в коллективном языковом сознании, являя собой общенародное достояние. Они универсальны и константны (устойчивы во времени). Культурные концепты образуют концептосферу народа (термин Д. С. Лихачева).

Изучение ключевых концептов определенной культуры сегодня является актуальным и востребованным, но, несмотря на большое число работ по культурным концептам, одним из основных остается вопрос о составе концептосферы. Так, В. А. Маслова считает, что концептосферу русской культуры образуют концепты, которые можно разделить на следующие группы [8, с. 75]: 1) мир–пространство, время, число, родина; 2) стихии и природа – вода, огонь, дерево, цветы; 3) представления о

человеке – новый русский, интеллигент, дурак, странник; 4) нравственные концепты – совесть, грех, правда, истина; 5) социальные понятия и отношения – свобода, воля, дружба, война; 6) эмоциональные концепты – счастье, радость; 7) мир артефактов – храм, дом, сакральные предметы (свеча, колокол); 8) концептосфера научного знания – философия, филология; 9) концептосфера искусства – архитектура, живопись, музыка.

Представленная классификация свидетельствует о богатстве и многоуровневой организации концептосферы русской культуры. Изучение «ключевых слов» культуры (термин А. Вежицкой) в свою очередь позволит исследователю выявить в данной культуре существенные и уникальные, присущие только ей свойства.

Культурные концепты отражаются в фольклорных текстах, в произведениях художественной литературы, при этом именно в последних претерпевают изменения, поскольку пропускаются через призму авторского восприятия.

Творчество М. Цветаевой является знаковым для русской культуры. И. Бродский назвал М. Цветаеву первым поэтом XX века [8, с. 5]. Ее поэзия отражает ключевые концепты русской культуры, в частности концепт «вода», обогащает представление о данной культуре.

Несмотря на большое число работ по изучению идиостиля М. Цветаевой, концепт «вода» изучен недостаточно, а в аспекте соотношения с идеей времени еще не был предметом научных изысканий.

Цель данной статьи – представление идеи «вода – время» в поэтической картине мира М. Цветаевой.

Задачи: 1) показать, что стихия воды является универсальной культурной константой;

2) на примере паремий проиллюстрировать идею схожести «воды» и «времени» для русского народа;

3) показать, как воплощается идея «вода – время» в поэзии М. Цветаевой.

Опираясь на различные классификации, в том числе В. А. Масловой, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина, А. Я. Гуревича, мы относим концепт «вода» к тематическому полю «природа» и к универсальным, ключевым категориям культуры, принадлежащим сознанию всего человечества, т. е. «...универсализм осмысления водной стихии связан, прежде всего, с самой природой этого объекта. Он пронизывает любые эпохи, любые понятийные человеческие структуры: культурные, социальные, личные. Вода стоит у истоков мира, она – изначальная данность, и она же «перетекает» во времени из культуры в культуру, осмысливаясь как в заданной системе координат, так и в новых образах, порожденных отдельной культурой и новой эпохой» [3, с. 39].

Так, на примере концепта «вода» можно утверждать, что культура есть продолжение природы, так как, вода, наделяясь разными смыслами, обретает свое специфическое бытие в культуре.

Если обратиться к философскому осмыслению «воды», то, согласно позиции Г. Башляра [1] и У. Джемса [4, с. 56], вода – это движение, изменчивость, время.

Для русской языковой картины мира характерно сопряжение понятий «вода» и «время», смысловой опорой для сближения которых является идея «текучести». Так, часто в повседневной жизни можно услышать и прочесть сочетание слов «время течет», «время бежит», «время льется», «время истекло», «дни проплывают», «дни утекают».

Устойчивость идеи схожести «воды» и «времени» в русской модели мира подтверждают паремии: *Ждать воды – не беда, да пришла бы вода* [5, с. 88]; *Втепору жди воли, когда сольются воды* [5, с. 187]; *Еще до той поры много воды утечет* [5, с. 230]; *Пора – проточная вода* [5, с. 233]; *Уплыли годы, как вешние воды* [5, с. 279]; *Что прошло, то в воду ушло* [5, с. 284]. Данное сходство отражено в пословицах в

глаголах движения (*ждать, пришла, прошло, ушло*) и компонентах семантического поля «время» (*пора, годы*).

Сходство воды и времени представлено и в поэзии М. Цветаевой. Вода (река) у поэта является символ необратимого потока времени («*Тонкий звон / Старинных часов – как капельки времени*» [10, с. 328]). Это объясняется тем, что в свойствах воды как первостихии, как было сказано ранее, есть особо отличающее ее качество – текучесть. «Текущая или движущаяся вода, вода-поток – буквальное материальное воплощение идеи движения, изменчивости всего сущего» [6]. Изменчивость, как известно, измеряется временем. Это и отражено в стихотворениях поэта («*По Оке минувшее плывет*» [10, с. 162], «*Одной волною накатило, / Другой волною унесло*» [74, с.540], «*Все уносят волны. / Море не твое. / На людские головы / Лейся, забываете!*» [10, с. 416], «*Над тихой заводью дней*» [11, с. 145], «*В час, когда над ручьевою хроникой*» [11, с. 170], «*Так: временем как океаном / Прокрасться, не встревожив вод*» [11, с. 199], «*Бледно-лицый / Страж над плеском века – / Рыцарь, рыцарь, / Стережущий реку / ...Рыцарь, стережущий / Реку – дней*» [11, с. 228], «*Море – седой времени*» [11, с. 243], «*Там растила сына я, / И текли – вода? / Дни? Или гусиные / Белые стада?...*» [11, с. 248]).

Примечательны индивидуально-авторские поэтические метафоры («*капельки времени*», «*заводь дней*», «*ручьева хроника*», «*плеск века*»), указывающие на разное течение времени: медленное, размеренное, быстрое.

Аргентинский писатель Х. Л. Борхес объясняет, почему нам так ясна эта ассоциация: «Предположим, что вместо пяти чувств у нас есть лишь одно. Пусть это будет слух. Тогда исчезнет зрительный мир, то есть исчезнут небосвод, звезды... Так как мы лишимся осязания, исчезнет неровное, гладкое, шероховатое. Если мы потеряем также обоняние и вкус, пропадут локализованные в языке и носу ощущения. Останется только слух. Тогда перед нами предстанет мир без пространства. Мир индивидуальностей... В этом мире у нас всегда будет время. Потому что время – это последовательность... Я вспоминаю прекрасную строчку Теннисона в одном из ранних его стихов: «*Time is flowing in the middle of the night*» («*Время, струящееся в полночь*»). Какой поэтический образ: весь мир спит, но бесшумная река времени (эта метафора неизбежна) струится по земле, под землей, в межзвездном пространстве... От времени мы не можем абстрагироваться. Наше сознание постоянно переходит от одного состояния к другому, а это и есть время: последовательность... Мы и поныне ощущаем то древнее смущение, которое когда-то поразило Гераклита. Я снова и снова возвращаюсь к его изречению: никто не войдет дважды в одну и ту же реку... Время – река, текущая к нам от своего непостижимого начала, из прошлого в будущее...» [2, с. 543].

Следовательно, течение воды – это своего рода показатель времени. Недаром говорят «сколько воды утекло с тех пор», имея в виду, что прошло много времени. Так, приведенные отрывки из стихотворений М. Цветаевой отражают идею сравнения текучести воды и последовательности времени: вода неизбежно утекает, как и утекают дни, годы, века.

«Время бесконечно, но в вечности времени конечно отдельное, например, жизнь» [6]. Так, время жизни течет, как река времени («*Дни мои, как маленькие волны*» [11, с. 70], «*Невосстановимо хлещет жизнь / Подставляйте миски и тарелки!*» [11, с. 315], «*За отливом приходит прилив*» [10, с. 89]), но оно имеет свой предел («*Это жизнь моя ... / Прогудела как осенний прибой*» [11, с. 317], «*Скажи мне, встречный человек, / По синим по дорогам рек / К какому морю я приду? / В каком стакане потону? / – Чтоб навзничь бросил наповал / Такой еще не вырос – вал. / Стакан твой каждый – будет пуст. / Сама ты – океан для уст. / Ты за стаканом бей стакан, / Топи нас, море-океан!*» [10, с. 553]).

Сравнение автором своих дней с волнами, самой жизни с прибоем, а также создание метафоры «жизнь хлещет» образно и очень емко передает сложность жизненного, в том числе и творческого пути поэта.

Отличительной особенностью интерпретации оппозиции «вода – время» в поэзии М. Цветаевой является единичное использование самого имени концепта на фоне употребления его различных лексических репрезентантов («река», «ручей», «море», «океан», «волна», «прибой», «прилив», «отлив»), которые, на наш взгляд, более точно передают соотношение воды и времени.

Проведенный анализ воплощения идеи «вода – время» в поэзии М. Цветаевой показал, что в ценностной системе координат поэта данная оппозиция актуальна, основана на схожести компонентов, благодаря идее «текучести», и имеет как общеизвестное, так и индивидуально-авторское семантическое наполнение.

Перспективой данного исследования может послужить поиск подобных метафорических оппозиций, основанных на семантической смежности компонентов (например, «вода – слезы», «вода – жизнь») в поэтической модели мира М. Цветаевой.

Список литературы

1. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Г. Башляр. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 1998. – С. 268.

2. Борхес Х. Л. Собр. соч.: в 4 тт. / Х. Л. Борхес. – СПб. : Амфора, 2005. – Т. 3. – С. 543–544.

3. Вардзелашвили Ж. А. Вода как образ языковой картины мира / Ж. А. Вардзелашвили, Ц. В. Церодзе // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. 4 Междунар. науч. конф., Минск, 3–5 дек. 2009 г. : В 2 ч. Ч. 1 / отв. редакторы Н. П. Баранова, А. М. Горлатов, С. М. Прохорова. – Минск : МГЛУ, 2009. – С. 39–41.

4. Джемс У. Поток сознания / У. Джемс // Психология. – М. : Педагогика, 1991. С.56–60.

5. Даль В. И. Пословицы русского народа : Сборник: В 2-х т. – Т. 1. – М. : Худож. лит., 1984. – 383 с.

Красноярова Н. Г. Природа как концепт культуры: опыт культурофилософского очерка реки, воды, потока [Электрон. ресурс] / Н. Г. Красноярова // Электронный научный журнал «Вестник Омского гос. пед. ун-а». – Выпуск 2006. – Режим доступа : <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-15.pdf>

Литвинова С. А. Фразеологические единицы, содержащие компоненты, обозначающие названия стихий (вода, воздух, огонь, земля) в современном английском языке. – Дисс. канд. филол. наук. – Москва, 2006. – 185 с.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 296 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов – М. : Академический проспект, 2001. – 990 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 тт. – Т.1.: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М. : Эллис Лак, 1994. – 640 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 тт. – Т.2.: Стихотворения. Переводы / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М. : Эллис Лак, 1994. – 592 с.

Жадлун М. І. Втілення ідеї «ВОДА – ЧАС» в поезії М. Цветасвої // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.222-226

У даній статті представлено зіставлення універсального культурного концепту «вода» і абстрактної ідеї «часу» в поетичній картині світу М. Цветаєвої. Виявлено семантичні підстави для порівняння «води» і «часу» в поезії М. Цветаєвої, головна з яких «плинність». Здійснено контекстуальний аналіз вішованих уривків, що реалізують ідею схожості стихії води і часу. Зроблено висновки про те, що частотність втілення ідеї «вода – час» у поезії М. Цветаєвої підтверджує значущість даної опозиції для ціннісної системи координат поета.

Ключові слова: культурний концепт, концептосфера, концепт «вода», стихія води, час.

Zhadlun M. I. **Realization the idea of «WATER – TIME» in M. Tsvetayeva's poetry** // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.222-226*

From ancient times people believed everything in the world is made up of the four essential parts or basic elements, i.e. water, air, fire, and earth. Each of the four elements as a cultural gene represents an abstract notion: fire stands for spirit, air – for space, earth – for substance, water – for time. The study of the essential elements as represented in a particular culture is relevant to the nowadays cultural studies. The present paper deals with cultural concept of «water» and the abstract notion of «time» as juxtaposed in M. Tsvetayeva's poetry. The reason which leads to the juxtaposition of the concepts is the semantics of «fluidity». The contextual analysis of the poetic extracts verifies the frequency of the «water» – «time» concepts representation in Tsvetayeva's poetry. It proves the relevance of the «water» – «time» binary opposition to the poet's axiological system. The present paper suggests the outlook for the studies of metaphoric oppositions based on the semantic contiguity of the components, i.e. «water» – «tears», «water» – «life», in Tsvetayeva's poetry.

Keywords: cultural concept, conceptual scope, the concept of «water», elements of water, time.

Поступила в редакцію 07.05.2014 г.

УДК 81'21:81'25

**Вплив, сугестія, маніпуляція в рекламі: лексичні дослідження,
прийоми та методи перекладу**

Зірка В.В.

*Дніпропетровський університет імені Альфреда Нобеля
м. Дніпропетровськ, Україна
verazirka@ukr.net*

Стаття розглядає питання дослідження лексики у рекламному тексті стосовно впливу, сугестії/навіювання та маніпуляції. Подаються пояснення вказаних слів, які є точним позначенням окреслених понять у психології. Вивчається проблема навчання студентів аналізу текстів мас-медіа та реклами відносно рекламної формули AIDA. Створювання рекламних звернень (реklamний текст, допис, слоган), а також їх творчий переклад на рідну мову є невід'ємною частиною навчання студентів - майбутніх перекладачів.

Ключові слова: дослідження, лексика, рекламне звернення, психологія, вплив, сугестія, маніпуляція, переклад.

Реклама апелює до розуму людину і переконує її зробити те або іншу дію. Отже, вплив, навіювання/сугестія, переконання є усвідомлена дія однієї свідомості на іншу з метою добитися від адресата запланованої комунікатором дії.

Вплив як діяння, або дія направлена на досягнення певного результату в сучасній рекламі все більше використовується за рахунок технології навіювання і маніпуляції, які звернені більше до підсвідомості адресата. У сьогодишнє динамічне століття розвитку інформаційних технологій і підвищення рівня компетенції населення психологія сугестії навмисно використовується у рекламі, яка реалізується практично у всіх сферах життєдіяльності людини.

Під маніпулюванням розуміють вид прихованої свідомої комунікативної дії однієї людини на іншої з метою змінити її думки, відношення або намір в потрібному для людини, що маніпулює напрямі, причому, як правило, адресат маніпулятивної комунікації при цьому вводиться в оману. Прихована дія означає, що людина, якою маніпулюють, не усвідомлює цього [7, с.15].

Сугестією, або навіюванням, вважають процес дії на психіку людини, пов'язаний із зниженням свідомості і критичності при сприйнятті вмісту, що вселяється, не вимагаючий ні розгорнутого логічного аналізу, ні оцінки [2, с.25]. Мета навіювання – це створення певних станів або спонук до певних дій. Його суть полягає в дії на волю і розум людини через його відчуття. Навіювання (сугестія) передбачає використання як усвідомлюваних психологічних елементів, так і елементів несвідомого. Результатом навіювання може бути *переконаність*. Слід відзначити, що навіювання можливе, по-перше, в тому випадку, якщо воно відповідає потребам і інтересам адресата, і, по-друге, якщо як джерело інформації використана людина, що володіє високим авторитетом або що користується безумовною довірою (такими фігурами в рекламі стають відомі актори, співиці, політичні діячі, а також фахівці в області, пов'язаній з даним товаром, — лікарі, хіміки, фізики і т.п.), причому навіювання матиме більший ефект при багатократній повторюваності рекламного звернення.

Про мову в цьому плані висловлювався Д. Болінджер, називаючи її «зарядженою зброею»: вона є не лише засобом спілкування, але і відокремлення, не лише засобом самовираження, але і засобом маніпулювання, не лише засобом звільнення, але і

поневолення мовними стереотипами. Спілкування і передача інформації між людьми відбувається не ради самих себе, а для досягнення деяких цілей [10].

Д.Е. Розенталь і М.М. Кохтев відзначають те, що серед подразників, що викликають у людини емоційну реакцію, найбільш важливе місце займає *слово, воно робить на людину вплив у багато разів більше, ніж які-небудь інші чинники*. Особливе значення тут має смисловий зміст слова, його семантика, що викликає певні асоціації. Слово на одержувачів реклами має сильний і специфічний вплив. Мета реклами – вплинути на споживачів, переконати їх в правоті сказаного за допомогою таких слів, які здатні викликати потрібні думки і відчуття [5; 8].

Підкреслимо, що рекламі в першу чергу властиво мовне маніпулювання, тобто використання особливостей мови і принципів його вживання з метою прихованої дії на адресата в потрібному для того, що говорить напрямі [3]. Грань між переконанням, навіюванням і маніпуляцією досить тонка. Причому в рекламі всі ці види дії виявляються на різних рівнях сприйняття — візуальному, слуховому, навіть кінестетичному. Всі види рекламних повідомлень побудовані на виборі або поєднанні впливаючих засобів (аргументації) раціонального або емоційного характеру.

Досліджуючи переклад реклами, як особливий вид мовної комунікації, теорія перекладу не обмежується аналізом його мовного механізму. Адже переклад рекламного тексту – слогану, листівки, флайєру, рекламної статті, або замітки і таке інше - це не лише взаємодія мов, але і взаємодія ментальності і культур. У перекладі знаходять своє віддзеркалення ситуація породження вихідного тексту і ситуація перекладу. Навряд чи вдасться адекватно описати процес перекладу, не враховуючи того, що він здійснюється не машиною, а творчою людиною, ціннісна і психологічна орієнтація якої неминуче відображається на кінцевому результаті.

Базові теоретичні поняття перекладу включають адекватність переведення і неминуче пов'язану з нею прагматичну адаптацію. *Адекватним перекладом* називається переклад, здійснюваний на рівні, необхідному і достатньому для передачі незмінного плану змісту при дотриманні норм мови перекладу [1, с.9-12]. Адекватність же, як підкреслюють вчені, спирається на реальну практику перекладу, яка часто не допускає вичерпної передачі всього комунікативно-функціонального змісту тексту. Вона виходить з того, що рішення, що приймається перекладачем, носить компромісний характер, що переклад вимагає жертви [9, с.96]. Тобто адекватність часто носить *компромісний характер*, що тісно переплітається із творчою складовою перекладача, а досягнення перекладацької адекватності пов'язане з деякими смисловими втратами у вмісті тексту.

Таким чином, *адекватний переклад - це переклад, що забезпечує прагматичні завдання перекладацького акту на максимально можливі для досягнення цієї мети рівні еквівалентності*. В процесі дослідження перекладу рекламних текстів, та навчання студентів адекватному перекладу РТ на лекціях з курсу «Лексика реклами» ми стверджуємо, що кожна цільова аудиторія говорить на своїй (іншій) мові, а також має інші специфічні особливості соціокультурного середовища. У зв'язку з цим, прагматична адаптація - це зміни, що вносяться перекладачем в текст перекладу з метою добитися необхідної реакції з боку цільової аудиторії, іншими словами, слід правильно передати основну комунікативну функцію оригінала націлену на конкретну цільову аудиторію.

Перекладачі РТ, або копірайтери стикаються з істотними труднощами при передачі прагматичного потенціалу оригінала. Зокрема, це пов'язано з перекладом в рекламному тексті фактів і подій, пов'язаних з *культурою, ментальністю* даного народу, різними *національними звичаями, традиціями* і всілякими назвами (страв, деталей одягу, і таке інше). Перекладач повинен, як підкреслюють фахівці, передати прагматичний аспект змісту тексту, що перекладається, шляхом його переадресації іншомовному одержувачеві з врахуванням тієї реакції, яку викличе текст, точно передавальний денотативний і коннотативний компоненти змісту вихідного вислову у іншомовного читача. При цьому відбувається прагматична адаптація вихідного тексту, тобто внесення певних поправок на соціально-культурних, психологічних і інші відмінності між одержувачами оригінала і перекладеного тексту [9, с. 242].

Відмінності в системах мов і правилах використання одиниць мови постійно створюють певні проблеми в процесі перекладу, унаслідок чого перекладач вимушений використовувати *прийоми перекладу, так звані перекладацькі трансформації*. До таких трансформацій належать наступні: конкретизація понять, генералізація понять, антонімічне переведення, смисловий розвиток, компенсація. До граматичних трансформацій належать перестановки, заміни форм слова, заміни частин мови, заміни членів речення, синтаксичні заміни в складній речення, додавання, опущення, а також об'єднання речення і розчленовування речення [9]. Інші прийоми перекладу використовуються для вирішення завдання іншого роду – для подолання проблеми безеквівалентності (нерівнозначності). Прийоми, використані для передачі в переведенні безеквівалентної лексики, включають транскрипцію і транслітерацію, калькування, описовий переклад, наближений переклад. До прийомів перекладу можна віднести і те, що ми називаємо засобами прагматичної адаптації тексту.

Найяскравішим, традиційним і широко вживаним маніпулятивним компонентом у перекладі рекламних звертань є оцінна лексика [3, с.191]. Апеляція до ціннісних категорій, ціннісне аргументування досить значні у мові реклами. Для оцінних слів характерна найширша сполучуваність, що забезпечується особливостями їхньої семантичної структури, спустошеної і тому надзвичайно пластичної. Ці «семантичні пустишки» навівають, гіпнозують, маніпулюють, обволікають свідомість і спричиняють до дії.

Прагматична спрямованість рекламного тексту виявляється в актуалізації тих вербальних його компонентів, які впливають на адресата, активізують інтелектуальні й емоційні реакції, викликають необхідні відповідні дії [4]. До значущих маніпулятивних компонентів, яким слід приділяти увагу у процесі перекладу, належать *прикметники, дієслова й іменники*. Саме прикметнику, через велику концентрацію в ньому оцінності, приділяється основна увага у мовній парадигмі маніпулятивних засобів. В процесі перекладу рекламних текстів прикметники використовуються для опису самих різних властивостей рекламованого продукту - форми, розміру, якості вартості, відчуттів, які даний продукт викликає. До найбільш споживаним в англійській рекламі прикметником відносяться: *natural, sensual, innocent, passionate, romantic, mysterious, etc.* У українських - *новий, новинка, перший, революційний, непростий, незвичайний*, на відміну від звичайних та інші.

Така як і в українськомовній/російськомовній рекламі, до найбільш використовуємих прикметників в англійській рекламі відносяться: *good, better, best, free, fresh, delicious, clean, wonderful, special, fine, etc.*

Дієслівна лексика робить рекламну інформацію більш динамічною, експресивною, має маніпулятивний, впливовий характер, оскільки переконує і прямо закликає до дії. Якщо розглядати англійську рекламу, то там дієслівне поєднання типу “*Buy this*”, “*Discover that*”, “*Try some today*”, “*Don't forget*”, “*Treat yourself*” - вельми поширені. Дослідження англійських рекламних текстів показує, що до дієслів, які найчастіше вживаються в імперативі, можна віднести наступні: *Buy, try, get, see, call, feel, taste, watch, smell, find, drive, let, look, drink, discover, enjoy etc.* Імперативна форма дієслова є потужним засобом рекламного тексту, оскільки вона допомагає спонукати потенційного покупця купити рекламований товар.

Іменники як маніпулятивні засоби в рекламі поділяються на іменники-цінності та іменники-атрактиви [6, с.130-137]. Вони роблять корисну послугу і рекламистам, і споживачам: залучають, зацікавлюють і зосереджують увагу споживача на товарі, пропозиції, послугі, настановлюють на образи, порівняння і змушують думати про цінність товару за рахунок слів, що визначають «вічні» цінності, тобто іменники-цінності (життя, любов, здоров'я) та іменники-атрактиви (акція, знижка).

Встановлено, що одним зі способів актуалізації лексичних одиниць є феномен метафоризації значення слів у рекламі. Рекламна метафора лаконічна, її мета – *навіювання*: образно, виразно, доступно назвати предмети і явища. Рекламна метафора дає можливість осмислення одних об'єктів через властивості і якості інших і націлена на створення оригінального рекламного образу і привнесло якого-небудь

оцінного ефекту в рекламний текст [5, с. 77]. Особливої уваги заслуговує розкриття ролі «гри слів» у РТ. Це питання наступної статті.

Таким чином, ми визначаємо наступну класифікацію лексичних одиниць в англomовному сугестивно-маніпулятивному РТ та репрезентацію їх в українській мові через: 1) дієслово; 2) прикметник; 3) іменник; 4) метафора. Дані лексичні одиниці грають свою маніпулятивну гру в творчому перекладі/ створенні будь якого рекламного тексту.

Список літератури

1. Бархударов Л.С. Уровни языковой иерархии и перевод. Тетради переводчика, вып. 6, 1969.
2. Зазыкин В.Г. Психология в рекламе. – М.: ДатаСтром, 1992. – 64 с.
3. Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект. - Монография. Днепропетровск, 2004. – 291 с.
4. Зирка В.В. Гендерные акценты в рекламном тексте // Вестник филолог. факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина №632. Серия Филология. Вып.42 - Харьков, 2004.– С. 423-426.
5. Кохтев Н.Н. Реклама: искусство слова /Н.Н. Кохтев – М.: МГУ, 1997 – 254 с.
6. Окаева А.Б. Особенности использования имен существительных в англоязычных рекламных текстах / А.Б. Окаева // Слово в языке и речи. – Мн.: 2000. – с.130-137.
7. Пирогова Ю.К. Ложные умозаключения при интерпретации рекламы // Реклама. 2000. №2.
8. Розенталь Д.Э, Кохтев Н.Н. Язык рекламных текстов. – М., 1988.
9. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика М. Воениздат, 1973.
10. Bolindger D. Language: The Loaded Weapon / D. Bolindger. – L., N.Y.: Longman, 1980.

Зирка В.В. Воздействие, суггестия, манипуляция в рекламе: лексические исследования, приемы и методы перевода // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 227-231

Статья рассматривает вопросы исследования лексики в рекламном тексте с позиции воздействия, суггестии/влияния и манипуляции. Приводятся пояснения указанных слов, являющихся точным обозначением определенных понятий в психологии. Изучается проблема обучения студентов анализу текстов СМИ и рекламы относительно рекламной формулы AIDA. Создание рекламных обращений (рекламный текст, заметка, слоган), а также их творческий перевод на родной язык являются неотъемлемой частью обучения студентов - будущих переводчиков.

Ключевые слова: исследование, лексика, рекламное сообщение, психология, воздействие, суггестия, манипуляция, перевод.

Zirka V. Impact, suggestion, manipulation in ads: lexical studies, approaches and methods of translation // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.227-231

The article examines the questions of lexis study in ads with reference to the notions of impact, suggestion/influence and manipulation. The explanation of the mentioned words, which are the exact designation of the certain concepts in psychology - is given. The problem of students learning of mass-media and ads texts analysis concerning advertising formula AIDA is studied. Creating of an advertisement (advertising text, news item, slogan), as well as its creative translation into the native language is an integral part of students - future translators training. There are definite difficulties while translating any text from one language into another. In particular, they are connected with translation of facts and events in ads text, associated with culture, mentality of different people, their traditions, customs and various names (foods, details of clothes, and all that). A translator

is forced to use the receptions of translation, so-called of translating transformations. They are concretization and generalization of concepts, antonymous translation, semantic development, compensation, transpositions, replacements of word forms, of parts of speech, of parts of sentence, syntactic replacements, addition, omitting etc. The representation of lexical units in the English suggestive-manipulative ads' discourse is given. It is pointed out that imperative form of verb is considered to be the powerful means of ads since it helps to induce a customer to buy advertised goods. These units are verb, adjective, noun, metaphor. The indicated units play their manipulative role in the creative translation or writing of any advertisement.

Key words: *study, lexis, ads, psychology, impact, suggestion, manipulation, translation.*

Поступила до редакції 10.05. 2014 р.

УДК 811.161.1'28

Проблемы изучения диалектной языковой личности

Ильина Е.Н.

*Вологодский государственный педагогический университет,
г. Вологда, Россия
filfak@list.ru*

В статье комментируются проблемы изучения диалектной языковой личности на материале записей диалектных текстов, публикуемых по проекту «Народная речь Вологодского края». Это реконструкция региональной системы речевого этикета, анализ местных особенностей мемуарной прозы, исследование диалектной языковой картины мира вологодского крестьянина посредством описания отдельных трудовых ситуаций, выявление универсально-жанровых и локальных особенностей бытования фольклорных текстов, комплексное описание диалектной языковой личности.

Ключевые слова: диалектология, языковая личность.

Постановка проблемы. Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение языковой личности наших современников – жителей различных регионов, представителей разнообразных профессий, носителей различных типов языковой культуры. Исследование языковой личности как психолингвистического феномена включает в себя описание типов языковой личности, уровней её реализации, факторов, определяющих свойства языковой личности, характеристику источников речевого материала, позволяющих реконструировать наиболее значимые фрагменты картины мира языковой личности [1; 6; др.]. В сфере лингвистической персонологии активно изучается феномен диалектной языковой личности, вербализующей представление о мире, свойственное жителям определённой территории: создаются словари диалектной языковой личности [11; 13], формируются корпуса текстов, на основе которых исследуется лексикон личности, жанрово-тематическое разнообразие порождаемых ею текстов, описываются когнитивные параметры личности и специфика её речевого поведения. Наиболее активно в этом направлении работают ученые Томской диалектологической школы [3; 5; др.], Саратовского лингвистического центра [2], диалектологи Санкт-Петербургского университета [14] и других исследовательских центров России. Социокультурные трансформации российских деревень, сокращение в них числа коренных жителей – носителей территориальных диалектов, хранителей бытовой и духовной культуры – усиливают необходимость фиксации их устной речи, создания архива диалектных текстов, на базе которого могут быть описаны различные параметры диалектной языковой личности.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Сбором диалектного материала и исследованием феномена языковой личности жителя Северо-Запада европейской части России в течение многих десятилетий занималась кафедра русского языка Вологодского государственного педагогического института (университета). В результате был собран значительный по объёму архив записей народной речи. Введению этих материалов в научный оборот посвящена серия

изданий «Народная речь Вологодского края» [8; 9], публикуемая при поддержке Вологодского регионального отделения Русского географического общества.

Первая книга с таким названием включала в себя пять речевых портретов носителей вологодских говоров, жителей восточных районов Вологодской области: Междуреченского, Усть-Кубинского, Тарногского, Тотемского, Бабушкинского. Фрагменты народной речи, представленные в книге, весьма интересны в жанровом и тематическом отношении: это и мемуарная проза, посвящённая судьбам своего поколения и родной деревни, это и записи народных частушек, и примеры бытовой речи, иллюстрирующие крестьянское отношение к труду, к природе и к обществу. Кроме того, комментарии к каждому из разделов решают серьёзные лингвистические задачи. Это реконструкция региональной системы русского речевого этикета, анализ региональных особенностей мемуарной прозы, исследование диалектной языковой картины мира вологодского крестьянина посредством описания отдельных трудовых ситуаций, выявление универсально-жанровых и локальных особенностей бытования фольклорных текстов, комплексное описание диалектной языковой личности.

Цель и задачи. В продолжении серии «Народная речь Вологодского края» была поставлена цель: изучить феномен диалектной языковой личности на основе речевого портретирования жителей одного административного района, представителей различных поколений одной семьи. Материал для подобного исследования собирался на территории древнего Белозерья, Говоры этой территории давно и весьма подробно рассмотрены в области исторической и сопоставительной диалектологии [10], но ещё практически не представлены в области изучения проблем диалектной языковой личности.

Содержание исследования. Монография «Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского р-на» была подготовлена в соавторстве диалектологами Вологодского государственного педагогического университета и Череповецкого государственного университета – двух исследовательских центров региона, в течение многих десятков лет собиравших сведения о народной речи на изучаемой территории. В начале работы представлены сведения из истории заселения края, информация о специфике его говора в контексте диалектного членения русского языка. Вторая глава исследования содержит очерки фонетики, лексикологии и грамматики изучаемого говора. Третья глава посвящена реконструкции речевых портретов уроженцев Сухозерховского сельсовета Кирилловского района Вологодской области. Среди них представлены люди различного возраста и уровня образования: рабочая рыболовецкой артели, сельская учительница, работница горно-металлургического комбината из Мончегорска, командир воздушного судна из Вологды. Их объединяет то, что все они в той или иной мере сохранили в своей речи черты белозерско-бежецких говоров, а также то, что они хорошо знакомы с бытовой и духовной культурой родного края.

Записи речи информантов, представленные в монографии, достаточно близки в жанрово-тематическом плане. Это рассказы о природе, о крестьянском труде, воспоминания о ярких событиях в своей биографии и в жизни родной деревни. Вместе с тем каждый из рассказчиков проявляет себя в них по-разному. В беседах с Аполлинарией Виссарионовной Харитоновой наряду с обстоятельностью описания рыболовецкого промысла на Русском Севере ярко проявляется народный юмор, оптимистическое отношение к жизненным трудностям, активная жизненная позиция. В рассказах Анны Алексеевны Шабровой и Нины Арсентьевны Исаковой весьма ярко и полно отразились явления духовной культуры, самобытное сочетание идей народного православия с представлениями народной демонологии. Речь Николая Павловича Шаброва наряду с инженерной точностью описания реалий крестьянского труда весьма эмоционально описывает впечатления автора, оставленные теми или

иными явлениями прошлого: это и воспоминания о реке, о собаке, о ловле кротов, о детских играх и о многом другом.

Выводы и результаты. В наибольшей мере черты местного говора сохраняются в речи Нины Арсентьевны Исаковой и Аполлинаруии Виссарионовны Харитоновой: их профессиональная занятость не требовала строгой коррекции речи в соответствии с нормами литературного языка, поэтому здесь сохраняются следы архаического мягкого цоканья ([зац'эм, д'эвоц'к'и]), заударное стяжение гласных ([разговар'иват, самоэ]), предикативная функция форм страдательного причастия (*картошка-то уже видно*) и многие другие локальные черты. В речи более образованных информантов при очевидном сглаживании диалектных особенностей фонетико-грамматического плана весьма активно употребляется диалектную лексику. Она помогает информантам сохранить в памяти фрагменты прошлого, воссоздать значимые для них явления мира природы, реконструировать систему организации труда, отразить важные аспекты социальных отношений.

Перспективы дальнейших исследований. Изучение народной речи жителей Вологодского края ждёт своего продолжения. В настоящее время сложился значительный по объёму архив записей речи жителей Сямженского р-на (архив записей Л.Ю. Зориной), Шекснинского р-на (архив записей Е.П. Андреевой), Вытегорского р-на (архив записей Л.Ю. Зориной), выполнена серия выпускных квалификационных работ, посвящённых анализу диалектной языковой личности (например, [7; 17; др.]), на основе вологодских материалов исследуются коммуникативные и психолингвистические проблемы изучения диалектной речи [15; 16]. Систематизация результатов этих наблюдений может внести существенный вклад в описание когнитивных, инвентарных и поведенческих параметров диалектной языковой личности.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. 2001. №1. – С. 64-81.
2. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: автореферат дисс. ... д-ра филолог. наук / В.Е. Гольдин. – Саратов, 1997. – 52 с.
3. Иванцова Е.В. Антропологистика в Томской лингвистической школе / Е.В. Иванцова // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. – Екатеринбург: Изд. Уральского гос. ун-та, 2004. – С. 36-38.
4. Иванцова Е.В. Идиодialeктный словарь сравнений сибирского старожила / Е.В. Иванцова. – Томск: Изд. Томского гос. ун-та, 2005. – 162 с.
5. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: дисс. ... д-ра филолог. наук / Е.В. Иванцова. – Томск, 2002. – 395 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264с.
7. Макарова Е.Н. Н.О. Неспанова как языковая личность: выпускная квалификационная работа / Е.Н. Макарова. – Вологда, 2003. – 64 с.
8. Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского р-на: монография / Е.Н. Ильина, Н.Г. Михова, Ю.Н. Драчева, С.А. Ганичева; Гл. ред. – Е.Н. Ильина. – Вологда: Изд-во «Легия», 2014. – 160 с.
9. Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии / Сост. Е.Н. Ильина, Л.Ю. Зорина, П.Н. Задумина, С.В. Шильниковская, С.А. Ганичева; Гл. ред. – Е.Н. Ильина. – Вологда: Изд-во «Легия», 2012. – 98 с.

10. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова, А.И. Сологуб, Т.Ю. Строганова; Отв. ред. – В.Г. Орлова. – М.: Наука, 1970. – 456 с.
11. Полный словарь сибирского говора / Сост. О.И. Блинова, В.В. Палагина, Е.В. Иванцова и др.; Гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1992. Т. 1. А-З. 288 с.; Т. 2. И-О. 302 с.; 1993. Т. 3. П-Р. 223 с.; 1995. Т. 4. С-Я. 278 с.
12. Словарь вологодских говоров / Сост. Е.П. Андреева, Г.А. Дружинина, Л.Ю. Зорина и др.; Гл. ред. Л.Ю. Зорина, Т.Г. Паникаровская. Вып. 1 – 12. Вологда, 1983 – 2008.
13. Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности / В.П. Тимофеев. – Шадринск, 1971. – 122 с.
14. Трубинский В.И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем: Учеб. Пособие / В.И. Трубинский. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М: Изд. центр «Академия», 2004. – 208 с.
15. Черняева М.И. Мультилингвизм народной речи: из опыта диалектологической работы в Кичменгско-Городецком р-не Вологодской области / М.И. Черняева // Лингвистика смотрит в будущее. Вып. 3. – Вологда: Изд-во «Легиа», 2013. – С. 49-54.
16. Шаброва Е.Н., Смирнова И.В. Диалектологическая практика как коммуникативный процесс / Е.Н. Шаброва, И.В. Смирнова // Русское слово вчера и сегодня. – Архангельск: Изд. Поморского гос. ун-та, 2005. – С. 209-212.
17. Шавардынина М.А. Речевой портрет старшего родственника: бакалаврская работа / М.А. Шавардынина. – Вологда, 2013. – 48 с.

Льїна О.М. Проблеми вивчення діалектної мовної особи // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.232-235
У статті коментуються проблеми вивчення діалектної мовної особи на матеріалі записів діалектних текстів, що публікуються за проектом «Народна мова Вологодського краю».

Ключові слова: діалектологія, мовна особа.

Ilina E. N. The problems of studying a dialect language personality // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.232-235

The presented article is devoted to the problems of studying a dialect language personality. It is based on the material of recorded dialects texts, published according to the project “Folk speech of the Vologda kray”. The regional system of speech etiquette, the local features of memoirs, the research of a dialect language picture of the world of the Vologda peasant by means of the description of separate labor situations, the detection of universal and genre and local features of an existing of folklore texts, the complex description of the dialect language personality are represented in the article.

Key words: dialectology, language personality.

Поступила в редакцію 13.05.2014 г.

УДК 811.161.1' 42

Текст как культура: русский язык в польской аудитории

Кассина Т.А.

*Днепропетровский национальный университет им. О.Гончара,
г. Днеперопетровск, metabola@ukr.net*

Проблемы, связанные с вопросами взаимодействия языка и культуры, всегда требуют осмысления. Знания, уже полученные в этой области, актуализируются в новом качестве. Изучение культурного потенциала слова как результата контаминации языка и культуры, вызывает новый интерес, так как ведет к пониманию лингвокультурных процессов. Художественная литература, выступая своеобразным аккумулятором и вместилищем этнокультуры, одновременно является продуктом культурного развития. Автор определяет место художественной литературы в процессе обучения русскому языку как иностранному, рассматривает вопросы использования поэтических текстов в реализации задач изучения фонетики русского языка в польской аудитории.

Ключевые слова: *художественный (поэтический) текст, артикуляционная база, речевые навыки и умения, сопоставительный анализ.*

Методика обучения иностранным языкам, в частности русскому языку как иностранному, является одной из теоретически разработанных наук и уже определила то место, какое занимает обучение чтению в общем процессе изучения того или иного языка [3, 5].

Общеизвестна и роль чтения художественного текста в обучении иностранным языкам. Еще Л.В.Щерба указывал на первостепенное значение художественного текста для понимания и восприятия реалий изучаемого языка.

Обращение к литературе в процессе обучения языку вызывается определенными причинами. Назовем основные из них:

1. Художественные произведения, являясь одним из важнейших средств обогащения культуры человека, развивают познавательную активность обучающихся. Художественный текст является богатым источником страноведческой информации. Посредством литературного произведения происходит знакомство учащихся с культурой народа, язык которого они изучают, с историей страны, с образом жизни, с современной действительностью. «Текст художественной литературы – пишет А.А. Брагина – не ограничен какой-либо сферой человеческой деятельности, его сфера – вся жизнь во всем ее разнообразии, воссозданная писателем» [1, с. 151].

2. Художественная литература стимулирует мыслительную деятельность обучающихся, оказывает воздействие на чувства и эмоции, помогает формированию эстетического и филологического вкуса, развивает творческие способности.

3. Литературные произведения знакомят учащихся с языковой нормой и ее динамичностью, повышают речевую культуру, развивают их речь, делают ее ярче и образнее. Чтение как поэтических, так и прозаических текстов играет огромную роль в процессе постоянного расширения лексического запаса обучающихся, а также

в понимании функциональных особенностей художественно-беллетристического стиля.

На основе художественного материала эффективно осуществляется формирование речевых навыков и умений, поэтому чтение художественных текстов может служить целям изучения фонетики русского языка. Вопрос о том, необходимо ли это делать на практических занятиях по описательной грамматике русского языка, который изучается в Польше студентами отделения русской филологии, не является дискуссионным: как польские, русские, так и украинские авторы включают художественные тексты в содержание учебных пособий по данному курсу.

Каковы причины обращения к художественному тексту при изучении фонетики русского языка?

Усвоение артикуляционной базы – тренировка ритмики слова, чередование ритмических моделей в синтагмах, постановка главных и второстепенных словесных ударений, коррекция произношения гласных и согласных – происходит в динамике потока речи, поэтому чтение художественных текстов помогает организовать обучение произношению с позиций динамичности речеобразования.

Художественный текст позволяет обратить внимание на ритмическую организацию русской речи, квантитативно-силовой характер русского ударения, его смысловозначительную роль.

Еще один важный момент заключается в интересной мысли о том, что в художественном тексте снимается противопоставление язык/речь, то есть художественный текст выступает как речевая система, где происходит реализация системы языка.

Для правильной постановки артикуляционного аппарата студенты должны заучивать небольшие рифмованные тексты. Такая артикуляционная гимнастика – оперативный контроль произношения каждого студента. Таким способом речевые единицы усваиваются и быстро и качественно.

Процесс речи есть одновременно и процесс мышления, и, если мы ставим перед собой задачу, чтобы студент овладел четкой правильной и выразительной речью, нужно стремиться обучать не только технике речи, а использовать на занятиях тексты, связанные с мыслью, чувством, и воображением. И тут свою роль выполняет чтение текстов поэтических.

Полностью разделяя мнение исследователей, которые утверждают, что чтение художественных текстов развивает эмоционально-мыслительную активность, образность мышления и речи, подчеркнем: помогает преодолеть равнодушие и невнимательность.

В данной статье мы не будем останавливаться ни на принципах отбора художественного произведения в учебных целях (они уже сформулированы в научной литературе), ни на методическом аппарате к ним (вопросы методики работы с художественным текстом нашли свою разработку в применении к различным его уровням) [2,4]. Остановимся лишь на некоторых моментах проведения занятий по курсу описательной грамматики русского языка для студентов первого года обучения, важных, с нашей точки зрения, в отношении общефилологической подготовки будущего преподавателя русского языка.

Практические занятия по русскому языку начинались с чтения одного из шедевров мировой поэзии – цикла «Крымские сонеты» Мицкевича и сравнения языка подлинника с переводами на русский и украинский языки, что давало возможность осуществлять общезвуковые сопоставления на фоне художественного текста родного и изучаемого языка.

«Крымские сонеты» Мицкевича привлекают читателя преданностью думам, мыслям о родине, красотой формы, многообразием ритмов, богатством образов.

Известно, что поездка в Крым творчески много значила для Мицкевича, и в создании «Крымских сонетов» отражен внутренний порыв щедрой души великого польского поэта к своему не менее великому другу Пушкину. И порыв этот таится в эпиграфе цикла – многозначных строках Гете: *Wer den Dichter will verstehen, muss in Dichters Lande gehen* (Если хочешь знать поэта, ты в страну его последуй).

Студенты на занятиях анализировали, к примеру, сонет «Гробница Потоцкой», произведение, обращенное к польской пленнице бахчисарайского хана – Марии, по преданию из рода Потоцких.

Заметим попутно, что в дальнейшем была проведена интересная работа по сопоставительному анализу этого произведения в двух разных переводах на русский язык и в переводе на язык украинский, что является надежным средством осознания и понимания языкового материала близкородственных языков (как известно, такое сопоставление значительно сложнее, чем сравнения языков, не относящихся к одной группе).

Знакомство с переводом произведения великого поэта на украинский язык полезно для филолога еще и потому, что знакомит его с переводческим искусством украинского поэта М. Рыльского, непревзойденного переводчика произведений А. Мицкевича. Весь строй стихотворного перевода М. Рыльского мастерски передает не только общее содержание, но и образную структуру произведений Мицкевича.

Интерес к чтению поэтических художественных произведений, таким образом, может обеспечить приобщение студентов к проблеме перевода художественных текстов, неподдельный интерес к решению нелегких вопросов теории перевода и даже к самой переводческой работе, а это важный момент в воспитании специалиста-филолога: филолог должен не только понимать, но и «ощущать» поэтическое слово.

Обращение к творчеству Мицкевича позволило органически перейти к чтению произведений Пушкина, а в дальнейшем и стихотворений других классиков русской литературы.

Таким образом, важная роль художественного текста в практике преподавания русского языка вырисовывается исходя из сущности художественного текста как явления национальной культуры и как художественного явления, которое способствует формированию у обучающихся языковой и коммуникативной компетенции. Чтение художественного текста – это такой вид речевой деятельности, который является как средством извлечения нужной информации, средством, способствующим реализации учебных задач в области развития речи и усвоения артикуляционной базы изучаемого языка, так и средством воспитания студента-филолога – будущего преподавателя русского языка.

Современный уровень развития лингвистической и лингводидактической мысли требует того, чтобы преподаватель, используя в своей практической работе художественную литературу, сумел акцентировать внимание на том, какие задачи курса обучения и каким образом она решает.

Список литературы

1. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. – М.: Рус. язык., 1981.–176 с.
2. Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвистический анализ художественного текста.– М.: Рус.язык. – 190 с.
3. Журавлёва Л.С., Зиновьева М.Д. Обучение чтению. М.: Рус. язык. – 252 с.
4. Ковалик І.І. Методика лінгвістичного аналізу тексту. – К.: Вища школа, 1984. – 119 с.
5. Науменко А.М. Філологічний аналіз тексту (основи лінгвопоетики). – Вінниця: Нова книга, 2005. – 416 с.

Кассина Т.А. Текст як культура: російська мова в польській аудиторії // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.236-239

Проблеми, пов'язані з питаннями взаємодії мови і культури, завжди вимагають осмислення. Знання, вже отримані в цій галузі, актуалізуються в новій якості. Вивчення культурного потенціалу слова як результату контамінації мови і культури, викликає новий інтерес, оскільки веде до розуміння лінгвокультурних процесів. Художня література, виступаючи своєрідним акумулятором і вмістилищем етнокультури, одночасно є продуктом культурного розвитку. Автор, з'ясовуючи причини використання художньої літератури в процесі викладання російської мови як іноземної, пропонує використовувати поетичні тексти в реалізації завдань вивчення фонетики російської мови.

Ключові слова: художній (поетичний) текст, артикуляційна база, мовні навички та вміння, порівняльний аналіз.

Kassina T.A. Text as culture: russian language in the polish audience // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.236-239

Problems associated with the interaction issues of language and culture always require interpretation. The knowledge already obtained in this area is updated in a new way. Exploration of cultural potential of speech as a result of contamination of the language and culture is a new interest, since it leads to understanding linguocultural processes. Fiction, being a kind of battery receptacle and ethnic culture, is simultaneously a product of cultural development. The author, mentioning the reasons of the interest to belle-lettre in the process of teaching Russian as a foreign language, deals with the problem of poetic text usage to solve the tasks of teaching Russian phonetics in Polish audience.

Key words: artistic (poetic) text, articulation base, speech skills and habits, comparative analysis.

Поступила в редакцію 14.05.2014 г.

УДК 81'271

**Таксономія дискурсивних параметрів відповідно
до рівнів стратифікації дискурсу**

Кравченко Н.К.

*Київський національний лінгвістичний університет, м. Київ, Україна,
msmua@ipnet.kiev.ua*

У статті запропоновано таксономію параметрів дискурсу на різних рівнях його стратифікації, встановлено зв'язок параметрів з дискурсивними категоріями. Охарактеризовано специфіку вербально-семіотичних, змістовно-сміслових, мотиваційно-прагматичних й когнітивно-концептуальних параметрів дискурсу; визначено їх поняттєвий обсяг й системні зв'язки. Виявлені особливості параметрів, визначальні для диференціації різних дискурсивних зразків.

Ключові слова: *дискурсивний параметр, вербально-семіотичний, змістовно-смісловий, мотиваційно-прагматичний, когнітивно-концептуальний.*

Проблема поняттєвого й категорійного аспектів дискурсології є недостатньо розробленою в сучасних мовознавчих студіях [1-9]. Зокрема, дискурсивним залишається питання щодо визначення дискурсивних параметрів, про що свідчить певна термінологічна неузгодженість у використанні поняття «параметр дискурсу» (далі – ПД) й розкритті його денотативного обсягу. Зокрема, під «немовними параметрами дискурсу» [1, с. 24-27] усвідомлюються характеристики різних рівнів стратифікації комунікативної ситуації (соціальний контекст, статусні ознаки учасників комунікації, обстановка спілкування). В деяких працях визначаються такі параметри, як «створення і використання дискурсу», «дискурсивна формація» [5, с. 66-78], що, на нашу думку, призводить до ототожнення ПД, з одного боку, з комунікативно-семіотичним простором для їх виокремлення, з ланками дискурсивного семіозису і, з іншого, з жанрово-конститутивною категорією, що реалізується у ПД, які маніфестують здатність системи дискурсу відновлюватися у повторних комунікативних умовах.

Отже, *актуальність* статті визначається з огляду на дискусійність проблеми дискурсивних параметрів в сучасній лінгвістиці, що є суттєвою перешкодою у реалізації практичних завдань дискурс-аналізу. Адже, «призначення поняттєвого апарату лінгвістики дискурсу полягає в тому, щоб забезпечити доступ до його структуроутворюючих параметрів» [5, с. 24].

Метою пропонованої статті є таксономія параметрів дискурсу на різних рівнях його стратифікації із встановленням іманентного зв'язку таких параметрів з дискурсивними категоріями. *Завданнями* статті є: 1) обґрунтування критеріїв виділення дискурсивних параметрів; 2) встановлення їх поняттєвого обсягу й системних зв'язків з іншими параметрами; 3) виявлення таких особливостей маніфестації параметрів, що є визначальними для диференціації різних дискурсивних зразків.

Параметри дискурсу – диференційні ознаки, специфіка реалізації яких є основою для відмежування різних дискурсивних зразків. ПД задані категоріями дискурсу і маніфестують такі категорії. При цьому кожна категорія реалізується різнорівневими параметрами зважаючи на специфіку дискурсу як багатоаспектного

– лінгвосеміотичного, когнітивного й комунікативного феномена, що визначає різні рівні маніфестації категорій як найзагальніших і сутнісних властивостей дискурсу. З іншого боку, один й той самий параметр залежно від його функціонування в різних дискурсивних зразках є реалізацією різних категорій і може бути схарактеризований на підставі таких категорій як своєрідних класифікаційних рубрик. Наприклад, інтертекстуальність як ПД маніфестує категорії «контекстуальність», «заданість домінантними дискурсами» і «орієнтованість на створення макросеміотичних одиниць». У першому випадку важливою є така особливість параметру, як його пов'язаність з інтертекстуальним контекстом, у другому – здатність виявляти змодельовану природу дискурсу, у третьому – специфіку дискурсу як свідомоделюючого феномену.

Відповідно до рівнів стратифікації дискурсу [2; 7] ПД розподіляються нами на чотири групи: вербально-семіотичні, змістовно-сміслові, мотиваційно-прагматичні й когнітивно-концептуальні.

Вербально-семіотичні параметри – текстуально-лінгвістичні засоби, визначення яких співвідноситься з фазою опису (дескрипції) як процедурою дослідницької методології поряд з інтерпретацією і поясненням (за Н. Фейрклау) [7].

Змістовно-сміслові параметри – характеристики, що «відповідають» за особливості генерування текстових смислів у дискурсі; їх виявлення співвідноситься з фазою інтерпретації як процедурою дослідницької методології поряд з описом (дескрипцією) і поясненням (за Н. Фейрклау). Умовно розподіляються на *макропараметри* – зміст і смисл тексту і *параметри*: референцію, пресупозицію, експлікатуру, імплікацію, імплікатуру, інференцію, інтертекстуальність.

Зміст тексту – інформація, закодована у тексті завдяки конвенційним значенням мовних знаків; інваріантна складова текстової інформації, що співвідноситься із темою тексту і є відносно незалежною від контексту й варіативності ситуаційних моделей автора / адресанта. *Смисл тексту* – нерозчленований образ тексту, варіативна складова текстової інформації, взаємоузгоджена комунікантами на основі «підведення» пропозицій тексту під варіативну і контекстуально залежну частину ситуаційних моделей автора / адресата з огляду на їх взаємну орієнтованість на реалізацію програми інтерактивності і знаходження спільних механізмів кодування й інтерпретації тексту. Корелює з поняттями «внутрішньої форми», концептуальної цілісності тексту, концепту-ідеї.

Реалізація макропараметрів (віддалення або зближення змісту і смислу тексту) залежить від змістовно-сміслових параметрів: їх представленості / відсутності, кількісної переваги, ступеня виявлення, що і є диференційною ознакою різних дискурсів (пор. «багатозначність», смислоуамбівалентність політичного, художнього, розмовного, рекламного та ін. дискурсів, «забезпечену» імплікатурами, імплікаціями, вірогіднісно-індуктивними інференціями, прагматичними пресупозиціями – і, з іншого боку, смислоу «однозначність» наукового, юридичного, адміністративного дискурсів із значною обмеженістю або відсутністю зазначених параметрів). Для аналізу дискурсів диференційними є такі особливості реалізації змістовно-сміслових параметрів: а) поширеність певних видів імплікацій (семантичних, прагматичних), імплікатур (конвенційних, неконвенційних), інференцій (формально-логічних або вірогіднісно-індуктивних); б) типи референції і кореферентності (текстуальної, інтерсеміотичної, глобально-контекстуальної); в) засоби інтертекстуальності: *інтертекст* як механізм формування змісту тексту, що реалізується у вигляді цитування (прямого, непрямого, вільного непрямого, наративного повідомлення про мовний акт без викладу його змісту, безадресантного), й засіб поглиблення смислу тексту, формування його концептуального простору (прецедентні феномени, ремінісценції на рівні структуротворчих елементів, мотивів, алюзій); г) рівні

реалізації інтертекстуальності: інтерсеміотичний і глобально контекстуальний: спільність / відмінність концептів, аргументів, топіків, макротопіків, рекурентних ситуацій, супроводжуючих їх обставин та їх оцінки комунікантами тощо [2].

Віднесеність імпліцитних смислів і інтертекстуальних значень до змістовно-сміслових (а не мотиваційно-прагматичних) параметрів зумовлена їх роллю у генеруванні текстових смислів: імпліцитні смисли оформлюють природу і зміст «спільного значення» учасників дискурсу, передбачають спільність поглядів, обмежують діалогічність; інтертекстуальні засоби, навпаки, акцентують діалогічність, варіативні і контекстуально залежні ситуаційні моделі, вносять в текст «інші» голоси, забезпечують можливість розпізнавання смислів на основі їх асоціювання з універсальними, соціально-ідеологічними, етномаркованими макросценаріями, прецедентними текстами, рекурентними ситуаціями.

Проте відмежування змістовно-сміслових і мотиваційно-прагматичних параметрів є, певною мірою, умовною, оскільки імлікації, імплікатури, пресуппозиції, інтертекстуальність є, водночас, і прагматичними ознаками – адже вони віддзеркалюють процес створення і взаємоузгодження комунікантами дискурсивних значень і, відповідно, дозволяють встановити стратегії комунікативної поведінки учасників. Відмежування змістовно-сміслових і мотиваційно-прагматичних параметрів в даній статті умотивоване тим, що перші є засобом реалізації других.

Мотиваційно-прагматичні параметри – ознаки дискурсу, що маніфестують взаємну орієнтованість його учасників на інтеракцію, фіксують процес і результати їх діяльності із визначення міжособистісних відносин на підставі взаємоузгодження авторської інтенції з інтенцією й інтерпретантою адресата й розробки взаємоприйнятної інваріанту текстового смислу. Як і змістовно-сміслові параметри, співвідносяться з фазою інтерпретації тексту і дискурсу. Умовно такі параметри можна розподілити на три групи: 1) комунікативно-особистісні (такі, що визначають учасників спілкування: їх статусно-рольові й ситуативно-комунікативні характеристики, рольові інваріанти і варіативні рольові позиції; парні ролі; типи інтеракцій); 2) ситуаційні (сфера спілкування, хронотоп, безпосередній контекст «матеріального оточення»); 3) інтенційно-стратегічні: комунікативні конвенції, стратегії, тактики та комунікативні / семантичні ходи; їх типологія, засоби оптимізації інтерактивності [2-4; 7-9].

Для диференціації дискурсів важливими є: 1) особливості взаємозв'язку стратегій і комунікативних ролей учасників: вибір ролі як механізму реалізації стратегічної програми і, навпаки, вибір стратегій як засобу рольової диференціації комунікантів; 2) реалізація комунікативних конвенцій і стратегій, а саме:

а) представленість, розподіл і взаємозв'язок *універсальних, інституційних і етноспецифічних* конвенцій. Перші виявляють етикетні правила комунікативної поведінки; конвенції ввічливості зближення і віддалення, максими й імплікатури спілкування, підпорядковані універсальному принципу співробітництва. Другі маніфестують ритуалізовані стандарти мовленнєвої поведінки агентів і клієнтів інститутів, що підпорядковані глобальній цілі інституції і зумовлюють зустрічні рольові інваріанти «вчитель – учень», «слідчий – допитуваний», «лікар – пацієнт» тощо. Треті зумовлені соціокультурними цінностями певних етносів, що є складовою їх лінгвоментальності;

б) типи комунікативних стратегій: кооперативних (аргументативна, інформативна, спонукальна) і конфліктних (маніпулятивна, домінування, тиску, мовленнєва агресія, компромісна); допоміжних (самопрезентації, статусно-рольових) та головних / когнітивних: транспозиції – об'єднання негативних моделей або схем через атрибуцію їх спільних ознак; узагальнення – часткової моделі до більш загальної групової схеми; референційної або номінації, спрямованої на конструювання внутрішнього («своїх»)

і зовнішнього («чужих») кіл; предикації – негативної або позитивної репрезентації «своїх / чужих»; фреймування – спрямування інтерпретації у потрібному напрямі та ін. [8; 9].

Когнітивно-концептуальні параметри – характеристики дискурсу, які виявляють особливості представлення події в ситуаційній моделі автора / мовця і вплив його дискурсу на соціокультурні уявлення (інтерпретативні фрейми) адресатів. Співвідноситься з фазою пояснення як процедурою дослідницької методології поряд з описом (дескрипцією) і інтерпретації (за Н. Фейрклау) [7]. У широкому смислі такі параметри забезпечують зв'язок між дискурсом і контекстом зважаючи на усвідомлення контексту як лінгвокогнітивної категорії [8], що дозволяє пояснити, з одного боку, спосіб впливу соціокультурних чинників на структури тексту / дискурсу і, з іншого, роль дискурсу в формуванні контексту. Вивчення таких параметрів фокусується на аналізі пропозиції, макропропозиції, макроструктури, суперструктури, концепту-ідеї, концептуального простору тексту; ситуаційної моделі; фрейму.

Отже, матеріал статті дозволив нам запропонувати таксономію вербально-семіотичних, змістовно-сміслових, мотиваційно-прагматичних й когнітивно-концептуальних параметрів як диференційних ознак, що задані категоріями дискурсу і маніфестують такі категорії на різних рівнях його стратифікації.

Перспективним напрямом подальших досліджень з обраної проблематики є виявлення специфіки реалізації параметрів, категорій і складників дискурсу в різних дискурсивних зразках.

Список літератури

Киселева Е. А. Языковые и неязыковые параметры фатического дискурса / Е.А. Киселева // Традиции и новаторство в гуманитарных исследованиях : [сб. науч. тр.]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. – С. 24-27.

Кравченко Н.К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа : научн-практич. пособие / Н.К. Кравченко. – Луцьк : Волиньполіграф, 2012. – 251 с.

Кравченко Н.К. Интерактивное, жанровое и концептуальное моделирование международно-правового дискурса / Н.К. Кравченко. – К. : Реферат., 2006. – 320 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л.Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации / О. Г. Ревзина // Критика и семиотика. : [сб. науч. тр.]. – Вып. 8. – Новосибирск: НГУ.– 2005. - С. 66-78

Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.

Fairclough, N. Critical discourse analysis / N. Fairclough, R. Wodak / T. A. van Dijk (Ed.) // Discourse as social interaction. – London: Sage. – 1997. – Vol.1. – P. 258-284.

1. Van Dijk T.A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach / Van Dijk T.A. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 267 p.

2. Wodak R. A new agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, methodology and interdisciplinarity / R. Wodak, P. Chilton. – Philadelphia, PA: John Benjamins Publishing Company, 2005. – 320 p.

Кравченко Н.К. Таксономия дискурсивных параметров в соответствии с уровнями стратификации дискурса // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 240-244

В статье предложена таксономия параметров дискурса на различных уровнях его стратификации, установлена связь параметров с дискурсивными категориями. Охарактеризована специфика вербально-семиотических, содержательно-смысловых, мотивационно-прагматических и когнитивно-концептуальных параметров дискурса, определен их понятийный объем и системные связи. Выявлены особенности параметров, определяющие дифференциацию различных дискурсивных образцов.

Ключевые слова: дискурсивный параметр, вербально-семиотический, содержательно-смысловой, мотивационно-прагматический, когнитивно-концептуальный.

Kravchenko N.K. Taxonomy of discursive parameters according to the discourse stratification // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.240-244

The paper specifies the taxonomy of discourse parameters at different levels of the discourse stratification revealing the parameters relationships with the discursive categories. The verbal semiotic, content-semantic, pragmatic-motivational and cognitive-conceptual parameters of discourse are characterized while defining their notional scope and system connection. Special attention is paid to such parameters properties that differentiate the various discursive samples.

Key words: discourse parameter, verbal-semiotic, content-semantic, pragmatic-motivational, cognitive-conceptual.

Поступила до редакції 10.05. 2014 р.

УДК 811.161.1'373.2(476.5):378.016

**Особенности ономастических фоновых знаний
о Витебске у студентов-иностранцев**

Мезенко А. М.

*Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь*

В статье рассматриваются особенности ономастических фоновых знаний о Витебске и их роли в адаптации обучающихся иностранных студентов.

Ключевые слова: *ассоциативный эксперимент, оним-реакция, ономастическая лексика, лингвокультурологические ценности, лингвострановедение, фоновые знания.*

Постановка проблемы. Одной из центральных проблем современного языкознания, характеризующейся различными подходами к ее рассмотрению, является проблема взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры. Тезис о культурно-исторической ценности собственных имен в настоящее время уже не нуждается в доказательствах: в онимии воплощается характер культуры каждого этноса и каждого человека-имядателя [4, с. 31]. Историко-культурный модуль любого онима, по мнению М.В. Горбаневского, «формируется как знаниями (представлениями, ассоциациями) о самом названии, так и знаниями, представлениями, ассоциациями об объекте,.. за которыми данное наименование исторически и социально закреплено»; историко-культурные знания распределяются на два подвида — общие (универсальные) и индивидуальные (ситуативные) [1, с. 25-28]; иными словами, топонимическая (и шире ономастическая – А.М.) культурно-историческая информация сводится к фоновым знаниям [2, с. 220]. Проверенным и результативным путем выявления фоновых знаний, по свидетельству Н.А.Максимчук [3], является изучение ассоциативно-культурного фона онимов. *Актуальность* данного исследования определяет широкий интерес, проявляемый в последние десятилетия к проблеме взаимодействия языка и культуры, языковой личности в плане совершенствования методики преподавания русского языка как иностранного.

Целью настоящего исследования является определение особенностей ономастических фоновых знаний о Витебске и их роли в адаптации обучающихся из Туркмении, стран СНГ, Китая, Ганы при «включении» их в витебский региональный социум.

Научные результаты. Ономастические фоновые знания рассматриваются как составные элементы знаний историко-культурного типа, отражающие культурные представления использующего их языкового коллектива.

Для реализации цели был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 118 респондентов. Предварительно испытуемыми были занесены в анкету социально-биографические данные: пол, год и место рождения, образование, сфера профессиональной деятельности, время проживания в Витебске, место жительства, – а затем в течение одной минуты записаны имена собственные, с которыми у них ассоциируется название города *Витебск*. Таким образом количество реакций ограничивалось только временем. Исследование частотности онимов, формирующих

ассоциативно-культурный фон ойконима *Витебск*, позволило выявить наиболее значимые из них, формирующие структуру региональных ономастических фоновых знаний студентов-иностранцев граждан, обучающихся в вузах исследуемого города.

Анализ полученных данных показал, что респондентами приведено 124 онима-реакции, употребленные ими 687 раз. По фреквентативным показателям в соответствии с разрядами имена собственные распределились следующим образом: количественно преобладающими среди онимов-реакций оказались ойкодомонимы (55 – употреблены 425 раз), другие группы урбанонимов, ойконимы и гидронимы (38 -- 206), которым несколько уступают антропонимы, в том числе имена знакомых (29 -- 56).

К числу наиболее частотных относятся 9 онимов: *ВГУ имени П.М.Машерова* (55 употреблений), *ТЦ «Эвиком»* (42), *площадь Победы* (36), *река Витьба* (30), *сеть магазинов «Евроопт»* (29), *Ратуша* (27), *ТЦ Марко-Сити (пирамида, 26)*, *река Западная Двина* (24), *Марк Шагал* (23), – включающих в свой состав единицы, употребленные от 20 до 47% анкетированных. Так, у каждого второго из опрошенных название города *Витебск* из онимов-носителей духовной культуры, заключающих в себе историко-культурную информацию, ассоциируется с названием вуза, в который они поступили учиться – *Витебский государственный университет имени П.М.Машерова*; у каждого третьего – с названием *площадь Победы*, каждого четвертого – с названием *река Витьба* и *Ратуша*; каждого пятого – *река Западная Двина* и именем *М. Шагала*, белорусского и французского художника еврейского происхождения, уроженца Витебщины, и т.д. Что же касается онимов-носителей материальной культуры, то среди наиболее частотных из них названия повседневных ориентиров в новом для студентов социуме – торговых центров, ночного клуба.

В целом информативные для описания анализируемого ойконима реакции подразделяются на три основные группы: 1) реакции-топонимы (93), 2) реакции-антропонимы (29), 3) реакции-геортонимы (2).

Первые из них четко подразделяются на: **1.1. реакции-урбанонимы**, включающие **1.1.1. реакции-ойкодомонимы (55/425)**, тематически представленные следующими группами: **1.1. 1.1. торговые центры и магазины (18/180)**: *«Эвиком»* (42), *«Евроопт»*(29), *«Марко-Сити»* (26), *«Веста»* (16), *«Беларусь»* (12), *«Континент»* (11), *«Корона»* (11), *«Витебские продукты»* (8), *«Универмаг»* (7), *«Ника»* (5), *«Омега»* (2), *«Пчела»* (2), *«5-й Элемент»* (2), *«Рублёвский»* (2), *«Европа»* (2), *«Пассаж»* (1), *«Серж»* (1), *«Большой»* (1). Несмотря на высокую повторяемость большинства из этих названий, рассматриваться они могут лишь в качестве показателя регионального уровня лингвокультурологической ценности; **1.1.1.2. учебные и просветительские заведения (5/83)**: *ВГУ имени П.М.Машерова* (55), *ВГМУ* (16), *ВГТУ* (6), *ВГАВМ* (4), *Ленинская библиотека* (2); **1.1.1.3. зрелищные объекты (8/53)**: *Летний амфитеатр* (18), *Театр имени Я.Коласа* (12), *кинотеатр «Мир»* (11), *музей Марка Шагала* (4), *Дом кино* (4), *Филармония* (2), *Художественный музей* (1), *КДЦ* (1); **1.1.1.4. развлекательные заведения (4/22)**: *ночной клуб «Энергия»* (15), *ночной клуб «Вегас»* (3), *ночной клуб «Зебра»* (3), *клуб «Планета»* (1); **1.1.1.5. рестораны, бары, кафе (6/11)**: *«Виктория»* (4), *Арена-пицца* (2), *«Да Винчи»* (2), *«Журавинка»* (1), *«Зелена Гура»* (1), *«Мелоди»* (1); **1.1.1.6. спортивные объекты (2/7)**: *Ледовый дворец* (5), *ВЦСК* (1); **1.1.1.7. гостиницы (3/5)**: *«Витебск»* (2), *«Лучеса»* (2), *«Эридан»* (1); **1.1.1.8. производственные объекты, фирмы (2/3)**: *«Витязь»* (2), *«Три кита»* (1); **1.1.1.9. исторические объекты (1/27)**: *Ратуша* (27); **1.1.1.10. памятники (2/7)**: *Три штыка* (5), *памятник А.С.Пушкину* (2); **1.1.1.11. отдельные здания (1/6)**: *Синий дом* (6);

1.1.2. реакции-геонимы, представленные тематической группой **улицы, проспекты (14/60)**: *ул.Терешковой* (13, на улице находится общежитие),

ул. Суворова (13, на улице находится корпус университета, где обучаются слушатели подготовительного отделения), *Московский просп.* (12, на проспекте расположен главный корпус университета), *просп. Фрунзе* (7), *просп. Победы* (3), *Смоленская ул.* (2), *ул. Ленина* (2), *ул. Чехова* (2), *ул. Гагарина* (1), *ул. Гоголя* (1), *ул. Правды* (1), *Советская ул.* (1), *ул. Строителей* (1), *ул. Титова* (1);

1.1.3. реакции-агоронимы, представленные тематической группой **площади, парки (4/59)**: *пл. Победы* (36), *пл. Ленина* (15), *пл. Свободы* (7), *парк Мазурино* (1). Первое из указанных названий площадей приведено каждым третьим из анкетированных неслучайно: именно с этим объектом связаны важнейшие события общественной жизни витеблян;

1.1.4. реакции-эклезионимы, представленные тематической группой **церкви, соборы (2/4)**: *Воскресенская церковь* (2), *Успенский собор* (2);

1.1.5. реакции-гидронимы, представленные тематической группой **реки (3/59)**: *Витьба* (30), *Западная Двина* (24), *Лучёса* (5). Показательно, что первое и последнее названия относятся к водным объектам регионального (областного) уровня, *Западная Двина* же протекает не только по территории Беларуси, но России и Латвии;

1.1.6. реакции-ойконимы, представленные тематической группой **города (8/18)**: *Витебск* (5), *Орша* (4), *Полоцк* (3), *Новополоцк* (2), *Лепель* (1), *Новолукомль* (1), *Минск* (1), *Сенно* (1). Приведенные единицы – астионимы областного, кроме предпоследнего, уровня, встречаются в небольшом количестве анкет и не имеют высокого уровня лингвокультурологической ценности;

1.1.7. реакции-хоронимы, представленные тематической группой **страны, части города (6/6)**: *Беларусь* (1), *ДСК* (1), *Тирасполь* (1), *Тулово* (1), *Юг-7* (1), *Яма* (место, где проводится фестиваль «Славянский базар в Витебске») (1). Использование в качестве реакции хоронима *Беларусь*, вероятно, можно объяснить включением города Витебска в понятие «часть страны» или отсутствием дифференциации в восприятии отдельными иностранными студентами общенациональных (о Беларуси) и региональных (о Витебске) фоновых знаний.

2. Реакции-антропонимы (29 – 56) условно можно разделить на три тематические группы, включающие в себя имена конкретных людей. Несмотря на общее преобладание среди них **имен знаковых (12/12)**: *Александр, Андрей, Аня, Настя, Вика, Виктор, Вита, Лида, Мила, Марина, Олег, Ольга*, большая значимость по количеству употреблений **имен художников** очевидна: количество реакций (4) и количество употреблений (29) их соотносятся почти как 1 к 5. Это значит, что именно имена художников – *Марк Шагал* (23), *Репин* (4), *Пэн* (1), *Казимир Малевич* (1), – прежде всего имя *Марка Шагала*, употребленное почти каждым четвертым респондентом (для сравнения среди респондентов-белорусов – каждым третьим), является показателем его принадлежности к ядру региональных фоновых знаний. Перечисленные реакции представляют уже не только региональный, но и общенациональный уровни лингвокультурологической ценности. Индекс частотности 12 характеризует и реакции тематической группы **известные люди страны и города – государственные деятели, преподаватели, предприниматели, писатели (9/10)**: *княгиня Ольга* (2), *Лукашенко* (1), *Машеров* (1), *Мартынов* (1), *Наполеон* (1), *Бочков* (1), *Солодков* (1), *Яковлев* (1), *Ирина Кураш* (1), *Оксана Анатольевна* (1), *Давид Симанович* (1), *Лагин* (1).

3. Реакции-геортонимы (2 – 20) составляют минимальную тематическую группу, представленную названиями двух фестивалей – «*Славянский базар в Витебске*» (19), «*Сальса-фэст*» (1), первое из которых относится к общенациональному и общечеловеческому уровню лингвокультурологической ценности. Наличие этой реакции объясняется ассоциациями, имеющими отношение к фестивальной практике Витебска.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Проведенный анализ позволяет констатировать, что ойконим *Витебск* представляет собой комплексный оним. Состав его ассоциативно-культурного фона формируют ойкодомонимы (55), антропонимы (29), годонимы (14), ойконимы (8), хоронимы (6), гидронимы (3), агоронимы (3), экклезионимы (2). Ядро региональных фоновых знаний инофонов шире, чем у студентов-белорусов, и включает 9 онимов, употребленных от 47 до 20 % анкетированных (*ВГУ им. П.М.Машерова, «Эвином», пл. Победы, Витьба, «Евроопт», Ратуша, «Марко-Сити», Западная Двина, Марк Шагал*). Показательно, что из других разрядов онимов в реакциях студентов-иностранцев не нашли фиксации эргонимы, библионимы, зоонимы, имевшие место при анкетировании студентов – уроженцев города и Витебщины.

Реестр же наиболее частотных онимов, входящих в ассоциативно-культурный фон ойконима *Витебск*, свидетельствует о преобладании в его топонимной составляющей, в отличие от антропонимной, имен собственных регионального уровня лингвокультурологической ценности, как и у студентов-белорусов.

Наличие среди реакций-топонимов неофициального названия «Синий дом», обычно употребляемого витеблянами, позволяет говорить о «включенности» инофонов в естественную языковую среду, в витебский региональный социум.

Обилие онимов-носителей материальной культуры, в особенности у студентов подготовительного отделения и первых курсов, свидетельствует об ориентации их в начальный период обучения на овладение прежде всего бытовой жизнью города и о влиянии «включенности» в региональный социум на формирование фоновых знаний.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что успешное «включение» иностранных студентов в региональный социум диктует необходимость формирования у них знаний историко-культурного типа.

Список литературы

1. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания : автореф.: дис. ...докт. филол.наук: спец. 10.02.01 – русский язык / М. В. Горбаневский. – М., 1994. – 39 с.
2. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / М.В.Горбаневский. – М.: Об-во любителей рос. словесности, 1996. – 304 с.
3. Максимчук, Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Ч.1 / Н.А.Максимчук. – Смоленск: Изд-во СГПУ, 2002. – 204 с.
4. Материалы к серии «Народы и культуры». – М., 1993. — Вып. 25. – Кн. 1. – Ч. 1. – 260 с.

Мезенко А.М. Особенності ономастичних фонових знань о Витебске у студентів-иностранців // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.245-249

У статті розглядаються особливості ономастичних фонових знань о Витебске і їх ролі в адаптації іноземних студентів.

Ключові слова: асоціативний експеримент, онім-реакція, ономастична лексика, лінгвокультурологічні цінності, лінгвокраїнознавство, фонові знання.

Mezenko A. The peculiarities of foreign students' onomastic background knowledge of Vitebsk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.245-249

The peculiarities of onomastic background knowledge of Vitebsk and its role in the teaching adaptation for foreign students are described in the article.

Key words: *associative experiment, onym-reaction, onomastic vocabulary, linguocultural values, culture-oriented linguistics, background knowledge.*

Поступила в редакцию 12.05.2014 г.

УДК 808.05:35.08

Нормативный аспект языковой личности российского госслужащего

Пономаренко И.Н.

*Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия,
irnik@pochta.ru*

Специфика языковой личности государственного служащего включает особое отношение к языковой норме, подтвержденное данными социолингвистического опроса.

Ключевые слова: *языковая личность, государственный служащий, речевая деятельность, оценка нормы, анкетирование*

Современную лингвистику наряду с изучением психологических, когнитивных и прагматических аспектов речевого поведения интересуют социальные характеристики языковой картины мира и изучение того варианта языка, которым языковая личность пользуется в своей профессиональной деятельности.

Одним из **актуальных** подходов к изучению языковой личности может быть выделение «релевантных признаков модельной личности, т.е. типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации. Например, это русский интеллигент, английский аристократ, немецкий офицер. Среди модельных личностей в современной России – «Братан», «Новый русский», «телевизионный ведущий». Список этих социальных типов открыт» [3, с. 23]. Думаем, что этот список можно дополнить модельными типами «олигарх», «менеджер» и «чиновник (госслужащий)».

Поскольку в современной сфере государственного управления происходят большие изменения, изучение особенностей речевой деятельности современного чиновника предоставляет лингвисту возможность исследования актуального пласта современного русского языка.

Государственная служба как социальный институт представляет собой специфическую разновидность социальной практики, а гражданский служащий, согласно Федеральному закону N 79-ФЗ, это гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы на должностях, обеспечивающих исполнение полномочий федеральных государственных органов и государственных органов субъектов РФ.

В соответствии с Федеральным законом «Об основах государственной службы Российской Федерации», а также по содержанию и характеру возложенных на них обязанностей государственные служащие не имеют права заниматься политической деятельностью. Однако значительная часть россиян ставит знак равенства между госслужащими и властью, поскольку постоянные кадровые перемещения приводят к тому, что политик часто становится госслужащим и наоборот, и, следовательно, границы между собственно политической и управленческой деятельностью стираются.

Исследование языка власти не новая тема для отечественной лингвистики. Работы Е.Д. Поливанова, А.М. Селищева, С.О. Карцевского, Г.О. Винокура в достаточной мере описывают особенности официального языка первой трети XX века. С 90-х годов прошлого века активно изучается язык «тоталитарной эпохи», а также политический дискурс первого десятилетия постсоветского периода. Достаточно вспомнить работы «Русский язык и современность» 1991г., «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)» 2000г., «Русский язык сегодня» 2000г. и др.

Труды В.Г. Костомарова, М.А. Горбаневского, Ю.Е. Караулова, О.Б. Сиротининой, В.М. Шаклеина, Л.А. Вербицкой и других ученых, давшие глубокий анализ речевого поведения представителей сферы повышенной речевой ответственности – политиков, чиновников, журналистов, создали основу для появления в 2004 году докторского исследования М.Н. Пановой «Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования».

Хотя изучению особенностей подъязыка чиновников как социального варианта национального языка прямо или косвенно посвящено большое количество научных работ, но именно М.Н. Пановой проведено целостное осмысление языковой личности государственного служащего как лингво-социального феномена в рамках административного дискурса. Объективность и достоверность полученных выводов обеспечиваются большим объемом проанализированного материала, использованием последних на тот момент достижений лингвистики и методики проведения экспериментального исследования.

Определяющими факторами специфики языковой личности госслужащего являются экстралингвистические признаки – характер и функции госслужбы, стиль управленческой деятельности в целом и особенности конкретной социально-профессиональной среды.

Профессиональная речь государственных служащих – это форма существования языка, включающая единицы разных уровней и функциональных разновидностей речи (специальные термины, элементы разговорной речи, официально-делового и научного стилей и административно-политического социолекта) и реализующаяся в определенных типах и жанрах институционального общения.

По М.Н. Пановой, языковая личность государственного служащего представляет собой мобильную саморегулирующуюся систему, находящуюся под влиянием разных социальных факторов, среди которых социальный статус, позиция и служебная иерархия, языковая мода в сфере государственного управления, существование этой саморегулирующейся системы находится под постоянным воздействием многочисленных ситуативных факторов служебного общения.

Служебное общение реализуется в многочисленных жанрах устной и письменной речи. Письменная служебная речь существует в виде служебных документов (приказов, распоряжений протоколов) и предполагает жесткое регламентирование в соответствии с госстандартами, в частности с ГОСТ Р 6.30-2003, любое отклонение от которых считается ошибкой. Устная речь, в целом являясь менее регулируемой, представляет для исследователей больший интерес, поскольку характеризуется большим потенциалом для проявления особенностей языковой личности.

Завершенность описанию языковой личности чиновника придает изучение ее отношения к языковой норме. Специфика профессии государственного служащего делает актуальным выявление асимметрии нормы и узуса статусно ориентированного речевого поведения и проведение ортологического анализа профессиональной речи чиновников.

В целях изучения специфики позиционирования языковой нормы в речевом аспекте деятельности государственных служащих И.Н. Бордчук в январе-феврале 2013 года было проведено анкетирование чиновников органов исполнительной власти

Ростовской области. 100 респондентам были предложены вопросы, касающиеся сущности понимания языковой нормы, а также обязательности ее соблюдения в речевой деятельности госслужащих.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что проблема оценки нормы в административной среде занимает особое место. Так, 52 % опрошенных считают соблюдение языковых важным во всех сферах профессиональной деятельности. С необходимостью предъявления повышенных требований к государственным служащим РФ в части знания нормативного аспекта государственного языка согласились 70% опрошенных, хотя только 45% респондентов уверены, что соблюдение языковых норм непосредственно связано с сокращением количества ошибок в процессе коммуникации при решении служебных задач и исполнении поручений. При этом только 15% опрошенных обращаются к словарям и справочникам, 77% делают это редко, а 4% никогда.

Анализ нормативного аспекта речевого поведения госслужащего делает возможным выявление своеобразных «опознавательных знаков» его профессии – профессиональных речевых отклонений и особенностей. Определение языковых маркеров профессиональной принадлежности госслужащих играет важную роль в создании и описании типовых моделей языковой личности.

Коль скоро в соответствии с Федеральным законом «государственный язык (которым Конституцией определен русский) подлежит обязательному использованию в деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, в том числе в деятельности по ведению делопроизводства», общество вправе ожидать, что речевая деятельность внутри административной сферы строго нормирована, что именно государственные служащие в первую очередь должны заботиться о соблюдении и сохранении языковых норм.

Однако, согласно результатам исследования И.Н. Бородчук, подобное мнение не разделяется самими государственными служащими: соответствующей требованиям нормативности и источником нормоизменения свою речь считают лишь 25% опрошенных.

Таким образом, результаты социолингвистического опроса региональных государственных служащих позволяют заключить: недостаточная оценка важности основной характеристики литературного языка – нормативности и неполное осознание своей деятельности как имеющей отношение к зоне повышенной речевой ответственности создают основу для разрушения нормы, что приводит к снижению общего уровня речевой культуры в стране. Ведь язык власти оказывает значительное влияние на язык СМИ, активно тиражирующих его вместе с речевыми нарушениями.

Государственная служба как социальный институт должна представлять собой не только образцовый вид профессиональной деятельности, но и быть примером речевой культуры и культуры служебных отношений. От уровня ее социального престижа и степени доверия к ней во многом зависит успех реформирования всего общества.

Список литературы

1. Бородчук И.Н., Пономаренко И.Н. / Позиционирование языковой нормы в речевой деятельности государственных служащих / И.Н. Бородчук // Континуальность и дискретность в языке и речи / Материалы IV Междунар. науч. конф.– Краснодар: Куб.гос.ун-т, 2013.–187 с.– С.116–117.

2. Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: дискурсивная практика, типология, механизмы формирования»: автореф. дисс.на соискание уч. степени докт. фил. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык»/ М.Н. Панова. – Москва, 2004.–36 с.

3. Романова Т.В./Социо-и психолингвистические основания для типологической характеристики языковой личности / Т.В.Романова //Социальные варианты языка – VI / Материалы международной научной конференции 16–17 апреля 2009 года. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. лингв.ун-т 2009.–423с.– С.23–27.

Ponomarenko I.N. Normative aspect of a linguistic personality of a russian office worker // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.250-253

Specific character of a linguistic personality of a Russian office worker involves special attitude to the linguistic norm, which is proved by the sociolinguistic survey.

Key words: *linguistic personality, office worker, speaking activity, norm evaluation, questioning.*

Поступила в редакцию 06.05.2014 г.

УДК 811

Иноязычное образование в контексте межкультурной коммуникации

Суворова С.Л.

Шадринский государственный педагогический институт, г. Шадринск,
Россия alex97@shadrinsk.net

В статье рассматриваются вопросы статуса современного иноязычного образования с позиций межкультурной парадигмы, который определяется как необходимое условие формирования вторичной языковой личности, способной к речевому взаимодействию на межкультурном уровне. Основное внимание уделяется межкультурному дискурсивному взаимодействию, определяется содержательное наполнение понятий «дискурс» и «межкультурный дискурс», который интерпретируется автором как одна из разновидностей межкультурного общения.

Ключевые слова: иноязычное образование; межкультурная парадигма; дискурс; дискурсивная деятельность; межкультурное дискурсивное взаимодействие; межкультурный дискурс; кросс-культурный подход.

Принятие межкультурной парадигмы образования в области лингвистики и теории и методики преподавания иностранных языков и культур развивается в неразрывной взаимосвязи с коммуникативной парадигмой и позиционируется как приоритетное. Однако многие исследователи отмечают, что между этими двумя подходами существует различие, носящее принципиальный характер и выражающееся в том, что, они исходят из различного целеполагания и имеют разные целевые доминанты. Коммуникативный подход ориентирован на иноязычную коммуникативную компетенцию (компетентность, культуру), которая моделируется по образцу коммуникативной компетенции носителя языка, а межкультурный – на формирование личности межкультурного коммуниканта (медиатора культур). Существенным при этом представляется тот факт, что межкультурная коммуникация «предполагает формирование не только умений межкультурного общения, но и умения применения обеспечивающих его продуктивность эвристических процедур и стратегий постоянного познания особенностей конкретных культур и особенностей их взаимодействия» [1, с. 11].

С конца 70-х гг. XX века ученые фиксируют дефиниционный кризис межкультурной коммуникации, проявляющийся в наличии множества ее определений; внедрении западной этноцентричной составляющей в данные определения; дисбалансе ключевых терминов: «культура» и «коммуникация»; недостатке теоретических концепций.

Изменение целей языкового образования и его методологических основ привело к формированию *межкультурной парадигмы* – онтологии современного языкового образования – как совокупности убеждений, системы воззрений, ценностей, которые объединяют в данном вопросе всех членов научного сообщества. Межкультурная парадигма современного иноязычного образования обращена, прежде всего, к принципам формирования поликультурной личности в условиях поликультурно-языкового пространства при соизучении иностранных языков и культур.

В русле межкультурной парадигмы моделируется система обучения иностранному языку в вузе, обеспечивающая развитие некогнитивных и интеллектуальных (когнитивных) аспектов личности студентов: в процессе сопоставления различных концептуальных систем (мировидения и миропонимания) обучаемые обогащают свое сознание за счет интернациональной реальности и средств ее структурирования.

Иноязычное образование в вузе понимается как необходимое условие успешной реализации языкового образования и формирования вторичной языковой личности, способной к речевому взаимодействию на межкультурном уровне. В современной лингвистике, когнитивистике и межкультурной коммуникации базой данных для когнитивного анализа культурно обусловленных знаний, лежащих в основе коммуникативного поведения индивида как члена определенного социума, является анализ **дискурса** – процесса естественной человеческой коммуникации. Дискурсивное поведение индивида обусловлено его принадлежностью к определенной языковой и социокультурной общности и может рассматриваться как реализация в процессе интеракции, наряду с индивидуальными, культурно детерминированных социально релевантных значений языкового и неязыкового характера.

Исследование *межкультурного дискурсивного взаимодействия*, рассматриваемого нами как процесс общения между коммуникантами, являющимися носителями разных языковых культур и, как следствие, разных культурных когнитивных моделей, ведется сегодня преимущественно с позиций социопрагматического подхода и представляет собой совершенно новое направление в анализе дискурса. Помимо собственно прагматических концепций, основу этого направления составляет также современный когнитивный подход к рассмотрению взаимоотношений языка и культуры, базирующийся на определении культуры как разделяемого всеми членами социокультурной общности знания. Именно с этих позиций изучается дискурс в рамках контрастивной и межкультурной прагматики, а также «этнографии коммуникации».

Кратко остановимся на анализе сущности понятия «дискурс» и его экстраполяции в сферу межкультурной коммуникации.

Впервые «дискурс» был введен в научную теорию лингвистики текста американским учёным З. Харрисом в 1952 году как лингвистический термин в словосочетании «анализ дискурса». Понятие «дискурс», заимствованное из структурной лингвистики, получает в конце XX века все более широкую научную интерпретацию и терминологическую многозначность. Однако до сих пор определение дискурса является дискуссионным, и этот феномен как категория коммуникации понимается многими учеными по-разному. Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в различных научных парадигмах, поэтому в лингвистических теориях понятие «дискурс» к концу XX века стало шире понятия «язык», а понятийный диапазон термина «дискурс» отличается многообразием. Приведем несколько определений дискурса [2, с. 30-32]:

- 1) дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... речь, «погруженная в жизнь» (Н.Д. Арутюнова);
- 2) дискурс – функционирование языка в живом общении (Э. Бенвенист);
- 3) дискурс – когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, в отличие от текста, который является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму (Е.С. Кубрякова);

4) дискурс – как и всякий артефакт культуры, любая единица языка или речи может служить основной для образования в коллективном сознании лингвокультурного концепта (Г.Г. Слышкин).

При всем многообразии определений термина «дискурс» в современных лингвистических исследованиях важен тот факт, что большинство ученых акцентирует внимание на ситуации общения как необходимом условии появления вербального или / и невербального текста, также выделение с позиции социолингвистики двух основных типов дискурса: персонального и институционального. В. И. Карасик считает важным противопоставление личностно-ориентированного и статусно-ориентированного дискурса. Основным признаком личностного, бытового дискурса – стремление выйти на особый сокращенный вид общения, близкую дистанцию – так организуется разговор об очевидном и легко понимаемом. Как отмечается в современных работах по коммуникативной лингвистике, институциональный дискурс – это общение в рамках статусно-ролевых отношений, т.е. речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом [3, с. 135].

Применительно к современному обществу лингвисты выделяют следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, спортивный, научный, сценический, медицинский, деловой, рекламный и массово-информационный. Однако любой дискурс направлен не на передачу информации, а основной функцией дискурсивной деятельности является делимитация, отграничение коммуникативного и жизненного пространства. Коммуникативное поведение направлено на идентификацию со «своей» аудиторией и дистанцирование от «чужой». Таким образом, мы имеем дело с особым видом дискурса – межкультурным, который связан с объединением масс и групп индивидов («ориентирующая функция», по А.А.Филинскому) и отграничением их от других групп индивидов по параметру интерпретации социальной реальности («дискурсивное конструирование социальной реальности»).

В центре нашего исследования находится подструктурный вид дискурса как целостного феномена – **межкультурный дискурс**. Устоявшейся в лингвистической науке и ее направлениях, связанных с исследованием процессов межкультурной коммуникации, является точка зрения на перспективность *кросс-культурного подхода*, ядро которого составляет выявление культурно обусловленной картины мира и дедуктивное описание по разным дискурсивным параметрам основных культурных противопоставлений. Другим вариантом исследований по прагматическим аспектам межкультурного дискурса стала так называемая кросс-культурная прагматика, занимающаяся сопоставительным анализом отдельных принципов, характеризующих коммуникативную деятельность, и соответствующих культурных сценариев.

Культурная динамика в различных областях деятельности и сферах коммуникации развивается в направлении сотрудничества, основанного на культурном плюрализме. Последний представляет собой адаптацию человека к чужой культуре без отказа от своей. Он предполагает овладение человеком ценностями еще одной культуры без ущерба для ценностей собственной. Исходя из сказанного выше, целесообразно интерпретировать **межкультурный дискурс** как одну из разновидностей межкультурного общения, т.е. общения в рамках взаимодействия двух и более культур. Естественно, что данный термин применим лишь к конкретным ситуациям, в которых при равных «социальных» и «предметных» составляющих контекста, могут быть различные стратегически компенсационные и акциональные параметры межкультурной коммуникации. Следовательно, при классификации типов ситуаций, возникающих в межкультурной коммуникации, необходим учет содержания общения, так как определенные различия в когнитивной базе у представителей

различных культур могут частично компенсироваться или углубляться в зависимости от совпадений / несовпадений в коллективном когнитивном пространстве, связанном с обращением к определенной предметной области, характеризующей содержание общения. Создатель и адресат сообщения в межкультурной коммуникации – равные по всем основным параметрам партнеры: они равны и в знании констатирующей ситуации, и в знании контекста; различия между ними заключаются лишь в том, что они являются носителями различных ментально-лингвальных комплексов, обладают различным опытом в сфере прямой и косвенной коммуникации.

Итак, изучение дискурсивной деятельности человека в условиях межкультурной коммуникации с когнитивной точки зрения дает возможность описывать структуры репрезентации различных видов культурно обусловленного знания, а также их влияние на языковые стратегии дискурсивной деятельности, характерные для носителей конкретной речевой культуры. Такой подход к анализу дискурса напрямую связан с решением основной задачи иноязычного образования – изучения языкового образа мира и обучения межкультурной коммуникации, поскольку позволяет рассматривать дискурсивную деятельность человека как отражение в формах коммуникативного поведения национальной картины мира, а используемые в процессе коммуникации языковые средства – как способ выражения системы культурно обусловленных значений, репрезентирующих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции, оценки и ценностные ориентации.

Список литературы

1. Елизарова Г. В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению: автореф. дисс. На соискание уч. степени докт. пед. наук : спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» / Г. В. Елизарова. – СПб., 2001. – 38 с.
2. Суворова С. Л. Формирование коммуникативно-дискурсивной культуры будущих учителей: методологические, теоретико-педагогические и технологические аспекты: [монография] / С. Л. Суворова. – Шадринск : Изд-во ОГУП «Шадринский Дом печати», 2008. – 228 с.
3. Karasik V.I. Linguistic circle: the person, the concepts, the discourse. – Volgograd: Peremena, 2004. 390 p.

Суворова С.Л. Іншомовне освіта в контексті міжкультурної комунікації // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.254-258

у статті розглядаються питання статусу сучасної іншомовної освіти з позицій міжкультурної парадигми, який визначається як необхідна умова формування вторинної мовної особистості, здатної до мовному взаємодії на міжкультурному рівні. Основна увага приділяється міжкультурному дискурсивному взаємодії, визначається змістовне наповнення понять «дискурс» і «міжкультурний дискурс», який інтерпретується автором як одна з різновидів міжкультурного спілкування.

Ключові слова: *іншомовне освіта; міжкультурна парадигма; дискурс; дискурсивна діяльність; міжкультурне дискурсивне взаємодія; міжкультурний дискурс; крос-культурний підхід.*

Suvorova S. L. Education in foreign languages in the context of intercultural communication // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.254-258

In the article the questions of the status of foreign language education from the standpoint of intercultural paradigm, which is identified as a necessary condition for the formation of a secondary language personality, capable of speech interaction on the intercultural level. Focuses on intercultural discursive interaction is determined by the content of the concepts of «discourse» and «intercultural discourse», which is interpreted by the author as one of the varieties of intercultural communication.

Keywords: *education in foreign languages; intercultural paradigm; discourse; discourse activity; intercultural discursive interaction; intercultural discourse; cross-cultural approach.*

Поступила в редакцию 08.05.2014 г.

УДК 378.016:811.161.1

**Использование принципа формализации при изучении специальных
текстов на занятиях по русскому языку как иностранному**

Федотова С.И.

*Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия
smerechina@mail.ru*

Работа с текстом - один из центральных элементов занятия по русскому языку как иностранному. Конечная цель изучения текста - построение монологического высказывания. Для достижения указанной цели применяются различные методы градации, упрощения и визуализации текстового материала. Эффективным представляется использование принципа формализации текста, который позволяет ускорить процесс освоения текстов и достаточно быстро вывести учащихся в свободную профессиональную коммуникацию.

Ключевые слова: *формализация и визуализация текста, монологическое высказывание, денотатный граф.*

Постановка проблемы. В последнее время весьма актуальным является изучение структурно-грамматической и семантической организации научного текста с целью обучения иностранных учащихся языку специальности на материале естественнонаучных и технических дисциплин. Язык в данном случае, выступая для иностранных слушателей в качестве решающего фактора успешного осуществления всей учебной деятельности, является средством овладения специальностью на базе русского языка. Эта особенность предполагает организацию изучения языка в соответствии с коммуникативными и познавательными задачами, которые решаются слушателями в учебной деятельности и общении.

Одним из центральных элементов занятия является работа со специальными текстами. Нужно подчеркнуть, что на занятии по русскому языку как иностранному при изучении и анализе заданного текстового материала конечной целью является построение монологического высказывания. Для этого необходимо развивать у учащихся навыки владения языковыми ресурсами научного функционального стиля, первоначально их редуцируя, упрощая, методически организовывая языковые единицы таким образом, чтобы максимально обеспечить практическое пользование ими для реальной коммуникации [1;3;4].

С этой целью в методике преподавания русского языка как иностранного эффективно используется принцип подачи градуированного текстового материала с дальнейшим выходом в монологическое высказывание [3]. При членении текста могут использоваться либо чисто формальные критерии, устанавливающие лишь структурные границы текста, либо критерии, определяющие структурно-семантические границы текстовых единиц, то есть учитывающие соотношения текстовых единиц между планом выражения и планом содержания.

Последний фактор позволяет визуализировать текст, то есть представлять наглядно основные структурные компоненты текста, выделять тему, подтемы (субтемы). Данный методический прием помогает иностранным учащимся не

только анализировать текст, выделять главную и второстепенную информацию, но и воспроизводить прочитанный / прослушанный материал, планируя или программируя каждое высказывание, весь монолог как единое целое. План монолога в данном случае может облекаться в языковую форму и записываться в виде схемы, плана, тезисов или конспекта будущего высказывания.

Вопросом применения формализации к семантическим явлениям занимался также Новиков А.Н [2]. В своей монографии «Семантика текста и ее формализация» он подробно исследовал возможные подходы к формализованному выделению содержания текста и разработал методику *построения денотативной структуры текста*. Преимущественно на данное исследование мы и будем опираться в своей работе.

Цели и задачи. На занятиях по специальной лексике преподаватель часто сталкивается с тем, что даже после основательных предварительных языковых и речевых упражнений обучающиеся испытывают значительные трудности в порождении монологического высказывания. Это действительно особое и сложное умение, которое необходимо специально формировать.

Методика составления денотативной структуры текста в виде графа помогает преодолеть эти трудности. В основе этого метода лежат сложные психологические механизмы понимания текста, которые носят характер «интернациональный», общий для носителя любого языка, что создает надежное поле для взаимодействия и взаимопонимания.

Что же такое формализация? «Сущность процесса формализации заключается в замещении некоторого содержания его формой, которая абстрагируется от этого содержания и начинает выступать самостоятельно в различных процедурах преобразования и вывода» [2, с.173].

В нашем случае объектом формализации является текст, имеющий особые свойства, отличающие его от других объектов формализации. Специфика текста как объекта формализации заключается в том, что он представляет собой выраженное знаковыми средствами естественного языка содержание. Средства выражения в нем выступают как форма этого содержания.

Возможность формализации научных текстов обуславливается основными характеристиками научного стиля (подчеркнутая логичность, смысловая точность, информативная насыщенность и т.д.) и создается спецификой их языкового оформления. Как известно, научные тексты отличаются от других набором языковых средств, структурной организацией, нормами употребления лексических, грамматических и синтаксических построений.

Для лексического оформления текстов научного стиля характерна насыщенность узкоспециальными и общенаучными терминами, которые отличаются принципиальной однозначностью, точностью, экономичностью, номинативной и различительной функцией, стилистической нейтральностью, большой информационной интенсивностью, абстрактностью, отсутствием эмоциональной экспрессии.

К синтаксическим особенностям оформления научно-технических текстов следует отнести синтаксическую полноту оформления высказывания, частое употребление клишированных структур, развёрнутую систему связующих элементов (союзов, союзных слов) и т.п. В этом плане фиксируется широкое употребление неопределенно- и обобщенно-личных предложений, распространение безличных конструкций, преобладание пассивных построений по сравнению с соотносительными активными, использование предложно-падежных групп обстоятельственного значения, эквивалентных придаточным предложениям, инфинитивных оборотов, использование усложнённых конструкций с сочинением и подчинением и простых

предложений, отягощенных различными обособленными оборотами [4].

Указанное типизированное употребление языковых средств расширяет возможности работы над текстом, позволяя преподавателю применить один из вариантов визуального представления научного текста в виде денотатного графа.

В общем виде методика построения графа заключается в том, что из текста выделяются объекты (денотаты), о которых говорится в тексте, и та информация, которая сообщается о них.

В данном случае денотат – основной структурный элемент, единица содержания текста, представляющая собой образ некоторого фрагмента действительности [2]. Денотат имеет свою иерархию. Выделяют «ключевой» денотат, денотат подтемы и денотат субподтемы. «Ключевым» денотатом является денотат, называющий главный предмет текста. Элементы, замещающие достаточно широкое содержание и имеющие непосредственное отношение к главному предмету, являются денотатами, выступающими в роли подтем. Денотаты, непосредственно относящиеся к подтеме, являются субподтемами и образуют следующий уровень связей. Уровень отношений подтем с главным предметом является тем исходным уровнем отношений, отталкиваясь от которого можно распутать всю сложную сеть отношений между всеми денотатами текста.

Таким образом, вся информация выражается в виде объектов, связанных друг с другом определенными отношениями. Имена выделенных объектов фиксируются в виде вершин графа, которые располагаются в определенной последовательности. Эта последовательность определяется представлением о переходе от темы к подтемам, от общего к частному, от целого к части. При построении такого графа анализ текста производится глобально, то есть отдельные предложения не обязательно выступают в качестве единиц анализа. Поэтому расположение вершин графа может не соответствовать порядку следования объектов в тексте, а отражать скорее их объективное, предметное соотношение.

Если граф выполняется в презентационной программе Power Point, то можно использовать анимационные возможности программы. В этом случае условия порождения монологического высказывания становятся более сложными, так как «скрываются» некоторые денотаты. В графе остаются ключевой денотат, лексико-грамматические модели и сама структурно-логическая схема текста. В процессе монолога граф по щелчку мыши последовательно восстанавливается и начинает выполнять не только функцию опоры, но и функцию сличения и оценки соответствия значения и формы некоторой языковой структуры эталону.

В качестве примера проведем денотатный анализ текста «Электрическая цепь» с последующим построением его графа.

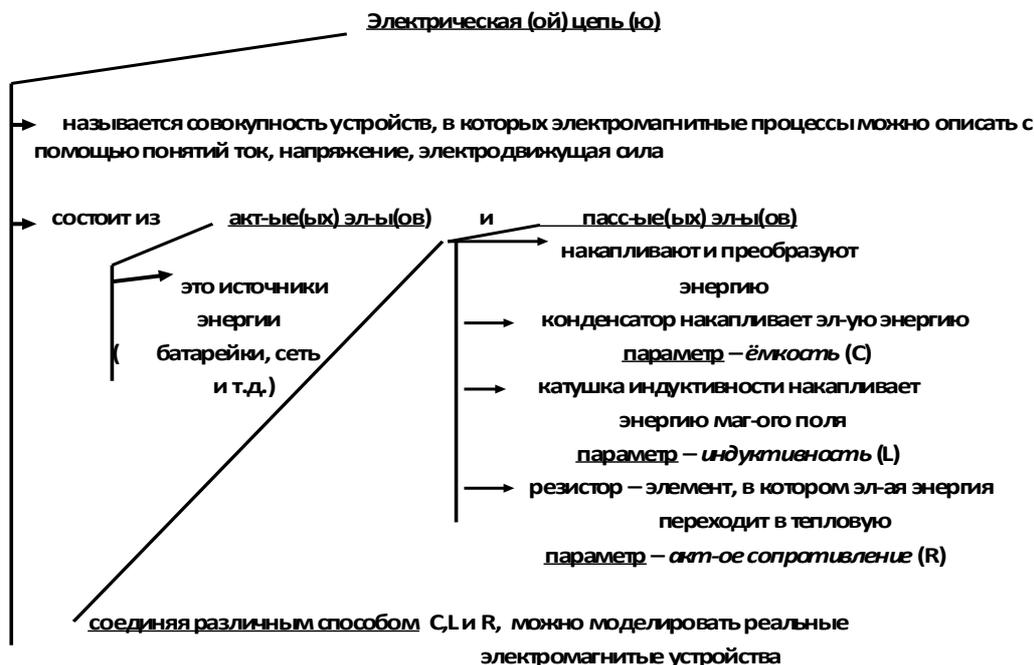
Электрическая цепь

*Электрической цепью **называется** совокупность устройств, в которых электромагнитные процессы **можно описать** с помощью понятий **ток, напряжение и электродвижущая сила**. Её **можно изобразить** в виде схемы, которая показывает последовательность соединения её участков и свойств цепи.*

*Электрическая цепь **состоит из** активных и пассивных элементов. **Активные элементы – это** источники энергии, в которых неэлектрическая энергия превращается в электрическую. В **пассивных элементах** электромагнитная энергия или **накапливается** в виде энергии электрического и магнитного полей, или **преобразуется** в другой вид энергии.*

*В электрической цепи элемент, способный накапливать энергию электрического поля, **называют конденсатором**. Параметр конденсатора – **ёмкость**, которую обозначают буквой **C**.*

Граф текста «Электрическая цепь»

Элемент, в котором накапливается энергия магнитного поля, называют катушкой индуктивности. Параметр катушки – индуктивность, которую обозначают буквой **L**.

Элемент, в котором электрическая энергия переходит в тепловую, называют резистором. Параметр резистора – активное сопротивление, которое обозначают буквой **R**.

Соединяя различным способом пассивные элементы C, L и R, можно моделировать реальные электромагнитные устройства.

1. Выделим в тексте «смысловые вехи» или «опорные пункты»:

- электрическая цепь
- активные элементы
- пассивные элементы
- конденсатор
- катушка индуктивности
- резистор

2. Определим иерархию «опорных пунктов».

«**Ключевым**» денотатом является «электрическая цепь», т.к. она и есть главный предмет текста.

В роли **подтем** выступают денотаты «активные элементы» и «пассивные элементы». Они имеют непосредственное отношение к главному предмету. Они есть часть целого.

Денотаты «конденсатор», «катушка индуктивности» и «резистор» непосредственно относятся к подтеме и поэтому выполняют функцию **субподтем**.

Работая над анализом текста, рекомендуется выделить и центр лексико-грамматической модели – сказуемое. Подобный графический акцент помогает обучаемым грамматически и семантически правильно (используя синонимичные модели) построить собственное высказывание.

Выводы. Построение денотатного графа помогает иностранным учащимся зрительно представить текст и при помощи визуальных опор правильно составить монолог (устное сообщение), избегая при этом различного рода ошибок в устной коммуникации. При помощи денотатного графа даже самые слабые учащиеся могут воспроизвести прослушанную или прочитанную информацию.

Подобная методика формализации текста позволяет ускорить процесс усвоения, осмысления и репродукции специальных текстов, помогает учащимся, используя различные речевые модели, составлять свои варианты монологических высказываний по теме, достаточно быстро выводит их в свободную профессиональную коммуникацию, способствует формированию семиотической компетенции. Подобная кодовая модель коммуникации позволяет поддерживать основополагающие способности естественного интеллекта – способность к абстрагированию и свертке знания.

Список литературы

1. Метс Н.А., Митрофанова О.Д., Одинцова Т.Б. Структура научного текста и обучение монологической речи / Н.А. Метс, О.Д.Митрофанова. – М.: «Русский язык», 1981. – 140 с.
2. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. / А.И.Новиков. – М.: Наука, 1983. –213с.
3. Пешкова Н. П. Типология научного текста: психолингвистический аспект / Н.П.Пешкова//монография. – Уфа: изд-во УГАТУ, 2002. –261 с.
4. Черненко М.Н. Специфика научного текста / М.Н.Черненко. // Ярославский педагогический вестник: сб. – 2002. - №4 (33). – С.1-11.

Fedotova S. I. The principle of formalisation usage at the studying of special texts on lessons on Russian as foreign // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.259-263

Work with the text - one of the central elements of lessons on Russian as foreign. An ultimate goal of studying of the text is construction of the monologic statement. Various techniques of gradation, simplification and visualisation of a text material are for this purpose used. The construction technique of denotates graf which allows to accelerate process of mastering of special texts is represented to the most effective and quickly enough deduces students in free professional communication.

Key words and word-combinations: *formalisation and text visualisation, the monologic statement, denotates graf.*

Поступила в редакцию 10.05.2014 г.

УДК: 801.73, 801.733

**Калькирование: способ осмысления оригинала
или переводческий принцип**

Чевела О.В.

*Казанский государственный медицинский университет,
Казанская духовная семинария, г. Казань, Россия*

Статья посвящается судьбам славянской Триоди в период литургической реформы XIV-XV вв. Текст афонской редакции рассматривается в диахронии, в общем историко-культурном контексте славянских переводов литургических книг на Руси. Выявлены основные тенденции калькирования, рассмотрены особенности переводческой справки

Ключевые слова: *церковнославянский язык, лингвотекстология, калькирование, герменевтика*

Постановка проблемы. Калькирование как способ освоения понятий новой (христианской) культуры известно с древнейших славянских переводов. Как отмечает В.В. Колесов, “калькирование как способ восприятия новых форм ментальности на основе исконно славянских морфем становится главным средством семантического насыщения слова смыслом” [1, с. 205-206]. В диахронии параллельно с усилением позиций калькирования коренным образом изменяется его сущность: изначально будучи одной из форм познания и восприятия нового (христианского) содержания, калькирование получает в афонских переводах статус основополагающего переводческого принципа и стилистической приметы. Калькирование обычно сопровождается и сближением с оригиналом в формально-грамматическом отношении. Подлинное бытие переносится в сферы языка, а между смыслом и его оболочкой устанавливаются те отношения, когда форма и содержание, “образ” и “подобие” находятся в состоянии равновесия. Одним из способов постижения трансцендентного становится филологический анализ, отсюда внимание к этимологии слова, его “внутренней форме”.

Материалом исследования послужил текст гимнов в составе Цветной Триоди по разновременным славянским переводам. В качестве основных источников привлекаются списки, отражающие основные вехи бытования Триоди на Руси: первоначальный перевод, представленный единственным русским списком (Триодь Моисея Киянина), исправление в эпоху Ярослава Мудрого (Гимовская редакция) и новый перевод, сделанный при патриархе Евфимии (Афонская редакция).

Цель работы – рассмотреть прием калькирования в диахронии, установить основные тенденции калькирования, выявить динамику производимых изменений.

Наряду с использованием синонимических рядов кирилло-мефодиевских переводов и лексических эквивалентов, выработанных в разных переводческих школах, афонские справщики в ряде случаев предпринимают новый перевод греческих слов. И в том, и в другом случае предпочтение отдается семантическим и словообразовательным калькам: *дѣржати* – *κατέχω* ‘держу’, *нечадне* – *γέννημα* ‘рожденное, дитя, плод’, *богатнии* – *περίουσιος* ‘обильный, богатый’; ‘пер.

избранный', подкизати – συκινέω 'вместе двигаю'; 'подстрекаю', единокѣтанъ – e*niauvsiō 'однолетний, годовалый', предстательница – prostavti 'заступница, покровительница' (πρός 'вперед' + ἵστημι 'ставлю'), предстатель – проστάτης, предстательство – проστασία, независтливи – ἄφθονος 'независтливый'; излнати – κενόω 'опоражниваю, опустошаю'.

Часто во имя точности переводчики передают первичное значение греческого слова, тогда как в доафонских списках актуализировано контекстное значение: азъ ко на очемъ кышнлаго престолѣ сѣдѣа, излѣю ѿ дѣха кѣсѣати любащѣимъ блгѣтъ независтноу [КТ 679] // неоскоудну [Вол. 124], греч. ἄφθονος 'без зависти, охотно'; 'щедро, в изобилии' образвано при помощи отрицательного префикса от φθόνος 'зависть, недоброжелательство'. Изменения носят систематический характер, охватывая ряд производных – напнталаз кси неоскоудно [Тип. 109] // насаитилаз еси независтно [КТ 432] – ἄφθώνος 'обильно', нескудниш податель (о Христе) [Тип. 128] / независтливиш податель [КТ 538] – ἄφθωνοπαρόχος 'щедрый'. В НТ формула стягивается в композит независтодатель.

Далеко не всегда "буквальность" перевода свидетельствует о его позднем происхождении, а многие кальки представлены среди (менее частотных) вариантов древнего перевода. Одни и те же трафаретные формулы входили в разные песнопения и в различные литургические сборники. Так, в Ильиной книге представлены оба варианта перевода отрицательного термина ἄφθονος "независтливый; щедрый, обильный" в составе формулы, характерной для литературной манеры Иоанна Дамаскина: τὴν χάριν νέμοις ἄφθόνως – благодать дажи нескѣднѣ, однако в другом каноне представлен "буквальный" перевод независтливиш [2, с.890].

Получают адекватный перевод богословские термины, подвергнувшиеся искажению в первоначальном переводе: снокастко [КТ 443] – υἰότης, термин, передающий ипостасное свойство Сына, как рожденного от Отца (в этот же ряд входит патрѣтѣ 'отцовство' и ἐκπορεύσις 'исхождение').

едино ка сѣи ка трѣци · и оца не остопла соущаствѣа · ниже сѣинобана ка збраникаша исхожения · но доома и какоупѣ · сѣкѣтѣ ка кѣтроема [Тип. 112 об.] – οὐ τοῦ Πατρὸς ἐκστάντος εἰς υἰότητα, οὐδὲ Υἱοῦ τραπέντος εἰς ἐκπόρευσιν, ἀλλ' ἰδίᾳ καὶ ἄμφω, φῶς Θεὸν τὰ τρία, δοξάζω εἰς αἰῶνας [Певт. 88].

Учение об имманентных свойствах, которыми различаются ипостаси, восходит к каппадокийской школе. Как отмечает В. Н. Лосский, «различие есть та абсолютная реальность, которая коренится в троиственной и изначальной тайне Божественных Лиц, и наша мысль, которую тайна эта бесконечно превосходит, может лишь указать на нее негативным образом, то есть утверждая, что безначальный Отец – не Сын и не Дух Святой; что рожденный Сын – не Святой Дух и не Отец; что Дух от Отца исходящий – не Отец и не Сын» [3, с. 216]. В древнем переводе совершенно другой смысл, подчеркивающий единую сущность Отца и Сына, и здесь мысль переводчика в очередной раз усматривает "сходства", а не "различия" (возможна, он смешал υἰότης 'сыновство' и οὐσιότης, 'сущность').

Только Аф удается "приблизиться" к мысли подлинника:

едино бгѣ оубѣ трѣца, ни оцѣ пристопикшѣ ка снокастко, ни сноу преложашоуца ка исхоженіе · но обоа ка єдинастко сѣкѣт бга три прославлѣю ка кѣкка [КТ 67, 444].

Иногда прием калькирования в доафонских списках использовался там, где смысл "ускользал" от переводчика. Об этом свидетельствуют, в частности, неудачные кальки, связанные с неверной интерпретацией структуры греческого слова и затемняющие смысл подлинника. Показательны в данном случае искажения лексических единиц в ближайшем контексте – пропуски, замены, а также нарушение принципа части и целого. На эту черту древних переводов указывает А.В. Михайлов: «Нередко

переводчик во имя той же близости к подлиннику приводит первое (прямое) значение слова вместо переносного» [4, с.160]. Достаточно пессимистично высказывается по поводу ошибок переводчиков М.Ф. Мурьянов: «Эта бессовестная халтура (слово достаточно старое, развившееся из латинского *chartularium* “поминальный список, который священник читает, молясь за упокой”, получала статус сакрального текста и функционировала в этом качестве веками. На такой уровень квалификации перевода была обречена гимнография. Библию, тексты канонического права, дипломатическую документацию переводили несравненно лучше» [5, с. 300]. Блаженный Августин формулирует данный языковой феномен следующим образом: «Неоднозначные слова самого подлинника очень часто обманывают переводчика, и он, не поняв хорошо мыслей, дает им такое значение, которое вовсе несообразно с намерением Писателя» [6, с. 86]. К числу таковых погрешностей он относит ошибки, проистекающие от “двузначности” слова, принятого не в надлежащем значении.

Так, при переводе прилагательного ὑπερκόσμιος ‘находящийся выше здешнего мира’; ‘горный, небесный’ первые переводчики ориентировались на первичное значение корневой основы κόσμος ‘украшение, наряд’; ‘порядок, устройство’; ‘мир, вселенная, небо’ – прѣѡкрашенна.

Смысл термина проясняется из фигуры антитезы, смыслового и синтаксического параллелизма: ἀνω σε ἐν θρόνῳ καὶ κάτω ἐν τάφῳ ὑπερκόσμιος καὶ ὑποχθόνιος. Затруднения вызывала формула ὑπερκόσμιος χοραστασία, где при переводе опущено ключевое слово χοραστασία ‘чин,отдел блаженствующих’ – и кѡ прѣѡходѡ кѡжѡстѡнѡн ии · прѣѡкодѡщи кѡ прѣѡкрасѡнѡн [МК 209 Тип. 89 об.]. В афонской редакции перевод унифицируется, появляются точные кальки греческих слов: прѣмирнаа и пѡзѣмнаа [КТ 199], прѣмирнымѡ ликостѡнѡнѡ [КТ 352]. В то же время, о принципиальной инновации речь не идет, так как калька прѣмирнѡн известна древней литургической рукописи – Ильиной книге [2, с. 745].

Часто первичное значение калькируется именно в случаях “повышенной герменевтической сложности”: присно(?) слежащана – πρὶν ἀποκείμενα

Се нѡнѣ оскѡдѣ · Ѡ нѡдина колѣна княза и кокода · ты ко ѣтѡна родила кси · тѣма присно(?)слежащана и надѣяниѣ ѡззѡкомѡ [Вол. 106 об. Тип. 108 об.] – ἰδοὺ νῦν ἐξέλιπε σαφῶς, ἐκ τῆς Ἰουδα φυλῆς, ἀρχῶν ἠγούμενος· οὐ γὰρ πανάμωμε τέτρωκας, τὰ αὐτῷ πρὶν ἀποκείμενα, τὴν προσδοκίαν τῶν ἐθνῶν, Χριστὸν ὃ ψάλλομεν [Певт. 88].

Феотокион в 1-м каноне на Преполовление Пятидесятницы представляет собой перифраз мессеанского отрывка из книги Бытия, содержащего одно из главных обетований о рождении Мессии: οὐκ ἐκλείψει ἄρχων ἐξ Ἰουδα καὶ ἠγούμενος ἐκ τῶν μηρῶν αὐτοῦ, ἕως ἄν ἔλθῃ τὰ ἀποκείμενα αὐτῷ καὶ αὐτὸς προσδοκία ἐθνῶν «не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, дондеже не приидет отложеная Ему, и сей чаяние язык» [Быт. 49: 10]. Трансформация временных форм: οὐκ ἐκλείψει ἕως ἄν “не оскудеет, пока <...>” – νῦν ἐξέλιπε “ныне оскудел” показывает пророчество осуществившимся во времени. Дистанцированное от своего артикля причастие τὰ αὐτῷ πρὶν ἀποκείμενα вызвало затруднение у переводчиков. В герменевтике Блаженного Августина подобные слова и выражения отнесены к “знакам неизвестным”, «которые – если разуместь под именем их слова – двоякого рода. Ибо останавливает читателя или одно какое-нибудь неизвестное слово, или целое неизвестное изречение» [6, с. 91].

Выражение действительно восходит к одному из “темных мест” перевода LXX. Глагол ἀπόκειμαι, букв. ‘лежать в стороне’ имел следующий спектр значений: ‘храню, берегаю’; ‘откладываюсь (на будущее), предназначаюсь’ (τὰ ἀποκείμενα собств. отложенное (на будущее), предназначенное), срв. в переводе Акилы: ὃ ἀποκείται “которому суждено (предназначено)”, в цсл. Ѡложенѡ ѣмѡ (от ἀποκεῖσθαι лежать

отдельно, в стороне). Как отмечает Г. Дьяченко, это название в Св. Писании усваивается только Мессии, который должен был примирить людей с Богом (Ср. Исх. IX, 6). По другому чтению (евр. Shellon): которому принадлежит, т.е. скипетр или царство <...>” [7, с. 395].

В *Гим* глагол передан буквально: ἀπόκειμαι ‘лежу в стороне’, от κείμαι ‘лежу’. В *Аф* мысль переводчика идет не по пути калькирования (как в переводе Св. Писания), а работает непосредственно над мессианским смыслом отрывка, в результате происходит отход от “внутренней формы” оригинала, и ‘предназначенное (на будущее)’ интерпретируется как свершение одного из важнейших обетований = ‘обещанное’: *ты ко ксенепорочна родила еси прежде окъщакшаго окътоканіа* [КТ 443].

Точный перевод, учитывающий библейские параллели, появляется в НТ: *ты ко ксенепорочна родила еси прежде окъщанное, члание назыкыкы*. В Триоди под редакцией Сергия Страгородского вставка экзегетирующего характера, учитывающая библейские параллели – *прежде смъ окъщанное*.

Выводы. Таким образом, прием калькирования, изначально являясь одной из форм познания и восприятия нового (христианского) содержания, в доафонских списках часто использовался в случаях повышенной герменевтической сложности. В этом плане показательны искажения лексических единиц в ближайшем контексте – пропуски, замены, а также нарушение принципа части и целого. В диахронии параллельно с усилением позиций калькирования коренным образом изменяется его сущность: калькирование получает в *Аф* статус основополагающего переводческого принципа и характерной стилистической приметы. Наряду с новым переводом широко используются эквиваленты, сложившиеся в разных переводческих школах. Лексические замены сопровождаются формально-грамматическим сближением с оригиналом, что демонстрирует системный характер производимых изменений, затрагивающих всеязыковые уровни. Ряд различий между редакциями объясняется богословским толкованием текста. На выбор переводчика оказывали влияние “параллельные места” и библейские аллюзии. Лексические варианты, входящие в эту группу, несут информацию о богословской компетенции переводчика, его знании Священного Писания и Предания, предпочтениях догматического характера.

Источники

- Триодъ Цветная XII в. // РГАДА, ф. 381, ед. хр. 137, 258 л. – (Рус.). – **МК**
Триодъ Цветная XII в. // РГАДА, ф. 381, ед. хр. 138, 181 л. – (Рус.). – **Tun**
Триодъ Цветная XIV в. // ОРРК РГБ, Вологод. собр., ед. хр. 241. – (Рус.). – **Вол.**
Триодъ Цветная XV в. // ОРРК НБЛ, ед. хр. 4633, 429 л. – (Рус.). – **КТ**
Πεντηκοστήριον χαρμόσυνον τὴν ἀπο τοῦ Πάσχα μεχρὶ τῆς τῶν Ἁγίων Πάντων κυριακῆς ἀνηκοῦσαν αὐτῷ ἀκολουθίαν – Βενέτια, ἐκ τοῦ ἐλληνικοῦ τυπογραφείου ὁ Φοίνιξ, 1884. – 227 σ. – Πεντ
Septuaginta – Septuaginta. Printed in Germany des Biblia-Druck. – Stuttgart: Ed. A. Rhalfs, 1935, [1979]. – 941 S. – **LXX**
Τριωδιὸν – Τριωδιὸν, ἐν Ρῶμῃ, 1886 – 389 σ. – Τρ.

Список литературы

1. Колесов В.В. Философия русского слова/ В.В. Колесов. – СПб.: Юна, 2002. – 448 с.
2. Верещагин Е.М. Древнейший славянский богослужебный сборник “Ильина книга”. – Факс. воспроизведение рукописи; билинейно-спатическое издание

источника с филолого-богословским комментарием / Е.М. Верещагин. – М. : Индрик, 2006. – XLVI, 978 с.

3. Лосский В.Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. – М.: СЭИ, 1991. – 287 с.

4. Михайлов А.В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. 1. / А.В. Михайлов. – Варшава: Изд-во Варшав. ун-та, 1912. – CCCXLII, 460 с.

5. Мурьянов М.Ф. Гимнография Киевской Руси. / М.Ф. Мурьянов. – М.: Наука, 2003. – 451 с.

6. Августин, епископ Иппонский. Христианская наука, или Основания Священной Герменевтики и Церковного Красноречия / Августин – СПб., BIBLIOPOLIS, 2006. – 508 с.

7. Дьяченко Г.М. Полный церковно-славянский словарь. – Репринт. изд. / Г.М. Дьяченко. – М., 2000.– 1120 с.

Chevela O.V. // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University.* – Series: *Philology. Social communications.* – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.264-268

The article is devoted to the fate of the Slavonic Triodion during the liturgical reforms of the early XIV-XV century. The text of the new edition is considered diachronically, in general, the historical and cultural context of the Slavonic translations of liturgical books in. The basic features of the translation on the right.

Keywords: Church Slavonic, lingvotekstologiya, free translation, hermeneutics

Поступила в редакцию 14.05.2014 г.

РАЗДЕЛ 6. ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ. КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ. РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

УДК 811.161.1

Способы речевого воздействия лектора

Пикалова А. Н.

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара,
г. Днепропетровск, Украина
ane4444ka88@mail.ru*

Рассмотрены особенности речевого воздействия лектора на аудиторию на материале лекций доктора физико-математических наук, профессора С. П. Капицы и доктора исторических наук, профессора С. П. Карпова. Определено, что речевое воздействие применяется в лекциях достаточно широко и реализуется четырьмя типами: социальным, волеизъявлением, разъяснением (информированием) и оценочным (эмоциональным).

Ключевые слова: *речевое воздействие, лекция, социальное воздействие, волеизъявление, информирование.*

Изучение языковой личности в лингвистике не является новым (в 80-х годах XX столетия вышел ряд работ, посвященных данной тематике, среди которых следует выделить труд Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [4]). Однако если в конце XX века языковая личность рассматривается в обобщенном виде, абстрактно, «как генетически обусловленная предрасположенность к созданию и манипулированию знаковыми системами» [4, с. 4], то уже в начале XXI века «увеличивается количество работ, в которых содержатся попытки описать особенности языковой личности различных типологических групп (социально-коммуникативных и профессионально-коммуникативных): языковая личность учителя, учителя-русиста, языковая личность телевизионного ведущего, языковая личность переводчика и комментатора, этот перечисленный ряд в будущем может быть продолжен исследованиями типа языковая личность врача, юриста, артиста и т. п.» [6]. Среди последних работ можно выделить исследование реальной языковой личности на материале дискурса врача-фармаколога К. И. Бендера как носителя элитарной речевой культуры [7], исследование языковой личности в юридическом дискурсе [8], исследование языковой личности современного старшеклассника [1] и др. Такое количество работ, посвященных данной проблематике, свидетельствует об актуальности вопроса в современном языкознании. К отдельной группе можно отнести языковую личность лектора, исследование которой дает возможность выявить специфические черты, стратегии и тактики речевого поведения, которыми обладает или должен обладать преподаватель для достижения цели своей коммуникации – для обучения. В свою очередь, «стремление добиться максимального результата

порождает планирование, которое <...> определяет стратегию говорящего» [2, с. 9]. Речевые стратегии коммуникации тесно связаны с речевым воздействием.

В данной статье мы ставим **цель** – описать на материале лекций способы речевого воздействия лектора на аудиторию. Она реализуется в решении ряда **задач**:

1. Исследовать социальное речевое воздействие лектора на аудиторию.
2. Изучить волеизъявление как тип речевого воздействия при чтении лекции.
3. Исследовать разъяснение и информирование как способы речевого воздействия.
4. Проанализировать применение оценочного и эмоционального речевого воздействия на адресата лекции.

Материалом для исследования послужили лекции доктора физико-математических наук, профессора С. П. Капицы [3] и доктора исторических наук, профессора С. П. Карпова [5]. Основой анализа является классификация типов речевого воздействия, предложенная Л. Л. Федоровой [9]. Согласно ее теории, выделяется четыре типа воздействия: 1) социальное (к которому относится приветствие, клятва, молитва); 2) волеизъявление (приказ, просьба, отказ, совет); 3) разъяснение, информирование (объяснение, доклад, сообщение, признание); 4) оценочное и эмоциональное (порицание, похвала, обвинение, оскорбление, угроза).

1. Социальный тип речевого воздействия в лекциях выражен слабо. Среди всех вариантов можно отметить приветствие, которым лекторы открывают свое выступление. Оно может быть ограничено стандартными фразами: *Добрый день, здравствуйте* [5], после чего следует оглашение темы лекции и далее сама лекция. Кроме этикетных фраз, «приветствие» также может включать элементы обращения к аудитории: *Здравствуйте. Вам хлопотать надо потом, а не заранее* [3] (лекции «Академии» начинаются с приветствия лектора аплодисментами). Такое обращение может быть нацелено на установление контакта с аудиторией и на активизацию ее внимания.

2. Речевое воздействие, выраженное волеизъявлением, нельзя назвать частотным, хотя имеет место быть. Так, лектор может прибегнуть к просьбе: *Представьте себе Южную Русь того времени* [5]; *Но вы подумайте, что, если наступила эпидемия гриппа там или другой заразы <...>?* [3]; к совету: *<...> вам не надо учитывать при этом миграцию* [3]; или к оборотам долженствования: *<...> мы должны сейчас вместе с вами понять, когда начинается новый и очень интересный процесс; И, кроме того, надо подумать: а что же перевозится на галейх?* [5]. Такие обращения к аудитории связаны с намерением лектора активизировать познавательную деятельность слушающих. Также обращение лектора к аудитории с просьбой может быть связано с технической стороной лекции, например, если необходимо обратить внимание на интерактивную доску: *Давайте посмотрим на эту карту* [5]. Иногда фраза долженствования не призывает аудиторию к действию, а служит способом связи высказывания, проводя «мостик» между подтемами лекции: *А человек – это очень особый вид, и надо даже взглянуть на человека с такой, я бы сказал, биологической точки зрения, сколько нас, как мы ущемляемся в нашем мире?* [3]. Введение новой подтемы может совпадать с воздействием на познавательную деятельность слушающих: *Вот это есть самый главный вывод, к которому мы сейчас должны прийти* [3]. Волеизъявление также может быть связано не только с переходом к новой подтеме, но и с прогнозированием следующей лекции: *Мощными миграционными процессами, с теми грандиозными изменениями, которые сейчас уже происходят в глобальном мире, которых, я думаю, мы рассмотрим уже более детально в следующей лекции* [3].

3. Большую часть лекций занимает воздействие посредством разъяснения и информирования. Естественно, что объяснение, доклад и сообщение, как виды речевого воздействия, взаимодействуют между собой и представлены достаточно

широко в лекциях, поскольку основная задача лекции – предоставить информацию и разъяснить ее. В контексте данного типа речевого воздействия видится целесообразным рассмотреть особый вид, который представляет собой информирование посредством обращения лектора к собственному опыту, к своей личности. Следует отметить, что данный тип высказываний является строго индивидуальным и зависит от языковой личности лектора, от его стратегии чтения лекции. Так, в лекции С. П. Карпова нами было отмечено единичное обращение лектора к своей личности: *Но я бы хотел сказать, что это было не единственное изменение* [5]. В целом, лекция практически лишена субъективизма и содержит объективные сообщения и объяснения. К местоимению я автор больше не возвращается. В то же время в лекции С. П. Капицы наблюдается двадцать случаев апелляции лектора к своему опыту. Так, например, он делится с аудиторией своим научным опытом: *<...> в 80-х годах я стал членом так называемого «Римского клуба» <...>; <...> это привело меня в соприкосновение по существу со многими лучшими умами человечества <...>* [3]; *кругом своих научных интересов: Я в свое время был связан с обсуждением одной из самых острых глобальных проблем, хотя о ней я буду сейчас мало говорить; И вот это меня тоже очень привлекало; Это и была центральная задача, которой мне пришлось заняться, и с ее точки зрения рассматривать глобальные проблемы современности* [3]. Кроме этого, лектор использует этот прием и как способ связи фрагментов лекции, прогнозируя ее дальнейший ход: *И вот здесь я как раз подхожу к тем проблемам, которые меня начали интересовать. Но прежде я расскажу о том, что люди, когда начали задумываться о глобальных проблемах и вообще о росте численности <...>* [3]. Также лектор воздействует на аудиторию, выражая личное отношение к тому, о чем информирует: *Я думаю, что это оказало очень серьезное влияние на него; И именно это представляет собой, с моей точки зрения, наиболее существенную глобальную проблему <...>* [3].

4. Применение оценочного и эмоционального речевого воздействия также во многом зависит от языковой личности лектора. Можно выделить похвалу, высказывания с положительной оценкой: *Удивительный такой человек, который создал такую транснациональную автомобильную компанию* [3]; и, наоборот, порицание, негативную оценку: *На самом деле, это абсолютная чепуха с точки зрения геохимии* [3]. Следует отметить, что апелляция к эмоциям слушающих помогает лектору не только активизировать внимание аудитории, но и способствует лучшему запоминанию материала благодаря участию эмоциональной памяти.

Таким образом, в лекции активно используются различные способы речевого воздействия на аудиторию, среди которых можно выделить приветствия и приветственные фразы, направленные на установление контакта с аудиторией; просьбы и советы, которые активизируют внимание аудитории и помогают структурировать высказывание; объяснения и сообщения, занимающие центральное место в лекции; а также в некоторых случаях порицание и похвалу, апеллирующие к эмоциональной памяти слушающих. Исследование типов речевого воздействия является неотъемлемой частью изучения коммуникативных стратегий и тактик языковой личности лектора.

Дальнейшей перспективой исследования языковой личности лектора является изучение языковых показателей речевых тактик, а также коммуникативных ходов, применяемых при чтении лекций гуманитарной и естественнонаучной направленности.

Список литературы

1. Аниськина Н. В. Языковая личность современного старшеклассника : дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. В. Аниськина. – Ярославль, 2001. – 288 с.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
- Капица С. П. Россия и мир в демографическом зеркале [Электрон. ресурс] / С. П. Капица. – Режим доступа : http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156358/video_id/156358.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
- Карпов С. П. Причерноморье. Перекресток цивилизаций [Электрон. ресурс] / С. П. Карпов. – Режим доступа : http://tvkultura.ru/article/show/article_id/64600.
- Кочеткова Т. В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) [Электрон. ресурс] / Т. В. Кочеткова. – Режим доступа : <http://portal.tpu.ru/SHARED/e/ELENNOV/four/Tab2/KochetkovaTV.pdf>
- Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : дисс. на соискание учен. степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. В. Кочеткова. – Саратов, 1999. – 534 с.
- Кубиц Г. В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса) : дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Г. В. Кубиц. – Челябинск, 2005. – 258 с.
- Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л. Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46–50.

Пикалова Г. М. Способи мовленнєвого впливу лектора // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.269-273

Розглянуті особливості мовленнєвого впливу лектора на аудиторію на матеріалі лекцій доктора фізико-математичних наук, професора С. П. Капиці та доктора історичних наук, професора С. П. Карпова. Виявлено, що мовленнєвий вплив застосовується в лекціях достатньо широко та реалізується чотирма видами: соціальним, волевиявленням, роз'ясненням (інформуванням) та оціночним (емоційним).

Ключові слова: мовленнєвий вплив, лекція, соціальний вплив, волевиявлення, інформування.

Pikalova G. M. Methods of speech influence of lecturer // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.269-273

The amount of the scientific researches which are sanctified to the study of language personality of different typology groups increases. Language personality of lecturer is in this group. In this article we aim at the description of the material of lectures, the methods of speech influence of lecturer on an audience. The purpose will be realized by solving a row of tasks: 1) to investigate the affect of lecturer's social speech on the audience; 2) to study the will as a type of speech influence during a lecture; 3) to investigate elucidation and informing as methods of speech influence; 4) to analyze the affect of the evaluation and emotional speech on the addressee of a lecture. The materials for the research are lectures of Dr. Physical and Mathematical Science, professor S. P. Kapitsa and Dr. Historical Science, professor S. P. Carпов. In the conclusion of the analysis it was discovered that

several methods of speech influence are used during the lectures. There are methods such as greeting and greet phrases, aimed at connecting with the audience, requests and advise, which activate the attention of the audience and help to structure the speech, explaining and messages, which are the centre of a lecture, the blame and the praise which appeal to emotional memory of listeners. The research of types of speech influence is an inalienable part of the study of communicative strategies and methods of a language personality of a lecturer.

Keywords: *speech influence, lecture, lecturer's social speech, the will, informing.*

Поступила в редакцию 11.05.2014 г.

УДК 81'271

Мовленнєвий етикет та культура спілкування

Семенова О. В., Фірсова І. В.

Горлівський інститут іноземних мов державного вищого навчального закладу «донбаський державний педагогічний університет», Горлівка,
olena_semenova@mail.ru, i_firsova@mail.ru

У сучасному світі проблеми культури суспільства й культури спілкування є актуальними та дискусійними. Культура – сукупність матеріальних та духовних цінностей, створених суспільством, характеризує певний рівень його розвитку. Будь-яка ситуація в суспільстві знаходить своє відбиття в усному мовленні. спостерігається тісний взаємозв'язок між економікою, вихованням, відношенням до праці та культурою людини. Спілкування базується на повазі гідності іншої людини, дотриманні моральних норм. Культура мовлення й культура спілкування є складовими загальної культури людини.

Ключові слова: мовленнєвий етикет, культура спілкування, мова, мовлення, комунікація.

Останніми роками пильна увага науковців спрямована на дослідження мови з точки зору її внутрішньої будови. Але при такому підході до вивчення мовної структури з поля зору лінгвістів зникає людина – головна фігура комунікативного процесу, яка сприймає та породжує усне мовлення. Однією з основних здібностей людини є вміння висловлювати свої думки за допомогою слова. Мова відбиває велику кількість відповідних об'єктивних відношень, цей засіб спілкування між членами соціуму, спосіб обміну інформацією, інструмент впливу на свідомість та поступки іншої особистості. Опанування різними (вербальними / невербальними) засобами для вираження думки оцінюється досить високо, але не всі віртуозно володіють словом.

У сучасному світі проблеми культури суспільства й культури спілкування є актуальними та дискусійними [6, с. 18]. Культура – сукупність матеріальних та духовних цінностей, створених суспільством, характеризує певний рівень його розвитку.

Девальвація національної мови, загрозове падіння інтересу до чистоти та багатству мовлення є очевидними [4, с. 9]. Проблематика даної роботи пов'язана з питаннями духовного стану суспільства, мовленнєвої культури його членів, культури їх спілкування, тобто мовленнєвим етикетом. Привчаючи себе до смислової однозначності, ми втрачаємо здатність сприймати та розуміти полісемію слів, бачити ступінь їх відповідності до дійсності. Цікавим виявляється той факт, що академік І. П. Павлов розглядав вміння співвідносити слово з дійсністю як важливу розумову якість.

Будь-яка ситуація в суспільстві знаходить своє відбиття в усному мовленні. Руйнівна традиція оцінного відношення до мовлення, зростаюча на сприятливому ґрунті низької культури, призводить до нездатності передбачити наслідки потрапляння тієї чи іншої лексичної одиниці до різних сфер життєдіяльності людини.

Проведений аналіз лексичних одиниць в дидактичній сфері (перший етап) показав вживання військової лексики, а саме озброюватися (*Armez-vous de vos*

stylos.), боротися (Luttez contre les erreurs de grammaire.), формувати (Former des formateurs.) зумовлює підпорядкування освітньо-виховної діяльності статутним законам; командно-директивних форм взаємодії (Levez-vous. Asseyez-vous. Taisez-vous.), які жорстко регламентують моделі відношень та не дозволяють розвиватися як особистості так і суспільству в цілому. Отже, спостерігається тісний взаємозв'язок між економікою, вихованням, відношенням до праці та культурою людини.

Комунікативний процес є досить складним, який припускає вміння чути та слухати співрозмовника, поважати його гідність та дотримуватися моральних норм. Вищезазначені правила виявляються важливими умовами взаємопорозуміння. Мовлення – найбільш змістовний, ємний та виразний засіб спілкування. Висока мовленнєва культура передбачає високу культуру мислення. Культура мовлення й культура спілкування є складовими загальної культури людини, вміння точно, виразно передавати свої думки. Мова відбиває моральний стан суспільства. Щира любов до своєї країни неможлива без любові до своєї мови. Людина, яка є байдужа до рідної мови, – байдужа до теперішнього та майбутнього народу [1, с. 54].

Академік Д. С. Лихачьов зауважує: «Язык в еще большей мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к себе».

Культура спілкування та мовленнєвий етикет втрачають свою популярність в сучасному суспільстві. Між тим, етикет мовленнєвого спілкування відіграє важливу роль для успішної діяльності людини, її особистого й професійного росту, побудови міцних родинних й дружніх відносин.

Під мовленнєвим етикетом розуміють систему правил, які пояснюють, яким чином слід встановлювати, підтримувати та переривати контакт з іншою людиною у певній ситуації. Кожна країна має свої особливості культури спілкування [2, с. 105].

Елементи мовленнєвого етикету присутні в кожному комунікативному акті. Дотримуючись правил мовленнєвого етикету можна скоріше досягти взаємопорозуміння з співрозмовником.

Оволодіння етикетом мовленнєвого спілкування потребує отримання знань різних гуманітарних дисциплін: лінгвістики, психології, історії культури та інших. Для більш успішного набуття навичок культури спілкування використовують таке поняття, як *формули мовленнєвого етикету*, певні слова, фрази й сталі вислови, які використовуються для для трьох стадій розмови: початок (вітання / знайомство); основна частина; заключна частина розмови [3, с. 67].

З самого дитинства людина стикається з формулами мовленнєвого етикету, а дорослішаючи вона навчається тонкостям спілкування, опановує різні стилі мовлення та поведінки.

Проведений аналіз формул мовленнєвого етикету в педагогічній сфері (другий етап) показав, що різні соціо-професійні групи в межах одного навчального закладу дотримуються певних правил його вживання.

Студент / Студентка:

- у 90 % випадків спостерігається частотне вживання жаргонізмів, молодіжного сленгу: «*благодарочка*» (= дякую), *сно-ноки* (= добраніч), *ciao / salut / hallo / bya* (= до побачення);

- у 80 % випадків при зверненні з проханням студенти вживають наказовий спосіб дієслів, а І умовний спосіб – відсутній: *дай мені, зателефонуй*;

- у 60 % випадків при зверненні не вживається ім'я адресата: *нідемо, подивись*;

- у 40 % випадків, зважаючи на специфіку вищого мовного навчального закладу, де вивчаються іноземні мови, ввічливі форми заміщаються іноземними еквівалентами: *please, thank's, merci, s'il te plaît, bitte, danke*;

- у 30 % випадків спостерігається випадіння ввічливої форми: *будь ласка, дякую*;

- у 20% випадків паралінгвістичні форми вживаються замість вербальних.

Студент / Викладач:

- 90 % студентів вживають замість І умовного способу наказовий спосіб з додаванням частки «будь-ласка»;
- 70 % студентів при зверненні не вітаються, а починають з прохання;
- 20 % студентів при зверненні з проханням не називають викладача по імені та по-батькові;
- 10 % студентів вживають такі висловлювання як: «Не вважайте за клопіт, будь-ласка, ...», «Чи можу я Вас попросити ...», «Якщо вам не складно ...».

Викладач / Студент:

- 90 % викладачів перш ніж висловити прохання або пораду звертаються до студентів по імені;
- 80 % викладачів звертаються до студентів молодших курсів на «Ти», а старших курсів на «Ви»;
- 70 % викладачів у разі надання поради студентам найчастіше вживають висловлювання: «Я порадив би Вам ...», «Я би хотів Вам запропонувати...», «Вам краще діяти таким чином».

Колега / Колега:

- 95 % членів педагогічного колективу в присутності студентів звертаються один до одного виключно на «Ви» та по імені та по-батькові;
- 90 % викладачів за відсутності студентів при зверненні, проханні, вітанні враховують вік та ступінь відносин;
- 90 % НПП у разі прохання, поради, згоди вживають ввічливі форми «Дякую», «Будь-ласка» та дієслова І умовного способу.

Підлеглий / Керівник:

- перш ніж звернутися обов'язковим є вітання;
- звернення у 2 особі множини «Ви»;
- звернення по імені та по-батькові;
- інтонаційний малюнок рівний, низький регістр тональності.

Керівник / Підлеглий:

- проханню, пораді передусе звернення керівника по імені та по-батькові;
- у разі згоди, керівник вживає такі висловлювання як: «Будь-ласка, не заперечую ...», «Готов Вас вислухати ...»;
- у разі відмови, найпоширенішими з проаналізованих висловлювань виявлені наступні: «Я не можу виконати ваше прохання...», «Зараз це неможливо...», «Я маю вам відмовити...»;
- у разі подяки, керівник вживає такі висловлювання як: 70 % «Дякую», 20 % «Дозвольте подякувати», 10 % «Я вам дуже завдячую».

Таким чином, результати проведеного експерименту на базі педагогічного вишу свідчать, що ключову роль в культурі мовленнєвого етикету відіграє ситуація. Ситуація мовленнєвого етикету є ситуацією безпосереднього спілкування, компоненти якої знаходять відбиття в граматичних категоріях й формах висловлювань мовленнєвого етикету. Залежно від ситуації стає зрозумілим, що розмова може значно змінюватися. Нами були встановлені характеристики, котрі зумовлюють певні обставини спілкування: особистість співрозмовників, місце, тема, мета.

Особистість співрозмовників: мовленнєвий етикет орієнтований перш за все на адресата з урахуванням його особистості, що зумовлює форму звернення Ти / Ви. Перша форма вказує на неформальний характер спілкування, друга – на повагу й більш формальну розмову.

Місце: спілкування в певній ситуації вимагатиме від участника специфічних правил мовленнєвого етикету, встановлених для цієї ситуації, в даному випадку – вищій мовний навчальний заклад.

Залежно від теми, мотиву або цілі спілкування, ми вживаємо відповідні формули мовленнєвого етикету. Мотиви та цілі спонукають до знаків поваги, доброзичливого ставлення, подяки співрозмовнику, пропозицій, звернень з проханням або порадою.

Отже, мовленнєвий етикет як складова мовленнєвого існування концентрує низку важливих проблем спілкування і може вивчатися комплексними методами. Вивчення правил мовленнєвої поведінки не менш важливе, ніж пізнання мовних законів. Мовлення – це найбільш змістовний, ємний та виразний засіб спілкування. Висока мовленнєва культура передбачає високу культуру мислення та стан моральності в суспільстві.

Список літератури

1. Греков В. Ф. Пособие для занятий по русскому языку / В. Ф. Греков. – М. : Просвещение, 1968. – 165 с.
2. Кармин А. С. Культурология : Культура социальных отношений / А. С. Кармин. – СПб. : Лань, 2000. – 324 с.
3. Кравченко А. И. Культурология : учебное пособие для вузов / А. И. Кравченко. – М. : Академический проект, 2001. – 211 с.
4. Оганесян С. С. Культура речевого общения / С. С. Оганесян // Русский язык в школе. – № 5. – 1998. – С. 9.
5. Скворцов Л. И. Язык, общение и культура / Л. И. Скворцов // Русский язык в школе. – № 1. – 1994. – С. 12-13.
6. Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет / Н. И. Формановская // Русский язык в школе. – № 5. – 1993. – С. 18.

Семенова Е. В. Речевой этикет и культура общения // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 274-278

В современном мире проблемы культуры общества и культуры общения являются актуальными и обсуждаемыми. Культура – совокупность материальных и духовных ценностей, созданных обществом, характеризующих определенный уровень его развития. Любая ситуация в обществе находит свое отражение в устной речи. Наблюдается тесная связь между экономикой, воспитанием, отношением к труду и культуре человека. Общение базируется на уважении чести другого человека, соблюдение моральных норм. Культура речи и культура общения являются составными общей культуры человека.

Ключевые слова: *речевой этикет, культура общения, язык, речь, коммуникация.*

Semenova E.A. Speech etiquette and culture communication // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.274-278

In today's world cultural problems of society and culture of communication are important and under discussion. Culture is a collection of material and spiritual values created by society, characterized by a certain level of development. Any situation in society finds its reflection in speech. There is a close relationship between economy, education, relation to work and person culture. Communication is based on respect for the dignity of another person, observance of moral standards. Culture of speech and culture of communication are part of the general human culture.

Thus, the results of the experiment which were based on pedagogical university show that the main role in a culture speech etiquette plays situation. A situation of speech etiquette is a situation of direct communication, components of which are reflected in the grammatical

categories and forms of expression of speech etiquette. Depending on the situation, it is clear that the conversation can vary significantly. There were set some properties which determine the specific circumstances of communication: person interlocutors, place, subject, purpose.

Personality of interlocutors: speech etiquette is focused primarily on the recipient on his personality, which leads the way of greeting you / You. The first form indicates informal communication, the second – to respect and a formal interview.

Location of communication: the certain situations require the participant specific rules of speech etiquette established for this situation, in this case – the highest language school.

Depending on the theme, motive or purpose of communication, we use appropriate formulas of speech etiquette.

Thus, speech etiquette as a part of speech being concentrates a number of important problems of communication can be studied with the help of communication and complex methods. Learning the rules of verbal behavior is not as important as knowing the language laws. Speech – is the most informative, receptive and expressive communication tool. High-language culture provides the high culture of thinking and the state of morality of the society.

Key words: *speech etiquette, culture of communication, language, speech, communication*

Поступила до редакції 07.05. 2014 р.

УДК 81-1-42

**Аргументалистика в контексте проблем
эффективного речевого общения**

Синельникова Л.Н.

*Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко,
г. Луганск, Украина
larnics@luguniv.edu.ua*

В статье приведены доказательства значимости аргументалистики для организации эффективного общения. Для подтверждения роли аргументации в формировании общего когнитивного пространства субъектов речи автор акцентирует внимание на таких универсальных операциях мышления, как понимание и взаимопонимание. Такие механизмы понимания и взаимопонимания, как: идентификация, проекция, социальная перцепция, эмпатия, инсайт, интуиция, каузальная атрибуция, рефлексия, стереотипизация, обратная связь — лежат в основе аргументирующего дискурса.

Ключевые слова: аргумент, аргументалистика, аргументирующий дискурс, понимание, взаимопонимание, интенциональный метод, аргументативная компетенция.

Аргументы сопровождает все виды коммуникации:

Отсутствие знаний о типах и назначении аргументов, неумение выстраивать аргументативный дискурс отражается на качестве общения любого формата. Практически любой признак эффективного общения: умение убеждать, ставить вопросы и отвечать на них, консолидировать аудиторию, разрешать конфликты и под. — может оказаться действенным только при условии сопровождения адекватными аргументами.

Качество общения определяется уровнем достигнутого понимания и подготовленным аргументатором переходом от понимания к взаимопониманию. Нам представляется важным привлечь внимание к проблеме аргументации и к необходимости формировать аргументативную компетентность через соотнесённость аргументативного дискурса с вступая в общение, человек хочет быть услышанным и понятым, какие бы темы и проблемы он ни обсуждал: житейские в условиях межличностной коммуникации или публичные, рассчитанные на широкий круг общественности. Владение аргументативными навыками входит в число основных профессиональных умений специалистов любого профиля, настроенных на грамотную и целенаправленную организацию речевого взаимодействия с адресатом. С помощью аргументов реализуются коммуникативные стратегии и тактики, обусловленные желанием общающихся обеспечить эффективную речевую деятельность. Эта цель укладывается в программу гуманистического общения, важной чертой которого является совместное выстраивание представлений об обсуждаемых проблемах. Глубина и результат общения в значительной мере определяются знанием как теории аргументации, так и практики уместного применения аргументов. динамичным и сложным когнитивным процессом понимания и взаимопонимания. С этой *проблемой*

согласуются *цель и задачи* представления в настоящей статье теоретического и подтверждающего теорию иллюстративного материала.

Проблемы аргументалистики имеют принципиально междисциплинарный характер. Аргументы изучаются в риторике, психолингвистике, коммуникативной лингвистике, логике, когнитивной эпистемологии, философии языка, психологии мышления, психологии общения, лингвопрагматике, когнитивной психологии, судебной риторике, культурологии, менеджменте, политологии, психотерапии, дискурсологии [7; 11]. Каждая область знания имеет право на интерпретацию феномена аргументирующего дискурса с учётом собственных задач и соответствующих им методик. В объёмном перечне работ, посвящённых проблемам аргументации, представлены исследования, ориентированные на рационалистический и общеметодологический подходы [1; 5; 10; 13; 14\$ 16], на лингвистический и лингвопрагматический анализ [3; 4; 14; 17], в том числе с учётом конкретного вида коммуникации и типа текста [6; 9; 12] и др. При этом наблюдается смешение классификационных критериев, нередко игнорирование принципа историзма, что объясняется длительной историей развития аргументалистики (от античности до наших дней) и несбалансированностью рекомендаций классической риторики и неориторики. В таких условиях есть основания считать, что комплексное описание аргументирующего дискурса относится к числу задач будущего.

Понимание — универсальная операция мышления, связанная с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся идей и представлений; когнитивный процесс постижения сказанного, который может быть быстрым и не очень, поверхностным и глубоким, полным и неполным и т.д. [15, с. 296]. К психологическим механизмам понимания относятся: идентификация (установление тождественности неизвестного объекта известному), проекция (бессознательное приписывание субъектом имеющихся у него мыслей другим людям), социальная перцепция (восприятие, оценка и понимание отдельными личностями, группами лиц социальных объектов — себя, других людей, общественно значимых), эмпатия (осознанное сопереживание, пребывание с собеседником в общем эмоциональном пространстве), инсайт (проникновение в суть вещей, озарение), интуиция (постижение истины на основе «чутья», эмпатии и предшествующего жизненного опыта), каузальная атрибуция (установление причинно-следственных связей между событиями, мнениями и т.д.) [2]. *Взаимопонимание* представляет собой ещё более сложный в когнитивном отношении процесс. Его динамика связана с признанием интересов друг друга на основе понимания того, что говорящий и слушающий, оратор и аудитория располагают одними и теми же сведениями о предмете речи и, оценивая положение дел, испытывают похожие чувства. Понимание и взаимопонимание основываются на общих когнитивных процессах, но для достижения взаимопонимания важны такие дополнительные механизмы: рефлексия (осмысление, направленное на самого себя, на своё сознание, свой внутренний мир), стереотипизация (оценка положения дел на основе устойчивого представления о каком-либо явлении), механизмы обратной связи (в коммуникативном процессе — ответная реакция, отзыв, отклик на полученную информацию).

Для достижения понимания необходима апелляция к когнитивной базе собеседника. Понимание требует расшифровки сообщения, когнитивной процедуры присвоения ему правильного значения. Когнитивно-языковой фактор заложен в содержание понятий аргумент, аргументалистика, аргументирующий дискурс.

Аргумент (argumentum) — словесно выраженный ход мысли, представляющий собой разного рода доводы, позволяющие говорящему доказать свою правоту любому количеству участников общения. Наличие аргументов верифицирует общение как таковое. *Аргументалистика* — комплекс взаимосвязанных аргументов,

служащих целенаправленному убеждению адресата желательно с учётом его ожиданий, мотиваций, социальных характеристик и т.д. *Аргументирующий дискурс* представляет собой коммуникативно-речевую процедуру, участниками которой являются аргументатор – человек, который нечто утверждает, обосновывает и берёт на себя ответственность за предъявляемые доказательства, и адресат, на которого выдвигаемые обоснования должны оказать воздействие. Результатом умелого использования аргументов может быть изменение мнения, позиции собеседника или целой группы людей, а вместе с этим создаётся гипотетическая возможность для моделирования их поведения в нужном аргументатору направлении.

Аргумент, особенно в том случае, если он заранее планируется, ориентирован на некий максимальный результат — повлиять на ментальную сферу реципиента. Участие в аргументирующем дискурсе двух сторон не может не усложнять коммуникацию: каждая из сторон ориентируется на свою «картину мира» в понимании и интерпретации обсуждаемого положения дел и может использовать несогласие (расхождение во мнениях) в своих целях. Позиция одной стороны может стать общей и объединить участников коммуникации, но может и создать поле неприятия, конфронтации и даже враждебности. В любом случае умение создавать и поддерживать общий мыслительный и вербальный код, способность к гибкому развитию исходного аргумента нельзя не признать основой успешной коммуникации. Аргументирующий дискурс антропоцентричен по определению. Этот универсальный классификатор требует к традиционному описанию типов аргументов в варианте «что это?» добавить показатели: «для чего?» и «кому выгодно?».

Современная лингвистическая парадигма предоставляет возможность интегрировать разные подходы для постижения сущности сложных феноменов, к числу которых относится аргумент. Выбор аргумента детерминирован когнитивными, психологическими и прагматическими факторами, что позволяет квалифицировать эту функционально нагруженную структуру как интенциональную категорию и, соответственно, применять к анализу аргументирующего дискурса интенциональный метод, «категориальный аппарат которого включает в себя: адресанта и адресата, интенцию, интенциональность, интенциональные категории, коммуникативные стратегии и тактики, декодирование, воздействие (перлокутивный эффект) и коммуникативные неудачи» [9].

Дискурсная интенция определяет специфику любого типа (вида) аргументов. *Рациональные аргументы* основываются на законах логики, фактах, статистических сведениях, результатах социологических опросов и под. В этом типе аргументов действует максима: разум – беспристрастный и безошибочный судья. *Аргумент к науке* входит в число рациональных аргументов и реализуется через обращение к понятиям, известным научному сообществу, то есть к достигнутому и обоснованному знанию. Введение в научное пространство новых знаний требует особой аргументации, в которой традиционное знание может потерять утвердившиеся преференции. В любом случае аргумент к науке должен быть уместным, оправданным, корректным, не наукообразным и совместимым с социальным статусом адресанта и адресата. Отметим факт перехода этого вида аргумента в манипулятивный приём в современных рекламных текстах и политических коммуникациях: *как доказано последними исследованиями, как показал опрос, среди специалистов распространено мнение – кем доказано, каково содержание опроса среди каких специалистов?*

Аргумент к традиции обладает культурологической ценностью: он соединяет эпохи, временные срезы и предписывает модели поведения на основании предшествующего опыта успешной деятельности. Этот вид аргументации характерен, с одной стороны, для обществ с жёсткой структурой, идеология которых строится на принципе: правильным считается устоявшееся, многократно повторяемое, с

другой, имея универсальный ценностный характер, сохраняет значимость и в демократическом обществе.

Аргумент к авторитету – источник истины и источник предрассудков. Этот тип аргумента проявляется, как правило, в форме цитаты. Цитата усиливает выдвигаемое положение только в том случае, если источник авторитетен не только для говорящего, но и для слушающего. Мастерство аргументатора состоит в искусстве интерпретации цитаты, в умении создать общую с адресатом акцентуализацию смысла, носителем которого является цитата.

Иррациональные аргументы как доводы к человеку, его чувствам, желаниям и интересам представляют собой наиболее сложный и ответственный вид аргументов, требующей психологической подготовки аргументатора. Эмоционально-оценочная лексика, которая сопровождает такие аргументы, используется для тонкой «обработки» информации и информируемых в нужном направлении, что определяет активность иррациональных аргументов в современных PR-текстах, в рекламе, в политических коммуникациях (особенно формата информационной войны).

Аргумент к интуиции проявляет желание обозначить истину без доказательств. В реальной практике интуитивная аргументация сопровождается «нежесткими» доказательствами, которые могут устроить собеседника, настроенного на доверительные отношения с аргументатором. Интуиция противопоставляется дискурсивному мышлению, поскольку интуиция – это симульганное (мгновенное, целостное нерасчленённое) познание, в то время как дискурсивное мышление имеет сукцессивный характер (последовательный, поэтапный, растянутый во времени), опирающийся на разные аргументы, необходимость которых возникает по ходу общения. Естественно, что интуиция специалиста превосходит интуицию дилетанта, и аудитория всегда может почувствовать такого рода отличия.

Аргумент к здравому смыслу основывается на максиме: противоречащее здравому смыслу не может быть правильным. Здравый смысл – присущее человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с жизненным опытом. Этот аргумент ценится, если направлен на конкретную ситуацию, связан с социально актуализированными чувствами и способен гармонизировать отношения с адресатом, сглаживать крайности. Здравый смысл опирается на анализ прошлых событий, но при уместном и разумном использовании может быть значимым для настоящего времени и проецироваться в будущее.

Когнитивный и прагматический подход к языку обеспечивает методологическую целостность понимания аргументалистики как совокупности процедур воздействия на модели мира адресата [6]. Воздействовать на взгляды, мнение и поведение людей могут разные виды аргументов. Убеждение более прочно, если 1) рациональные и эмоциональные аргументы находятся в согласии и 2) говорящий усвоил основные принципы аргументации: принцип доверия — выбираются те аргументы, которые удовлетворяют условиям уместности, искренности в конкретной ситуации общения; принцип простоты и привычности — более действенны объяснения без излишеств; принцип универсальности — приложимость выдвинутого положения как можно к более широкому классу явлений; принцип красоты — внимание к эстетическому впечатлению, производимому ясностью и стройностью аргументов. Понятие «убедить другого» в классической риторике никогда не связывалось с давлением на собеседника. Оратору рекомендовалось стремиться к консенсусу, на основе которого можно было рассчитывать на принятие аудиторией большинства предлагаемых позиций.

Всё, что необходимо для обоснования позиции, должно быть вербально представлено: понимание, о котором шла речь выше, это понимание прежде всего речи, семантики применяемых языковых единиц, их комбинаторики, а также ряда

текстовых категорий, таких как композиция, повторы, риторико-стилистические приёмы, являющиеся проводниками из мира текста в мир подтекста. Аргументирование основывается на нормативно-креативном употреблении языка. Разница в «картинах мира» — разница в тезаурусах и в речевом оформлении аргументации. Эффект аргументации в значительной степени определяется возможностями говорящего как языковой личности. Ю.Н. Караулов справедливо считает фиксируемый в тексте способ аргументации характеризующим признаком языковой личности [8, с. 245].

Условием воздействия аргумента является соответствие ожиданиям адресата, которое, в свою очередь, может определяться социальным и культурным статусом последнего. Такого рода условие требует внимания к выбору типа аргумента и – что особенно важно – к выбору адекватных «концепции аргумента» языковых средств и риторических приёмов. Современная теория аргументации нацеливает на описание персуазивных возможностей аргументов, и неориторика типологизирует аргументы в их интенциональных характеристиках, то есть таких, которые направлены на убеждение адресата. Теория аргументации, сопоставляясь с категорией истинности, делает крен в сторону уместности и целесообразности именно в связи с фактором адресата: происходит (должно произойти) движение от статических описаний типов аргументов к их дискурсной интерпретации.

Установка на выявление дискурсной интенции, на наш взгляд, должна лежать в основе практических учебных действий, ориентированных на формирование аргументативной компетентности как значимой части зонтичной коммуникативной компетентности. Пониманию типов и назначению аргументов могут способствовать разнообразные задания, позволяющие, к тому же, совместить обучение и воспитание.

Задания по формированию аргументативной компетентности могут использоваться в разных учебных курсах с учётом характерных для них проблемных ситуаций. Задание: Подобрать аргументы к тезисам (например, тезисы: *Особая искренность во взаимоотношениях всё ещё характерна для нас, несмотря на перемены в нашей жизни* — здесь уместен аргумент к вечным ценностям и к этике «внутреннего» человека; *Как часто и как напрасно люди шли за зовущими* — возможны аргументы к истории в сопоставлении с фактами сегодняшнего дня). Исходным дидактическим материалом для формирования способности аргументировать может стать любое культурно значимое событие. Например, 20 марта – всемирный день планетарного сознания. Задание: Подготовить небольшое публичное выступление по этому поводу на основании основного тезиса и нескольких субтезисов. Наиболее полноценно аргументативные умения формируются и проявляются в полемике. И здесь возможен широкий круг заданий: Подобрать несколько аргументов (или контраргументов) к тезису: *Национальная идея невозможна без опоры на интеллигенцию*. С ориентацией на проектную деятельность можно инициировать подготовку сценария дискуссии на тему «*О вкусах не спорят. Или спорят?*» (такая тема естественным образом потребует привлечения множества разных аргументов — к традиции, к авторитету и т.д.).

Согласие/несогласие — основной когнитивный признак аргументирующего дискурса, доминирующей интенцией которого является достижение взаимопонимания. Опираясь на этот признак, можно инициировать аргументативную активность. Например: Согласны ли вы советом Алёны Гель (известного специалиста по вопросам этики и этикета): *Если человек хочет подниматься по служебной лестнице и в общественном мнении, — он должен искать учителей*.

Человек всегда погружён в конкретную жизненную ситуацию. Особая потребность в аргументации возникает в жизненных ситуациях проблемного характера. В формате деловой игры можно обсудить возможности альтернативного выбора аргументов. С *прошлой работы меня уволили. Что я должен отвечать на собеседовании, если меня спросят о причине ухода с работы?* Варианты: отвечать нужно а) честно, б) идти на

обман — аргумент аксиологической модальности (честность – это хорошо, ложь в любой момент может быть разоблачена, и вполне возможно, что новый начальник перезвонит бывшему, чтобы навести справки о профессионализме и человеческих качествах соискателя).

Знание техник аргументации – путь к принятию ответственных решений. «Всегда есть причина, почему другой человек думает и поступает именно так, а не иначе. Выявите эту скрытую причину, и у вас будет ключ к его действиям, а возможно, к его личности» — такова непреходяще ценная рекомендация Дейла Карнеги.

Содержание понятия «аргументативная компетентность» мы основываем на понимании аргументации как интенциональной категории. Аргументативная компетентность — это способность использовать классические знания о типах аргументов, об их соотношении с законами логики, максимально согласовывая выбор аргументов с конкретными условиями общения и с «фактором адресата».

Любое знание существует в языковом оформлении. Знание, касающееся теории аргументов и практики их применения, не составляет исключения. Оптимальный путь формирования заргументативной компетентности – *тезаурусный подход* в двух его основных вариантах: в анализе примеров употребления аргументов в разных типах текстов и в моделировании коммуникативных ситуаций, в которых аргумент, представленный в оптимальном языковом оформлении, может свидетельствовать об уровне знания проблем аргументалистики.

Аргументативная компетентность проявляет культуру мышления и общения. Искусство аргументации обнаруживается в мастерстве убеждения как мастерстве ведения диалога — контактного или дистантного. Решающее значение могут иметь «мелочи»: неудачное слово, непродуманная интонация, не точно расставленные паузы и многое другое. Профессиональный аргументатор должен проявлять внимание к собственной речи, к адекватному коммуникативному поведению, владеть приёмами и правилами бесконфликтного общения с различными группами собеседников в разных ситуациях — в этом важное для современного общества гуманистическое назначение аргументации.

Список литературы

1. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение / А. П. Алексеев. — М. : Изд-во МГУ, 1991. — 150 с.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога — Спб.: Питер, 2009. — 526 с.
3. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дисс. на соискание уч. степени д-ра фил. наук : спец. 10.02.01., 10.02.19 «Теория языкознания» / А. Н. Баранов. — М., 1990. — 48 с.
4. Белова А. Д. Лингвистические аспекты аргументации / А. Д. Белова. — Киев : Астрей, 1997. — 311 с.
5. Герасимова И. А., Новосёлов М. М. Аргументация как методология убеждения / И. А. Герасимова, М. М. Новосёлов // Вопросы философии. — 2003. — № 10. — С. 72-84.
6. Гудкова К. В. Когнитивно-прагматический анализ аргументации в аналитической газетной статье : дисс. на соискание уч. степени канд. фил. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / К. В. Гудкова. — Спб., 2009. — 184 с.
7. Ивин А. А. Логика для журналистов / А. А. Ивин. - М. : АспектПресс, 2002. — 138 с.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — М. : Наука, 1987. — 263 с.

9. Клушина Н. И. Интенциональный метод в современной лингвистической парадигме / Н. И. Клушина // Медиаскоп. Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. — 2012 — Вып. 4.
10. Курбатов В. И. Социально-политическая аргументация (Логико-методологический анализ) / В. И. Курбатов. — Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1991. — 144 с.
11. Москвин В. П. Аргументативная риторика. Теоретический курс для филологов / В. П. Москвин. — Ростов н/Д : Феникс, 2008. — 637 с.
12. Мысль и искусство аргументации. - М.: Прогресс : Традиция, 2003. — 396 с.
13. Романов А.А., Хадырев А.А. Управленческая риторика / А. А. Романов, А. А. Ходыров. - М. : Лилия, 2001. — 216 с.
14. Рузавин Г. И. Методологические проблемы аргументации / Г. И. Рузавин. — М. : Изд-во Ин-та философии РАН, 1997. — 202 с.
15. Современный психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — Спб.: Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2006. — 490 с.
16. Тимофеев А. И. Аргументация: теория и практика / А. И. Тимофеев. — Спб. : СПбГУАП, 2005. — 80 с.
17. Фанян Н. Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура : автореф. дисс. на соискание уч. степени д-ра фил. наук : спец. 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психоллингвистика» / Н. Ю. Фанян. — Краснодар, 2000. — 49 с.

Синельнікова Л.М. Аргументалістика в контексті проблем ефективного мовного спілкування // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.279-286

У статті наведено докази значущості аргументалістики для організації ефективного спілкування. Для підтвердження ролі аргументації у формуванні загального когнітивного простору суб'єктів мовлення автор акцентує увагу на таких універсальних операціях мислення, як розуміння і взаєморозуміння. Такі механізми розуміння і взаєморозуміння, як: ідентифікація, проєкція, соціальна перцепція, емпатія, інсайт, інтуїція, каузальна атрибуція, рефлексія, стереотипізація, зворотній зв'язок — лежать в основі аргументуючого дискурсу.

Ключові слова: аргумент, аргументалістика, аргументуючий дискурс, розуміння, взаєморозуміння, інтенціональний метод, аргументативна компетенція.

Sinelnikova L.N. Argumentalistics in the context of the problems of effective speech communication // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.279-286

The article gives the evidence of the importance of argumentalistics (a set of arguments, the main purpose of which is persuading the recipient including their motivation and expectations) in organising effective communication in both interpersonal and public spheres. In order to confirm the role of argumentation in forming the common cognitive space of speech subjects, the author emphasises such universal thinking operations as understanding and mutual understanding. Such mechanisms of understanding and mutual understanding as identification, projection, social perception, empathy, insight, intuition, causal attribution, reflexion, stereotyping, feedback are the basis of the reasoning discourse. The argument choice is determined by cognitive, psychological, non-pragmatic factors, which allows to consider argumentalistics as an intentional category and, accordingly, use the intentional method, which is based on revealing multidimensional addresser-recipient relations, in order to analyse the reasoning discourse. The intention defines the

specificity of any kind of arguments: the rational ones, based on the laws of logics, and the irrational ones, directed towards the feelings, wishes and interests of a person. Based on the intentional method, one can form an argumentative competence as an ability to build an effective reasoning discourse.

Key words: *argument, argumentalistics, reasoning discourse, understanding, mutual understanding, intentional method, argumentative competence.*

Поступила в редакцию 10.05.2014 г.

РАЗДЕЛ 7. СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО

УДК 070

Роль коммунальных газет в информационном пространстве Крыма

Богданович Г. Ю., Егорова Л. Г., Иванова И. И.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым
legora@list.ru, bogdanovich@crimea.edu*

Статья посвящена анализу роли коммунальных печатных СМИ в информационном пространстве Крыма. На основе общего количества зарегистрированных на территории полуострова печатных изданий, общего тиража всех коммунальных газет мы определили долю этого вида медиа на информационном рынке Крыма, охват целевой аудитории. Приводится краткая характеристика формата, периодичности, направленности, контента и редакционной политики крымских коммунальных печатных СМИ, описаны функции периодики, особенности поиска, сбора и обработки информации творческими коллективами изданий.

Ключевые слова: *информационное пространство Крыма, печатные медиа, коммунальные СМИ, информационная политика, жанровая палитра.*

Актуальность. Несмотря на позитивные тенденции на медийном рынке и распространение информационных технологий, согласно данным Международного союза электросвязи «Измерение информационного общества», по уровню доступности информационных технологий Украина находится всего на 71 месте среди государств мира. Доступ к сети Интернет домохозяйств в сельских регионах страны не достигает даже 20-30%. В этой связи печатные СМИ, в особенности городские и районные газеты, остаются одним из наиболее популярных и востребованных среди населения источником информации. Высокий уровень доверия к местным газетам сложился исторически, ведь большинство из 700 коммунальных газет Украины начали свою деятельность еще в 1930-х годах прошлого века. *Цель статьи* – охарактеризовать коммунальные печатные издания в информационном пространстве Крыма, обозначив их функции, жанрово-тематические характеристики, целевую аудиторию.

Из 2,6 тыс. зарегистрированных в Крыму печатных изданий 23 являются коммунальными, их доля на рынке печатных изданий Крыма составляет всего 0,8%. При этом, согласно общему тиражу коммунальных изданий, аудитория коммунальной периодики Крыма насчитывает примерно 100 тысяч читателей. Это составляет около 5% от общей численности населения в Крыму.

Коммунальные СМИ не только выступают в роли важнейшего, а часто и основного информатора аудитории, но и являются важнейшим коммуникатором между властью и обществом. За счет региональной специфики деятельности коммунальные СМИ традиционно выступают площадкой для диалога между властью и обществом, эффективной площадкой для решения актуальных социально-экономических проблем территориальных громад.

1. Коммунальные печатные СМИ в структуре информационного рынка Крыма

История развития в Крыму газетно-журнальной периодики богата и берет свое начало с XIX века и первой крымской газеты «Таврические губернские ведомости». В настоящее время, согласно официальным данным, в Крыму зарегистрировано 2643 печатных издания. В том числе общественно-политические, информационные, рекламные, политические, религиозные, научно-популярные, отраслевые. Значительное количество печатных СМИ обусловлено не только большой площадью региона и населением численностью почти два млн человек. Специфика региона обуславливает деятельность на его территории большого числа политических и общественных сил, что, соответственно, сказывается и на активности медиа. Кроме того, Крым – курортный и многонациональный регион. Географическая, этническая и политическая специфика полуострова не может не отражаться в медиа.

Важнейшей особенностью и отличительной чертой медийного пространства Крыма является наличие этнических печатных СМИ. Свои печатные СМИ имеют национальные общества армян, болгар, греков, немцев, литовцев и другие. Несмотря на нерегулярную периодичность выхода, всего в Крыму зарегистрировано 30 этнических печатных изданий. Раз в месяц выходит газета немцев Крыма «Hoffnung» («Надежда»). Она издается на русском, немецком и украинском языках. Издаются также газеты греческой общины «Греческая газета», еврейской общины «Шолом», крымскотатарская газета «Голос Крыма» и другие. Они освещают общественные, культурные, политические вопросы, связанные с обустройством и жизнью национальных меньшинств в Крыму. Многоязычность делает их доступными для тех, кто не владеет родным языком, соответственно увеличивая читательскую аудиторию.

Близкими к этническим являются газеты, представляющие интересы различных конфессий. Основные из них: газета Крымской епархии Украинской православной церкви Московского патриархата «Таврида православная», газета Духовного управления мусульман Крыма «Хидает» («Верный путь»), газета мусульманской религиозной общины «Альрайд» «Возрождение».

Таким образом, газеты Крыма характеризуются достаточно широким охватом тем и проблем и удовлетворяют информационные потребности и запросы крымской аудитории. Однако, несмотря на достаточно высокий уровень развития, они ограничены региональным масштабом распространения. Среди других проблем дальнейшего развития можно также назвать нехватку в газетах молодых специалистов, а также подконтрольность многих местных газет органам власти и политическим партиям.

Исходя из классификации Сергея Корконосенко, изложенной в книге «Основы журналистики» [1], печатные издания Крыма можно разделить по территориальному распространению и охвату аудитории на *региональные, местные, внутрикорпоративные*. К *региональным* отнесем общекрымские издания, как-то: «Первая Крымская», «События», «Крымская правда», «Республика». Они рассчитаны на широкую аудиторию и распространяются по всей территории Крыма. Это обуславливает их тематическую направленность и содержание: это объемные, в том числе и аналитические, материалы, посвященные проблемам общереспубликанского масштаба.

Корпоративные издания Крыма выходят на базе крупных предприятий или объединений, например, газета «CS» ПАО «Крымский содовый завод». Преимущество в таких изданиях отдается деятельности самого предприятия, успехам и достижениям его работников. Они рассчитаны на узкоспециализированную аудиторию, поэтому тематика и стиль их написания отличаются от коммунальных и других газет.

Роль коммунальных газет в информационном пространстве Крыма

Местные газеты – это издания, распространение которых ограничивается городами, районами или поселками. Они рассчитаны исключительно на жителей города и района и посвящены местным темам и проблемам. Часто они становятся трибуной для местной власти, поскольку издаются органом местного самоуправления за счет средств местного бюджета. Это роднит их с официальными печатными медиа.

К местным газетам можем отнести коммунальные СМИ. Согласно ст. 1 Закона Украины «О государственной поддержке средств массовой информации и социальной защите журналистов» [2], **коммунальное средство массовой информации** – аудиовизуальное или печатное средство массовой информации, созданное органом местного самоуправления или органом местного самоуправления совместно с местной государственной администрацией как учредителем (соучредителем) на базе или при участии коммунальной собственности и соответствующего финансирования из местного бюджета и уставом (программными целями, программной концепцией) редакции (юридического лица) которого предусматривается, в частности, информирование граждан о деятельности этого органа и вышестоящих органов государственной власти. Из этого определения следуют основные функции, задачи и особенности коммунальных СМИ Крыма. На территории Крыма, в городах и районах, издаются и распространяются 23 коммунальные газеты. Коммунальные газеты Крыма географически охватывают всю территорию Крыма (**Рис. 1**).

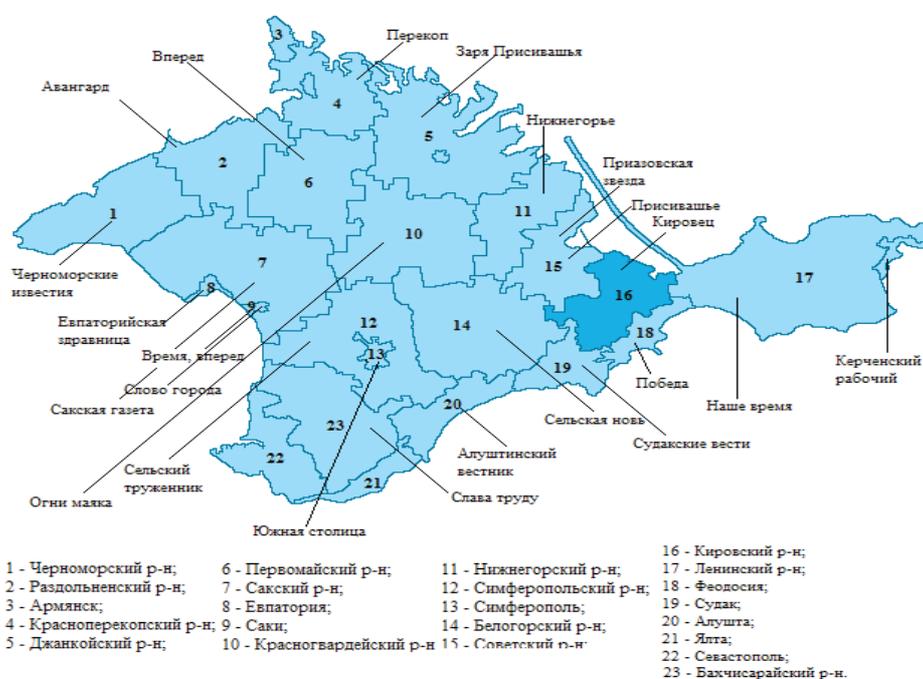

Рис. 1. Охват территории Крыма коммунальными изданиями

В целом в структуре информационного рынка Крыма количественно коммунальные газеты занимают незначительное место, однако охватывают достаточно весомый круг аудитории. Учитывая то, что больше половины территории Крыма – сельские регионы, коммунальные СМИ играют достаточно важную роль в информационной

политике полуострова. Из-за относительной отдаленности от центра с помощью коммунальных СМИ жители отдаленных регионов получают информацию о социально значимых событиях не только своего города или поселка, но и Крыма, а иногда и Украины в целом. Необходимо также учитывать, что часто коммунальные СМИ являются информационным монополистом на территории того или иного города и поселка. Это связано с крайне низким уровнем покрытия или вовсе отсутствием интернет-связи, низким уровнем интернет-грамотности населения и относительно дорогой подпиской на республиканские газеты. Поэтому коммунальные СМИ по праву можно назвать основным механизмом информирования населения на селе.

2. Краткая характеристика и функции коммунальных газет Крыма

Большинство из ныне существующих коммунальных СМИ Крыма начали свое существование в 1930-е годы. Все они публикуются исключительно на русском языке и из-за недостаточного бюджетного финансирования и доходов от рекламы (не во всех коммунальных газетах), выпуски ограничиваются 4-8 полосами, преимущественно издаются в черно-белом формате, некоторые – с первыми и последними полосами в цвете. Периодичность выхода – еженедельно, реже – два раза в неделю.

Тираж некоторых коммунальных СМИ превышает 20000 экземпляров, но преимущественно составляет 1000-3000 экземпляров (Рис. 2).

Рис. 2. Соотношение тиражей коммунальных изданий Крыма (%)

Что касается творческого коллектива, то в большинстве коммунальных СМИ он ограничивается главным редактором, который часто выполняет роль корректора и выпускающего редактора, корреспондентами, верстальщиками и наборщиками. Должности фотокорреспондентов отсутствуют ввиду недостаточного финансирования. Поэтому фотографии часто принадлежат авторам статей или пресс-службам, материалы которых перепечатываются коммунальными газетами. Что касается рекламы, то на страницах большинства изданий она размещается.

Необходимо отметить, что не каждый рекламный материал имеет соответствующую маркировку. Маркировка политической рекламы отсутствует практически всегда. Из 23 коммунальных газет Крыма 14 имеют собственные сайты.

Дадим характеристику наиболее крупным коммунальным газетам Крыма.

1. Керченский рабочий (Керчь). Издаётся с марта 1991 года. Распространяется в розничной сети, а также посредством подписки.

Учредитель — Керченский городской совет и трудовой коллектив КП «Редакция газеты «Керченский рабочий».

Главный редактор — Юрий Щерба.

Периодичность — еженедельно.

Тираж — 10400 экземпляров, объем — 8 полос, формат — А2.

Газета двухцветная, относится к общественно-политическим изданиям. Преимущественно на страницах газеты публикуются материалы, посвященные городским проблемам, — жилищно-коммунальному хозяйству, ценовой политике, городским мероприятиям. Отдельная рубрика отведена новостям исполкома, еще одна — материалам информационных агентств Крыма. Постоянными являются рубрики, посвященные культуре, искусству, образованию, историческим фактам. Две полосы отведены под программу телепередач. Две отданы рекламе, еще одна — гороскопу, кроссворду, объявлениям, а также развлекательным материалам.

2. Черноморские известия (Черноморский район). Издаётся с декабря 1997 года. Распространяется в розничной сети, а также посредством подписки, в том числе льготной.

Учредитель — Черноморский районный совет.

Главный редактор — Наталья Иванюта.

Периодичность — два раза в неделю (среда и суббота).

Тираж — 1000 экземпляров, объем — 4 полосы, формат — А3.

Газета двухцветная и представляет собой классический пример коммунальной газеты. Размещаются преимущественно официальные материалы — сообщения пресс-служб органов местного самоуправления и исполнительной власти. Одна полоса отдана под программу телепередач. На последней полосе отведено место для поздравлений, соболезнований, объявлений. В среднем в одном номере — 15 материалов. Рубрика новостей отсутствует. Что касается материалов о деятельности местной РГА, то публикуются отчеты, а не полноценные статьи. В номерах, которые выходят к праздничным датам, первая и последняя полосы печатаются полноцветными.

3. Южная столица (Симферополь). Издаётся с ноября 1991 года. Распространяется в розничной сети, а также посредством подписки.

Учредитель — Симферопольский городской совет.

Директор и исполняющий обязанности главного редактора — Полина Бабушкина.

Периодичность — еженедельная (пятница).

Тираж — 23 784 экземпляров, объем — 16 полос, формат — А3.

Это двухцветная газета, первая и последняя полосы публикуются в цвете. Целевая аудитория издания — органы местного самоуправления Симферополя, органы исполнительной власти городского совета, депутаты городского совета, министерства, ведомства, прочие бюджетные учреждения и предприятия города. В основном газетная площадь отводится под новости и статьи о деятельности городской власти, событиях и мероприятиях, проходивших в столице. Одна полоса традиционно — под материал о деятельности Совета министров АРК. Среди постоянно действующих рубрик — городские новости, тема недели, город и его люди, жизнь, спорт. Почти 6 полос — программа телепередач на неделю. Последняя полоса отведена поздравлениям, кулинарным рецептам, интересным фактам.

4. Победа (Феодосия). Издается с марта 1918 года. Распространяется в розничной сети, а также посредством подписки.

Учредитель — Феодосийский городской совет.

Главный редактор — Анна Трофимова.

Периодичность — три раза в неделю.

Тираж — 4000 экземпляров, объем — 16 полос, формат — А3.

Это двухцветная газета, в цвете публикуются первая и последняя полосы. Большая часть газетной площади отводится под новости и статьи о деятельности городской власти, событиях и мероприятиях, проходивших в столице. Среди постоянно действующих рубрик – жизнь города, панорама новостей, телепрограмма, ваше здоровье, ваш досуг, бесплатные частные объявления. Наряду с собственными материалами публикуются статьи, перепечатанные с интернет-сайтов. Последняя полоса отведена рекламе.

5. Приазовская звезда (Советский район). Издается с февраля 1935 года. Распространяется в розничной сети, а также посредством подписки.

Учредитель — Советский поселковый совет и трудовой коллектив редакции.

Главный редактор — Мария Оныськив.

Периодичность — раз в неделю.

Тираж — 1470 экземпляров, объем — 8 полос, формат — А3.

Черно-белая газета. В основном газетная площадь отдана под крымские новости: это перепечатки официальных сообщений пресс-служб ГУ МЧС, МВД, УГАИ. Регулярно публикуются материалы в рубриках «Новости Крыма», «Аналитика», «Здоровье», «Во саду ли в огороде». В газете есть программа телепередач на неделю, кроссворды, объявления и реклама.

6. Присивашье (Советский район). Издается с августа 2000 года. Распространяется в розничной сети, а также посредством подписки.

Учредитель — Советский районный совет.

Главный редактор — Павел Голубятников.

Периодичность — раз в неделю.

Тираж — 1072 экземпляра, объем — 4 полосы, формат — А3.

Черно-белая газета. Материалы публикуются всего на трех полосах, еще одна отведена под телепрограмму. Преимущественно на страницах издания освещаются события местного масштаба. Действует рубрика обратной связи с читателями «Спрашивали – отвечаем». В газете публикуются объявления, анонсы предстоящих событий, изменения движения поездов и т.д.

7. Огни маяка (Красногвардейский район). Издается с 1935 года. Распространяется в розничной сети, а также посредством подписки.

Учредитель — Красногвардейский райсовет.

Главный редактор — Иван Янченко.

Периодичность — два раза в неделю.

Тираж — 6000 экземпляра, объем — 12 полос, формат — А3.

Черно-белая газета. На страницах издания преимущественно освещаются события всеукраинского масштаба, публикуются материалы о решениях Кабинета Министров Украины, Верховной Рады Крыма, местные новости. Авторами материалов часто выступают местные деятели искусств, учителя, спортсмены.

8. Слава труду (Бахчисарайский район). Издается с 1932 года. Распространяется в розничной сети, а также посредством подписки.

Учредитель — Бахчисарайский райсовет.

Главный редактор — Светлана Беликова.

Периодичность — два раза в неделю.

Тираж — 1390 экземпляра, объем — 4 полос, формат — А3.

Черно-белая газета, в цвете публикуются первая и последняя полосы. Освещаются события всекрымского масштаба, публикуются материалы о решениях Кабинета Министров Украины, Верховной Рады Крыма, местные новости, а также интересные факты и события мирового масштаба и новости спорта. Авторами материалов часто являются местные учителя, спортсмены и деятели искусств. Это одна из немногих коммунальных газет, в которой действует рубрика «Спрашивали — отвечаем», посвященная обращениям читателей. Еще одна рубрика посвящена туристическим объектам Крыма. Последняя полоса традиционно посвящена поздравлениям, соболезнованиям, объявлениям, полезной информации для жителей района, например, графики отключения воды и др.

9. Сельский труженик (Симферопольский район). Издается с марта 1933 года. Распространяется в розничной сети, а также посредством подписки.

Учредитель — Симферопольский райсовет.

Главный редактор — Андрей Трофимов.

Периодичность — два раза в неделю.

Тираж — 1650 экземпляров, объем — 4 полосы, формат — А3.

Это черно-белая газета. На страницах издания в основном освещаются события всекрымского и районного масштаба: это материалы пресс-служб органов власти, правоохранительных и надзорных органов. В отличие от многих других коммунальных газет, здесь отсутствует программа телепередач, реклама и развлекательные материалы и инфографика.

10. Слово города (Сакский район). Издается с 1990 года. Распространяется в розничной сети, а также посредством подписки.

Учредитель — Сакский горсовет и коллектив редакции газеты.

Главный редактор — Эльвира Корук.

Периодичность — два раза в неделю.

Тираж — 3766 экземпляров, объем — 8 полосы, формат — А3.

Это черно-белая газета, в цвете — только первая и последняя полосы. На страницах издания освещаются события всекрымского и районного масштаба. Эксклюзивные материалы газеты публикуются без подписи автора. Перепечатки информационных агентств и пресс-служб — со ссылкой на источник. В среднем 1,5 полосы отводится под рекламу.

Большая часть коммунальных СМИ выходит один-два раза в неделю объемом 4-8 полос. Есть газеты, которые выходят трижды в неделю, ряд — объемом до 16 полос. Распространяются по подписке, а также посредством розничной торговой сети. Средний тираж — две-три тысячи экземпляров. Ряд газет («Южная столица» и «Керченский рабочий») выходят тиражом до 23 тысяч экземпляров. В связи с ограниченным бюджетным финансированием и низким уровнем доходов от рекламной деятельности, большинство из них выходит в черно-белом цвете или с цветными первой и последней полосами. Учредителями коммунальных СМИ являются органы местной власти, иногда совместно с трудовыми коллективами изданий.

Что касается **жанров** публикуемых материалов, то в ходе анализа мы пришли к выводу, что наиболее часто на газетных полосах присутствуют материалы информационных и художественно-публицистических жанров. Среди информационных — заметки, информационная корреспонденция, репортажи, среди художественно-публицистических — очерки. Реже встречаются аналитические материалы, в первую очередь это комментарии и аналитическое интервью. Жанровая политика объясняется, в первую очередь, низким уровнем расходов на выплату заработных плат сотрудникам изданий и, соответственно, их относительно низким уровнем профессиональной подготовки, а также ограниченностью газетной площади. Использование именно этих жанров не требует больших временных, интеллектуальных и материальных затрат.

Наряду с материалами собственной подготовки, часто используются перепечатки с других информационных изданий, а также сообщения пресс-служб органов власти, правоохранительных и надзорных органов.

Интересы и запросы **аудитории** являются ключевым фактором в формировании специфики как печатных, так и аудиовизуальных медиа, поскольку рентабельность и окупаемость издания зависит не только от рекламы, которая представляет собой существенную часть доходов, но и от покупательской способности населения. Соответственно, чтобы газета была прибыльной, она должна быть интересной аудитории. Вместе с тем, коммунальные издания не находятся в такой высокой зависимости от аудитории, как издания частной форм собственности. Региональные газеты ориентированы на людей старшего поколения и пенсионеров. Поэтому большая часть газетных площадей посвящена вопросам социальной политики, жилищно-коммунальной сферы и т.д.

Выводы. Учитывая то, что больше половины территории Крыма – сельские регионы, коммунальные СМИ играют достаточно важную роль в информационной политике полуострова. Они составляют всего 0,8% от общего числа зарегистрированных печатных СМИ автономии, но при этом, согласно общему еженедельному тиражу, их общая аудитория насчитывает не менее 100 тысяч читателей, что составляет примерно 5% от населения Крыма.

Вследствие относительной удаленности от центра с помощью коммунальных СМИ жители отдаленных регионов получают информацию о социально значимых событиях в Крыму и за его пределами. Необходимо также учитывать, что часто коммунальные СМИ являются информационным монополистом на территории того или иного города и поселка. Ключевая функция, возложенная на коммунальные СМИ Крыма, – информирование населения и разъяснение действующего законодательства и нормативных актов, которые часто непосредственно касаются большей части населения Крыма. Речь идет, например, о разъяснении правил оформления земельных участков, оформления социальных пособий или субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг.

Главным отличием коммунальных СМИ от других печатных изданий является форма государственной собственности, которая реализуется в лице органов местного самоуправления. Основные проблемы редакций этих изданий можно условно разделить на два блока – финансово-экономические и творческо-социальные. Недостаточное бюджетное финансирование сказывается, в первую очередь, на полиграфическом и тематическом качестве изданий. В условиях постоянного роста цен на услуги типографий и стоимости бумаги большинство печатных СМИ не имеет возможности повышать качество бумажного носителя и самой печати. Размер средней заработной платы не позволяет главным редакторам привлекать к работе высококвалифицированных журналистов, верстальщиков, фотокорреспондентов, при необходимости открывать корпункты или развивать сеть внештатных сотрудников. Кроме того, существенной проблемой является материально-техническое обеспечение редакций.

Одной из центральных социально-творческих проблем коммунальных СМИ является ограниченность прав редакций и свободы журналистского творчества. Недостаточное бюджетное финансирование и строгий государственный контроль над целевым расходованием средств не позволяет обеспечивать государственные социальные гарантии журналистам коммунальных газет. У руководителей таких СМИ отсутствует возможность премирования или депремирования творческого коллектива. Фиксированный размер ежемесячной заработной платы не позволяет вводить экономические стимулы для работы журналистов.

Ежегодной тенденцией для целого ряда коммунальных СМИ Крыма является снижение тиражей и подписки на номера. Таким образом, судьба коммунальных

СМИ зависит как от субъективных, так и объективных факторов – от решения самого трудового коллектива, экономической и политической ситуации в стране, ситуации на рынке рекламных услуг.

Список литературы

1. Корконосенко С. А. Основы журналистики / С. А. Корконосенко. – К.: КНУ, 2001. – 87 с.

2. Проект Закона о внесении изменений в некоторые законы Украины относительно обеспечения прозрачности собственности средств массовой информации, а также реализации принципов государственной политики в сфере телевидения и радиовещания № 2074 от 23.01.2013 / Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=45530

Богданович Г.Ю., Егорова Л. Г., Иванова И. И. Роль комунальних ЗМІ в інформаційному просторі Криму // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.287-295

Стаття присвячена аналізу ролі комунальних ЗМІ в інформаційному просторі Криму. Визначено частку даного виду медіа на інформаційному ринку Криму шляхом аналізу загальної кількості зареєстрованих на півострові друкованих ЗМІ, загального тиражу комунальних газет.

Ключові слова: інформаційний простір Криму, друковані медіа, комунальні ЗМІ, інформаційна політика, жанрова палітра.

Bogdanovich G.Yu., Egorova L., Ivanova I/ The Functions of the Municipal Newspapers in Crimean Information Space // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.287-295

The article is devoted to an analysis of the municipal printed word media functions in Crimean Information Space. We have specified given media type share on the basis of registered on peninsula territory printed word media total amount and core audience scope on the basis of total municipal newspapers circulation. Brief description of the Crimean municipal printed word media format, periodicity, orientation, information content, editorial policy is provided, the periodicals functions, the features of data search, gathering and adaptation by the edition creative team are described.

Considering the fact that more than a half of Crimean territory is a rural area, municipal mass-media are of significant importance for peninsula information policy. 23 municipal printed word media, accounting for only 0,8 percent of the total number of a printed word media registered in Crimea, operate on the peninsula. But along with this according to the total weekly circulation their total audience is approximately 100 thousand readers that is approximately 5% percent of Crimean population.

Regional character of Crimea press, insufficient financing and facilities is a main parameter of the published materials quality and relatively limited readers quantity. Due to relatively distant position from center by means of municipal mass-media the residents of the distant regions retrieve information about socially important events in their city or village as well as in the whole world. Crucial function incumbent on Crimean municipal mass-media is informing of the residents and current legislation and regulatory enactments interpretation.

Key words: information space Crimea, print media, community media, information policy, variety of genres.

Поступила в редакцію 08.05.2014 г.

УДК 070; 007: [659.4 + 316.658]

Общие и отличительные признаки разных видов медиатекстов

Володченко О. Н.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым*

Статья посвящена специфике подготовки журналистских, рекламных и PR-текстов с учетом их функциональных особенностей в процессе коммуникации.

Ключевые слова: медиатекст, реклама, PR, социальная информация, эффект коммуникации.

Актуальность. В средствах массовой информации представлены разные виды медиатекстов: журналистские, рекламные и PR-тексты, каждый из которых несет свою функцию в процессе коммуникации. В зависимости от функций используются разные технологии их создания, чтобы достичь максимум эффекта во время общения с аудиторией. Эффект коммуникации — это одна из составляющих акта коммуникации, под которым, по словам украинского исследователя В.Г. Королько, следует понимать «изменения в поведении коммуниканта, которые происходят в результате приема сообщения» [1, 19]. Поэтому очень важно, чтобы при создании медиатекстов учитывались функциональные особенности каждого вида и аудитория была осведомлена о том, какой вид текста представлен: журналистский, рекламный или PR-текст с целью исключения манипулятивного воздействия на читателя. Коммуникация является двусторонним процессом обмена сигналами и этот процесс базируется на смысловых значениях, которые участники общения должны понимать одинаково.

Цель нашего исследования - обобщить общие и отличительные признаки журналистского, рекламного и PR-текста, с учетом технологии их создания.

Постановка проблемы. В современных теориях по социальным коммуникациям категория «текст» рассматривается в двух системах координат – «лингвистической» и «коммуникационной». По определению социолога Т. М. Дридзе, в последнем случае внимание фокусируется не на том «о чем»? и «как»? говорится в тексте, сколько на том «почему»? и «ради чего»? этот текст был создан, то есть в чем заключается коммуникативное намерение его творца, каким образом это намерение объективировано и сколь адекватно созданный автором текст интерпретируется партнерами по коммуникации [2,145]. Именно такой подход, по мнению автора, открывает возможности для диагностики состояния и регулирования качества взаимодействия людей друг с другом.

Т. М. Дридзе определяет текст как целостную коммуникативную единицу, как сложный знак: «Текст как единица знакового общения (социокультурной коммуникации) представляет собой особым образом организованную содержательно-смысловую целостность и может быть определен как система коммуникативно-познавательных элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую содержательно-смысловую структуру (иерархию коммуникативно-

познавательных программ) общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением) партнеров по общению. [2,149].

Украинский исследователь В. В. Ризун рассматривает текст как коммуникативно «психологическое явление» и также считает, что текст нельзя анализировать вне коммуникативного акта, так как «живой» смысл информации состоит в том, чтобы быть поставленной в известность и воспринятой. По его мнению, основное назначение текста – это влияние на человека. «Подлинность эффекта под влиянием текста будет объективно проявляться в актах изменения поведенческих планов (программы поведения) и реального поведения субъектов социального действия: людей, организаций, институтов. Конкретным выражением эффекта будет выбор решения под влиянием текста; поступок, вызванный авторским влиянием; реакция общественной мысли, возбужденной автором; включение информации в программу социального института или использования ее в деятельности законодательных органов и партийных инстанций, а также другие формы использования текстов в реальной жизни людей», – утверждает В. Ризун [3].

Таким образом очень важно, чтобы текст, который появляется в средствах массовой информации был четко маркирован и под видом журналистского текста не появлялись заказные статьи, в которых материал подается с целью создания позитивного имиджа базисного субъекта PR.

Отметим, что массовая коммуникация (МК) служит целям распространения социально значимой информации (фактов, событий, социальных и культурных ценностей) с помощью разных технических средств на широкую аудиторию. И все разновидности текстов массовой коммуникации – журналистский, рекламный и PR-текст – отвечают, согласно классификации З. В. Партыко, единым критериям текстов МК: актуальность, репрезентативность, доступность, достаточность, оперативность, точность, понятность [4].

Согласно определению С. Г. Корконосенко, социальная информация – «это такая информация, которая производится в процессе человеческой деятельности, отображает факты с точки зрения их общественной значимости, предназначена для общения между людьми и достижения ими целей, обусловленных их социальным положением» [цит. по 5, 32]. А «PR-информация – это тип социальной информации, который создается в процессе деятельности социального субъекта (фирмы, организации, персоны) – базисного субъекта PR, распространяется по его инициативе, отображает в оптимизированном виде значимые факты деятельности данного субъекта, предназначена для определенного сегмента общественности и служит цели формирования эффективной коммуникационной среды данного социального субъекта» [5, 35].

Рассмотрим журналистский текст. Основные характеристики журналистского текста как продукта журналистского творчества достаточно полно описано в современной науке. Изучению данного феномена посвящены труды таких ученых, как И. Р. Гальперин, Т. М. Дридзе, В. Ф. Иванов, А. Д. Кривонос, Г. С. Мельник, Б. Я. Мисоножников, В. В. Ризун, К. С. Серажим, С. И. Сметанина, М. Д. Феллер и др. Так, Г. С. Мельник, характеризуя журналистский текст, называет такие критерии феномена, предложенные немецким исследователем периодической печати Г. Рагером, как: объективность, выбор формы подачи материалов, актуальность и релевантность [6, 41].

К. С. Серажим основными признаками текста считает целостность, связность, отстраненность, завершенность и модальность, на фоне которых выявляются универсальные текстовые категории. По ее словам, единство текста обеспечивают смысловая, коммуникативная и структурная целостность. А смысловое единство, в свою очередь, охватывает концепт, семантику и логику текста. «Во время создания

текста точкой отсчета является концепт, который предопределяет смысловую структуру текста, а через него — логическую структуру. [7, 75]. Следовательно, журналист общается с аудиторией с помощью текста, в котором передает свое видение проблемы, отношения, к ней и таким образом вливает на реципиенты. Это влияние, по словам К. Серажим, является разным и зависит от особенностей читателя, от специфики его мышления, мировоззрения, от готовности к восприятию информации, от уровня общих знаний [7, 146].

По мнению Т. В. Скотниковой, идеальным для восприятия информации является текст, который отвечает таким требованиям:

- структурированность текста ;
- оптимальная информационная насыщенность;
- легкость (ясность, точность, линейность, связность, однозначность) изложения;
- факты и обоснованность (непротиворечивость) их интерпретации. То есть доказательность авторских суждений;
- современный стиль изложения;
- оптимальны длина предложений и размер абзацев;
- оптимальное использование разных средств выделения основных моментов содержания (логическое ударение) [8, 220].

Отметим, что в основе журналистского текста всегда лежит социальная информация, которая базируется на фактах. Информация в журналистике оценивается с точки зрения ее важности и позиции оперативности как фактора отбора информации. Журналистский текст сориентирован на широкий круг потребителей, его сущность заключается в том, чтобы предоставить конкретную информацию, а также оказать влияние на формирование общественного мнения. Результатом такого влияния становится изменение взглядов или поведения человека.

А вот в трактовке рекламных и PR-текстов существуют определенные проблемы. По словам исследователя А. Д. Кривоносова, «количество дефиниций относительно этих двух видов коммуникативной деятельности – рекламы и пиар – постоянно растет, что свидетельствует о том, что в современной науке четкая демаркация понятий «связи с общественностью» и «реклама» еще до конца не проведена» [5, 70].

Более того, в современной научной литературе высказывается мысль, что прямая реклама не особенно эффективна, так как люди не верят ей. По словам профессора Сандры Мориарти из университета Колорадо (США), которая проводила исследование в сфере психологии, сознание человека не различает рекламное послание от PR-сообщения. «Наоборот, человек собирает информацию из различных контактов с компанией и ассимилирует ее в одну картину», - считает она [цит. по 9, 39].

Поэтому неслучайно PR нередко отождествляют с рекламой, несмотря на то, что между ними существует огромная разница.

По мнению исследователя О. А. Сичова, с филологической точки зрения реклама являет собой личную сферу практической деятельности, продуктом которой являются словесные произведения – рекламные тексты. Эти тексты характеризуются: 1) определенными признаками содержания и внешнего оформления, что позволяет отличить их от других (нерекламных текстов); 2) определенными функциональными признаками; 3) определенным местом, которое они занимают в общей совокупности текстов, созданных на определенном языке» [цит. по 5, 70].

Значительное количество дефиниций есть и у «Public Relations». Так, Г. Л. Тульчинский дает такое его определение: «Public relations – специфический сектор менеджмента, направленный на создание благоприятной и доброжелательной социальной среды деловой активности» [10,7]. Более полное определение дает В. А. Моисеев: «Паблик рилейшнз – разновидность социально психологического

Общие и отличительные признаки разных видов медиатекстов

менеджмента, в котором на основе точной и исчерпывающей информации, полученной в результате анализа тенденции политического, социально-экономического, психологического развития страны, соблюдения этических норм и общественных интересов, планомерно реализуют социально технологические и информационные мероприятия по установлению осознанных, гармоничных и взаимовыгодных связей между субъектами социальной деятельности, между ними и общественностью, властью ради влияния на общественное мнение и принятие решений в процессе социального управления и достижения обоюдного доверия и выгоды» [11, 14].

Перечислим признаки PR-текстов, предложенные российскими исследователями С. Г. Корконосенко и А. Д. Кривоносим [5, 58]. Итак, PR-текст:

- может быть простым или комбинированным;
- должен содержать в себе PR-информацию, инициированную базисным субъектом ПР, который функционирует в сфере публичных коммуникаций;
- должен формировать и приращивать публицитный капитал этого базисного PR-субъекта;
- предусматривает в качестве адресата определенный сегмент общественности;
- имеет скрытого (изредка прямо отмеченного) автора;
- распространяется прямой рассылкой, личной доставкой, или опосредствовано через СМИ.

Главная цель рекламы – стимулировать продажу товаров или услуг, а цель PR — создать гармоничные отношения между компанией или учреждением и его «средой». Следовательно реклама работает на мгновенный результат, а PR ориентирован на долгосрочные отношения. В современном мире именно благодаря PR формируется репутация учреждения, предприятия, региона, страны, в целом, что способствует созданию прибыли, публицитного или репутационного капитала.

Попробуем обобщить общие признаки и отличия журналистского, рекламного и PR-текста. Для выделения общих признаков взяты следующие критерии: инициатор создания текста, особенности использования фактов, адресность текста (целевая аудитория), а также цель общения.

Общие признаки и отличия разных видов медиатекстов (журналистского, рекламного и PR-текста)

Общие признаки текстов	Отличия		
	<i>Журналистский текст</i>	<i>Рекламный текст</i>	<i>PR-текст</i>
1. Отвечают общественным потребностям	1. Создается по инициативе редакции или журналиста	1. Создается по инициативе рекламодателя	1. Создается по инициативе базисного субъекта PR
2. Опиерируют социальной информацией, в основе которой лежит факт или событие.	2. Факт или событие действительно существуют в реальности	2. Факт или событие должны быть привлекательными для потребителя	2. Факт или событие должны быть важными и для субъекта PR, и для целевой аудитории

3. Предназначены для аудитории	3. Предназначены для широкой аудитории (полиадресные)	3. Ориентированы на конкретный сегмент потребителей товаров или услуг	3. Ориентированы на определенную целевую аудиторию
4. Формируют общественное мнение	4. Информация (в идеале) должна отображать интересы широкой общественности и защищать общественные ценности	4. Информация подается так, чтобы воздействовать на эмоции потребителя и стимулировать его поведенческую реакцию, запланированную рекламодателем	4. Информация подается с учетом интересов базисного субъекта PR

Выводы. Таким образом при создании журналистского, рекламного и PR-текстов нужно знать особенности использования фактов и, конечно же, цели коммуникативного воздействия на аудиторию. Журналистский текст создается только по инициативе журналистского или редакционного коллектива, при этом используются факты, имеющие социальное значение, данные тексты полиадресны и призваны представлять интересы общественности и защищать их с позиций общечеловеческих ценностей. Специфика создания PR-текстов состоит в том, что эта информация в обязательном порядке должна быть позитивно принята целевой аудиторией, в соответствии с заказом базисного субъекта PR, по инициативе которого подбираются факты и создается информационный повод для написания текста. Рекламный текст, по словам специалистов по рекламе Э. Денниса и Д. Меррилла, - это целенаправленная, управляемая и распространенная информация, которая ориентирована на изменение взглядов, вкусов и привычек. [цит по 5, 70]. Поэтому очень важно учитывать эти особенности текстов в процессе подготовки журналистских кадров, а также специалистов в области рекламы и PR.

Перспективными считаем дальнейшие исследования медиатекстов с акцентом на их коммуникативную направленность и прагматический потенциал.

Список литературы

1. Королько В. Г. Основы публичных речей / В. Г. Королько. – М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 2000. – 528 с.
2. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии / Т. М. Дридзе // Общественные науки и современность. – 1996. – № 3. – С. 145-152.
3. Різун В. В. Нариси про текст: теоретичні питання комунікації і тексту / В. В. Різун, А. І. Мамалига, М. Д. Феллер. – К. : Київ. ун-т, 1998. – 336 с.
4. Партико З. В. Теорія масової інформації та комунікації : навч. посіб. / З. В. Партико. – Л. : Афіша, 2008. – 290 с.
5. Кривонос А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А. Д. Кривонос. – Изд. 2-е, доп. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. – 288 с.
6. Мельник Г. С. Основы творческой деятельности журналиста / Г. С. Мельник, А. Н. Тепляшина. – СПб. : Питер, 2008. – 272 с.
7. Серажим К. С. Текстознавство : підручник / К. С. Серажим. – К. : ВПЦ «Київський університет», 2008. – 527 с.
8. Скотникова Т. В. Підходи до редагування повідомлень у спеціалізованих часописах / Т. В. Скотникова // Стиль і текст. – 2006. – № 7. – С. 234-243.

9. Кузьменкова М. А. Новая роль публік рілейшнз: воздействие интеграционных коммуникативных процессов / М. А. Кузьменкова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2003. – № 4 – С. 28-40.

10. Тульчинский Г. Л. PR фирмы: технология и эффективность / Г. Л. Тульчинский. – СПб : Алетейя, 2001. – 294 с.

11. Мойсеев В. А. Публік рілейшнз : навч. посіб. / В. А. Мойсеев. – К. : Академвидав, 2007. – 224 с.

Володченко О. М. Загальні та відмінні ознаки різних видів медіатекстів // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.296-301

Стаття присвячена специфіці створення журналістських, рекламних та PR-текстів з урахуванням їхніх функціональних особливостей у процесі комунікації.

Ключові слова: медіатекст, реклама, PR, соціальна інформація.

Volodchenko O. Common and distinctive signs of different types of media text // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.296-301

The article is devoted to the specific of composing journalistic, publicity and PR-text taking into account their functional features in the process of communication.

Keywords: media text, publicity, PR, social information, communication effect.

Поступила в редакцію 10.05.2014 г.

УДК 811.161

Воссоединение Крыма с Россией в освещении «Вашингтон пост»

Мащенко А. П.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым*

В статье анализируются публикации «Вашингтон пост», посвященные событиям, приведшим к воссоединению Крыма с Россией. На протяжении нескольких недель в феврале-апреле 2014 года крымская тема была, пожалуй, главной темой всех мировых СМИ. Автор пытается взглянуть на события в Крыму глазами одной из самых влиятельных газет Западного мира; реконструировать формируемый в «Вашингтон пост» образ мятежного региона; объяснить причины пристального интереса издания к событиям на полуострове.

Ключевые слова: Крым, Украина, Россия, США, средства массовой информации, «Вашингтон пост».

Постановка проблемы. На протяжении последних двадцати двух с половиной лет, которые Крым провел в составе независимой Украины, ведущие американские (и шире – западные) печатные СМИ регулярно «примеряли» на полуостров сценарии различных конфликтов - нагорно-карабахского, приднестровского, югославского, чеченского, косовского, абхазского, юго-осетинского.

И вот, наконец, «ожидания» этих средств массовой информации оправдались – в феврале-марте 2014 года Крым (а вместе с ним, без преувеличения, и весь мир) потрясли исторические события, которые привели к выходу полуострова из состава Украины и воссоединению с Россией.

Мы используем здесь термин «воссоединение» вслед за авторами «Вашингтон пост» Уильямом Эйрисом и Стивеном Сайдеманом, которые совершенно справедливо замечают, что говорить следует не о сепаратизме, а о ирредентизме крымчан. «Новости из Крыма повышают вероятность ирредентизма. Ирредентизм – это стремление воссоединить «потерянную» территорию, населенную этническими родственниками, с материнской страной... - пишут эксперты. – Соответственно, если бы Крым отделился от Украины и стал частью России, это было бы успешным примером ирредентизма» [3].

Безусловно, статус Крыма как части России еще долго будет оспариваться и Украиной, и частью международного сообщества, однако де-факто Республика Крым и город Севастополь являются сегодня субъектами Российской Федерации.

События, приведшие к воссоединению Крыма с Россией, широко освещались не только крымскими, украинскими, российскими, но и мировыми средствами массовой информации. Больше того, на протяжении нескольких недель в феврале-апреле 2014 года крымская тема была, пожалуй, главной темой всех мировых СМИ.

Цель нашей статьи - проанализировать «крымские публикации» газеты «Вашингтон пост», увидевшие свет на протяжении февраля-апреля 2014 года.

Задачи: - описать и систематизировать «крымские публикации» «Вашингтон пост»;

- взглянуть на события в Крыму глазами одной из самых влиятельных газет Западного мира;

- реконструировать формируемый изданием образ мятежного региона;
- объяснить причины пристального интереса газеты к событиям на полуострове.

Анализ последних исследований по проблематике работы.

В последние годы в научном обороте появляется достаточно много работ, исследующих образ или имидж государств и регионов. Назовем хотя бы таких авторов, как Гавра Д. П., Галумов Э. А., Замятин Д. Н., Киселев И. Ю., Почепцов Г. Г., Савицкая А. С., Таранова Ю. В. Однако в то же время исследования этих и других ученых носят либо общий теоретический характер, либо изучают другие государства и регионы.

На сегодняшний день работ, в которых анализировалось бы содержание публикаций ведущих американских СМИ, посвященных ситуации в Крыму, в научном пространстве нет или практически нет.

Ввиду огромного количества «крымских публикаций», которые появились в последние месяцы в ведущих американских СМИ, мы решили пока ограничить наше внимание статьями, опубликованными всего лишь в одной газете – «Вашингтон пост».

На протяжении февраля-апреля 2014 года в бумажной и электронной версиях издания было опубликовано больше двухсот материалов, так или иначе затрагивающих события в Крыму.

В эти исторические дни на полуострове работало несколько корреспондентов «Вашингтон пост», которые регулярно передавали в газету свои репортажи с места действия. Эти материалы показывают, какими видят события в Крыму американские репортеры, выросшие в системе ценностей Западного мира, под влиянием негативного образа России, формирующегося на Западе на протяжении нескольких последних столетий.

Одновременно в «Вашингтон пост» регулярно появляются материалы с изложением точки зрения многочисленных экспертов – политиков, политологов, историков, публицистов, среди которых есть много широко известных личностей – Кондолиза Райс, Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер, Уильям Тейлор, Стивен Пайфер, Джон Хербст и другие. При этом российскую (или точнее – антироссийскую) точку зрения на страницах издания выражают оппозиционные Кремлю политики Андрей Илларионов и Гарри Каспаров.

При анализе содержания «крымских публикаций» «Вашингтон пост» сразу же обращает на себя внимание обилие сравнений с российско-грузинской войной, случившейся в августе 2008 года.

«На протяжении последних нескольких дней российская армия пытается спровоцировать украинцев совершить ошибку, которую сделали грузины в 2008: выстрелить первыми» [30], - пишут 3 марта бывшие послы США на Украине Уильям Тейлор, Стивен Пайфер и Джон Хербст.

«Владимир Путин уже делал это раньше. Когда он вторгся в Грузию в августе 2008 года, западная дипломатия и давление не дали ему достичь главной цели: дойти до Тбилиси и свергнуть демократически избранное грузинское правительство. Однако Путин захватил два региона, Абхазию и Южную Осетию, которые российские войска оккупируют до сих пор» [13], - утверждают на следующий день, 4 марта, политологи Стивен Хэдли и Дэймон Уилсон.

Среди тех, кто сравнивает события в Крыму с войной 08.08.08, и бывший президент Грузии Михаил Саакашвили: «Поразительные параллели между ранними стадиями российской агрессии против Грузии и тем, что происходит на Украине. Наблюдая за

последними событиями и глобальной реакцией на них, я продолжаю думать о том, что история повторяется...» [26].

Один из аспектов этих исторических параллелей - сравнение военного потенциала Тбилиси и Киева и оценка возможностей Украины противостоять России вооруженным путем. Уже упоминавшиеся Тейлор, Пайфер и Хербст пишут: «Когда каждый из нас работал послом США на Украине, мы посещали украинские военные базы, разговаривали с командирами и войсками, наблюдали за учениями и оценивали подразделения. Многие из этих подразделений хорошо оснащены танками, артиллерией и транспортом... Российская атака на украинские войска или территорию обернулась бы классической и кровавой танковой войной, которой Европа не видела со времен Второй мировой войны» [30].

В подобном же духе высказывается Джошуа Такер: «Украина – это не Грузия... Украина гораздо больше, у нее гораздо больше население и гораздо больше армия. Грузинская армия насчитывает 37.000 солдат и офицеров и 140.000 резервистов. Украинская – 160.000 солдат и офицеров и 1.000.000 – в резерве. Война с Украиной выглядела бы совсем не так, как война с Грузией» [31].

Вообще, есть ощущение, что многие эксперты, даже такие информированные, как бывшие послы США в Украине, явно переоценили и техническую, и моральную готовность украинских вооруженных сил.

Уже после воссоединения Крыма с Россией ряд экспертов оценивают военный потенциал российской армии: «Хорошо организованная крымская операция также показывает улучшения в качестве и подготовке российской армии. Их войска действовали с гораздо меньшей точностью десять лет назад в Чечне и во время вторжения в Грузию в 2008 году» [16].

Сравнения крымских событий с российско-грузинской войной подтверждают: прогнозы многих западных экспертов о том, что на полуострове возможно повторение юго-осетинского или абхазского сценария, оказались верными, хотя, безусловно, между событиями в Крыму в 2014 и в Южной Осетии и Абхазии в 2008 году много отличий.

А вот параллели с другой горячей точкой – Косово – практически все эксперты «Вашингтон пост» отрицают. «Российский президент Владимир Путин недавно упомянул «хорошо известный косовский прецедент как оправдание для действий его режима в Крыму. Он заявил, что ситуация в Косово была очень похожа на нынешнюю ситуацию в Крыму. В действительности две эти ситуации очень различны» [28], - утверждает, к примеру, политолог Илья Сомин.

Впрочем, эти оценки выглядят легко прогнозируемыми, учитывая тот факт, что решение России принять Республику Крым в свой состав во многом опиралось именно на так называемый косовский прецедент. «Вашингтон пост» пытается опровергнуть этот российский аргумент в споре за Крым, двигаясь в русле официальной позиции американских властей и абсолютного большинства крупнейших западных СМИ.

Следующий аспект, бросающийся в глаза при анализе «крымских публикаций» «Вашингтон пост» - особое внимание, которое издание уделяет крымскотатарскому фактору. Так, к примеру, специально этой теме посвящена статья политолога Оксаны Шевель «Кто такие крымские татары и почему они важны?» «Даже если дипломатия потерпит крах и российская армия захватит крымскую территорию с намерением контролировать ее постоянно, установить контроль над Крымом для России будет гораздо сложнее, чем в Южной Осетии, Абхазии или Приднестровье. Главная причина этого – крымские татары... Они представляют хорошо мобилизованный единый проукраинский электорат, который противостоит пророссийскому сепартазиму на полуострове, - полагает эксперт. – 26 февраля, за день до того, как крымский парламент был захвачен вооруженными людьми, крымские татары

собрали большой митинг рядом с парламентом, который был более массовым, чем аналогичный пророссийский митинг. Ни в одном другом отколовшемся регионе нет такой мобилизованной местной группы, противостоящей российскому захвату» [27].

В свою очередь Джошуа Такер пишет: «В Крыму живут не только украинцы и русские, но и крымские татары, которые вряд ли будут приветствовать российское правление и по историческим, и по современным причинам» [31].

Пока эксперты рассуждают о роли крымских татар в противостоянии с Россией, сидя у себя в кабинетах, репортеры рассказывают о том, что происходит непосредственно на месте событий: «В этом древнем крымском городе (Бахчисарае – автор) с населением в 25 тысяч человек, окруженном фруктовыми садами и утопающем в тени грациозных минаретов, мало признаков напряжения, которое охватило его жителей – татар-мусульман. Однако внутри их восстановленных домов, кафе и мечетей у каждого татарина есть пугающая история о том, как они встречают вероятную аннексию страной, чьи правители однажды уже отправили их в изгнание» [5]. «Никто не спит, - приводит репортер слова имама Мусы Назиза. – Российские власти говорят, что они будут нас уважать, но как мы можем им верить? В нашем регионе много российских войск, которые ждут своего часа. Если они придут за нами, мы на этот раз никуда не уедем. Мы будем сражаться» [5].

«Вашингтон пост» цитирует лидеров межджлиса Мустафу Джемилева и Рефата Чубарова, которые призывают бойкотировать референдум о воссоединении с Россией и фактически угрожают вооруженным сопротивлением. В частности, издание приводит следующие слова Джемилева: «У нас есть исламисты, ваххабиты, салафиты и другие, кто воевал в Сирии. Мы не можем остановить людей, которые хотят умереть с честью» [5].

После референдума «Вашингтон пост» рассказывает о попытках российского и украинского руководства привлечь крымских татар на свою сторону и подробно освещает состоявшуюся в конце марта внеочередную сессию Курултая: «Но татары, которые управляли полуостровом, начиная с XV века и до того момента, когда его в XVIII веке захватила Российская империя, остаются глубоко скептическими по отношению к намерениям Москвы.

«Мы, как коренной народ, не должны сотрудничать с оккупационной властью», - говорит делегат конгресса Илвер Аметов. «Украина тоже не была нашим домом, но по крайней мере она была демократией, - говорит он. – У нас есть притча о собаке, которая убежала в Москву, потому что жизнь там была лучше, однако потом вернулась назад на Украину, потому что здесь ей по крайней мере разрешали лаять» [2].

Таким образом, издание тщательно отслеживает эту тему, видя в крымских татарах группу, настроенную против воссоединения Крыма с Россией, и соответственно, возможный источник обострения ситуации на полуострове.

Героями репортажей корреспондентов «Вашингтон пост» становятся не только крымские татары, но и этнические украинцы, выступающие против воссоединения Крыма с Россией: «Я патриотка Украины. Я выросла здесь и я не хочу принадлежать к другой стране, - говорит 23-летняя учительница английского языка Алина Шажко. – Мы слишком многим пожертвовали ради нашей свободы и мы не хотим ее потерять» [4].

Еще одна группа, которая часто становится объектом изображения «Вашингтон пост», - это украинские солдаты и офицеры и члены их семей. «Украина нашла нового героя в командире осажденной базы» [1], - называется одна из публикаций издания, рассказывающая о командире воинской части в Бельбеке полковнике Юлии Мамчуре.

В то же время репортеры «Вашингтон пост» описывают и настроения русскоязычного большинства населения полуострова.

«Люди ждут этого 23 года» [22], - цитирует издание жительницу Севастополя Ольгу Манько. «Мы неотделимы от России» [22], - вторит ей Галина Глебова.

Особенно ярко настроения большинства крымчан изображены в репортажах, рассказывающих о событиях в день референдума, 16 марта. Например: «Незадолго до полуночи в Симферополе, на заполненной тысячами людей площади Ленина, крымские политические лидеры объявили предварительные результаты голосования. В небе взорвались фейерверки, мужской хор исполнил российский государственный гимн, а люди кричали от радости и обнимали друг друга» [23].

«Вашингтон пост» подчеркивает всплеск пророссийского патриотизма в Крыму, однако в то же время задает вопрос: «А что дальше?» [7]. «Снова и снова я продолжала удивляться, как крымские русские сумели вычеркнуть из памяти полвека лишений и репрессий под Советской властью, которые завершились в 1991 году. Как будто никогда не было ни бесчеловечных бюрократов, ни лагерей, ни афганской войны, ни давления, заставлявшего приспособливаться и предавать. Единственная жалоба крымчан заключалась в том, что Никита Хрущев отдал Крым в 1954 году» [7], - удивляется репортер Памела Констебль.

Этот пассаж великолепно иллюстрирует западные стереотипы о Советском Союзе, под властью которых находится журналистка издания. Ни ей, ни ее коллегам, похоже, невдомек, что при Советской власти были не только лагеря для инакомыслящих, диссиденты, дефицит товаров и очереди за продуктами, но и масса достижений, которые до сих пор не забыты крымчанами, жившими в то время – бесплатное образование, бесплатная медицина, бесплатное жилье, достойные зарплаты и пенсии, отсутствие безработицы, уверенность в завтрашнем дне.

Другой нюанс, на который следует обратить внимание: у журналистки (и не у нее одной) воссоединение Крыма с Россией ассоциируется с возвращением в СССР, между тем современная Россия – это, конечно, далеко не Советский Союз.

Ища причины, по которым большинство крымчан поддерживают воссоединение полуострова с Россией, «Вашингтон пост» указывает не только на культурные и языковые, но и на экономические факторы.

«В четверг люди собрались вокруг постеров... Графики сравнивали зарплаты бюджетников, пенсии, социальные выплаты и стоимость горячего на Украине и в России. В каждом случае жизнь в России выглядела лучше» [6], - пишет издание.

«У меня нищенская пенсия, но скоро я буду получать почти в два раза больше», - цитирует газета 79-летнего крымчанина Юрия Кочива. Он говорит, что на воскресном референдуме собирается голосовать за то, чтобы присоединиться к России – частично из патриотических чувств, частично из-за таких обещаний, как на этих постерах» [6].

На этом фоне газета рассказывает о проблемах в банковской сфере, остановившихся продажах недвижимости, панике с валютой, людях, забирающих или пытающихся забрать свои деньги из банков и т.д., и т.п. [6].

Наконец, «Вашингтон пост» пытается анализировать перспективы курортной отрасли Крыма, оказавшейся в результате произошедших событий в непростой ситуации. «Ялтинские власти нервничают, но надеются на то, что курортный сезон в этом году состоится» [24], - пишет Кэрол Морелло.

В то же время изданию приходится признать бескровность воссоединения Крыма с Россией. Статья Евгения Конторовича так и называется: «Бескровное завоевание Крыма Россией». «Российское завоевание выгодно отличается его бескровностью. Пока российские войска, кажется, не убили ни одного человека. Это должно быть самое бескровное успешное завоевание за последнее время» [17], - пишет Конторович.

Объясняя причины воссоединения Крыма с Россией, эксперты «Вашингтон пост» ищут их, в частности, в распаде Советского Союза.

«На самом деле истоки крымского кризиса относятся к распаду Советского Союза, в ходе которого республики стали независимыми государствами с границами, когда-то прочерченными Сталиным. Большинству российского населения было чрезвычайно трудно признать, что Украина стала независимым государством и что Крым, входивший в состав российских территорий с 1783 года, достался Украине из-за прихоти Хрущева» [29], - замечает бывший советолог Анджела Стент.

В редакционной статье, представляющей собой своеобразный ликбез для читателей, «Вашингтон пост» отвечает на вопрос, «почему Россия хочет Крым?», следующим образом: «Россия и Крым имеют глубокие исторические связи. Российский президент Владимир Путин сказал в своей недавней речи, что «все в Крыму говорит о нашей общей истории и гордости» [33].

Другой вопрос: «хотят ли крымчане быть частью России?» «Да, - отвечает издание. – Большинство людей в Крыму хотят выйти из состава Украины и присоединиться к России. Они голосовали около недели назад, и большинство людей, принявших участие в голосовании, сказали да. В ночь после голосования тысячи людей вышли на улицы крымской столицы, чтобы отметить это событие. Однако в то же время не каждый был счастлив, некоторые люди не голосовали, потому что они считают, что присоединение к России – это плохая идея» [33].

Еще одна характерная черта, на которую нельзя не обратить внимания - персонализация крымских событий, которые в интерпретации «Вашингтон пост» часто выглядят не столько как решение крымчан, сколько как спецоперация президента России Владимира Путина.

Чтобы убедиться в этом, достаточно просто привести заголовки статей: «Украинский гамбит Путина» [18], «Нажим Путина на Украине» [8], «Ошибка Путина на Украине - из тех, что ведут к катастрофе» [15], «Недальновидность Путина в Крыму» [9], «Захват Путиным Крыма – часть более глобальной стратегии» [13].

События в Крыму рассматриваются газетой сквозь призму геополитической борьбы между Россией и Западом, Россией и Америкой. При этом замечен страх многих американских журналистов, политиков и экспертов перед усилением России. Характерный пример - статья Чарльза Краутхаммера «Украинский гамбит Путина», в которой автор вспоминает: «Генри Киссинджер однажды сказал, что со времен Петра Великого Россия расширялась со скоростью в одну Бельгию в год. Разумеется, ситуация коренным образом изменилась после распада Советского Союза, который российский президент Владимир Путин назвал «крупнейшей геополитической катастрофой 20 века» [18].

По мнению Краутхаммера, сегодня «миссия Путина заключается в восстановлении. Во-первых, он хочет восстановить традиционный российский деспотизм и разрушить основы зарождающейся в России демократии. А затем он рассчитывает создать «стабильность», обеспечиваемую силой железного кулака» [18].

«Вашингтон пост» указывает на то, что после воссоединения Крыма с Россией может начаться новая холодная война: «захват Россией Крыма вызывает призрак Холодной войны» [11]. И даже рассуждает о том, приведет ли «захват Путиным Крыма» к единению Америки: «Может ли силовой захват Путина в Крыму объединить нас?» [10].

При этом некоторые эксперты, высказывающиеся на страницах «Вашингтон пост», позволяют себе критиковать политику США. С одной стороны, они указывают на то, что Америка сама регулярно вмешивается в дела других государств. «Мне это кажется, или разглагольствования о кризисе на Украине звучат так, будто Вашингтон страдает от амнезии? – вопрошает Юджин Робинсон. - Предполагается, что кризис должен нас шокировать. Нас должно потрясти то, что могучая военная держава сострепала повод для вторжения на территорию страны поменьше и послабее?

Простите, но неужели все забыли трагические события в Ираке, произошедшие несколько лет тому назад?

Скажу честно, мыслями я на стороне законного украинского правительства, а не неоимпериалистического российского режима. Но если говорить откровенно, Соединенные Штаты Америки не в том положении, чтобы настаивать на абсолютном соблюдении территориальной целостности суверенных государств.

До Ирака был Афганистан, была война в Персидском заливе, была Панама, была Гренада. И даже когда мы клеймим Россию позором за ее возмутительную агрессию, мы оставляем за собой право запускать смертоносные ракеты по территории Пакистана, Йемена, Сомали и бог еще знает каких стран» [25].

«Американские ястребы – политики и ученые мужи, которые били в барабаны, призывая к интервенции в Ирак, а сейчас критикуют президента Обаму за недостаточную агрессивность в украинском вопросе – должны объяснить, почему своекорыстная доктрина превентивной войны, которую они использовали для оправдания нашей иракской авантюры, должна быть зарезервирована исключительно для нас» [21], - вторит Гарольд Мейерсон.

Другие эксперты, наоборот, критикуют Обаму за недостаточно жесткую политику в отношении России.

«Жалкий ответ Обамы на вторжение Путина в Крым», - называется статья Чарльза Краутхаммера. «Последствия? – восклицает автор – Отказ в визах и замораживание активов для 11 человек, семеро из которых русские. Семеро! Из 140 миллионов. Не Путин. Не Медведев. Не олигархи...» [19].

Еще одна статья этого эксперта называется: «Обама против Путина: не ровня». «Разумеется, России не стоит тягаться с американской сверхдержавой. Однако при ее нынешнем президенте Россия превосходит Америку — начиная с попытки обольщения в период перезагрузки и заканчивая пустыми угрозами Америки, обещающей некие «последствия», в случае если Россия аннексирует Крым.

Россия аннексировала Крым. И «последствия» оказались поистине смехотворными. В XIX и XX веках в сражениях за Крым погибло бесчисленное количество европейских солдат. Путину удалось завоевать его в ходе стремительной скрытой кампании, на которую он потратил всего три недели, и которая не стоила его солдатам ни одной вывихнутой лодыжки» [20].

Так или иначе, но, по мнению абсолютного большинства журналистов, политиков, экспертов, выступающих на страницах одной из самых влиятельных американских газет, «Запад теперь должен готовиться к долгой борьбе с Россией» [32]. «Россия становится лидером антизападного мира» [12], - констатирует Маша Гессен.

Выводы.

Эта публикация является частью цикла статей, посвященного анализу образа Крыма в американских печатных средствах массовой информации. На протяжении последних пяти лет мы последовательно исследуем заявленную тему, анализируя «крымские публикации» американских газет, начиная с 1991 года.

Точка отсчета выбрана неслучайно. 1991 год – год распада СССР – резко изменил ситуацию в Крыму, ставшем одним из кризисных регионов на карте Европы, своеобразной спорной территорией между Россией и Украиной.

В своих предыдущих работах мы пришли к выводу, что внимание американских печатных СМИ к полуострову обусловлено следующими причинами:

- базирование на полуострове Черноморского флота Российской Федерации;
- претензии на Крым, которые время от времени предъявляли радикальные политические силы в России;
- стратегическое географическое положение полуострова в Черноморском регионе;

- сложный этнический состав населения региона, который характеризуется подспудным противостоянием между славянским населением и крымскими татарами;
- исторические симпатии большинства русскоязычного населения региона к России.

При этом внимание американских СМИ к Крыму на протяжении последних лет было неравномерным, что подтверждается результатами мониторинга ведущих печатных медиа США. Нами было выделено несколько периодов, на протяжении которых американские СМИ особенно пристально интересовались происходящими в Крыму событиями:

- 1992 год – период сразу после распада СССР, связанный с неопределенностью статуса полуострова и неопределенностью судьбы Черноморского флота бывшего Советского Союза;

- 1994 год – период после победы на президентских выборах в Крыму Юрия Мешкова, связанный с так называемым крымским сепаратизмом и возможным отделением Крыма от Украины и присоединением его к России.

- 2003 год – конфликт между Украиной и Россией из-за острова Тузла в Керченском проливе.

Но, безусловно, пик внимания к Крыму американских и других западных средств массовой информации пришелся на февраль-апрель 2014 года. Можно сказать, что эти события подтвердили перспективность и актуальность темы нашего исследования, задуманного и начатого несколько лет назад.

Такого количества иностранных журналистов на полуострове не было еще никогда. Количество «крымских публикаций» американских СМИ на протяжении февраля-апреля 2014 года попросту грандиозно. За эти три месяца таких публикаций было больше, чем за предыдущие 23 года - хотя, повторимся, Крым и прежде не был обделен вниманием западных медиа. И это, в общем, естественно. Любые изменения на политической карте неизбежно вызывают интерес всех ведущих мировых СМИ. Тем более, когда эти изменения происходят в Европе, да еще в таком ключевом регионе этого континента, как Причерноморье.

В последних материалах «Вашингтон пост» Крым выглядит уже даже не потенциальной, а реальной горячей точкой, хотя некоторые эксперты и подчеркивают практически бескровный характер «завоевания полуострова» Россией. При этом чаще всего события в Крыму сравниваются с российско-грузинской войной, случившейся в августе 2008 года. Иначе говоря, по мнению многих экспертов, в Крыму был реализован юго-осетинский сценарий развития событий в его бескровном инварианте.

«Вашингтон пост» признает, что большинство крымчан поддерживают воссоединение с Россией в силу целого ряда причин – исторических, культурных, языковых, экономических. Однако в то же время издание обращает внимание на крымскотатарский фактор, утверждая, что большинство представителей этого народа выступают против воссоединения с Россией.

События в Крыму видятся экспертам издания как часть геополитического противостояния между Западом и Россией. Особую роль в этом противостоянии, уверены авторы газеты, играет президент России Владимир Путин, пытающийся «восстановить советскую империю».

При этом симпатии абсолютного большинства политиков, политологов, историков, журналистов, выступающих на страницах «Вашингтон пост», находятся на стороне Украины и ее западных союзников, что проявляется и в оценочных суждениях репортеров, и в подборе экспертов. Объяснение тому – прежде всего, их принадлежность к Западному миру с его сложившимися антироссийскими стереотипами.

Перспективы дальнейших исследований.

Как уже говорилось, в свете последних событий актуальность и перспективность темы этого исследования выглядят очевидными. Поэтому, естественно, работа будет продолжаться. В спектр исследования обязательно попадут другие американские печатные СМИ – The New York Times, The USA Today, The Wall Street Journal, The Chicago Tribune. Более тщательному анализу подвергнутся многие аспекты проблемы, лишь заявленные в этой статье. Кроме того, можно уверенно говорить о том, что крымская тема не будет сходиться со страниц американских газет как минимум на протяжении ближайших месяцев, а может быть и лет. И значит, в поле нашего внимания будут попадать все новые и новые тексты.

Список литературы

1. Associated Press. Ukraine finds new hero in besieged base commander / Associated Press // The Washington Post. – 27.03.2014.
2. Associated Press. Crimea's Tatars condemn annexation, seek autonomy / Associated Press // The Washington Post. – 29.03.2014.
3. Ayres William. For kin or country: Why the Crimea crisis is not about a Greater Russia project / W. Ayres, S. Saideman // The Washington Post. – 06.03.2014.
4. Constable Pamela. In Crimean capital, dueling rallies offer a study in contrasting narratives, ambitions / P. Constable // The Washington Post. – 10.03.2014.
5. Constable Pamela. Crimea's Tatars brace for Russian annexation / P. Constable // The Washington Post. – 13.03.2014.
6. Constable Pamela. Crimeans begin to consider the real benefits and costs of joining Russia // P. Constable, C. Morello // The Washington Post. – 14.03.2014.
7. Constable Pamela. In Crimea, a swell of patriotism, but what is to follow? / P. Constable // The Washington Post. – 19.03.2014.
8. Cohen Eliot. Putin's power play in Ukraine / E. Cohen // The Washington Post. – 03.03.2014.
9. Cohen Richard. Putin's folly in Crimea / R. Cohen // The Washington Post. – 04.03.2014.
10. Dionne E.J. Can Putin's power grab in Crimea bring us together? / E.J. Dionne // The Washington Post. – 20.03.2014.
11. Faiola Anthony. Two cities embody Ukraine's tug of war between East and West / A. Faiola, C. Morello // The Washington Post. – 11.03.2014.
12. Gessen Masha. Russia is remaking itself as the leader of the anti-Western world / M. Gessen // The Washington Post. – 31.03.2014.
13. Hadley Stephen. Putin's takeover of Crimea is part of a larger strategy / S. Hadley, D. Wilson // The Washington Post. – 03.03.2014.
14. Harness Tiffany. What's going on in Crimea? / T. Harness // The Washington Post. – 25.03.2014.
15. Ignatius David. Putin's error in Ukraine is the kind that leads to catastrophe / D. Ignatius // The Washington Post. – 03.03.2014.
16. Ignatius David. What we learned in Crimea / D. Ignatius // The Washington Post. – 19.03.2014.
17. Kontorovich Eugene. The Bloodlessness of Russia's Crimean Conquest / E. Kontorovich // The Washington Post. – 24.03.2014.
18. Krauthammer Charles. Putin's Ukraine gambit / Ch. Krauthammer // The Washington Post. – 28.02.2014.
19. Krauthammer Charles. Obama's pathetic response to Putin's invasion of Crimea / Ch. Krauthammer // The Washington Post. – 21.03.2014.

20. Krauthammer Charles. Obama vs. Putin: The mismatch / Ch. Krauthammer // The Washington Post. – 28.03.2014.
21. Meyerson Harold. Russia doesn't respect borders. Neither has the U.S. / H. Meyerson // The Washington Post. – 06.03.2014.
22. Morello Carol. Crimea solidifies ties with Russia ahead of referendum on leaving Ukraine / C. Morello, K. Lally // The Washington Post. – 07.03.2014.
23. Morello Carol. Crimeans vote in referendum on whether to break away from Ukraine, join Russia / C. Morello, P. Constable, A. Faiola // The Washington Post. – 16.03.2014.
24. Morello Carol. Officials in Yalta, Crimea, are nervous but hopeful about this year's tourism season / C. Morello // The Washington Post. – 29.03.2014.
25. Robinson Eugene. In the Ukraine crisis, the U.S. has a credibility problem / E. Robinson // The Washington Post. – 04.03.2014.
26. Saakashvili Mikheil. When Putin invaded my country / M. Saakashvili // The Washington Post. – 07.03.2014.
27. Shevel Oxana. Who are the Crimean Tatars, and why are they important? / O. Shevel // The Washington Post. – 01.03.2014.
28. Somin Ilya. Why the Kosovo "precedent" does not justify Russia's annexation of Crimea / I. Somin // The Washington Post. – 24.03.2014.
29. Stent Angela. Why America doesn't understand Putin / A. Stent // The Washington Post. – 14.03.2014.
30. Taylor William. Ukraine must exercise restraint in the face of Russian aggression / W. Taylor, S. Pifer, J. Herbst // The Washington Post. – 03.03.2014.
31. Tucker Joshua. 5 reasons I am surprised the crisis in Crimea is escalating so quickly / J. Tucker // The Washington Post. – 28.02.2014.
32. West must prepare for a long struggle with Russia (Editorial Board) // The Washington Post. – 27.03.2014.

Мащенко О. П. Воз'єднання Криму з Росією у висвітленні «Вашингтон пост» // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.302-312

У статті аналізуються публікації «Вашингтон пост», присвячені подіям, які привели до воз'єднання Криму з Росією. Протягом кількох тижнів у лютому-квітні 2014 року кримська тема була, мабуть, головною темою усіх світових ЗМІ. Автор намагається подивитися на події у Криму очима однієї з найвпливовіших газет Західного світу; реконструювати формуєний у «Вашингтон пост» образ бунтівного регіону; пояснити причини пильного інтересу видання до подій на півострові.

Ключові слова: *Крим, Україна, Росія, США, засоби масової інформації, «Вашингтон пост».*

Mashchenko O. Reunion Crimea with Russia on coverage by The Washington Post // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.302-312

The article analyzes how The Washington Post covers events which ended up with reunion Crimea with Russia.

During several weeks since February till April 2014 Crimean theme was may be the main theme for all world media. The author systematizes numerous Crimean articles of The Washington Post and tries to look at the events in the disputed region with eyes of one of the most influence newspapers in the Western world.

The article rebuilds Crimea's image formed by The Washington post and explains

reasons for media`s constant interest in this region.

The author says that in the last articles of The Washington Post Crimea isn`t a potential but a real hot spot. Most often media compares the events in Crimea with Russian-Georgian war in August 2008. On the other hand some experts underline bloodless character of Russian conquest of Crimea.

The Washington Post agrees that most of Crimean residents support reunion with Russia for some reasons – historical, cultural, language, economical. At the same time newspaper pays attention to Crimean Tatars that oppose reunion with Russia.

For The Washington Post Crimean events are part of geopolitical confrontation between West and Russia. And of course media`s sympathy belongs to Ukraine and its Western allies.

Key words: *Crimea, Ukraine, Russia, The USA, media, Washington Post.*

Поступила в редакцию 14.05.2014 г.

УДК 654.197+070

**Сучасні тенденції розвитку журналістських стандартів
на українському телебаченні**

Сорока В.М.

*Інститут журналістики Київський національний університет
імені Тараса Шевченка, м. Київ, Україна
vik2004@ukr.net*

У роботі здійснюється огляд та аналіз сучасних тенденцій впровадження європейських стандартів журналістики на українському телебаченні, а також порівнюється теоретичне та практичне розуміння стандартів у медіа просторі України.

Автор детально аналізує основні, ключові етапи, складники, особливості процесу впровадження журналістських стандартів на українському телебаченні.

Робота акцентує на тому, що стандарти теленовин маркують телеканал в цілому, виступають у ролі індикатора головних сучасних цінностей, формують передумови розвитку соціальних комунікацій.

Ключові слова: *європейські стандарти журналістики, українське телебачення, журналістська діяльність, телевізійні новини, інформаційний продукт.*

Стандарти журналістської діяльності на українських телеканалах, у цілому, та стандарти тележурналістики, зокрема, ґрунтуються на загальних вимогах універсальності знань. Сприймати таку систему знань і ефективно користуватися нею можливо лише за умови володіння фаховими практичними навичками. Очевидною є деяка суперечність між існуючою журналістською теорією і практикою, але, незважаючи на це, предмет нашого дослідження (стандарти) не втрачає своєї актуальності ані в теорії, ані на практиці. Навпаки, цей факт, певною мірою, стимулює збільшення уваги на вузлові явища, категорії, тенденції професійності журналістської діяльності. Отже, всебічне дослідження європейських стандартів, на нашу думку, дасть змогу не тільки поглибити зв'язки науки й освіти з медіаринком, але й сприятиме спробі запобігти негативним тенденціям у виробництві телевізійного інформаційного продукту.

Метою статті є огляд та аналіз сучасних тенденцій впровадження журналістських стандартів на українському телебаченні, а також визначення характерних явищ в українському медіапросторі в частині фахової підготовки майбутніх тележурналістів.

Питання журналістських стандартів на українському телебаченні не втрачає своєї актуальності і в науковому медіадискурсі. Тема досліджується у роботах М. Андрющенко, Ю. Єлісєвенка, В. Іванова, В. Качкана, С. Квіта, І. Куляса І. Машенка, А. Москаленка, М. Нагорняк, М. Недопитанського, Т. Приступенко, М. Присяжнюка, В. Різуна, В. Сердюка, Д. Теленкова, Л. Федорчук, О. Чекмишева, А. Яковця.

Окремо варто згадати західних дослідників, до чийх наукових надбань звертаються українські науковці та практики. Це Е. Фіхтеліус, З. Вайшенберг, М. Стівенс.

Очевидно, що свою неоднозначну, мінливу роль у тележурналістиці, зокрема й новинній, відіграють чинники технічно-процесуальні: редакційна політика або її

підміна гаслами рейтингів, зв'язків (або їх відсутністю) з науковими, експертними та моніторинговими центрами, а також сприяння поширенню (або ігноруванню в ЗМК) соціальних комунікацій (без обмежень, з обмеженням соціальної відповідальності мас-медіа) тощо.

Загалом сьогодні є сенс відзначити тенденцію абсолютного ігнорування сукупності всіх правил і стандартів якісних новин. Скандали, вбивства, «чорнуха», «джинса», плітки, кровопролиття і псевдорозслідування – такий акцент переважної частини інформаційних телепрограм, що працюють у форматі «Життя – суцільна катастрофа». Така втрата відчуття реальності і можливості її оцінки несе в собі загрозу суспільству, а журналісти, як показують факти, своєю непрофесійною діяльністю цьому сприяють. Хоча насправді журналістська діяльність, «журналістське розслідування – це мистецтво відбирати право на володіння реальністю в сильних світу цього» [5, 154].

Розглянемо окремі вузлові явища та тенденції, які, варто відзначити як істотні та характерні для українського телебачення. Вони тісно взаємопов'язані один з одним, а часто й взаємозалежні та доповнюють одне одного.

Вузловим явищем є те, що на сучасному етапі свого становлення, телебачення об'єктивно втрачає позиції оперативності порівняно з інтернет-медіа та різного роду соціальними мережами (новітні медіа та комунікаційні технології). Чере це телевізійні новини починають втрачати суто інформаційні риси, а дедалі частіше отримують версифікацію інформаційно-аналітичного жанру, беручи саме нове повідомлення лише за інформаційний привід. Наприклад, інформація про те, що в Черкасах за порятунку на воді треба буде сплачувати, з'явилася в інтернет-медіа 12 червня 2012 року. Новина про це на телеканалі ICTV у ранковому випуску програми «Факти» з'являється 19 червня, тобто рівно за тиждень.

З іншого боку, сучасні технології дають змогу вести прямі включення безпосередньо з місця події. Чіткого визначення поняття прямого включення немає. Однак його визначають як телевізійний інформаційний жанр, головне завдання якого дати глядачеві відчуття, ніби він перебуває на місці події і отримує найоперативнішу інформацію. Пряме ввімкнення здійснюється за допомогою пересувної телевізійної станції (ПТС). Журналістський матеріал для прямого включення пишуть і монтують прямо на місці події, а сам кореспондент виходить на зв'язок зі студією під час випуску новин. Тоді на екрані з'являється плашка «наживо» чи «прямий ефір», чим аудиторію сповіщують про те, що все відбувається саме в цей момент і на цьому місці.

Та попри те, що сьогодні технології дають можливість максимально наблизити глядача до реального, не переказаного, не віртуального перебігу подій, стандарт чесності з глядачем не дотримується. Дедалі частіше журналісти вдаються до фальшивих прямих включень, записаних заздалегідь чи в студії, що також є порушенням стандартів як оперативності, так і достовірності.

Водночас прямі включення не забезпечують інших стандартів, таких, як баланс думок, повнота інформації та відокремлення фактів від коментарів. Баланс реального і стандартного має в сучасних умовах такі межі: телеглядачів у жодному разі не можна вводити в оману тим, що вони бачать і чувають у програмі, а отже, застосування поставлених сцен і монтажу не повинні перекручувати події й хибно їх висвітлювати [3].

Фактично кожен канал має свій стиль, свій імідж, свою манеру, але при цьому він має керуватися європейськими стандартами теленовин,

Свого часу, саме завдяки тому, що було змінено стандарти випуску теленовин, канал «1+1» став передовим каналом українського медіасвіту. Як писав у 1998 році дослідник тележурналістики Ігор Слісаренко, «ТСН відмовилася від концепції протокольних вістей і від місцевих політичних новин, переорієнтувавшись на те, що

аудиторія – це пересічний громадянин. Тому канал почав керуватися гаслом «the news you can use» – новини, якими ви може скористатися, новини, які зачіпають гаманець і шлунок глядача, що разом із тим змінило стандарти випуску новин. Програма «ТСН» за короткий час після переформатування опинилася першою в рейтингу інформаційних телепередач. Однак уже через десять років ситуація змінилася: рейтинги каналу впали, теленовини дедалі частіше повідомляли «чорнушні» та «замовні» матеріали. Сьогодні програма обрала гасло «ТСН» вражає» і дотримується цього формату. Зокрема, верстка випуску програм, здебільшого, складається з сенсацій та повідомлень кримінального характеру. Така тенденція зберігається протягом останніх років. Причому інші канали «Україна» та навіть СТБ намагаються підхопити таку тенденцію, виправдовуючись тим, що це і є потребою глядача, бо це підтверджують рейтингові дослідження.

Візьмімо для прикладу контент основного випуску ТСН за 22 лютого 2013 року. Із 19 матеріалів у 3-х – розповідають про кримінал: стрілянина в Києві, вбивство дитини та озброєний напад на житомирянку (при цьому всі три «чорних» сюжети втиснули у першу половину випуску); ще у 3-х – розповідають про порятунок тварин (папуг, акулу з «Оушен Плази» та мешканців київського зоопарку).

Загалом із 19 сюжетів у випуску б – про вбивство, насильство, катування, кримінал. Решта «жовті» новини про зустріч коханки і дружини, про порнографію, вовка, якого викрали із столичного кафе тощо. Таким чином, половина випуску інформаційної програми (і така тенденція спостерігається в кожному випуску) – це дайджест кримінальної хроніки та пліток, інтриг і «бантиків» (так називають сюжети, які слугують легкою приємною окрасою новинної програми). Тут доречно апелювати до аудиторії і навчати її тому правилу, що «ми не можемо довіряти радіо-та телемовленню, бо вони в більшості випадків відверто демонструють, що ціна реклами важливіша для них, аніж цінність новин» [5, с. 131].

Помітно змінився формат програми «Вікна» на СТБ, що позиціонувала себе як незаангажована, проукраїнська інформаційна програма з чіткою громадянською позицією. Від інформування залишилися лише випуски «Вікон», які неодноразово готували сюжети з ознаками цензури та «чорнухи». Окрім того, варто зазначити, що сьогодні «Вікна», як і «ТСН» роблять ставку на сенсаційні матеріали, які подразнюють почуття аудиторії. Серед матеріалів переважають сюжети, якими команда намагається здивувати аудиторію. Якщо «ТСН» - «вражає», то «Вікна» «дивують». Це цікаві, іноді дивні історії. Як от, у випуску за те ж саме 22 лютого 2013 року виходить матеріал: «З Латвії з'явилося відео падаючого небесного тіла», «На Луганщині зупинили росіянина з папугами, заліпленими скотчем», «В Індії одночасно вибухнули 2 бомби». Так само 21 лютого у годину прайм-тайм виходить сюжет про вовка, що жив біля гідропарку, а тепер зник. Хронометраж сюжету – 2 хв. 46 сек. Та попри все якомога більше лайфів, цікава подача та кумедні заголовки – це пріоритет «Вікон», що вигідно відрізняє їх від інших інформаційних програм. Так, під заголовком «Мистецтво длубання» виходить матеріал про художницю, що викладає картини з кісток із риби (28 січня 2013р.). «Затримка» – під таким заголовком виходить сюжет про Верховну Раду (21 лютого 2013р.).

При цьому на офіційному сайті зазначається, що «Вікна-новини» зорієнтовані на інтелегентну, інтелектуальну аудиторію глядачів, котра цінує об'єктивний погляд журналістів і створені ними оригінальні сюжети на найактуальніші теми. Така офіційна заява абсолютно не відповідає дійсності.

Інформаційна програма «Події» на каналі «Україна» також робить акцент на катастрофах, скандалах, криміналі. Підтвердженням тому, окрім власне контенту, є остання промо-кампанія програми. На офіційному сайті, і по всій столиці на білбордах рекламують програму «Події» так, ніби це програма про катастрофи.

Марина Кухар зображена на тлі смерчі, у Євгена Міхіна за спиною ідуть бойові дії, Олександр Мозговий розповідає про корабельну аварію та рятувальну операцію. При цьому слоган кампанії: «Новини, що змінюють світ».

Перший національний як державний канал був створений для повідомлення новин, що важливі для захисту державних, національних, суспільних інтересів, але перетворився на такий, що обслуговує винятково державні органи влади, насамперед Президента, Кабінет Міністрів, Верховну Раду. Як відзначає дослідниця телебачення М. Андрющенко [4], саме через провладну заангажованість та неприховану однобічну орієнтацію новин тривалий час канал мав невисокий рейтинг. Проте з часом на каналі з'явилася тенденція до виготовлення якіснішого медіапродукту. На телеканалі з'явилися продукти виробництва Німеччини, Франції та інших країн.

Та все ж сьогодні Перший національний канал і відповідно інформаційна програма «Новини» сприймається як ресурс, головною функцією якого є обслуговування влади, зокрема адміністрації Президента України та Кабінету міністрів. Новини на цьому каналі офіційні, сухі і не розраховані на українського глядача. Журналісти фактично ніколи не дотримуються стандарту збалансованості інформації та нейтральності позиції. Інформаційна програма тут – це абсолютно протилежна крайність у порівнянні з іншими каналами. У контексті цієї інформаційної програми прийнято називати «паркетом», що означає заплановану, заздалегідь вироблену офіційну фабулу події і відповідно «сухість» сюжету.

Новини на каналі «Інтер» – «Подробиці» – на різних етапах свого розвитку стилістично, тематично та візуально були схожими на невдалу копію радянської, а потім російської програми «Время» на російському каналі «ОРТ». Власне, за рахунок цього програма тривалий час і зберігала відповідну аудиторію. Ще одна характерна риса «Подробиць» – великі блоки зарубіжної інформації. Про таку рису як про ознаку імперського телебачення за часів В. Брежнєва пише Д. Жарких, зазначаючи, що фактично половину всієї інформації на телебаченні складав міжнародний блок новин, і це таким чином звужує рамки для обговорення внутрішніх проблем [6].

Однак тривалий час програма демонструвала свою політичну заангажованість, що є порушенням стандарту новин. Власне ця риса і відштовхнула значну частку аудиторії. Хоча наприкінці 2012 року тенденції висвітлення подій в Україні на «Інтері» змінилися, редакція демонструвала відверту критику уряду. У випусках з'явилися нові теми, нові позиції та погляди, більш гострі та проблемні.

На тлі всеукраїнських інформаційних програм виділяється програма «Факти» на каналі «ICTV». Вона зберегла класичну форму подачі інформації, і саме ця риса виокремлює її серед інших. Гасло програми: «Факти для людей і про людей». Редакційна політика програми сповідує принцип оперативно, але якісно не вражати, а повідомляти новини. При цьому верстка випуску новин не позбавлена сенсаційних матеріалів. Огляд верстки випусків свідчить про те, що журналісти прагнуть показати реальну і повну картину дня, наприкінці якого зберігається адекватне відчуття реальності і віри в наступний день. Одним з важливих принципів програми є позиція – «Для людей і про людей». Хоча водночас у «Фактах» часто тут присутня відверта провладна позиція, що також є, звичайно, відхиленням від стандарту, а подекуди й його порушенням.

За невиконання норми будь-якого Закону України має наступати відповідальність будь-якого медіаканалу – юридично будь-коли. Чинна влада демонструє зазначені механізми «повсюдно і привселюдно». За недотримання ж стандартів вироблення медіапродуктів (теленовин) ми не отримуємо своєчасних рішучих, справедливих дій влади, суддів, прокурорів та ін. Відповідно закономірними супутниками стандартів (до прикладу теленовин) є інститути (зокрема і норми, функції, досвід...) телекритики,

медіаосвіти, телевізійного моніторингу, громадських рухів та професійних дій медіапрацівників тощо.

Як називати розглянуті нами стандарти – «європейські» чи «українські» – питання швидше термінологічне. В жодному разі це не зменшує вагомість цих стандартів. Значущими і домінантними є питання відповідності стандарту, умови критики і самокритики, доступні засоби моніторингу і оцінки, систематичні регуляторні дії як професійних медіагруп, так і аудиторії – громадян України. Бо від вміння дотримуватися базових стандартів журналістами залежить в кінцевому результаті формування в багатомільйонній аудиторії правдивого й об'єктивного чи потворного й хибного уявлення про події в Україні та світі і про їхні результати чи наслідки для розвитку суспільства, вони формують і громадську думку загалом, визначають загальну атмосферу і тенденції суспільного розвитку чи занепаду.

Список літератури

1. Кодекс професійної етики українського журналіста [Електронний ресурс] / Приступенко Т. О. // Етичні та правові засади діяльності засобів масової інформації. – Режим доступу: http://pidruchniki.ws/14940511/zhurnalistika/zvernennya_zhurnalistskoyi_initsiativi_zhurnalisti_chisti_vibori#629
2. Міжнародна декларація принципів поведінки журналістів [Електронний ресурс] // Національна спілка журналістів України [сайт]. – Режим доступу: http://www.nsju.org/tabmenu/kodeks_etiki. – Назва з екрана.
3. Редакційні принципи Бі-Бі-Сі для авторів випусків новин та інформаційних програм [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://pidruchniki.ws/16520205/zhurnalistika/dodatki_teoriya_zhurnalistiki
4. Андрущенко М. Іміджеві імперативи українського телебачення : монографія / М. Ю. Андрущенко ; Київський національний ун-т ім. Тараса Шевченка. - К. : Щек, 2008. - 216 с.
5. Ассанж Д. Неавторизована автобіографія / Джуліан Ассанж. – К. : Темпора, 2012. – 368 с.
6. Жарких Д. Інформаційна безпека. Витоки міфотворчості / Денис Жарких // День. – 2000. – № 206.

Сорока В.Н. Современные тенденции развития журналистских стандартов на украинском телевидении // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации» – 2014. – Том 27 (66). № 1. Ч.1 – С. 313-318

Работа посвящена обзору и анализу современных тенденций развития журналистских стандартов на украинском телевидении, а также сравнению практического и теоретического понимания стандартов в национальном медианпространстве.

Автор детально анализирует основные, ключевые этапы, составляющие, особенности процесса продвижения журналистских стандартов на украинском телевидении.

Работа акцентирует на том, что стандарты теленовостей маркируют телеканал в целом, выступают в роли индикатора главных современных ценностей, формируют условия развития социальных коммуникаций.

Ключевые слова: *стандарты журналистики на телевидении, журналистская деятельность*

Soroka V. M. The standarts of journalism on ukrainian television // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.313-318

The article is a review and analysis of current trends in journalistic standards on Ukrainian television. It's a comparing theoretical and practical understanding of standards in the national mass media.

In the article is carried out a review and analysis of contemporary trends of the implementation of the European standards of journalism on Ukrainian television, as well as compares theoretical and practical understanding of the standards in the media space of Ukraine.

The author in detail analyzes key, the key steps components, special features of the process of implementation of journalistic standards on Ukrainian television.

The article focuses on the fact that the standards of news mark the channel as a whole, act as the main indicator of modern values, form the preconditions for the development of social communication.

Keywords: *standards of journalism on television, journalism*

Поступила до редакції 13.05. 2014 р.

РАЗДЕЛ 8. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821. 161. 1-31+801.631.5

Авангардное в поэтике «Нового Горького» (портрет в романе «Жизнь Клима Самгина»)

Белова Е. А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Республика Крым
belova-elena@mail.ua*

В статье исследуется авангардная составляющая портретных характеристик в последнем романе Горького, указывается на геометрические и вещные детали, анималистические черты в описании персонажей. Делается вывод о родстве изобразительных принципов писателя литературному и живописному авангарду и, таким образом, уточняется содержание понятия «новый Горький».

Ключевые слова: «новый Горький», поэтика, портрет, литературный авангард, авангардная живопись.

Постановка проблемы. За творческим методом Горького 1920-30-х годов в литературоведении закрепилось понятие «новый Горький». В отличие от привычного для его прежней манеры реализма (с уклоном в натурализм), в прозе указанного периода реальность взаимодействует с мифом, галлюцинацией, с самыми экспрессивными формами художественной условности. Но что понимали современники писателя под «новым Горьким»? А.К. Воронский в этой связи писал об отношении к слову, доведенном «до высочайшей строгости» [2, с. 36]. Л. Войтовский на страницах «Нового мира» тоже не расшифровывал смысла «новизны» горьковской манеры, отмечал только, что Горький «пишет сейчас превосходные вещи» и «войдет в мировую литературу не с начала своей деятельности, а с конца» [11, с. 147]. Но уже В. Шкловский в статье «новый Горький» (1924) указывал на вдруг обнаружившуюся у писателя склонность к бессюжетности, немотивированному поведению героев, на то обстоятельство, что Горький с некоторых пор предпочитает роману — мемуары, а наброски и всякого рода заготовки — новелле и рассказу [12, с. 203]. Модернистскому компоненту у автора «Самгина» в советском горьковедении уделял много внимания А. И. Овчаренко [11, с. 46]. И наконец, А. Коровашко, говоря о художественном мышлении Горького, использует термин «авангард» и вслед за В. Шкловским отмечает присущую этому направлению заумь, находит ее примеры уже в пьесе «На дне», повестях «Детство» и «В людях». Влияние авангардной поэтики ощутимо и в романе-завещании Горького, но тема эта до сих пор не поднималась в исследовательской литературе. Между тем соответствующий анализ позволяет уточнить, конкретизировать содержание понятия «новый Горький».

Цель статьи — показать авангардное начало в поэтике портретных описаний «Жизни Клима Самгина».

На заре русского литературного авангарда Велимир Хлебников писал: «Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью» [10, с. 11]. Живописный же авангард, как

известно, тяготел к геометрическим формам. Авангардисты, как пишет Б. Гройс, исследовали саму суть предмета, выявляли скрытые «изначальные» геометрические формы, не дублировали внешнюю реальность, а заново воссоздавали её: «эти формы символизируют чистую реальность, так как они необъективны в эмпирическом смысле и не субъективны в психологическом смысле» [7, с. 68]. Бердяев отмечал иной путь преобразования обычной реальности в авангардную: «Нарушаются границы бытия, все декристаллизуется, расплывается. Человек переходит в предметы, предметы переходят в человека, один предмет переходит в другой предмет, все плоскости смещаются, все планы бытия смешиваются» [1, с. 9].

Для живописного авангарда характерны следующие особенности: установка на эксперимент, игра с цветом и формой; отказ от миметического воспроизведения действительности; иррациональность, карикатурность, схематизм изображения; стилевой анахронизм [8, с. 22; 24; 35].

Реальность, которую создает Горький в «Жизни Клима Самгина», во многом остается привычной, но в портретных характеристиках при более детальном их изучении нельзя не обратить внимания на геометрические черты и акцентологические эпитеты.

Многие персонажи романа обладают сферической формой — это уже не люди, а огромные шары, разной формы и консистенции. Люди-сферы движутся на полотне плавной, перекатываясь из одного состояния в другое, контактируя с другими сферическими созданиями.

Часто транслируемые эпитеты, характеризующие персонажей — «пузырь», «круглый», «шар», «круг», «сфера». Клим — центр Вселенной в произведении, герои вращаются вокруг него как планеты, и с каждой новой встречей они все более «раздуваются», примерами могут служить фабрикант Варавка, отчим Клима «...сидел небрежно развалив тело свое в плетеном кресле, вытянув короткие ноги, сунув руки в карманы брюк, - казалось, что он воткнул руки в живот свой. Слушая, он надувал багровые щеки <...> Ступни у него были овальные как блюда для рыбы» [3, с. 123; 14]. Его лицо, *надутое, как воздушный пузырь*, казалось освещенным изнутри красным огнем, а уши были лиловые, точно у пьяницы... *вздвигшийся, как огромный пузырь*, синее лицо его, похожее на созревший нарыв, лоснилось, медвежьи глаза смотрели тускло, и было в них что-то сонное, тупое <...> борода лежала на *животе, который поднялся уже к подбородку его*» [4, с. 276]. Тот же геометрический принцип лежит и в основе портретной характеристики Ивана Дронова: «*кругленький Дронов в кургузом сюртучке...коротенький, круглый, он, с папиросой в зубах, напоминал о самоваре...*» [3, с. 39; 117]. Он обрил голову, уничтожил усы, красное лицо его *опухло, раздулось, как пузырь* <...>» [5, с. 145]; Захар Бердников, едва ли не главный романский злодей, — «*шарообразная фигура* <...> *красноватый пузырь лица* <...> Подняв рюмку к носу, он понюхал ее, и лицо его сморщилось в смешной, почти бесформенный *мягкий комок*» [6, с. 369; 72]. У первого учителя Клима, Томилина «под глазами вздуты синеватые *пузыри, бритые щеки тоже пузырились*» [6, с. 265]. И наконец, Степан Кутузов, герой, которого Горький противопоставляет Климу, по характеристике Макарова, тоже круг. «Макаров обеими руками очертил в воздухе *круг*. — *Сферический человек. Как большой шар*, — не возьмешь, не обнимешь» [5, с. 46].

Горький округлял не только значимых персонажей, но и тех, кто появлялся в сюжете романа лишь однажды, Там и сям мелькают у него сферические герои — прохожие («По тротуару величественно плыл большой *коричневый ком сгущенной скуки*, — пышно одетая женщина вела за собой мальчика в матроске» [4, с. 476]); рабочий на собрании («говорила чья-то *круглая, мягкая спина* в измятой чесунче <...>» [4, с. 530].

Но персонажи Горького могут характеризоваться не только абстрактным понятием «сфера», иногда они имеют вполне конкретный округлый образ: «тыква», «арбуз», «яблоко», «яйцо». Хозяин кирпичного завода похож «на уродливую *тыкву*» [4, с. 491], Неелов одет «в темно-серый мохнатый костюм, очень ловко сокращавший действительные размеры его *животика, круглого, точно арбуз*» [5, с. 57]. Лицо мецената Шемякина похоже «на *огромное румяное яблоко*» [6, с. 194]. Анюта запечатлена перед зеркалом: она стояла «голая, точно *куриное яйцо*» [6, с. 76].

Сферические формы приобретают вполне конкретные очертания повседневных предметов «бильярдный шар», «мяч», «самовар», «бутыль», «глобус», «бочка»: Максим Ряхин описывается как «широкоплечий, малоголовый, с коротким туловищем на длинных, тонких ногах, *с животом, как самовар*» [4, с. 601], «Безбедов торчал на крыше... нелепая *фигура* его в неподпоясанной блузе и широких штанах была *похожа на бутылку, заткнутую круглой пробкой* в форме головы» [5, с. 255], «его прогнал вежливый, коротконогий и *кругленький* человек, *с маленькой головкой, блестящей, как бильярдный шар*» [6, с. 121], «Томилин... встал и *оказался похожим на бочку*, облеченную в нечто темносерое, суконное, среднее между сюртуком и поддевкой» [8, с. 266], «тощий, но *с круглым, как глобус, брюшком* стоял на длинных ногах <...> обращал на себя внимание еще и тем, что имел нечто общее с длинным, *пузытым кувшином*, который возвышался над его плечом» [6, с. 403].

Примечательно, что, когда речь идет о людях, состоящих на государственной службе, выполняющих приказы власти, повторяется образ мяча: у прокурора Тагильского «лицо, надутое, выпуклое, как *полушарие большого резинового мяча*» [6, с. 45]. Солдаты кажутся Самгину, «измятыми и пустыми, точно *испорченные резиновые мячи*» [4, с. 255]. Все эти «мячи» не имеют своей воли, катятся по приказу. Полицейские города — что-то среднее между каменными шарами и самоварами: «однообразно круглые лица их казались каменными; тела, от головы до ног, напоминали о самоварах, а ноги были лишние для всадников» [3, с. 188].

Реальность, описываемая Горьким, часто оборачивается хаосом, фигуры людей расплываются, де-кристаллизируются, как на полотнах художников-авангардистов: «*ряса колыхалась, струилась, как будто намеренно лишая фигуру попа определенной, устойчивой формы*» [4, с. 532], «(Красин) волосы на щеках лежали гладко, бессильно, концами вниз, так же и на верхней губе, на подбородке они соединялись в небольшой *клин*, и это придавало лицу странный вид: как будто все оно *стекало вниз*» [6, с. 124]. В последнем описании совместились оба авангардных принципа — и геометризм (клин — тот же треугольник), и деконструктивизм (треугольник на глазах теряет свою четкую форму, стекает, растворяется). Как это бывало у Пикассо, Горький создает динамический портрет, совмещает в одном изображении несколько: «Самгин видел пред собою голый череп, круглое лицо с маленькими глазами, оно светилось, как луна сквозь туман; раскалывалось на *ряд других лиц*, а эти *лица снова соединялись в жуткое одно*» [4, с. 534]. Вместе с тем писатель в полной мере использует динамические возможности именно словесного искусства, не просто сопоставляет в своих портретах разные ракурсы одного лица, но создает описание, которое можно было бы определить как портрет-процесс: «Поп все кричал, извиваясь, точно его *месили, как тесто, невидимые руки*» [4, с. 260].

Одна из наиболее важных деталей портрета для Горького — глаза персонажа, по мнению Самгина, «глаза — это мозг вывернутый наизнанку». Метафорические определения глаз героев помогают понять их внутренний мир, саму суть характеров. В этом случае правдоподобие всё чаще уходит на второй план, а основополагающим принципом являются животная символика. У героев романа «глаза совы» (Ржига), «медвежьих глаза» (Варавка), «свиные глазки», «собачьи глаза» (Тагильский), «птичьи глаза» (Бердников), «рачьи глаза» (Бердников, поручик Трифонов), «котовы глаза»

(Шемякин), «зрачки хорька» (Ногайцев), «овечьи глаза» (Рушиц-Стрыйский), «глаза быка» (Дмитрий Самгин), «воловьи глаза» (Воинов). Реже встречается знаковая символика: «глаза узенькие, как два тире» (Варавка), «глаза были как цифра 8» (Коровин). Необычна в этом случае бывает и символика цвета: «седые глаза» (полицейский), «глаза янтарного цвета» (Муромский), «желтые глаза» (вахмистр), «выцветшие мокрые глаза» (Прозоров), «желтые фосфорические глаза» (Ногайцев), «цвета ржавого железа» (Понормов), символика материи: «фарфоровые глаза» (Томилини), «оловянные глаза» (солдаты), «бархатные, но металлические глаза» (Тося), «медные глаза» (Ерухимович), «глаза из стекла» (Самгин). Наконец, и в этом случае у Горького присутствует символика разрушения: «вывихнутые глаза» (Лютков), «раздерганные рыжие глаза» (Дронов). На фоне подчеркнуто нетрадиционных определений в романе выделяются не столь частые привычные описания глаз, указывающих на нравственную или интеллектуальную природу человека: «детские глаза» (Корнев), «глаза подростка» (Диомидов). Главный герой однажды подумает о себе: «Глаза мыслителя», но это хвастливое замечание сопровождается авторской ремаркой: «Он прищурил их, глаза стали *нормальнее*» [6, с. 135].

Кроме многочисленных почти футуристических описаний в романе встречаются и портреты умеренно-картинные. «Уходящая натура» сравнивается с высохшими деревьями: «дед Аким — высокий, сутулый и скучный, как засохшее дерево. У него длинное лицо в двойной бороде от ушей до плеч <...> глаза деда заросли серыми бровями. Его длинные ноги не сгибаются (*ствол дерева*), длинные руки с кривыми пальцами шевелятся нехотя, неприятно (*ветви*), он одет всегда в длинный, коричневый сюртук, обут в бархатные сапоги на меху и на мягких подошвах (*корни дерева*)» [3, с. 17]. То же сравнение лежит в портрете угасающей жены Варавки - Глафиры: «издали лохматая голова женщины была похожа на узловатый обугленный корень дерева» [3, с. 37].

Выводы. Анализ портретных описаний в итоговом романе Максима Горького позволяет заметить, что здесь значительную роль играют авангардные принципы. Для горьковских зарисовок характерны эксперимент, геометрическая фигурность, черты абсурда (соединение в человеческом лице чужеродных ему элементов из мира живой и мертвой натуры), игра форм, деструктивность, частичный отказ от миметического воспроизведения действительности. Все эти отступления от реалистической поэтики носят не единичный, а системный характер и указывают на необходимость сопоставления социально-философского подтекста романа с идейными устремлениями русского авангарда, что определяет перспективы исследования.

Список литературы

1. Бердяев, Н. Кризис искусства / Н. Бердяев. – М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. – 52с.
2. Воронский, А. Искусство видеть мир: портреты, статьи/ А. Воронский. – М.: Художественная литература, 1997. – 297с.
3. Горький, М. Собрание сочинений в 25 т. / Горький М. – М.: Наука, 1974. – Т. 21. – 574с.
4. Горький, М. Собрание сочинений в 25 т. / Горький М. – М.: Наука, 1974. – Т. 22. – 685с.
5. Горький, М. Собрание сочинений в 25 т. / Горький М. – М.: Наука, 1975. – Т. 23. – 414с.
6. Горький, М. Собрание сочинений в 25 т. / Горький М. – М.: Наука, 1975. – Т. 24. – 589с.

7. Гройс, Б. Русский авангард по обе стороны «черного квадрата» // Вопросы философии. – №11, М., 1990. – с.59-76.
8. Искусство: учебно-методическая газета для учителей МХК, музыки и ИЗО. – М.: Издательский дом «Первое сентября». – № 5/6 – 47с.
9. Коровашко, А. В. М. Горький и В. Шкловский // М. Горький и XX век. – Горьковские чтения – 1997, Н. Новгород, 1998. – 482с.
10. Малевич, К. Супрематизм //Каталог десятой государственной выставки. Беспредметное творчество и супрематизм. – М., 1919. 44с.
11. Овчаренко, А. И. М. Горький и литературные искания XX века / А. И. Овчаренко. – М. : Советский писатель, 1978. – 510с.
12. Примочкина, Н. Н. Писатель и власть / Н. Н. Примочкина. – М.: Росспэн, 1998. – 338с.

Белова О. О. Авангардне у поезици «Нового Горького» (портрет у романі «Життя Клима Самгіна») / О. О. Белова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.319-323

У статті досліджується авангардна складова портретних характеристик в останньому романі Горького, вказується на геометричні та речові деталі, анімалістичні риси в описі персонажів. Робиться висновок про спорідненість образотворчих принципів письменника літературному і мальовничому авангарду і, таким чином, уточнюється зміст поняття «новий Горький».

Ключові слова: «новий Горький», поезика, портрет, літературний авангард, авангардний живопис.

Belova E. Avant-garde Poetics of "New Gorky" (Portrait in the Novel "Klim Samgin's Life") / E. Belova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.319-323

The article investigates the component of avant-garde portrait characteristics in the Gorky`s last novel, specified geometrical and proprietary parts, animalistic traits in the description of the characters. Concluding kinship visual principles of writer and literary and picturesque avant-garde, thus clarifies the concept of "new Gorky". Reality of the novel interacts with the myth, hallucination, with the most expressive forms of artistic convention. The avant-garde poetics of the novel most clearly manifests itself in the genre of portrait. Portrait characteristics created under the strong influence of the picturesque tradition avant-garde (experiment, geometrism, deconstruction, schematic image, caricature, irrationality, dynamic portrait mimetic reproduction of reality, the features of the absurd, the game of forms, destructiveness). Particular attention is paid to the characteristics of the portrait with geometric features and accentual epithets. The author uses the principles of avant-garde systematically, so the socio-philosophical subtext of the novel is necessary to compare with ideological attitudes of Russian avant-garde.

Keywords: "New" Gorky, poetics, portrait, literary avant-garde, avant-garde art.

Поступила в редакцію 09.05.2014 г.

УДК 821.161. 1-3 «19»

**Достоевский в социально-философском подтексте сказа Л. Леонова
«Деяния Азлазивона»**

Борисова Л.М., Борисов П.Б.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Республика Крым
borisova@crimea.com pasha281291@inbox.ru*

На примере одного из ранних произведений Л. Леонова в статье доказывается оппозиционность молодого автора идеологическим основам советской литературы. В качестве шифра леоновской тайнописи рассматриваются идеи и образы «Записок из Мертвого дома» Достоевского. Связь с Достоевским обнаруживается у Леонова и на жанровом уровне, отмечается склонность обоих авторов к житийному канону. Мотивы и образы «Записок из мертвого дома» позволяют заметить в «Деяниях Азлазивона» признаки лагерной прозы.

Ключевые слова: советская литература, тайнопись, подтекст, кризисное житие, лагерная проза, Л. Леонов, Достоевский.

Постановка проблемы. В литературоведении последних лет, в отличие от перестроечного периода, творчество Л. Леонова 1920—30-х годов уже не рассматривается как эталон соцреализма. Как показано в работах М.М. Голубкова, С.И. Сухих, Захара Прилепина [см. также: 3], писатель только имитирует нормативы соцреализма. Глубиной и серьезностью философской проблематики Леонов выламывается из соцреалистической системы. Молодой автор приспособился к господствовавшей в обществе советской фразеологии, но при этом сравнительно свободно выражал свои (порой весьма смелые, даже опальные, с точки зрения большевистской идеологии) мысли благодаря особому методу шифров. Позднее он сам признавался исследователям о наличии в его романах скрытой, второй композиции, несущей особую смысловую нагрузку [12, с. 389], о том, что главные идеи собраны у него на уровне «пятой горизонтали» [6, с. 427]. Ключом к его шифрам чаще всего являются различные религиозно-философские учения и произведения художников-мыслителей, среди которых первым по значимости для Леонова всегда был Достоевский.

О влиянии на молодого автора Достоевского писали уже первые критики леоновской прозы. За долгие годы ее изучения появился не один десяток трудов на эту тему, но при этом она осталась далеко не исчерпанной. Многие параллели морально-этического, религиозно-философского характера, ключевые для обоих авторов, требуют дополнительного осмысления. «Деяния Азлазивона» (1921), одно из самых первых произведений Леонова, увидело свет последним, уже после смерти писателя, и пока имеет скромную исследовательскую историю. Стилистически («Деяния Азлазивона» — сказ) оно скорее свидетельствует о творческом родстве с Лесковым и, казалось бы, не дает оснований подозревать влияние Достоевского. Тем не менее, как будет показано дальше, уже здесь можно найти свидетельства диалога автора с особенно почитаемым им классиком.

Цель данной работы — указать на жанровые соответствия и переклички жанрового, религиозно-этического и философского порядка в «Записках из Мертвого дома» Достоевского и «Деяниях Азлазивона» Леонова.

В свое время леоновский сказ был запрещен цензурой. В начале 1920-х годов «в обществе, хотя и объявившем себя безбожным, невозможно было скрыть основной авторский посыл: надежда на спасение покаявшихся и страх вечных мучений грешника. Лукавый прием писателя не сработал — рассказ признали идеологически опасным. У Леонова проблема спаслись ли покаявшиеся оборачивается вопросом — а были ли покаявшиеся?» [10] — пишет В.П. Польшковская. Действительно, в «Деяниях Азлазивона» лукавства достаточно. Даже простой пересказ сюжета позволяет обнаружить здесь криптограмму. История разбойника Ипата, убившего купца с женой и после этого вспомнившего о Законе, — более чем прозрачный намек на убийство, совершенное в доме купца Ипатьева, необходимое большевикам для того, чтобы узаконить свою власть. Так, между строк Леонов впервые недвусмысленно назвал новую власть разбойничьей. Позже мотив воровства, самозванства, разбоя, стал у него сюжетно и идейно организующим в романе «Вор». «Воровской», — читаем у Даля, — «стар. мошенничий, а вообще преступный, противозаконный» [4, с. 243]. В этой связи нельзя не вспомнить и прозвище Лжедмитрия — «тушинский вор».

Ударив купцову жену ножом в сердце, Ипат расколол на ее груди образок Нифонта Новгородского. «Распался его взгляд надвое, и обе закосившиеся половинки того взгляда нелюбо на Ипата глянули». Ночью герой увидел святого во сне, расценил это как знак свыше и решил уйти в лесную чащу на покаяние. За ним без долгих раздумий послушно последовала и вся его разбойничья ватага в двадцать шесть человек. Игумен Андроник (Трубачев) пишет по этому поводу: «Предмет сказа — обращение разбойника к покаянию — традиционен для христианской письменности. Различные произведения обыкновенно запечатлевали благополучный исход — разбойник каялся, жил благочестиво и становился святым» [11, с. 99]. Кроме Нифонта Новгородского, известного своим противостоянием смутам на Руси («попалитель смущающих», говорит о нем автор), сказ заставляет вспомнить и Нифонта Кипрского: в юности он предавался разгульной жизни, а после обращения вел многолетнюю борьбу с бесами. Жанровая модель кризисного жития — первое, что в «Деяниях Азлазивона» связывает Леонова с автором «Преступления и наказания». Эта модель составляет основу целого ряда произведений Достоевского. Когда в финале романа он говорит о Соне и Раскольникове: «Их воскресила любовь», то, конечно, имеет в виду ту любовь, о которой пишет апостол Павел. «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» [1: 1 Кор. 13:4-7]. В героях Достоевского явственно просматриваются житийные, восходящие к евангельским, архетипы блудницы и разбойника, воскрешенных Христовой любовью. Леонов поначалу тоже склонялся к традиционному завершению сюжета, но в окончательной редакции счел для своих разбойников спасение невозможным и вместо жития создал антижитие. (Примечательно, что роман «Вор» также существует у писателя в двух редакциях, и финал второй отличается более жесткой оценкой «падшего героя» — см. 13)

Полна иронии сама история этого коллективного, по призыву Ипата, пострига. «Мне теперича дорога под чёрный кафтырь, ухожу завтра. Кто со мной — становись сюда. Кто в мир — бери хламья, сколько в подъём возьмешь, забывай Ипата, незабытое забывай!.. Не удивленье ли! — все двадцать пять туда стали, куда Ипат указывал. Знали Ипата, любили как отца: с Ипатом ночь не в ночь, с Ипатом огонь не в огонь, а кафтырем какому не любо прошлые дела прикрыть?» [9, с. 85]. Важнейшее

решение, которое может быть только глубоко личным, разбойники принимают скопом, без долгих раздумий, по принципу: грабить — так грабить, молиться — так молиться. Сама интонация сказа выдает в данном случае бездумную удаль, похожую на ту, которую Достоевский отмечал в каторге у некоторых заключенных. Об одном из них он писал: «Ему даже показалось, что звание каторжного только еще развязало ему руки на еще большие подлости и пакости. «Каторжник, так уж каторжник и есть; коли каторжник, стало быть, уж можно подличать, и не стыдно» [5, с. 56].

Отстроив скит, приготовившись к постригу, леоновские герои нашли иерея, подходящего им по своим нравственным качествам: «Дурень он и пьянец великий, но чином удостоен... Молитвы его злы: — Да-ай, Господи, чтоб дочка у Васьки Гузова рабёночка б от заезжева молодца понесла... — По-одай ты мне, Господи, приход вроде Коноксы, только побогаче. Да чтоб протопопица-т как кулебячка была!.. — Подай, Господи, отцу Кондрату сломление ноги...» [9, с. 85]. «Замечательные» монахи очень решительно, но не очень любезно пригласили его в свою обитель: «Кинулись, закатали в тулуп, зыкнули на ухо — «заорёшь — пришибём» — вдарили по пристяжкам» [9, с. 85]. Правда, тут же Ипат и посулил горе-священнику: «Ты распоп, у мене ж поп будешь, службу нам будешь водить. Маши себе кадилом, а я тебя спасу» [9, с. 85].

При постриге леоновский Ипат получил новое имя — Сысой, надо полагать, в честь Сисоя Великого — святого, который верил, что искренне раскаявшийся будет прощен Богом и может перемениться в три дня. Но тот же святой убеждал ученика, возжелавшего священничества, не искать сана выше своего достоинства. А когда тот не послушался и отправился добиваться своего в город, на него стали нападать бесы. Леоновских героев постигла та же участь. Полчища бесов день и ночь осаждают сомнительную обитель и в конце концов обращают её в прах и дым. Напомнив о Сисое Великом, Леонов между строк намекнул и на недостойность новоявленных «монахов», и на отсутствие у них покаяния, поскольку никакой перемены в Ипатовской братии не произошло. Она и в скиту сохранила атмосферу воровского притона, не испытывает потребности в благословении, не нуждается в наставничестве и, как прежде в мирской жизни, продолжает своевольничать в духовной. К подлинным монахам эти «новообращенные» имеют такое же отношение, как лихой рубака Митька Векшин, герой «Вора», к настоящему офицерству. Митька не может украсть у своего противника «умную блестинку» в глаз, ипатовцам неведомы смирение и любовь.

Каторга, место действия «Записок из Мертвого дома», и скит, площадка, на которой разворачиваются события леоновского сказа, — противоположные по своему духовному смыслу топосы. Пенитенциарное учреждение (хотя «пенитенциарный» в переводе с латыни и означает «покаяние») предназначено для насильственной изоляции и наказания преступника. Жизнь монастыря определяется доброй волей ушедших от мира людей, и ее основу составляет молитва, общение с Богом. У Достоевского и Леонова эти топосы парадоксальным образом меняются местами. Острог фактически становится монастырем для автобиографического повествователя «Записок из Мертвого дома». Он признается, что «пересматривал всю прошлую жизнь, судил себя один неумолимо и строго и даже в иной час благословлял судьбу за то, что она послала ... это уединение, без которого не состоялись бы ни этот суд над собой, ни этот строгий пересмотр прежней жизни» [5, с. 220]. Для героев Леонова, наоборот, скит становится острогом.

По ходу событий Ипат-Сысой все больше укрепляется в ранге религиозного начальника, диктатора и тирана. Своих «подчиненных» он «мотивирует» пустыми, не отражающими никакого духовного опыта словесными формулами: «Души-то в вас как завшивели! То невыплаканные слёзы в вас гниют. Жальте сердце скорбью и отойдёт смутитель и позабудет путь к вам!..» [9, с. 88]. Разбойник-настоятель мало

чем отличается от того невоздержанного, вечно пьяного и раздраженного плац-майора, которого описывает Достоевский. Этот воспитатель особенно прославился своим самодурством, «он врывался в острог даже иногда по ночам, а если замечал, что арестант спит на левом боку или навзничь, то наутро его наказывал: «Спи, дескать, на правом боку, как я приказал» [5, с. 28]. По отношению к каторжанам он занимал такую позицию: «На шалости есть наказания <...>, а с мошенниками-арестантами строгость и непрерывное, буквальное исполнение закона — вот и все, что требуется!.. В законах сказано, чего же больше?» [5, с. 28]. Рассказчик замечает на сей счет: «Эти бездарные исполнители закона решительно не понимают, да и не в состоянии понять, что одно буквальное исполнение его, без смысла, без понимания духа его, прямо ведет к беспорядкам, да и никогда к другому не приводило» [5, с. 28].

Леоновский Ипат-Сысой, как тюремный надзиратель, тупо исполняет закон. Получив порцию злой критики, «опять выходили от Сысоя гусиным рядом все двадцать два, а стыд им новые силы подавал. Пуще прежнего и яростней били тогда о пол самодельные кафтыри. Во полунощах на скиту стон стоял» [9, с. 88]. Автор показывает замкнутый круг бессмысленного самобичевания, в котором застряли все более и более раздражающиеся монахи. Между тем пороки, скрытые под внешне строгим соблюдением религиозного закона, по-прежнему определяют их поведение и умонастроения. То же внутреннее ожесточение отмечал Достоевский у большинства обитателей острога: у них было наружное смирение, но никаких признаков стыда и раскаяния. Писатель находит объяснение этому состоянию: «живого человека нельзя сделать трупом» [5, с. 44].

Возродить падшего может только любовь. И в этом отношении каторжанам Достоевского повезло все же больше, чем пастве самозваного Сысоя. Среди начальства Мертвого дома встречались и живые люди. Один из них при всей своей требовательности, «был ласков с арестантами, чуть не до нежностей». Он не мог пройти мимо арестанта, не поздоровавшись, не сказав ему ласкового слова, не пошутив с ним. В поведении этого начальника не было и тени формальной, высокомерной учтивости, напротив – искренность и простота. Этот естественный, по выражению Достоевского, «инстинктивный демократизм» вызывал у подопечных ответную волну доверия. Они называли его «орлом» и даже «отцом», но в отношении к этому человеку не было непочтительности, фамильярности. Все лицо арестанта расцветало, когда он встречался с командиром, и, «снявши шапку, он уже смотрел улыбаясь, когда тот подходил к нему» [5, с. 215]. Герои Леонова пропадают в скиту без духовного наставника. Ипат-Сысой лишен даже обычного человеческого милосердия, не говоря уже о духовных дарах. Он может только на виду у всех замертво припасть к полу в «покаянной муке». Достоевскому в Мертвом доме тоже приходилось наблюдать таких молитвенников. «Исай Фомич как бы нарочно рисовался перед нами и щеголял своими обрядами. То вдруг закроет руками голову и начинает читать навзрыд. Рыдания усиливаются, и он в изнеможении и чуть не с воем склоняет на книгу свою голову...» [5, с. 95]. Именно о такой молитве в Евангелии говорится: «Когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми» [1: Мф. 6:5,16]. Религиозным экстазам Исая Фомича Достоевский противопоставляет запомнившиеся ему с детства молитвы простых крестьян: они «молились смиренно, ревностно, земно и с каким-то полным сознанием своей униженности» [5, с. 176].

В русской литературе «Записки из мертвого дома» положили начало лагерной прозе. Н. М. Ядринцев в труде «Русская община в тюрьме и ссылке», «Л. Якубович-Мельшин в книге «В мире отверженных», Н. Белокопский в рассказах «По тюрьмам и этапам», В. Короленко в очерках «Содержающая», Л. Толстой в романе «Воскресение»,

А. Чехов в книге «Остров Сахалин» учитывали художественный опыт Достоевского» [7, с. 299]. Как видим, на Леонова он тоже оказал влияние.

Достоевский был уверен, что «остроги и система насильных работ не исправляют преступника» и даже «знаменитая келейная система достигает только ложной, обманчивой, наружной цели» [5, с. 15]. «Келейная система» в переводе на современный язык означает одиночное заключение. Накладываясь на образный строй леоновского сказа, слова Достоевского получают оттенок трагической иронии: при большевиках у алчущего и жаждущего правды не было возможности запереться от мира в монашеской келье, но зато сколько угодно шансов оказаться в камере-одиночке. Тюремь и лагеря стали главным средством воспитания нового человека. Диапазон лагерной прозы в советское время расширился, она, как показывают исследования [8], существовала не только в чистом виде, но и в виде романа воспитания, и в форме производственного романа. Леонов не только в соответствующей главе «Пирамиды» в 1990-е годы, но уже в 1930 году в «Соти» обнажил лагерную суть большевистского производства. Сотьстрой похож на Мертвый дом: те же унылые бараки, тот же подневольный труд. [подробнее об этом см. 2].

В производственном романе конца 1920-х—30-х годов, с его культом жертвы, идеалом революционной аскезы, получили наиболее законченное воплощение принципы соцреализма, пришедшего на смену революционно-романтической прозе начала 1920-х. Анализ переключек Леонова с Достоевским в «Деяниях Азлазивона» позволяет сделать вывод о неприятии молодым автором обеих столь важных для официальной советской литературы тенденций. Не приемля воровство, Леонов отрицает как воровскую романтику, так и воровскую аскезу.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1217 с.
 2. Борисова Л.М., Сергеева Е.С. О религиозно-философском подтексте романа Л. Леонова «Соть» // Вопросы русской литературы. — Симферополь, 2010. — № 18(75). — С. 50—57.
 3. Борисова Л.М. Тайнопись в повести Л. Леонова «Саранча» / Л.М. Борисова // Русская речь. — М., 2011. — №1. — С. 39—45.
 4. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка / Владимир Даль // Т. 1. — М.: Русский язык, 1981. — 699 с.
 5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / [Текст подгот. и примеч. сост. И. Д. Якубович и др.]. Т. 4: Записки из Мертвого дома. - Л.: Наука. Ленингр. отд., 1972. - 326 с.
 6. Из творческого наследия русских писателей XX века: М. Шолохов, А. Платонов, Л. Леонов. — Спб.: Наука, 1995. — 500 с.
 7. Кандеева А. Г. Послесловие // Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. — Омск, 1982. — С. 295-299.
 8. Лахузен Томас. Соцреалистический роман воспитания, или провал дисциплинарного общества / Томас Лахузен // Соцреалистический канон. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 841— 852.
 9. Леонов Л.М. Деяния Азлазивона / Предисл., публ. Н.Л. Леоновой. Послесл. В.П. Польшковской // Наше наследие – Москва, 2001. – № 58. - С. 84-95.
- Польшковская В.П. Так спаслись ли покаявшиеся?: [О рассказе "Деяния Азлазивона" Л. М. Леонова] / Польшковская В. П. // Наше наследие – Москва, 2001. - N 58. – С. 96-97.

Распутин В. Г. О рассказе Л. Леонова «Деяния Азлазивона» / Валентин Распутин, Владимир Библихин, игумен Андроник (Трубачев) // Наше наследие – Москва, 2001. — № 58. — С. 98—99.

Старцева А.М. Особенности композиции романов Л. Леонова / А.М. Старцева // Вопросы советской литературы.— Т. 8. — М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — М. 367—401.

10. Хрулев В.И. Два эпилога романа Л. Леонова «Вор»: диалог исследователя с писателем / В.И. Хрулев // Русская литература XIX—XX вв: поэтика мотива и аспекты литературного анализа. — Новосибирск: СО РАН, 2004. — С. 50—79.

Борисова Л. М., Борисов П. Б. Достоевський у соціально-філософському підтексті оповіді Л. Леонова «Діяння Азлазівона» / Л. М. Борисова, П. Б. Борисов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.324-329

На прикладі одного з ранніх творів Л. Леонова в статті доводиться опозиційність молодого автора ідеологічним засадам радянської літератури. В якості шифру леоновського тайнопису розглядаються ідеї та образи «Записок з мертвого дому» Достоевського. Зв'язок з Достоевським виявляється у Леонова і на жанровому рівні, відзначається схильність обох авторів до житійного канону. Мотиви і образи «Записок з мертвого дому» дозволяють помітити в «Діяннях Азлазівона» ознаки табірної прози.

Ключові слова: радянська література, тайнопис, підтекст, кризове життя, табірна проза, Л. Леонов, Достоевський.

Borisova L. M., Borisov P. B. Dostoyevsky in social and philosophical implication of L. Leonov's tale Azlazivon's Deeds // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.324-329

Through the analyses of an early L. Leonov's work the authors argue that the young writer stood in opposition to the ideological principles of the Soviet literature. It is proved by cryptograms and various allusions to the life in the post-revolutionary Russia which can be found in the text. The ideas and images from The House of the Dead by Dostoyevsky are considered as a cipher to Leonov's cryptogram. Association with Dostoyevsky reveals itself in Leonov's works on genre level because both authors show inclination to such genre as Saints' lives. The Lives which Leonov mentions allow to demonstrate author's ironical position in the description of penitent robbers. The motifs and images from House of the Dead (such as prison superiors' tyranny, dependent work) allow to see the traces of camp prose in Azlazivon's Deeds.

Key words: Soviet literature, cryptogram, implication, crisis life, camp prose, L. Leonov, Dostoyevsky.

Поступила в редакцію 08.05.2014 г.

УДК 821.161.1-82 Ахматова

**Стихотворение А. А. Ахматовой
«Вижу выцветший флаг над таможней...»
(Опыты реального комментария)**

Публикация 2

Казарин В. П., Новикова М. А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Республика Крым*

В статье предложено новое прочтение финала стихотворения А. А. Ахматовой о Херсонесе (1912). Используются методы биографического, реального комментирования и глубинного поэтологического анализа.

Ключевые слова: *Ахматова, Херсонес, Крым, счастье, слава, биография, методы реального комментария и глубинного поэтологического анализа.*

<...> И не знать, что от счастья и славы

Безнадёжно дряхлеют сердца.

Эти две последние строки из стихотворения, входящего в «крымский цикл» А. А. Ахматовой, обнаруживают новые загадки (с точки зрения глубинной поэтики) и новые неясности (с точки зрения реального комментирования).

Начнём с реалий. Будем, однако, помнить, что у А. А. реалии имеют обыкновение мгновенно перетекать в поэтические образы и символы.

Трижды А. А. вспомнит своё «главное место в мире» – Херсонес, античный город-полис, в 2013 году внесённый в список памятников Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО [1, т. 5, с. 215; там же, с. 236; там же, с. 693]. Воля автора (а тем паче, поэта) вспоминать так, как ей вспоминалось почти шестьдесят лет спустя. Долг исследователей – проверять высказывания не только коллег, но и исследуемых авторов. Что же показывает такая проверка?

«Главное место в мире» отразилось в стихах А. А. более чем скромно. Спешим оговориться: в виду имеется не весь комплекс севастопольских окраин в районе между бухтой Стрелецкой и бухтой Песчаной, а именно античный Херсонес. В поэме «У самого моря» будут и белые, крутые, известняковые херсонесские берега, и плоский камень, на котором отдыхала «дикая девочка», девочка-русалка Аня Горенко, и золотые херсонесские пляжи, и мысы, и многое иное. Потом эти реалии, уже в другом, зрелом и горьком контексте, воскреснут в поэме «Путём всея земли».

Всё так. Но реалии эти – не детали собственно античного Херсонеса. А ведь к 1890-м годам раскопки древнего эллинского города, начавшего свое существование в VI веке до н. э. и ставшего «малыми Афинами» Северного Причерноморья, – уже открыли многое и поражали многих [11]. Причем поражал этот город, вышедший из-под земли, не только профессионалов: археологов, историков, филологов-эллинистов. Посмотреть на него приезжали любители старины, путешественники, люди культуры. К таковым, несомненно, принадлежала и семья Горенко, несмотря на нефилологическую профессию отца.

Да, родилась Аня Горенко в Одессе на Большом Фонтане (тоже, кстати, прелюбопытнейшем одесском пригороде). Но именно в Херсонесе родные поведут дочь при полном параде дарить музею найденный ею кусок мрамора с греческой надписью [6, с. 32].

Да, в силу сложных семейных обстоятельств мать А. А. с дочерьми и сыном вынуждена была переехать в Евпаторию. Однако и Евпатория ахматовского отрочества была на редкость колоритным, исторически богатым, многоверческим и многонациональным городом. И гимназистка Аня Горенко – не старшеклассники Бориса Балтера: евпаторийские «мальчики», которых запомнил в пору «оттепели» весь читающий Советский Союз. Автор повести – знал, они – как бы и не знали ничего ни про Джума-Джами, соборную мечеть выдающегося турецкого архитектора Синана, ни про уникальный монастырь дервишей, ни про духовный центр караимов – не менее уникальные евпаторийские кенассы.

Положим, воспоминания Б. И. Балтера могла ограничивать цензура. Но какая цензура мешала А. А. вспомнить Уваровскую базилику? Античную купальню с её изысканной мозаикой? Высеченную на мраморе гражданскую присягу херсонеситов? Уникальный театр IV-III веков до н. э.? И т. д., и т. п.

Вероятнее другое. Личный «херсонесский миф» (сперва «дикой девочки», потом «последней херсонесидки») значил для поэтического мышления Ахматовой больше, чем реалии исторического Херсонеса. Заметим: реалии исторического Бахчисарая (как древнего, так и 1916 года) тоже заслонены в её стихотворении «Вновь подарен мне дремотой...» личным «бахчисарайским мифом» о «золотом» – но вневременном! – Бахчисарае, месте действия их с Н. В. Недоброво лирического сюжета.

Реалии, мы видим, действительно перетекают в творческом сознании А. А. в символы, а из символов ткуются личные мифы.

Остается еще одна загадка – или тайна – ахматовского херсонесского стихотворения: его последние две строки. Точнее даже – полторы.

Напечатано это стихотворение было в февральской книжке журнала «Гиперборей» за 1913 год, а написано скорее всего в 1912 году. Авторская датировка «Осень 1913» в «Бегах времени» [5, с. 71, 458] правильно указывает на сезон, когда стихотворение было написано, но никак не на год. Ведь именно к 1912 году (как можно судить по рукописям) относится большинство других стихотворений А. А., напечатанных в той же книжке журнала [5, с. 456]. Да и наполненная уходящим летним зноем атмосфера стихотворения тоже заставляет связывать его замысел с осенью 1912-го года, а не с зимой 1913-го.

А. А. в ту пору исполнилось 23 года. Для самой популярной женщины-поэта Серебряного века это возраст немалый. Но задумаемся: а «знает» ли она не только в 1903-м, а и даже в 1912-м году, как «от счастья и славы безнадежно дряхлеют сердца»?

Вряд ли. И о «счастье», и о «славе» А. А. будет думать, – и очень пристрастно думать, – еще долго, по сути, до конца своих дней (см. пророческую строку 1912 года: «Умирая, томлюсь о бессмертии...»). Об этом же свидетельствует и её обида на современников, русских эмигрантов, словно бы заперших её в 1910-х – начале 1920-х годов и забывших о ней последующей: пишущей, страдающей, но и мужающей. В том же ряду стоит и внимание А. А. к её зарубежным исследователям, их публикациям 1960-х, и оживленная реакция на литературную премию «Этна-Таормина», и разговоры с друзьями о возможной «Нобелевке» и др. Понять А. А. можно. Испить к двадцати годам полную чашу той самой славы, а потом на тридцать с лишним лет погрузиться в изоляцию, известность в узком – очень узком – кругу, – испытание и впрямь не из легких. Для нашей темы, однако, важно иное. «Красавица тринадцатого года», А. А. свою тогдашнюю славу с сердечным одряхлением не связывала.

То же можно сказать и о «счастье». А. А. 1912-го года – автор первой книги стихов «Вечер», к которой «критика отнеслась благосклонно» [2, т. 2. с. 237]. Она уже два года замужем за знаменитым Н. С. Гумилевым. У них родился сын Лев. Каждый год Ахматова в Европе – в окружении незаурядных людей и больших культурных событий (например, «первые триумфы русского балета» в Париже [там же]). Она вся в водовороте страстей, ухаживаний, романов.

Снова оговоримся: речь идет не о пошлой «фам фаталь», модном женском типаже Серебряного века, так остро спародированном А. Н. Толстым в «Сестрах». Граф Толстой, вернувшись из эмиграции в СССР, поторопился разделаться со знаковыми фигурами этого века, его самого в знаковую фигуру не выбравшего. Так, толстовский поэт Бессонов – доказанная пародия на А. А. Блока. В таком случае почему не предположить, что бессоновская курортная (крымская!) пассия, актриса (т. е. женщина артистичная), худая, со змеиной пластикой, – не есть скрытая пародия на А. А. Ахматову? Как-никак, в глазах широкой публики оба поэта были символом и легендой Серебряного века: Он – как его идеальный мужчина, Она – как его идеальная женщина. Так что для массового мифосознания «роман» между ними подразумевался сам собой.

Но занимают нас сейчас не эти мифы и не эти пародии, а факт: поэзия и личная биография А. А., бесконечно от них далекая, все же их питала. Страстная натура А. А. не могла не тянуться к счастью. Их взаимоотношения с Борисом фон Анрепом (1913 – 1917) тому доказательство.

Итак, Ахматова 1912-го года не ощущает себя ни дряхлеющей сердцем, ни равнодушной к счастью и славе. Откуда же появились в финале стихотворения эти строки? Кто их произносит?

Прежде ответа (в свою очередь, требующего дальнейшей проверки) обратим внимание на ахматовский глагол в строках предыдущих: «Всё глядеть бы на смуглые главы / Херсонесского храма...». «Глядеть» означает совсем не то же, что «поглядеть». Попробуем заменить этот глагол: «Поглядеть бы на смуглые главы...». Тогда смысл финального четверостишия примерно таков: приехать еще раз в памятные места отрочества, повидать их – и с болью ощутить то, чего героиня-подросток еще не знала: цену своей будущей взрослой славы и счастья. Теперь (т. е. в 1912 году) она это уже знает.

Но ведь именно этого-то она и не знает!

Второй важный оттенок значения у глагола «глядеть» – его длительность. «Глядеть» долго может, конечно, означать и «любоваться», – но только не в ахматовском поэтическом мире. В нем множество пейзажей, они есть почти в каждой её лирической миниатюре. Нет – созерцательного, внедиалогичного любования: ни природой естественной, ни пейзажами урбанистическими.

О диалогизме (или полилогизме) ахматовской лирики, ее особой сюжетности написаны тома научных работ. Кажется, однако, никто из ахматоведов не сфокусировал внимания на том, что диалог – это разговор двух сторон (а не монолог в присутствии другого). И сюжет – это события, по-разному значимые для разных героев (а не для одного лишь субъекта действия, для кого все другие суть только объекты).

Если героиня глядит на «смуглые главы» Херсонесского храма, то ведь и главы эти тоже на нее глядят? Если она ведет с ними свой мысленный диалог (вся предшествующая часть стихотворения и представляет собою такой диалог), то ведь и «смуглые главы» ведут его с героиней? Тогда позволительно предположить, что заключительные полторы строки и есть их ответ ей – ответ на годы и десятилетия вперед. Она может этого не знать – это знают они.

Подобная гипотеза бросает новый свет и на те наблюдения, которые делались нами раньше. Оказывается, недаром «смуглые» у А. А. и купола херсонесского храма, и

бахчисарайская осень, принесшая красные листья в подоле, и муза, пришедшая к поэту по горной дороге (т. е. с некоей высоты). Все они – действующие лица (а не «фон»); все имеют свою, более высокую точку обзора, свой голос в диалоге с поэтом.

Скажем, Осень не просто усыпает листьями ступени, «где прощались» героиня с героем. Этот жест – тоже реплика, притом реплика со многими значениями. Цветами усыпают дорогу жениху и невесте при венчании. Сухие осенние листья – своеобразный антипод венчального обряда. Усыпают цветами и погребальное шествие. Но яркий, «страстный» красный цвет опровергает и это истолкование как единственно возможное, не отменяя терпкого погребального привкуса, вносимого им в ситуацию прощания. «Принести в подоле» – народный фразеологизм; он значит «родить ребенка на стороне, вне законного брака». Однако Осень приносит героям не живого ребенка, плод любви, а мёртвые листья, плод встречи «на стороне». (Вспомним: А. А. к моменту этой встречи разошлась, но не «развенчалась» с находящимся на войне Н. С. Гумилевым, а Н. В. Недоброво ждет в Алуште красавица-жена, самоотверженно ухаживающая за больным мужем.)

Тот же вывод применим и к «смуглой» Музе. Её смуглоту также можно трактовать как цвет-реалию (крымскую? итальянскую?). Вместе с тем, смуглая Муза, которая будет опять и опять приходить к А. А., окажется не той, что «диктовала» Данте страницы «Чистилища» или страницы «Рая». Диктовала она, согласно А. А., страницы «Ада». От этого двусторочия тоже разойдутся отражения далеко вперед – до «Реквиема», с его застенками, и «Поэмы без героя», с ее дьявольским карнавалом. И вновь об этом будущем еще не догадывается крымская Ахматова, но уже ведают ее «смуглая» собеседница и «смуглые главы» Херсонесского храма...

Заключение к теме «Ахматова и Крым» дописать (как мы убедились) пока невозможно: работы здесь хватит надолго. Можно, на наш взгляд, уже сегодня констатировать: в судьбе Ахматовой Крым сыграл роль, подобную его роли в судьбе Пушкина. Многоголосый, поликультурный, насквозь «диалогичный» и метафизичный, – Крым как бы зарядил этими свойствами всех великих художников, попавших в его силовое поле.

Список литературы

1. Ахматова А. А. Собрание сочинений. В 6 т. – Москва: Эллис Лак, 1998-2002; Т. 7 (дополнительный). – 2004.
2. Ахматова А. А. Сочинения. В 2 т. – Москва: Художественная литература, 1986.
3. Ахматова А. А. Сочинения. В 2 т. – Москва: Правда, 1990.
4. Ахматова А. А. Победа над судьбой. В 2 т. – Москва: Русский путь, 2005.
5. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы // Составление, подготовка текста и примечания В. М. Жирмунского. – Изд. 2-е. – Ленинград: Советский писатель, 1977. – (Библиотека поэта. Большая серия).
6. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889-1966. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Индрик, 2008.
7. Горелов В. Н. Херсонес Анны Ахматовой // Литературная газета + Курьер культуры: Крым-Севастополь: Региональное обозрение. – 2008. – 26 сентября-10 октября. – №18(23). – С. 2.
8. Севастополь: Энциклопедический справочник. Изд. 2-е, доп. и испр. – Севастополь: «Салта» ЛТД, 2008.
9. Золотарев М. И., Хапаев В. В. Херсонесские святые. – Севастополь: Фуджи-Крым, 2002.

10. Блок А. А. Собрание сочинений. В 8 т. – Москва-Ленинград: ГИХЛ, 1960-1963.

11. Реальный словарь классических древностей по Любкеру. Под редакцией Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского и др. – СПб.: Издание Общества классической филологии и педагогики, 1885. – 1552 с. – С. 280.

Казарин В.П., Новикова М.О. Вірш А. А. Ахматової «Вижу выцветший флаг над таможей...» (Опыты реального комментария)

// Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.330-334

Стаття пропонує нове прочитання фіналу вірша Г. А. Ахматової про Херсонес (1912). Застосовано методи біографічний, реального коментаря й глибинного поетологічного аналізу.

Ключові слова: *Ахматова, Херсонес, Крим, щастя, слава, біографія, методи реального коментування та глибинного поетологічного аналізу.*

Kazarin V., Novikova M. AA Akhmatovoï poem "I see a faded flag over customs ..." (Experiments real comment) // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.330-334

The paper suggests a new interpretation of final lines in Anna Akhmatova`s poem on Chersonesus (1912). It is supported with biographical, referential and deep poetological analysis.

Key words: *Akhmatova, Chersonesus, Crimea, happiness, glory, biography, referential and deep poetological analysis.*

Поступила в редакцію 10.05.2014 з.

УДК 821:111(411)-1 «10/19»

Эсхатологические мотивы героической поэзии шотландского Средневековья

Тулуп Э.Р.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»,
г. Симферополь, Республика Крым*

В статье рассматриваются мифологические/мифопоэтические мотивы героической поэзии шотландского Средневековья. Материалом для апробации служит стихотворение неизвестного автора (записано после 1300 г.) «Бедствия Шотландии по смерти короля Александра III, лета 1286».

Ключевые слова: *мифологические/мифопоэтические мотивы, религиозный/политический/культурный субконтекст, антимиф, контрмиф, героическая поэзия, средневековая Шотландия.*

Целью настоящего сообщения является обсуждение теоретических аспектов национально-патриотического дискурса, и прежде всего аспектов дискуссионных и недостаточно изученных. Разумеется, обширность темы исключает возможность её подробного изложения в одной работе, к тому же, ограниченного объема. Поэтому нами были выбраны лишь два (с нашей точки зрения, ключевых) аспекта, а именно: 1) национальная самоидентификация как поэтов Шотландии, так и персонажей их поэзии; 2) текстовые формы, эту самоидентификацию воплощающие.

Существует множество научных методик, при помощи которых поставленная проблема решается (обзор их см., в частности, в [9; 10]). Нами были выбраны три метода анализа: 1) тезаурусный; 2) контекстуальный; 3) мифопоэтический (или иначе, мифологический). Предварительные опыты работы с ними показали, что именно эти методики помогают наиболее быстро и точно сформулировать первоначальные гипотезы и прийти к определенным предварительным выводам, исходя из задач нашего исследования. Задачи же эти таковы: 1) определить ключевые концепты, по которым можно отнести тот или иной литературный текст к национально-патриотическому дискурсу; 2) выяснить через какие конкретные текстовые элементы (в т.ч. мифоструктуры) эти концепты себя манифестируют; 3) очертить круг теоретических сложностей, возникающих при решении первых двух задач.

Понятие «национального» прошло долгую, многовековую эволюцию. Важнейшим рубежом в его осмыслении был конец XVIII в., еще точнее – эпоха Французской революции и ее идеология. Именно тогда было выдвинуто понятие «нации» и названы сопровождающие его понятия «государство» и «граждане» [1; 2]. С тех пор то, что в славянских языках и культурах покрывается понятием (иначе – социальным термином-концептом) «национальность», для «атлантического» мира подразделяется на «нацию политическую» VS «нацию этническую» [13]. Для этой второй понятию «государство» со-/противопоставлено понятие «Родина», а понятию «(со) граждане» – понятие «народ» [13]. Политический патриотизм, на наш взгляд, уместнее именовать «(гражданской) лояльностью», а в связи с понятиями «Родина» и «народ»

рассматривать термин «национальный патриотизм». Они-то и будут интересовать нас в своем текстовом воплощении.

Гипотезы. 1. Этнопатриотизм (в отличие от патриотизма собственно политического) основан на гораздо более глубоких слоях этносознания и этноповедения.

2. Он демонстрирует типичные особенности древнего мифологического/ мифопоэтического менталитета. А именно: он 1) *локоцентричен*, 2) *ностроцентричен*, 3) *синкретичен*. Поясним, что мы вкладываем в эти признаки, детальнее.

2.1. Под *локоцентричностью* мы понимаем ориентацию данной этнокультуры на параметры и ценности, сфокусированные прежде всего *в пространстве*, а не во времени. 2.2. Под *ностроцентричностью* (термин проф. Новиковой М. А.) подразумевается фокусировка этой культуры и ее текстов на «нас»: на «нашу» землю, «наш» род (народ), «наш» язык, «наших» героев и т.д. 2.3. *Синкретичность* предполагает, что разного типа картины этого мира (а отсюда и разные этнодискурсы) существуют еще в нераздельном единстве. Иначе говоря, для этносознания патриотизм не может быть ни чисто научным понятием, ни исключительно традиционным поведенческим предписанием, ни только мифомотивом, ни «поэтическим (лирическим) переживанием». Он охватывает все сферы мировосприятия, мышления и деятельности человека как члена этноколлектива, – следовательно, и все его дискурсы, и все его тексты. Другое дело, что в иных типах текстов/жанрах он может быть тематически и поэтологически доминантным, в иных – периферийным, в прочих – лишь маргинальным.

Проверим выдвинутые гипотезы посредством методов: 1) тезаурусного; 2) контекстуального; и 3) мифопоэтического анализа. (Их описание см. в наших работах: [6; 7; 8].)

1.2. *Тезаурусный и контекстуальный анализ.* Сведем воедино наиболее национально значимые местности, события, личностей (а отсюда и литературных героев, их репрезентирующих). В шотландском варианте список этот выглядит так:

I. *Религиозный субконтекст.* 1) Св. Колумба, христианизатор пиктов (VI в.); 2) Св. Мунго, христианизатор скоттов (VI в.); 3) Св. Маргарита I, королева Шотландская, реформатор церковной и социокультурной жизни страны (XI в.); 4) мученики и проповедники эпохи Реформации (XVI-XVII вв.), в т.ч. идеолог шотландских «реформатов», проповедник и богослов Джон Нокс (XVI в.).

II. *Политический субконтекст.* 1) Фергус, вождь «реформаты» ирландских скоттов, мигрировавших в Шотландию (нач. IV в.); 2) Эйден, король Дальриады, первого королевства шотландских скоттов (VII в.); 3) Кеннет I из династии (Мак) Альпинов, король Альбы, первого объединенного королевства пиктов и скоттов (IX в.); 4) Малькольм III из династии Канморов, супруг Св. Маргариты, король-реформатор (XI в.); 5) Король Роберт I из династии Брюсов и сэр Уильям Уоллес, вожди национального сопротивления и борьбы за политическую независимость Шотландии (кон. XIII-нач. XIV вв.); 6) Королева Мария I из династии Стюартов, соперница Елизаветы I Английской из династии Тюдоров, ею казненная (XVI в.); 7) Чарльз Эдуард Стюарт («Младший Претендент», «Красавчик Чарли») – вождь последнего вооруженного восстания шотландцев против Англии и последний претендент на шотландский трон из династии Стюартов (XVIII в.).

III. *Культурный субконтекст:* 1) Крупнейшие шотландские писатели: Вильям Дунбар (XV в.), Роберт Бернс (XVIII в.), Вальтер Скотт (XIX в.), Хью Мак Диармид (XX в.); 2) Известнейшие шотландские мореплаватели и землепроходцы: участники походов викингов (IX-XI вв.), Джон Вуд (XVI в.), Александр Мак Кензи, Мунго Парк, сэр Чарльз Мюррей (XVIII- XIX вв.); 3) Знаменитейшие шотландские провидцы, философы, ученые: Томас Лермонт, эрл (граф) Эрсилдунский (XIII в.), Иоанн (Джон)

Дунс Скотт (XIII в.), Михаил (Майкл) Шотландский (XV в.), Адам Смит, Дэвид Юм, Джеймс Ватт (XVIII в.).

Таковы основные герои (или иначе – *действующие лица*, или, в терминах концептуалистики, основные *субъекты*) шотландского национально-патриотического дискурса. Если же говорить о главных *событиях* (в терминах той же концептуалистики – *предикатах*) этого дискурса, то, соблюдая предложенную классификацию, назовем следующие реалии.

I. *Религиозный субконтекст*. 1) Смена религий: язычество → христианство (IV-VI вв. н.э. и далее). 2) Смена церковной организации: независимая Кельтская Церковь, сформированная на принципах Восточного (Кафолического) Православия, с опорой на ближневосточные традиции монашества, проповедничества, наставничества (IV-XIII вв.) → Римокатолическая Церковь, перестроившая церковно-административную и собственно конфессиональную жизнь Шотландии на началах жесткой иерархичности и строгой богословской, обрядовой и управленческой дисциплины (XIII-XVI вв.). 3) Смена господствующих деноминаций: католичество → протестантизм (XVI-XVIII вв.), с промежуточным вариантом, Шотландской Епископальной Церковью (кон. XVI - нач. XVIII вв.). 4) «Охота на ведьм», судебные процессы над людьми, обвинявшимися в колдовстве; процессы эти существенно повлияли на духовную жизнь страны (кон. XIV - нач. XVIII вв.).

II. *Политический субконтекст*. 1) Этапы консолидации Шотландии как территории и как государства, а самих шотландцев – сначала как этнической, а затем и как политической нации. Среди них – объединение а) шотландских скоттов с жителями Северной Шотландии (Каледонии), пиктами (XI в.); б) скоттов и пиктов – с третьим кельтским этномассивом Шотландии, бриттами (XI в.); в) всей территории Шотландии в единое государство (XI-XV вв.). 2) Борьба за независимость против внешних врагов: а) римлян (I-IV вв.); б) англов и саксов (V-VII вв.); в) норманнов (варягов) (VIII-XI вв.); г) нормандцев (XI-XII вв.); д) англичан (с XIII в. и далее). 3) Борьба за внутреннее единство Шотландии, против междуусобиц: а) соперничества родов/кланов, племен/племенных союзов (с кон. 2-го тысячелетия до н.э. до IX в. н.э.); б) конкуренции претендентов на шотландский престол (IX-XVI вв.); в) противоборства отдельных социальных групп различной ориентации: «традиционалистов» и «модернизаторов», «изоляционистов» и «евроинтеграторов» (термины современные, процессы длительные: XVII-XXI вв.).

Наконец, наиболее культурно отмеченными, а потому и мифогенерирующими *местами действия* в национальном патриотическом дискурсе являются такие культурные символы и реалии. 1) *Святынища, храмы, часовни, монастыри*. 2) *Погребальные комплексы, кладбища, могилы* отдельных легендарно-исторических лиц. 3) Исторические *столицы* Шотландии: а) Скуна, б) Дунфермлин, в) Абердин, г) Эдинбург. 4) *Резиденции* правителей, духовных и культурных «отцов нации», выдающихся деятелей Шотландии. 5) Места наиболее судьбоносных для Шотландии *сражений*, и прежде всего: а) при деревне и речке Бэннокберн (1314); б) на Флодденском поле (1513); в) возле горы Бремар и селения Куллоден (1746). 6) *Природные реалии*: знаменитые а) леса и парки; б) луга и степи; в) болота и вересковые пустоши; г) острова, мысы, утесы, морские пещеры; д) проливы и заливы (бухты, фьорды); е) истоки, устья, излучины и броды рек; ж) озера, родники и водопады; з) самые примечательные холмы, скалы, горные вершины и горные пещеры; и) отдельные камни и/или «доисторические» каменные комплексы (курганы, дольмены, менгиры и т.п.).

В согласии с локоцентрическим мышлением древних, именно отмеченные места «притягивают» к себе адекватные им, отмеченные события, а эти события, в свою очередь, «требуют» адекватных им героев, с адекватными свойствами: магическими (для язычества) или духовными (для христианства).

3. *Мифопоэтический анализ*. После того, как составлена подобная «национально-патриотическая карта», попробуем определить: каким же образом из отдельных национальных реалий и символов, персонажей и топосов, сюжетов и сюжетных мотивов складывается в литературе Шотландии не просто «национальный колорит», а «национальный миф»? Для этого привлечём дополнительные аналитические методы, и прежде всего – метод мифопоэтического (мифологического) анализа. В качестве классификационной «сетки» для такого анализа удобно использовать разделение мифологического материала на мифы, антимифы и контрмифы (идея проф. М.А. Новиковой [10]).

3.1. Под *антимифами* мы понимаем мифы враждебного/чужого иномирия (антимира). 3.2. Под *контрмифами* подразумеваются мифы (или неомифы) «своего» мира, «своей» литературы, но направленные уже не на поддержание, а на критику «своей», устоявшейся национальной мифосистемы. Т.о. выстраивается динамичная шкала (или парадигма), по которой перемещается национальное мифотворчество: от этапа «конструктивной» этногенной активности (нациогенные мифы) – к этапу дальнейшей разработки, а далее, массового усвоения этой «своей» мифосистемы (культурогенные мифы) – и еще далее, к этапам их стереотипизации (создаются уже не мифы, а лишь мифологические варианты), и, наконец, к их анахронизации. Былые неомифы делаются «старомифами». Они не в состоянии уже отвечать на новые социокультурные ситуации. Это порождает, с одной стороны, ностальгию, консервативную тоску по «старым добрым временам» и их мифам. С другой же стороны, новое время актуализирует нужду в контрмифах, критически переоценивающих и тем самым ревитализирующих основные этно- и социомифы данного народа.

Однако в реальной историко-литературной (и, шире, историко-культурной) эволюции «чужие» культуры и их мифосистемы могут постепенно адаптироваться и становиться «своими». И наоборот: контркультуры внутри «своей» культурной системы способны зайти в их критику, травестию, пародировании «своих» этноценностей и этносимволов настолько далеко, что по результатам «свои» контрмифы начинают совпадать с деструктивным воздействием «чужих» антимифов.

Подобные кризисные ситуации литературе Шотландии знакомы. Так, сводные антологии шотландской поэзии (см., например, [11; 18] и др.) фиксируют оба типа переходов через границу, отделяющую инонациональные антимифы от внутринациональных контрмифов. Маркерами, который все же продолжает разделять указанные две разновидности этномифологии, служат: 1) *адресанты*, и 2) *адресаты* этих неомифов, а также 3) характер их приятия/неприятия данного национального (и/или национально-государственного) сообщества.

Испытаем предложенную модель мифоанализа на текстовом примере. Существуют анонимные стихи XIII века, рисующие бедствия Шотландии после гибели короля Александера III (1286), последнего правителя из династии Канморов (см. Приложения 1, 2). Наступившее после его смерти смутное время, автор изображает в духе эсхатологического мифа – как «малый конец света». Из страны «ушел <...> мир и покой», а с ними благоденствие народа. Социальная «нестроица» вызвала не только социальный, но и космический хаос. «Всяк плод наливной» осыпался на землю; «и хлеб наш, и эль наш утратили силу»; негативные превращения затронули даже природные вещества: «в свинец обратился металл золотой». (Реально эта строка означает: в периоды междуцарствий и смены династий страна катастрофически беднеет; это приводит к выпуску неполноценной валюты и к исчезновению из обихода дорогостоящих предметов).

Однако приведенный текст не является, по нашему мнению, образцом национального антимифа, ни национального контрмифа. Аргументы наши таковы.

1) *Адресант* текста, его автор, ассоциирует себя с «нашим», а не «чужим» миром. (Ср. «*наш* король», «*наш* хлеб», «*наша* земля».) 2) Его *адресат*, те, к кому этот текст обращен, – тоже «*наши*» люди и даже, – некоторым образом, – «*наши*» Господь Бог, поскольку Его просят «спасти и помиловать» именно «*нашу*» землю. 3) «*Наш*» мир автор хотел бы восстановить таким, каким тот был до этнокатастрофы – исконным шотландским миром, где «всё <...> по-любю, по-милу». Налицо безусловно ностальгический, но и вполне «правильный» миф: ретро-миф о «старой доброй Шотландии».

Заключение. Подведем некоторые итоги, касающиеся теоретической стороны поставленной проблемы и перспектив ее дальнейшего изучения.

1. Патриотическое национальное самосознание опирается, в первую очередь, на концепты «Родина» и «народ».

2. Оба эти концепта используются в литературе с существенным конкретизатором – «своя («наша») Родина» и «свой («наш») народ».

3. Наиболее дискуссионными являются здесь: 1) смысловой объем и 2) эмоционально-оценочное наполнение этих концептов, а в особенности – 3) объем и оценочность их конкретизатора («наш» и его варианты).

4. *Кому, и какая Родина, какой народ* – «наши», – как раз и выявляют несколько показателей. 1) Отбор текстовых реалий, значимых имен, лейтмотивных символов, выдвинутых притом на сильные текстовые позиции. 2) Включение их в картину «своего/чужого» мира с помощью прономинального конкретизатора «свой/наш» (в более поздней литературе – также «мой»).

5. Для текстов-реализаторов «правильного» мифа характерно совпадение «своего» адресанта (автора или рассказчика), «своего» адресата (собирающего «вы» или индивидуального «ты»), второе происходит позднее и реже) – и «своей» картины мира. Если в «своем» мире царит гармония, – и «мы», и «вы» одинаково счастливы; если дисгармония – и «мы», и «вы» одинаково несчастны.

6. Для текстов-носителей антимифа модель также достаточно проста, только биполярна. Счастье, героизм, красота в «их» мире переоценивается в «нашем» мире как несчастье, как коварство или насилие, и как уродство.

7. Наиболее сложный вариант национально-патриотического самосознания представляют тексты, воплощающие контрмифы. В них картина «своего» мира увидана как бы «не своими» (или не совсем «своими») глазами. И наоборот, «не свой» мир изображен и оценен как хотя бы отчасти «свой». Для фольклора и раннесредневековой литературы подобная двойственная оптика практически невозможна. Для позднейших эпох она все больше входит в литературную практику.

8. Наиболее трудной как теоретически, так и методически становится в этом случае выработка системы объективных, а не субъективных, собственно текстуальных, а не сугубо идеологических критериев, по которым тексты национально-патриотического дискурса могут быть отнесены к анти- или контрмифологизирующему типу.

Приложение 1. Неизвестный автор (записано после 1300 г.). Бедствия Шотландии по смерти короля Александра III, лета 1286. Пер. со скотса (шотландского) Марины Новиковой). Сошел Александр, король наш, в могилу - / Ушел из Шотландии мир и покой, / А с ним всё, что было по-любю, по-милу. / Осыпался наземь всяк плод наливной. / И хлеб наш, и эль наш утратили силу, / В свинец обратился металл золотой. / Господь нашу землю спаси и помилуй, / Живущу в нестроице ныне такой [11, с. 60-61].

Приложение 2. Правители Шотландии из династии Канморов. Междуцарствие. – Малькольм II (гэльск. Máel Coluim An Forranach, Máel Coluim mac Cínáeda, англ. Malcolm II the Destroyer) (р.ок.980-1005-34) из I шотландской королевской династии

Альпинов. Он – сын Кеннета II (король Альбы (Шотландии) (971—995)), последний потомок Кеннета I Мак-Альпина (по мужской линии). Король Шотландии с 1005 г. Малькольм II подчинил своей власти и Юго-Западный Лоулэнд. Король Стрэтклайда Эоган, его союзник в битве при Кареме, был убит в 1018 г. С его смертью прервалась линия Дональда, сына Аэда и внука Кеннета I Мак-Альпина. Малькольм, очевидно мирным путем, принудил бриттов признать своим королем другого князя из династии Кеннета Мак-Альпина — своего собственного внука Дункана, сына своей старшей дочери Беток от Кринана, аббата Данкелда. Дункан I стал королем Стрэтклайда, и Малькольм II, у которого не было своих сыновей, решил, что тот должен объединить под своей властью оба королевства, назначив Дункана своим наследником. – *Дункан I Дункельд* (1034-40), последний король этого междуцарствия. Он – внук (по женской линии) Малькольма II и одновременно сын и наследник бриттского короля Оуэна, объединитель трех племен Шотландии: скоттов, пиктов и бриттов. – Борьба наследников за престол; гибель в бою Дункана I и победа его соперника, Мак Бета (*Мак Бетада*) *мак Финдлэйха* (гэльск. *Mac Bethad mac Findláich*) (1040-58), король Шотландии из Морейской династии с 1040 года. – Последующая гибель в бою короля Мак Бета и победа сына Дункана I, *Малькольма III* Мак Дункельда из династии Канморов (гэльск. *Máel Coluim mac Donnchada*, англ. *Malcolm III Canmore*) (р.1031-1058-93). – Вторжение нормандцев в Англию (1066). – Женидьба Малькольма III (вторым браком) на принцессе англо-Маргарите, бежавшей от нормандцев в Шотландию. – Недовольство английской королевы и ее проанглийских политиков со стороны кельтских клановых вождей. – Убийство из засады Малькольма III, изгнание из Шотландии королевы Маргариты и ее сыновей. – Брат Малькольма III Канмора, вождь заговорщиков *Дональд II Бэйн* (гэльск. *Domnall mac Donnchada*, англ. *Donald II Bane/Bain*) становится королем Шотландии (ноябрь 1093 - май 1094, ноябрь 1094 - октябрь 1097). Он – сын Дункана I. После смерти Малькольма III Канмора началась яростная борьба за трон. Дональд Бэйн осадил Эдинбургский замок, взял его, и при поддержке шотландских кельтов и на основании их закона о выборности королей или вождей, он был номинальным королем, по крайней мере, в течение 6 месяцев. Он был изгнан Дунканом II, сыном Малькольма III, при помощи англичан и норманнов. Правление Дункана было очень коротким, поскольку Дональд Бэйн убил своего племянника и вновь воцарился на последующие три года. Эти года были свидетелями последней попытки кельтов утвердить короля и способ правления королевством в соответствии с их обычаями. – Последующая победа в бою сына короля Малькольма III и королевы Маргариты (внучки короля Англии Эдмунда II), Эдгара. – *Эдгар I Неукротимый* (1097-1107) – первый прямой преемственный король из династии Канморов. Около 1102 года он отправился в Крестовый поход в Святую Землю. Он был на стороне Роберта, герцога Нормандского, в его борьбе с Генрихом I за английскую корону. Эдгар был пленен Генрихом I в Битве при Тинчебрайе (28 сент. 1106 г.), затем освобожден, и провел остаток своей жизни в неизвестности. – Следующий король *Александр I Канмор* (1107-1124), брат Эдгара I. – Далее Шотландией правит *Давид I Святой* (1124-1153) *Канмор*, брат их обоих, один из самых могущественных Шотландских королей. – Следующий король *Малькольм IV Девственник* (1153-1165) *Канмор*, старший сын Генриха, графа Хантингдона и Нортумберленда, внук Давида (сын Давида не царствовал). – За ним следует *Вильям I Лев* (1165-1214) *Канмор*, второй внук Давида. – Далее правят: *Александр II* (1214-49) *Канмор*, сын Вильяма. *Александр III* (1249-86) *Канмор*, сын Александра II. Александр III оставил свое королевство независимым, объединенным и процветающим, и его правление считалось золотым веком шотландцев, втянутыми в долгую и кровавую борьбу с Англией после его смерти. Он погибает, упав с лошади. – Дочь его дочери, принцессы Маргариты, и короля Эрика II Норвежского, малолетняя внучка Александра III,

Маргарита («Норвежская Дева») (1286-90) до своего совершеннолетия объявлена временной правительницей Шотландии. – Однако она тоже погибает во время шторма, по пути из Норвегии в Шотландию. – Ею заканчивается династия Канморов.

Список литературы

1. Адо А.В. Крестьяне и Великая Французская революция. Крестьянские движения в 1789-94 гг. / А.В. Адо // 2-е изд. дораб. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 446 с.
2. Буржуазия и Великая Французская революция / Гусейнов Э.Е., Кожокин Е.М., Ревякин А.В., Туган-Барановский Д.М. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 214 с.
3. Литература Западной Европы раннего Средневековья / [Аверинцев С. С., Гаспаров М. Л., Мелетинский Е. М. и др.]. - История всемирной литературы: в 9 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, Т. 2, 1984.
4. Література західноєвропейського середньовіччя / [ред. Висоцька Н.О.]. — Вінниця: Нова книга, 2003. - 464 с. - С. 6-20.
5. Мак-Кензи, Агнес. Кельтская Шотландия. М., 2006. – С.118.
6. Новикова М.А., Тулуп Э.Р. Вильям Дунбар: лирическая драматургия и её мифоритуальные истоки / М.А. Новикова, Э.Р. Тулуп // Вестник Крымских литературных чтений: сборник научных статей и материалов. – Херсон: Изд-во ХГУ. 2011. - Вып. 8. - С. 94-99.
7. Новикова М.А., Тулуп Э.Р. Героические женщины-святые в истории и литературе Шотландии (эпоха Средневековья) / М.А. Новикова, Э.Р. Тулуп // В оправдание филологии: Сб. статей в честь юбилея проф. В.В.Федорова [гл. ред. В.М. Калинин]. - Донецк: Изд-во Донецк. нац. ун-та, 2011. – С. 80-87.
8. Новикова М.А., Тулуп Э.Р. Героические мотивы: люди Церкви / М.А. Новикова, Э.Р. Тулуп // Культура народов Причерноморья. – Симферополь : Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского. 2011. – Вып. 211. – С. 145-149.
9. Новикова, Марина. Міфи та місія / Марина Новикова. – К., 2005. – 432 с.
10. Новикова М.А. Патриотический дискурс: мифы и контр-мифы / М.А. Новикова // Світова література на перехресті культур і цивілізацій. Збірник наукових праць. Вип. 1. – Симферополь: Кримський Архів, 2008. – С.264-271.
11. Новикова М. А. Шотландии кровавая луна: Антология шотландской поэзии (с XIII-го века до века XX-го) / М. А. Новикова. – Симферополь, 2007. – 320 с.
12. Рыжов К. Все Монархи Мира. Россия. М., 1998.
13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4. М., 1940. (Переиздавался в 1947-1948 гг.); Репринтное издание: М., 1995; М., 2000.
14. Федосов Д. Г. Рожденная в битвах: Шотландия до конца XIV в. / Д. Г. Федосов. - М. - 1996. – 238 с.
15. Barrell, A.D.M. Medieval Scotland / A.D.M. Barrell. – Cambridge University Press, Cambridge, 2000. – Available at: <http://www.livrariacultura.com.br/.../index.asp?id...isbn=052158602X>
16. Duncan, A.A.M. The Kingship of the Scots 842—1292: Succession and Independence / A.A.M. Duncan. – Edinburgh University Press, Edinburgh, 2002. – Available at: www.abebooks.com/book-search/isbn/0748616268/
17. Haswell-Smith, Hamish. The Scottish Isles / Haswell-Smith Hamish. – Edinburgh, N.Y., Melbourne. 2004. – 518 p.
18. Scott, Tom (Ph.D.). The Penguin book of Scottish Verse. Introduced and edited by Tom Scott / Tom Scott // Lnd., 1976. – 519 p.

Тулуп Е.Р. **Есхатологічні мотиви героїчної поезії шотландського Середньовіччя** // *Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації»*. – 2014. – Т. 27 (66). № 1. Ч.1 – С.335-342

У статті розглядаються міфологічні/міфопоетичні мотиви героїчної поезії шотландського Середньовіччя. Матеріалом для апробації служить вірш невідомого автора (записано після 1300 р.) «Лиха Шотландії по смерті короля Олександра III, літа 1286».

Ключові слова: *міфологічні/міфопоетичні мотиви, релігійний/політичний/культурний субконтекст, антиміф, контрміф, героїчна поезія, середньовічна Шотландія.*

*Tulup E.R. **Eschatological motives of scottish middle ages heroic poetry** // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66). No 1.1 – P.335-342**

The paper presents mythological/mythopoetic motives of Scottish Middle Ages heroic poetry, with an anonymous author's poem (c. 1300) "Scotland's condition after Death of Alexander III in 1286" as a material for approbation. The theoretical aspects of national-patriotic discourse that are more discussed and less studied are being considered.

Such key aspects as: 1) national self-identification of both poets of Scotland and the personages of their poetry; 2) textual forms have been researched. Contextual, thesaurus and mythological/mythopoetic methods of analysis have been used. The key concepts by which any kind of literary text might belong to national-patriotic discourse have been pointed out. The specific text elements within which the pointed concepts are manifested have been turned out. Several theoretical problems have been outlined. Patriotic national self-consciousness is based first of all on the concepts "Motherland" and "folk". The choice of text realia, meaningful names, leitmotive symbols and their position in the text are being discussed.

Keywords: *mythological/mythopoetic motives, religious/political/cultural subcontext, anti-myth, countermyth, heroic poetry, medieval Scotland.*

Поступила в редакцію 12.05.2014 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алиева
Васфие Николаевна** кандидат филологических наук, доцент факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
- Асанова
Алие Энверовна** аспирантка кафедры начального образования психолого-педагогического факультета РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым
- Балашова
Любовь Викторовна** доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия
- Белова
Елена Александровна** аспирантка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
- Блинова
Ирина Анатольевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры практики речи и информационных технологий Горловского института иностранных языков Государственного высшего учебного заведения «Донбасский государственный педагогический университет», г. Горловка, Украина
- Богданович
Галина Юрьевна** доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, директор Крымского научно-методического центра управления образованием НАПНУ, г. Симферополь, Республика Крым
- Борисов
Павел Борисович** студент факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
- Борисова
Людмила Михайловна** доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
- Ванина
Анна Викторовна** кандидат филологических наук, доцент Запорожского национального университета, г. Запорожье, Украина
- Велилаева
Лилия Раимовна** аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Володченко
Ольга Николаевна** кандидат наук по социальным коммуникациям, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
- Грозян
Нина Фёдоровна** кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой украинской филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым
- Девлетов
Ремзи Рефикович** доктор педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Крымского научно-педагогического центра управления образованием НАПНУ, г. Симферополь, Республика Крым
- Дементьев
Вадим Викторович** доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия
- Демидова
Татьяна Валериевна** кандидат филологических наук, преподаватель Краснодарского архитектурно-строительного техникума, г. Краснодар, Россия
- Дехтярева
Елена Витальевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры украинского языка факультета украинской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
- Диброва
Сергей Михайлович** старший преподаватель кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
- Дорофеенко
Марина Леонидовна** аспирантка Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь
- Егорова
Людмила Геннадиевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
- Жадлун
Маргарита Игоревна** аспирантка кафедры общего и русского языкознания факультета украинской и иностранной филологии и искусствоведения Днепропетровского национального университета имени Олеса Гончара, г. Днепропетровск, Украина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зирка Вера Васильевна	доктор филологических наук, профессор Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля; заведующая Днепропетровским отделением Центра научных исследований и преподавания иностранных языков НАН Украины, г. Днепропетровск, Украина
Иванова Людмила Петровна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина
Иванова Ирина Игоревна	магистр факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Ильина Елена Николаевна	доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного педагогического университета, г. Вологда, Россия
Казарин Владимир Павлович	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Каика Наталья Евгеньевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и культуры Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина
Каниболоцкая Ольга Анатольевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры преподавания второго иностранного языка факультета иностранной филологии Запорожского национального университета, г. Запорожье, Украина
Карпенко Анна Владимировна	кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков социально-экономических факультетов Таврического национального университета имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Кассина Татьяна Андреевна	кандидат филологических наук, доцент Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Коновалова Елена Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Кравченко Наталья Кимовна	доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания и новогреческой филологии Киевского национального лингвистического университета, г. Киев, Украина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецова Надежда Владимировна	кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языковой подготовки ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины», г. Днепропетровск, Украина
Ларина Анна Андреевна	студентка факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Лисова Инна Александровна	аспирантка кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь
Лучканин Сергей Мирославович	доктор филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и классической филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина
Мамутова Зекие Суфьяновна	кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, декан факультета крымскотатарской и турецкой филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым
Марченко Елизавета Александровна	магистр кафедры русского языка Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина
Машенко Александр Петрович	кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Мезенко Анна Михайловна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь
Мельник Юлия Анатольевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Мозговой Владимир Иванович	кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и хозяйственного права Учебно-научного института «Высшая школа экономики и менеджмента» ГВУЗ «Донецкий национальный технический университет», г. Донецк, Украина
Новикова Марина Алексеевна	доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым

Новоселова Ольга Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Тверская государственная сельскохозяйственная академия», г. Тверь, Россия
Орлова Анна Геннадиевна	магистр кафедры романской филологии, испанское отделение, факультета иностранной филологии Запорожского национального университета, г. Запорожье, Украина
Павловская Ольга Евгеньевна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и речевой коммуникации Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар, Россия
Панченко Елена Ивановна	доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Пикалова Анна Николаевна	аспирантка Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Плахтий Анастасия Александровна	соискатель кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Пономаренко Ирина Николаевна	доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия
Регушевская Ирина Анатольевна	ассистент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Ресутова Эльвира Илимдаровна	аспирантка факультета крымскотатарской и турецкой филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым
Романов Алексей Аркадьевич	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Тверская государственная сельскохозяйственная академия», г. Тверь, Россия
Семенова Елена Валентиновна	кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Горловского института иностранных языков Государственного высшего учебного заведения «Донбасский государственный педагогический университет», г. Горловка, Украина
Серегина Ирина Александровна	аспирантка кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Сургутского государственного университета, г. Сургут, Россия

Сидельников Валентин Павлович	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина
Синельникова Лара Николаевна	доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина
Сорока Виктор Николаевич	аспирант кафедры телевидения и радиовещания Института журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина
Суворова Светлана Леонидовна	доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого языка и методики его преподавания, профессор ФГБОУ ВПО «Шадринский государственный педагогический институт», г. Шадринск, Россия
Сурган Марина Александровна	аспирантка кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Тейфюк Эмиле Решатовна	магистр факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Титаренко Майя Валериевна	аспирантка Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина
Тукова Татьяна Владимировна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Донецкого национального университета, г. Донецк, Украина
Тулуп Эльзара Рефатовна	кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь, Республика Крым
Федотова Светлана Игоревна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и татарского языков Казанского государственного медицинского университета, г. Казань, Россия
Фирсова Ирина Владимировна	старший преподаватель кафедры французской филологии Горловского института иностранных языков Государственного высшего учебного заведения «Донбасский государственный педагогический университет», г. Горловка, Украина
Чевела Ольга Всеволодовна	доктор филологических наук, профессор Казанской духовной семинарии Казанского государственного медицинского университета, г. Казань, Россия

Чудинов Анатолий Прокопьевич	доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной Академии наук педагогического образования, зав. кафедрой риторики и межкультурной коммуникации Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург, Россия
Шепель Юрий Александрович	доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и лингвистической подготовки иностранцев Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина
Щербачук Лидия Фёдоровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языкознания факультета украинской филологии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым
Ященко Татьяна Антоновна	доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. МИРОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ. ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....3

Богданович Г.Ю., Коновалова Е.А.
О языковой норме, эволютивистике и ноосферном мышлении.....3

Коновалова Е.А.
Функционирование русско-украинского билингвизма в Крыму.....10

Лучканин С.М.
Дискуссионные проблемы румынского этно- и глоттогенеза
в контексте политико-идеологических факторов
и румыно-венгерской межкультурной
коммуникации в Трансильвании.....20

Сидельников В. П., Марченко Е. А.
Некоторые особенности метаязыка современной лингвистики.....25

Тукова Т.В.
Части речи в курсе грамматики.....30

Шепель Ю.А.
Эволюция словообразовательных рядов в контексте межкультурной
коммуникации (функциональный аспект).....35

РАЗДЕЛ 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ.....40

Алиева В.Н., Ресутова Э.И.
Мотивированность в словообразовательном
калькировании крымскотатарского языка.....40

Балашова Л.В.
Россия в 2012 сквозь призму концептуальной метафоры.....47

Ваніна Г.В.
Ціннісні характеристики концепту PR / ПІАР / ПІАР:
методика дослідження.....50

Грозьян Н. Ф.
Идеографический и психосемантический аспекты
отображения корыстолюбия человека
(на украинском фразеологическом материале).....55

<i>Дехтярьова О. В.</i> Діалектна фразеологія в художніх текстах як відображення вірувань українського народу.....	61
<i>Діброва С.М., Ларіна Г.А.</i> Колористика у творчості Т. Г. Шевченка.....	66
<i>Дорофеевко М. Л.</i> Виконимное информационное поле «Историческое время»: особенности структуры.....	70
<i>Каіка Н.Є.</i> Міжмовні силенціальні фразеологічні еквіваленти.....	76
<i>Карпенко А.В.</i> Специфика и многообразие символических форм в контексте языковой картины мира.....	81
<i>Кузнецова Н.В.</i> Особенности построения семантического поля медицинских наименований в повести Бориса Могилевского «Жизнь Мечникова».....	89
<i>Лисова И.А.</i> Неофициальный именник жителей Белорусского Поозерья в этнолингвистическом аспекте.....	95
<i>Мозговой В. И.</i> Стили через призму языковой модели управления.....	100
<i>Павловская О.Е., Демидова Т.В.</i> Речевая репрезентация концепта <i>Родина</i> студентами среднего профессионального образования (СПО).....	106
<i>Панченко О. І.</i> Фразеологізми з компонентом-зоонімом в українській та англійській мовах.....	111
<i>Плахтий А.А.</i> Лингвистические средства воплощения концепта <i>Англия</i>.....	115
<i>Регушевська І. А.</i> Значення основних віх у розвитку норм української мови.....	119
<i>Романов А.А., Новоселова О.В.</i> Габитусные координаты менасивности.....	124

<i>Титаренко М.В.</i>	
Невербальные знаки, отображающие социальный статус в русской и американской культуре конца 19 – начала 20 веков на материале рассказов (А.П. Чехова и О'Генри).....	129
<i>Щербачук Л. Ф.</i>	
Харчовий код культури в контексті української фразеології.....	134
РАЗДЕЛ 3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗВИТИЕ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ. ОПИСАНИЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА. ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	
139	
<i>Сурган М. А.</i>	
К вопросу об объеме наречия как части речи в современном русском языке.....	139
<i>Мельник Ю. А.</i>	
Цитата как начальный этап вхождения прецедентного высказывания в систему языка.....	145
<i>Тейфюк Э.Р.</i>	
Механизм описания междометного словообразовательного гнезда.....	152
<i>Чудинов А.П., Серегина И.А.</i>	
«Дом» и «Дорога» как смысловые сферы-источники метафорической репрезентации политических событий.....	158
<i>Яценко Т. А.</i>	
Этическая составляющая культурного концепта <i>Цель</i>.....	165
РАЗДЕЛ 4. ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ. ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЕЙШИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	
170	
<i>Асанова А. Е.</i>	
Мовна гра як прийом формування перекладацької компетенції майбутнього вчителя української мови у початковій школі.....	170
<i>Девлетов Р.Р.</i>	
Лингвопедагогические условия подготовки будущих учителей начальных классов к проведению словарной работы.....	176
<i>Иванова Л. П.</i>	
О целесообразности спецкурса по лингвоимагологии в системе подготовки филолога и журналиста.....	182

<hr/>	
<i>Kanibolotskaya O.</i>	
Features of formation of secondary foreign language picture of the world in the process of second foreign language learning in universities.....	188
<i>Мамутова З.С.</i>	
Обучение крымскотатарской лексике учащихся 5-6 классов на лингвокультурологической основе.....	194
<i>Орлова Г. Г.</i>	
Дискусія як інтерактивний засіб активізації пізнавальної діяльності студентів мовних спеціальностей у вищій школі (на матеріалі іспанської мови).....	199
РАЗДЕЛ 5. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ. ТЕКСТ. ДИСКУРС. ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА.....	203
<i>Блинова І. А.</i>	
Мовна гра як засіб створення комічного ефекту (на матеріалі творчості Мюріел Спарк).....	203
<i>Велилаева Л. Р.</i>	
Эмиграция и типология понятия «писатель-эмигрант» в современном эмиграционном дискурсе.....	209
<i>Дементьев В.В.</i>	
Использование методов корпусной лингвистики в изучении речевых жанров.....	214
<i>Жадлун М. И.</i>	
Воплощение идеи «ВОДА – ВРЕМЯ» в поэзии М. Цветаевой.....	222
<i>Зірка В.В.</i>	
Вплив, сугестія, маніпуляція в рекламі: лексичні дослідження, прийоми та методи перекладу.....	227
<i>Ильина Е.Н.</i>	
Проблемы изучения диалектной языковой личности.....	232
<i>Кассина Т.А.</i>	
Текст как культура: русский язык в польской аудитории.....	236
<i>Кравченко Н.К.</i>	
Таксономія дискурсивних параметрів відповідно до рівнів стратифікації дискурсу.....	240
<i>Мезенко А. М.</i>	
Особенности ономастических фоновых знаний о Витебске у студентов-иностранцев.....	245

<i>Пономаренко И.Н.</i> Нормативный аспект языковой личности российского госслужащего.....	250
<i>Суворова С.Л.</i> Иноязычное образование в контексте межкультурной коммуникации.....	254
<i>Федотова С.И.</i> Использование принципа формализации при изучении специальных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному.....	259
<i>Чевела О.В.</i> Калькирование: способ осмысления оригинала или переводческий принцип.....	264
РАЗДЕЛ 6. ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ. КУЛЬТУРА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ. РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ. РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ.....	269
<i>Пикалова А. Н.</i> Способы речевого воздействия лектора.....	269
<i>Семенова О. В., Фірсова І. В.</i> Мовленнєвий етикет та культура спілкування.....	274
<i>Синельникова Л.Н.</i> Аргументалистика в контексте проблем эффе́ктивного речевого общения.....	279
РАЗДЕЛ 7. СОВРЕМЕННОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	287
<i>Богданович Г. Ю., Егорова Л. Г., Иванова И. И.</i> Роль коммунальных газет в информационном пространстве Крыма.....	287
<i>Володченко О. Н.</i> Общие и отличительные признаки разных видов медиатекстов.....	296
<i>Мащенко А. П.</i> Воссоединение Крыма с Россией в освещении «Вашингтон пост».....	302
<i>Сорока В.М.</i> Сучасні тенденції розвитку журналістських стандартів на українському телебаченні.....	313

РАЗДЕЛ 8. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС.....	319
<i>Белова Е. А.</i> Авангардное в поэтике «Нового Горького» (портрет в романе «Жизнь Клима Самгина»).....	319
<i>Борисова Л.М., Борисов П.Б.</i> Достоевский в социально-философском подтексте сказа Л. Леонова «Деяния Азлазивона».....	324
<i>Казарин В. П., Новикова М. А.</i> Стихотворение А. А. Ахматовой «Вижу выцветший флаг над таможенной...» (Опыты реального комментария).....	330
<i>Тулуп Э.Р.</i> Эсхатологические мотивы героической поэзии шотландского Средневековья.....	335
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	343
СОДЕРЖАНИЕ.....	350

